РОССИЯ ПОЛЬША ГЕРМАНИЯ в европейской и мировой политике

XVI–XX вв.

Издательство «Индрик»

inslav

Российская академия наук
Институт славяноведения

Смоленский государственный педагогический университет

РОССИЯ ПОЛЬША ГЕРМАНИЯ в европейской и мировой политике

XVI–XX вв.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНДРИК»
Москва 2002

inslav

УДК 94(4)
ББК 63.3(4)
Р 76

Издание осуществлено при финансовой поддержке Фонда им. Фридриха Эберта (Германия)

Ответственные редакторы:
кандидат исторических наук *Б. В. Носов*
профессор *Ю. Е. Ивонин*

Россия, Польша, Германия в европейской и мировой политике XVI–XX вв. — М.: «Индрик», 2002. — 424 с.

ISBN 5–85759–209–7

Сборник статей на основе материалов одноименной международной научной конференции, состоявшейся в Смоленске в июне 2001 г. В нем анализируются важнейшие проблемы истории взаимоотношений России, Польши и Германии в Новое и Новейшее время, роль указанных стран в системе международных отношений, общественные и культурные связи между ними. Исследуется становление и эволюция международных отношений как системы и ее влияние на процессы внутреннего развития отдельных стран и Европы в целом. Красной нитью через представленные в сборнике статьи ученых из Германии, Польши, Белоруссии и России проходит мысль об обусловленной историческим опытом потребности во всестороннем сотрудничестве народов наших стран, открывающем им путь в мирное будущее.

© Институт славяноведения, 2002
© Издательство «Индрик», 2002

ISBN 5–85759–209–7

inslav

СОДЕРЖАНИЕ

Б. В. Носов. ПРЕДИСЛОВИЕ. Международная научная конференция «Россия, Польша, Германия в европейской и мировой политике XVI–XX вв.». Смоленск, 25–27 июня 2001 г. 5

Ю. Е. Ивонин. ВВЕДЕНИЕ. Россия, Германия, Польша: истоки конфликтов и поиски путей примирения 11

Хайнц Шиллинг (Берлин). Становление европейских государств раннего Нового времени и формирование политической системы их взаимоотношений как системы держав современной Европы (*Перевод с немецкого Н. Богаевой*) 19

Альмут Буэс (Варшава). Курляндское герцогство и борьба за господство в Прибалтике в XVI–XVIII вв. (*Перевод с немецкого Б. Носова*) 39

Л. И. Ивонина (Смоленск). Политическая мода и политическая необходимость: к вопросу о восприятии внешней политики Людовика XIV в Польше и России 62

К. А. Кочегаров (Москва). Договор о вечном мире 1686 г. между Россией и Речью Посполитой в русской историографии 74

Войцех Кригзайзен (Варшава). Положение протестантов в Речи Посполитой в освещении немецких периодических изданий XVIII в. (*Перевод с польского Л. Марней*) 99

Хайнц Духхардт (Майнц). Россия в представлении Фридриха Великого (*Перевод с немецкого Б. Носова*) 125

Б. В. Носов (Москва). Речь Посполитая между Россией и Пруссией в 1764–1766 гг. (от коронации Станислава Августа до сейма 1766 г.) 139

Ю. Е. Ивонин (Смоленск). Поворот Вены и Берлина к разделам Польши (Старая империя и территориальные государства Германии от Тешенского мира до Княжеского союза 1785 г.) 169

Зофья Зелиньска (Варшава). Российский посол в Речи Посполитой Отто Штакельберг и польская политика России во время войны за баварское наследство (*Перевод с польского М. Леньшиной*) 190

С. М. Фалькович (Москва). Польское национально-освободительное движение между панславизмом и пангерманизмом (конец XVIII – начало XX в.) 228

inslav

Т. Н. Гелла (Орел). Россия и Германия во внешнеполитических планах английских политических кругов на рубеже XIX–XX вв. 243

А. А. Гугнин (Новополоцк). Отражение в культуре XIX–XX вв. исторического опыта взаимоотношений народов Германии, России и Польши (Несколько методологических тезисов) 252

С. В. Артамошин (Брянск). Проблема «расширения на Восток» в политической мысли Германии 20–30-х гг. XX в. 256

О. Ю. Пленков (Санкт-Петербург). Идеологические основания и практика нацистской геополитики в Восточной Европе 263

Павел Вечоркевич (Варшава). О степени советской и немецкой угрозы и ее влиянии на политику Польши в области обороны в 1921–1939 гг. (*Перевод с польского В. Волобуева*) 274

С. В. Кретинин (Воронеж). Немецкая социал-демократия в Польше в 1918–1939 гг.: к истории партии национального меньшинства 297

С. З. Случ (Москва). Польша в политике Третьего рейха накануне Второй мировой войны (1938–1939 гг.) 305

Е. Л. Валева (Москва). Советско-германское противоборство на Балканах в контексте международных отношений накануне и в начале Второй мировой войны 353

Эугениуш Дурачиньски (Варшава). Германия Гитлера и Россия Сталина в польской политике (некоторые вопросы) 369

М. И. Рабинович (Смоленск). Катынь, Красный Бор: малоизвестные подробности известных событий 389

В. К. Волков (Москва). Распад СССР и международный кризис на Балканах: к вопросу о становлении «нового мирового порядка» 398

Сведения об авторах 422

inslav

Б. В. Носов

ПРЕДИСЛОВИЕ

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «РОССИЯ, ПОЛЬША, ГЕРМАНИЯ В ЕВРОПЕЙСКОЙ И МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ XVI–XX вв.» СМОЛЕНСК, 25–27 ИЮНЯ 2001 г.

На рубеже нового века и нового тысячелетия взаимоотношения Германии, Польши и России привлекают пристальное внимание европейской общественности. И такой интерес отнюдь не случаен. Заключительное десятилетие XX в. ознаменовалось в названных странах кардинальными общественно-политическими переменами. Объединение Германии, свержение в Польше коммунистического режима, распад СССР и становление новой России — все это повлекло за собой изменение облика Европы. Новое содержание и характер приобрели международные отношения. Сформировалось новое экономическое, политическое и культурное пространство. Расширяются рамки Североатлантического союза. Широко обсуждается вопрос о приеме новых членов в Европейский союз.

На развитие указанных процессов принципиальное влияние оказывают взаимоотношения Германии, Польши и России. Как и в течение предшествовавших четырех веков, политика названных стран оказывает существенное влияние на ситуацию в Европе и в мире. Следует подчеркнуть, что прошлое, исторический опыт наших народов оказывает глубокое воздействие на характер политических процессов сегодняшнего дня.

Неразрывная связь истории и современности была в центре внимания участников Международной научной конференции «Германия, Польша, Россия в европейской и мировой политике XVI–XX вв.», состоявшейся 25–27 июня 2001 г. в Смоленске. Ее организаторами выступили Смоленский государственный педагогический университет и Институт славяноведения Российской академии наук. Организационную и финансовую поддержку в проведении конференции оказал Фонд им. Фридриха Эберта (Германия). На конференции выступили с докладами и приняли участие в дискуссии ученые из Белоруссии, Германии, Польши, России, Украины, представитель Фонда Эберта в России, а также представители администрации Смоленской области, общественные деятели, предприниматели, студенты и преподаватели

instav

смоленских вузов, корреспонденты смоленского радио и телевидения, смоленских газет, освещавшие работу конференции. Среди выступавших с докладами и в дискуссии были ученые из Брянска, Воронежа, Киева, Москвы, Новополоцка, Смоленска.

Символично и то, что названная конференция проводилась в Смоленске – старинном русском городе, основанном в верховьях Днепра на пути «из Варяг в Греки». Его тысячелетняя история запечатлела как примеры трагических конфликтов между нашими странами, так и опыт плодотворного хозяйственного и культурного сотрудничества. И сегодня Смоленская область – регион с развитой промышленностью, сельским хозяйством, центр науки и просвещения – обладает богатым потенциалом для развития многостороннего сотрудничества со своими западными соседями. Об этом, в частности, говорили приветствовавшие участников конференции вице-губернатор Смоленской области Р. И. Захаренкова, председатель Комитета по науке и технике областной администрации профессор А. А. Стерлягов, руководитель экспедиции Института археологии НАН Украины С. А. Воронов и другие выступавшие.

Программа первого дня конференции была открыта циклом докладов, объединенных общей темой: «Россия, Польша, Германия в Европе Нового времени XVI–XVIII вв.». В докладах Л. И. Ивониной (Смоленск) и Х. Духхардта (Майнц) была поставлена проблема соотношения объективного содержания и субъективного восприятия политики великих держав на Западе и на Востоке Европы. Докладчики сосредоточили свое внимание на вопросе о влиянии менталитета политической элиты на формирование системы международных отношений, на выработку политической стратегии и тактики. В дискуссии было отмечено, что сложившиеся еще в эпоху раннего Нового времени политические стереотипы сохранились до наших дней, что идеи о «Духе» русской, польской или германской нации нередко становятся факторами и современной политики, при этом старые доктрины строительства политических барьеров существенно затрудняют установление взаимопонимания между народами.

В докладах А. Буэс (Варшава) и Б. В. Носова (Москва) были рассмотрены проблемы истории Курляндии и Речи Посполитой XVII–XVIII вв. в широком контексте общественно-политической полемики и дискуссии в историографии о причинах политического упадка институтов сословно-представительной монархии и шляхетской демократии на востоке Европы, о борьбе за наследие Ливонского ордена, о предпосылках, обусловивших разделы Польши. Обсуждение поставленных вопросов показало особое значение диалектического единства внутренних и внешних факторов европейского политического про-

inslav

цесса. Участники дискуссии подчеркивали, что политика реформ, проводимая в отдельных странах, как это было в XVIII в. в Пруссии, в Польше и в России, определяется не только внутренними условиями отдельных государств, но во многом и международной ситуацией, причем в отдельных случаях международное положение приобретало решающее значение и как фактор внутренней политики. Было отмечено, что с углублением всесторонних международных связей указанное значение все более возрастает. Также было высказано мнение, что на современном этапе позиции национальных историографических школ и политических наук сближаются в этом вопросе, а в наши дни проведение назревших реформ в отдельных странах все более рассматривается как составная часть общеевропейского политического процесса.

Следующий круг проблем, рассмотренных на конференции, был связан с эпохой от Великой французской революции до конца Первой мировой войны. Этот период был определен в программе как время заката великих империй и торжества принципа национальности. Однако в заслушанных докладах и в дискуссии участники конференции избрали новаторское направление в исследовании поставленных проблем. В частности, было отмечено, что в XIX в. резко возрастает потенциал коммуникаций между народами европейских стран. Красной нитью через все доклады проходила мысль о значении непосредственных и опосредованных человеческих контактов как импульсов политического и культурного развития. На это указывали А. А. Гугнин и З. М. Гугнина (Новополоцк), говоря о восприятии русской культуры в Германии, Т. Н. Гелла (Орел) — рассматривая вопрос о формировании общественного мнения как особого фактора международных отношений. С. М. Фалькович (Москва) показала, как непосредственное участие поляков в общественной жизни Австрии, Германии, России, Франции повлияло на характер идеологии польского освободительного движения.

Второй и третий дни работы конференции были посвящены анализу места России, Польши и Германии в мировой политике XX в., итогам и перспективам взаимоотношений наших стран. Рубежами в эволюции этих отношений стали две мировые войны. Как подчеркивали докладчики и выступавшие в дискуссии, вопрос о причинах Второй мировой войны имеет исключительное и отнюдь не только научное значение. Исторический опыт последней мировой войны является одним из оснований современной политики международной безопасности и поддержания мира, оказывает решающее влияние на формирование антивоенного общественного сознания. Наконец, осмысление этого опыта сыграло немалую роль в примирении России, Польши и Германии. Однако в современных международных отношениях нередко проявляются тенденции, которые уже сыграли свою негативную

instav

роль в 1919–1939 гг. Эти тревожные явления и стали в первую очередь предметом анализа на конференции.

Заслушанные доклады по данной проблематике можно было условно разделить на две группы. Во-первых, о месте Польши в международных отношениях «между Гитлером и Сталиным». Этой теме были посвящены доклады П. Вечоркевича (Варшава), С. В. Кретинина (Воронеж), В. Н. Сиянова (Орел), а также С. З. Случа (Москва) и Е. Л. Валевой (Москва). Во-вторых, об эволюции идеологических концепций и практики восточной политики Германии. Анализ названных проблем содержался в докладах С. И. Артамошина (Брянск) и О. Ю. Пленкова (Санкт-Петербург).

В дискуссии по вопросам, поставленным в указанных докладах, отмечалось, что тенденция «негативной польской политики» (понятие введено в историографию К. Цернаком) имеет длительную историческую традицию. Суть этой политики состояла в стремлении великих держав, в первую очередь России и Пруссии, а затем и Германии, к урегулированию взаимных противоречий за счет Польши. Такой курс нашел выражение в целом ряде разделов польского государства. Несмотря на разногласия между учеными о соответствии определения «разделы Польши» событиям XIX и XX вв., следует признать, что названная тенденция представляла собой постоянно действующий вектор российской и германской политики. Вместе с тем столкновение мнений и оценок на конференции вызвал вопрос о том, насколько «негативная польская политика» проявилась после Второй мировой войны в результате Ялтинских соглашений и послевоенного урегулирования в Европе. Было отмечено, что разделение Европы на два противостоящих блока, раскол Германии и включение Польши в сферу господства СССР, с точки зрения геополитики и системного анализа международных отношений, типологически представляет собой аналогию территориальному разделу Европы в предшествующие периоды. Возражая против приведенной концепции, некоторые участники дискуссии подчеркивали, что территориальный раздел Европы в 1919 г. уже содержал в себе элементы политической системы, в полной мере сформировавшейся после 1945 г. Новые границы в Европе и раздел континента на сферы влияния противостоявших друг другу военных блоков явились только внешним проявлением противоречия между демократической системой, основанной на экономическом и политическом плюрализме, и тоталитарной структурой общества в пределах советского блока. Особенностью названного противоречия было острое идеологическое противостояние двух мировых систем, которое только подчеркивало качественное отличие международных отношений 1919–1990 гг. от предшествовавшего и последующего периодов.

inslav

В контексте развернувшейся дискуссии особое место принадлежало докладу Э. Дурачиньского (Варшава) «Политика польского правительства в отношении Германии и СССР 1939–1945 гг.». В нем, в частности, были проанализированы взгляды руководителей польского некоммунистического сопротивления по вопросам послевоенного урегулирования в Центральной Европе и создания в регионе федеративного государства на основе союза Польши и Чехословакии. Автор показал, как стратегия лидеров антигитлеровской коалиции вступила в противоречие с планами руководителей малых европейских государств, предвосхитив тем самым разделение Европы на противостоящие военные блоки.

Дискуссия по поставленным проблемам в их современном актуальном звучании была продолжена на «круглом столе» «Перспективы взаимоотношений Германии, Польши и России — тенденции и формы развития сотрудничества». В ней приняли участие представители общественности Смоленска, студенты и преподаватели смоленских вузов, корреспонденты Смоленского радио и газеты «Смоленские новости». Во вступительном слове ведущего профессор Ю. Е. Ивонин отметил, что в истории наших стран имели место как периоды конфронтации, так и сотрудничества. По его словам, осмысление позитивного опыта необходимо, чтобы избежать ошибок и найти оптимальный путь к взаимопониманию. Б. В. Носов добавил к этому, что уроки истории для наших стран свидетельствуют, что наибольшие успехи в политике были достигнуты Германией, Польшей и Россией, когда они действовали согласованно в интересах мира. С другой стороны, самые тяжелые поражения приходились на их долю в периоды военного противостояния. Положительными примерами в этой области может служить политика «разрядки» начала 1970-х гг. и взаимопонимание на рубеже 1980–1990-х гг.

Д-р Петер Шульце поставил вопрос об интернационализации современной политики на примере основных этапов европейской интеграции. Вместе с тем он подчеркнул, что в настоящий момент европейские страны стоят перед выбором пути в будущее. По его словам, существующая модель Европейского союза более не соответствует задачам дальнейшего расширения единой Европы и процессам глобализации мировой экономики, что приводит к противоречиям между «старыми» и «новыми» членами ЕС, а также теми странами, которые намерены вступить в единую Европу. Одним из путей решения возникших проблем могло бы быть развитие экономической интеграции в рамках свободного рынка при оптимальном ограничении сфер взаимных политических обязательств и социальной ответственности.

inslav

Заключительное заседание конференции проводилось в Мемориальном комплексе «Катынь». Были заслушаны доклады В. К. Волкова (Москва) «Становление „нового мирового порядка“ и новые тенденции во взаимоотношениях России, Польши и Германии на современном этапе», Ю. Е. Ивонина (Смоленск) «Россия, Польша, Германия: истоки конфликтов и поиски путей примирения», Н. И. Рабиновича (Смоленск) «Смоленск – Катынь – Красный Бор: малоизвестные события и подробности».

В Катыни, где трагические события Второй мировой войны оставили тяжелый след в памяти народов наших стран, с особой силой прозвучало единодушное мнение участников конференции, что прошлое не может быть предано забвению, однако оно не должно стать питательной почвой для семени вражды. Общая скорбь должна объединить людей для строительства безопасного и более справедливого мира.

inslav

Ю. Е. Ивонин

ВВЕДЕНИЕ

РОССИЯ, ГЕРМАНИЯ, ПОЛЬША: ИСТОКИ КОНФЛИКТОВ И ПОИСКИ ПУТЕЙ ПРИМИРЕНИЯ

Размышляя над вынесенной в заглавие проблемой, мы вполне отдаем себе отчет в том, что какие-то соображения и наблюдения окажутся не вполне точными, а какие-то могут как вызвать возражения «узких» специалистов, так и встретить неприятие в отдельных течениях общественного мнения. Нельзя не признать, что над каждым из историков, занимающихся крупными политическими проблемами, довлеет груз традиций, историографических школ, национальных и политических предубеждений, наконец, субъективные научные и человеческие пристрастия. Представленные вниманию читателя суждения стали результатом многолетних наблюдений и размышлений, находок и ошибок, избавления от предубеждений и в какой-то мере итогом собственных исследований по истории международных отношений в Западной и Центральной Европе.

Занимаясь Средневековьем и ранним Новым временем, нельзя не соотносить свои исследования с современностью и вместе с тем не видеть в прошлом истоки многих конфликтов уже ушедшего XX столетия. Наследие минувшего накладывает свой отпечаток не только на политику императоров, царей, королей, князей, президентов, канцлеров или же партийных вождей, но еще в большей степени на отношения между народами, между людьми, теми, кого мы часто, не очень-то вдумываясь в содержание этих слов, называем массами, народом, населением, простыми людьми. Если, скажем, политики, демонстрируя нарочитое, нередко показное, расположение друг к другу, бывают движимы рациональными интересами, то в массовом сознании, часто независимо от этого, не то что на десятилетия, но и на столетия остается образ врага, угнетателя, завоевателя, оккупанта. Недоверие и подозрительность сохраняются в сознании многих поколений. Кроме того, характерная для сознания жителей замкнутых обществ, маленьких провинциальных городов, деревень нелюбовь к чужакам усугубляется памятью о завоевателях, проходивших через их местности и совершавших там насилия. Отсюда становится понятным происхо-

insiav

ждение в массовом сознании наших народов недоверия к соседям, т. н. русо-, полоно- или германофобии. Ощущение исходящей извне враждебности поддерживалось не только правительственной пропагандой во времена обострения отношений и войн, но и идеологическими расхождениями и стереотипами, а также идейным влиянием националистически настроенной интеллигенции.

Преодоление взаимного отчуждения также представляет собой длительный и сложный процесс. Лишь постоянные контакты в экономической сфере, взаимообмен и взаимообогащение достижениями культуры и науки, постоянные контакты между людьми, невзирая на многочисленные трудности и предубеждения, национальные, религиозные и культурные различия, дают возможность понять вред враждебности и изолированности, ксенофобии, национализма и агрессивности в отношениях между народами.

Тысячелетний опыт взаимоотношений России, Германии и Польши свидетельствует, что тяжелое наследие прежних обид и открытой вражды не может и не должно препятствовать сохранению мира в Европе, установлению между странами и народами нашего континента всестороннего равноправного и взаимовыгодного сотрудничества. Сейчас часто говорят и пишут о балканских проблемах, так сказать, о «пороховом погребе» на Балканах, о глобальной угрозе международного терроризма. Однако нельзя забывать и о том, что земли Германии, Польши и России (а заодно Белоруссии и Украины), открытые для широких военных вторжений, часто являлись плацдармами для агрессии и завоеваний, что именно здесь в XX веке разворачивались решающие для судеб Европы и мира войны и революции.

Создание разного рода «восточных барьеров» и «коридоров», возникновение идей регионального, европейского и мирового господства (в разных вариантах и в различной идеологической упаковке) превратило Центральную и Восточную Европу в поле ожесточенных сражений, в самый опасный для судеб мировой цивилизации ареал. Достаточно вспомнить, что наиболее значительные жертвы и разрушения в двух мировых войнах имели место на пространстве от Берлина до Москвы.

I

Отношения русских, германских и польских земель в течение IX–XV вв. во многом определялись процессом феодальной колонизации. Начиная с XVI в. интенсивность взаимоотношений между Россией, Германией и Польшей все более возрастает. С этого времени в Европе на месте средневекового конгломерата монархий, княжеств и иных

inslav

суверенных и вассальных феодальных владений возникает система государств. Тогда же локальные политические и военные конфликты между отдельными странами приобрели общеевропейскую обусловленность и значение. С этого же времени в политическую жизнь Европы вступает Московское государство, которому пришлось столкнуться с изменившимися реалиями политической и религиозной жизни, с новым историческим и политическим опытом, к которому надо было приспосабливаться после двух с половиной столетий изоляции от Европы в результате татаро-монгольского ига.

Отношения между Россией, Германией и Польшей XVI–XVII вв. не укладываются, конечно, в рамки современных понятий. Их субъектами были Священная Римская империя, Речь Посполитая и Московское царство. Их связи характеризовались не только комплексом межгосударственных отношений, но и противоречиями между конфессиями, особенно в эпоху Реформации и Контрреформации, современным наследием которых являются униатство и до сих пор не преодоленные идеологические и догматические расхождения между католической и православной церквями, а также протестантами различных направлений. Наконец, нельзя не отметить многочисленные трудности во взаимоотношениях различных народностей, населявших эти государства, особенно в пограничных областях, нередко переходивших из рук в руки.

Уже здесь, т. е. в Поморье, в Восточной Пруссии, в землях Ливонского ордена, в Западной Руси начинают закладываться очаги постоянных конфликтов, противоречий и территориальных претензий как следствия совершенных ранее территориальных захватов, феодальной экспансии и разного рода династических союзов, связанных с историей Великого Княжества Литовского, Герцогства Прусского и ряда соседних государств. И вслед за современниками идеологи и историки последующих поколений нередко приносили историческую правду в жертву амбициям правителей, национальным чувствам или же субъективно истолкованной политической целесообразности.

Достаточно привести совсем уж курьезный пример, связанный с отмеченным недавно Белорусским народным фронтом 500-летием Оршанской битвы 1514 г. Значение этой победы Западной Руси и Русско-Литовского государства несколько меркнет в сопоставлении с реальными фактами. Во-первых, через месяц войско победителей было разбито под стенами Смоленска, о чем лидеры БНФ стыдливо умалчивают. Затем, император Священной Римской империи Максимилиан I прекратил переговоры с Москвой вовсе не потому, что стал уважать силу Великого Княжества Литовского. Он надеялся создать коалицию против Османской Турции, но отказался от этих планов, после того как султан Селим I направил свои усилия на войну с Ираном

instav

и завоевание Египта, а новый французский король Франциск I, после кончины своего предшественника Людовика XII, задумал грандиозный поход в Италию, который и осуществил в 1515 г. [1].

Но речь идет не об историческом значении тех или иных войн и походов, а об их превращенном отражении в массовом сознании. Отсюда — образы врага, чужака, от которых очень трудно избавиться. Особенности исторической памяти народов важно учитывать при рассмотрении разделов Польши. Вспомним, что инициатор первого раздела прусский король Фридрих II не очень-то дружественно относился как к Польше, так и к России. В «Политическом завещании» 1768 г. он отзывался о Польше как о «наихудшей из стран Европы», а русских называл «свирепым народом», который надо остановить в пределах его исторической родины [2].

Ведшиеся на протяжении двухсот лет споры политиков и публицистов, в которые внесли свою лепту и историки, о якобы «правомерности» и «справедливости» разделов Польши не могут, однако, заслонить того факта, что эти разделы представляли собой не что иное, как захват польских земель с помощью военной силы. Тем более это очевидно в свете решений Венского конгресса 1815 г., отдавшего большую часть Герцогства Варшавского России, правда, с правами автономии, а Восточную Галицию — Австрии. Это был уже окончательный раздел коренных польских земель.

Свой след в отношениях между нашими странами и в исторической памяти наших народов оставила и национальная политика держав-захватчиков на польских землях в XIX — начале XX в. Однако если политика германизации со стороны Пруссии и Австрии отличалась определенной последовательностью и принесла Берлину и Вене ожидаемые результаты, что видно даже в облике городов Западной и Юго-Западной Польши и Западной Украины, то русификаторская политика царизма не только пережила парадоксальные колебания, но и оказалась в целом безуспешной [3]. Кстати, заметим, что как русское, так и прусское, а затем и германское правительства старались заполнять университетские кафедры в польских землях профессорами, как правило, не из местных кругов, а из Пруссии и России [4].

В XIX в. польские земли оказались не только разделенными между тремя мощными империями, но к концу века — и между двумя военно-политическими союзами, когда Россия, с одной стороны, а Германия и Австро-Венгрия — с другой, поставили польские земли и польский народ между двух огней, что, надо думать, не добавляло симпатий поляков к захватчикам.

Итогом Первой мировой войны стали революции и гражданская война в России, Ноябрьская революция и установление Веймарской

inslav

республики в Германии, распад Австро-Венгрии, создание Польской республики. Версальский мир, разрешив вопрос о восстановлении независимого польского государства, отнюдь не привел к урегулированию отношений между Польшей, Россией и Германией. Проблема восточных границ Второй Польской республики, а также вопрос о Силезии и Поморье остались в определенном смысле камнем преткновения в отношениях между тремя государствами. Испытывавшие явную враждебность к СССР и опасавшиеся Германии, особенно после прихода к власти Гитлера, правящие круги Польши стали ориентироваться на Францию и Англию. Мюнхенский сговор, отдавший Чехословакию Гитлеру, фактически предрешил и судьбу Польши.

В связи с этим встает сложный и до сегодняшнего дня не утративший политической остроты вопрос о пакте Молотова–Риббентропа, который еще называют четвертым разделом Польши. Существовала ли альтернатива в кризисном развитии событий сентября 1939 г.? Можно ли было решить другим путем проблему Западной Белоруссии и Западной Украины? Названными вопросами перечень дискуссионных проблем отнюдь не ограничивается. Но при всем разнообразии возможных ответов не следует забывать, что пакту о ненападении между СССР и Германией и советско-германским секретным протоколам 1939 г. – в 1938 г. предшествовал Мюнхен. Путь от одного соглашения к другому был дорогой ко Второй мировой войне.

II

В 1945 г. воссозданию Польской республики предшествовали трудные переговоры в Ялте. Польша была восстановлена в границах проживания польской нации. Ее западные рубежи определялись во многом тем, что Восточная Германия, позднее ГДР, была под контролем Советского Союза. Сама же Народная Польша стала составной частью советского блока (т. н. социалистического лагеря). Однако даже в рамках Варшавского договора отношения между Советским Союзом и Польшей не всегда были идиллическими. Достаточно вспомнить события 1956 г., ряд последующих кризисов 1960–1970-х гг. в Польше, наконец, движение «Солидарность» и введение в стране военного положения.

Политика СССР и Польши по отношению к ФРГ определялась общими стратегическими установками советского блока и подходом Москвы к решению т. н. «германского вопроса» и развивалась в русле «холодной войны». На рубеже 1960–1970-х гг., когда между Востоком и Западом установился стратегический паритет, а конфронтация двух блоков вышла за пределы Европы и приобрела глобальный характер, обе стороны осознали бесперспективность и опасность дальнейшего

inslav

наращивания военно-политического противостояния на континенте и необходимость «политики разрядки». В этих условиях изменилась и роль Германии на международной арене. Если прежде ее стратегическое положение, людские ресурсы и экономический потенциал были решающим фактором соотношения сил в Европе и мире, а принадлежность Германии в целом к одному из военных блоков могла бы обеспечить той или другой стороне решающий военно-стратегический перевес, то теперь разделенная на два государства Германия становилась элементом стратегической стабильности в Европе, а «германский вопрос» из предмета конфронтации превратился в вопрос европейской безопасности.

После 1949 г. и образования двух немецких государств отношения между ними были не только непростыми, но и весьма напряженными во многом из-за проблемы Западного Берлина, Берлинской стены и эмиграции восточных немцев в ФРГ. Конечно, известную роль играли и идеологические установки, например, идея создания единого немецкого социалистического государства. В самой Западной Германии по мере экономического роста и демократизации общественной жизни и государственного управления общественное сознание избавлялось от тяжелого наследия нацистского режима, что давало надежды на ведение диалога со странами Восточной Европы с целью установления в центре Европы мирных и добрососедских отношений. Ослабление напряженности в «холодной войне», последовавшее за урегулированием Карибского кризиса 1962 г., создало более благоприятную атмосферу для поисков в этом направлении. Курс на нормализацию и установление дружественных отношений с восточными соседями Германии неразрывно связан с именем Вилли Брандта — известного политического деятеля, председателя СДПГ, правящего бургомистра Западного Берлина, канцлера ФРГ и лауреата Нобелевской премии мира. Свои задачи он сформулировал просто и ясно: «Немецкая политика после 1945 г. была, в конечном счете, обусловлена политикой держав, завоевавших и оккупировавших Германию. С того времени конфронтация между Востоком и Западом усугубила положение Германии и разделила Европу. Мы не в состоянии разом ликвидировать эту разобщенность. Однако мы можем попытаться смягчить результаты этой разобщенности и энергично способствовать начинающемуся процессу заполнения рвов, разделяющих нас в Европе». Суть «новой восточной политики» Брандта состояла в том, чтобы, не ослабляя связи с Западом, стремиться к нормализации и примирению на Востоке, проводя независимый курс в интересах общего умиротворения. Восточная политика правительства В. Брандта — К. Шееля была результатом дей-

inslav

ствия новой демократической конституции ФРГ, без которой консервативные круги могли бы не раз помешать ее осуществлению.

В августе 1970 г. советско-западногерманские переговоры в Москве завершились подписанием соглашения, которое обеспечивало мирное решение всех спорных вопросов между ФРГ и СССР, признавало существовавшие границы между двумя Германиями, а также между Германией и Польшей, не исключало возможности воссоединения немцев «на основе самоопределения». Через четыре месяца подобный же договор между ФРГ и Польшей нормализовал их отношения, причем граница по Одеру–Нейссе признавалась неприкосновенной, тогда как ранее западные государства рассматривали ее лишь как временную.

Это были исторические договоры, прорыв в решении спорных вопросов. Они открывали путь к устранению в будущем источников конфликтов между Германией, Польшей и Россией. Правительство СССР быстро ответило встречными шагами. В августе 1971 г. был подписан договор четырех держав относительно статуса Берлина, признававший его связи с ФРГ. В октябре 1972 г. был подписан договор между ФРГ и ГДР.

Политика Брандта и СДПГ была важным этапом в преодолении «холодной войны», в смягчении политического климата на пространстве от Бонна до Москвы, от Атлантики до Урала, а ведь в первой половине XX в. это было самое опасное пространство в Европе. За истекшее тридцатилетие на нашем континенте произошло немало изменений, но все то позитивное, что сделали руководители ФРГ и СССР в 1970-е гг., должно быть и дальше развито в отношениях Германии, Польши и России [5].

Объединение Германии, роспуск Организации Варшавского договора, бархатная революция в Польше, распад СССР и перемены в России поставили, естественно, наши страны перед новыми проблемами. Баланс сил в Европе изменился, что могло привести к непредсказуемым ситуациям. Поэтому позиции правительств наших стран в европейских делах имеют очень большое значение. Одной из острых проблем является расширение НАТО на восток, которое воспринимается во всех трех странах неоднозначно. Значительные опасения оно вызывает прежде всего в России — сдержанное в официальных кругах и менее сдержанное в российском обществе. Есть, конечно, различия во взглядах на эту проблему руководства НАТО и правительства Германии, правительства Польши и польского общества. И тут, думается, правительствам этих стран важно решать ее исходя из демократических принципов, с учетом общественного мнения, осознавая все возможные последствия.

instav

В истории отношений России, Германии и Польши немало трагических страниц. Они запечатлелись в сознании наших народов, и от них нам никуда не уйти. Но, с другой стороны, наша память должна служить и предостережением от покушения на право народов и государств на суверенное развитие.

* * *

Груз исторического прошлого еще присутствует в массовом сознании. Наши народы настолько настрадались от войн, особенно в XX в., что их отношения не должны отягощаться новыми испытаниями. Позитивные сдвиги в отношениях между Россией, Германией и Польшей имеют для наших стран непреходящую ценность, особенно с точки зрения перспектив строительства единой Европы. И, конечно, историки наших стран, занимающиеся различными проблемами отношений России, Германии и Польши, должны сознавать ответственность за объективное и научно обоснованное их освещение. Публикуя свои труды, выходя на университетские кафедры, выступая перед широкими кругами читателей и слушателей, ученые должны внести свой существенный вклад в преодоление предубеждений и непонимания, в установление постоянного сотрудничества и мира между Германией, Польшей и Россией, между всеми странами и народами Европы и мира.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 См.: *Ю. Е. Ивонин.* У истоков европейской дипломатии нового времени. Минск, 1984. С. 48, 76; См. также: *H. Wiestlecker.* Kaiser Maximilian I. Reich, Österreich und Europa an der Wende zur Nenzeit. München. 1977–1981. Bd. 4.

2 Politische Testamente und andere Quelle zur Fürstenethos der Frühen Neuzeit / Hsg. von H. Duchhardt. Darmstadt, 1987. S. 246, 258.

3 См. подробнее: *Л. Е. Горизонтов.* Парадоксы имперской политики: Поляки в России и русские в Польше (XIX – начало XX в.). М., 1999; *М. Шульце-Вессель.* Польша как призма восприятия Пруссии в России // Славяно-германские исследования / Отв. ред. А. А. Гугнин, А. В. Циммерлинг. М., 2000. Т. 1, 2. С. 289–295.

4 См., например: *M. Morawiec.* Kulturschaffen und Kulturtranster. Der Typus des Breslauer Professors im kulturellen Netwerk der Stadt // Eliten um 1800. Erfahrungshorizonte Verhaltensweisen. Handlungsmöglichkeiten / Hsg. von A. V. Hartmann u. a. Mainz, 1999. S. 55–677.

5 См.: *Г. Крейг.* Немцы. М., 1999. С. 50–62.

inslav

Хайнц Шиллинг
(Берлин)

СТАНОВЛЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ И ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ КАК СИСТЕМЫ ДЕРЖАВ СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЫ *

Для международной системы европейских держав и для внешней политики в духе Нового времени в равной мере справедливо изречение: «В начале было государство». Определенная таким образом история отношений между государством или государствами, с одной стороны, и международной системой государств Нового времени или — выражаясь менее амбициозно — современной Европой держав, с другой стороны, в которой государство как структурообразующий элемент является первичным по отношению к системе, подлежит двоякому описанию.

Первая, систематическая его часть исходит из того, что в центре внимания находятся структурные связи и процессы развития, определяющие закономерности функционирования системы в целом. Вторая часть описания предполагает на основе проведенного методического и теоретического анализа изучение конкретной истории становления и развития международной системы государств раннего Нового времени, системы государств, прошедшей через последовательные фазы развития, и в различных формах проявления.

I. Формирование государственной территории единых государств и монополизация публичной власти как структурные связующие звенья между становлением отдельных государств и образованием системы европейских государств раннего Нового времени

В самом общем виде образование единых государств раннего Нового времени определено двумя ключевыми тенденциями, одна из

---

* Публикуемый текст доклада был подготовлен для выступления на конференции, которое не состоялось из-за болезни автора. Поскольку нами завершается более крупная работа по названной теме, то в данной статье мы полагаем целесообразным ограничиться минимумом подробных примеров. (*Примеч. авт.*)

inslav

которых направлена вовнутрь, а другая — вовне, то есть на создание и оформление верховной государственной власти внутри страны и на формирование государственной территории и границ, что связано с взаимоотношениями государства с внешним миром.

1. ФОРМИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТЕРРИТОРИИ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Очевидно, что тенденции расширения территорий современных государств в начальный период их становления были непосредственно связаны с внешней политикой и межгосударственными отношениями, ибо складывание одних территориальных государств могло быть, конечно, в каждом отдельном случае реализовано лишь за счет других государств или аналогичных конкурировавших процессов их образования. При этом у современных государств в ранние периоды их истории в распоряжении имелись два основных пути становления: насильственный путь, реализованный с помощью дипломатического давления, в большинстве случаев вследствие войн, и мирный, в том случае, когда господствующее государство-княжество осуществляло его посредством династических браков. Правда, и второй путь чаще всего приводил к войне, когда в силу брачных договоров, которые в данном случае следует рассматривать как межгосударственные договоры раннего Нового времени, наступал час вступления в права наследства. Обычно соперничавшие наследники истолковывали их содержание по-своему, что, как известно, и сегодня нередко бывает в гражданских делах о наследстве. К тому же, как правило, ставки в таком споре были весьма велики, ведь речь шла о приобретении той или иной династией целых комплексов владений, что неизбежно приводило к «сейсмическим сдвигам» в соотношении сил между отдельными государствами и внутри системы держав в целом.

Последствия конфликтов из-за наследственных прав мы можем наблюдать в целой серии войн за наследство, причины которых коренились в структуре тогдашних европейских государств и их межгосударственных отношений, от т. н. Юлихского спора о порядке наследования между Гогенцоллернами и одной из ветвей Виттельсбахов в начале XVII в. и до больших европейских войн из-за порядка наследования владений и престолов в XVIII в., таких как войны за испанское или австрийское наследство. В известной мере сюда могут быть отнесены и ссоры из-за польского престола.

Ввиду частого вступления государств-княжеств в продиктованные династическими интересами войны или вследствие стремления знати обрести честь и славу на полях сражений уже в политических дискуссиях своего времени был обоснован тезис о принципиальной, структур-

inslav

но обусловленной воинственности монархий. И напротив, выдвигался тезис о столь же структурно обусловленном, стало быть закрепленном во внутренних принципах государственного устройства, миролюбии республик. Прежде всего подобная аргументация представлена в прореспубликанской публицистике Северных Нидерландов времен регентства, в середине XVII в. Разумеется, такой подход наполняет радостью и надеждой сердце каждого демократа, однако исторически, к сожалению, это мнение об исконном пацифизме республик не находит подтверждения [1].

Названная теория, выдвинутая нидерландскими регентами во главе с Яном де Виттом, была, конечно, существенным политическим аргументом в борьбе с Оранской династией и оранжистами, однако политическая реальность выглядела совершенно по-другому. Хотя путь династических браков как способ объединения и расширения государственной территории или для достижения иных целей республиканцев был для них закрыт и, таким образом, они не подвергались опасности или искушению ввязываться в войны за наследство, тем не менее и старые европейские республики, точно так же как и монархические государства, проводили политику «собирания земель» и округления собственных границ. Достаточно привести только пример Флорентийской и Венецианской республик в Северной Италии или грубую, не чурающуюся применения военной силы, политику Ганзейского союза на севере Европы. Не только упомянутые выше города-республики, но и территориальные республиканские государства рассматриваемого периода также ни в коей мере не были принципиально миролюбивы. И они также отнюдь не щадили друг друга. Первая нидерландо-английская морская война 1652–1654 гг. велась, когда по обе стороны Па-де-Кале у власти были республиканские правительства. Обе республики не смогли договориться о торговле и судоходстве. Конкуренция между ними в этой области и привела к войне точно так же, как десятилетие спустя англо-голландское торговое соперничество стало причиной войны между Нидерландской республикой и английской монархией Стюартов или же во время Третьей морской войны 1672–1674 гг., когда друг другу противостояли уже два монархических режима — вновь установленная власть Оранских в Нидерландах и монархия Стюартов на Британских островах. Воцарившееся на долгое время согласие между двумя странами, позволившее им из поколения в поколение мирно взаимодействовать и выступать в качестве союзников, было достигнуто, как известно, только на исходе XVII в. и под знаком монархии. Стало быть, в данном случае позволено будет утверждать, что и «монархии не воюют друг с другом», если только у них — как в данном случае — аналогичный общественный и экономический фундамент и достаточно общих

instav

врагов. В случае с Англией и Голландией общим врагом для них прежде всего был Людовик XIV и абсолютистская Франция.

2. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА НОВОГО ВРЕМЕНИ КАК ПРОЦЕСС ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОНОПОЛИЗАЦИИ

Не только процессы формирования государственной территории и другие направленные вовне интересы государств раннего Нового времени были непосредственно связаны с внешней политикой и международной системой держав. Это же относится также к внутреннему формированию государства, в особенности к концентрации публичной власти у государства или же у ее персональных или институциональных носителей.

Внешнюю политику Нового времени мы рассматриваем, перефразируя Норберта Элиаса, как существенную часть того всеохватывающего процесса монополизации, который берет начало в позднем Средневековье и в дальнейшем, в течение раннего Нового времени, приводит к концентрации в руках носителей высшей государственной власти — иначе говоря, у государства — всех важных политических полномочий. В рамках этого долговременного процесса «образования государств» и «образования держав» можно различать или выделить отдельные стадии или эпохи в соответствии с доминирующими в каждом отдельном случае факторами монополизации. Были фазы, когда доминировали религиозно-церковные факторы, а также такие этапы, когда на первый план выступали юридические, конституционно-морфологические, демографические, экономические или же именно факторы внешней политики держав.

Особенно динамичные импульсы, форсировавшие образование как государств, так и держав, были даны в те периоды, когда в процессе монополизации на первый план выступали два и более факторов, а их действие умножалось подобно сложению сил в физике. Такая ситуация, сложившаяся на исходе Средних веков, имела место, по нашему мнению, еще в течение столетия в раннее Новое время, с середины XVI до середины XVII в., когда конфессионализация и усиление государственной власти достигли высшей точки. Исходя из теории монополизации, воздействие двух упомянутых факторов может быть описано следующим образом. Оно стало возможным, когда, с одной стороны, подчинение церкви государству и установление верховенства государственной власти в вопросах вероисповедания внутри стран вступило во взаимодействие с «огосударствлением» функций в области внешней политики и международной системы государств — с другой. В совокупности оба фактора наложили свой отпечаток на европейскую историю, а именно на историю отношений между внутренним процессом оформле-

inslav

ния государств и внешним процессом становления международной системы держав. Кроме того, век конфессионализации является также одной из двух эпох, внешнюю политику которых мы несколько подробнее осветим во второй части этой статьи.

Однако прежде следует еще рассмотреть некоторые общие положения, вытекающие из выдвинутого тезиса о зависимости внутреннего становления государства и образования международной системы государств и держав.

Осмысление становления государств как процесса монополизации, содержащего в себе как ключевую операцию формирование национальной внешней политики, приводит к обоснованию встречного тезиса, что там, где процессы монополизации отсутствовали или реализовались не в полной мере, не происходило и становление государств. Во всяком случае, оно не достигало того уровня, начиная с которого представляется обоснованным говорить о современном государстве раннего Нового времени. Таким образом, наш исходный тезис можно логически и исторически дополнить встречным утверждением: «Без государственной монополизации внешней политики нет государства».

Этот обратный вывод особенно важен для историков, изучающих позднее Средневековье и раннее Новое время, так как они постоянно имеют дело с политическими образованиями, в отношении которых следует отдавать себе отчет, соответствуют ли те в действительности государствам по своим качественным характеристикам. Это тем более необходимо, если исследователи при изучении истории таких политических образований намерены избежать необъективных методов и использования при ее описании анахронических, а следовательно, ошибочных понятий.

Отметим — по крайней мере, между прочим — что для поисков истины в этом вопросе в качестве индикатора, своеобразной лакмусовой бумажки, может послужить недавно развернувшаяся между немецкими историками дискуссия о государственности Священной Римской империи германской нации ко времени завершения ее политического оформления (как государственно-политического объединения особого рода) и ее частичной модернизации в 1650 г. Применяя предложенные нами критерии, вопрос о политическом статусе Священной Римской империи после 1650 г. может быть разрешен следующим образом. Империя была частично модернизированной политической системой раннего Нового времени. Ее политическое устройство соответствовало процессам становления государств рассматриваемого периода, прежде всего у западных и северных соседей Германии, но государством в собственном смысле слова, согласно выдвинутым критериям, она не являлась [2]. Поскольку Старая Империя после 1648 г.

instav

не обладала соответствующими своему времени прерогативами в области внешней политики, не говоря уже о иных, не подлежащих здесь обсуждению структурных различиях по сравнению с другими политическими объединениями, по праву называющимися современными государствами раннего Нового времени, то мы не видим основания относить Империю к их числу.

Это структурное своеобразие, которое современная немецкая историография, в отличие от историков XIX — начала XX в., рассматривавших историю государств исключительно в совокупности их суверенных и полновластных функций, ни в коем случае не воспринимает как «слабость» или проявление неудачной конструкции, а видит в нем воплощение исторически обусловленного своеобразия германской истории. Для изучения сравнительно-исторической морфологии государственного устройства период 1648–1660 гг. представляется более содержательным, чем последующая эпоха, в которой внешняя политика и великодержавная политика стали повсеместно в Европе существенным компонентом государства как такового и тайным инструментом верховной власти. Это совершенно очевидно для абсолютистских и полуабсолютистских монархий, внутренняя консолидация которых, несомненно, форсировалась самым решительным образом с помощью внешнеполитических и властных полномочий государей и их практических действий в рамках европейской системы держав [3].

Эту связь между централизацией власти внутри государства и воздействием на названный процесс внешней политики можно наблюдать не только у монархий, но и у территориальных республик, а также у городов-республик. Так, магистраты германских имперских городов все решительнее настаивали, чтобы внешняя политика относилась исключительно к их компетенции. В противоположность некоторым внутригородским делам, в которых решения принимались с участием горожан, те должны были быть устранены от совместного с городскими властями решения внешнеполитических вопросов. Притязание на верховную власть во внешней политике являлось в известной мере компенсацией за сложившуюся в городах-республиках разделенность суверенитета во внутренней жизни.

В отличие от Германской империи и входивших в нее владений, в Голландии, являвшейся по своему государственному устройству федеративной Республикой Соединенных Провинций, внешняя политика не относилась к компетенции отдельных провинций, а принадлежала к прерогативам Генеральных штатов в Гааге и там не менее решительно причислялась к таинствам и к неотъемлемым основным признакам государства, которое провозгласило принцип: «Eer en Hoogheit van de

inslav

Staat» * [4], как это было в то же время в абсолютистских княжествах в Германии. Правда, в Гааге не было ни министра иностранных дел, ни соответствующего ведомства, зато имелась назначенная Генеральными штатами из своего состава комиссия по иностранным делам, носившая характерное название Secreet besogne **. В ней решающее влияние имел синдик (Raadspensionaris) провинциальных штатов Голландии, особенно во времена Ольдебарневельта, а позднее, в конце XVII в., шеф канцелярии (гриффир) Генеральных штатов [5].

Тот факт, что и в Нидерландской республике, где широкая и вполне современно организовавшая общественность активно участвовала в политической жизни, обходились с внешнеполитическими делами как с государственной тайной, со всей очевидностью указывает на значение, придаваемое в рассматриваемой истории отношений между государством и системой держав засекречиванию внешнеполитической деятельности внутри узкого круга носителей высшей государственной власти. Такое отчуждение сферы внешней политики от общества также стало следствием становления государств или их в то время еще не определенного и не вполне оформленного состояния. Процессы внутреннего становления государств и определения их места в системе международных отношений породили острую конкуренцию между отдельными странами, и притом в принципе даже тогда, когда между ними были заключены формальные союзы. Союзнические отношения, в отличие от универсального фактора конкуренции, соразмерялись исключительно с интересами отдельных государств, вследствие чего были по своей природе ограничены во времени и подвержены изменениям.

3. МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ И ПОНЯТИЙНЫЙ АППАРАТ ИЗУЧЕНИЯ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ ПРИМЕНИТЕЛЬНО К ГОСУДАРСТВАМ, НЕ ЗАВЕРШИВШИМ ПРОЦЕСС СТАНОВЛЕНИЯ

Наш основной тезис «без внешней политики нет государства» или «без государства нет внешней политики в современном смысле» не заключает в себе утверждения, что до становления политической организации, каковой являлось государство, и вне зависимости от его политической формы не было никаких отношений между политическими союзами. И, следовательно, история внешней политики возможна лишь с XVI в. Напротив, предлагая сформулированную выше дефиницию, мы осознанно стремились к аналитической избирательности, исходя также и из потребности стимулировать изучение международных от-

* Верховная власть является государством (*голландск.*).

** Тайное собрание (*голландск.*).

inslav

ношений в период до образования государств раннего Нового времени. Тем самым мы находимся у методических и понятийных переплетений, ставших следствием исходного тезиса, и перед вытекающими из него выводами для конкретного изучения и отображения истории внешней политики в рамках международной системы европейских государств указанной эпохи. В связи с этим, в заключение общей теоретической части, следует сделать несколько коротких замечаний.

Рассматривая монополизацию внешней политики как одно из ключевых явлений становления современных государств раннего Нового времени, можно и следует обратить внимание на то, что в период, предшествовавший образованию системы европейских государств — стало быть, до первых общеевропейских межгосударственных договоров, относящихся к середине XVII в., — внешняя политика и история отношений между политическими союзами осуществлялась вообще в другой системе координат, в других формах и другими субъектами политической деятельности, чем в то время, когда государства стали единственно легитимными действующими лицами и соответственно главным предметом и структурирующим ядром изучения и отображения внешней политики [6]. Внешняя политика, Европа держав (даже, с оговорками, «международная система») могут рассматриваться как законные темы исследования истории Средневековья и раннего периода Нового времени, принимая во внимание методическую и аналитическую предпосылку, что в эти эпохи внешняя политика и соответствующие действия вне рамок существовавших политических союзов не были, во всяком случае исключительно, делом государства или верховной власти. К тому же при таком подходе эвристически открывается перспектива исследования процесса изменения формы и функции государственной власти, которые в течение XVI и XVII вв. привели к определенному выше «современному» состоянию государственной монополии в области внешней политики. Открывается возможность изучения совершавшегося на протяжении длительного периода комплексного процесса взаимодействия и взаимовлияния как внутригосударственных преобразований, так и преобразований в сфере межгосударственных отношений. В связи с этим является показательным применение указанных передовых методов в новейших исследованиях по истории Германской империи периода позднего Средневековья, а именно сформулированная методическая и эвристическая гипотеза, что «внешняя политика в позднем Средневековье <...> была внешней политикой в рамочных условиях возникающей государственности» [7]. Это положение относится в полной мере и к первому веку раннего Нового времени.

Именно для истории международных отношений нельзя доказать с достаточной убедительностью, что и XVI, и XVII вв. принадлежат

inslav

еще к миру старой Европы, к «world we have lost» * [8], ибо в ней безраздельно и еще значительно сильнее, чем в истории государства и права, чем в социальной истории и в истории культуры, господствуют понятия и образ мышления, сложившиеся на основе представлений о структуре и способах функционирования системы государств XIX в. Это естественно объясняется пренебрежительным отношением целого поколения историков к политическим и, тем более, внешнеполитическим проблемам как раз в то время, когда было важно заново обосновать категории, методы и теории нашего предмета, а также специально каждой его части. Для истории международных отношений этого почти не было сделано. «International politic» ** как область изучения стала доменом политологов, которые не хотели принимать во внимание принципы историзма и комплексного подхода к историческим исследованиям и отводили Европе держав раннего Нового времени роль своеобразной каменоломни. В ней они добывали любой пригодный материал для иллюстрации своих теоретических построений в области структуры и функций «International politic». В качестве примера приведем лишь один из образцов продукции подобного каменотесного дела. При описании произошедшего в раннее Новое время «генезиса государств <...> речь идет о комплексном процессе образования политических единиц <...> которые вряд ли можно рассматривать как монолитные блоки, как это подразумевает принятое сегодня понятие государства. Для внешнеполитических отношений этих держав это означает, что они, собственно говоря, не были шарами на бильярдном столе международной системы, как это моделирует реалистическая школа международной политики». В 1600 г. на бильярде великих держав лежали три четверти или половина шаров, а рядом с ними — аморфные структуры, которые, скорее, можно сравнить с медузами. А теперь представьте себе, как этим играть в бильярд [9]. Сказанного достаточно, чтобы продемонстрировать абсурдность представлений о Европе раннего Нового времени как об игре в бильярд, ставших расхожими с конца XVIII в. применительно к политике великих держав.

II. Избранные примеры

Конкретные выводы из представленного подхода к исследованию становления государств раннего Нового времени можно продемонстрировать на примере двух эпизодов из политической истории Европы, один из которых относится к рубежу XVI–XVII вв. (около 1600 г.),

---

* миру, который мы потеряли (*англ.*).

** Международная политика (*англ.*).

inslav

а другой — ко времени столетие спустя. Оба они представляют собой сложную мозаичную картину взаимопереплетающихся явлений, отражающих, с одной стороны, сплав догосударственных и государственных феноменов старой Европы, а с другой — связь между внутренним и внешним процессами становления государств.

1. КОНФЕССИОНАЛИЗАЦИЯ И ОБРАЗОВАНИЕ БИПОЛЯРНОЙ СИСТЕМЫ ЕВРОПЕЙСКИХ ДЕРЖАВ

К исходу XVI в. в Европе одновременно протекали два фундаментальных процесса — конфессионализации, с одной стороны, и усиления государственной власти как в сфере внутренней, так и внешней политики — с другой. В целом такое «наступление власти» базировалось на монополизации государством раннего Нового времени области внешней политики. Исходя из структуры указанных процессов, сформировалась ситуация, которой более чем на полстолетия были присущи религиозные войны, а в католической Европе проводилась политика, которую следует квалифицировать прежде всего в области международных отношений как фундаменталистскую.

Такой феномен взаимного наслоения конфессионализации и усиления внешнеполитических функций государства весьма показателен для истории международных отношений в методическом и теоретическом плане. Во-первых, он демонстрирует, что основные факторы и категории истории внешней политики подвержены историческим изменениям. Поэтому выделяемые в исторических исследованиях, подобных получившему высокую оценку труду Пола Кеннеди «Подъем и упадок великих держав» [10], такие постоянно действующие ключевые универсальные факторы (как для более поздних эпох фактор экономики) применительно к рассматриваемому времени должны быть признаны неясными и отвлеченными. Во-вторых, выделение 1600 г. как рубежа в процессе конфессионализации и усиления государственной власти представляется особенно ярким примером для понимания двустороннего взаимодействия внутреннего и внешнего становления государственной власти. По своему происхождению конфессионализация была внутренним процессом монополизации, в результате которого церковная организация как общественный институт внутри страны оказалась целиком подчиненной государству, а монополия на «путь к спасению души» и на «чудо» оказалась в руках верховных носителей государственной власти [11]. Так как конфессиональная сфера приобрела затем большое внешнеполитическое и государственно-политическое значение, то, как правило, достигнутая ранее церковная монополия государства внутри страны способствовала теперь в решающей степени установлению монопо-

inslav

лии государственной власти в области внешней политики и во всех областях общественной жизни внутри государства.

Вышеупомянутые связи между процессом конфессионализации и усилением государственной власти охватывают многообразный комплекс явлений и могут быть проиллюстрированы здесь лишь на отдельных примерах. Так, внешнеполитические связи могли осуществляться посредством церковных институтов и деятелей церкви как агентов и посредников в системе международных отношений. Поскольку до 1650 г. государства раннего Нового времени еще не монополизировали внешнюю политику, а внешнеполитические ведомства и соответствующий аппарат еще не были полностью сформированы, то, как бы само собой, на долю негосударственных агентов и каналов связи выпадала важная роль в области внешней политики, что выразилось в сборе информации, в организации политической корреспонденции, в налаживании международных контактов. Эти функции часто выполняли купцы, представители сословий, города (как корпоративные институты), церковные сановники и организации.

Впрочем, подобная внешнеполитическая деятельность касалась не только Европы, но и контактов европейских государств с народами и странами за пределами континента, где часто миссионеры были первыми «послами». Однако в дальнейшем мы не будем затрагивать эту сторону рассматриваемой темы.

К сфере внешнеполитической деятельности были причастны монашеские ордена и братства, сеть которых была широко раскинута по Европе. Особенно активны здесь были иезуиты, роль которых в международных делах, как правило, оставлялась исследователями без внимания. Но в первую очередь дипломатическая и внешнеполитическая деятельность отождествлялась с институтами католической церкви как квазигосударственными структурами Святого престола. На этом основании римская курия ошибочно рассматривалась как церковное государство и неправомерно причислялась к другим европейским державам. Насколько искаженным было такое представление, стало ясно позднее в результате изучения политической роли духовников курфюрстов при немецких дворах, где те, по крайней мере при дворах Габсбургов, были кем угодно, но не агентами папского государства. Вместе с тем, как подтверждают новейшие фундаментальные исследования польского историка Иеронима Грали, сеть церковных агентов в Польше, а также в Вене, Мюнхене и прежде всего в Риме являлась активным связующим звеном в дипломатических контактах между Московским царством и католическими державами Центральной Европы, в частности с Баварией [12].

instav

Среди протестантов информационной и коммуникационной сетью, сравнимой по масштабам и возможностям с коммуникационной системой католической церкви, обладали, пожалуй, только кальвинисты. В этой роли у них выступали проповедники, часто действовавшие как проповедники странствующие, старосты приходов, дьяконы, пресвитеры, синоды кальвинистских церквей и сами эти церкви. В наибольшей степени сеть международных коммуникаций в эпоху конфессионализма была налажена у нидерландских и французских кальвинистов. Насколько слились в кальвинистском окружении церковная и государственная модели «международной» деятельности, наглядно демонстрирует один мелкий эпизод из истории кальвинистов в Нидерландах и в западных Германских землях. В конце 1560-х гг. Филипп Марникс задумал наладить регулярную переписку между некоторыми гонимыми церквями в Нидерландах, а также корреспонденцию между ними и Вильгельмом Оранским, возглавлявшим в то время борьбу против испанского владычества в Нидерландах. Речь шла об обмене между ними информацией, о посылке донесений «wat daer sekerlijch omgaet» *, что позволило бы кальвинистским церквям получить важные сведения о положении на местах и о ситуации в регионе в целом. Перед лицом развернувшегося в конце XVI в. наступления католических государств нидерландский посланник Бредероде и его партнеры по переговорам при княжеских дворах в Веттерау (на западе Германии) вернулись вновь к прежней идее и учредили «Korrespondenzwerk» ** — ведомство, призванное координировать совместные действия как во внутренней, так и во внешней политике, в равной мере имея в виду сферу политики и религии [13]. В последние годы XVI в. представители церкви и институты духовной (церковной) власти оказывали давление на политические процессы как внутри отдельных стран, так и на международной арене и неустанно напоминали о необходимости активной наступательной или же, в случае нужды, оборонительной политики, направленной на укрепление и защиту позиций собственных государств в Европе. Это в полной мере относилось к догосударственной или протогосударственной системе органов католической церкви, когда те еще не были в той или иной форме включены в структуру государственной власти. В равной мере такая позиция была характерна и для протестантских церквей. В стане протестантов особенно активными в этом отношении были «гонимые конфессии» — нидерландские, валлонские, французские и итальянские кальвинисты, а также немецкие реформаты или гнезис-лютеране, вероучение которых при-

* что происходит в (светском) мире (*голландск.*).

** Службу информации (*нем.*).

inslav

шло на континент из Англии и в дальнейшем распространилось через Нидерланды и Германию вплоть до Скандинавии и Центральной и Восточной Европы.

Как пылкое религиозное рвение в лагере контрреформации со стороны новых монашеских орденов или действовавших совместно с ними организаций мирян, вроде созданной иезуитами Конгрегации Девы Марии, так и решимость противостоявших натиску католицизма «гонимых» объединений кальвинистов способствовали надвигавшейся на исходе XVI в. политической и военной конфронтации, заложенной в самой сущности сложившейся системы международных отношений. Диаспора кальвинистов, распространившая свое влияние на севере Европы, от Англии, через Северную Германию, до Скандинавии, всегда относилась к самым решительным сторонникам войны против Испании как на континенте, так и за океаном. С 1620-х гг. военные трубы зазвучали в среде «гонимых» конфессий в Богемии и Пфальце, а пребывавший в изгнании в Гааге двор т. н. «зимнего короля» Пфальца стал местом сбора международного генерального штаба европейского кальвинизма.

2. МИР МОНАРШИХ ДВОРОВ И МЕЖДУНАРОДНЫХ АЛЬЯНСОВ – ПОВЫШЕНИЕ СТАТУСА ПРАВИТЕЛЯ В ИЕРАРХИИ ГОСУДАРЕЙ КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ И ПОЛИТИКИ ДЕРЖАВ СТАРОГО ПОРЯДКА В ЕВРОПЕ

Подобно эпохе конфессионализма, эпоха дворов и альянсов спустя столетие установила свои правила для внешней политики и политики держав. Эти правила не были связаны с такими квазиуниверсальными категориями, как «экономика» или «рациональные государственные интересы». В общем, следует согласиться с Эрнстом Хинрихсом, который еще недавно подчеркнул огромное значение внешней политики для германских княжеств-государств этого периода [14]. В самом деле, именно абсолютизм завершил монополизацию внешней политики, сосредоточив ее исключительно в руках монарха – носителя высшей государственной власти, – превратив его в суверенный субъект международных отношений, точно так же сделав его воплощением внутреннего суверенитета государства.

Однако в дальнейшем речь пойдет не об этом, а о специфических церемониях и ритуалах, характерных для эпохи абсолютизма. В качестве примера мы остановимся на одном весьма показательном для политики рубежа XVII–XVIII вв. событии, а именно на самопровозглашении Фридриха III Бранденбургского королем Пруссии 18 января 1701 г. [15]. Еще недавно на очередной научной сессии в берлинском Институте по изучению Пруссии один потсдамский историк

instlav

оценил акт коронации в Кенигсберге, в духе обычного бичевания и самобичевания пруссачества, как выражение «непоправимого комплекса неполноценности» Гогенцоллернов вообще и Фридриха III в особенности. Между тем, если рассматривать обретение бранденбургским курфюрстом прусской короны в европейском контексте и специально с точки зрения поставленной нами проблемы взаимодействия внутриполитических и внешнеполитических процессов и специфического для данного времени проявления внешней политики, то, очевидно, подобная оценка не выдерживает критики. Претензии Фридриха III на королевский титул возникли не случайно лишь как следствие личных амбиций, а отразили, вполне функционально и надлежащим образом, существование ясно осознанной современниками иерархии государств и династий, которая сформировалась в начале XVII в. в результате внутренней и внешней консолидации Европы как системы государств раннего Нового времени.

В мире дворов и альянсов эпохи барокко ранг главы государства был почти так же важен, как боеспособность его армий. В первую очередь это должна была испытать на себе респектабельная до мозга костей, а прежде всего богатая Республика соединенных провинций Нидерландов, и не только потому, что в парадных залах аудиенций и на дипломатических приемах ее представители вынуждены были отступать на второй план перед посланниками монарших домов, государства которых вряд ли могли сравниться с ней богатством, а многие из них и по политическому влиянию. Голландия также вынуждена была терпеливо сносить насмешки по адресу некоторых своих отличавшихся необычайной скромностью и бережливостью бюргеров-дипломатов. Так, например, в случае, когда направлявшийся на международный конгресс некий высокородный посланник одного из германских князей встретил по пути своих нидерландских коллег по переговорам и наблюдал, как те покинули лодку, чтобы во избежание лишних затрат съесть свой скудный обед на берегу. Подобного рода бюргерскую экономность голландца этот привыкший к пышным церемониям и парадным обедам аристократ воспринял как унижающую достоинство республики, которую тот представлял.

Другим республикам было проще. Так, Венеция могла участвовать в церемониалах эпохи барокко наравне с монархиями, что не противоречило придворному этикету, поскольку республика постоянно напоминала о своих претензиях на захваченный турками Кипр, средневековые владетели которого обладали королевским титулом, что теперь давало Венеции право украсить свой герб королевской короной. Но подлинная конкуренция развернулась в кругу князей и династий Священной Римской империи в Германии. Это была старая игра. Стоит

inslav

лишь вспомнить, как Габсбурги в 1358–1359 гг. обманом добыли титул эрцгерцога, что стало для них компенсацией за неудачу 1356 г., когда в Золотой Булле их не оказалось в числе возведенных в достоинство курфюрста, ставшего с этого времени высшим дворянским титулом империи. Среди подобных примеров можно указать и на пожалование в 1569 г. папой Пием V Козиме I Медичи титула герцога Тосканского, и на «Савойскую королевскую декларацию» 1632 г., с помощью которой савойский герцог Витторио Амадео I посягнул на королевскую корону, используя для обоснования своих прав фамильные связи савойского дома с правившей на Кипре во времена крестовых походов и вымершей в 1489 г. королевской династией Лузинанов.

Такие вообще характерные для старой Европы вопросы о династическом статусе, старшинстве и достоинстве получили на рубеже XVII–XVIII вв. новое, соответствующее своему времени качество. Оно определяло тесно переплетенную международную аристократическую дворянскую и придворную культуру, которая сформировала политическую эстетику гербов, титулов и обращений — превосходительство, светлость, высочество, королевское или Ваше высочество, Ваше величество, — процессий, церемоний, портретов и зданий, а также иконографии любого вида, вплоть до изображения на монетах. Всякий образованный политик, юрист или дипломат мог «читать» запечатленные в этой культуре художественные образы, знаки и символы. Тем самым она наиболее точно «обнародовала» место и статус каждого владыки. Все это, без сомнения, стало выражением придворной культуры, ориентированной на репрезентативность, чувственность и художественное воплощение политического статуса, которую мы именуем культурой барокко.

Однако для указанного периода еще важнее были структурно-исторические изменения и оформление процессов становления государства и общества раннего Нового времени, процессов, которые концентрировали общественную жизнь и политику, а также религию и культуру на обладателе верховной государственной власти, как правило на монархе и правящей династии. Это же относилось и ко внешней политике и политике держав. Наиболее ответственные политические решения, а именно в военных и государственных делах, могли быть приняты лишь при условии, если каждый монарх и каждое государство были уверены, что получат в государственном церемониале и в дипломатии причитающееся им по рангу место.

Уже первый крупный мирный конгресс в Мюнстере и Оснабрюке показал, что ошибки в церемониале, при провозглашении ранга его участников и соответственном оказании почестей могут привести к срыву переговоров. Поскольку вскоре аналогичные дипломатические

instav

форумы стали в порядке вещей, значение церемониальных и протокольных вопросов постоянно возрастало. Возникшее европейское общественное мнение самым тщательным образом классифицировало каждое государство, каждого монарха, каждую династию и сразу же фиксировало любое изменение — как подъем, так и снижение их статуса в иерархии европейской политики.

То положение, которое сначала сложилось в Италии в XV–XVI вв., к 1700 г. давно уже стало общеевропейским феноменом, который отличала «the intensely interactive nature of (a) notably fluid <...> political system and the hypersensitivity to any alteration» *, как и «European dynastic responsiveness <...> to any alteration» **. Возникшая параллельно с названным явлением доктрина политического равновесия превратила в то же самое время статусный ранг и монаршее достоинство в индикатор властно-политического значения государств внутри их европейского сообщества. Эта доктрина была частью дипломатической игры в альянсы и контральянсы, которые заключались, чтобы повысить значение отдельного государства или царствующего дома и чтобы в собственных интересах стабилизировать или изменить равновесие в Европе.

Включаться в погоню за возвышением был вынужден почти каждый, кто не стоял совсем высоко, то есть не принадлежал к признаваемым по традиции старейшим королевским династиям, как Бурбоны, Стюарты или Габсбурги. В одной только Германской империи претенденты на повышение ранга исчислялись дюжинами, начиная с имперских графов, готовых на все, чтобы стать князьями Священной Римской империи.

Среди охотников за королевскими титулами в Европе были Оранские, которые в последней четверти XVII в. успешно мерились силами в «погоне за повышением» и тем самым, как уже упоминалось, дали сигнал к образованию политической коалиции между Англией и Голландией. Династия Оранских, несомненно, принадлежала к высшему кругу европейской знати, и, благодаря браку Вильгельма II с принцессой Марией из британского королевского рода Стюартов, один из Оранских уже однажды облачался в королевский пурпур. Тем не менее как штатгальтеры Нидерландской республики Оранские занимали в европейской иерархии династий место позади царствующих родов. К тому же они пережили внезапное падение, когда

---

* интенсивная, особенно интерактивная природа весьма подвижной <...> политической системы и ее гиперчувствительность к любому изменению (*англ.*).

** европейская династическая ответственность <...> за любой иерархический сдвиг в среде составлявших ее членов (*англ.*).

inslav

после заключения Мюнстерского мира с Испанией партия голландской торговой буржуазии во главе с Яном де Виттом, недолго думая, ликвидировала должность штатгальтера. Сын Вильгельма II и Марии Стюарт — Вильгельм III, родившийся в 1650 г. и выросший при лишенном влияния и недееспособном дворе, должен был еще в детстве познать муки неудовлетворенного честолюбия и мечтать о славе. В 1672 г. он воспользовался внутриполитическим кризисом, вызванным нападением Людовика XIV на Нидерланды, чтобы вернуть себе и династии должность штатгальтера. Позже, в 1688 г., он со всей решимостью вступил в борьбу за английскую корону.

Обретение Оранскими королевского титула означало перераспределение ролей в иерархии монархов и династий и вызов системе в целом, что было точно зафиксировано при всех дворах. Однако в первую очередь и более других значение этого события осознали при дворе бранденбургских курфюрстов в Берлине, где правили уже долгое время состоявшие в родстве с Оранскими Гогенцоллерны.

Изображавшийся как спектакль акт коронации в Кенигсберге в 1701 г. бранденбургского курфюрста Фридриха III, провозглашенного прусским королем Фридрихом I, отнюдь не был единичным в своем роде событием, тем более экстравагантным или же патологическим действом. Он стал одним из многих примеров повышения статуса монархии и перемен в династическом переплетении дворов и альянсов. Увенчание Гогенцоллернов королевской прусской короной стало реакцией на предшествовавшие перемещения в германском и европейском аристократическом сообществе, как и сам акт кенигсбергской коронации в свою очередь спровоцировал в дальнейшем аналогичную конкуренцию государств и династий.

Коронация Гогенцоллерна в 1701 г. стала важнейшим прецедентом для савойского герцога Витторио Амадео II, состоявшего в родстве с саксонскими Веттинами и поэтому лучше осведомленного о германских делах, чтобы, заручившись международным признанием, приобрести и для своего царствующего дома долгожданную королевскую корону. Прусская «погоня за повышением» нашла продолжение к югу от Альп, а коронация савояра в Палермо в 1713 г. стала ответом на аналогичное событие, совершившееся дюжиной лет ранее в далеком, правда только географически, Кенигсберге. Это может служить другим примером чувствительной реакции системы европейских династий на любое изменение в иерархии ее высокородных членов.

Логика политики держав обусловила для приобретшей королевскую корону молодой монархии Гогенцоллернов необходимость стать на сторону старой имперской монархии Габсбургов, поскольку только так можно было добиться стабильности и получить возможность

instav

закрепить за собой достигнутое. К тому же согласие императора признать новое королевство должно было быть в итоге дополнено международным признанием, что и свершилось на мирном конгрессе в Утрехте в 1713 г. Политика Пруссии от кенигсбергской коронации до Утрехтского мира свидетельствует, что королевский титул Гогенцоллерны заполучили в результате основанного на анализе системы держав и альянсов политического расчета, а отнюдь не мгновенного озарения и беззаветной борусской смелости.

III. Заключительные замечания

Рассмотрение приведенных примеров из истории государств раннего Нового времени и международной системы держав в заключение побуждает вновь обратиться к исходным рассуждениям системно-теоретического характера. Если сегодня политолог Эккехарт Криппендорф под девизом «участие — вместо внешней политики» или «внешняя политика снизу» провозглашает конец внешней политики и объявляет легитимной лишь «внутреннюю политику», которая более не признает государств и государственных границ, то это представляется как бы финальным подтверждением описанного нами переплетения процессов внутреннего становления государств и образования системы держав. Если в выдвинутом тезисе нет претензии свести дело только «к несколько замутненной исторической перспективой и последующими истолкованиями историков видимости явлений», то в этом случае данная оценка может приобрести исторический и логический смысл только с учетом того принципиального изменения, которое в последние десятилетия принес в Европу разрыв с находившимся на подъеме в Новое время миром классических государств.

Качество и самосознание государства в ходе и вследствие указанного изменения драматически преобразились и в последующие десятилетия будут меняться и дальше. Но главная перемена состояла в том, что вместо обусловленной структурно-историческим развитием принципиальной конкуренции государств на первый план выступила их кооперация.

Оптимисты хотят приписать это возросшему за истекшее время сознанию. Знакомые с историей реалисты склонны в обоих случаях — как в воинственной конкуренции в прошлом, так и в нынешней готовности к кооперации — усматривать скорее историческую необходимость, то есть необходимость соревновательного самоутверждения в фазе становления мира современных государств раннего Нового времени, с одной стороны, и необходимость миролюбия под дамокловым мечом атомного уничтожения и перед лицом бурно развиваю-

inslav

щегося экономического глобализма — с другой. Безусловно, внешняя политика и международная система на той и другой ступени могли и могут принимать соответствующий данному времени облик только в тесной корреляции со структурами и способами функционирования государства, а именно сначала во взаимодействии с формами, присущими раннему Новому времени, а сегодня с существующей ныне постклассической или постмодернистской формой.

Перевод с немецкого Н. Богаевой

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Будучи облечены в современную форму, такие представления распространены и сегодня. Самым решительным образом они выражены франкфуртским политологом Эрнстом-Отто Чемпилем, который — формулируя кратко — исходит из максимы, что «демократии не ведут борьбу друг с другом».

2 *G. Schmidt.* Geschichte des Alten Reiches. Staat und Nation in der Frühen Neuzeit. 1495–1806. München, 1999; *H. Schilling.* Das Alte Reich — ein teilmodernisiertes System als Ergebnis der partiellen Anpassung an die frühmoderne Staatsbildung der europäischen Nachbarn und Territorien, Tagung «Imperium Romanum — irregulare corpus — teutscher Reichs-Staat», Institut für Europäische Geschichte Mainz, 27.–29. September 2001 // Reihe des Instituts / Hg. v. H. Duchhardt und M. Schnettger. Mainz, 2002 (в печати).

3 Еще недавно на это обоснованно сослался Эрнст Хинрихс в ходе последней дискуссии об абсолютизме. См.: Der Absolutismus — ein Mythos. Strukturwandel monarchischer Herrschaft / R. Asch und H. Duchhardt (Hg.). Köln, 1996 (=Münstersche Historische Forschungen, 9).

4 *J. v. Heringa.* De Eer en Hoogheid van de Staat. Groningen, 1961.

5 *Andreae S. J. Fockema.* De Nederlandse Staat onder de Republiek. Amsterdam, 1961. S. 111 etc.

6 Как это убедительно показал Хайнц Духхардт в посвященном XVIII веку четвертом томе осуществляющегося ныне издания Очерков истории международных отношений. См.: Balance of Power and Pentarchie, 1700–1785. Handbuch der Internationalen Beziehungen. Bd. 4. Paderborn, 1997.

7 S. Wefers. Versuch über die «Außenpolitik» des spätmittelalterlichen Reiches // Zeitschrift für Historische Forschung. 1995. Bd. 22. S. 291–316.

8 *P. Laslett.* The world we have lost. London, 1965.

9 *M. Rüde.* Leitfaktoren der Außenpolitik am Beispiel der englisch-kurpfälzischen Hochzeit von 1613. Magisterarbeit. Humboldt-Universität zu Berlin, 2000. S. 22.

10 *P. Kennedy.* Aufstieg und Fall der Großmächte. Ökonomischer Wandel und militärischer Konflikt 1500 bis 2000. Frankfurt a/M., 1994. (Впервые книга была издана в США в 1987 г.)

11 Подробнее указанная проблема рассмотрена в ряде работ автора, а также в трудах других исследователей, выступивших в развитие выдвинутых нами тезисов. См.: *H. Schilling.* Die Konfessionalisierung und die Entstehung eine

inslav

internationalen Systems in Europa. Festschrift für Gottfried Seebaß / Hg. v. I. Dingel, V. Leppin, Chr. Strohm (в печати); *Idem.* La confessionalisation et le système international // L'Europe des traités de Westphalie. Esprit de la diplomatie et diplomatie de l'esprit / Lucien Bély. Paris, 2000. P. 411–428; *Idem.* Formung und Gestalt des Internationalen Systems in der werdenden Neuzeit — Phasen und bewegende Kräfte // Kontinuität und Wandel in der Staatenordnung der Neuzeit. Beiträge zur Geschichte des internationalen Systems / Hg. v. P. Krüger. Marburg, 1991. S. 19–45; *Idem.* Konfessionalisierung und Formierung eines internationalen Systems während der frühen Neuzeit // Die Reformation in Deutschland und Europa: Interpretationen und Debatten / Hg. v. H. Guggisberg und G. Krodel. Gütersloh, 1993. S. 597–613; *Idem.* Die konfessionellen Glaubenskriege und die Formierung des frühmodernen Europa. Glaubenskriege in Vergangenheit und Gegenwart / Peter Herrmann (Hg.). Göttingen, 1996. S. 123–137. (Veröffentlichungen der Joachim-Jungius-Gesellschaft E. V. der Wissenschaften Hamburg 83); *H. Gräf.* Konfessionalisierung und internationales System. Die Außenpolitik Hessen-Kassels im konfessionellen Zeitalter. Darmstadt; Marburg, 1993; *Idem.* Bündnissysteme der Neuzeit. Strukturelle Bedingungen der Außenpolitik bis zur europäischen Pentarchie // Historicum. 1996/97. S. 22–26; *U. Sibeth.* Gesandter einer aufständischen Macht. Die ersten Jahre der Mission von Dr. Pieter Cornelizs Brederode im Reich // Entstehung des außenpolitischen Systems in Europa um 1600 / Hg. v. Winfried Schulze, Friedrich Beiderbeck und Gregor Horstkemper (в печати); *H. Scheneck.* Außenpolitik, Konfession und nationale Identitätsbildung in der Pamphletistik des elisabethanischen England // Nationales Bewußtsein und kollektive Identität / H. Berding (Hg.). Frankfurt, 1994. S. 282–300.

12 *H. Grala.* Zu Werk und Person Albert Schlichtings // Bayern und Osteuropa / Hermann Beyer-Thoma (Hg.). Wiesbaden, 2000. S. 132–159. О миссии и корреспонденции польского аббата Цируса см.: Ibid. S. 142 etc.

13 *U. Sibeth.* Op. cit.; *R. Glawischnig.* Niederlande, Calvinismus und Reichsgrafenstand. Heidelberg, 1969; *G. Menk.* «Qui trop embrasse, peu estreind». Politik und Persönlichkeit Graf Johanns VI. von Nassau-Dillenburg 1580–1606 // Jahrbuch für westdeutsche Landesgeschichte. 1981. Bd. 7. S. 119–157; *Idem.* Landgraf Wilhelm IV. von Hessen-Kassel, Franz Hotmann und die hessisch-französischen Beziehungen vor und nach der Bartholomäusnacht // Zeitschrift für hessische Geschichte und Landeskunde. 1980. Bd. 88. S. 55–82; *G. Schmidt.* Der Wetterauer Grafenverein. Marburg, 1989.

14 См. примеч. 3.

15 К последующему изложению и к приведенным далее конкретным примерам см.: H. Schilling. Europa um 1700. Eine Welt der Höfe und Allianzen und eine Hierarchie der Dynastien // Preußen 1701. Eine europäische Geschichte. Essayband zur Ausstellung Preußen 1701 / Hg. v. Deutschen Historischen Museum und Stiftung Preußische Schlösser und Gärten Berlin-Brandenburg. Berlin, 2001. S. 12–30.

inslav

Альмут Буэс
(Варшава)

КУРЛЯНДСКОЕ ГЕРЦОГСТВО И БОРЬБА ЗА ГОСПОДСТВО В ПРИБАЛТИКЕ В XVI–XVIII вв.

В XVI–XVIII вв. Герцогство Курляндии и Земгалии, будучи расположено в «тектонически активном» в политическом отношении регионе, могло бы служить классическим примером, в котором будто в зеркале отражено пересечение влияний и интересов соседних держав: польско-литовской Речи Посполитой, Священной Римской империи германской нации и Московского царства. Исходя из этого, мы хотели бы сосредоточить внимание на трех проблемах. Во-первых, выделить основные этапы в развитии политического соперничества прибалтийских государств. Во-вторых, проанализировать позицию курляндских герцогов и дворянства в этом противостоянии, чтобы ответить на вопрос, в какой мере она соответствовала главной задаче Курляндии: выстоять под перекрестным огнем непрекращающихся конфликтов между Россией, Польско-Литовским государством, Швецией и Германией. В-третьих, рассмотреть историю герцогства в общеевропейском контексте, сопоставив ее с историей Савойи — также небольшого княжества в Северной Италии, как и Курляндия, оказавшегося вовлеченным в политическую борьбу между соседними державами, но на юго-западе Европы.

I

В начале XVI в. государство Ливонского Ордена представляло из себя конгломерат различных феодальных владений, подчиненных непосредственно Ордену или же епископам, а также городов с принадлежащими им областями [1]. Общественное положение и сословный статус прибывшего в Прибалтику в основном из Северной Германии светского рыцарства — вассалов Ордена — имели в разных орденских владениях существенные отличия. Однако по отношению к местному латышскому и эстонскому населению все члены Ордена выступали как господствующая корпорация. В этом смысле социальная дистанция была разительной.

insiav

Церковная организация прибалтийских областей немецкой рыцарской колонизации также не была однородной. Особыми церковными и светскими правами и привилегиями, с соответствующей юрисдикцией, обладали в своих владениях как собственно Ливонский орден, так и рижский архиепископ, и митрополит Лунда. Кроме того, здесь существовало православие, а также — все еще живые среди коренного сельского населения — языческие традиции [2].

Двенадцать прибалтийских городов были членами Ганзейского союза. В их руках находился контроль над балтийской торговлей.

Итак, орденская Ливония в правовом и административном отношении не являлась вполне единым государством. Однако, несмотря на наличие существенных элементов феодальной автономии, статус ее земель и городов имел многие общие черты. Слой ленников составляла довольно однородная группа переселившегося из Германии светского рыцарства. Организация привнесенной рыцарями в Прибалтику немецкой административной структуры к началу XVI в. везде была уже завершена. В экономическом плане страна при посредничестве Ганзы активно участвовала в европейской торговле. Кроме того, Ливония была в известной степени связана с Германией, в частности благодаря формальной принадлежности к чинам Священной Римской империи.

Два фактора кардинально изменили ситуацию в Прибалтике в середине XVI в. Во-первых, Ливонская война и экспансия России на запад, а во-вторых, Реформация и связанная с ней потеря до сих пор официально признанного безраздельного господства католической церкви [3]. Военные поражения Ордена усугубили его внутренние противоречия, повлекшие за собой распад государства немецких рыцарей. Возникший таким образом «вакуум власти» открывал благоприятные возможности для соседних государств, которые, однако, вначале не смогли выработать соответствующей целенаправленной политики, чтобы ими воспользоваться [4].

В политической игре великих держав в Прибалтике «первый ход» сделала Польша [5]. Люблинская уния 1569 г., связавшая в единое целое польские земли и отдаленные области на востоке, соответствовала передовой для XVI в. модели федеративного государства [6]. Государственное устройство Речи Посполитой (польско-литовской республики, установленной в результате унии Польши и Литвы 1569 г.) не только в полной мере отвечало интересам и устремлениям шляхты Короны и Великого Княжества, но становилось, таким образом, весьма привлекательным примером для господствующих общественных слоев соседних стран, в том числе и Ливонии.

В Прибалтике же продолжилась, выражаясь фигурально, прежняя традиция дробления. Ливонский орден распался на части. Ко времени

inslav

окончания Ливонской войны Литовская Ливония была присоединена к владениям Речи Посполитой, Курляндское герцогство стало леном, сюзереном которого являлся польский король, Пилтенское епископство (Пилтенский округ) остался под властью епископов, а Рига получила особый статус. Северная Эстония и Ингрия достались шведам.

Как для Польско-Литовского государства, так и для Швеции Курляндия была периферией – для польского короля на пути к ней простиралось Великое Княжество Литовское, для шведского – Балтийское море. В начале XVII в., после избрания польским королем Сигизмунда III, происходившего из шведской династии Ваза, Речь Посполитая была вовлечена в конфликт из-за шведского престола, что послужило поводом к польско-шведской войне, причиной которой стала борьба двух стран за обладание Ливонией. Будучи в центре экспансионистских устремлений Польско-Литовской республики, Швеции и России, Ливонское пограничье стало настоящей пороховой бочкой в отношениях соседних государств. Именно здесь вели военные действия поляки и шведы, а возможное российское вторжение грозило открытием и третьего фронта.

Наряду с войнами начала XVII в., театром которых являлись остзейские провинции, в Курляндии и Ливонии разгорелись и внутренние политические конфликты вокруг статуса сословий и системы управления провинций. Начиная с 1560–1570-х гг., местное немецкое дворянство боролось за неприкосновенность своих сословных прав и привилегий. Однако решающая роль во внутреннем управлении этих территорий принадлежала польским королевским комиссиям или же шведским губернаторам, которые и определяли судьбу региона. Дворянство же оставалось в плену старого корпоративного сознания, что препятствовало любым попыткам модернизации и поддерживало региональную обособленность.

Мир в Оливе (1660 г.), Кардисский мир (1661 г.) и Андрусовское перемирие (1667 г.) урегулировали отношения между Речью Посполитой, Швецией и Россией, принеся временную передышку в борьбе за *Dominium Maris Baltici*. Нетрудно было предвидеть, что этот непрочный мир будет сразу нарушен, как только одна из великих держав соберется с силами и обретет превосходство над соперниками. Так и произошло в начале XVIII в., когда Россия в ходе Северной войны 1700–1721 гг. вытеснила шведов из Восточной Прибалтики. На заключительном этапе войны к ней присоединилась Пруссия в расчете получить свою долю в разделе шведских прибалтийских владений.

В течение почти двух столетий, с 1558 по 1721 г., во всех странах, боровшихся за господство на Балтике, а именно в России, в Речи Посполитой, в Бранденбурге-Пруссии и в Швеции, произошли глубокие из-

insiav

менения в военной области, в государственном управлении, в общественной структуре и сословном строе [7]. В то же время собственно в Прибалтике ни существенных перемен, ни значительных реформ проведено не было. Остзейские области так и остались «захолустьем Европы» [8].

Курляндское герцогство, до 1795 г. формально остававшееся леном польской короны, начиная со времени Северной войны, когда его территория была занята русскими войсками, а особенно после прекращения в 1737 г. династии Кетлеров и вступления на герцогский престол Э.И. Бирона, все более попадает в зависимость от России [9]. К концу XVIII столетия Эстония, Ливония и Курляндия были уже российскими губерниями, хотя и обладавшими известной сословной автономией.

Таким образом, можно констатировать, что захват остзейских областей, бывших владений Ливонского ордена, открывал для соседних стран возможность мощного внешнего прорыва (Vorwärtsschub als Hinterland). Благодаря завоеванию Ливонии Речь Посполитая обретала дополнительный плацдарм для экспансии в направлении Московского царства, Швеция — на земли Литвы и Польши, через которые лежал путь в Центральную Европу. Завоевав побережье Балтийского моря, Россия «прорубила окно» на Запад. Однако военные успехи Польско-Литовского государства XVI — начала XVII в. и Швеции XVII в. сменились поражениями. В XVIII в. обе страны утратили статус великих держав, а военные неудачи существенно повлияли на их внутреннюю государственную структуру.

II

Курляндия в XVI столетии была последним новообразованным герцогством германского мира. Династическая монархия как форма правления в наибольшей степени соответствовала государственному устройству малонаселенной, слабо урбанизированной страны на северо-востоке Европы, в которой дворянству принадлежало безраздельное господство. В этом смысле Курляндия разительно отличалась от лежащих на северо-западе континента и сходных с нею по географическому положению и природным условиям Нидерландов. Юридической основой для образования нового герцогства как ленного владения польской короны стал договор (*pacta subiectionis*), заключенный 28 ноября 1561 г. между польским королем Сигизмундом Августом и последним магистром ливонской ветви Тевтонского ордена Готхардом Кетлером, ставшим первым курляндским герцогом и основателем новой династии [10].

Не только малая территория и раздробленность страны на феодальные владения обусловили нелегкое начало нового правления. Герцогу

inslav

проще было получить признание за границей и войти на правах «бедного родственника» в семью европейских монархов, чем снискать благоволение и признание своего титула и власти со стороны собратьев — дворянства собственной страны. Матримониальные планы правящей династии не устремлялись далеко на восток, запад или юг, а были связаны преимущественно с Южной Прибалтикой. В известной мере такой подход обусловливался желанием заключать браки с протестантами, однако в целом в Курляндии были относительно мало озабочены конфессиональными противостояниями в Центральной Европе. С помощью династических союзов герцогство добилось присоединения к Священной Римской империи, а в 1645 г. герцог получил титул имперского князя [11].

Привилегии курляндского дворянства проистекали из его прежнего статуса как военного сословия. В XVI и XVII вв. рыцари уже по большей части занимались хозяйством в своих имениях. Не оставляли они и военного ремесла, поступая на службу по контракту за границей, поскольку в герцогстве отсутствовала возможность военной карьеры, как не было ее для карьеры чиновничьей или церковной. Сфера образования в Курляндии находилась под внешним влиянием, поскольку вплоть до конца XVIII в. там не удалось основать ни университета, ни другого учебного заведения. Высшее образование дворяне получали за границей, чаще всего в Германии.

Идеалом для курляндского рыцарства были сословные привилегии шляхты Речи Посполитой [12]. Как и дворянство Польши и Литвы, курляндское рыцарство к началу XVII в. сумело настолько расширить свою власть и ограничить права герцога, что в последующее время рыцарское братство уже можно было рассматривать как фактор стабильности страны, а саму Курляндию — как дворянскую республику с монархом во главе [13]. Во времена политических потрясений, например в случае престолонаследия, дворянство сплачивалось вокруг герцога, осознавая, в частности и на опыте соседней Эстонии, что наличие собственной правящей династии открывает перед ним в политическом отношении существенно большие возможности [14].

Одним из преимуществ Курляндии было ее приморское местоположение, что отмечалось еще современниками в XVI–XVII вв. Если на географических картах Курляндия отдельно не изображалась, а помещалась на картах Скандинавии, России или Речи Посполитой, что подчеркивало периферийное положение герцогства, то, напротив, на морских картах XVI столетия побережье Курляндии обозначено очень подробно и точно, что указывало на значительную роль владений Кетлеров в балтийской торговле [15]. Будучи торговым посредником между Востоком и Западом Европы и опираясь на традиции Ганзы, герцогст-

insiav

во стало перевалочной базой в товарообмене в Прибалтике. Обладавший для своего времени широким экономическим кругозором герцог Якоб Кетлер в середине XVII в. прилагал все усилия для развития торговли и хозяйства Курляндии, в частности, он содействовал основанию колоний за пределами герцогства [16]. Однако экономическое положение Курляндии было непрочным, а торговля могла быть легко подорвана как враждебными действиями конкурентов — голландцев или шведов, так и постоянной опасностью превращения герцогства в театр военных действий между соседями — Россией, Польшей и Швецией.

Противостоять этой опасности, опираясь на собственные силы, маленькая страна была не в состоянии. Не имевшее естественных границ, герцогство тянулось с востока на запад узкой полосой, максимальная ширина которой едва достигала 60 км. Оборонять такую территорию не представлялось возможным. К тому же в Курляндии не было постоянной армии. В этих условиях в случае возникновения отнюдь не редких военных конфликтов в Прибалтике правителям Курляндии, чтобы не допустить уничтожения герцогства могучими соседями, не оставалось иного выхода, как декларировать свой безусловный нейтралитет, стараясь добиться для Курляндии позиции буферного государства и в известном смысле «ничьей земли».

Именно в этом духе в середине XVII в., во время шведского «Потопа», высказалась курляндская герцогиня Луиза Шарлотта в письме к брату — бранденбургскому курфюрсту Фридриху Вильгельму. «Поляки, — писала герцогиня, — говорят, что мы слишком симпатизируем шведам, те в свою очередь утверждают, что — полякам, а мы просто симпатизируем самим себе». Тогда же, в августе 1656 г., в письме русскому царю Алексею Михайловичу герцог Якоб подчеркивал, что желал бы выступить в нынешней войне «как нейтральная персона» [17]. Вопреки этому, на шведском сейме продолжали рассуждать о непостоянстве курляндцев [18]. Когда в 1680-х гг. Ян III Собеский хлопотал об антитурецком союзе христианских стран, аналогичные претензии к Курляндии высказывались на сейме в Варшаве. Литовские послы тогда жаловались, что «Курляндия поддерживает только своего герцога, как будто бы никогда не была частью Республики» [19].

Во времена Первой северной войны 1656–1661 гг. курляндский герцог предоставлял материальную помощь всем своим воюющим соседям в надежде откупиться и избавить собственные владения от захвата или военного разорения. Эти субсидии могли бы послужить еще одним свидетельством значительного экономического потенциала Курляндии, однако они не спасли самого герцога от двухгодичного русского плена в Ивангороде. Все же в годы войны ни одной из вели-

inslav

ких прибалтийских держав не удалось добиться исключительного господства в Курляндии. В отстаивании своего суверенитета герцоги из династии Кетлеров могли опереться на солидарность европейских монархов. В итоге Оливский мир восстановил довоенный порядок в Прибалтике и прежний статус Курляндии. Тем не менее угроза поглощения герцогства могучими соседями отнюдь не была устранена, в связи с чем политика герцога и после 1660 г. оставалась крайне осторожной, носила сугубо оборонительный характер и не претендовала ни в коем случае на территориальные приобретения.

Таким образом, вплоть до начала XVIII в. собственная династия обеспечивала самосохранение Курляндии. Принадлежность ее правящего дома и дворянства к господствующим в Европе сословным и политическим структурам открывала перед герцогством возможность политического маневрирования и позволяла опереться на солидарность европейской знати и поддержку коронованных правителей [20]. Силой страны был ее экономический потенциал и роль посредника в торговом обмене между Востоком и Западом. Но свою роль сыграла и патовая ситуация во взаимоотношениях между великими прибалтийскими государствами. Установившееся между ними равновесие сил препятствовало активной внешней экспансии и делало возможным дальнейшее существование маленького герцогства.

III

В раннее Новое время расположенные на периферии великих держав вассальные государства были повсеместным явлением. Не только в Прибалтике встречаем мы аналогичные системы, порожденные столкновением интересов крупных государств. Османская империя как щитом прикрылась от Европы широкой полосой созданных ею на Балканах и расположенных одно за другим зависимых от Константинополя государственных образований, среди них ленные княжества Молдавия и Валахия [21]. В Северной Италии австрийские императоры опирались на целый пояс связанных с ними территорий, обладавших статусом ленных владений, чтобы эффективнее отстаивать свои интересы в борьбе с Францией и папским государством. В этих «зонах разлома» (Bruchzonen Europas — по определению Эдельмайера) [22] невозможно было установить относительно стабильные и долговременные сферы влияния или же провести разграничение, что стало феноменом более позднего времени.

Каким же образом одним из властителей буферных государств удалось лучше, чем другим, удержаться на своих тронах в этих зонах безвластия? Для ответа на поставленный вопрос следует сравнить ис-

inslav

торию двух герцогств — Курляндии и Савойи *. Такое сопоставление позволит, с одной стороны, выявить неожиданные параллели, а с другой — прежде всего — охарактеризовать оригинальный, многогранный и вместе с тем органичный савойский опыт (esperienza sabauda) [23].

В связи с этим на первый план выступает вопрос о геополитическом и стратегическом положении двух стран. Оба маленьких герцогства возникли в процессе распада существовавших длительное время сложных государственно-политических образований — Тевтонского (Ливонского) ордена и средневековой монархии Габсбургов. В середине XVI в., когда Ливонская воїна и Реформация кардинально изменили положение в Прибалтике, не менее глубокие перемены произошли и в Северной Италии в расположенных там 250–300 ленных владениях Священной Римской империи. После отречения от престола Карла V держава Габсбургов распалась на две части во главе с испанской и австрийско-бургундской линиями династии. В 1559 г. в результате мирного договора в Като-Камбрези Франция утратила господство на Апеннинском полуострове, а ее место заняла Испания. В это же время идеи Реформации, одним из ведущих центров которой была Женева, распространялись и в прилегающих странах.

Курляндия в Прибалтике и Савойя в Северной Италии были важными связующими звеньями или буферными зонами между могучими соседями. Оба герцогства обладали выходом к морю и контролировали местные торговые пути [24]. О значении для названных государств морского побережья свидетельствуют, в частности, усилия по закладке и обустройству торговых гаваней Виндау и Либау в Курляндии, которые, однако, не могли конкурировать с Ригой как торговой метрополией на Балтике. Так же и для Савойи приносящим немалую выгоду выходом к морю послужила основанная в 1388 г. гавань Ницца, тяготевшая в экономическом отношении к Генуэзской республике. В XVI в. оба герцогства, с точки зрения великих держав, представлялись не имеющей городов глухой провинцией [25]. Такие значительные городские центры, как Рига ** или Турин *** (до его присоединения к Савойе в 1562–1563 гг.), находились за пределами герцогских владений. Как в Курляндии, так и в Савойе феодалам принадлежало господствующее

---

* Помещенные в настоящей статье названия герцогств даны согласно традиции их написания на русском языке. Применяя название Савойя, мы имеем в виду герцогство в целом, включавшее в себя Савойю и Пьемонт. Также название Курляндия распространяется на все владения дома Кетлеров, состоявшие из двух герцогств, именовавшихся Герцогством Курляндии и Земгалии.

** В 1550 г. город насчитывал примерно 8 тыс. жителей.

*** В Турине в 1571 г. проживало 14 244 чел.

inslav

положение. В первом случае сословие феодалов-землевладельцев составляли потомки переселившихся в Прибалтику еще в XIII в. немецких рыцарей [26], во втором – знать старинного происхождения («nobilta di antico lignaggio») [27]. В обеих странах было установлено крепостное право. Население Курляндии и Савойи было полиэтничным и многоязычным. В целом положение обоих герцогств было далеко от благополучия. Хотя они и обладали определенными ресурсами, следовало, однако, приложить немалые усилия для их развития.

Правящие династии в Курляндии и Савойе по своему положению решительно отличались одна от другой как по древности происхождения и конфессиональной принадлежности царствующих домов, так и по численности их потомства. Известный с 1033 г. род графов Савойских, глава которого в 1416 г. был возведен императором Сигизмундом в герцогское достоинство, принадлежал к чинам Священной Римской империи, а его представители участвовали в рейхстаге. Савойские герцоги славились завидной плодовитостью. С XVI по XVIII в. в каждом из поколений царствующей семьи было по меньшей мере семеро детей, что позволяло проводить активную матримониальную политику и выдвигать представителей рода на вакантные места в правящей иерархии в Европе. Так герцоги породнились с наиболее знатными и политически влиятельными фамилиями, что гарантировало им «un peso sempre crescente sulla scena internazionale» * [28], а в XV в. один из членов рода был избран римским папой. Важной предпосылкой для развития династических связей и политического возвышения савойского дома была его принадлежность к католической церкви. Савойцы вполне осознавали свое место в европейской династической конфигурации и сосредоточенно трудились над его упрочением, будь то прославление своего рода в исторических сочинениях [29] или иконографии [30], будь то в состязании за короны [31]. И в результате этих усилий в 1695 г. они добились для герцогства права быть причисленным Франсуа Купереном как пьемонтцы (La Piémontoise), наряду с французами, испанцами и австрийцами, к политическим нациям (Les Nations).

Иначе обстояло дело с курляндской династией. Польский король пожаловал нетитулованного рыцаря Готхарда Кетлера герцогским титулом только при образовании самого Курляндского герцогства в 1561 г. [32]. Новая династия по тогдашним меркам не отличалась ни древностью происхождения, ни знатностью. Да и сам акт польской короны нельзя было отнести к пожалованиям самого высокого ранга. Титул же имперского князя Якоб Курляндский получил только в 1654 г. [33]. При нем, начиная с середины XVII в., правящий род начи-

* устойчивый рост влияния на международной арене (*ит.*).

inslav

нает испытывать серьезные трудности с воспроизводством потомства и постепенно приходит в упадок. По конфессиональным соображениям родственные связи Кетлеров ограничивались протестантскими династиями Северной Европы.

Оба герцогства в начале своей истории имели по две столицы — Гольдинген, собственно в Курляндии, и Митава в Земгалии; Шамбер в Савойе и Турин в Пьемонте. Со временем столичные функции сосредоточились соответственно в Митаве и Турине, с чем было связано развернувшееся там строительство. Резиденция курляндских герцогов в Митаве помещалась в Орденсбурге — перестроенном для этого дворце епископа [34]. В то время как Митава оставалась в военном отношении неукрепленным городом, савойский герцог Эмануил Филиберто осуществил в Турине проект строительства цитадели [35], в которой находился дворец. Согласно росписям придворных церемониалов (савойской — 1564 г. и курляндской — 1581 г.), туринский двор насчитывал 202 придворных, митавский — 163, к числу последних принадлежали и 5–6 членов герцогского совета * [36]. В сравнении с другими европейскими столицами, дворы обоих герцогств были невелики [37]. Тем не менее в конце XVI в., благодаря пребыванию в Турине поэта Торквато Тассо (1544–1595) и композитора Клода Лежена (1530–1600), савойский двор приобрел мировую славу. И еще в одном отношении дворы в Митаве и Турине существенно отличались друг от друга. В XVII в. Курляндское герцогство не имело дипломатических представительств за границей, в то время как савойские послы находились во всех ведущих столицах Европы, зарекомендовав себя там «quasi sempre modelli di laboriosita, di tatto, di misura, di prudenza» ** [38].

В середине XVI в. в Савойе, а столетием позже в Курляндии правящие династии оказались под угрозой утраты своих владений. После восстановления в правлении савойского герцога Эмануила Филиберто в результате мира 1559 г. в Като-Камбрези и курляндского герцога Якоба по Оливскому договору 1660 г. монархи обоих домов пристально следили за изменениями внешнеполитической ситуации и проводили крайне осторожную политику, всякий раз предлагая противоборствовавшим сторонам свою помощь и посредничество для достижения компромисса. Однако давало ли это какие-либо возможности

---

* К высшим придворным чинам в Савойе принадлежали: великий маршал (gran scudiere), главный дворецкий (primo maestro della casa), хранитель казны (tesoriere), контролер (controllore), канцлер (segretario della casa). В состав Совета Курлядского герцогства входили: ландгофмейстер, канцлер, обербургграф и ландмаршал, а также два доктора права.

** почти всегда как люди образцового трудолюбия, такта, меры, осторожности (*ит.*).

inslav

для укрепления позиций маленьких герцогств и каким образом можно было бы обратить их в свою пользу?

Территории обоих герцогств не раз становились ареной действий иностранных войск, а вызванное этим разорение было в порядке вещей. И после 1559 г. важнейшие крепости Савойи на долгое время остались заняты французами и испанцами. Главной целью правящего дома в это время было «собирание земель» и округление границ своих владений. Так, Карл Эмануил I боролся за приобретение ряда областей, среди них маркизат (маркграфство) Салуццо, которое он по Лионскому договору 1601 г. получил в обмен на богатые владения на северо-западе (области Брес и Бужай, расположенные в Вогезах между горным хребтом Юра и рекой Сонна). В течение всего XVII в. савойцы старались заполучить принадлежащую Франции область Пинероло, которая подобно занозе вклинивалась в территорию герцогства. В целом же политические последствия переноса савойским домом центра тяжести своей политики «собирания земель» с французского северо-запада на итальянский юго-восток должны были проявиться в будущем.

В то время как савойские герцоги вели решительную политику расширения своих владений и ликвидации в них иностранных анклавов, в Курляндии не было предпринято ни единой попытки получить дополнительные территориальные приобретения, а Пилтенский дистрикт так и остался во владении епископов. Единственным несколько выбивавшимся из общего ряда примером был случай с курляндским амтом Гробин, который находился в закладе у бранденбургского курфюрста, но в 1609 г. был возвращен герцогу в качестве приданого герцогини Софи. Однако и он скорее подтверждал общее правило.

Для усиления обоих герцогств ни в коем случае нельзя было упускать из виду развитие хозяйства и финансов. В этом смысле экономическое развитие и политика правителей Савойи и Курляндии характеризовались многими общими чертами.

Строительство торговых гаваней (Ницца, Виндау) способствовало наращиванию экспорта. В XVII в. невысокие по европейским меркам цены на зерно и древесину в Курляндии обусловили преимущественно аграрный характер внешней торговли, да и в целом экономики герцогства. В Савойе основой экспортной торговли было текстильное производство, развивавшееся как в городах, так и в сельской местности. Это было связано со спецификой хозяйственного уклада Северной Италии, когда город и село по характеру производства, степени его специализации и квалификации населения существенно сблизились и мало отличались один от другого, превратившись в своеобразные агрогорода [39].

Руководствуясь принципами меркантилизма, герцоги покровительствовали мануфактурной промышленности. В Савойе развива-

inslav

лось стекольное производство, в Курляндии – металлургия. Будучи малонаселенными * [40], оба герцогства ощущали нехватку рабочей силы, что побудило как савойских, так и курляндских правителей проводить поощрительную переселенческую политику и приглашать специалистов из-за рубежа.

Хозяйственное развитие обеих стран требовало прежде всего упорядочения государственных финансов. Хорошо сохранившиеся исторические источники позволяют детально исследовать финансовую политику савойского дома. Как и во всех территориальных государствах раннего Нового времени, перед савойскими и курляндскими герцогами стояла задача увеличения государственных доходов и проведения соответствующих этой цели преобразований в экономической и социальной областях. В 1559 г., вернувшись на престол, савойский герцог Эмануил Филиберто основал Счетную палату (Camera dei Conti), поставив ее во главе государственных финансов и поручив ей следить за бережным расходованием и экономией государственных средств, а также изыскивать новые источники их пополнения. Если прежде главные доходы казны от доменов, таможни и особенно от государственной монополии на соль и табак поступали нерегулярно, то теперь герцог ввел новый прямой налог (tasso), который собирался в фиксированном размере, фиксировались также и другие налоги. Одновременно дворянство и церковь утрачивают свои налоговые иммунитеты. 29 сентября 1562 г. в обращение была введена собственная савойская монета – серебряная лира, что символически ознаменовало возобновление правления герцога. В дополнение к проведенным податным и финансовым реформам Эмануил Филиберто стал основателем банков, а в 1576 г. разрешил кредитование евреев. В результате перехода от косвенных к прямым налогам государственные доходы Савойи (entrate ordinarie **) с 1559 по 1580 г. удвоились. А в год кончины герцога-реформатора савойский бюджет имел уже положительное сальдо [41].

Курляндские герцоги, так же как и правители Савойи, имели право самостоятельной финансовой политики и чеканки монет. В 1562 г., через год после вступления в правление, Готхард Кетлер выпустил в обращение собственную монету, однако на внутреннем рынке Курляндии, как и повсеместно в Прибалтике, господствовали иностранные деньги [42]. Собственными внутренними кредитными средствами страна не располагала, поэтому курляндским герцогам приходилось осущест-

---

* В XVII в. население Курляндии (без Земгалии) насчитывало примерно 135 тыс. чел.; во владениях савойского дома проживало: в Пьемонте – 900 тыс. чел., в Савойе – 500 тыс. чел.

** Обычные (текущие) доходы (*ит.*).

inslav

влять необходимые инвестиции за государственный счет с помощью иностранных займов. А внешний рынок капиталов в Прибалтике твердо держали в руках голландские финансисты. Решение герцога об увеличении налогов должно было быть обусловлено согласием представленного в ландтаге курляндского дворянства, а с ним рыцари никогда не спешили. Благородное сословие Курляндии было освобождено от обычных налогов. Поступления от таможенных сборов с балтийской торговли в первой половине XVII в. доставались иностранным державам. Жившие в Курляндии евреи представляли собой неофициальную торговую корпорацию.

Существенно различались и результаты усилий савойских и курляндских герцогов в деле централизации государственного управления, в частности в области создания собственного законодательства и унификации системы права, в отстранении от власти институтов сословного представительства, в подавлении религиозной оппозиции и конфессиональных меньшинств. В начале 60-х гг. XVI в. в Савойе для пересмотра и приведения в единую систему действовавших одновременно норм римского, германского, церковного права и местного законодательства была проведена ревизия Савойского Статута (Statuta Sabaudiae) [43]. Тогда же, в 1561 г., итальянский язык стал официальным языком судопроизводства и нотариата.

В Курляндии кодификация права и создание собственной юридической системы продлились значительно дольше и так и не были доведены до конца. Только после конституционного конфликта герцога с дворянством, в 1617 г., и под внешним давлением дело дошло до принятия Курляндского статута (Statua Curlandica) [44]. Правовой же системы в целом, вплоть до ликвидации герцогства в 1795 г., оформлено так и не было.

В 1560 г. в Пьемонте было созвано последнее Собрание сословий, а представительство савойских сословий в последний раз собиралось годом позже, в 1561 г. Савойские монархи правили самодержавно при помощи узкого круга доверенных лиц. По свидетельству одного венецианского посла: «Non vi è in questa corte uomo di gran maneggio e di molto spirito <...> son persone tutte nuove al governo <...> vanno dubitando sopra ogni cosa e mai non si risolvono» * [45]. В управлении герцогством Эмануил Филиберто опирался на своих старых соратников и на иностранных специалистов. Для работы в государственном аппарате по его распоряжению проходили обучение савойские подданные недво-

* При этом дворе нет ни одного влиятельного человека <...> все это люди новые в правительстве <...> они действуют, сомневаясь во всем (с оглядкой на верховную власть. — *А. Б.*), но никогда ничего не решают.

inslav

рянского происхождения. В первой половине XVII в. из горожан происходили 84% чиновников финансового ведомства, 78% — в сфере юстиции и 75% служащих в администрации [46]. Однако не следует переоценивать значения этой «borghesizzazione delle cariche» *, поскольку она сама быстро попадала в разряд чиновной знати, держала в своих руках дело государственного управления, а многие из ее представителей позже были возведены в дворянство [47]. При этом была в значительной части обновлена старая элита, имевшая господствующее положение в системе общественных связей.

Именно в области организации государственной власти наблюдалось наиболее разительное отличие Савойского герцогства от Курляндии, где герцог был лишь primus inter pares (первым среди равных) по отношению к дворянству. Само же курляндское рыцарство представляло собой строго замкнутое сословие, единственно обладавшее правом общественной и политической деятельности. С 1617 г. только дворянство имело исключительное право владения амтами (поместьями), половина из которых находилась в собственности 15 семей. Состоявшие из рыцарей и регулярно собиравшиеся в Курляндии ландтаги рассматривали только внутриполитические вопросы, а их постановления вступали в законную силу только после подписания уполномоченными представителями рыцарства и герцогом. В Савойе и Пьемонте Эмануил Филиберто правил как «sovrano autoritario e assoluto» ** [48], или, говоря точнее, мог проводить собственную политику, относя на свой счет ее достижения, в то время как курляндский герцог должен был поступать строго с согласия старого рыцарства, составляя с ним единую корпорацию.

Сильная власть савойских герцогов распространялась и на сферу религии и культуры. Для подготовки квалифицированных чиновников страна нуждалась в собственных учебных заведениях высокого уровня. Функция народного просвещения Эмануилом Филиберто была возложена на церковь, сам же он направил свои усилия на становление университетского образования. Еще в 1560 г. им было основано училище в Мондови. В 1566 г., после вывода из Турина французских войск, там был вновь открыт университет, в котором главная роль отводилась юриспруденции и математике. Гуманитарные знания и их преподавание получили развитие в монастырях иезуитов, которые в 1561 г. основали свою первую коллегию в Мондови, а в 1567 г. была открыта и коллегия в Турине. При этом обучение савойских подданных за границей было запрещено.

---

* чиновной буржуазии (*ит.*).

** монарх самодержавный и абсолютный (*ит.*).

inslav

Совершенно иначе обстояло дело в Курляндии, где дворянство должно было получать образование за рубежом, поскольку в стране не было даже гимназии. Причины, по которым курляндские герцоги не обзавелись собственным университетом, на первый взгляд недостаточно ясны, поскольку, согласно праву Священной Римской империи, каждый владетель марки мог основать высшее училище и мало кто из князей и маркграфов в Германии, как бы малы ни были их «государства», им не воспользовался. Одной из таких причин было, вероятно, отсутствие в Курляндии бюрократической прослойки и, следовательно, потребности в ее пополнении образованными людьми, а в случае нужды в нескольких ученых советниках об их юридическом образовании мог бы позаботиться университет в Кенигсберге [49]. Причина более общего характера состояла в том, что, в отличие от Северной Италии с ее городами-коммунами, в Курляндии не было глубоких традиций городской жизни и развитого сословия горожан с соответствующим общественным самосознанием, без которых невозможно становление университетского образования.

Развитие просвещения и образования в XVI–XVII вв. было самым тесным образом связано с религиозными и конфессиональными проблемами. Курляндское герцогство было лютеранским государством, однако в повседневной жизни его население придерживалось веротерпимости. Это объяснялось, в частности, малолюдностью страны и опасностью бегства жителей в случае религиозных преследований, а также соседством католической Речи Посполитой и православной России. Противоречий по вопросу о чистоте вероучения и соответствующих дискуссий в герцогстве также не было [50].

Савойское герцогство, напротив, располагалось в той части Европы (между империей Габсбургов и Францией), в которой издревле господствовал католицизм. Вместе с тем принадлежавшая еще в XV в. к савойским владениям Женева стала в середине XVI в. центром кальвинизма, распространявшим идеи реформации и в соседних странах. Желая любыми средствами вновь заполучить город в свои руки, савойские герцоги с удвоенной решительностью провозгласили себя борцами с «ossessione ginevrina» * [51]. В 1560 г. папа Пий IV учредил в Савойе нунциатуру, подчеркнув открытием посольства святого престола значение герцогства в борьбе с Реформацией. Позже в Курляндии отнюдь не столь успешно действовавший там монах-иезуит Антонио Поссевино на собственном опыте продемонстрировал, как может сочетаться ragion di Stato (государственная мудрость) с защитой католической церкви. Суть его может быть выражена следующей формулой: «Nella misura in cui l'omogenità

* женевской одержимостью (*ит.*).

inslav

religiosa del ducato era una garanzia contro la dissidenza religiosa, senza peraltro accetare interferenze limitatrici della propria sovranità» * [52].

Как Эмануил Филиберто Савойский, так и Якоб Курляндский довольно быстро осознали, что для обустройства своих стран и для их защиты от внутренних и внешних врагов важнейшим из преобразований должна стать военная реформа. При Эмануиле Филиберто в Савойе была создана пехотная милиция численностью 22 тыс. чел. Повинность по ее комплектованию была возложена на податное население, которое по принципу территориального набора выставляло солдат (trattenuti). Благодаря этому герцог освободился от необходимости созывать дворянское ополчение, что, с одной стороны, способствовало усилению власти монарха, а с другой — обеспечивало ему пропагандистский эффект в среде благородного сословия, получившего освобождение от обязательной военной службы [53]. Савойский герцог, как и его курляндский коллега, прилагал усилия для создания собственного флота.

Соответствующие попытки по проведению военной реформы предпринимались и в Курляндии. Однако предложенный в 1648 г. герцогом Якобом проект создания собственного герцогского войска (peculiaris exercitus) был заблокирован как курляндским дворянством, так и польскими королями. Аналогичная судьба постигла и другие преобразовательные планы герцога в военной области. В этом отношении правители Курляндии были связаны по рукам и ногам. Руководствуясь сформировавшейся в прошлом и уже архаичной в XVI–XVII вв. этикой военного сословия, рыцари продолжали связывать свою судьбу с военным поприщем и поступали на службу в иностранные армии. Как курляндцы, так и савойцы в качестве наемников прославились на полях сражений в Европе. В самих же военных конфликтах XVII в. оба маленьких герцогства придерживались политики нейтралитета, стараясь присоединяться к оборонительным союзам.

Новый этап в истории Курляндии и Савойи берет начало на рубеже XVIII в. Во время войны за испанское наследство Савойское герцогство из сателлита Франции превращается в важного партнера по поддержанию баланса сил в Европе. Искусный дипломат Витторио Амадео II — «principale motore e autore della riorganizzazione dello stato» **, — опираясь на хорошо организованную армию и единую нацию, сумел в результате Утрехтского мира 1713 г. заполучить Сици-

---

* В той мере, в которой конфессиональная однородность герцогства была бы гарантией против религиозного диссидентства, но без того, чтобы принимать идущие извне ограничения собственного суверенитета (*ит.*).

** главный инициатор и мотор преобразований в государстве (*ит.*).

inslav

лию, которую он в 1720 г. в обмен на Сардинию вернул Испании, что и открыло ему путь к вожделенному королевскому титулу [54]. Однако внешнеполитические достижения савойского дома не изменили того обстоятельства, что в области внутренней политики и интеллектуальной жизни Савойя оставалась в XVIII в. все еще отсталой страной. В ходе наполеоновских войн Карл Эмануил IV в 1798 г. вынужден был отречься от савойского престола, но сохранил за собой Сардинию.

Северная война 1700–1721 гг. окончательно ликвидировала прежнее равновесие сил на северо-востоке Европы. Ништадтский мир 1721 г. означал установление российской гегемонии в Прибалтике. Курляндский герцог Фердинанд оказался в изгнании в Гданьске, откуда пытался управлять своей страной. В 1737 г. он умер, а поскольку был последним в роде Кетлеров, то с его кончиной прекратилась и герцогская династия. Таким образом, были прерваны династические связи Курляндии с другими прибалтийскими государствами.

Большие людские потери, падение цен на зерно негативно сказались на состоянии хозяйства Курляндии в XVIII в. Сохранение отживших порядков и старых сословных структур, бесправное положение латышского населения — все это закрывало путь к глубокой модернизации страны. А об имевшемся для этого значительном потенциале свидетельствует развитие прибалтийских губерний в XIX в., ставших одним из наиболее передовых регионов Российской империи.

Стоит задаться вопросом: было бы предпочтительно правление в Курляндии какой-либо иностранной династии? Ее представителям на герцогском престоле не пришлось бы, во всяком случае, каждый раз действовать с оглядкой на собратьев-рыцарей. В начале XVIII в. таких пользовавшихся поддержкой своих стран заграничных претендентов на курляндскую корону было немало [55]. И польские короли, сами будучи избранными на польский престол, не раз повторяли попытки установить в Курляндии собственные дочерние династии. Но все они натолкнулись на решительное сопротивление шляхты Польши и Литвы. Должен ли был герцог Якоб, вместо того чтобы думать об отдаленных колониях, поискать себе в Европе, наряду со своим курляндским леном, каких-то новых владений, которые могли бы послужить ему и династии второй опорой? Или, может быть, корпоративный дух иностранного дворянства и пример в XVIII в. уже более нежизнеспособной модели польско-литовской шляхетской республики повинны в том, что Курляндское герцогство вместе с Речью Посполитой в 1795 г. прекратило существование? Сохраняли ли малые страны, оказавшиеся в поле соперничества соседних государств, шансы на выживание? Или конец XVIII в. означал вообще конец всякой возможности для малых государств оправдать свое бытие на периферии

inslav

великих держав? Именно так в 1782 г. ставился вопрос о ленных княжествах Молдавии и Валахии в случае их приобретения Австрией.

Реставрация в 1815 г. на Венском конгрессе системы европейских государств не коснулась Восточной Европы. Не в интересах собравшихся в австрийской столице государей и дипломатов было восстанавливать в правлении династию в Курляндии или свободно избранных шляхтой королей Речи Посполитой, как это было сделано на юго-западе Европы, например в Савойе. До тех пор, пока сохранялось равенство в разделе пирога, поддерживалось и равновесие между новыми великими державами Северо-Восточной Европы – Россией и Пруссией.

* * *

В заключение, давая обобщенную оценку рассмотренным проблемам, следует сказать, что если отвлечься от внешних обстоятельств, повлиявших на историческую судьбу Курляндии и Савойи, то прежде всего шесть внутренних факторов составили базис, обусловивший существенные различия в развитии обоих герцогств.

1. Население Курляндии составляло 1/6 часть от числа жителей также малонаселенного Пьемонта, что изначально поставило весьма ограниченные пределы для его собственной деятельности.

2. Династические связи савойцев были издавна вплетены в систему династических отношений важнейших монарших родов Европы, чем герцоги из савойского дома, обнаружив большое искусство и применив современные средства пропаганды, умело воспользовались, чтобы склонить на свою сторону европейское общественное мнение.

3. Активное взаимопроникновение старых элит и систематическое наращивание прослойки чиновничества, подобно двум соединенным энергетическим потокам, способствовали укреплению монаршей власти и влиянию придворных кругов в Турине. В Митаве, напротив, политическое развитие шло старым феодальным путем.

4. Концентрация государственных средств в руках центральной власти, как это было при туринском дворе, открывала возможность для их направления в области, существенно важные для прогрессивного развития страны, такие как военная сфера, экономика и просвещение. Наличие у савойских герцогов, хотя и маленького, собственного войска подчеркивало государственный суверенитет герцогства и волю монарха проводить активную внешнюю политику.

5. Герцог Якоб Курляндский, применяя в политике передовые для своего времени методы, способствовал взаимопроникновению государства и экономики. Очень рано осознал он необходимость приобретения экономических ресурсов за пределами Европы.

inslav

6. Способность савойских герцогов и их советников направлять шаги, предпринимаемые в сфере экономики, культуры и религии, к тому, чтобы сфокусировать центробежные силы в стране и создать гражданское общество, позволила Савойе пройти путь, соответствующий магистральному направлению развития европейских стран.

Необходимость отстаивания собственной самостоятельности и приспособления к потребностям современного развития в Савойе сочеталась с влиянием соседних абсолютистских монархий Франции и Испании. Рыцарство Курляндского герцогства, напротив, могло чувствовать себя абсолютно удовлетворенным тем местом, которое оно занимало в отсталой внутренней структуре Речи Посполитой до конца XVIII в. Только исходя из этого следует оценивать позицию курляндского дворянства в переплетении новых межгосударственных союзов в Северо-Восточной Европе, в переплетении интересов России и Пруссии.

Перевод с немецкого Б. Носова

ПРИМЕЧАНИЯ

1 См.: Geschichte des Baltikums / Hg. v. Z. Kiaupa u. a. Tallinn, 1999. S. 50 etc.

2 *C. Schmidt.* Auf Felsen gesät. Die Reformation in Polen und Livland. Göttingen, 2000. S. 164 etc.

3 *H. Schilling.* Das konfessionelle Europa. Die Konfessionalisierung der europäischen Länder seit Mitte des 16. Jahrhunderts und ihre Folgen für Kirche, Staat, Gesellschaft und Kultur // Konfessionalisierung in Ostmitteleuropa. Wirkungen des religiösen Wandels im 16. und 17. Jahrhundert in Staat, Gesellschaft und Kultur / Hg. v. J. Bahlcke, A. Strohmeyer. Forschungen zur Geschichte und Kultur des östlichen Mitteleuropa 7. Stuttgart, 1999. S. 13–62.

4 *A. Mączak.* The Space of Power. Poland-Lithuania in the Sixteenth and Seventeenth Centuries // Wirtschaft, Gesellschaft, Unternehmen. Festschrift H. Pohl / Hg. v. W. Schönert-Röhlk, G. Schulz. Stuttgart, 1995. Bd. 2. S. 633–640.

5 *D. G. Kirby.* Northern Europe in the Early Modern Period. The Baltic World 1492–1772. London; New York, 1993. P. 48.

6 Из новейших польских работ см.: *G. Błaszczyk.* The United Commonwealth: a survey of Polono-Lithuanian Relations 1569–1795 // Mare Nostrum. 1999. Nr. 1. P. 11–23; а также историографическое эссе: *H. E. Dembkowski.* The Union of Lublin. Polish Federalism in the Golden Age. East European Monographs 116. New York, 1982. P. 239–251; из работ литовских авторов — *J. Kiaupiene.* The Grand Duchy and the Grand Dukes of Lithuania in the Sixteenth Century: Reflections on the Lithuanian Political Nation and the Union of Lublin // The Polish-Lithuanian Monarchy in European Context. C. 1500–1795 / Ed. by R. Butterwick. Basingstoke, 2001. P. 82–92.

inslav

7 *R. I. Frost.* The Northern Wars. War, State and Society in Northeastern Europe, 1558–1721. London, 2000. P. 323 etc.

8 *D. G. Kirby.* Op. cit. P. 323.

9 *Б. В. Носов.* Курляндское герцогство и российско-польские отношения в 60-е годы XVIII века. К предыстории разделов Речи Посполитой // Славяноведение. 1993. № 5. С. 54–66.

10 *A. Bues.* Kurlandia, Prusy Królewskie i Książęce a Rzeczypospolita Obojga Narodów. Refleksje o federacyjnej budowe państwa polsko-litewskiego w drugiej połowie XVI i XVII wieku // Czasopismo prawno-historyczne. 1998. T. 50. S. 221–233.

11 Так в ловко составленноїі генеалогии герцогов из дома Кетлеров появляются громкие имена, вроде Карла IV. См.: *E. Fircks.* Die Bemühungen Herzog Jakobs von Kurland um die Genealogie seines Geschlechtes. Berlin, s. d.

12 *E. Opaliński.* Die Freiheit des Adels. Ideal und Wirklichkeit in Polen-Litauen im 17. Jahrhundert // Der europäische Adel im Ancien Régime. Von der Krise der ständischen Monarchien bis zur Revolution (ca. 1600–1789) / Hg. v. R. G. Asch. Köln; Wien; Weimar, 2001. S. 77–104. См. также: *A. Wyczański.* Szlachta polska XVI wieku. Warszawa, 2001.

13 *E. Oberländer.* Das Herzogtum Kurland 1561–1795 // Regionen in der Frühen Neuzeit. Reichskreise im deutschen Raum, Provinzen in Frankreich, Regionen unter polnischenr Oberhoheit. Ein Vergleich ihrer Strukturen, Funktionen und ihrer Bedeutung. Zeitschrift für Historische Forschung. Berlin, 1994. Beiheft 17. S. 193–207. Приведенную оценку см.: Ibid. S. 201.

14 *A. Bues.* Die kurländische Thronfolge im 16. und 17. Jahrhundert // Der frühmoderne Staat in Ostzentraleuropa II // Documenta Augustana 3 / Hg. v. E. J. Weber. Augsburg, 2000. S. 53–72.

15 *Z. B. Lucas, J. Waghenaer.* Spieghel der Zee vaert. Amsterdam. 1584–1585. Blatt XIII Verclaringe van Rhyga ende Parnout / met alle haer ghelehentheden; Blatt XIV Verclaringe van t'lant van Pruyssen.

16 *W. Eckert.* Kurland unter dem Einfluß des Merkantilismus. Riga, 1927; *Ž. Bundurs.* Senâs latvju kolonijas Gambija Tobago. Riga, 1992.

17 Грамота герцога Якоба — царю Алексею Михайловичу. Митава, 14.08.1656 // Российский государственный архив древних актов. Ф. 63. Оп. 2. Д. 4.

18 «...berättar om Hertigens af Churlandz obeständighet...» (Stockholm, 18.06.1657) — см. в кн.: Svenska riksrådets protokoll, XVIII, 3. Serie / Hg. v. W. Enblom. Stockholm, 1929. S. 169.

19 Письмо Адама Шуберта — герцогине Софии-Амалии, Варшава, 24.02.1682 // Latvijas Valsts vçstures arhîvs. Riga, 554 I, 951, fol. 48–51.

20 См.: *R. Bonney.* The European Dynastic States 1494–1660. Oxford, 1991. P. 525.

21 *B. Murgescu.* Istorie românească — istoria universală (600–1800). Bucureşti, 1999. О статусе Молдавии и Валахии в составе Оттоманской Порты см.: Ibid. P. 121–146.

22 *F. Edelmayer.* Maximilian II, Philipp II und Reichsitalien. Die Auseinandersetzungen um das Reichslehen in Ligurien. Veröffentlichungen des Instituts für Europäische Geschichte Mainz 130. Beiträge zur Sozial- und Verfassungsgeschichte des Alten Reiches 7. Wiesbaden, 1988. S. 1.

inslav

23 *G. Ricuperati.* Gli strumenti dell' assolutismo sabaudo. Segreterie di stato e consiglo della finanze nel XVIII secolo // Rivista Storica Italiana. 1990. Vol. 102. P. 796–873. Оценку савойского опыта см.: Ibid. P. 871.

24 *G. Tabacco.* La formazione della potenza sabauda come dominazione alpina // Die Alpen in der Europäischen Geschichte des Mittelalters. Konstanz; Stuttgart, 1965. S. 233–244.

25 См.: *M. Rizzi.* Centro spagnolo e periferia lombarda nell'impero asburgico tra Cinque e Seicento // Rivista Storica Italiana. 1992. Vol. 104. P. 315–348.

26 *E. v. Fircks.* Die Ritterbanken in Kurland nach dem Originalprotokoll von 1618–1648 // Jahrbuch für Genealogie, Heraldik und Sphragistik / Hg. v. der Kurländischen Gesellschaft für Literatur und Kunst. Mitau, 1895. S. 1–109; Kurland und seine Ritterschaft / Hg. v. d. Kurländischen Ritterschaft. Pfaffenhofen; Ilm, 1971.

27 *P. Merlin, C. Rosso, G. Symox e G. Ricuperati.* Il Piemonte sabaudo. Stato e territori in età moderna // Storia d'Italia / a cura di G. Galasso. Torino, 1994. Vol. 8(1). P. 110.

28 *D. Frigo.* L'affermazione della sovranità. Famiglia e corte dei Savoia tra Cinque e Settecento // «Famiglia» del principe e famiglia aristocratica / a cura di C. Mozzarelli. Europa delle Corti. Centro studi sulle società di antico regime. Biblioteca del Cinquecento. Roma, 1988. Vol. 41. P. 277–332. Об этом см.: Ibid. P. 278.

29 О «Савойской хронике» 1417–1419 гг. см.: *E. Tremp.* Auf dem Weg in die Moderne. Peter II. von Savoyen und die Anfänge von Territorialstaatlichkeit im 13. Jahrhundert // Zeitschrift für Historische Forschung. 1998. Bd. 25. S. 481–507.

30 *R. Oresko.* The House of Savoy in search for a royal crown in the seventeenth century // Royal and republican sovereignty in early modern Europe / Ed. by R. Oresko, G. C. Gibbs and H. M. Scott. Cambridge, 1997. P. 272–350.

31 *Z. B. R. Kleinman.* Charles-Emmanuel I of Savoy and the Bohemian Election of 1619 // European Studies Review. 1975. Nr. 5. P. 3–29.

32 *T. Schiemann.* Gotthard Kettler, der letzte Meister Deutschen Ordens in Livland und erste Herzog von Kurland // *Ders.* Historische Darstellungen und Archivalische Studien. Beiträge zur baltischen Geschichte. Hamburg; Mitau, 1886. S. 91–102.

33 *T. Klein.* Die Erhebungen in den deutschen Reichsfürstenstand 1550–1806 // Blätter für deutsche Landesgeschichte. 1986. Bd. 122. S. 137–192. О возведении Кетлеров в князья Священной Римской империи см.: Ibid. S. 174.

34 *A. Bues.* Rezydencje książąt Kurlandii w Mitawie w XVI i XVII w // Rezydencje w średniowieczu i czasach nowożytnych / Wyd. E. Opaliński i T. Wiślicz. Warszawa, 2001. S. 44–68.

35 *M. D. Pollak.* Turin 1564–1680. Urban Design, Military Culture and the Creation of the Absolutist Capital. Chicago, 1991. P. 1–34.

36 О Государственном совете (Consiglio di Stato) в Савойе см.: *P. Merlin, C. Rosso, G. Symox e G. Ricuperati.* Op. cit. P. 62–71. О Совете Курляндского герцогства см.: Hofordnung von 1581 // Monumenta Livoniae Antiquae. Riga; Leipzig, 1839. Bd. 2. S. 13–24.

inslav

37 Сравнение по материалам Р. А. Мюллера. См.: *R. A. Müller*. Der Fürstenhof in der frühen Neuzeit. Enzyklopädie deutscher Geschichte. München, 1995. Bd. 33. S. 30.

38 *G. Quazza*. Le riforme in Piemonte della prima metà del '700 // Collezione storica del Risorgimento italiano. Modena, 1957. Vol. 51–52. P. 99.

39 *L. Allegra*. La città verticale. Usurai, mercanti e tessitori nella Chieri del Cinquecento. Milano, 1987. P. 116; *G. Chicco*. La seta in Piemonte 1650–1800. Un sistema industriale d'ancien régime. Milano, 1995. P. 341 etc.

40 О численности населения Савойи см.: *G. Bragagnolo, E. Bettazzi*. Torino nella storia del Piemonte e d'Italia. Vol. 1: Dalle origini al Emanuele Filiberto. Torino, 1915. Vol. 2: Da Emanuele Filiberto ai giorni nostri. Torino, 1919. P. 46. О численности населения Курляндии см.: E. Dunsdorfs. Die Bevölkerungszahl in Kurzeme (Kurland) im 16. Jahrhundert. Contributions of Baltic University 49. Pinneberg, 1947. P. 9.

41 *S. J. Woolf*. Sviluppo economico e struttura sociale in Piemonte da Emanuele Filiberto a Carlo Emanuele III // Nuova Rivista Storica. 1962. Vol. 46. P. 1–57. Здесь: Ibid. P. 8 etc.; *A. G. Canina*. La finanza del Piemonte nella seconda metà del XVI secolo. Torino, 1924. P. 80–85.

42 *E. Mrowiński*. Monety Księstwa Kurlandii i Semgalii. Warszawa, 1989. S. 83–86.

43 Novi ordini et decreti intorno alle cause civili, anno 1561. Novi ordini et decreti intorno alle cause criminali, anno 1565.

44 Iura et leges in usum nobilitatis Curlandicae et Semigallicae, anno 1617; *T. Schiemann*. Die Regimentsformel und die Kurländischen Statuten von 1617. Mitau, 1876.

45 Relazioni degli ambasciatori veneti. Vol. IX Savoia / A cura di E. Alberi, L. Firpo. Torino, 1983. P. 326.

46 *E. Stumpo*. Finanze e stato moderno nel Piemonte del seicento. Torino, 1979. P. 231.

47 *G. Ricuperati*. Gli strumenti dell'assolutismo sabaudo. Segreterie di stato e consiglio della finanze nel XVIII secolo // Rivista Storica Italiana. 1990. Vol. 102. P. 796–873. Здесь см.: Ibid. P. 855 etc., 870.

48 О макиавеллизме в политике Эмануэля Филиберто см.: *P. Merlin*. Emanuele Filiberto. Potere e politica nel Piemonte del Cinquecento. Torino, 1995. P. 152 etc.

49 См., напр., новейшую работу: *A. Tering*. Die Beziehungen der Königsberger Universität zu Est-, Liv- und Kurland im 17. Jahrhundert // Kulturgeschichte Ostpreußens in der Frühen Neuzeit / Hg v. K. Garber, M. Komorowski, A. E. Walter. Frühe Neuzeit 56. Tübingen, 2001. S. 391–404.

50 *A. Bues*. Stosunki wyznaniowe w Kurlandii od XVI do XVIII wieku // Współistnienie czy przenikanie: Stosunki wyznaniowe w Europie Środkowej i Wschodniej od XIII do XVII wieku / Wyd. M. Dygo (в печати).

51 *C. Donati*. Genova, Piemonte, Stato della chiesa e Toscana nel Seicento // La Controriforma e il Seicento / A cura di R. Alonge fra l'altro. Storia della Società italiana 11. Milano, 1989. P. 370; *R. Oresko*. The Question of the Sovereignty of Geneva after the Treaty of Cateau-Cambrésis // Republiken und Republikanismus im Europa der Frühen Neuzeit / Hg. v. H. G. Koenigsberger. Schriften des Historischen Kollegs. Kolloquien 11. München, 1988. S. 77–99.

inslav

52 *A. Erba*. La chiesa sabauda tra Cinque e Seicento. Ortodossa tridentina, gallicanesimo savoiardo e assolutismo ducale (1580–1630). Roma, 1979. P. XVII etc.

53 О соотношении содержания военных реформ Эмануэля Филиберто и их отражения в общественном мнении см.: *W. Barberis*. Le armi del principe. La tradizione militare sabauda. Torino, 1989; *P. Merlin, C. Rosso, G. Symox e G. Ricuperati*. Op. cit. P. 71–78.

54 *G. Quazza*. Op. cit. P. 13; *A. Mattone*. La cessione del Regno di Sardegna dal trattato di Utrecht alla presa di possesso sabaudo (1713–1720) // Rivista Storica Italiano. 1992. Vol. 104. P. 5–89; *G. Symcox*. Victor Amadeus II. Absolutism in the Savoyard State (1675–1730). London, 1983.

55 *K. Strohm*. Die kurländische Frage (1700–1763). Eine Studie zur Mächtepolitik im Ancien Régime. Berlin, 1999. В особенности см.: Ibid. S. 67–152.

inslav

Л. И. Ивонина
(Смоленск)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МОДА И ПОЛИТИЧЕСКАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ: К ВОПРОСУ О ВОСПРИЯТИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ЛЮДОВИКА XIV В ПОЛЬШЕ И РОССИИ

Сформулированная в заглавии проблема тесно связана с исследованиями по истории международных отношений в Западной и Центральной Европе XVII – начала XVIII в. В историографии и по сей день Западная и Восточная Европа нередко рассматриваются в качестве объективно единой системы международных отношений. Существующее условное деление на всеобщую и отечественную историю, изучение региональных процессов исторического развития, анализ единичного и особенного, что нередко преобладает в исторических исследованиях, не должны заслонять собой осмысления общеевропейской истории. В этом смысле в отечественной науке имеется добрая традиция изучения истории России в рамках истории Европы в целом [1]. И все же в последнее время – очевидно, в связи с политическими процессами и изменениями в мире в конце XX столетия – Восточная Европа все чаще рассматривается как особый субъект международных отношений указанного времени [2]. Например, в вышедшей в 2000 г. книге Р. Фроста «Северные войны 1558–1721 гг.» прямо говорится о том, что исключительно важно посмотреть на Восточную Европу, чтобы действительно понять природу военных изменений и их влияние на социальные и политические трансформации в раннее Новое время [3].

I

Анализируя «восприятие внешней политики» как феномен политического мышления, мы исходим из того, что само это явление представляет собой сложную и противоречивую структуру, причем нередко даже образующие ее элементы не могут быть оценены однозначно. Разумеется, что и в рассматриваемую эпоху варианты политического мышления отличались значительным разнообразием и внутренней диалектичностью.

Несомненно, в XVII в. стержнем всего миропонимания, в том числе и политики, становится рационализм, в конечном счете вышедший

inslav

победителем в борьбе с иррациональным мышлением эпохи «конфессионального» века, которая длилась со второй половины XVI в. до конца Тридцатилетней войны (1618–1648). Однако ничто не существует без своей противоположности. Если до середины XVII в. иррациональное чаще всего выражалось в конфессионализме, то, думается, со второй половины столетия на смену ему пришла политическая мода. Сразу же заметим, что здесь мы оставляем в стороне важные для политики рассматриваемого периода династические взаимоотношения.

Думается, что применение в связи с поставленной проблемой термина «мода» вполне оправданно. Вообще, мода, как всякое общественное явление, может быть иррациональной и рациональной, высокой модой и модой на каждый день. Нам представляется, что любая высокая мода иррациональна. А политическая мода — это прежде всего высокая мода, т. е. мода высших и руководящих слоев общества. В эпоху старого порядка у руля внешней и внутренней политики европейских государств находилось преимущественно дворянство. Заметим, к примеру, что хотя очень долгое время — до середины 80-х гг. XVII в. — внешняя политика французского короля Людовика XIV проводилась в целом в государственных интересах Франции, она прежде всего отвечала запросам ограниченных социальных групп — бюрократии, дворянства и особо приближенных к монарху лиц.

Разумеется, господствующая в каком-либо государстве политическая мода отнюдь не означает, что это государство будет проводить свою дипломатию в русле политического идеала, сбрасывая со счетов любые возможности и повороты политической конъюнктуры. Мода всегда была желаемым элементом сознания, но чаще всего приходилось мириться с действительностью.

Политическая мода в Западной Европе второй половины XVII — начала XVIII в. была, несомненно, французской. Самым ярким подтверждением этого является становление французского языка в качестве международного и постепенное вытеснение латыни на дипломатических конгрессах, чему, впрочем, существовало немалое сопротивление. Дело доходило даже до курьезов. Так, уже на переговорах в Нимвегене в 1678 г. французский язык начал использоваться наряду с латынью. Что же касается Рисвикского конгресса 1697 г., то такая ситуация должна была сама собой подразумеваться. Однако в международном праве того времени использование французского языка как языка переговоров еще не было зафиксировано. Послы Людовика XIV представили шведскому посреднику Лиллиеруту проект договора с Империей, естественно, на своем языке. Швед не возражал, но имперские послы и поддержавшие их представители других немецких государств воспротивились этому «оскорблению достоинст-

inslav

ва Священной Римской империи», этому «нарушению прав других наций» и не хотели принимать эту бумагу во внимание [4]. В результате хороший французский был переведен на плохой латинский.

Распространявшаяся в Европе французская мода в политике определялась прежде всего гегемонией Франции на континенте в XVII – начале XVIII в. и образцовым, согласно представлениям того времени, политическим устройством французского королевства для большинства европейских государств. Подобные тенденции, т. е. политическая мода государства-гегемона, в мировом политическом сознании существуют и сейчас. Франция при Людовике XIV переживала эпоху расцвета абсолютизма. В бюрократическом отношении это государство являлось почти совершенным, а его король был настоящим профессионалом в своем королевском ремесле. Но не следует преувеличивать степень государственной мудрости Людовика XIV: он совершил немало политических ошибок, прежде всего потому, что не учитывал общие интересы и коллективный менталитет своих подданных, а также интересы других европейских государств. Несмотря на весьма искусную дипломатию, он развивал в Европе не только территориальную, но и духовно-идеологическую экспансию, что послужило причиной образования антифранцузских коалиций на протяжении всего царствования этого монарха. А с 80-х гг. XVII в. политика французского короля начинает обращать на себя пристальное внимание в Речи Посполитой и в России.

II

Если сегодня среди польской общественности был бы проведен опрос, касающийся взаимосвязей истории Польши и истории всей Европы, то с большой долей вероятности можно прийти к следующему результату: подавляющее большинство поляков полагало бы, что в политическом, религиозном и культурном отношениях их государство внесло огромный вклад в развитие европейской цивилизации. Более того, это мнение носит и по сей день конфессиональный оттенок – на протяжении веков Польша являлась оплотом христианской Европы в борьбе против Османской империи. Коллективная историческая память поляков, их чувство принадлежности к Европе во многом основываются на одном, весьма немаловажном, историческом факте – участии и роли их короля Яна Собеского в снятии осады Вены турками в 1683 г.

Когда в начале 1683 г. впервые после полуторавекового перерыва к Вене подступила огромная двухсоттысячная армия турецкого визиря Кара-Мустафы, Людовика XIV не без оснований подозревали в том,

inslav

что он, следуя традиционной линии французской политики, начало которой было положено при Франциске I Валуа в XVI в., действовал заодно с султаном против императора Леопольда I Габсбурга. «Наихристианнейший король» французов получил во всей Европе прозвище «наихристианнейший турок». А когда папа римский Иннокентий XI призвал его принять участие в борьбе против неверных, угрожавших христианской Европе, из Версаля последовал незамедлительный ответ, что крестовые походы вышли из моды. Французские послы во всех европейских столицах прилагали усилия, чтобы и другие державы не следовали этой устаревшей моде и не пытались оказать помощь императору. Иными словами, согласно мнению Людовика XIV, на континенте должна существовать одна мода — французская.

Вообще, в Версале рассчитывали, что занятие Вены позволит королю выступить затем в качестве спасителя Европы, отбросив турок, и уже одним этим установить даже в моральном плане французское преобладание на континенте. Весьма активно действовала французская дипломатия и в Речи Посполитой, традиционной союзнице Габсбургов. Посол Версаля де Витри ни на шаг не отходил от короля Яна Собеского, следуя за ним повсюду, о чем свидетельствует «Французская газета» за 1683 г. [5]. Нельзя сказать, что в Польше, ставшей оплотом христианской Европы после 1683 г., отношение к Франции и Турции в то время было однозначным. В начале 1680-х гг. перед поляками встала серьезная дилемма выбора между Западом и Востоком. Впрочем, таковая существовала и раньше, что весьма характерно для пограничных обществ.

Современные исследователи истории Польши уже пришли к выводу, что миф, который утвердился в польской историографии и литературе XIX в., расходится с исторической реальностью. То есть тот факт, что польские короли и дворянство были одержимы турецкой модой, не совсем верен. Такое веяние, в сущности, было данью экзотике. Конечно, еще в ноябре 1831 г. существовала идея польско-турецкого альянса против русского царя с целью возрождения польского государства. Но турки и поляки вряд ли когда-нибудь симпатизировали друг другу, их сотрудничество диктовалось необходимостью союза против России и Пруссии. А католической Австрии бросали упрек — она не уберегла Польшу от опасности, не предотвратила ее разделы, хотя бы за то, что та сделала для Вены в 1683 г. [6].

Однако несомненно и другое явление, характерное для второй половины XVII в., — в Польшу при Яне Собеском неуклонно проникала французская мода, в высших кругах почти вытеснившая турецкую. Это было заметно даже по манере одеваться в среде титулованной польской знати, при дворе в Варшаве, тогда как шляхта в большинстве

inslav

своем оставалась приверженной в быту турецкой моде. Но тем не менее именно последняя заставила своего короля на сейме в январе 1683 г. присоединиться к Священной лиге и воевать против турок, почти единогласно проголосовав «за войну для мира» [7].

Вообще именно Франция при Людовике XIV была для королевского двора в Варшаве образцом для подражания, нередко выходившим за пределы разумного, и очень долгое время Ян Собеский желал тесного союза с самым сильным государством Европы. Однако в 1679 г. Версаль окончательно и недвусмысленно дал понять Речи Посполитой, что отказывает той в балтийских планах и в перспективе в войне против Османской империи. Для высших кругов Польши создалась драматическая ситуация, когда Ян Собеский, наконец, осознал, что Франция и Турция являются давними союзниками.

В такой ситуации в немалой степени была задета и гордость поляков. Польша обращалась к Франции как к союзнику, а та к Речи Посполитой – как к вассалу. Таким образом, свершился поворот к антитурецкой лиге, а сын Яна Собеского – Яков позволил себе высказаться о Бастилии в том смысле, что там Бурбоны могут сгноить любого человека [8]. С начала 80-х гг. в Польше начали распространяться следующие поговорки: «Старайтесь посытнее пообедать, пока войска в бой не послали, а то на войне не придется», «Москаль – враг, турок – враг, француз – гость, а немец смеется». Последнее выражение принадлежало поэту Вацлаву Потоцкому [9].

И все же, несмотря на непрерывное давление послов императора Леопольда I и папы Иннокентия XI, Собеский выжидал до весны 1683 г., пока не стало определенным, что после взятия Вены наступление Кара-Мустафы будет направлено на север в сторону Польши. Но и тогда король не прерывал своих продолжительных и весьма теплых бесед с французским послом де Витри. Только 18 июля с восемнадцатитысячной армией (а не с сорокатысячной, как просил император Священной Римской империи) Ян Собеский выступил в направлении Кракова, после чего сразу поднял проблему о верховном командовании объединенной армией (он, Леопольд I или Карл Лотарингский). Разумеется, польский король настаивал на своей кандидатуре [10].

12 сентября благодаря внезапной и своевременной атаке польской конницы осада Вены была снята, а уже 15 сентября армия Речи Посполитой сама себя провозгласила «спасительницей Вены». Это обстоятельство был вынужден подтвердить и сам Леопольд I на личной встрече с Яном Собеским. Но уже в недалеком будущем участие Польши в войне Священной лиги, как полагают современные польские историки, стало ошибкой – следовало бы ограничиться только снятием осады Вены. Под давлением дипломатии престола Св. Петра

inslav

и императора Леопольда I, а также шляхты, желавшей окончательно разделаться с турками, Собеский продолжал воевать (в некоторые годы финансирование участия речи Посполитой в войне на 90% обеспечивалось Иннокентием XI [11]).

Успешные военные действия Священной лиги на Балканах против Порты и другие европейские события, связанные с экспансией Людовика XIV в Германии, Нидерландах и Северной Италии в годы Девятилетней войны, очень скоро заставили императора и папу римского забыть о Польше и лишить ее к концу XVII в. финансовой поддержки. Изнурительная война да еще честолюбивые планы Якова Собеского занять и молдавский трон окончательно ослабили Польшу и способствовали вмешательству в ее внутренние дела после смерти Яна Собеского в 1696 г. крупнейших держав, в число которых при Петре I вошла и Россия.

III

Что же касается России, точнее, Московского государства или Московии, как наше отечество было принято называть в XVII в. за границей (в частности, это прослеживается в иностранной прессе), то ее отношение к Франции при Людовике XIV было более определенным. И это при том, что Московское государство в начале этого столетия пережило, по сути, затяжной политический кризис, а в дальнейшем целую череду потрясений, что дало современникам основание назвать XVII век «бунташным веком». В то же время в России перемены в экономике, в сословном строе и менталитете населения сопровождались практически непрерывными внешними войнами.

Однако особенность России заключалась в том, что до эпохи Петра Великого российские правители и высшие слои были чужды всяческому иностранному влиянию и любой политической моде, в том числе и французской. Существовали, однако, и исключения. Например, приближенный царя Алексея Михайловича окольничий А. С. Матвеев любил у себя дома одеваться по западноевропейской моде и легко читал по-французски.

Впрочем, то, что Петр I открыл окно в Европу, в некотором роде не совсем точно. Первый русский император лишь завершил процесс открытия России и ее активного вступления в западноевропейскую политику, правда, достаточно радикальными мерами. Но т. н. «окна» существовали и раньше в виде взаимосвязей России с Западом. Истории известны посольства И. М. Воронцова в Литву и Швецию в 1567–1569 гг., многочисленные посольства в Англию и Голландию, не говоря уже об А. Л. Ордын-Нащокине, творце мира в Андрусово, установившего дипломатические отношения с Западом. А в июне 1667 г.

inslav

царь Алексей Михайлович отправляет во Францию посольство Петра Потемкина, участника мира в Андрусово. История этой дипломатической миссии под названием «Неизвестный дневник посольства Петра Потемкина во Францию в 1668 г.» была издана в Париже в 1872 г. под редакцией Сен-Лорана издателем Жакобом [12]. Задачами посольства были заключение антитурецкого союза и налаживание коммерческих связей с Францией. По пути русское посольство посетило Испанию, о чем упоминает «Французская газета» [13].

В политическом отношении посольство Потемкина не принесло существенных результатов. Союз против турок заключить не удалось, поскольку интересы Франции в Деволюционной войне (1668–1669 гг.) заставляли Людовика XIV самого поддерживать добрые отношения с Оттоманской Портой. А его министр Жан-Батист Кольбер не желал чинить препятствий французской торговле в Средиземноморье.

Однако в области экономики и культуры посольство имело весьма знаменательные последствия. В 1669 г. Кольбер создает «Северную компанию», которая должна была заниматься торговлей со Швецией и Россией. Пребывание Потемкина во Франции, где его, кстати, очень тепло принимали, произвело на русского посла огромное впечатление, в частности, французский театр и игра труппы Мольера, представившей в сентябре 1668 г. «Амфитрион» [14]. По приезде домой Потемкин везде делился своими впечатлениями о Франции, о величии ее короля и о ее чудесном театре. Не исключено, что под влиянием французского театра в 1672 г. отец Григорий, по происхождению немец, представил Алексею Михайловичу «Артаксеркса».

IV

В политическом отношении Московское государство искало во Франции союзника против Османской империи. Однако в 1683 г., когда правительство царевны Софьи обратилось с подобным предложением к Польше, приоритеты московской политики начали изменяться. Ян Собеский собирался тогда вести свои войска на помощь Леопольду I, а в отношении России его ответ был однозначным: за предоставление помощи в Крыму Варшава потребовала возвращения ряда украинских городов и Смоленска [15].

Во время же переговоров в Рисвике в 1697 г., венчавших окончание Девятилетней войны в Европе, молодой Петр I пребывал со своим Великим посольством в Гааге и также вел переговоры с послами иностранных государств о союзе против Турции. Только к французам подобных предложений от русской стороны не поступало — последние иллюзии насчет реальных планов Людовика XIV в Европе уже давно рассеялись.

inslav

Во время своего царствования Петр Великий отнюдь не стремился завязывать тесных отношений с Францией, несмотря на личную симпатию к французскому монарху. При дворе российского императора, как известно, больше утверждалась немецкая мода, просуществовавшая в России до конца XVIII в. И политически, и экономически Россия Петра была более тесно связана с Германией, с Голландией, наконец, с Англией. Русское правительство одним из первых признало результаты Славной революции 1688–1689 гг. в Англии и ее нового короля Вильгельма III Оранского, тогда как Людовик XIV практически все время поддерживал якобитов.

Правда, и здесь необходимо сделать оговорку. Петр I, как правитель, стремившийся к абсолютной власти и централизации своего государства, не мог не восхищаться «королевской деятельностью» французского монарха, его мероприятиями по укреплению собственной власти, созданию мощного бюрократического аппарата, наконец, культурными достижениями Франции. Несомненно, все это нашло отражение во внутренней политике русского императора. Его государственные реформы, даже строительство Петергофа, были проведены под немалым впечатлением поездки ко двору Людовика XIV в Версаль.

Однако следование моде, подражание блистательным образцам, даже заимствование некоторых реформаторских принципов всегда проходит испытание в горниле реальной политики. В отечественной историографии убедительно доказано, что русская дипломатия первой четверти XVIII в. в отношениях со всеми европейскими державами отличалась большой продуманностью и осторожностью. А Петр I умел подчинять порывы своей страстной, эмоциональной натуры холодным расчетам разума и политической выгоды [16].

Война за испанское наследство (1701–1714 гг.) и Северная война (1700–1721 гг.) начались в Европе практически одновременно. По традиции, и в нашей, и в зарубежной историографии эти войны и сегодня рассматриваются отдельно. Разумеется, это совсем не значит, что изложение происходивших тогда военных событий и дипломатических комбинаций подается совершенно изолированно друг от друга. Во многих исторических работах, даже не новых, имеется немало упоминаний о взаимосвязях дипломатических и военных акций в Западной, Центральной, Северной и Восточной Европе. Но и только.

V

Тезис о принадлежности России к общеевропейской системе международных отношений XVII в. и о роли Московского государства в Тридцатилетней войне в Европе глубоко обосновал еще Б. Ф. Поршнев [17].

inslav

После окончания Тридцатилетней войны на континенте формировалась новая, основанная на соглашениях в Мюнстере и Оснабрюке 1648 г., вестфальская система европейских государств. Впоследствии, в течение второй половины XVII в., она не раз испытывалась на прочность и подвергалась корректировке. В конце этого столетия назрела необходимость более серьезного согласования элементов вестфальской системы в связи с нарушением баланса сил в Европе со стороны как Франции, так и Швеции.

Новая большая европейская война, объединившая в себе Войну за испанское наследство и Северную войну, внесла существенные изменения в дальнейшее развитие международных отношений внутри вестфальской системы. Две европейские войны начала XVIII в. были неразрывно связаны между собой и равны по значению, поскольку борьба шла против гарантов тех же вестфальских соглашений 1648 г. — Франции и Швеции, а события обеих войн были в значительной мере взаимообусловлены.

Следующий общеевропейский кризис в международных отношениях, который разрешился Семилетней войной 1756–1763 гг., ознаменовала «дипломатическая революция» 1756 г. Наконец, Французская революция конца XVIII в. ликвидировала вестфальскую систему, положив конец международным отношениям старого порядка в целом.

Как известно, в войнах нет ни побежденных, ни победителей и субъективно сложно назвать прогрессивной какую-либо войну. Войны неизбежно влекут за собой моральные и материальные потери, могут вызвать тяжелейшие экономические и политические кризисы. Но, как это ни парадоксально, Россия в обоих общеевропейских конфликтах — первой половины XVII в. и первой четверти XVIII в. — объективно, с точки зрения дальнейшего развития европейского континента, выступала на стороне более прогрессивных сил. Это было обусловлено ее интересами прежде всего в отношении собственных соседей — Польши, Швеции и Турции — и не зависело от личных пристрастий ее монархов.

Поэтому во время Северной войны и Войны за испанское наследство Россия Петра I оказалась в лагере, враждебном Людовику XIV. Швеция же оказалась во французском дипломатическом лагере, и это привело к тому, что враги Франции — Англия и Голландия — заняли по отношению к Швеции формально враждебную позицию.

Конечно, русский монарх довольно рано понял, что Англия лишь временно может быть враждебна Швеции, что противоречия между Лондоном и Стокгольмом носили конъюнктурный характер и объяснялись только желанием приобрести Бремен и Верден для Ганновера, а также принадлежностью Карла XII к союзникам Людовика XIV.

inslav

Но стоило Версалю заключить мир с Лондоном, как англичане стали всеми мерами препятствовать русскому влиянию на Балканах и в Северной Германии [18]. В этом смысле император Священной Римской империи представлялся Петру более надежным союзником.

Петр I серьезно намеревался присоединиться к Англии, Голландии и к империи Габсбургов и вступить в созданный Вильгельмом III Оранским и герцогом Мальборо с целью сохранения баланса сил в Европе Великий союз 1702 г. В 1704–1708 гг. между Англией и Россией даже велись переговоры по этому вопросу, что нашло отражение в обширной дипломатической переписке между английской королевой Анной и Петром I. Параллельно шли переговоры о посредничестве Англии и Империи в отношениях между Россией и Швецией. Они начались еще в начале Северной войны, когда Вильгельм III Оранский в официальном порядке намеревался уладить дело миром, о чем неоднократно напоминал Петру I. Однако русский царь стремился к северным морям и не желал уступать ни одной пяди балтийской земли [19].

Осторожная политика западноевропейских держав в отношении России, начавшиеся разногласия в лагере противников Франции, готовность французского короля идти на переговоры воспрепятствовали прямому участию России в Войне за испанское наследство. Уже в конце ноября 1707 г. королева Анна написала Петру I «личное» письмо, в котором говорила о невозможности вступления России в Великий союз без согласия других государств, но тут же выражала готовность начать переговоры о торговых отношениях между Англией и Россией [20].

* * *

Подводя итоги, можно заметить, что политическая необходимость, государственные интересы Речи Посполитой и России в отношении Франции могли вступать и вступали в прямое противоречие с политической модой в Европе второй половины XVII – начала XVIII в. Но этот очевидный вывод является аксиомой для эпохи раннего Нового времени и последующих столетий. Другое дело, что в целом отрицательное восприятие внешней политики Людовика XIV, связанное прежде всего с его дипломатией в отношении Османской империи и германских земель, проявилось в Польше и России все же по-разному.

С одной стороны, Речь Посполитая, в политическом, культурном и конфессиональном отношении ощущавшая свою принадлежность к Западной Европе, была более подвержена французской моде. С другой стороны, будучи расположена на переднем крае взаимодействия Востока и Запада, она была обречена испытывать сильные и противоречивые влияния, т. е., условно говоря, была подвержена любой моде вообще. Политико-географическое положение Польши определяло постоянную

inslav

необходимость выбора внутри- и внешнеполитического курса шляхетской республики. К тому же следует отметить, что на внешнюю политику Польши очень сильно воздействовали конфессиональные мотивы.

Московское государство, напротив, очень долгое время находилось практически в состоянии изоляции от западноевропейских процессов. Решительное вступление в международно-политическую систему европейских государств потребовало от России в короткий срок определить наиболее приемлемое соотношение своих собственных интересов с интересами более рационально направленных сил на континенте, что было характерно для динамично развивающейся страны. В значительной мере согласование интересов России и Европы было достигнуто в XVIII и XIX вв. за счет Польши, когда Российская империя вошла в пятерку ведущих европейских держав – Пентархию.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 См.: *Е. В. Тарле.* Северная война и шведское нашествие на Россию // Соч. М., 1959. Т. 10; *Н. Н. Молчанов.* Дипломатия Петра Великого. М., 1991.

2 *J. Black.* The rise of the European Powers, 1679–1793. London; N. Y., 1990; *H Duchhardt.* Balance of Power and Pentarchie. Internationale Beziehungen 1700–1785. Paderborn; München; Zürich, 1997.

3 *R. Frost.* The Nothern Wars, 1558–1721. London; N. Y., 2000. P. 19.

4 Actes et Mémoires des Négotiations de la Paix de Ryswick. Graz, 1974. T. 2. P. 46–50.

5 Gazette de France. 1683. P. 109, 217–218, 663.

6 *J. Tazbir.* Polskie Przedmurze chreścijańskiej Europy. Warszawa, 1987. S. 50–57.

7 Gazette... P. 73.

8 *J. Tazbir.* Op. cit. S. 81, 88.

9 Ibid. S. 88.

10 *J. R. Spielman.* Leopold I of Austria. New Brunswick (New Jersey), 1977. P. 108–111.

11 *J. Tazbir.* Op. cit. S. 89.

12 *J. Blankoff.* De l'ancienne Moscovie à la cour de Louis XIV: l'ambassade de Pierre Potemkin // Richerche Slavistische. Roma, 1991. Vol. 37. P. 469–479.

13 Ibid. P. 471.

14 Ibid. P. 473.

15 Gazette. 1683. P. 57.

inslav

16 *Е. В. Тарле*. Указ. соч. С. 377.

17 *Б. Ф. Поршнев*. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М., 1976.

18 *Е. В. Тарле*. Указ. соч. С. 377, 402.

19 Britain and Russia in the age of Peter the Great. Historical Documents / Trans. & Ed. by S. Dixon. London, 1998. P. 32–65.

20 Ibid. P. 65.

inslav

К. А. Кочегаров
(Москва)

ДОГОВОР О ВЕЧНОМ МИРЕ 1686 г. МЕЖДУ РОССИЕЙ И РЕЧЬЮ ПОСПОЛИТОЙ В РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Вечный мир 1686 г., несомненно, стал одним из важнейших этапов русско-польских отношений, сохранив свое значение на протяжении всего XVIII в., вплоть до ликвидации в 1795 г. Польско-литовской шляхетской республики. Этот договор знаменовал собой окончание многолетней конфронтации двух стран и вступление России в систему международных коалиций Европы. Он явился событием, которое, учитывая дальнейшее развитие русско-польских отношений (разделы Польши и включение в состав России царства Польского), казалось бы, должно было привлечь к себе пристальное внимание российских историков. Настоящая статья посвящена освещению в российской историографии проблем истории русско-польских отношений, непосредственно связанных с договором 1686 г. между двумя странами.

В обширной историографии русско-польских отношений XVII в. наибольшее внимание исследователей привлекает история национально-освободительной борьбы на Украине и Польского Потопа [1]. Несколько меньше литературы посвящено Андрусовскому перемирию 1667 г., причем проблема Вечного мира 1686 г. часто рассматривалась как естественное продолжение Андрусовского перемирия, и оценки одного события проецировались на другое. В связи с этим в рамках данной статьи будет затрагиваться и историография Андрусовского перемирия. Слабую изученность русско-польских отношений 80–90-х гг. XVII в. признавали в разное время многие исследователи этого вопроса, в частности Г. А. Санин, В. А. Артамонов, Т. Н. Копреева [2].

В историографии Вечного мира можно условно выделить три относительно самостоятельные проблемы, которые привлекали внимание исследователей: это предпосылки и причины его заключения, причем в связи с этим часто рассматривается Андрусовское перемирие, сам процесс разработки и оформления договора 1686 г. и его последствия как для России и Речи Посполитой, так и для Восточной Европы в целом. При этом следует отметить, что у отдельных авто-

inslav

ров, писавших на указанную тему, далеко не всегда всем трем вопросам было уделено достаточное внимание.

I

Начало изучения истории Вечного мира было положено еще на заре XIX в., что уже свидетельствует как о политическом, так и научном значении названной проблемы. Впервые к этой теме обратился Н. Н. Бантыш-Каменский, посвятивший 37 лет разбору и описи документов, хранившихся в Главном Архиве Министерства иностранных дел. Собранный обширный документальный материал по истории внешней политики России с XV по XVIII в. он систематизировал в своем фундаментальном исследовании [3]. Составленный им «Обзор...» позволяет бросить комплексный взгляд на внешнюю политику России указанного периода, получить представление о значении взаимоотношений России с тем или иным государством. Сам автор ставил русско-польские отношения на первое место, подчеркивая обширность сохранившейся документации: «Близкое польского государства с российским соседство, частые между ними договоры и взаимные нужды были причиною толь древней и толь обширной переписки» [4].

«Обзор...», несмотря на всю его ценность как исторического источника, является не монографическим исследованием в полном смысле этого слова, а скорее компиляцией и не содержит каких-либо развернутых оценок и концепций внешней политики России. Н. Н. Бантыш-Каменский, считая Вечный мир важным этапом, подытожившим обширный период русско-польских отношений, назвал его «навеки для России славным договором» [5].

Первые исследования, посвященные проблемам русско-польских отношений, появляются в 50-х гг. XIX в. К этому времени российские власти уже столкнулись со стремлением Польши обрести независимость (восстание 1830 г.), а русские войска способствовали подавлению таких же попыток венгерского народа во время революции 1848 г. Враждебность царизма и охранительной идеологии самодержавия по отношению к польскому освободительному движению нашла отражение и идейное обоснование в официальной историографии. Поэтому в одном из первых монографических исследований, принадлежавших М. Капустину [6], была сделана попытка обосновать имперскую политику России в отношении Польши, найти ее истоки в XVII в. Автор утверждал, что Россия и Речь Посполитая были непримиримыми антагонистами, союз между которыми был невозможен. Поэтому победить должно было государство, сильнейшее «по своим нравственным началам, по своему внутреннему устройству» [7]. Присоединение

inslav

Малороссии как исконно русской земли М. Капустин считал исторически объективным и закономерным явлением [8], ускорившим присоединение к России Польши [9]. Андрусовское перемирие оценивается им как событие, определившее русско-польские отношения до конца XVII в., «все дальнейшие сношения <...> составляли только пояснение и дальнейшее развитие договора Андрусовского». Вечный мир, таким образом, окончательно закрепил «то, к чему стремилась Россия XVII-го века» [10]. Важнейшим последствием Вечного мира автор видел возможность получения Россией выхода к Черному морю, ключом к которому была Малороссия [11]. Сочинение М. Капустина отличает обилие общих рассуждений в духе «теории официальной народности», узкий круг источников, бедность фактического материала, тенденциозность суждений и оценок.

В полном смысле научной для своего времени была монография А. Попова. Правда, посвящена она была достаточно короткому периоду русско-польских отношений (1673–1677 гг.) — впервые в истории двух стран учрежденному институту постоянных представителей — резидентов [12], развитие которого автор рассматривал на фоне борьбы французской и имперской коалиций, каждая из которых пыталась вовлечь в военные действия как Россию, так и Речь Посполитую. Все это осложнялось турецкой экспансией в Европу. Значение этой книги состояло еще и в том, что вопрос русско-польских отношений рассматривался в ней в европейском контексте.

Андрусовский договор, будучи «блистательным подвигом» Ордина-Нащокина[13], тем не менее, приходит к выводу А. Попов, был более выгоден Речи Посполитой, чем России, т. к. развязывал ей руки для борьбы с Портой в союзе «с сильною державою Московской» [14]. Поэтому «истинной целью» России было уничтожение Андрусовского перемирия, но «цель эта должна была оставаться тайною для Польши» [15]. Этим объясняется нежелание московских воевод под разными предлогами объединять свои войска с польскими для совместных действий против турок. Ведя военные действия самостоятельно, Россия получала возможность подчинить правобережную Украину, уступленную Речью Посполитой Порте сначала по Бучачскому (1672), а затем по Журавненскому (1676) миру [16]. Такая политика устраивала, считал историк, и гетмана Самойловича [17].

Таким образом, закрепление условий Андрусовского перемирия в договоре о Вечном мире сразу после 1667 г. «надолго бы остановило успехи России», т. к. зафиксировало бы раздел Украины и возвращение Киева [18]. Но и Польша в свою очередь также пыталась использовать союз с Россией в корыстных интересах. Ян Собеский рассчитывал нанести при помощи русских войск, отданных в его распоряжение,

inslav

ряд поражений Порте для того лишь только, чтобы заключить с ней выгодный мир, после чего при поддержке Франции отобрать у России территории, уступленные ей в 1667 г. [19].

В результате к 1677 г. между двумя странами, пишет А. Попов, «окончилось даже желание скрывать взаимную вражду и поддерживать мирные отношения <...> последовал окончательный разрыв» [20]. Резиденты были отозваны. Польша нарушила де-юре союзнические обязательства по Андрусовскому договору, заключив сепаратный мир с Портой, тогда как Россия нарушила их де-факто, пассивно ведя военные действия, удерживая Киев и присоединив Правобережье [21]. Следствием этой политики для России стала Чигиринская война один на один с Портой [22].

Как видно, в работе А. Попова тенденции объективного исторического анализа преобладают над абстрактными официозными схемами. Следуя имеющимся в его распоряжении источникам, автор рисует оригинальную картину русско-польских отношений во всей ее противоречивости.

Вечный мир рассматривал Н. Г. Устрялов в своей панегирической «Истории царствования Петра Великого» [23]. Чтобы представить правление царя-реформатора в более выгодном свете, автор не жалеет черных красок для характеристики политики правительства Софьи, не заслуживавшей, по его мнению, тех похвал, «которыми ее осыпают позднейшие историки». Заключение Вечного мира, считал Устрялов, привело к «немаловажным пожертвованиям» со стороны России. Правительство Софьи, действуя нерешительно, упустило благоприятную возможность для разрыва отношений с Портой [24]. Антиосманский союз России и «слабой» и «расстроенной» Речи Посполитой оценивается историком как невыгодный перед лицом грозной Османской империи, при том что фактически Россия и так уже обладала закрепленными за ней навечно территориями.

Во всех работах данного периода Вечный мир так или иначе рассматривается с позиций неизбежности и закономерности вхождения польского государства в состав Российской империи.

II

Польское восстание 1863 г. усилило интерес к истории русско-польских отношений, а возникшее в середине XIX в. либеральное направление в русской историографии дало толчок формированию новых мнений и оценок.

Прямой реакцией консервативно-охранительных сил на восстание 1863 г. явилась статья А. А. Волкова [25]. По мнению автора, Андрусов-

inslav

ский договор стал предпосылкой разделов Польши [26], а одним из самых важных достижений Вечного мира автор считал его 9-ю статью, дававшую России повод для вмешательства во внутренние дела Речи Посполитой [27].

Во второй половине XIX в. наиболее значительный, и по сей день не утративший своего научного значения вклад в исследование названной проблемы внес С. М. Соловьев [28]. И спустя немногим менее ста лет со дня выхода его «Истории России» признавалось, что по глубине анализа русско-польских отношений второй половины XVII в. его работа не имеет себе равных [29].

Историк считал, что Андрусовское перемирие было результатом ослабления польско-литовского государства, вызванного «усобицею, поднятою Любомирским, и грозою турецкою, накликанною Дорошенком» [30].

По его словам, перемирие, казавшееся на первый взгляд ненадежным, на самом деле ознаменовало завершение «великой борьбы» между Россией и Польшей. Для Речи Посполитой оно стало очередным этапом на пути продолжительной, почти полуторавековой агонии, начавшейся с 1654 г. и сопровождавшейся усилением на нее русского влияния безо всякой борьбы. Таким образом, заключает С. М. Соловьев, именно Андрусовский договор, перешедший «в вечный мир с сохранением всех своих условий», явился совершенным «вечным докончанием», после которого Россия могла успокоиться насчет Польши, перестать ее бояться и заняться другими, более важными для ее «исторической жизни вопросами» [31]. Однако С. М. Соловьев оговаривается, что Андрусовский договор, принеся успокоение России насчет Речи Посполитой, не принес такового насчет Украины! А своим дальнейшим изложением материала он, по сути, опровергает свою оценку перемирия 1667 г., показывая, что русско-польские взаимоотношения, теснейшим образом связанные с украинским вопросом, сохраняют свое первостепенное значение и после 1667 г. Именно украинское казачество наиболее последовательно выступало против мира с поляками, против возвращения Киева, против оставления под властью Речи Посполитой Правобережья и, наконец, против объединения войск для войны с турками, что постоянно обостряло и без того напряженные отношения двух славянских государств и сводило на нет все попытки сближения и союза. С. М. Соловьев отмечает все возраставшую важность «турецких дел» в сношениях с Польшей [32], считая, что получение действенной помощи против османов было в середине 70-х гг. «единственной целью сношений польского правительства с русским» [33]. Война с Портой оживила, по мнению историка, сношения России с европейскими державами [34]. С созданием Священной лиги (1684) Рос-

inslav

сии грозила война с Османской империей без союзников. Поэтому «благородный жест» присоединения к общехристианской борьбе против неверных совпал с потребностью Речи Посполитой в этом союзе, что дало возможность России заключить также и «вечный мир с уступкой Киева в свою сторону» [35].

С. М. Соловьев впервые в развернутой форме поставил вопрос о значении Андрусовского перемирия и Вечного мира как рубежей в русско-польских отношениях второй половины XVII в. Рассматривая соотношение этих событий, он отдавал предпочтение первому, но в то же время признавал и важность второго. Позиция С. М. Соловьева стала отправной точкой многих позднейших исследователей.

В появившейся в 1867 г. статье М. Александровича [36] Андрусовский договор характеризуется как неоправданная уступка Правобережья [37]. Именно перемирие 1667 г., считал автор, лишило казачество возможности вести сплоченную антипольскую борьбу [38], явилось причиной перехода Дорошенко под власть Порты [39].

Периоду русско-польских отношений 1676–1782 гг. посвящена книга Е. Е. Замысловского [40], которая хронологически продолжила работу А. Попова. В ней на основе архивных документов Посольского приказа детально рассматриваются взаимоотношения двух государств: посольства, переговоры с целью заключения союза и вечного мира. Условия, выдвигавшиеся польскими послами на переговорах 1678 г., автор характеризует как «крайне неумеренные» [41] и оценивает уступку трех городов и уплату двухсот тысяч рублей по Московскому договору 1678 г. как неоправданную [42].

«Замечательный поворот» в польской внешней политике произошел в 1679 г. [43]. Именно теперь, по мнению Е. Е. Замысловского, «сблизиться с Австриею и Россиею, склонить эти государства к союзу против Турции, от которой они (поляки. — *К. К.*) так много претерпели в последнее время, — вот что стало заветной целью польского короля» [44]. Но несмотря на объективные обстоятельства, под давлением которых Ян III сократил свои притязания [45], в Москве продолжали относиться к польским предложениям с «давно уже историческим путем сложившимся недоверием» [46]. Обстоятельствами, которые побудили короля изменить свою позицию по отношению к России на рубеже десятилетий, явились неудачи турок под Чигирином, которые показали, что Россия может воевать с ними и без союзников [47], а также осознание им беспочвенности своих надежд на помощь Франции [48].

В целом Е. Е. Замысловский считал, что, несомненно, «искренние намерения» польского правительства заключить антиосманский союз с Россией [49], при его незаинтересованности в решении территориальных проблем [50], на чем настаивала последняя, наталкивались, в свою

inslav

очередь, на желание Москвы закрепить условия Андрусовского договора Вечным миром без оказания Польше серьезной военной помощи [51]. Все это свидетельствовало, с одной стороны, о надвигавшемся «упадке и немощи» Речи Посполитой, а с другой — о «его (Московского правительства. — *К. К.*) политической дальновидности и трезвости, его умении сохранять и ограждать интересы своего государства, не соблазняясь никакими заманчивыми обещаниями» [52].

С. М. Соловьев и Е. Е. Замысловский попытались достаточно объективно отобразить всю противоречивость русско-польских отношений, высказав по некоторым аспектам проблемы оригинальные суждения. Главное же состояло в том, что они не считали исторически неизбежным включение Польши в состав Российской империи.

В 60–80-х гг. XIX в. в русской историографии сформировалась концепция истории Украины, получившая у советских историков ярлык буржуазно-националистической. Последователи этой концепции выражали особый взгляд на русско-польские отношения рассматриваемого периода. К ним принадлежали Н. И. Костомаров, В. Б. Антонович, П. А. Кулиш. Они указывали на нежелание как России, так и Польши считаться с фактом формирования украинской государственности в ходе освободительной войны 1648–1654 гг. под предводительством Богдана Хмельницкого. Н. И. Костомаров, считал, что «дружба и союз России и Польши состряпанные искусственно, сшитые на живую нитку», грозили скорым распадом [53]. Желания московских дипломатов, по его мнению, расходились со стремлениями малороссиян, которые «отбивались и руками и ногами» от союза с Речью Посполитой. Объединение Украины привело бы к тому, пишет он, что она хотя и признала бы над собой власть единоверного государства, но и смогла бы сохранить «свою самобытность», поэтому Вечный мир, окончательно разделивший Украину, имел для нее негативные последствия [54]. В то же время Вечный мир означал окончание эпохи «руины» и войны за Малороссию [55].

Время конца XIX — начала XX в., характеризовавшееся бурным развитием капитализма и обострением национально-политических проблем, нашло свое отражение и в историографии Вечного мира.

Консервативные тенденции, проявлявшиеся ранее в работах М. Капустина, А. А. Волкова, Н. Г. Устрялова, М. Александровича, получили дальнейшее развитие в трудах Д. И. Иловайского [56] и П. Головачева [57].

Д. И. Иловайский считал Андрусовский договор «огромным политическим промахом» «полонофила» и «шведофоба» А. Л. Ордин-Нащокина, выразившимся в «недоконченном отвоевании Малороссии», в несвоевременной войне со Швецией и в бесплодных попытках царя получить польскую корону. Среди других причин неудовлетвори-

inslav

тельной для России, в сравнении с понесенными затратами, русско-польской войны (1654–1667 гг.) историк называет непостоянство казачества и интриги Речи Посполитой на Украине, неумение московского правительства разобраться в хитросплетениях малороссийской политики [58]. Тем не менее Андрусовский договор был «великим шагом на пути собирания Руси и <...> поворотным пунктом к решительному торжеству Москвы» над Речью Посполитой [59]. Сближение двух держав, осложнявшееся недовольством казачества и «польским коварством», стало неизбежным после неудач Яна III в войне с турками [60]. Вечный мир, который оценивается Д. И. Иловайским как дипломатический успех, имел оборотную сторону — обязательство вести обременительную войну против Крымского ханства [61]. Признавая Андрусовское перемирие определяющим для русско-польских отношений, он оценивает Вечный мир как достаточно второстепенное событие.

Сравнительный анализ русско-польских договоров 1667–1686 гг. сделал в своей статье П. Головачев, выделив три этапа взаимоотношений в этот период двух «вековых врагов» [62]. Так же как М. Капустин, А. А. Волков и другие исследователи, он считал Андрусовский договор главным этапом в отношениях двух стран в рассматриваемый период, базой для всех последующих договоров [63]. Вечный мир был результатом давления на польское государство внешних обстоятельств: страха перед турецким нашествием и дипломатического нажима со стороны Вены и Ватикана [64].

В. О. Ключевский, продолживший традиции либерального направления в русской историографии, в отличие от своих предшественников и учителей занимал более критическую позицию в оценке внешней политики России. Однако в вопросе о Вечном мире он в целом придерживался точки зрения, высказанной еще С. М. Соловьевым. Вместе с тем в своих «Лекциях» он первым сделал принципиально важное дополнение, подчеркнув, что в результате заключения договора 1686 г. Россия формально вступила в «концерт европейских держав». Вечный мир представляется ему дальнейшим развитием идей А. Л. Ордина-Нащокина и Андрусовского договора [65].

В своей концепции истории Украины, более радикальной по сравнению с концепциями его идейных предшественников, М. С. Грушевский рассматривал сближение России и Польши, окончательно закрепленное Вечным миром 1686 г., как происходившее в ущерб интересам украинского народа. Именно Вечный мир, зафиксировавший раздел Украины на право- и левобережье, и положил начало ликвидации украинского государства, возникшего в 1648–1654 гг. [66].

Дореволюционная историография (до 1917 г.) достаточно далеко продвинулась в изучении русско-польских отношений второй поло-

inslav

вины XVII в. Были систематизированы и введены в научный оборот важнейшие источники (в основном, конечно, материалы Посольского приказа), поставлен вопрос о соотношении значений Андрусовского перемирия и Вечного мира, выделены внутри- и внешнеполитические факторы, способствовавшие заключению договора 1686 г., было сформулировано его значение для внешней политики России.

Однако, рассматривая Вечный мир 1686 г. как продолжение Андрусовского перемирия, историки преимущественно оценивали его с точки зрения итогов внешней политики XVII в., не усматривая в нем новых политических элементов и тенденций во внешней политике России. В своих суждениях по указанной проблеме они априорно исходили из тезиса об антагонизме России и Польши, не задаваясь вопросом о его социальной природе. Единственным выдвинутым объяснением стало утверждение о якобы непримиримости католицизма и православия и о противодействии «латинской» экспансии, трансформировавшееся в дальнейшем в положение о «национальном вопросе», под которым в одних случаях понималась борьба за «наследие Киевской Руси» а в другом — объединение в рамках Российской империи всех славян. Вместе с тем существование по многим вопросам различных точек зрения, спорность и недоказанность многих утверждений свидетельствовали о необходимости дальнейшего изучения данного вопроса в широком европейском контексте.

III

Октябрьская революция и последовавшая за Гражданской войной Советско-польская война (1920–1921 гг.), завершившаяся Рижским миром, вновь превратили Россию и получившую независимость Польшу в непримиримых противников. Во многом это повлияло на характер российско-польских отношений, на связи между нашими народами в области науки и культуры, и в частности на развитие русской историографии.

В условиях коренного пересмотра методологических концепций истории на основе марксизма старые достижения полонистики оказались временно ненужными. Характерно, что за период 1917–1945 гг. появились лишь единичные работы, косвенно затрагивавшие русско-польские отношения XVII в. В 1928 г. увидела свет статья В. К. Никольского [67], в которой автор рассматривал русско-польские отношения через призму концепции «стрелецкой революции» 1682 г., сформулированной М. Н. Покровским [68], и высказал мнение, что, не будучи закрепленными прочным миром, русско-польские отношения к началу 1680-х гг. были крайне запутанными, а продление перемирия в 1678 г.

inslav

стоило России очень дорого [69]. Он впервые обращал внимание на связь в этом вопросе внутренней и внешней политики, указав, что пропольская партия царевны Софьи и В. В. Голицына, желавшая Вечного мира и союза, столкнулась с сильной оппозицией в лице П. Прозоровского, Ф. П. Салтыкова и др., опиравшихся на поддержку «преторианской гвардии» — стрельцов [70]. Это побудило обе группировки обратиться к поддержке созванного в 1683–1684 гг. Земского собора, который, однако, не имел успеха из-за усилившейся «послереволюционной реакции» [71]. В целом Никольский характеризовал русскую внешнюю политику второй половины XVII в. достаточно негативно [72].

В 1930-е гг., в связи с возобновлением в СССР преподавания гражданской истории и улучшением советско-польских отношений, в статьях М. В. Джервиса был поставлен вопрос о дальнейшем изучении истории Польши, и в частности российско-польских отношений [73]. В них автор отмечал: «Исторические судьбы феодально-крепостнической Польши были теснейшим образом связаны с ходом и исходом широчайших народных движений на восточных окраинах Речи Посполитой в XVII–XVIII вв. (Крестьянская война на Украине 1648–1653 гг., национально-освободительные войны Хмельницкого, гайдаматчина и др.) <...> Победа феодальной реакции на Правобережье и в Белоруссии повлекла за собой консервацию феодально-крепостнических отношений в самой Польше, резкое замедление ее исторического развития. <...> Формой проявления распада стал рост центробежных тенденций в экономической и политической жизни страны, тяготение восточных областей к России и его оформление в русофильских тенденциях украино-польских магнатов, которые выступили в качестве союзников и слуг русской политики» [74]. Однако поставленные проблемы не получили в то время подлинно научной разработки. Вместе с тем в целях т. н. патриотического воспитания издавались научно-популярные и пропагандистские сочинения, иногда превосходившие по своему антипольскому пафосу публикации дореволюционной России [75].

IV

Включение Польши после Второй мировой войны в т. н. социалистический лагерь коренным образом изменило характер отношений Польской народной республики и СССР. Основы новой политики по отношению к Польше, сформулированные И. В. Сталиным, определили и развитие историографии русско-польских отношений в 1950 — начале 1960-х гг. [76], которой с этого времени уделялось большое внимание. От советских историков требовалось найти обоснования дружбы и сотрудничества двух братских славянских народов.

inslav

И если разделы Польши и создание в составе Российской империи Царства Польского можно было связать с чуждой народным массам политикой царизма, то с «исторически справедливым» воссоединением Украины с Россией, оформленным Андрусовским перемирием и Вечным миром, дело обстояло сложнее. Все это вкупе с приближавшимся 300-летием исторического события породило за короткий период 1946–1952 гг. резкое увеличение интереса к данной теме, выразившееся в значительном количестве диссертационных работ, посвященных тем или иным аспектам русско-польских отношений [77].

Значение союза России и Речи Посполитой против Крымского ханства осветил в своей статье М. И. Белов [78]. Отказ России присоединиться к Священной лиге сразу после ее возникновения в 1684 г. автор объясняет происками «панской Польши среди украинцев и запорожских войск», наличием оппозиции союзу с Речью Посполитой со стороны украинского казачества и части боярства, а также «напряженным положением» внутри русского государства [79]. К готовности заключить антиосманский союз с Речью Посполитой Россию, по мнению автора, подтолкнуло Крымское ханство, «грубо нарушавшее» условия Бахчисарайского мира; а «заигрывания» В. В. Голицына с Портой сделали польско-литовское государство более уступчивым относительно его условий [80]. М. И. Белов отмечает, что Ян III пошел на заключение «вечного мира» во многом под давлением Австрии и римского папы [81]. Рассматривая русско-польские отношения после Вечного мира, он характеризует их как полные взаимной неприязни, стремления переложить друг на друга тяжесть борьбы, как лишенные согласованности в военных действиях. Основную вину за это автор возлагает на польское шляхетское государство, которое не выполняло своих обязательств по договору [82], стремилось навязать свой план ведения военной кампании [83]. Однако «голицынская дипломатия» сумела распознать «истинные намерения» Собеского и «парализовать их так, что силою обстоятельств подчинила русскому стратегическому плану польскую кампанию 1688 г.» [84]. В результате русско-польские отношения к концу лета 1688 г. исчерпали себя, что явилось во многом причиной неудачи Крымских походов [85].

В диссертации И. Б. Грекова подробно рассматриваются исторические условия, приведшие к заключению Вечного мира, и его последствия для России. Автор, характеризуя источниковую базу исследования, отмечает, что из польских источников в его распоряжении были лишь опубликованные, количество которых невелико [86]. Одна из целей Грекова — опровергнуть сформулированные в исторической литературе ранее положения о слабости русской дипломатии допетровской эпохи и ее неосведомленности в «польских и общеевропейских делах» [87].

inslav

Русско-польские отношения периода заключения Вечного мира и предшествующие ему он рассматривает в широком международном контексте [88], а также исходя из условий борьбы польского короля с магнатской оппозицией. Ян Собеский стремился укрепить королевскую власть за счет успешной внешней политики Речи Посполитой. Свое конкретное выражение эта программа получила в создании Священной лиги в составе Австрии, Венеции и Польши 5 марта 1684 г. и в попытках привлечь в эту коалицию Россию, причем цель польской политики состояла и в том, чтобы восстановить положение Речи Посполитой также и на востоке.

Борьбу с Крымом, против которого должна была выступить Россия, И. Б. Греков расценивает как один из самых «трудных и ответственных участков антитурецкого фронта» [89]. Ян Собеский, считает историк, также очень высоко оценивал военный потенциал Крымского ханства [90], но в переговорах с Россией старался убедить последнюю в «нетяжкости крымского промысла» [91], попутно пытаясь добиться союза или хотя бы нейтралитета в отношениях с ханом [92].

Политику Собеского автор характеризует как не соответствовавшую национальным задачам польского государства, выражавшую лишь династические интересы польского короля и части магнатско-шляхетской группировки [93], а иногда даже как нереальную и фантастичную [94]. Собеский, не желая идти на сближение с Россией, тем не менее не мог не считаться с объективными внешнеполитическими обстоятельствами, которые, по мнению Грекова, были обусловлены двуличной политикой западных соседей Речи Посполитой: Австрии, Бранденбурга, Франции, Швеции. Те всячески пытались использовать Польшу в своих интересах, в то же время желая внутреннего ослабления польско-литовского государства [95]. И только Россия готова была оказать ей реальную помощь в борьбе с Портой при условии восстановления исторической справедливости — «воссоединения частей когда-то единой Руси» [96]. Поэтому Вечный мир был выгоден как России, так и Польше, став, по словам И. Б. Грекова, «крупной вехой в истории русско-польского сближения, крупным успехом русско-польской дипломатии» [97], существенно повлиявшим на международную обстановку в Восточной Европе. Но успех этот был куплен дорогой ценой — Крымскими походами В. В. Голицына [98]. Вместе с тем договор не решал окончательно проблему Украины, зафиксировав ее раздел, и обходил стороной вопрос о Белорусских землях, лишь наметив благоприятные предпосылки для разрешения этих проблем [99].

Русско-польским отношениям от Андрусовского перемирия 1667 г. до Вечного мира 1686 г. посвящена диссертация Т. Н. Копреевой. Основное внимание она уделяет русско-польским отношениям 1667–1682 гг.,

inslav

рассматривая последующие события 1682–1686 гг. более обзорно с учетом появившейся двумя годами ранее диссертации И. Б. Грекова. Одну из причин слабой изученности русско-польских отношений после 1667 г. Т. Н. Копреева связывала с влиянием классического труда С. М. Соловьева, исчерпывающе, как казалось многим историкам, исследовавшего указанную проблему [100].

Свою цель она видела в том, чтобы выявить значение русско-польских отношений указанного периода в международной жизни того времени, значение, которое «тщательно замалчивается буржуазными историками» [101], и чтобы доказать, что и после Андрусовского перемирия русско-польские отношения оставались «ведущими в дипломатической жизни обоих государств», опровергнув тем самым мнение дореволюционной историографии [102]. Как и И. Б. Греков, Т. Н. Копреева сетует на недоступность польских архивных материалов [103].

По мнению автора, Ян Собеский, чью политику Т. Н. Копреева оценивает как откровенно враждебную [104] и антироссийскую [105], пытался использовать союз с Россией не для борьбы с внешним врагом, а для подавления национально-освободительной борьбы украинского народа Правобережья [106]. Историк считает, что вина за срыв заключения антиосманского союза России и Речи Посполитой лежит исключительно на Собеском и поддерживавшей его магнатско-шляхетской группировке, которые выставляли «непомерные требования в виде компенсации за участие Польши в союзе против турок» [107].

Таким образом, делает вывод Т. Н. Копреева, «русское правительство с полным основанием считало, что лишь заключение Вечного мира между Польшей и Россией явится достаточной гарантией для выполнения Польшей своих союзнических обязательств. Русское правительство хотело быть уверено, что усилившаяся в результате победоносной войны с турками Польша не обрушит вслед за этим свои войска на союзную Россию «с целью захватить Смоленск, Киев, Северщину, Украину» [108]. В конце концов, утверждает автор, Россия была готова пойти на союз даже в условиях перемирия, но при условии равного участия в антиосманской борьбе, тогда как Речь Посполитая «пыталась главную тяжесть в войне свалить на русское государство» [109], демонстрируя тем самым свои истинные намерения — стремление при помощи «тактики выжидания» получить ослабленную в борьбе с Портой Россию, которой можно будет диктовать нужные Собескому условия. Т. Н. Копреева отвергает точку зрения Е. Е. Замысловского о неоправданности уступок Польше по договору 1678 г., считая, что союзный договор Речи Посполитой и Швеции, грозивший обернуться против России, а также возможное сближение польско-литовского государства и Порты в тот момент вполне оправды-

inslav

вали политику Москвы [110]. Не согласна она и с его мнением, что предложение России о союзе без Вечного мира было дипломатической игрой, утверждая, что Е. Е. Замысловский «попал под влияние тех слухов, которые сознательно распространяло правительство Собеского, пытаясь оправдать свою политику по отношению к России» [111].

Поворотным этапом в отношениях с Россией явился, по мнению Копреевой, союз Речи Посполитой с Империей, в результате чего оба союзника проявили реальную заинтересованность в союзе с Россией, которая к тому времени заключила Бахчисарайский мир, а «польское правительство вынуждено было оставить (как оно полагало, временно) планы вооруженной интервенции против русского государства» [112]. Однако заключение Вечного мира опять оттягивалось по вине Собеского, зондировавшего почву для договора о мире с Крымским ханством [113]. И только «неудачи польской армии в Валахии в 1684 г., неблагоприятный исход переговоров с Крымом, колебания Франции, почти полный разрыв с Империей заставляли польское правительство пересмотреть свою точку зрения относительно России» и пойти на заключение Вечного мира [114]. Вслед за Грековым, Т. Н. Копреева оценивала конницу крымского хана как «наиболее грозную составную часть турецкого войска» [115].

Подводя итог, Т. Н. Копреева пишет, что политика правящего класса Речи Посполитой совпадала с «узкоэгоистическими» желаниями западноевропейских держав сохранить Польшу в качестве «восточного барьера» против России. Тем не менее «сама жизнь» сделала необходимым сближение двух государств, так как польское государство не могло без участия России решить основной вопрос своей внешней политики — «изгнание турецких захватчиков». Автор также считает, что весь рассмотренный им материал свидетельствует о чрезвычайном усилении роли России в международных делах к концу XVII в., так что «теперь ни одна из крупных международных проблем не могла быть решена помимо и без помощи России» [116].

На основе проведенных исследований в советской исторической науке была сформулирована концепция, в обобщенном виде выраженная в трехтомной истории Польши, увидевшей свет в 1956 г. [117], и в «Очерках истории СССР» [118], а также в истории Украинской ССР [119]. В ней на основе классового подхода политика Речи Посполитой, а точнее, политика Яна Собеского и магнатских группировок, объявлялась экспансионистской и чуждой интересам польского народа, что сочеталось с тезисом «воссоединения исконно русских земель».

Как видно из рассмотренных выше работ, для обоснования такой точки зрения авторы представляют внешнюю политику польского короля исключительно в негативном плане, практически не отмечая

inslav

его заслуг в борьбе с турецко-татарской агрессией. С другой стороны, в оценке политики правящих кругов России классовый подход явно отступал на второй план, что, несомненно, отличало историографию 1950-х гг. от работ предшествующего периода. После Второй мировой войны в советской историографии внешней политики царской России все заметнее становятся апологетические тенденции отождествления всех внешнеполитических акций царского правительства с национальными интересами страны.

V

С конца 1950-х гг., в период т. н. «оттепели», в концепцию русско-польских отношений 1670–1680-х гг. были внесены некоторые коррективы. В появившейся в 1958 г. диссертации О. Махатки заключение Вечного мира рассматривается в контексте «дипломатических взаимоотношений России, Габсбургской монархии и Польши в период антитурецкой войны» [120]. По мнению автора безуспешность попыток создать антитурецкую коалицию побудила Россию заключить Бахчисарайский договор 1681 г. перед лицом опасности новой войны с Портой один на один [121], а в начале 1680-х гг. эта же причина подвигла к организации Священной лиги Яна Собеского [122]. Поражение под Веной стало, считает он, началом заката могущества Османской империи и «толчком для создания антитурецкой коалиции <...> в которую в 1686 г. вступила Россия». Справедливые опасения России по поводу ревизии Андрусовского соглашения со стороны Речи Посполитой после победы над османами заставляли ее требовать заключения союза одновременно с Вечным миром [123]. О. Махатка несколько смягчает оценки И. Б. Грекова и Т. Н. Копреевой политики Яна III, обращая внимание на факты, не очень лестно характеризующие русскую дипломатию. Так, в 1684 г. русские войска захватили территории по реке Сож, что заставило польского короля свернуть кампанию в Молдавии. А на переговорах с австрийскими послами в 1684 г. русские уполномоченные предлагали им заключение австро-русского союза, направленного против Речи Посполитой [124]. Вечный мир, по его мнению, лишь «частично положил конец длительной дипломатической борьбе», укрепив положение России в Причерноморье и на правобережной Украине [125].

В статье В. Д. Королюка и А. И. Рогова отмечалось, что «в Москве, разумеется, не могли не порадоваться тяжкому поражению такого опасного противника России как Турция». Поддерживая намерения Собеского создать антиосманскую лигу, русское правительство согласилось переслать королевскую грамоту с предложениями союза персидскому шаху [126].

inslav

В те же годы официальная концепция воссоединения Украины с Россией была подвергнута косвенной критике в работах украинского советского историка И. П. Крипьякевича. Разделяя позиции М. И. Грушевского, он считал, что война с Портой, которую намеревались вести Россия и Речь Посполитая после заключения Вечного мира, отвечала чаяниям украинского народа, однако эти государства совершенно не учитывали его интересы, намереваясь использовать возможные успехи этой войны исключительно для себя. Поэтому Самойлович и казацкая старшина относились к заключению Вечного мира с недоверием [127].

Иная точка зрения получила отражение в работах И. В. Галактионова, посвященных Андрусовскому перемирию [128]. Доказывая вызревание «в ходе военно-дипломатической борьбы» объективных предпосылок дружбы и союза России и Польши [129], автор отмечает, что именно Андрусовский договор и позднее дополнившее его Московское союзное постановление означали прекращение польской экспансии на Восток, «юридически оформили» воссоединение Украины с Россией [130]. В результате Россия заняла ведущее положение среди держав Восточной Европы [131]. Основным итогом союза России и Речи Посполитой стала подготовка к войне с Османской империей и противодействие османской экспансии на Украину. Причем Россия, считает Галактионов, проводила этот курс более решительно, чем Речь Посполитая [132]. Он активно полемизирует с Т. Н. Копреевой, отвергая ее положение о первостепенности русско-польских противоречий после 1667 г. в отношениях двух стран [133].

В целом для позиции И. В. Галактионова характерен тезис, впервые сформулированный еще в дореволюционной историографии, о том, что стержнем Андрусовского договора явилось русско-польское сближение и сотрудничество [134], правда, с оговоркой, что названная тенденция встретила оппозицию как среди руководителей польской внешней политики, так и в Боярской думе [135]. Таким образом, политика сближения и движение к возможному союзу были обусловлены лишь влиянием А. Л. Ордина-Нащокина, что, на наш взгляд, свидетельствовало об отсутствии для этого в тот момент объективных предпосылок.

Точку зрения И. В. Галактионова в целом поддержал Г. А. Санин, возражая ему по частным вопросам [136]. Рассматривая заключение Вечного мира, он солидаризируется с И. Б. Грековым, который, по его мнению, убедительно доказал невозможность вступления России в Священную лигу без воссоединения с Россией левобережной Украины, Киева, Запорожья, Смоленской земли [137].

Говоря об оценке Вечного мира в советской историографии, нельзя не упомянуть имевшую немалый общественный резонанс книгу Н. Н. Молчанова «Дипломатия Петра Великого» [138]. В ней, вопреки

inslav

многим исследованиям, автор повторил высказанное еще в середине XIX в. мнение Н. Г. Устрялова и охарактеризовал политику правительства царевны Софьи, в противовес политике Петра I, как «плывущую по течению», отдав предпочтение внешним факторам заключения Вечного мира, а именно потребности слабеющей Польши в союзниках для борьбы с Портой. Таким образом, Вечный мир, считает историк, был «дипломатическим успехом», достигнутым не столько стараниями В. В. Голицына и Софьи, сколько благодаря изменениям внешнеполитической обстановки.

В целом же официальная советская историография рассматривала Вечный мир 1686 г. как переломное событие, прекратившее «длительную и изнурительную борьбу Русского государства против захватнических действий Польши» и заложившее «основы прочного мира и союза между двумя государствами» [139].

Советская историография сумела, несмотря на наличие идеологических рамок, сохранить и развить взгляды, сформулированные в дореволюционный период. Была доказана важность и значимость для русско-польских отношений второй половины XVII в. как Андрусовского перемирия, так и Вечного мира. На основе введения в научный оборот новых источников (в частности, фонд нидерландского резидента И. Келлера, впервые использован М. И. Беловым) были более глубоко исследованы предпосылки и механизм заключения Вечного мира. Однако многие проблемы остались нерешенными.

VI

Короткий период развития современной российской историографии, начавшийся с дискуссии о «белых пятнах», отличает накопленная в советское время фундаментальная база (преемственность современной российской и советской историографии не идет ни в какое сравнение с преемственностью советской и дореволюционной), осознание очевидной необходимости некоторой ревизии историографии русско-польских отношений.

Дальнейшее изучение российско-польских отношений второй половины XVII в. продолжили исследователи, сформировавшие свои взгляды еще в советское время. Так, в «Истории внешней политики России» Г. А. Санин развивает концепцию, согласно которой территориальные приобретения России по Вечному миру стали результатом добровольного воссоединения украинского народа с русским. Глубокое обоснование этой точки зрения на современном этапе имеет особое значение в свете дискуссии между российскими и украинскими историками по вопросу о характере освободительного движе-

inslav

ния на Украине и роли в нем России. Негативным последствием Вечного мира он считает утрату Украиной государственности, однако произошло это не по вине русских дипломатов и политики Москвы, а в силу объективных обстоятельств, обусловленных соотношением сил, сложившимся к концу Русско-польской войны (1654–1667 гг.) в ходе военных действий Украины, Речи Посполитой и России [140].

Так же, как и И. Б. Греков, Г. А. Санин, считает, что Вечный мир стал крупным дипломатическим успехом российской дипломатии и звездным часом В. В. Голицына. При этом историк делает принципиально важный вывод, что его заключение заложило основы Северного союза России, Речи Посполитой, Саксонии, Дании, созданного в 1699 г., явившегося еще одним шагом Российского государства в борьбе за выход к Балтийскому морю [141]. В другой своей статье он выдвигает предположение, что в 1670–1690-х гг. вопрос о закреплении за Россией земель, полученных по Андрусовскому перемирию, уступает первое место вопросу борьбы за выход к южным морям [142]. Таким образом, Г. А. Санин впервые ставит проблему значения договора 1686 г. для нового этапа во внешней политике России.

Непосредственно отношениям между Речью Посполитой, Россией и Крымом в 1680–1690-х гг. посвящена статья В. А. Артамонова [143]. Он разделяет мнение Г. А. Санина о первостепенности в это время для России борьбы с Крымским ханством. Соглашаясь с И. Б. Грековым, он пишет о том, что Вечный мир был куплен дорогой ценой — вступлением России в войну с Крымом [144], а также потерей Приамурья по Нерчинскому договору [145]. Однако Вечный мир 1686 г., по мнению автора, изменил в пользу России и Польши ситуацию в Восточной Европе, способствовал стабилизации Украины; знаменовал собой вызревание имперских традиций в политике России, в противоположность тенденциям развития Речи Посполитой, которая «быстро теряла агрессивность и уходила в самоизоляцию» [146].

Существенное значение имел в историографии вопрос об отношении к Польше в правящих кругах России, о борьбе полонофильских тенденций, выразившихся главным образом в сфере культуры, с тенденцией взаимной враждебности, характерной преимущественно для политических отношений. В связи с указанной проблемой заметное место принадлежит статье О. А. Перовой [147], посвященной анализу переписки А. С. Матвеева с литовским гетманом М. Пацем. В ней автор приходит к важному выводу, что в исследованной корреспонденции нашло отражение изменение взгляда руководителя российской внешней политики на Речь Посполитую. Если раньше Польша рассматривалась скорее как буфер, «отделяющий Россию от турецкой опасности», то теперь она стала рассматриваться как по-

inslav

тенциальный союзник в борьбе против Порты [148]. Несомненно, однако, что указанный вопрос нуждается в глубокой разработке с привлечением более широкого круга источников.

Развитие современной историографии русско-польских отношений XVII в. очевидно свидетельствует о необходимости их комплексного исследования в контексте изучения международных отношений в целом и в частности в Центральной и Восточной Европе. В этом отношении значительным шагом вперед явилась коллективная монография «Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы». Авторы, впервые рассматривая международную ситуацию в регионе столь всеобъемлюще, отмечают, что о важности присоединения России к антиосманскому союзу свидетельствовало давление, которое оказывалось с этой целью на русское посольство в Варшаве в 1683 г. [149]. Они считают, что требование России заключить союзный договор на условиях Вечного мира было достаточно обоснованным, особенно учитывая нежелание Речи Посполитой отказываться от земель, уступленных по перемирию 1667 г., и ее старания воспользоваться внутриполитическими трудностями России для его пересмотра [150].

Польское посольство, прибывшее на переговоры о Вечном мире, надеялось, что в случае его заключения при военной поддержке России удастся включить в орбиту польского влияния дунайские княжества и Трансильванию. Присоединение к Священной лиге со стороны России было опосредованным, т. к. она отказалась от заключения союзных договоров с Австрией и Венецией. В результате нечетко оговоренных задач России в борьбе с Крымом при толковании договора русской и польской стороной возникали разногласия. Не устранил он, как считают авторы, и русско-польских противоречий, что выразилось в отказе сейма его ратифицировать. Однако все это не могло перечеркнуть важность открывшихся возможностей согласованных действий обеих стран против Крымского ханства и Турции [151]. В. В. Голицын и Ян Собеский не смогли должным образом использовать заключенный союз, крымские походы ничем не помогли Священной лиге [152].

Таким образом, в работах новейшего периода историки русско-польских отношений XVII в., постепенно расширяя источниковую базу исследований, развивают сложившиеся ранее концепции как путем более детального монографического изучения конкретных проблем, так и на основе фундаментальных обобщающих трудов. Обсуждение дискуссионных вопросов позволяет осуществить пересмотр отдельных устаревших концепций и суждений и вместе с тем наметить перспективы дальнейших исследований.

Как видно из рассмотренного материала, до сегодняшнего времени не существует не только сколько-нибудь значимой монографии

inslav

по истории Вечного мира 1686 г., но и достаточного количества статей, освещающих те или иные аспекты проблемы. Характерно, что Вечный мир был, как правило, предметом рассмотрения специалистов по отечественной истории, а не историков-полонистов. В существующей литературе, несмотря на все ее достоинства, Вечный мир часто рассматривается в контексте других событий, его характеристика носит, как правило, общий характер. Требуют пересмотра и некоторые оценки русско-польских отношений XVII в., Вечного мира, его предпосылок и последствий. Остаются дискуссионными или неисследованными и такие аспекты этой проблемы, как вопрос о времени ратификации договора сеймом Речи Посполитой, о роли познанского воеводы Кшиштофа Гжимултовского в заключении Вечного мира, о степени помощи и участия России в антитурецкой борьбе и т. д. Дискуссионным является даже вопрос о значении договора в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См., напр.: *Б. Ф. Поршнев.* К характеристике международной обстановки освободительной войны украинского народа 1648–1654 // Вопросы истории. 1954. № 5; Г. М. Лызлов. Польско-русские отношения в период освободительной войны украинского народа 1648–1654 гг. // Краткие сообщения Института славяноведения (КСИС). Вып. 24. М., 1958; *Он же.* Польско-русские отношения в период от Зборовского мира до Земского собора 1651 г. // КСИС. М., 1959. Вып. 27; *В. Голобуцкий.* Дипломатическая история освободительной войны украинского народа 1648–1654 гг. Киев, 1962; *А. Н. Мальцев.* Россия и Белоруссия в середине XVII в. М., 1974; *Л. В. Заборовский.* Канун и начало русско-польской войны и позиции государств Восточной Европы (50-е гг. XVII в.) // Карпато-дунайские земли в средние века. Кишинев, 1975; *Он же.* Борьба русской и польской дипломатии и позиция Османской империи в 1653–1654 гг. // Балканские исследования. М., 1978. Вып. 3; *Он же.* Россия, Речь Посполитая и Швеция в середине XVII в. М., 1981; *Он же.* Великое княжество Литовское и Россия во время Польского Потопа. М., 1994; *Д. Иванов.* Русско-польские переговоры 1656 г. Миссия П. Галинского // Русское Средневековье. 1998. М., 1999. Вып. 2.

[2] *Т. Н. Копреева.* Русско-польские отношения во второй половине XVII в. (1667–1686). Канд. дисс. Л., 1951. С. X; *В. А. Артамонов.* Россия, Речь Посполитая и Крым: 1686–1699 // Славянский сборник. Саратов, 1993. Вып. 5. С. 6; *Г. А. Санин.* Итоги и задачи изучения внешней политики России // Советская историография. М., 1981. С. 271, 273.

[3] *Н. Н. Бантыш-Каменский.* Обзор внешних сношений России по 1800 год. М., 1894–1902. Ч. 1–4.

[4] Там же. Ч. 3. С. 75.

[5] Там же. С. 157.

[6] *М. Капустин.* Дипломатические сношения России с Западной Европой во второй половине XVII в. М., 1852.

inslav

[7] Там же. С. 17.

[8] Там же. С. 20.

[9] Там же. С. 23.

[10] Там же. С. 23–24.

[11] Там же. С. 25.

[12] *А. Попов.* Русское посольство в Польше в 1673–1677 гг. СПб., 1854.

[13] Там же. С. 261

[14] Там же. С. 265.

[15] Там же. С. 262.

[16] Там же. С. 117, 135: «При свидании с Тяпкиным (русским резидентом в Варшаве. — *К. К.*) он (М. Пац, гетман литовский. — *К. К.*), шутя и насмехаясь, говорил ему, что около 150 тысяч русских, как слышно, выглядывают из-за Киевских гор, наблюдая, что станется с польским войском; чуть покажется один татарин, все спрячутся в укрепления, а после станут, пожалуй, говорить, что помогли королю польскому».

[17] Там же. С. 151.

[18] Там же. С. 261.

[19] Там же. С. 191, 235.

[20] Там же. С. 235.

[21] Там же. С. 262.

[22] Там же. С. 246, 260.

[23] *Н. Г. Устрялов.* «История царствования Петра Великого». СПб., 1858. Т. 1.

[24] Там же. С. 126.

[25] *А. А. Волков.* Россия и Польша в XVII столетии // Чтения в Императорском обществе Истории и Древностей российских. М., 1865. № 2.

[26] Там же. С. 65.

[27] Там же. С. 68.

[28] *С. М. Соловьев.* Соч. в 18 кн. М., 1991. Кн. 6, 7. (В дальнейшем ссылки даются на это издание.) Т. 10–13, посвященные истории России второй половины XVII в., впервые изданы при жизни автора в 1860-е гг.

[29] *Т. Н. Копреева.* Указ. соч. С. 78.

[30] *С. М. Соловьев.* Указ. соч. Кн. 6. С. 180–181.

[31] Там же.

[32] Там же. Кн. 6. С. 389.

[33] Там же. С. 495.

[34] Там же. С. 505.

[35] Там же. Кн. 7. С. 361.

[36] *М. Александрович.* Андрусовский договор и П. Дорошенко // Вестник Западной России. Вильно, 1867. Кн. 3–5.

[37] Там же. Кн. 3. Отд. II. С. 119.

[38] Там же. Кн. 4. Отд. II. С. 46.

[39] Там же. Кн. 5. Отд. II. С. 119.

inslav

[40] *Е. Е. Замысловский.* Сношения России с Польшей в царствование Федора Алексеевича. СПб., 1888.

[41] Там же. С. 28.

[42] Там же. С. 30.

[43] Там же. С. 33.

[44] Там же. С. 34.

[45] Там же. С. 43.

[46] Там же. С. 36.

[47] Там же. С. 43.

[48] Там же. С. 89.

[49] Там же. С. 63.

[50] Там же. С. 77.

[51] Там же. С. 73–75.

[52] Там же. С. 89–90.

[53] *Н. И. Костомаров.* Мазепа. М., 1992. С. 59.

[54] *Он же.* Руина. М., 1995. С. 377.

[55] Там же. С. 687.

[56] *Д. И. Иловайский.* Отец Петра Великого. М., 1996.

[57] *П. Головачев.* Значение Андрусовского перемирия для международных отношений Западной Европы // Русская старина. СПб., 1903. № 8.

[58] *Д. И. Иловайский.* Указ. соч. С. 236.

[59] Там же. С. 237.

[60] Там же. С. 514.

[61] Там же. С. 516.

[62] *П. Головачев.* Указ. соч. С. 163.

[63] Там же. С. 162.

[64] Там же. С. 165.

[65] *В. О. Ключевский.* Соч. в 9 т. М., 1989. Т. 3. С. 332.

[66] *М. С. Грушевский.* Очерк истории украинского народа. Киев, 1990. С. 228.

[67] *В. К. Никольский.* Земский собор о Вечном мире с Польшей 1683–1684 гг. // Научные труды индустриально-педагогического института. Серия социально-экономическая. М., 1928. Вып. 2.

[68] Там же. С. 11,16.

[69] Там же. С. 12.

[70] Там же. С. 14.

[71] Там же. С. 15.

[72] Там же. С. 13, 15, 36, 38.

[73] *М. В. Джервис.* К вопросу о разделах Польши // Исторический сборник. М., 1934. Вып. 1. С. 239–252; *Он же.* Внешняя политика русского самодержавия в изображении М. Н. Покровского // Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского. М.; Л., 1942. Ч. 2. С. 177–197.

[74] Там же. С. 191–192.

inslav

[75] См., напр.: *А. И. Козаченко.* Разгром польской интервенции в начале XVII в. М., 1939. С. 169–170.

[76] См., напр.: *Т. Н. Копреева.* Указ. соч. [Отд. 1]. С. I.

[77] См., напр.: *Д. И. Мишко.* Чигиринские походы 1677–1678 гг. Канд. дисс. Київ, 1946; *А. Н. Мальцев.* Борьба за Белоруссию. Канд. дисс. М., 1948; *И. Б. Греков.* Вечный мир 1686 г. Канд. дисс. М., 1950; *Г. М. Лызлов.* Польско-русские отношения в период освободительной войны Украинского народа. Канд. дисс. Л., 1952; *Т. Н. Копреева.* Указ. соч.; *В. Д. Королюк.* Избрание Августа II на польский престол и вступление Речи Посполитой в Северную войну 1697–1704 гг. Т. 1–4. Канд. дисс. М., 1948; *Он же.* Избрание Августа II на польский престол и русская дипломатия // Ученые записки Института славяноведения. М., 1951. Т. 3.

[78] *М. И. Белов.* К истории дипломатических отношений России во времена Крымских походов 1686–1689 гг. // Ученые записки ЛГУ. Серия исторических наук. Вып. 14. Л., 1949. Статья написана на основе защищенной в 1947 г. кандидатской диссертации.

[79] Там же. С. 154.

[80] Там же. С. 155.

[81] Там же.

[82] Там же. С. 165.

[83] Там же. С. 171.

[84] Там же. С. 175–176.

[85] Там же. С. 188.

[86] *И. Б. Греков.* Указ. соч. С. 84.

[87] Там же. С. 9.

[88] Там же. С. 399.

[89] Там же. С. 222–223, 268, 580.

[90] Там же. С. 140–141.

[91] Там же. С. 226.

[92] Там же. С. 330–341. Автор подчеркивает хорошую осведомленность российской дипломатии о польско-крымских контактах.

[93] Там же. С. 378–379.

[94] Там же. С. 320–323.

[95] Там же. С. 511–516, 518, 520.

[96] Там же. С. 440–441, 679.

[97] Там же. С. 680, 681.

[98] *И. Б. Греков.* Вечный мир 1686 г. Автореферат канд. дисс. М., 1950. С. 26.

[99] *Он же.* Канд. дисс... С. 680–681.

[100] *Т. Н. Копреева.* Указ. соч. С. X.

[101] Там же. С. XIX.

[102] Там же. С. 87–88, 225.

[103] Там же. С. 47 (прим. 1).

[104] Там же. С. 334–335.

inslav

[105] Там же. С. 371–372.

[106] *Она же*. Русско-польские отношения во второй половине XVII в. (1667–1686) Автореферат канд. дисс. Л., 1951. С. 5.

[107] *Она же*. Канд. дисс... С. 403.

[108] Там же. С. 424.

[109] Там же. С. 436.

[110] Там же. С. 358.

[111] Там же. С. 458.

[112] Там же. С. 484.

[113] Там же. С. 493.

[114] Там же. С. 505.

[115] Там же. С. 496.

[116] Там же. С. 510–511; *Она же*. Автореферат... С. 20.

[117] История Польши. М., 1956. Т. 1. С. 322–323.

[118] Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. / Гл. ред. Н. М. Дружинин. М., 1955. С. 531–536. Соответствующий раздел написали И. Б. Греков и А. Н. Мальцев.

[119] История Украинской ССР. Киев, 1953. Т. 1. С. 321, 328–329.

[120] *О. Махатка*. Взаимоотношения России, Австрии и Польши в связи с антитурецкой войной 1683–1699 гг. Канд. дисс. Л., 1958. С. 1.

[121] Там же. С. 17.

[122] Там же. С. 19.

[123] Там же. С. 59–60.

[124] Там же. С. 65–68.

[125] Там же. С. 90.

[126] *В. Д. Королюк, А. И. Рогов*. Битва под Веной в 1683 г. и русско-польские отношения // Австро-Венгрия и славяно-германские отношения. М., 1965. С. 184.

[127] *І. П. Крипіякевич*. Історія України. Львів, 1990. Историк жил и работал во Львове до 1957 г. Следует сказать, что его взгляды не встретили поддержки в СССР. Многие его работы изданы только в начале 1990-х гг. О значении Андрусовского перемирия для судеб украинской государственности см.: *О. М. Апанович*. Запорізка Січ у боротьбі проти турецько-татарської агресії 50–70 роки XVII ст. Київ, 1961. С. 207.

[128] *И. В. Галактионов*. Из истории русско-польского сближения в 50–60-х гг. XVII в. Саратов, 1960; *Он же*. Андрусовский договор и проблема русско-польского союза // Славянский сборник. Саратов, 1978. Вып. 2.

[129] Там же. С. 12.

[130] Там же. С. 104.

[131] Там же. С. 26.

[132] Там же.

[133] Там же. С. 73.

[134] Там же. С. 72.

[135] Там же. С. 97, 99, 111.

inslav

[136] *Г. А. Санин.* Правобережная Украина и русско-польские переговоры в Москве // История СССР. 1970. № 1.

[137] *Он же.* Итоги и задачи изучения внешней политики России // Советская историография. М., 1981. С. 271–272.

[138] *Н. Н. Молчанов.* Дипломатия Петра Великого. М., 1990.

[139] История Украины. Киев, 1983. Т. 3. С. 108.

[140] История внешней политики России. XVII в. М., 1999. С. 322–323.

[141] Там же. С. 340.

[142] *Г. А. Санин.* Антиосманские войны и государственность Украины в составе России и Речи Посполитой // Россия — Украина: история взаимоотношений. М., 1996. С. 72.

[143] *В. А. Артамонов.* Указ. соч.

[144] Там же. С. 29.

[145] Там же. С. 30.

[146] *Он же.* Позиции гетманской власти на Украине в конце XVII–XVIII вв. // Россия — Украина: история взаимоотношений. М., 1996. С. 63–87.

[147] *О. А. Перова.* Дипломатическая деятельность А. С. Матвеева, связанная с разработкой нового внешнеполитического курса России во второй половине XVII в. // Проблемы истории России: от традиционного к индустриальному обществу. Екатеринбург, 1996. В 2000 г. автором была защищена диссертация по указанной теме.

[148] Там же. С. 58.

[149] Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. М., 2002. Т. 2. С. 296. Среди авторов крупнейшие исследователи данного периода — Б. Н. Флоря, В. А. Артамонов, Г. А. Санин.

[150] Там же. С. 295.

[151] Там же. С. 300–301.

[152] Там же. С. 307.

inslav

Войцех Кригзайзен
(Варшава)

ПОЛОЖЕНИЕ ПРОТЕСТАНТОВ В РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ В ОСВЕЩЕНИИ НЕМЕЦКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ XVIII в.

Целью нашего исследования, ставшего составной частью работы более широкого плана о представлении немецкой общественности XVIII в. о Речи Посполитой, является изучение одного из наиважнейших аспектов указанной проблемы, связанной с т. н. «диссидентским вопросом» в Польше XVIII в. Интерес протестантов Германии к положению их польских единоверцев формировался, с одной стороны, под воздействием стереотипа представлений века Просвещения о Речи Посполитой как об отсталой, непросвещенной стране, пораженной духом религиозной нетерпимости, а с другой — под влиянием прусской, а затем российской пропаганды, распространявшей, исходя из собственных политических целей, измышления о якобы «беспощадных» преследованиях некатоликов в Польше. Имея в виду воздействие на общественное мнение указанных тенденций, представляется важным проанализировать освещение вопроса о польских протестантах в тех немецких периодических изданиях, которые имели репутацию объективных и не выступали (хотя бы явно) как орудия политической пропаганды.

I

Уже на этапе замысла исследования было ясно, что даже по отдельной частной проблеме, каковой был вопрос о польских диссидентах, нельзя провести полный анализ огромного массива немецкой «ежедневной» прессы [1]. Ее изобилие уже в середине XVIII в. доставляло хлопоты даже тем получателям, которые жили в Польше, вдали от европейских центров политической жизни и обмена информацией. Об этом свидетельствует, в частности, забавная жалоба протестантского пастора Павла Людвика Кассиуса из Ожешкова под Квильчем в Великой Польше, который в 1757 г. сетовал, что из-за обилия противоречивых сведений не может составить себе мнение о ходе Семилетней войны: «В этом газетном лесу мой компас не находит выхода, — сокрушался пастор. —

inslav

Ждешь, что интересного с места событий с завтрашней почтой напишет Алтонавчик (редактор „Gazette d'Altona". – *В. К.*)» [2]. Поэтому, принимая во внимание общий объем немецких периодических изданий, при их рассмотрении мы полагаем целесообразным ограничиться лишь содержательным анализом упоминаний о польских диссидентах в избранных немецких ежемесячных, ежеквартальных и ежегодных изданиях.

Очень важную роль в формировании общественной ментальности немцев в XVIII в. играли «ученые» журналы и «моральная» [3] периодика, которые, однако, не уделяли внимания имеющему для нашей темы первостепенное значение политическому аспекту взаимоотношений вероисповеданий. Изучая немецкую прессу, мы стремились обратить особое внимание на издания, предназначенные для протестантского духовенства, а также на местную прессу, пользовавшуюся в обществе большой популярностью. При этом следует учесть, что провинциальные издания до конца изучаемого столетия довольствовались перепечатками из столичных газет либо вообще не печатали иной информации, помимо местной. Это явление было характерно, впрочем, не только для Германии, но также для английской провинциальной прессы [4]. Немецкие местные газеты (Provinzialblätter) избегали проблематики, выходившей за границы собственной провинции. Примером этого может служить журнал, издаваемый с 1785 г. во Вроцлаве «Schlesische Provinzialblätter», совершенно не интересовавшийся делами соседней Речи Посполитой, что отражало, вероятно, принципиальную позицию редакции, поскольку трудно себе представить, чтобы, например, польские реформы времен Четырехлетнего сейма совершенно не привлекали внимания просвещенной элиты общества в Шленске [5].

Многие немецкие, голландские и другие информационно-политические журналы XVIII в. представляли собой издания, перепечатывавшие или помещавшие на своих страницах изложение популярных материалов чаще всего франкоязычных изданий. Их публикация на немецком, голландском и других языках собственных стран, разумеется, способствовала их большему распространению в обществе [6], особенно при содействии читательских клубов и других аналогичных объединений. Изданные по-немецки или по-голландски газеты, а также распространявшиеся через библиотеки журналы конкурировали с франкоязычной прессой. В сравнении с ней эти издания по цене были доступнее для подписчиков — и, таким образом, умеренно элитарными. Среди них наибольшей известностью в Северной Германии пользовалась «Gazette d'Altona», а в Нидерландах — «Gazette de Leyde» [7], регулярно приходившие также и в провинциальный Ожешков.

Прежде чем, с польской точки зрения, перейти к характеристике содержания немецких периодических изданий, необходимо сделать

inslav

некоторые предварительные замечания. Ныне в Германии пресса XVII в. наконец-то дождалась современной и в меру полной научной библиографической обработки [8]. В XVIII в. в Германии, согласно расчетам Йохима Кирхнера — автора библиографии периодических изданий на германских землях — следует, что только до 1770 г. там насчитывалось 1431 название журналов. Среди них 144 были посвящены политической проблематике, 122 — историко-географической, а 148 — теологической. Большинство изданий были однодневками [9].

Этот огромный материал был не только описан библиографически, но и исследован с точки зрения социологии чтения, что позволило определить как период влияния журналов в XVIII в., так и наступившие в середине века кардинальные изменения в составе читательской аудитории, когда круг читателей существенно расширился за счет молодежи, женщин, образованных слоев бюргерства. С этого времени среди читателей периодики встречается, например, немало солдат и мелких чиновников. Популярной формой чтения периодических изданий было участие в читательских обществах и клубах, так называемых Lesegesellschaften. «Unsere Lesegesellschaften mehren sich von Tage zu Tage. Da ist keine Stadt, kein Städtchen, wenigstens in unserm Niedersachsen <...> ohne Lesegesellschaft <...> Gelehrte und Ungelehrte, Handelsleute, Handwerker, Oekonomen, Militairpersonen, Alte und Junge, männliches und weibliches Geschlecht sucht einen Theil der Zeit mit Lesen auszufüllen» *, — с гордостью писал в 1782 г. один из современников [10].

II

В польской историографии есть немало работ, посвященных «сарматским» представлениям о Европе, а также исследований, в которых на основе польских источников был реконструирован «собственный образ» Речи Посполитой на европейском фоне. Об изменении польских стереотипов, отразивших место Речи Посполитой в Европе в XVIII в., писал Ежи Михальский, а исследования на эту тему проводились на таком благодатном материале источников, как собрания рукописных газет [11]. Напротив, знания европейцев о Речи Посполитой изучены слабо, а существующие работы о XVIII в. ограничивались временем Станислава Августа [12]. Историки, изучавшие форми-

* Наши читательские общества увеличиваются день ото дня. Тут нет ни одного города, ни одного поселка, по крайней мере, в нашей Нижней Саксонии <...> без читательского общества. <...> Ученые и простые люди — купцы, ремесленники, экономы, военные — старые и молодые, мужчины и женщины находят немного времени, чтобы заполнить его чтением (*нем*).

inslav

рование представлений и стереотипов в общественном сознании, не обращались к сфере вероисповедания, хотя эти проблемы по меньшей мере дважды в XVIII в. вызывали серьезную заинтересованность на Западе. Мы имеем в виду «торуньский вопрос» 1724 г., а также российские усилия с целью восстановления равноправия вероисповеданий в Речи Посполитой в правление Станислава Августа или «диссидентский вопрос», который был одной из причин первого раздела Речи Посполитой. Подробности связанных с этим политических акций и интриг должны были вызывать заинтересованность немецких протестантов, так как это касалось их единоверцев в Польше, с которыми они издавна поддерживали оживленные отношения.

Публицистические и пропагандистские отзвуки польских конфессиональных конфликтов, нашли отражение в историографии. Это связано прежде всего с упомянутым «tumultem toruńskim» * 1724 г. [13]. Слабо изучены печать и ее материалы, связанные с событиями начала правления Станислава Августа [14], и меньше всего знаем мы об отношении протестантского общественного мнения за пределами Польши к католической Речи Посполитой в периоды, лишенные особых политических потрясений и сенсационных событий. Не только классические исследования Вальтера Липпмана и Вильгельма Бауера, но и новейшая литература по социологии периодической печати в XVIII в. позволяют прийти к заключению, что на этом поприще, где, прежде чем во многих других областях, победили идеи Просвещения, мы имеем дело с тем, как трудно определить феномен во всей его соответствующей своему времени форме [15].

Основной проблемой при анализе содержания периодических изданий остается вопрос о контактах и инспирации, то есть об источниках и движении публикуемой информации, а также о мотивах и целях ее появления в печати. Эта проблема чаще всего не решена, так как дошедшие до нас немногочисленные редакционные архивы хранятся в связках и недоступны для исследователей [16]. А без их изучения трудно исследовать источники печатной информации — оставим в стороне не вполне надежный по своим результатам анализ корреспонденции лиц, принадлежавших к кругу редакторов и издателей [17]. Следует, однако, иметь в виду, что в рассматриваемый период инспирация, имея свои источники в неформальных контактах, играла важную роль в процессе формирования общественного мнения. Протестантское сообщество Польши, в значительной степени изолированное от главных течений «сарматской» культуры, было, вероятно, особенно склонно к культивированию информационных связей именно этого типа [18].

---

* торуньским замешательством (*польск.*).

inslav

Прежде чем перейти к примерам инспирации со стороны польских протестантов соответствующих публикаций немецких журналов, необходимо задаться вопросом об отношении к подобной практике в обществе в целом. Не только в XX в. передача информации с целью ее публикации за границей трактовалась как порок и даже как измена. В начале тридцатых годов XVIII в. Юзеф Енджей Залуский — референдарий коронный — писал: «Zwykły to pp. dysydentów proceder, że ustawicznie w skryptach podrzutnych, mianowicie w diariuszach i gazetach holenderskich i innych co raz zmyślone wspominają i alegują niby gravamina, których in rerum natura nie było, a to czynią, aby przez te częste swoich niby persekucyi insynuacyje katolików co raz na dalszą podawali inwidyją i niepotrzebną u postronnych tejże wiary dworów wzbudzali ku sobie kompasyją» * [19]. Интересно, что в XIX в. в подобном тоне писал Юзеф Лукашевич о распространении протестантами в XVIII в. информации о своем положении в Речи Посполитой [20].

Также и в среде польских иноверцев в XVIII в. вполне отдавали себе отчет, что претенциозные и непроверенные публикации прессы приносят вред, провоцируя враждебную реакцию в Польше. В 1724 г. в голландских газетах появились сообщения, что власти города Торуня якобы добивались от протестантских государств проведения репрессий против католиков. «Na który punkt, jako fałszywy solenną Toruńczanie uczynili w aktach swoich manifestacyją», о чем с удовлетворением писал цитированный выше Ю. Е. Залуский [21]. В 1736 г. неофициально собиравшиеся в Варшаве предводители польских диссидентов добивались даже вмешательства от дипломатов тех государств, в прессе которых появлялись инсинуации в пользу польских иноверцев, чтобы таким образом ослабить последствия публикаций, наносящих ущерб их интересам. Польские протестанты просили дипломатов — своих единоверцев — оказать давление на прессу своих стран, чтобы там не публиковалась информация, которая могла бы нанести вред диссидентам в Польше [22].

В заграничной корреспонденции протестантов, особенно той, которая направлялась к издателям и редакторам периодических изданий, старательно соблюдались специальные формы осторожности. Сохранилась инструкция, в которой поддерживавший контакты с руководством швейцарских кальвинистов в Цюрихе сеньор Кальвинистской

* Обычное занятие господ диссидентов беспрерывно писать доносы с целью их публикации в голландских журналах, газетах и других изданиях. Там то и дело появлялись выдуманные воспоминания о преследованиях со стороны католиков, которых не было в природе, и часто это делалось, чтобы, преследуя своей клеветой католиков, тем вызвать к себе излишнее <сочувствие> и возбудить интерес у соседних дворов той же веры (*польск.*).

inslav

церкви Великой Польши пастор Христиан Ситковиус из Лешно напоминал, что в Речи Посполитой существует обязательный запрет для протестантского духовенства вести переписку с заграницей [23]. В связи с этим обмен информацией между Лешно и Цюрихом осуществлялся через Лейпциг, где посредником в этом выступал швейцарский купец Ханс Конрад Эшер. Корреспонденция же, адресованная пастору Ситковиусу, направлялась представлявшему интересы великопольских кальвинистов вроцлавскому купцу Иоганну Хорквелину и ни в коем случае не могла быть отправлена непосредственно по почте в Лешно [24].

Польские протестанты очень опасались, как бы до властей не дошли известия о предоставленной иноверцам заграничной финансовой и политической помощи. Такая помощь была запрещена конституцией сейма 1736 г., и великопольский лютеранский сеньор пастор Христиан Зигмунд Томас просил состоявших с ним в переписке немецких издателей публиковать как можно меньше информации о деятельности представителей польских диссидентов в Германии, в частности в деле сбора пожертвований. Он прямо писал, что публикация этих данных может спровоцировать такие репрессии, как «In der unter jetzigen Könige (Август III. — *В. К.*) letzt gemachten Konstitution wird die poena perduellionis darauf gesetzet, sofern wir Dissidenten bei auswärtigen Mächten Hülfe und Beistand suchen * [25]. С осторожностью и под покровом секретности продолжалось сотрудничество польских протестантов с заграничной прессой и во второй половине XVIII в., однако при Станиславе Августе это имело уже другой смысл. Диссидентские корреспонденты на этот раз опасались репрессий за передачу информации политического, а не религиозного характера. Также и польская цензура этого периода уделяла главное внимание политическим, а не религиозным вопросам [26]. Эти изменения ясно видны на примере конфликта вокруг инспирированных Михалом Грёлем публикаций Антона Фридриха Бюшинга в Германии.

Итак, можно обоснованно предположить, что публикации в немецких периодических изданиях, посвященные польским протестантам, формировали, по крайней мере во второй половине XVIII в., мнение не только элиты, но и широких общественных кругов Германии. Памятуя о попытках инспирации, не раз предпринимаемых в XVIII в. польскими протестантами в отношении немецких редакций, приходится констатировать, что имеющиеся источники не позволяют выявить и проследить пути такого воздействия. То же относится и к вопросу о влия-

* Во время правления нынешнего короля в последней Конституции было установлено за это наказание, поэтому мы, диссиденты, ищем у иностранных государств помощи и содействия (*нем.*).

inslav

нии цензуры на немецких издателей XVIII в., хотя существует большое количество работ, обсуждающих эту проблему [27]. Тем не менее источники не дают конкретного материала для ее разрешения.

III

Основой нашего исследования послужили материалы 18 многотомных периодических изданий, выходивших в XVIII в. в протестантских германских государствах. При этом главное внимание было направлено на анализ информационных журналов, которые, в отличие от журналов эфемерного содержания для т. н. «занимательного чтения», публиковали конкретную и в источниковедческом плане достоверную информацию и поэтому обладали довольно широким общественным воздействием. Именно такие издания и публикации составили фундамент для итоговых выводов.

Такими информационными журналами были: «Neueroffnetes Welt- und Staats-Theatrum» [28] с приложением «Verbessertes Welt- und Staats-Theatrum» [29], аналогичного профиля; «Die europäische Fama», вместе с приложением «Die neue europäische Fama» [30], а также ежемесячник «Historisches Portefeuille. Zur Kentniss der gegenwärtigen und vergangenen Zeit» [31]. Высоким уровнем отличался ежемесячник «Politisches Journal nebst Anzeige von gelehrten und andern Sachen», за «ученым» названием которого скрывалось информационно-политическое издание, хотя и предназначенное для в высшей степени просвещенных читателей [32]. Подобный тип просветительской периодики представлял и «Magazin für die neue Historie und Geographie», издаваемый упомянутым выше А. Ф. Бюшингом [33].

Вторая группа рассмотренных периодических изданий представлена предназначенными в помощь проповедникам журналами информационно-теологического характера, призванным содействовать формированию в соответствующем религиозном духе мировоззрения широких кругов немецкого общества. К этой группе принадлежали такие журналы, как «Unschuldige Nachrichten von Alten und Neuen theologischen Sachen, Büchern, Uhrkunden, Controversien» [34], а также близкий ему по характеру «Acta Historico-Ecclesiastica oder gesammelte Nachrichten von den neuesten Kirchen-Geschichten», (его издание было продолжено под названием «Nova Acta Historico-Ecclesiastica») и, наконец, «Acta Historico-Ecclesiastica Nostri Temporis» [35].

К третьей, дополнительной, группе изданий следует отнести более десяти сборников, в которых были опубликованы материалы самого разнородного характера. От увидевших свет на рубеже XVII–XVIII вв. хроники Eberhard'a Werner'a Heppelius'a «Des historischen Kerns oder

inslav

so genandten kurzen Chronica», изданной в Гамбурге в 1690 г., и трехтомного издания энциклопедического характера Johann'a Franz'a Buddeus'a «Allgemeines historisches Lexicon», опубликованного в Лейпциге и Франкфурте-на-Майне в 1709–1714 гг., до изданных во второй половине XVIII в. путеводителя Gottlob'a Friedrich'a Krebel'a «Die vornehmsten europäischen Reisen» (три тома вышли в Гамбурге в 1767 г.) и хрестоматии для юношества Albrecht'a Georg'a Walch'a «Genealogisch-historisches Lesebuch für die Jugend zur Kenntniss der europäischen Regenten, ihrer Haüser und Länder» (1787 г.), изданных в одном из центров немецкого просвещения — в Геттингене. Основным критерием отбора для анализа этих дополнительных изданий были, кроме, конечно, доступности, их популярность и влияние на общественное мнение.

С точки зрения «польской» проблематики, исключительное значение имели два информационно-теологических издания — «Acta Historico-Ecclesiastica...» и «Unschuldige Nachrichten...» [36], которые являются ценными источниками по истории немецкого протестантского духовенства, роль которого в формировании общественного сознания северогерманских государств трудно переоценить. Однако эти два журнала содержали также интереснейший материал и по истории польских протестантов. Значение веймарских «Acta...» как источника многократно возрастает еще и потому, что Теодор Вотшке на основе сохранившегося в Готе архива определил круг лиц, входивших в число корреспондентов «Acta...» [37].

IV

Выходивший раз в два месяца в Веймаре в 1734–1787 гг. журнал «Acta Historico-Ecclesiastica» помещал на своих страницах материалы о религиозной жизни Европы, а также о миссионерской деятельности в дальних странах. Основной формой его сообщений была публикация постановлений протестантских синодов, а также относящихся к области межконфессиональных отношений посланий епископов и папских бреве. Публиковал журнал и сочинения по истории. В духе идей Просвещения издатели и редакторы не уделяли большого внимания догматической теологии, а отдавали предпочтение сюжетам нравоучительного характера, имея в виду их доступность для понимания читателей и воспитательное значение.

Первый посвященный Польше материал на страницах «Acta...» увидел свет в 1735 г. 38, а до 1787 г. в журнале было опубликовано 79 статей, заметок и корреспонденций из Речи Посполитой (в каждом четвертом номере появлялись сообщения о Польше). Все они были посвящены религиозной проблематике, хотя интересы редакторов и не

inslav

ограничивались только делами польских протестантов. Особенно обстоятельно освещалось положение протестантов Великой Польши, что на первый взгляд может вызвать удивление, поскольку единоверцам из Королевской Пруссии уделялось значительно меньше внимания. Известия из Прусской провинции касались главным образом Торуня, единичные сообщения — Гданьска и Эльблонга. Вероятно, немецкие издатели полагали, что о религиозной ситуации в Королевской Пруссии читатели в Германии могли узнать из выходивших на немецком языке торуньских и гданьских изданий. С 1776 г. все чаще темой помещенных в «Acta...» корреспонденций становились проблемы лютеран и кальвинистов, живших в Варшаве.

Значительную информационную ценность, как для современников, так и, по сей день, для историков имеют опубликованные в журнале списки протестантских священников и приходов Речи Посполитой. Здесь же была перепечатана в высшей степени ценная брошюра пастора Иоганна Готтлиба Элснера об общинах кальвинистов в Короне [39]. Не утратила также значения публикация 1763 г. в «Acta...» материалов биографического характера о протестантских пасторах, представляющая собой дополненный список духовных лиц протестантской церкви в Великой Польше, составленный пастором Христианом Ситковиусом и первоначально опубликованный в Цюрихе в журнале «Tempe Helvetica» [40].

Информация об общественной жизни польских протестантов в первой половине XVIII в. сочеталась, конечно, с рассказами о событиях, которые в то время характеризовались как гонения за веру. Среди 79 материалов о польских протестантах — 9 посвящены исключительно этой проблематике. Примерами религиозных преследований в отношении протестантов служили главным образом корреспонденции о направленных против них судебных процессах. Такие судебные отчеты в «Acta Historico-Ecclesiastica», были самым тщательным образом отредактированы и снабжены соответствующими осторожными оговорками, чтобы их публикация не повредила польским единоверцам и не навлекла беды на живших в Польше корреспондентов журнала.

Примером публикаций о «религиозных гонениях» может служить комментарий к эдикту познаньского официала ксендза Юзефа Павловского от 19 февраля 1743 г., запрещавшего воспитание в протестантском вероисповедании детей от смешанных браков католиков и протестантов [41]. Без излишнего пафоса и язвительности прозвучала на страницах журнала огорошивающая информация о распространении на протестантские костелы во Всхове интердикта, наложенного в 1738 г. вследствие убийства одним из школяров профессора тамош-

inslav

ней гимназии иезуита ксендза Михала Крыгера. Удивительно было, что постановление епископа–католика о закрытии костелов было применено и к протестантским костелам[42]. Столь же сдержанно прозвучала корреспонденция «одного протестанта из Великой Польши», предостерегавшего, что проведение за границей сбора средств в помощь польским иноверцам грозит для тех наказанием как за государственное преступление, приравненное, по меньшей мере формально, к измене родине[43].

В 1767 г. в «Acta...» подробно излагалось развитие «диссидентского вопроса» в Речи Посполитой, причем авторы и редакторы, разумеется, стояли на стороне своих единоверцев — борцов за уравнение в правах польских диссидентов с католиками. Основной формой журнальных публикаций на эту тему была перепечатка документов и диссидентской публицистики, симпатии же редакторов выражались прежде всего в отборе материалов[44]. Это были корреспонденции о варшавских общинах протестантов — напечатано известие об открытии первого евангелико-протестантского молитвенного дома — т. н. oratorium'a — в Варшаве[45]. В 1776 г. в «Acta...» сообщалось о создании организационных структур Протестантской церкви различных направлений и с особым удовлетворением — об основании новых общин. В 1784 г. журнал проинформировал читателей о внутренней ситуации и о конфликтах в среде польских лютеран.

Благодаря Теодору Вотшке, изучившему связи журнала с польскими протестантами, можно определить источники хорошей информированности редакторов «Acta Historico-Ecclesiastica» в польских делах, а также, хотя бы частично, выяснить причину преобладания в журнальных публикациях известий из Великой Польши над сообщениями о событиях в Королевской Пруссии. Наиболее информированным корреспондентом журнала был сам великопольский лютеранский духовный сеньор пастор Христиан Зигмунд Томас, который уже в 1736 г. передал издателю «Acta...» Вильгельму Эрнсту Бартоломеи составленный к двухсотлетию Аугсбургской конфессии список лютеранских костелов и священников в Речи Посполитой[46]. Пастор Х. З. Томас и в последующие годы, вплоть до своей кончины 28.III.1751 г., был постоянным информатором и корреспондентом журнала. После его смерти эта роль выпала на долю пастора Якоба Коппа, который наряду с материалами, посвященными положению протестантов в Польше, опубликовал в «Acta...» статью о гернгуттерах — их моравских собратьях по вере[47].

Особенностью последних, начиная с 1774 г., двенадцати томов рассматриваемого издания, редактором которых был Христиан Вильгельм Шнейдер, стали корреспонденции из лютеранских общин на окраинах

inslav

Речи Посполитой. Одна из первых корреспонденций была посвящена протестантским колониям на Днестре и Пруте. Автором материала об общинах в Яссах и в расположенном по–близости Пиперешти, а также в Садогуже на Пруте и в Прилипчах, невдалеке от Залещика, был тамошний пастор Иоганн Якуб Шайдемантель, позднее ставший первым лютеранским пастором в Варшаве [48]. К корреспондентам немецких журналов принадлежал также его двоюродный брат — профессор права Генрих Готфрид. Сотрудничали с издателями немецкой периодики Христиан Вильгельм Кесслер и Карл Флориан Вебер. Последний прислал в 1778 г. в редакцию «Acta...» список вновь построенных в Великой Польше лютеранских костелов, составленный советником Самуэлем Готтлобом Шефером, возглавлявшим в то время лютеранскую консисторию в Лешно [49]. Весьма активным корреспондентом журнала был пастор Иоганн Михаель Бернхард из Ютросина, который в 1780-х гг. публиковал материалы о лютеранах всей Великой Польши. В «Acta...» с 1781 по 1791 г. помещены 12 его обширных корреспонденций. В них Бернхард, совместно с редактором журнала Х. В. Шнейдером, не только освещал жизнь польских протестантов в целом, но также упоминал о своих не известных ранее литературных трудах [50]. Не представляется возможным с достоверностью установить авторство интересной корреспонденции о лютеранской общине в Немирове на Украине. В ней автор рассказал о созданном там под покровительством коронного подкомория Винцента Потоцкого лютеранском приходе, что светский патрон выделил на строительство протестантского костела 120 тыс. злотых и сам 4 июня 1783 г. в сопровождении своих дворовых казаков торжественно заложил в основание храма краеугольный камень. Вероятно, информация о закладке костела поступила в веймарский журнал от лютеранского пастора Фридриха Церулли, который из–за многочисленных конфликтов вынужден был покинуть Варшаву и стал во главе прихода в Немирове [51].

Стоит также отметить, что «Acta Historico-Ecclesiastica» не ограничивался информацией о проблемах протестантов. В публикациях журнала встречаются отдельные известия о внутренней ситуации в польской католической церкви, о положении православных и даже евреев. Последним уделено внимание в обзорной статье, вызвавшей большой интерес среди лютеран — особенно миссионеров–пиетистов из Галле, а также громко заявивших о себе в Подолии «антиталмудистов» (франкистов), надеявшихся на массовое обращение евреев в христианство [52].

V

По-иному, нежели в случае с «Acta Historico-Ecclesiastica», следует оценить содержательный уровень, а также направление и редак-

inslav

ционные принципы другого из рассматриваемых в настоящей статье многотомных журналов — «Unschuldige Nachrichten von Alten und Neuen theologischen Sachen» [53]. Он также был периодическим изданием религиозного характера, претендовавшим на некоторую научность. Судя по содержанию журнала, его редакторы видели своей задачей давать обзоры теологических сочинений, посвященных современным проблемам (отдел «Neues») и исторических трудов (отдел «Altes»). Публиковались в «Nachrichten» имевшие отношение к протестантам официальные документы и повеления церковных и светских властей, а также обзоры положения лютеран и кальвинистов в разных странах, в том числе и в Речи Посполитой.

Первая информация о польских делах появилась в журнале в 1717 г. Она сводилась к утверждению: «Und im Königreich Pohlen hat der Eyffer der R. Catholischen wider die so gennante Dissidenten bis zur Verfolgung zugenommen» * [54], что было вполне характерно для линии журнала в целом. В 63 томах «Nachrichten» мы встречаем 68 статей, заметок и рецензий, относящихся к положению некатоликов в Польше. Так же как и в случае с «Acta Historico-Ecclesiastica», 10 из них относились к Королевской Пруссии, подавляющее же большинство было посвящено лютеранам Великой Польши. Меньше было информации о протестантах Литвы. А Церкви кальвинистов Малой Польши, за исключением случайных упоминаний в сочинениях исторического характера, не было посвящено ни одной заметки.

45 публикаций, т. е. значительное их большинство, представляли собой перепечатки официальных документов и других материалов, иногда имеющих большое значение как исторические источники. Эти материалы отражали подлинное положение протестантов на землях Короны и Великого Княжества Литовского. Другая группа публикаций на страницах «Nachrichten» была призвана продемонстрировать расцвет протестантизма в XVI в. в Польше и Литве и его упадок под натиском католицизма в последующие столетия. «Unschuldige Nachrichten» напоминали об изгнанных из Речи Посполитой социнианах [55]. Относительно немного публиковалось в журнале корреспонденций и материалов, иллюстрирующих современные проблемы протестантского сообщества в Польше. А из тех актуальных корреспонденций, которые все же увидели свет, большая часть относилась к великопольским лютеранам. Что же касалось положения протестантов в других землях Речи Посполитой, то об этом читатели могли узнать только из многочисленных публикаций официальных документов польского государства и католической церкви.

---

* И в Королевстве Польском все более возрастает рвение католиков, направленное вплоть до преследований против т. н. диссидентов (*нем.*).

inslav

Многие помещенные в журнале материалы, имевшие принципиальное значение для отображения положения иноверцев в Польше и для формирования соответствующего представления у читателей и в общественном мнении Германии, были посвящены конфликтам польских иноверцев с католическим большинством общества Речи Посполитой, а особенно с иерархами католической церкви. Непосредственно этой теме на страницах «Unschuldige Nachrichten» было посвящено 20 статей. В отличие от рассмотренных выше подчеркнуто объективистских публикаций в «Acta Historico-Ecclesiastica», это были сочинения явно полемического характера, авторы которых неприкрыто стремились акцентировать негативные черты образа Речи Посполитой как государства нетерпимого к иным вероисповеданиям. Этой же цели были подчинены и помещенные в журнале рецензии на современные публикации — например, отклик на изданное в 1717 г. сочинение сеньора Лютеранской церкви Великой Польши пастора Кшиштофа Арнольда «Send-Schreiben von dem Zustande und Drangsalen derer Dissidenten in Pohlen und Litthauen» [56], а также обзорные статьи о публикациях прошедших времен: Эразма Гличнера «Odpór na odpowiedź kwestyi niektorych podanych o Kościele» 1579 г. или Марцина Кровицкого «Obrona nauki prawdziwej i wiary krześcijańskiej» 1560 г. [57].

Негативный образ католической Польши должны были иллюстрировать печатаемые в «Unschuldige Nachrichten» повествования о преданности «простых протестантов» в Речи Посполитой вере отцов. Хорошим тому примером является длинная и явно несвязная история о некоем Хёбе Лензе — крестьянине из Тщянки (Trzcianki) — который в 1725 г. был обвинен в краже. Ценой принятия католицизма он мог бы избежать пыток и смерти, однако отказался переменить веру. Повесть имела счастливый конец, поскольку какой-то католический священник, посочувствовав мученику, выхлопотал ему освобождение [58].

В целом тон помещенных в журнале материалов о положении протестантов в Польше в первой половине XVIII в. и их тенденциозность могут быть продемонстрированы на примере одной из заметок, опубликованной в 1724 г. В ней, в частности, говорилось: «Die Verfolgung der Evangelischen (einestheils auch der E. Reformirten und Griechischen Christen) ist im Königreich Pohlen gewaltig gestiegen, also daß der große Czaar (Петр I. — *В. К.*) sich dagegen erklären müssen» * [59].

Прочие донесения о преследованиях иноверцев касались таких фактов религиозной нетерпимости как отстранение в 1717 г. протес-

---

* В Королевстве Польском необычайно усиливаются преследования протестантов (включая сюда кальвинистов и православных) — так что великий Царь должен был высказаться против этого (*нем.*).

inslav

тантских депутатов от участия в Литовском трибунале [60], а также судебные процессы против некатоликов и направленные против иноверцев распоряжения католических епископов. Примечательно, что как правоверные лютеране редакторы «Unschuldige Nachrichten» распространяли свое неприятие не только на католиков, но и на кальвинистов. Так, они перепечатали два королевских эдикта — Зигмунта III 1612 г. и Яна III Собеского 1678 г., направленные против гданьских и торуньских кальвинистов, а также против лютеран-пиетистов, по поводу активности которых в Эльблонге журнал с неприязнью высказался в 1726 г. [61]. В сороковых годах XVIII в. журнал несколько утратил интерес к текущим делам и больше печатал исторических материалов, относящихся ко времени расцвета польского и литовского протестантизма. В 1745 г., в связи со столетием торуньского Colloquium charitativum, на его страницах печаталось много соответствующих исторических материалов. В последующее десятилетие в «Unschuldige Nachrichten» вспомнили о Яне Ласком, перепечатав его сочинение «Purgatio ministrorum in Ecclesiis peregrinorum Francofurti», и даже об Анджее Фриче Моджевском [62].

Интересными для читателя того времени могли быть две рецензии: первая о прениях саксонского пастора Михеля Генриха Райнхарда о спорах вокруг значения в польском языке термина «диссидент» [63]. Другая рецензия была посвящена вышедшему в 1733 г. в Лейдене трактату по древнееврейской грамматике Александра Габриеля Хулевича (из Войтына), ставшему венцом многолетнего труда автора по теологии и языкознанию. Рецензент приводил восторженные мнения ученых об этой работе [64].

Наконец, любопытной сенсацией было письмо неизвестного автора, открыто опубликованное «Unschuldige Nachrichten» в 1750 г. Поводом для публикации стал переход в католическую веру Яна Даниеля Яноцкого, получившего за это должность префекта библиотеки Залуских. Отступничество библиотекаря вызвало возмущение протестантов в Польше и Саксонии, а также острую критику со стороны автора письма, скрывшегося под псевдонимом Salvatorius de Fluminibus [65].

Оба рассмотренных выше немецких журнала — «Acta Historico-Ecclesiastica» и «Unschuldige Nachrichten», несмотря на различия в уровне их публикаций и известную тенденциозность последнего, представляли собой лучшие из всех исследованных периодических изданий, предназначенных для духовенства и издававшихся за пределами Речи Посполитой, с точки зрения опубликованной в них информации о положении протестантов в Польше. Помещенные в них материалы имели не только большое значение для информирования зарубежной

inslav

общественности о польских иноверцах и для формирования общественного мнения протестантских государств о Речи Посполитой, но они и по сей день сохраняют исключительное значение как исторический источник по истории Польши и польско-германских связей в XVIII в.

VI

Очевидно, что эти вопросы привлекали внимание также и других журналов, предназначенных для немецкого протестантского духовенства. Часто в них публиковались материалы, рассчитанные на внешний эффект и непосредственно касавшиеся их автора. Примером таких публикаций может послужить отчет о введении в службу в лютеранской общине в Ютросине пастора Иоганна Михаэля Бернхардта 11 августа 1780 г., опубликованный «Journal für Prediger» [66]. Еще одним примером внимания немецкой «ежедневной» прессы к событиям религиозной и общественной жизни протестантов в Польше стала корреспонденция об освещении лютеранского костела Святой Троицы в Варшаве [67].

Представления в общественном мнении протестантской Германии о характере польско-немецких взаимоотношений формировались в интересующую нас эпоху не только под воздействием книг и журналов, но также, быть может, прежде всего на основе индивидуального опыта, зафиксированного время от времени на страницах периодики. Хотелось бы в заключение рассмотреть один из случаев подобного рода. В издаваемом в Геттингене в 1777–1782 гг. одним из видных деятелей немецкого Просвещения, выдающимся ученым и профессором Геттингенского университета Августом Людвигом Шлецером (1737–1809) [68] журнале «Briefwechsel meist historischen und politischen Inhalts» были опубликованы анонимные письма-корреспонденции из Польши. Они позволяют проследить эволюцию личного восприятия автором-немцем Польши и поляков. Публикация в журнале Шлецера вновь возвращает нас к Немирову на Украине, уже известному из корреспонденции 1783 г. в «Acta Historico-Ecclesiastica Nostri Temporis». В связи с судьбами немецких протестантов, живших в Польше, это украинское местечко не раз встречалось на страницах немецких периодических изданий.

Автор писем, опубликованных в «Briefwechsel» — вначале служивший в Волочисках, возможно учитель, потому что в его корреспонденциях упоминаются химические опыты, — в самом мрачном свете рисовал жизнь лютеранина-немца на восточных окраинах Речи Посполитой. Очевидно, что его психологическое состояние и восприятие внешнего мира были обусловлены недостатком человеческих

inslav

контактов с окружающими, отсутствием пасторской и врачебной заботы, одиночеством. Целые дни он проводил в молчании, потому что поляки его не понимали и не уважали, а договориться, по его словам, можно было только с евреями [69]. Рассказчик пережил в Волочисках явный кризис адаптации, но со временем ситуация переменилась. Спустя два года, теперь уже из Немирова, он прислал очередную корреспонденцию, диаметрально противоположную по содержанию и настроению. На этот раз его письмо было проникнуто оптимизмом. В нем автор сообщал, что переехал еще дальше на восток и живет теперь среди «гайдамаков», что чувствует здесь себя хорошо и в безопасности, благодаря заботам «пана–графа» – Винцента Потоцкого. Мало того, – уведомлял рассказчик читателей, – при помощи и протекции Потоцкого масонам в Немирове удалось организовать лютеранскую общину, где графом был куплен дом, в котором собирались на молитву около 20 человек. Так на Украине, доносил с гордостью автор, «среди разных диких людей» расцветало протестантское богослужение. Таким образом, отношение анонимного корреспондента «Briefwechsel» к окружавшим его людям эволюционировало в течение двух лет от отчаяния – к энтузиазму [70]. Положительная оценка автором окружавшей его экзотической действительности со временем могла только укрепиться, поскольку заботами Потоцкого, как об этом сообщал уже другой журнал – упомянутый выше «Acta Historico-Ecclesiastica», лютеранская община в Немирове в дальнейшем получила собственный каменный костел и пастора.

Нам неизвестна дальнейшая судьба автора этих чрезвычайно интересных, выделяющихся из общего ряда корреспонденций из Волочиск и Немирова, опубликованных на страницах «Briefwechsel». Однако можно предположить, что подобную эволюцию отношения к Польше и полякам могли претерпевать и другие немецкие протестанты, переселившиеся в XVIII в. в Речь Посполитую в надежде обрести здесь благосостояние и сделать карьеру.

* * *

Подводя итоги, можно сказать, что картина положения протестантов в Речи Посполитой в XVIII в., нарисованная периодическими изданиями, выходившими в Северной Германии, характеризуется двумя уровнями отображения. Первый уровень составляет комплекс стереотипов, второй – представляет собой собственно содержательную информацию. В оценке стереотипных представлений о положении протестантов и об отношениях вероисповеданий в Польше, господствовавших в протестантских землях Германии, следует согласиться с выводами Станислава Салмоновича [71]. Действительно, редак-

inslav

торы исследуемых журналов укрепили в сознании читателей образ Польши как отсталого государства, в котором господствовала религиозная нетерпимость. Другое дело — в чем и в какой мере этот негативный образ Речи Посполитой был далек от реальности, а также в чем при его генезисе состояла решающая роль прусской и российской пропаганды, связанной с т. н. «торуньским замешательством» 1724 г. и «диссидентским вопросом» в начале правления Станислава Августа.

Иным представляется слой содержательной информации. Здесь, исходя из анализа приведенных примеров и всего комплекса исследованных периодических изданий, следует констатировать высокий для своего времени уровень компетентности немецкой периодики и прежде всего явную заинтересованность издателей и редакторов делами Речи Посполитой, которая, хотя и переживала перманентный кризис, но рассматривалась ими как государство, выступавшее существенным (и потенциально даже важным) субъектом европейской политики. В свете исследованных публикаций немецких журналов трудно согласиться с мнением С. Салмоновича, что лишь «расцвет журнальной деятельности в сороковых годах XVIII в. принес явные доказательства интереса к Польше» [72]. Речь Посполитая была постоянным и, как ближайший сосед, важным объектом заинтересованности немецкого общественного мнения в первой половине XVIII в. Однако трудно однозначно ответить на вопрос, что оказало решающее влияние на развитие представлений о Польше в общественном сознании Германии в «длительной перспективе» — негативный стереотип, распространяемый в пропагандистских целях литературой и публицистикой, или только подлинная информация [73].

Перевод с польского Л. Марней

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Наиболее значительным исследованием о европейских периодических изданиях являются: Dictionnaire de la presse, I: Dictionnaire des journaux, 1600–1789 / Sous la direction de J. Sgard. Paris; Oxford, 1991. Vol. 1–2. В Польше на значение прессы для исследований по истории XVIII в. обратили внимание: *K. Jarochowski*. Gazeta Berlińska (Vossa), jako materyal do dziejów polskich w XVIII wieku // *Idem*. Opowiadania i studia historyczne. T. 2. Poznań, 1863. S. 195–313. Обилие материала в немецкой прессе иллюстрирует пример брауншвейгской газеты «Eingelauffene Ordinarii Post-Zeitung», которая только в 1706–1710 и 1712–1715 гг. поместила 1073 заметки, касающихся Речи Посполитой, главным образом Варшавы и Гданьска. За вышеуказанный период (в год выходило по 156 номеров с приложениями) в газете появилось 119 сообщений о польских делах.

inslav

2 P. L. Cassius do J. A. Cassiusa. Orzeszkowo, 8.VIII.1757. – Archiwum Państwowe w Poznaniu. Akta Braci Czeskich. Nr. 387 (без пагинации).

3 Здесь используем немецкую терминологию. См.: *J. Kirchner*. Bibliographie der Zeitschriften des deutschen Sprachgebietes bis 1900. T. 1: Die Zeitschriften des deutschen Sprachgebietes von den Anfängen bis 1830. Stuttgart, 1969.

4 *H. Barker*. Catering for Provincial Tastes: Newspapers, Readership and Profit in Late Eighteenth-Century England // Historical Research. The Bulletin of the Institute of Historical Research. 69. February 1996. (168). S. 42–61.

5 *M. R. Gerber*. Die Schlesischen Provinzialblätter 1785–1849. Sigmaringen, 1995. Teil 3: Bibliographie der Schlesischen Provinzialblätter 1785–1849. S. 285–737.

6 *M. Prüsener*. Lesegesellschaften im 18. Jahrhundert. Ein Beitrag zur Lesegeschichte // Archiv für Geschichte des Buchwesens. XIII. 1972. Sp. 370–594; *H. G. Göpfert*. Lesegesellschaften im 18. Jahrhundert // Aufklärung, Absolutismus und Bürgertum. München, 1976. S. 403–411; Lesegesellschaften und bürgerliche Emanzipation. Ein europäischer Vergleich / Hg. v. O. Dann. München, 1981; *B. M. Milstein*. Eighteenth Century Reading Societes. A Sociological Contribution to the History of German Literature. Part 1–2. Princeton, 1968; *K. Maliszewski*. Kawiarnie i kluby londyńskie w epoce Oświecenia jako ośrodki integracji i komunikacji społecznej // Acta Universitatis Nicolai Copernici, Historia XX. 1985. S. 75–95; *Idem*. Komunikacja socjalna epoki nowożytnej. Stan badań i potrzeby // Z dziejów komunikacji socjalnej epoki nowożytnej / Red. J. Wojtowicz. Rozprawy z dziejów XVIII wieku. Toruń, 1993. S. 7–22.

7 Общие работы: *J. Łojek*. International French Newspapers and Their Role in Polish Affairs during the second Half of the Eighteenth Century // East Central Europe. 1974. S. 54–64; La diffusion et la lecture des journaux de langue française sous l'Ancien Régime / Ed. H. Bots. Amsterdam; Maarssen, 1988. Actes du Colloque Internationale. Nimègue 3–5 juin 1987; немецкая пресса: *F. Moureau*. La presse allemande de langue française (1686–1790). Etude statistique et thematique // Aufklärungen. I. 1985. S. 243–252; немецко–франко–голландская пресса: *A. Rotondo*. Stampa periodica olandese e opinione pubblica europea nel settecento. La «Bibliothéque raisonnée» (1728–1753) // Rivista Storica Italiana. CX. 1998. P. 166–221; *P. Ugniewski*. Między absolutyzmem a jakobinizmem «Gazeta Lejdejska» o Francji i Polsce 1788–1794. Warszawa, 1998.

8 *E. Bogel, E. Blühm*. Die deutschen Zeitungen des 17. Jahrhunderts. Ein Bestandverzeichnis mit historischen und bibliographischen Angaben. Bd. 1: Text; Bd. 2: Abbildungen. Bremen, 1971.

9 О публикациях на польскую тему в немецких научных журналах см.: *J. Jarzęcka*. Życie umysłowe w Rzeczypospolitej w latach 1729–1762 w świetle listów z Polski do Gottscheda i poloników występujących na łamach jego czasopism // Studia i Materiały z Dziejów Nauki Polskiej. Ser. A. 1980. Z. 15. S. 71–116; *J. Kirchner*. Bibliographie. Stuttgart, 1969; *A. Jendrysik*. Polonica w «Breslauische Nachrichten von Schriften und Schriftstellern» // Rocznik Wrocławski. V. 1961. S. 244–253; *M. Cieśla*. Literatur und Wissenschaftsberichte aus Polen in der Leipziger Zeitschrift «Neue Zeitungen von gelehrten Sachen» // Die Aufklärung in Ost- und Südeuropa. Aufsätze, Vorträge, Dokumentationen / Hg. v. L. Lesky u. a. Köln; Wien, 1972. S. 88–118; *G. Kozielek*. Das

inslav

Polenbild in Schubarts «Deutscher Chronik» // *Idem*. Reformen, Revolutionen und Reisen. Deutsche Polenliteratur im 18. und 19. Jahrhundert. Wroclaw, 1990. S. 79–92. О журналах научных и «ученых» см.: *B. Houghton*. Scientific Periodicals. Their Historical Development, Characteristic and Control. London, 1975; *J. Wilke*. Literarische Zeitschriften des 18. Jahrhunderts (1688–1789). Teil 1: Grundlegung. Teil 2: Repertorium. Stuttgart, 1978.

10 *R. Engelsing*. Die periodische Presse und ihr Publikum. Zeitungslektüre in Bremen von den Anfängen bis zur Französenzeit // Archiv für Geschichte des Buchwesens. IV.1962. S. 225. На большой интерес жителей Германии к периодическим изданиям, рассматривавшим на своих страницах вопросы истории и политики, указывал: *M. Welke*. Zeitung und Öffentlichkeit im 18. Jahrhundert. Betrachtungen zur Reichweite und Funktion der periodischen deutschen Tagespublizistik // Presse und Geschichte. Beiträge zur historischen Kommunikationsforschung. Referate einer internationalen Fachkonferenz der Deutschen Forschungsgemeinschaft und der Deutschen Presseforschung, Universität Bremen 5.–8. Oktober 1976. München, 1977. S. 71–99; *Idem*. Die Legende vom «unpolitische Deutschen». Zeitungslese im 18. Jahrhundert als Spiegel des politischen Interesses // Jahrbuch der Wittheit zu Bremen. XXV. 1981. S. 161–188. Ср.: *R. Engelsing*. Op. cit. Sp. 1481–1534; о читательских объединениях: U. Im Hof. Das gesellige Jahrhundert. Gesellschaft und Gesellschaften im Zeitalter der Aufklärung. München, 1982; *O. Dann*. Die Lesegesellschaften des 18. Jahrhunderts und der gesellschaftliche Aufbruch des deutschen Bürgertums // Buch und Leser / Hg. v. H. G. Göpfert. Hamburg, 1977. S. 160–193.

11 *J. Michalski*. Sarmatyzm a europeizacja Polski w XVIII wieku // Swojskość i cudzoziemszczyzna w dziejach kultury polskiej / Red. Z. Stefanowska. Warszawa, 1973. S. 113–168; *K. Maliszewski*. Obraz świata i Rzeczypospolitej w polskich gazetach rękopiśmiennych z okresu późnego baroku. Studium z dziejów kształtowania się i rozpowszechniania sarmackich stereotypów wiedzy i informacji o «Theatrum Mundi». Toruń, 1990. Rozdz. 3; *Idem*. Kształtowanie się stereotypu Niemca i obrazu krajów niemieckich w potocznej świadomości sarmackiej od XVI do polowy XVII wieku. (Próba rekonesansu) // Polacy i Niemcy. Z badań nad kształtowaniem heterostereotypów etnicznych / Red. K. Wajda. Toruń, 1991. S. 7–44.

12 О взглядах немецкой элиты на Польшу XVIII в. см. классическую работу: *St. Kot*. Rzeczpospolita Polska w literaturze politycznej Zachodu. Kraków, 1919; а также антологию: Die Gelehrte Welt des 17. Jahrhunderts über Polen. Zeitgenössische Texte / Hg. v. E. M. Szarota, A Kersten. Wien, 1972. Проблематике XVIII в. посвящены, в частности, труды: *B. Bieńkowska, Z. Sidorowicz*. Polonica w «Nouvelles Extraordinaires» z lat 1706–14 // Roczniki Historii Czasopiśmiennictwa Polskiego. VI. 1967. S. 5–9; *M. Dłużniewski*. Prusy w czasie rozbioru Polski i współczesna prasa Europy. Kraków, 1886; A. Ernstberger. Der Augsburger Zeitungsschreiber Johann Jakob Schatz im Dienst des polnischen Adels (1769–1785) // Bayerische Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-Historische Klasse. Sitzungsbericht 9. 1964. S. 1–40; *J. Hampden*. An Eighteenth Century Journal Being a Record of the Years 1774–1776. London, 1940; *I. Hanslik*, Das Bild Russlands und Polens im Frankreich des 18. Jahrhunderts. Frankfurt am Main, 1985; *D. Horn*. British Opinion and the First Partition of Poland. London; Edinburgh, 1945;

inslav

G. Kozielek. Das Polenbild in Schubarts «Deutscher Chronik» // Idem. Reformen, Revolutionen und Reisen. Deutsche Polenliteratur im 18. Jahrhundert. Wroclaw, 1990. S. 79–90; *W. Kriegseisen*. «Journal de Genève» o sprawach polskich w epoce pierwszego rozbioru i w latach 1781–1790 // Trudne stulecia. Studia z dziejów XVII i XVIII wieku ofiarowane Profesorowi Jerzemu Michalskiemu w siedemdziesiątą rocznicę urodzin / Red. J. Kądziela, W. Kriegseisen i Z. Zielińska. Warszawa, 1994. S. 195–205; *Idem*. W oczach Zachodu. Ewangelicy polscy i litewscy w XVIII wieku a szwajcarska i niderlandzka opinia publiczna. Kontakty — inspiracje — publikacje // Między barokiem a oświeceniem. Nowe spojrzenie na czasy saskie / Pod red. K. Stasiewicz, S. Achremczyka. Olsztyn, 1996. S. 85–95; *I. Rusinowa*. Rozbiory Polski w opinii «The Annual Register» // Francja — Polska w XVIII wieku. Warszawa, 1983. S. 339–348; *J. Wojtowicz*. Sprawy polskie epoki rozbiorów w niemieckim czasopiśmiennictwie końca XVIII stulecia. Zapiski Historyczne. XXXVII. 1972. (4) S. 69–79; *L. Wolff*. Inventing Eastern Europe. The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment. Stanford, 1994; *R. W. Wołoszyński*. Polska w opiniach Francuzów w XVIII w. Rhuliere i jego współcześni. Warszawa, 1964; *A. Zahorski*. «Moniteur» z lat 1789–1795 o sprawach polskich // Przegląd Historyczny, LVII. 1966. S. 70–96.

13 *S. Kujot*. Dokumenty do sprawy toruńskiej z r. 1724 // Rocznik Towarzystwa Przyjaciół Nauk Poznańskiego. XXI. 1895. S. 177–334; *S. Salmonowicz*. O toruńskim tumulcie z roku 1724 // Odrodzenie i Reformacja w Polsce. XVIII. 1983. S. 161–184. Библиографию см.: *H. Baranowski*. Bibliografia miasta Torunia. Warszawa, 1972.

14 *J. Michalski*. Sprawa dysydencka a zagadnienia gospodarcze w opinii publicznej w pierwszych latach panowania Stanislawa Augusta // Przegląd Historyczny. XL. 1949. S. 156–163; *T. Cegielski*. Polityka Rzeszy Niemieckiej w okresie pierwszego rozbioru Polski 1772–74 // Kwartalnik Historyczny. LXXVI. 1979. (1). S. 19–24; *Idem*. Preussische Deutschland und Polenpolitik in dem Zeitraum 1740–92 // Jahrbuch für die Geschichte Mittel- und Ostdeutschlands. XXX. 1981. S. 22–27; *B. Stasiewski*. Zur Kirchenpolitik der Nachbarstaaten Polen-Litauens in der zweiten Hälfte des 18. Jahrhunderts // Die erste polnische Teilung 1772 / Hg. v. F. B. Kaiser, B. Stasiewski. Köln; Wien, 1974. S. 96–115; *E. Rostworowski*. Wolter a Polska // Kwartalnik Historyczny. LXXV. 1968. (4). S. 849–867; *Idem*. Voltaire et la Pologne // Studies on Voltaire and the Eighteenth Century. Nr. 62. 1968. S. 101–121; *W. Dzwigala*. Voltaire's sources on the Polish Dissident question // Ibid. Nr. 241. 1986. S. 187–202. Об отношении журналов «Scots Magazine» и «Annual Register» к пропагандистской акции России в пользу польских диссидентов см.: *H. Stratmann*. Die englisch-polnische Beziehungen 1763–1795. Eine Studie zur britischen Kontinentalpolitik und Diplomatie im späten 18. Jahrhundert. Erlangen, 1968. S. 112–116.

15 *W. Lippmann*. Public opinion. New York, 1961 (1–е изд. 1922); *W. Bauer*. Die öffentliche Meinung und ihre geschichtlichen Grundlagen. Tübingen, 1914; *Idem*. Die öffentliche Meinung in der Weltgeschichte. Berlin, 1930. Характеристику прессы XVIII в. см.: *J. D. Popkin*. News and Politics in the Age of Revolution. Jean Luzac's Gazette de Leyde. Ithaca; London, 1989. Part. 1–3; Методологические проблемы и вопросы типологии прессы XVIII в. рассмотрены в работах: Presse et histoire au XVIIIe siècle. L'année 1734 / Ed.

inslav

P. Rétat, J. Sgard. Paris, 1978. Part. 1, P. 17–63; *W. Haake*. Die politische Zeitschrift 1665–1965. Stuttgart, 1968. Об английской прессе XVIII в. см.: *J. Black*. The English Press in the Eighteenth Century. Philadelphia, 1987; *S. Botein, J. R. Censer, H. Ritvo*. The Periodical Press in Eighteenth Century English and French Society. A Cross-Cultural Approach // Comparative Studies in Society and History. XXIII. 1981. P. 464–490. О журналистике — Newsletter to Newspapers. Eighteenth Century Journalism / Ed. H. D Bond, W. R. McLeod. Morgantown, 1977.

16 *R. W. Wołoszyński*. Sprawy polskie w pismach i dzialalności P. M. Hennina // Przegląd Historyczny. LII. 1961. (2). S. 213–231; *H. Krauze*. Polska inspiracja prasowa w Holandii w latach 1791–1794 // Roczniki Historii Czasopiśmiennictwa Polskiego. I. 1962. S. 49–69; *J. Łojek*. Polska inspiracja prasowa w Holandii i Niemczech w czasach Stanislawa Augusta. Warszawa, 1969. См. также рецензию на книгу Е. Лойека:. *S. Meller* // Przegląd Historyczny. XLII. 1971. Z. 1. S. 135–142; а также: *S. Meller*. Les Relations politiques entre la Pologne et les Pays-Bas a l'epoque de la diète de quatre ans. Warszawa, 1984. Rozdz. 2.

17 *J. Jarzęcka*. Op. cit.; *J. Wojtowicz*. Korrespondenzzirkel als Kommunikationsgruppen im Zeitalter der Aufklärung. Vorschläge — Postulate — Forschungsmöglichkeiten // Brief und Briefwechsel in Mittel- und Osteuropa im 18. und 19. Jahrhundert / Hg. v. A. Dutu. Essen, 1989. S. 274–276; *Idem*. Elity epoki Oświecenia i ich systemy komunikacji spolecznej (zarys problematyki) // Acta Universitatis Lodzensis. Folia Historica. 1985. Z. 22. S. 5–19; *H. Ischreyt*. Kontakte. Bemerkungen über die Voraussetzungen von Kulturbeziehungen und deren systematische Darstellung // Zeitschriften und Zeitungen des 18. und 19. Jahrhunderts in Mittel- und Osteuropa / Hg. v. I. Fried u.a. Essen. 1987. S. 9–44.

18 По вопросу о воздействии со стороны польских протестантов на редакторов немецких журналов XVIII в. см.: *T. Wotschke*. Die Mitarbeiter an den «Acta historico-ecclesiastica» in Polen // Deutsche Wissenschaftliche Zeitschrift für Polen. 1928. (12). S. 74–129 (далее — DWZP).

19 *J. J. Załuski*. Dwa miecze katolickiey w Królestwie orthodoxeyskim odsieczy przeciwko natarczywym pp. dyssydentów zamachom... Warszawa, 1731. S. 21. С 1740 г. распространилось мнение, что эта публикация подогревала недоброжелательные настроения в Польше в отношении протестантов, а публикации в немецкой прессе усугубляли ситуацию. См.: *Ch. S. Thomas* do W. E. Bartholomäi. Lissa, 23.XII.1740. — *T. Wotschke*. Die Mitarbeiter... S. 3.

20 *J. Łukaszewicz*. O kościołach braci czeskich w dawnej Wielkiejpolsce. Poznań, 1835. S. 246.

21 *J. A. Załuski*. Op. cit. S. 22.

22 «W gazetach drukowanych cudzoziemskich, niemieckich i francuskich lejdeńskich ponieważ się często szkodliwe libertati et exercitio religionis znajdują relacyje — tedy umówiliśmy między sobą, aby upraszać ichmpp. ministrów dworów i państw tych, z których takowe wychodzą relacyje z druku, aby na nie animadwersyja była». — Colloquium fraternum Varsaviae. — Август 1736 г. (Rps Biblioteki Litewskiej Akademii Nauk. ERS 60. K. 156). [В иностранных газетах, немецких, французских и лейденских, часто появлялись вредные реляции о свободе вероисповедания — и тогда

inslav

мы договорились между собой просить гг. министров тех дворов и государств, где таковые публикуются, чтобы противодействовать этому].

23 Прецедентом стал судебный процесс, состоявшийся в 1691 г., на котором пастор Ян Петррозелин был осужден Люблинским трибуналом за то, что «correspondentias certas in externis agitasse» (*M. Wajsblum.* Ex regestro arianismi. Szkice z dziejów upadku protestantyzmu w Małopolsce. Kraków, 1937–1948. S. 61).

24 Ch. S. Sitkovius do J. C. Würtza. Lissa, 18.I.1738. — *T. Wotschke.* Hilferrufe nach der Schweiz // DWZP. 1929. (15). Sonderabdruck. Posen, 1929. Beilage, S. 40.

25 Ch. S. Thomas do W. E. Bartholomäi. Lissa, 14.VII.1738. — *T. Wotschke.* Die Mitarbeiter... S. 2–3.

26 Обеспокоенность по поводу сообщения и публикации ложной и недостоверной информации было выражено в письме: Ch. S. Sitkovius do W. E. Bartholomai. Lissa, 23.IX.1744. — Ibid. S. 12–13. В 1766 г. корреспондент Х. В. Кесслер из Великой Польши сделал оговорку, что не писал обо всем, а его информацию нужно использовать осторожно (*Ibid.* S. 19–21). Об изменениях подходов в вопросах цензуры в XVIII в. в Германии см.: *U. Eisenhardt.* Wandlungen von Zweck und Methoden der Zensur im 18. und 19. Jahrhundert // «Unmoralisch an sich...». Zensur im 18. und 19. Jahrhundert / Hg. v. H. G. Göpfert, E. Weyrauch. Wiesbaden, 1988. S. 1–35, подробнее см.: *Ibid.* Gegenstande sowie Ziel und Zweck der Zensur im 18. Jahrhundert. S. 18–19.

27 *U. Eisenhardt.* Op. cit., там же обширное обсуждение литературы предмета.

28 «Neueroffnetes Welt- und Staats-Theatrum» / Wyd. C. F. Jungnicol. (Erfurt) 1725–1739.

29 «Verbessertes Welt- und Staats-Theatrum» / Wyd. J. H. Nonne. (Erfurt) 1740–1756.

30 «Die europäische Fama», вместе с приложением «Die neue europäische Fama» / Wyd. Gleditsch. (Leipzig) 1702–1756. Мы не рассматривали продолжение указанного издания — «Die neueste europaische Fama», выходившее с 1760 г. в Готе (Gotha).

31 «Historisches Portefeuille. Zur Kentniss der gegenwärtigen und vergangenen Zeit» (Wien–Breslau–Leipzig–Berlin–Hamburg) 1782–1788. Издание отсутствует в библиографии И. Кирхнера. См. примеч. 3.

32 «Politisches Journal nebst Anzeige von gelehrten und andern Sachen» / Wyd. G. B. von Schirach, W. von Schirach. (Hamburg–Altona). 1781–1840. Мы рассматривали указанное издание до 1796 г.

33 «Magazin für die neue Historie und Geographie» / Wyd. J. J. Curtz. (Halle) 1767–1785.

34 «Unschuldige Nachrichten von Alten und Neuen theologischen Sachen, Büchern, Uhrkunden, Controversien» / Wyd. J. F. Braun. (Leipzig) 1701–1758. Издание дважды сменило название — в 1726 г. на «Fortgesetzte Sammlung von Alten und Neuen theologischen Sachen», в 1753 г. на «Neue Beytrage von Alten und Neuen theologischen Sachen».

inslav

35 «Acta Historico-Ecclesiastica oder gesammelte Nachrichten von den neuesten Kirchen-Geschichten», его издание было продолжено под названием «Nova Acta Historico-Ecclesiastica» и, наконец, — «Acta Historico-Ecclesiastica Nostri Temporis». (Weimar) 1734–1758, (Leipzig–Weimar) 1758–1774 и там же 1774–1787 (druk S. H. Hoffmann).

36 См. примеч. 34–35.

37 Веймарский журнал редактировали придворный проповедник Вильгельм Эрнст Бартоломеи и Иоганн Кристоф Цолер. После смерти Бартоломеи, в 1753 г., редакцию возглавил его брат Иоганн Христиан. Под его руководством, начиная с 99-й части, журнал выходил под названием «Nova Acta Historico-Ecclesiastica». Наконец, в 1773 г. издание перешло к Христиану Вильгельму Шнейдеру — пастору и советнику консистории в Веймаре, а с 1782 г. — к генеральному суперинтенданту в Эйзенахе. Шнейдер издавал журнал в 1774–1788 гг. под заглавием «Acta Historico-Ecclesiastica Nostri Temporis». — *T. Wotschke*. Die Mitarbeiter... S. 74–129.

38 Der Bischofs Hosii Proces wider die Beicht-Väter, welche durch nichtige Scrupel die Gewissen der Glaübigen beunruhigen // Acta Historico-Ecclesiastica. Teil. 4. 1735. S. 577–584.

39 Bogislaus Ignatius [J. G. Elsner]. Polonia reformata oder zuverlässige Nachricht von denen evangelisch-reformierten Kirchen. Berlin, 1754. Перепечатка // Acta Historico-Ecclesiastica. Teil. 101. 1735. S. 648–684.

40 Sinceri Polonophili Verfolg desjenigen «Indicis seniorum Ecclesiae Reformatae Bohemicae Confessionis in polonia Majore et Prussia Polonica», so in bekannten Tempe Helvetica <...> zum Vorschein gekommen ist // Nova Acta Historico-Ecclesiastica. Teil 26. 1763. S. 253–263.

41 «Acta Historico-Ecclesiastica». Teil 39. 1743. S. 370–372.

42 Ibid. Teil 16. 1739. S. 556–562. (ноябрь 1738 г.). Убийцей был назван католик, некий Jan «Wonschinwitz». Возможно — Wąsowicz (?).

43 Ibid. Teil 1738. S. 1047–1050.

44 «Nova Acta Historico-Ecclesiastica». Teil 54. 1767; Teil 45. S. 56. 1768; Teil 68. 1769; Teil 70. 1770.

45 Nachricht von dem in einem auf dem Grunde der kön. Dänischen Gesandschaft besonders errichteten Gebaude aufgefangenen öffentlichen evangelisch-lutherischen Gottesdienst zu Warschau // Ibid. Teil 52. 1767. S. 518–521. (По сообщению газеты «Thornische Anzeigen»).

46 Ch. S. Thomas do W. E. Bartholomäi. Brötz, 12.IV.1736. — *T. Wotschke*. Die Mitarbeiter...; [Ch. S. Thomas.] Список лютеранских костелов и священников в Речи Посполитой // Acta Historico-Ecclesiastica. T. 1. S. 751 etc., T. 3. S. 189 etc. Была опубликована работа того же автора о лютеранских сеньорах в Великой Польше.

47 J. Kopp do W. E. Bartholomäi. Karge. 19.IV.1751 (с сообщением о смерти X. C. Томаса) — *T. Wotschke*. Die Mitarbeiter... S. 18–19. Материал о «гернгуттерах» был опубликован в «Acta Historico-Ecclesiastica». T. 14. S. 402 etc.

48 «Acta Historico-Ecclesiastica Nostri Temporis». Teil 14. 1776. S. 851–852; J. J. Scheidemantel do Ch. W. Schneidera. Warschau, 10.I.1775, 24.I.1776. —

inslav

T. Wotschke. Die Mitarbeiter... S. 25–27. См. также: *W. Kriegseisen.* Scheidemantel Johann Jakob // Polski Slownik Biograficzny. T. 35. S. 436–437.

49 H. G. Scheidemantel do Ch. W. Schneidera. Jena, 2.III.1777 (информировал о смерти брата в Варшаве и о своих контактах с вождями польских диссидентов — А. С. Гольцем, А. Брониковским, Ф. фон Кауфманом); H. G. Scheidemantel do Ch. W. Schneidera. 2.XI.1777 (информировал о взаимоотношениях между новым лютеранским пастором в Варшаве Г. Рингельтаубом и кальвинистским пастором Я. С. Мусониусем) — *T. Wotschke.* Die Mitarbeiter... S. 28. K. F. Weber do Ch. W Schneidera. Militsch, 27.IV.1778. *Ibid.* S. 30–31; [*K. F. Weber*]. Список костелов // Acta Historico-Ecclesiastica Nostri Temporis. T. IV. S. 980–984.

50 См., например,: Umständliche und zuverlässige Nachricht von der evangelisch-lutherischen Kirche zu Jutroschin // Acta Historico-Ecclesiastica Nostri Temporis. Teil 86. 1784. S. 425–448; а также: Religionsneuigkeiten aus Grosspolen in Auszügen aus Briefen // Ibid. Teil 85. 1786. S. 484–506. — *T. Wotschke.* Die Mitarbeiter... S. 31–49.

51 Zu Niemirow // Acta Historico-Ecclesiastica Nostri Temporis. Teil 67. 1783. S. 415. О получении Фридрихом Церулли должности пастора в Немирове см.: P. Tepper (starszy) do NN. Glosków, 31.VII.1782. — Rps. Biblioteki Uniwersyteckiej w Warszawie. SER 634. K. 256. О дальнейшей судьбе немировского пастора см.: *L. Schneider.* Die evangelische Kirchengemeinde in Lemberg. Das Gotteshaus und die Pfarrer der Gemeinde. Zum 150-jährigen Besitz der Kirche. Lemberg, 1935. S. 18–20. Факт приглашения В. Потоцким специалистов из-за границы для работы в Немирове, а также основание там протестантского прихода подтвердил «Dziennik Handlowy» от апреля–мая 1786 г. (S. 162–164, 221): «...из разных стран прибывают в Немиров люди разной веры и в соответствии со своими обрядами имеют там костелы и отправляют богослужение, также и протестанты имеют своего пастора в своем новом, прекрасно выстроенном костеле». — Цит. по: Historia Polski 1764–1795. Wybór tekstów / Oprac. J. Michalski. Warszawa, 1954. Nr. 15. S. 60.

52 «Nova Acta Historico-Ecclesiastica». Teil 9. 1760. S. 102–142; Teil 10. 1760. S. 229–263. Ср.: W poszukiwaniu żydowskich kryptochrześcijan. Dzienniki ewangelickich misjonarzy z ich wędrówek po Rzeczypospolitej w latach 1730–1747 / Oprac. i wstęp J. Doktór. Warszawa, 1999.

53 «Unschuldige Nachrichten von Alten und Neuen theologischen Sachen». За годы издания с 1701 по 1758 вышли 63 тома этого двухмесячника.

54 «Unschuldige Nachrichten...». 1717. Teil 1. S. 63.

55 Среди других материалов было опубликовано сочинение: «Urkunden von dem Socinianismo polonico», в котором, в частности, содержались письма Ф. Лисманина, найденные Й. Брайтингером в Цюрихе. См.: Neue Beyträge von Alten und Neuen theologischen Sachen» («Unschuldige Nachrichten...»). Anhang, 1756. S. 873–878; 1757. Teil 1. S. 32–37; Teil 2. S. 168–179.

56 «Unschuldige Nachrichten...» 1717. Teil 2. S. 280–282.

57 «Neue Beyträge von Alten und Neuen theologischen Sachen» («Unschuldige Nachrichten...»). 1757. Teil 5. S. 598–618; Teil. 6. S. 755–771.

inslav

58 Wahrhafftige Relation von der grausamen und unerhörten Marter und Pein eines rechtstandhafften und unbeweglichen lutherischen Martyrers... // «Fortgesetzte Sammlung von Alten und Neuen theologischen Sachen» («Unschuldige Nachrichten...»). 1733. Teil 6. S. 952–991.

59 «Unschuldige Nachrichten...» 1725. Teil 1. S. 67.

60 Информация об изгнании из Литовского трибунала депутатов-протестантов (Стефана и Богуслава Грабовских, Якуба Волана, Вениамина Абрамовича), по всей видимости, основана на корреспонденции из Польши. – Ibid. 1717. Teil 4. S. 694.

61 «Fortgesetzte Sammlung von Alten und Neuen theologischen Sachen» («Unschuldige Nachrichten...»). 1745. Teil 1. S. 105–108; Teil 2. S. 170–171; 1726. Teil 6. S. 925–932.

62 «Neue Beyträge von Alten und Neuen theologischen Sachen» («Unschuldige Nachrichten...») 1755. Teil 2. S. 144–155 (перепечатка базельского издания 1556 г.), а также обзор сочинения: *A. F. Modrzewski*. De peccato originis et libero hominis arbitrio libri duo. Basel, 1617 // Neue Beyträge... 1755. Teil 2. S. 170–183.

63 Обзор сочинения: *M. H. Reinhard*. Programma de dissidentium in Polonia nomine. [1737?] // «Fortgesetzte Sammlung von Alten und Neuen theologischen Sachen» («Unschuldige Nachrichten...»). 1737. Teil 2. S. 208; а также сочинения: *Grzegorz z Żarnowca*. Postylli (1587) // Ibid. S. 137–146.

64 Обзор сочинения: *A. G. Hulewicz*. Notae characteristicae coniugationum linguae sanctae. Lugduni Batavorum. 1733 // Ibid. 1743. Teil 3. S. 409.

65 *Salvatorius de Fluminibus*. Critischer Brief an Herrn Johann Daniel Janozki, Hochgräflischen Zaluskischen Bibliothecarium zu Warschau, wegen seines unlängst vorgenommenen Abfalls zur Römisch-Catholischen Kirche // Ibid. 1750. Teil 4. S. 559–567. Ср.: *B. S. Kupść*. Janocki (Jaenisch, Janozki) Jan Daniel Andrzej // Polski Slownik Biograficzny. T. 10. S. 550–552. О деле Яноцкого вновь вспомнили в 1790-х гг. в связи с обращением в католицизм ученого-энциклопедиста и филолога Абрахама Якова Пензеля (1749–1819), сына кальвинистского пастора из Тёртена (невдалеке от Дессау). Во время перехода в католицизм Пензель жил в имении Солтыков в Домброве. – *T. Wotschke*. Der Aufbau... // DWZP. 1934. (27). S. 69–70.

66 «Journal für Prediger». Bd. 11. S. 157.

67 См., напр.: «Leipziger Zeitung». Nr. 10 (14.I.1782). О польских протестантах писали газеты, выходившие во Вроцлаве, издателями которых являлись представители протестантского рода Корн'ов: «Schlesische privilegirte Staats-, Kriegs- und Friedenszeitung», позднее – «Schlesische Zeitung» и выходившая с 1751 г. «Schlesische Zuverlässige Nachrichten». См.: *J. Wądołkowska*. Korn Johann Jakob // Polski Slownik Biograficzny. T. 14. S. 75–76; *Eadem*. Korn Wilhelm Gottlieb // Ibid. S. 76; *Eadem*. Korn Johann Gottlieb // Ibid. S. 75–76.

68 Биографию А. Л. Шлецера см.: A. L. Schlözer // Allgemeine Deutsche Biographie. Bd. 31. Leipzig, 1890. S. 567–600. См. также: *H. Neubauer*. August Ludwig Schlözer (1735–1809) und die Geschichte Osteuropas // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. NF.XVIII.1970. (2). S. 205–230.

inslav

69 *A. L. Schlözer.* Briefwechsel. Bd. 54. S. 357–363 (письмо от 21.VII.1779 г.)

70 Ibid. (письмо от 16.III.1781 г. — о протестантском костеле в Немирове). См. также: *W. Szczygielski.* Potocki Wincenty // Polski Słownik Biograficzny. T. 28. S. 227–229.

71 *S. Salmonowicz.* Polacy i Niemcy wobec siebie. Postawy — opinie — stereotypy (1697–1815). Pryba zarysu. Olsztyn, 1993. Rozdz. 3, 6.

72 Ibid. S. 31.

73 Ср.: *D. Łukasiewicz.* Czarna legenda Polski. Obraz Polski i Polaków w Prusach 1772–1815. Poznań, 1995.

inslav

Хайнц Духхардт
(Майнц)

РОССИЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ ФРИДРИХА ВЕЛИКОГО

Русско-прусские отношения в XVIII в. стали для историков одной из наиболее привлекательных областей исследования. С одной стороны, это объясняется тем, что в целом для названного времени были характерны частые перемены в системе военно-политических союзов, да и в структуре международных отношений в целом. В центре внимания ученых находилось и совместное восхождение России и Пруссии к вершинам политического могущества, причем их взаимодействие на этом пути нарушалось только в период с середины 1740-х до 1762 г. и вновь в 1780 г. С другой стороны, годы разлада и противостояния Петербурга и Берлина, в век напряженного противоборства и конфликтов в Европе, сохранились в коллективной исторической памяти как в России, так и в Германии. Именно эти кратковременные состояния конфликта и лежат в основе представления, что двусторонние отношения между гигантской Россией и государством Гогенцоллернов, которое по своей величине и ресурсам не шло ни в какое сравнение с другими великими державами и находилось под постоянной угрозой оказаться исключенным из их числа, нельзя рассматривать как вполне «нормальные» межгосударственные отношения.

I

Из множества методических подходов к освещению двусторонних отношений мы остановимся на анализе образа России, который сложился в собственном восприятии прусских монархов XVIII в., и обратимся при этом к такому типу исторического источника, который был характерен для берлинских Гогенцоллернов и вместе с тем с небольшими вариациями встречается у многих других немецких династий [1].

Еще со времен бранденбургского курфюрста Фридриха Вильгельма (1640–1688), называемого Великим курфюрстом, все прусские правители были авторами политических тестаментов (завещаний).

inslav

Сочинения эти не предназначались для публикации. В них прусские монархи подводили итог своему правлению, своим достижениям и неудачам, связывая их с перспективами на будущее. Тестаменты представляли собой некий каталог советов для наследников. При чтении такого источника создается чарующее впечатление непосредственной беседы с курфюрстом, когда открываются потайные пружины его политики и скрытые причины действий, когда узнаешь о его подлинных убеждениях и представлениях, о сокровенных побудительных мотивах его поступков. Становится понятно, что эти документы представляют собой нечто иное, нежели адресованные широкой публике мемуары современных политиков. Тестаменты не подлежали огласке, напротив, в отличие от мемуаров, в бюрократических и дипломатических понятиях нашего времени, они должны бы были сопровождаться грифом «совершенно секретно». Эти завещания были призваны обязать наследника соблюдать преемственность проводимого политического курса, хотя каждому из князей-сочинителей было очевидно, что политические «конъюнктуры» и ход вещей беспрестанно изменяются и что требование преемственности внутренней и внешней политики в такой ситуации становится эквивалентным квадратуре круга.

С середины XIX в. Гогенцоллерны отказались от составления политических тестаментов, исходя из представления, что не следует предписывать политику государства на длительное время вперед. Фридрих Вильгельм IV был последним прусским монархом, написавшим такое завещание, что должно расценивать как дань уже отжившей традиции [2].

Исходя из цели написания, политические тестаменты в принципе предназначались только для одного-единственного человека — предполагаемого наследника престола, а это означало, что они не хранились в общедоступных государственных архивах, повсеместно созданных в середине XVIII в. Тестаменты монархов из рода Гогенцоллернов принадлежали к самым секретным документам династии и оказались поэтому в центре внимания исследователей весьма поздно, поскольку стали доступны для изучения только в начале XX в. непосредственно в итоге Первой мировой войны. Введение их в научный оборот породило целый ряд дискуссионных проблем, связанных с пониманием изложенных составителями тестаментов политических перспектив, которые сами князья-сочинители в большинстве случаев именовали «политическими мечтаниями». Споры развернулись вокруг вопроса, можно ли рассматривать представленные в тестаментах воззрения как реальные политические программы — или нет? Подлинно научное, в плане источни-

inslav

коведческой и исторической критики, издание тестаментов монархов дома Гогенцоллернов вышло в 1986 г. [3].

II

Выдающиеся деятели ранней истории Пруссии Великий курфюрст Фридрих Вильгельм и «Солдатский король» Фридрих Вильгельм I (1713–1740) были в первую очередь просто «внутренними князьями» Священной Римской империи германской нации. Их сердечной заботой, которой они отдавали предпочтение перед всеми другими делами, было обустройство своего государства. Поэтому область внешней политики помещалась в их тестаментах далеко позади прочих задач, что вполне соответствовало воззрениям большинства германских князей XVII в., для которых политика отождествлялась со сферами юстиции, религии и администрации [4]. Однако сам Фридрих II Великий, будучи одним из немногих монархов династии Гогенцоллернов, оставивших после себя два написанных по-французски политических тестамента, 1752 и 1768 гг., хотя и поместил внешнюю политику в заключение своих рассуждений, но, в сравнении со сферами юстиции, государственного управления и религиозной политики, рассмотрел вопросы внешней политики гораздо более обстоятельно.

При первых Гогенцоллернах подчеркнутая концентрация на обустройстве страны, на росте благосостояния подданных и вместе с тем ослабление внимания к внешней политике не вызывают удивления. Для них внешнеполитические дела в первую очередь и во всех случаях замыкались в рамках политики внутри Германской империи и были направлены на поддержание отношений с императором в Вене, от которого они зависели во всех отношениях, поскольку Империя представляла собой объединение держателей ленных владений, права которых на свои княжества подлежали регулярному возобновлению. И если представить себе ситуацию в Германии после несчастной для нее Тридцатилетней войны (1618–1648), которая в немалой мере была войной религиозной, то становится понятно, что в области внешней политики взгляд протестантских государей Германии обращался в сторону родственных в конфессиональном отношении стран, а именно Нидерландов, или же Англии, Дании и Швеции. Если же говорить о внешней политике, то германские протестантские князья и не помышляли о росте своего могущества на международном поприще, а рассчитывали на защиту и признание со стороны сложившегося своеобразного протестантского интернационала, в котором, разумеется, всегда ощущались разногласия со Швецией из-за Южной Прибалтики. Правда, категория «сохранение» в политическом созна-

Insiav

нии немецких князей употреблялась в значении «расширения». Так и понятие «Ausbau des Heeres» * долгое время рассматривалось именно в этом смысле.

На этой основе, и отнюдь не без труда, правители династии Гогенцоллернов вырабатывали четкое и точное представление о России. В политическом тестаменте 1667 г. [5]. Великий курфюрст никак не выразил своего к ней отношения, хотя русские посольства не раз прибывали к бранденбургскому двору, да и сам курфюрст, вынашивавший различные планы приобретения польской короны, всегда принимал при этом в расчет также и возможное влияние России. Однако первому из выдающихся Гогенцоллернов, очевидно, казалось, что отношения его государства с неким весьма отдаленным и чуждым для тогдашней европейской политики государственным образованием, каким ему представлялось Московское царство, не занимают того ключевого положения, чтобы доверительно рассуждать о них в предназначенной для передачи наследнику из рук в руки генеральной инструкции, которой тот должен был следовать в своем правлении. Более странно, что впоследствии курфюрст Фридрих III, получивший королевскую корону и ставший первым прусским королем, также не оставил для преемника никаких комментариев относительно России в своих тестаментах 1698 [6] и 1705 гг. [7], хотя новая экспансионистская политика Петра I просто не могла не привести в волнение монархов в регионе. Правда, такое игнорирование России не представляется удивительным, поскольку вплоть до Полтавской битвы 1709 г. европейские монархи были убеждены в победе в Северной войне Карла XII и не воспринимали Россию в качестве долговременного и влиятельного фактора европейской политики [8].

В источниках рассматриваемого нами типа только Фридрих Вильгельм I уже после окончания Северной войны 1700–1721 гг. первым из прусских монархов непосредственно высказался по поводу России в тестаменте 1722 г. [9]. Соответствующее довольно лаконичное примечание [10] он сделал во «внешнеполитическим» разделе, где оно все-таки поставлено вначале, непосредственно за предостережением заключать союзы бережно, не входя в лишние затраты, и при этом не обещать ничего, что нельзя бы было действительно исполнить. Говоря далее о русском императоре, прусский король, имея в виду еще правившего в то время Петра I, указывал, что надо стремиться к тесной дружбе и союзу с ним и сделать все возможное, чтобы и дружба, и союз продлились как можно дольше.

Затем в тестаменте давалась характеристика польско-прусских отношений, в которых, по словам короля, должна запечатлеться дружба,

* военное строительство (*нем.*).

inslav

но при этом следовало препятствовать укреплению польского государства и усилению там королевской власти, особенно установлению наследственного правления. Польша должна была сохранить характер свободной республики. В этом нашла выражение, особенно после 1717 г., общность интересов прусских и российских властителей, составлявшая, по определению К. Цернака [11], ядро их «негативной польской политики», которая заключалась в том, чтобы не позволить огромному польско-литовскому государству вновь обрести потенциал динамического развития. Примечательно, что высказанные соображения относятся ко времени правления т. н. «Солдатского короля» и уже тогда смысл раздела тестамента, озаглавленного «Посольство», состоял не только в том, чтобы подтвердить и развивать дипломатические отношения между Берлином и Санкт-Петербургом, но также и в том, что оба двора будут всегда находиться в одном политическом лагере, как, например, по вопросу о польском престолонаследии в 1730-е гг. [12].

III

В сравнении со своим совершенно прагматически настроенным и избегавшим теоретизирования отцом, Фридрих II в значительно большей степени обнаружил склонность к абстрактным рассуждениям, проявив себя как монарх, мысливший в категориях политической теории. Еще будучи кронпринцем и наследником прусского престола, он написал сочинение «Considérations sur l'état présent du corps politique de l'Europe» *, отличавшееся высоким интеллектуальным уровнем понимания международных отношений. Свой труд будущий прусский король в 1738 г. намеревался анонимно опубликовать в Нидерландах, позже, правда, отказавшись от этого замысла из-за перемен в «системе» внешней политики Пруссии [13]. Это сочинение преследовало единственную цель — указать на роковые последствия согласованных действий Бурбонов и Габсбургов. Однако было также очевидно, что Фридрих в контексте своего главного тезиса, что в Европе Франция заставляет все на свете плясать под свою дудку, заговорит и о России. Так и произошло, хотя в словах кронпринца звучал скорее скептицизм. По его мнению, Россия из-за нынешней войны с Турцией ** была настолько устранена из европейской политики, что не стоило даже и помышлять о том, чтобы соеди-

* «Размышления о нынешнем политическом состоянии Европы» (*фр.*).

** Русско-турецкая война 1736–1739 гг., в которой совместно с Россией участвовала и Австрия. (*Примеч. ред.*)

inslav

ниться с ней для образования второго фронта. Так как центр тяжести рассуждений прусского кронпринца в этот момент, будучи обусловлен конкретным поводом и конкретной политической ситуацией, был еще ориентирован на запад, то и данная им тогда оценка роли России не оставляла места для всеобъемлющей характеристики будущей русской политики.

Однако о том, что в конце 1730-х гг. проблема России напряженно занимала Фридриха, свидетельствуют другие источники, особенно его переписка с Вольтером. Главным предметом их обмена мнениями [14] по поводу России стала личность Петра Великого, образ которого в глазах наследника прусского престола по мере продолжения этих бесед в письмах в значительной мере потерял свой первоначальный блеск. Заочная дискуссия отчетливо продемонстрировала, что представления Фридриха о положении в России были еще более ограниченными, чем в целом общее мнение, что обоснованные им в «Considérations» интересы и расчеты, на которые он весьма полагался, оставались в отношении России в высокой степени бесцветными.

IV

В своем первом Политическом тестаменте от 1752 г. [15], накануне написания которого Фридрих II, помимо прочего, был особенно увлечен как литературным образцом Политическим завещанием Ришелье, прусский король не был более конкретен по сравнению со своими сочинениями 1730-х гг. И в первом тестаменте доминировало прежде всего личное начало. В нем получил обобщение опыт более чем десятилетнего правления в сочетании с присутствующим на втором плане опасением, что он, Фридрих, может вскоре умереть.

Отразились в нем и к этому времени весьма смутные сведения прусского короля о союзе императрицы Елизаветы Петровны с венским двором, при этом Фридрих, разумеется, не предполагал, что в русско-австрийском союзном договоре имелась секретная статья, предусматривавшая наступательные действия обеих держав против Пруссии, целью которых было отвоевание Силезии. Фридрих рассматривал этот союз [16] как некое проходное явление, своего рода несчастный случай в дипломатической практике, ответственность за который ложилась на одного-единственного человека — подкупленного англичанами и австрийцами канцлера А. П. Бестужева, со свержением которого, как казалось прусскому королю, дела бы опять вернулись к нормальному состоянию.

Исходя из этого Фридрих II сделал кардинальный вывод, что Россия не может принадлежать к числу «наших подлинных врагов».

inslav

Такое внезапное отрицание партнерства было противоестественным в своей основе, тем более, что у Пруссии и России не было причин для столкновения. Однако формула, согласно которой Россия не относилась к числу действительных врагов Пруссии, рассматривалась, разумеется, как высказывание, вызывавшее настороженность, как утверждение, что для Пруссии якобы не существует системообразующей необходимости действовать сообща с Россией, однако, принимая во внимание Польшу или же занесенную в разряд необратимых враждебность Австрии, было бы весьма желательно приложить усилия, чтобы приобрести благосклонность России.

V

Формировать свое представление о Российской империи в категориях ее внутренней структуры и структуры ее международного положения Фридрих начал несколько позже на основе и под впечатлением горестного опыта Семилетней войны 1756–1763 гг. Доступной для понимания Россия предстает в его втором Политическом тестаменте 1768 г. [17], написание которого относится ко времени кризиса в Польше и кануна Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. В нем было изложено [18] гораздо более четкое, чем прежде, представление прусского короля о разительном противоречии между показным блеском русского императорского двора и переживаемыми Россией внутренними и внешними потрясениями, которые также делали непредсказуемой и ее внешнюю политику. По мнению Фридриха, дворцовые перевороты в России были в порядке вещей, при этом он имел в виду в особенности переворот 1741 г., но прежде всего — свержение с престола Петра III и воцарение Екатерины II в 1762 г. Здесь, как и в других сочинениях, он связывал эту традицию дворцовых переворотов со своим решительным мнением о духе русской нации.

В «Histoire de mon temps» [19] Фридрих высказался о России преимущественно критически, написав о непросвещенности, о варварских обычаях этой неразвитой страны, жители которой в подавляющем большинстве ленивы и корыстны, подвержены инстинкту подражательства, однако не в силах создать что-либо самостоятельно. Этот в высшей степени негативный взгляд на «дух русского народа» не помешал прусскому королю высоко оценить военную мощь Российской империи и воздать хвалу боеспособности ее армии, в которой, как за лучшую ее часть, он поручился за т. н. легкую кавалерию (за казаков, татар и калмыков). По его словам, опасаясь нападения России, соседи ищут союза с русскими или становятся их клиентами. Поскольку восточные прусские провинции находятся в непосредст-

inslav

венном соседстве с Россией, то, как считал Фридрих, можно исходить из этих общетеоретических соображений при формировании практической политики.

В своем позднем сочинении 1776 г.[20] прусский король сформулировал основополагающее правило политического искусства, что государство должно стремиться к союзу с тем из своих соседей, который может нанести ему самые опасные удары. Если до 1756 г. не удалось оторвать Россию от союза с Австрией, имевшего для Пруссии роковые последствия, то должно, во всяком случае после 1763 г., проводить по отношению к России как к великой державе политику державы второго ранга, согласно собственной оценке Фридриха II. А уже в 1768 г. никаких сомнений относительно ведущей роли России в Европе у прусского короля не оставалось. Известно, что в течение более пятнадцати лет эта политика оказалась в целом успешной.

Не будет преувеличением утверждать, что курс на партнерство с Россией a tout prix * стал результатом глубоко укоренившегося в сознании Фридриха II страха перед державой, неизмеримо превосходившей по величине другие страны. В тестаменте 1768 г. страх этот нашел косвенное выражение в приведенной численности населения России[21]. Не вдаваясь в дискуссию о достоверности данных прусского короля, укажем только, что, согласно его расчетам, число жителей России составило в 1768 г. 9 млн. чел., через 10 лет оно должно было возрасти более чем на 1 млн. чел., а через 30–40 лет стремительный рост населения привел бы к еще более впечатляющим итогам.

Исходя из этого Фридрих делает парадоксальный вывод. Вместо тезиса о необходимости союза с Россией, который следовало бы заботливо оберегать, в тестаменте содержалось утверждение, что Европа окажется ввергнута в безрассудное ослепление, если будет способствовать усилению народа, который однажды приведет ее к гибели. Король не отказывался от союза с Россией, но рассматривал его только как способ выживания своего государства. Одновременно его пронизывал страх перед державой, которая грозила подчинить своей воле всю Европу, а не только маленькую Пруссию.

Во время правления Фридриха II критический период в прусско-российских отношениях наступил в конце лета 1756 г., когда Пруссия в течение нескольких лет до этого не имела дипломатического представительства в Петербурге, и поэтому король, не получив достоверной информации, придерживался ошибочного мнения, что Россия колеблется и не является одним из зачинщиков надвигающейся войны. Ему не было, да и не должно было быть известно, что императрица

* любой ценой (*фр.*).

inslav

Елизавета Петровна летом 1756 г. по просьбе Австрии сначала отзовет свои войска, развернутые у границ Восточной Пруссии. Такие действия русской армии, а также предположение, что русско-австрийский наступательный союз уже стал в тягость для Петербурга, очевидно, стали основной причиной решения Фридриха II нанести упреждающий удар не по России или Австрии, а по Саксонии, к которой прусский король всю жизнь относился с крайним недоверием.

В течение Семилетней войны, начало которой было положено событиями 1756 г., Фридрих был вынужден пересмотреть свое предвзятое мнение в отношении России. Он с удивлением должен был признать высокий уровень боеспособности русской армии. Другое же исходное представление короля о склоках при русском дворе между кликами царедворцев, о вызванной этим неразберихе и хаосе противоречивых повелений, что делало невозможным последовательное руководство военными действиями, напротив, нашло свое подтверждение. Новейшие исследования, здесь следует назвать книгу Иоханеса Куниша [22], обосновывают точку зрения о наличии в действительности существенных общих проблем в координации действий участников антипрусской коалиции, что не позволило им, несмотря на многократное превосходство, поставить маленькую Пруссию на колени.

Опыт Семилетней войны, собственно говоря, должен был бы ослабить страх Фридриха II перед Россией, поскольку беспримерного вторжения якобы неисчислимых русских армий в Центральную Европу так и не произошло, руководство русскими войсками и их тыловое обеспечение в годы войны было катастрофическим, перед решающими сражениями русские всегда испытывали страх за их исход.

Однако, возвращаясь к источникам рассматриваемого нами типа, следует указать, что в них опыт Семилетней войны получил совсем иное освещение. Во втором Политическом тестаменте Фридрих II предстает как человек, так и не оправившийся от нанесенной ему Россией психологической травмы. Его страх перед ней не был, в собственном смысле слова, результатом личного опыта, он был, скорее, сотворенным его фантазией видением, химерой, разумеется, отнюдь не лишенным известного основания в действительности, но не в действительности сегодняшнего дня, а в будущем. Ему бы хотелось, и в этом желании отразилась некоторая доля зависти властителя, поставленного в узкие рамки и стесненного обстоятельствами, обладать такими же гигантскими возможностями, какими располагали его коллеги — русские государи, — возможностями, которые были для него практически недосягаемы.

Данная Фридрихом оценка России наложила неизгладимый отпечаток на политику его наследников. Однако нельзя забывать и о том,

inslav

что этот отпечаток был связан с основополагающей оговоркой о необходимости для Пруссии союзнических отношений с Россией. О максиме Фридриха Великого, согласно которой Пруссии следует искать дружбы с Россией, мы уже говорили выше. Однако политика, которую он проводил на практике начиная с 1763 г., получила в тестаменте 1768 г. глубокое объяснение и обоснование.

При его чтении возникает не вызывающее сомнения впечатление, что прусский монарх испытывал тяжелейшие муки совести и желал оправдаться перед своими преемниками. Он считал это для себя внутренне необходимым, поскольку в важнейшем для прусской внешней политике вопросе — о контроле над Польшей — руки у него оказались накрепко связаны, а Польша целиком попала исключительно в сферу русского влияния. Он был обязан и сознавал свою обязанность совместно с Россией пресекать силой оружия любые попытки изменения польского государственного устройства, особенно введения там наследственной монархии. Однако, вопреки длившейся десятилетия практике совместного контроля над Польшей, установление там двустороннего «санитарного кордона» объективно означало для прусской политики движение вспять.

Оглядываясь назад, Фридрих II задавался вопросом, можно ли рассматривать как согласующуюся с прусскими интересами оказанную им поддержку избранию на польский престол Станислава Августа Понятовского, и приходил к заключению, что ныне это уже не так. По словам прусского короля, благодаря избранию польским королем ставленника России в Петербурге получили возможность свободно распоряжаться делами в Польше, что в свою очередь и обусловило, как казалось, на необозримое время вперед совершенную нереалистичность проекта прусской экспансии в отношении польского Западного Поморья и Гданьска, проекта, который Фридрих вынашивал, еще будучи наследником престола, со времени знаменитого письма к Нацмеру. По мнению Фридриха, те, кто контролирует Вислу и Гданьск, держат в руках и Польшу даже в большей степени, чем польские короли. Однако после 1764 г. с этими мечтами пришлось распрощаться.

Тестамент 1768 г. также содержал ответ на вопрос, почему Фридрих II столь покорно исполнял русские требования, за что король считал своим долгом просить прощения у наследников. Он придерживался мнения, что на «arrangements» * с русским двором, которые обошлись Пруссии не дешево, да и не в полной мере соответствовали ее интересам, пришлось согласиться, чтобы не подтолкнуть Россию к мысли добиваться того же самого с помощью Австрии. В основе союза

* сделки (*фр.*).

inslav

с Россией лежало твердое намерение прусского короля воспрепятствовать, с его точки зрения, вероятному альянсу двух императорских дворов — Петербурга и Вены. В связи с чем приходит на память, разумеется, не вполне соответствующая рассматриваемой проблеме, параллель с политикой Бисмарка, в которой, по меньшей мере начиная с 1887 г., хорошие отношения с Петербургом, очевидно, выступали как способ блокировать русско-французское согласие.

На страницах своего второго тестамента 1768 г. Фридрих II не раз и по разным поводам обращался к теме будущего России. Однако на первом месте для него оставался вывод, что она всегда по своему территориальному и демографическому потенциалу будет превосходить соседние государства и будет договариваться с ними по вопросу о Польше «pour partage cette proie» *. В этом пункте нельзя не признать в полной мере присущего Фридриху пророческого дара. Из вышеупомянутого трагического ожидания надвигающейся катастрофы, вызванного неслыханным усилением России, Фридрих пришел к роковому заключению, что рост российского могущества однажды вынудит Пруссию прибегнуть даже к совместным действиям с Австрией, чтобы держать в узде честолюбие новой империи. Однако — надеялся прусский король — такого, вероятно, не произойдет при его жизни.

Образ России в тестаменте 1768 г., возможно, оказался бы не столь ярким и красочным, если бы во главе Российской империи не стояла женщина родом из мелкого немецкого княжества, бывшего в самом тесном союзе с Пруссией, женщина, с которой Фридрих когда-то был мимолетно знаком, замужеству которой он когда-то содействовал, но, конечно, не мог и представить, что она со всепоглощающим честолюбием целиком отдастся во власть русскому началу и посвятит себя русской имперской идее. Подобная способность к ассимиляции была абсолютно беспримерной, хотя в то время перемена подданства и переход на службу от одного государства к другому воспринимались как обыденные явления. В целом Фридрих не дал глубокой и всесторонней оценки пути, пройденного Екатериной, и ее политики. В тестаменте же 1768 г. он только сосредоточил внимание на ее придворных интригах, фаворитах и любовниках и к тому же осудил за соучастие в убийстве мужа. Ее душа, писал король о Екатерине [23], из-за совершенных ею преступлений должна быть не в ладах с совестью. В отличие от характеристики, данной Фридрихом Марии Терезии, для Екатерины II у прусского короля не нашлось ни одного доброго слова.

Однако в 1760-е гг. Фридрих II уже более не связывал опасную политику России исключительно с честолюбием русской императри-

* о разделе этой добычи (*фр.*).

inslav

цы, что было характерно для его воззрений в молодости. Задаваясь вопросом о том, как действовать перед лицом этой опасности, Фридрих II открыто признавал, что не знает, как он обязан и должен поступить. Примечательно, что после знакомства с агальт-цербстской принцессой в далекой юности прусскому королю больше не довелось встретиться с русской императрицей Екатериной. Свидания же государей великих держав, как об этом свидетельствовала встреча Иосифа II и Екатерины II, могли в то время повлечь за собой самые глубокие перемены.

VI

Все-таки Фридрих II, ни на мгновение не усомнившись в своем решении, твердо выразил желание сохранить русско-прусский союз 1764 г. Дипломатическая переписка также свидетельствует, что при первом продлении союзного договора в 1769 г. он был готов пойти на значительные уступки, что не помешало ему, с другой стороны, увеличить цену за свою верность союзническим обязательствам с Россией. Красноречивым примером в этом отношении может послужить начало в 1770 г. переговоров, приведших в итоге к первому разделу Польши 1772 г. Приобретение Пруссией по договору о разделе польских земель Западного Поморья, соединившее в единое целое бранденбургские и прусские владения Гогенцоллернов, стало, если можно так выразиться, единственной материальной выгодой, полученной Фридрихом от союза с Россией.

Если обратиться к последним годам жизни Фридриха II и задаться вопросом, появились ли в его представлении о России какие-то новые нюансы по сравнению с тем образом, который был запечатлен на страницах Политического тестамента 1768 г., то можно констатировать, что в принципе никаких перемен не произошло. Союз с Россией сохранял для прусского короля изначально приоритетное значение. В то же время он с покорностью фаталиста смирился со вновь возросшим после русско-турецкой войны 1768–1774 гг. российским могуществом. Фридрих воспринял это как судьбу, уготованную властителю маленького и слабого государства. Россия — это держава, которая может оказаться наиболее опасной для Пруссии. Вместе с тем она удерживает потенциальных агрессоров от того, чтобы предпринять что-либо против Пруссии. К этой короткой формуле можно было свести политическую философию прусского монарха.

Тем более драматически должен был воспринять Фридрих II события, произошедшие начиная с 1778 г., когда Россия в ходе Войны за баварское наследство отказалась направить на помощь Пруссии

inslav

предусмотренный союзным договором вспомогательный корпус своих войск, а ее политика явно обнаружила ориентацию на Вену. Свидание императора Иосифа II и русской царицы летом 1780 г. в Могилеве имело в этой связи в значительной мере программное значение. Фридриху не были известны детали состоявшихся там переговоров, предусматривавших совместные действия России и Австрии против Османской империи в случае нападения последней. Не знал он, что также совместные действия предполагались и в том случае, если вступившие в войну с Турцией Россия или Австрия подвергнутся нападению какой-либо третьей страны, а такой страной могла быть только Пруссия. Однако для прусского короля было очевидно, что встреча монархов России и Австрии фактически означает конец русско-прусского союза, даже если формально он и не будет расторгнут.

Из-за этой перемены в системе союзов Фридрих II, проводя параллели с событиями 1756 г., пребывал в страхе за себя и свое государство. Он видел, как над Пруссией сгущаются грозовые тучи, сознавая при этом, что не в силах ничего предпринять для отвращения беды, поскольку Франция не может быть надежным партнером по причине внутренней слабости, а Англия на все махнула рукой.

* * *

В течение жизни Фридрих II дважды испытал вероломство России: в 1756 и в 1780 гг. Однако в Пруссии, которая слишком долго жила с сознанием своей слабости и крайней ограниченности своих возможностей, соответствующие стереотипы сохранились на еще более длительное время. Долгое правление Фридриха Великого более чем на столетие заложило основы прусско-российских отношений, которые характеризовались страхом перед гигантским соседом. Ради близких отношений с ним, как об этом беспримерно резко высказался в своем Политическом тестаменте Фридрих Вильгельм III, налагался запрет на сближение со всеми другими возможными союзниками.

Разумеется, этот страх прусских монархов перед Россией отнюдь не противоречил их конкретным политическим расчетам и планам. Союз с Петербургом имел для Гогенцоллернов долговременное стратегическое значение в их политике объединения Германии под главенством Пруссии. Так или иначе, но со времени Фридриха II в Берлине твердо и надолго усвоили, что нитями европейской политики теперь управляют не в Париже, а в Петербурге.

Перевод с немецкого Б. Носова

inslav

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Указанный тип исторических источников представлен в публикации: Politische Testamente und andere Quellen zum Fürstenethos der Frühen Neuzeit / Hg. v. H. Duchhardt. Darmstadt, 1987.

2 *O. Hintze.* Die Hohenzollern und ihr Werk. Berlin, 1915. S. 564.

3 Die politischen Testamente der Hohenzollern / bearb. von Richard Dietrich, Köln; Wien, 1986. (далее: PT).

4 См.: *H. Kraemer.* Der Deutsche Kleinstaat des 17. Jahrhunderts im Spiegel vom Seckendorffs «Teutschem Fürstenstaat», Phil. Diss. München, 1919. Опубликовано: Darmstadt, 1974.

5 PT. S. 179–204.

6 Ibid. S. 211–216.

7 Ibid. S. 217–220.

8 Наиболее подробно об этом см.: *Е. В. Тарле.* Северная война и шведское нашествие на Россию. М., 1958. С. 443–444.

9 PT. S. 221–243.

10 Ibid. S. 239.

11 *K. Zernack.* Negative Polenpolitik als Grundlage deutsch-russischer Diplomatie in der Mächtepolitik des 18. Jahrhunderts // Rußland und Deutschland (Festschrift für Georg von Rauch). Stuttgart, 1974. S. 144–159.

12 См. новейшую работу: *J. L. Sutton.* The King's Honor and the King's Cardinal. The War of the Polish Succession. Lexington, 1980.

13 См.: *H. Duchhardt.* Die internationalen Beziehungen // Panorama der fridericianischen Zeit / Hg. v. J. Ziechmann. Bremen, 1985. S. 653–659. Об указанном сочинении Фридриха II см.: Ibid. S. 654 etc.

14 См.:. *T. Schieder.* Friedrich der Große — ein Königtum der Widersprüche. Berlin, o. J. (1983), S. 226.

15 PT. S. 254–461 (текст тестамента на немецком и французском языках).

16 Ibid. S. 334–335.

17 Ibid. S. 462–697.

18 Ibid. S. 622–625.

19 [*Friedrich II.*]. Die Werke Friedrichs des Großen. Bd. 2: Geschichte meiner Zeit / Hg. v. G. B. Volz. Berlin, 1912. S. 35.

20 *Idem.* Exposé du Gouvernement Prussien, des Principes sur lesquels il roulle... // PT. S. 705.

21 PT. S. 622–623.

22 *J. Kunisch.* Das Mirakel des Hauses Brandenburg: Studien zum Verhältnis von Kabinettspolitik und Kriegführung im Zeitalter des Siebenjährigen Krieges. München, 1978.

23 PT. S. 625.

inslav

Б. В. Носов
(Москва)

РЕЧЬ ПОСПОЛИТАЯ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ПРУССИЕЙ В 1764–1766 гг. (ОТ КОРОНАЦИИ СТАНИСЛАВА АВГУСТА ДО СЕЙМА 1766 г.)

Оформление межгосударственных отношений между Россией и Речью Посполитой в 1764–1766 гг., разумеется, не могло протекать совершенно независимо от отношений Польши с соседними государствами и великими державами. Специфика их заключалась, в частности, в том, что уже после окончания Северной войны 1700–1721 гг. окончательно сложилась система протектората ряда великих держав, в первую очередь России, Австрии и Пруссии, над шляхетской республикой. Важная роль в этой системе принадлежала Франции и Саксонии. Ее следствием стало существенное ограничение суверенитета республики, распространившееся как на ее внутреннюю, так и внешнюю политику. Причем все державы-протекторы, несмотря на противоречия друг с другом по польским делам, проявляли единодушие в деле сохранения в Речи Посполитой анархических порядков и не допускали со стороны поляков даже попытки преодолеть зависимость республики от внешнего диктата.

Еще в период бескоролевья 1763–1764 гг. в связи с планами избрания на престол С. Понятовского в Петербурге были поставлены две взаимосвязанные задачи: во-первых, заменить коллективный протекторат собственным и, во-вторых, добиться от других держав признания российского господства над Польшей. В важнейшей своей части первая задача была решена в результате избрания королем Станислава Августа, благодаря союзническим отношениям с Пруссией и позиции невмешательства Австрии и Франции, которые по сути дела оказали молчаливую поддержку Екатерине II. Однако когда кризис миновал, великие державы стали изыскивать средства для противодействия России. Весьма характерным стало осложнение польско-прусских отношений сразу же после коронации нового главы Речи Посполитой.

I

Вопреки намерениям России, влияние Пруссии в польских делах ощущалось не меньше, чем при саксонской династии. Так, сразу после

inslav

сейма элекции в Польшу вступили прусские войска, дабы, согласно приказу Ф. В. Зейдлица, возвратить в Пруссию беглых подданных. Об этом Г. Кейзерлинг писал Н. И. Панину 18/7 сентября 1764 г., указывая на «небывалое возмущение» в Польше. «Здесь говорят, — сообщал посол, — что Россия и Пруссия возвели на трон короля, чтобы делать в республике все, что пожелают. Это укрепляет одних в их, разумеется, ошибочном мнении, а другие приходят, наконец, к такому же выводу. Я весьма озабочен тем, — писал посол, — что это создаст для нас большие затруднения на коронационном сейме. Если бы этот случай произошел за два дня до выборов, а не на два дня позже, то их проведение встретило бы сопротивление» [1]. На полях депеши Н. И. Панин выразил сомнение, что Фридрих II сам отдал такой приказ в столь «неудобное время». Однако рассуждения посла и министра показывают, что время для акции было избрано прусским королем с несомненным расчетом продемонстрировать самостоятельное присутствие Пруссии в Польше именно во время торжества там русской политики и показать, что и он, Фридрих II, имеет такое же право, как и Россия, добиваться от Польши возвращения своих беглых подданных.

Накануне коронационного сейма уже сами руководители русской внешней политики настойчиво подчеркивали особую роль своего союзника в польских делах, использовав позицию Пруссии в качестве повода для отказа в проведении реформ и выдвинув идею участия Польши в русско-прусском союзе и совместной гарантии России и Пруссии государственного строя Речи Посполитой. Осознавали это и в Варшаве, когда Станислав Август писал 15 ноября 1764 г. Екатерине II, что «Ваша политическая система базируется на мире и справедливости и как следствие этого на альянсе с прусским королем, которому я лично обязан... Я знаю, — продолжал польский король, — что прусский король сделал для стольника Понятовского и что еще сделает для Польши и ее короля Станислава Августа» [2]. В этих словах отразилась надежда на поддержку в будущем со стороны России и Пруссии преобразовательных планов в Польше. Однако у Фридриха II подобные ожидания, разумеется, понимания не встретили.

Уже в декабре 1764 г. поводом для прусского давления на Варшаву стало новое польское таможенное законодательство, которое Фридрих II рассматривал как нарушение Велявского договора. Он поручил своему послу в Варшаве Г. Бенуа, согласовав свои действия с русским послом Н. В. Репниным, протестовать против введения генеральной таможни [3]. Донесение Бенуа о решениях коронационного сейма было отправлено из Берлина для сведения К. А. Рексину — прусскому послу в Константинополе, причем в инструкциях ему эта мера рассматривалась сугубо как одно из свидетельств реформаторских намерений по-

inslav

ляков, которые прусский король подвергал критике. Он поручал Рексину совместно с русским послом разъяснить Порте, насколько он сам и русская императрица далеки от поддержки подобных планов [4], а В. Ф. Сольмсу в письме от 28 декабря 1764 г. — довести до сведения петербургского двора, что Пруссия рассматривает введение Генеральной таможни как нарушение Велявского трактата и намерена принять ответные репрессивные меры, а также предлагал, чтобы Репнину в Варшаву были бы посланы инструкции выступить совместно с Бенуа против реформы податной системы в Польше [5]. На следующий день аналогичная инструкция, но уже без упоминания о поддержке со стороны Репнина, была послана от имени короля кабинет-министрами [6]. В депеше К. В. Финкенштейна и Э. Герцберга содержался еще один намек на мотив прусских протестов по поводу генеральной таможни, когда министры писали, что названное учреждение на сейме принято большинством голосов, невзирая на единогласное возражение со стороны послов Королевской Пруссии (обладавшей особыми автономными правами северо-западной области Речи Посполитой). Таким образом, министры Фридриха II еще раз напомнили, что не собираются уступать России роль единоличного опекуна привилегий прусской провинции польской короны и что, согласно воззрениям берлинского кабинета, даже при конфедерации большинство сейма не должно игнорировать единогласного мнения одной из самых представительных групп послов на сейме. 14/3 января 1765 г. Репнин писал Панину, что прусский резидент Г. Бенуа категорически возражает против новых таможен, что тот намерен подать декларацию об этом, а если не поможет — то и министерский протест [7]. Однако в Петербурге вначале оставили разгоравшийся польско-прусский конфликт из-за таможни без внимания. Только в феврале 1765 г. Н. И. Панин написал Н. В. Репнину по этому поводу о своем сожалении, что трактаты между Польшей и Пруссией «в такое короткое время уже подвергнуты экспликациям» [8].

II

Новое обострение польско-прусского противостояния из-за таможни началось в марте 1765 г. 14 марта Фридрих II отправил депешу В. Ф. Сольмсу, в которой, ссылаясь на его предыдущие донесения, утверждал, что Н. И. Панин отходит от своих прежних взглядов на польские дела, и поручал Сольмсу не допустить нововведений в Речи Посполитой. Фридрих II заявлял о тождественности своих интересов с интересами России и возражал против мысли Панина о полезности усиления позиций польского короля. «Неизбежным последствием всего

inslav

этого, — писал прусский монарх, — явится то, что король польский будет свободен покинуть Россию во всякий момент», и продолжал, что опасность исходит со стороны господствующей магнатской группировки Чарторыских, что русский двор не должен заходить далеко в своих намерениях, в частности, в деле увеличения доходов Польши [9].

Однако Фридрих II не собирался ограничиваться только предостережениями. Накануне, 13 марта, он распорядился ввести в отношении следовавших по Висле польских кораблей репрессивный таможенный тариф [10]. Непосредственным поводом для такого шага стало решение Скарбовой комиссии в марте 1765 г. об опубликовании новой таможенной инструкции. Однако еще 21 января 1765 г. Фридрих II поручил Г. Бенуа выступить с протестом против податных нововведений в Польше и требовать их ликвидации, поскольку генеральная пошлина якобы противоречила Велявскому договору 1657 года [11]. О своих намерениях прусский король известил Петербург. Из разговора с Сольмсом Панин заключил, что таможенный конфликт может принять затяжной характер и что Фридрих II связывал его с вопросом о правах Польской Пруссии, о чем шеф русской внешней политики известил Репнина 9 апреля/29 марта 1765 г. [12].

Прусский резидент в Варшаве исполнил предписание своего государя сразу же после опубликования инструкции Скарбовой комиссии. В апреле 1765 г. с манифестом против введения генеральной пошлины выступили собравшиеся в Старгороде депутаты от воеводств Королевской Пруссии. После чего в конце месяца в Мариенвердере, в нижнем течении Вислы, на левом (прусском) берегу была открыта таможня, в которой под жерлами пушек с проходящих польских судов собиралась 10-процентная пошлина со стоимости всех товаров, причем из-за их оценки и выбора монеты к оплате реальный размер поборов достигал 30, а то и 40%. Об этом произволе Станислав Август со слезами на глазах говорил Н. В. Репнину: «Если б мне дали на выбор отказаться от престола или терпеть мариенвердерскую таможню, которая будет держать под игом всю Польшу, то я не поколебался бы покинуть престол; я считаю теперь себя несчастнее последнего из моих подданных» [13].

Сразу же после открытия мариенвердерской таможни Н. В. Репнин обсудил положение дел с Г. Бенуа. Прусский посол сообщил ему о возможности урегулирования прусско-польского конфликта путем замены генеральной таможни иной податью и снижения прусских ставок в Мариенвердере с 10 до 3% до тех пор, пока спор не будет разрешен окончательно [14]. Тем самым прусский резидент продемонстрировал готовность к сотрудничеству с русским послом, о чем ему постоянно напоминал Фридрих II, и согласие Пруссии на уступки, но только не полякам — а пожеланиям России.

inslav

Напряженность же в отношениях Речи Посполитой и Пруссии постоянно нарастала. Станислав Август обратился к М. Чарторыскому с предложением созвать Сенатский Совет, для которого подготовил ноту в адрес Фридриха II и мемориал для отправки в Петербург. Два этих документа легли в основу конференции польского министерства и Г. Бенуа, которая состоялась 7 мая 1765 г. На ней с польской стороны было выдвинуто требование отмены прусской таможни и заявлено, что генеральная таможня в Польше не является нововведением, а лишь возобновляет существовавшую прежде податную систему, а поэтому не противоречит Велявскому договору, что новый тариф не наносит ущерба Пруссии, да еще и не введен в действие. Однако Бенуа стоял на своем, утверждая, что установление прусской таможни представляет собой лишь ответ Фридриха II на неправомерные действия польской стороны. На депеше Репнина с изложением содержания этих переговоров Н. И. Панин написал: «Непростительно так допрашивать... в политических делах ныне не годится. Государи больше на поединок друг друга не вызывают. Так и нужно, чтоб бессильный сильного более почитал» [15]. В тот же день, 8 мая/27 апреля 1765 г., Репнин пишет дополнительное письмо Панину с изложением своих соображений по поводу мариенвердерского дела. Посол утверждал, что, по его мнению, правота на польской стороне, поскольку генеральная пошлина существовала и прежде, только не распространялась на дворянство, что исключение составляла только Королевская Пруссия, где таможня пока не введена, вследствие чего репрессии со стороны Фридриха II неоправданны. Репнин считал ошибочными действия Станислава Августа, неосмотрительно начавшего предприятие, «которое по бессилию во вред здешний обращается». В заключение посол писал, что «сие дело здесь, конечно, в великое оскорбление приводит и иной надежды не имеет как на медиацию нашего высочайшего двора. Я думаю, — заключал Репнин, — что сим единственно способом можно будет сие дело исправить, а при том удержать короля прусского в желаемых границах, сверх же того здешний двор в зависимость привести больше прежней» [16].

Именно в этом духе Н. В. Репнин и продолжал действовать в Варшаве, подготавливая, с одной стороны, посредничество Екатерины II в таможенном споре, а с другой — убеждая Станислава Августа в необходимости уступить прусскому давлению, передав польскому королю слова Панина, «чтобы здесь (в Варшаве. — *Б. Н.*) воду в свое вино клали» [17]. 18/7 мая 1765 г. Репнин писал в Петербург, что Г. Бенуа выразил согласие с мнением России по мариенвердерскому делу, однако «как бы от себя» высказал мысль, что «нельзя ли разрешить оное, сохранив таможню», но лишь уменьшив пошлину. Русский посол при

inslav

этом считал, что лучше бы прусского короля «от сего мнения отвратить» [18]. В знак примирения Станислав Август написал Фридриху II письмо от 4 мая, в котором сообщал о своей готовности принять посредничество России и прийти к соглашению с прусским королем о таможенном режиме на Висле, в частности, по вопросу о закупке лошадей для прусской армии [19]. Однако в письме ничего не говорилось об отмене генеральной пошлины, хотя Репнин к этому времени уже добился от польского короля согласия на ее замену для Королевской Пруссии на иную подать, установленную в провинции по решению генерального сеймика [20]. Ответ от Фридриха II, последовавший 15 мая [21], не содержал ни слова о российском посредничестве, что, по словам Репнина, и у него вызвало удивление, в связи с чем Станислав Август заявил русскому послу, что, поскольку инициатива о посредничестве исходила от польской стороны, он, несмотря на свою готовность урегулировать разногласия с Пруссией, не может сделать этого помимо Екатерины II. В связи с этим Репнин писал, что он «для уменьшения сколь возможно с здешней стороны чувствительности в сем деле в разговоре его польскому величеству говорил, что, может быть, прусский король прежде не хочет о сей медиации отзываться, нежели получит известие от нашего высочайшего двора, акцептована она будет или нет» [22].

III

Н. В. Репнин оказался прав, письмо русской императрицы прусскому королю от 15/4 мая 1765 г. было получено в Берлине, когда ответное письмо Фридриха II Станиславу Августу было уже в Варшаве. По поводу таможенного конфликта Екатерина II писала «своему брату» и прусскому государю, что она «порицает» Польшу и не намерена рассматривать ее права, но сама причина конфликта, по словам императрицы, не имеет существенного значения, главное — это «выгоды политической системы», во имя которых она и просила Фридриха II отменить мариенвердерскую таможню и пойти на «дружеское соглашение» [23]. В ответном письме от 1 июня король Фридрих II писал «своей сестрице», что доводы ее «так справедливы», что он «прежде всего уступит им» [24].

23/12 мая 1765 г. Екатерина II написала письмо Станиславу Августу [25] с выражением сожаления по поводу конфликта Польши и Пруссии, «двух государей и государств, единение которых ей дорого». Далее царица пустилась в рассуждения, что положение государств в международных отношениях определяется альтернативой: либо силой оружия, либо согласием, достигнутым на переговорах, всякое среднее

inslav

положение, по словам Екатерины II, ошибочно и опасно, а следовательно, для польского короля не остается иного выхода, как уступить требованиям Пруссии и отказаться от нового податного законодательства. Соображения императрицы были высоко оценены Н. В. Репниным, который писал Н. И. Панину 5 июня/25 мая 1765 г., что он «в восхищении от сего письма и желал бы, чтобы всякий месяц таковые уроки сюда задаваемы были» [26].

Таким образом, в мае 1765 г. посредничество России в польско-прусском таможенном конфликте фактически состоялось, хотя и не было оформлено специально, причем Екатерина II приняла сторону прусского короля, который, правда, в ответ на просьбу императрицы был вынужден приостановить сбор пошлин в Мариенвердере, что было с удовлетворением встречено в Варшаве [27], где все же не оставляли надежды при поддержке России сохранить Генеральную пошлину. Правда, Г. Бенуа, как сообщал русский посол, «все упирался, чтоб уменьшить (прусскую. — *Б. Н.*) пошлину, а таможню в Мариенвердере оставить, выдавая то за свое собственное мнение» [28].

Недоверие Репнина в отношении позиции Берлина было вполне обоснованно. Еще в начале мая 1765 г. в письмах к Бенуа и Сольмсу Фридрих II обвинял поляков в затягивании переговоров и высказывал мысль о возможном согласии Пруссии на введение Генеральной таможни в Польше, если польская сторона снимет свои возражения в отношении таможни в Мариенвердере [29]. Видимо, эти и последующие аналогичные инструкции прусского короля и побудили Г. Бенуа высказать в Варшаве «собственное мнение», о котором Репнин и сообщил Панину. Переговоры затягивались, при этом как польская сторона, так и Г. Бенуа, вопреки предложению Екатерины II как посредника, стремились свести дело к проверке соблюдения Велявского договора. 1 июля/20 июня 1765 г. Репнин доносил Панину о своем разговоре с Бенуа, в котором тот отстаивал свою прежнюю позицию о допустимости прусских таможенных сборов на Висле. Репнин также сообщал, что поляки настаивают на участии русского посла в переговорах, от чего тот собирался уклониться, так как предвидел много споров о соблюдении сторонами Велявского договора [30]. На что Панин с раздражением написал на полях: «А хотя б и вправду, что было там инако, то польскому двору еще гораздо рано принуждать берлинский к поправлению, а особливо при таком казусе, где сам находится в добровольной погрешности».

Давление со стороны России и Пруссии все усиливалось, при этом в Берлине явно затягивали переговоры, специально назначенный для этого посол Б. В. Гольц прибыл в Варшаву только в середине августа. 15/4 июля 1765 г. Репнин писал Панину, что в Варшаве полу-

inslav

чена депеша Я. Псарского из Петербурга, согласно которой Екатерина II выразила якобы недовольство последним письмом к ней Фридриха II, «приметя в нем лишние виды к возвышению». Репнин убеждал Ф. Ржевуского, что эти сведения не соответствуют действительности [31], то есть подчеркивал общность позиции России и Пруссии в таможенном споре.

С приездом в Варшаву Гольца Пруссия выступила с требованием проведения специальных конференций по таможенному вопросу, а в инструкции к Г. Бенуа от 5 сентября 1765 г. прозвучала также угроза возобновления таможни в Мариенвердере [32]. Тогда же В. Ф. Сольмс в Петербурге стал добиваться, чтобы Репнину в Варшаву были направлены указания о поддержке прусских требований. В связи с этим в депеше Репнину от 16/5 сентября 1765 г. Н. И. Панин поручил послу содействовать сближению позиций Берлина и Варшавы, но без непосредственного участия в переговорах, поскольку просьба об этом исходила только от польской стороны [33].

Таким образом, русская и прусская дипломатия объединили свои усилия, дабы добиться по сути капитуляции польского правительства в таможенном споре. В связи с этим Б. В. Гольц доверительно сказал Н. В. Репнину, что таможенный спор не затрагивает торговых интересов Пруссии, но продиктован лишь политическими соображениями Фридриха II. На депеше об этом Екатерина II написала, имея в виду прусского короля: «Итак, у него есть другая слава, кроме блага его подданных, это одна из тех странностей, которые совершенно непостижимы для меня» [34]. С. М. Соловьев, напротив, привел этот эпизод как одно из доказательств двуличной политики Фридриха II [35]. Однако сентенция Екатерины II свидетельствовала, что в лицемерии русская царица не уступала своему прусскому «брату». В Петербурге с самого начала таможенного спора прекрасно сознавали, что цели прусского короля лежали совсем в другой области, нежели торговые интересы прусских подданных.

Еще одним доказательством особых интересов Фридриха II в конфликте из-за таможни стало обсуждение Б. В. Гольцем и Н. В. Репниным мемориала по таможенному делу от 7 октября 1765 г., в котором была изложена официальная позиция Пруссии [36]. По настоянию русского посла из текста было исключено положение, «что король прусский в силу Оливского трактата почитает себя обязанным быть покровителем и защитником привилегий Польской Пруссии», а это, далее Репнин приводит мысль Панина, «немалые бы хлопоты нанесло» (Репнин – Панину от 14/3 октября 1765 г.) [37]. 16/5 октября 1765 г. Репнин доносил о следующей беседе с Гольцем, в которой тот, ссылаясь на полученную им депешу Сольмса из Петербурга, спрашивал,

inslav

не получил ли Репнин указаний относительно согласия России на сохранение Мариенвердерской таможни, но с уменьшением пошлины. На что русский посол отвечал, что такого повеления не имеет, но, «от себя», Репнин убеждал Панина, что польская сторона не согласится на это ни при каких условиях — скорее уничтожит свою генеральную таможню [38].

Однако, несмотря на нежелание Репнина принимать на себя роль посредника на переговорах, ему все же пришлось участвовать в конференциях прусских послов с польским министерством, состоявшихся 28 октября — 8 ноября 1765 г. На них обсуждались польский и прусский мемориалы и сопоставлялись таможенные тарифы с обеих сторон; причем польская сторона пошла на отмену и пересмотр ряда тарифов, наносивших ущерб прусским подданным, и согласилась с правом Пруссии собирать такую же пошлину с товаров, ввозимых в королевство из Польши или же следовавших транзитом через прусские владения, но категорически возражала против взимания пошлины с судов, шедших по Висле, но не пристававших к прусскому берегу, как то было в Мариенвердере. «Но все оные представления и тарифы напрасно потеряны», — писал Репнин Панину 11 ноября/31 октября 1765 г. Уже в ходе конференции Гольц и Бенуа получили новые предписания от Фридриха II с ультимативным требованием или уничтожить генеральную таможню в Польше, или Фридрих II восстановит таможню в Мариенвердере, а самому Гольцу было приказано прекратить переговоры и возвращаться на родину [39]. Наметившееся соглашение оказалось сорванным, положение вернулось к ситуации июня 1765 г., с той только разницей, что в качестве посредника в таможенном споре выступила Екатерина II, а Н. В. Репнин оказался участником польско-прусских переговоров в Варшаве. В дальнейшем в деле о таможне русская дипломатия уже окончательно приняла сторону Фридриха II. После прусского ультиматума и объявленного отъезда Гольца конференции в Варшаве еще продолжались. Прусские послы заявили Репнину, что готовы настаивать на решительных требованиях, если из Петербурга не будут получены новые инструкции [40]. Репнин был уже готов присоединиться, согласно приказу Панина, к прусским домогательствам и потребовать, «чтоб на время здешнюю генеральную таможню отставили». Однако он воспользовался официальным принятием обеими сторонами российского посредничества, что позволяло, по мнению посла, «несколько продлить дело» [41]. Однако уже в постскриптуме к депеше Н. И. Панину от 2 декабря/21 ноября 1765 г. Н. В. Репнин сообщал, что Гольц потребовал заключительной аудиенции в связи со своим отозванием, что прусский ответ на последний мемориал польской стороны был от-

inslav

правлен к коронному канцлеру А. Замойскому без рассмотрения на конференции. Все это не оставляло Репнину иного выхода, как заявить Станиславу Августу, что Россия безоговорочно поддерживает прусские требования и настаивает на уничтожении генеральной таможни. Это заявление посол сопроводил уверениями в дружеских чувствах российской императрицы к королю и к республике. Польский король, как писал Репнин, «сие с прискорбностью принял, однако, как к сему несколько времени мало по малу приготовлялся, то и не столько через то в силу ему удар сей был» [42].

Польско-прусский таможенный конфликт завершился победой Фридриха II, которому удалось добиться ликвидации податных нововведений в Речи Посполитой, что надлежало теперь утвердить на предстоящем сейме. Участие России в споре вокруг Генеральной таможни в Польше показало, что Екатерине II, вопреки ожиданиям польской стороны, не удалось сыграть роль беспристрастного посредника, что практически с самого начала петербургский двор принял сторону прусского короля. Поражение русской дипломатии состояло также и в том, что ей не удалось, несмотря на очевидное желание, избежать открытой и официальной поддержки прусских домогательств, что, по признанию самой императрицы и Панина, влекло за собой затруднения для русской политики в Польше. Таким образом, не находит подтверждения общепринятое в русской историографии мнение С. М. Соловьева о намерении Екатерины II «сдержать» как Станислава Августа, так и Фридриха II [43]. Анализ участия России в польско-прусском противостоянии 1765 г. подтверждает выводы М. Дроздовского, К. Хёнша и М. Г. Мюллера об использовании Пруссией таможенного спора для срыва планов податных и финансовых преобразований в Речи Посполитой после коронационного сейма 1764 г. [44]. Хотелось бы добавить, что в этом вопросе планы прусского короля нашли практически полную поддержку в Петербурге. При этом временная приостановка мариенвердерской таможни представляла собой не более чем тактический ход как Берлина, так и Петербурга.

Однако, несмотря на согласие обоих дворов относительно допустимых, с их точки зрения, пределов польского суверенитета, в отношениях России и Пруссии проявились определенные противоречия в польских делах. Во-первых, в Петербурге были недовольны излишней самостоятельностью в действиях Фридриха II относительно Польши. На это указывают как высказывания самого Репнина, Панина и Екатерины II, так и донесения Я. Псарского, о которых упоминал Репнин в разговоре с Ф. Ржевуским. Именно это глухое недовольство и дало основание С. М. Соловьеву говорить о намерениях императрицы «сдержать» своего союзника. Во-вторых, противоречия возникали и из-за

inslav

стремления Фридриха II выступать гарантом прав Королевской Пруссии, что также нашло отражение в вопросе об изменениях в статусе этой северо-западной провинции Речи Посполитой. Наконец, наиболее явно эти противоречия выступили в вопросе о роли Польши и Пруссии в «северной системе».

IV

Идея «северной системы» имеет чрезвычайно богатую историографию и представляет собой совершенно самостоятельную тему исследования, сложность которой заключена прежде всего в том, что т. н. северная система Н. И. Панина не получила определенного выражения в политической и дипломатической практике, а сохранилась лишь на страницах политических сочинений, представляя собой скорее памятник общественной мысли, чем явление в истории международных отношений, а отсюда расхождения в названиях («северная система», «северный союз», «северный аккорд»), имеющих принципиально различное значение, расхождение в вопросе о хронологических рамках, поскольку любое упоминание о поддержании мира на севере или о политической системе направляемой Н. И. Паниным дипломатии могло быть соотнесено с нею. Наконец, любое взаимодействие, по терминологии Панина, активных держав: России, Пруссии, Англии, Дании — в международных отношениях могло произвольно либо соотноситься, либо не соотноситься с нею. Все эти обстоятельства, по нашему мнению, служили благодатной почвой для самых противоречивых оценок панинского проекта: от упреков в адрес шефа русской внешней политики в доктринерстве до противоположного мнения, что названная система не только существовала вполне реально, но и оказала положительное воздействие на международные отношения, способствовав поддержанию мира в Европе.

Несомненно, однако, что идея северной системы стала ответом на заключение «фамильного пакта» Австрии и Франции, к которому присоединились Испания и Неаполь, что российский проект был попыткой найти средства противодействия повороту «восточного барьера» против России, отсюда ее усилия, направленные на уменьшение французского влияния в Дании и Швеции и утверждение российской гегемонии в Польше. Враждебность российской политики по отношению к союзу Бурбонов и Габсбургов побуждала Петербург использовать в своих интересах прусско-австрийский и англо-французский антагонизм, что и привело к заключению в 1764 г. русско-прусского союза, а также к возникавшим время от времени разговорам как со стороны Петербурга, так и Лондона о возможном союзе между Россией

inslav

и Англией. Наконец, для русской внешней политики дела на севере Европы имели и немаловажное самостоятельное значение, во-первых, потому что со времен Петра I Прибалтика рассматривалась как особая область русских интересов и одно из главных направлений российской внешней экспансии, а во-вторых, в свете постоянно существовавшей угрозы войны с Турцией. Угроза эта еще более усилилась вследствие обеспокоенности Порты положением в Речи Посполитой и антирусскими интригами представителей Австрии и Франции в Константинополе, что вынуждало Петербург искать средства для их нейтрализации, активизируя политику на севере, создавая там угрозу французским и австрийским интересам. Представляли ли эти достаточно очевидные и обоснованные шаги какую-либо систему и можно ли их рассматривать как попытки заключения союза северных держав? В зависимости от ответа на этот вопрос можно прийти к заключению о степени реалистичности проекта «северной системы», тем более «северного аккорда» (союза). Не ставя своей задачей рассмотрение указанной проблемы полностью, мы остановимся только на анализе в этом контексте отношений России, Польши и Пруссии.

Рассматривая выше вопрос о возможном польско-русском союзе, мы, в частности, обращали внимание на настоятельные предложения Петербурга о присоединении Варшавы к союзу России и Пруссии, которые не раз звучали как в инструкциях Репнину, так и в обращениях к самому Станиславу Августу. Однако, как свидетельствовали донесения Репнина из Варшавы, эти предложения не находили понимания ни со стороны Польши, ни со стороны Пруссии, отношения между которыми в 1765–1766 гг. носили весьма напряженный характер прежде всего из-за обструкционистской позиции Берлина. 6 марта/23 февраля 1765 г. Н. В. Репнин сообщил Панину о своем разговоре с польским королем о роли Польши в «северной системе». Он писал, что Станислав Август показал ему депеши от Ф. Ржевуского из Петербурга, в которых польский посол сообщал со слов Панина об австрийских интригах в Турции и передавал его предостережения, дабы польский король «не дал себя обольстить и не пошел в какое-либо с тем двором (венским. — *Б. Н.*) обязательство». Репнин доносил, что воспользовался этим разговором, чтобы убедить Станислава Августа в полезности для Польши «быть всегда более в короткости и дружбе с берлинским двором, нежели с венским, ибо с двух сторон Пруссия с польскими владениями граничит и главная часть здешней коммерции делается в Пруссии же или через прусские земли». Репнин писал, что король согласился с его доводами, но заметил, что Пруссия часто не выполняет принятых на себя обязательств. На что русский посол возразил, указав на добросовестное поведение

inslav

Фридриха II в отношении России, чего нельзя сказать о Вене, «которая считает другие державы подчиненными и думает о своей только выгоде», как это было во времена Я. Собеского или Семилетней войны. «По сем, – продолжал Репнин, – я изъяснил необходимую надобность аккорда в Севере, приметил его королевскому величеству, что, единственно быв в оном, избежать он может разных в государствовании своем неприятностей и надежду иметь достигнуть до знатного роля в политических делах». На рассуждения Репнина Станислав Август ответил, что «le Systčéme de L'Impératrice de Russie fera toujours le mien». Посол заверял Панина в искренности этих слов польского короля, что «здешний двор без ведома и согласия нашего ни во что с венским не вступит», но вместе с тем писал о своем впечатлении, что Станиславу Августу, как и прежде, «внутренно приятнее было видеть Россию по прежнему в союзе с Австрией и соучаствовать тому», то есть содействовать восстановлению союзнических отношений между Веной и Петербургом [45]. В апреле 1765 г. Н. В. Репнин писал Н. И. Панину, что, по сведениям прусского резидента в Вене, полученным от Г. Бенуа, Польша намерена заключить союз с Австрией [46]. В мае в связи с возможным посредничеством России в таможенном споре между Польшей и Пруссией Репнин высказал соображение о полезности такового, чтобы держать польского короля «в наших руках и в надежде от нас спасение получить. Воздержит то его, – рассуждал Репнин, – броситься в руки противных нам союзных держав, как то Австрии и Франции, хотя я по справедливости и не могу сказать, чтоб на первую из сих двух коли-нибудь считали в будущие времена в каком-либо ни есть важном подкреплении, а на вторую – и того менее. От тщеславия более, думаю, желают их признания... И не видится мне, чтоб какая лишность с здешней стороны сделана была» [47].

Как видно из донесений Репнина, его оценка опасности проавстрийской ориентации польской политики была весьма сдержанна. Однако и это вызвало настороженность в Петербурге. 8 апреля/28 марта 1765 г. Екатерина II писала Станиславу Августу о необходимости «осторожно обращаться» с Фридрихом II [48].

Письмо императрицы и внушения Репнина возымели свое действие. Брат Станислава Августа, австрийский генерал А. Понятовский, через которого, как обоснованно подозревали в России, осуществлялись тайные контакты Варшавы с Веной, в конфиденциальном разговоре (депеша Н. В. Репнина от 27/16 мая 1765 г.) [49] объяснился с русским послом, пытаясь опровергнуть опасения Петербурга, что он якобы «старается короля от нашей стороны к австрийской отвести». А. Понятовский утверждал, что как австрийский генерал он, разумеется, желал бы видеть союзниками Австрию, Россию и Польшу, но,

inslav

будучи братом короля и лично преданным ему человеком, он «всегда непременно мыслит и советовать будет иной системы не иметь, как российскую, и всегда ее стороны держаться». В этом месте Панин сделал примечание для Екатерины II, суть которого сводилась к утверждению, что понятное желание Варшавы лавировать между Петербургом и Веной несостоятельно («скоропостижно вздумано было»), что «избранием польского короля определился уже в сем российский интерес» и что заблуждение относительно возможности уравновесить за счет сближения с Австрией российское влияние в Польше наконец-то осознано в Варшаве.

V

Отношения России и Пруссии в связи с польскими делами осложнились в 1765 г. также из-за инцидента с К. А. Рексином — прусским послом в Константинополе. Инцидент этот подробно описан в историографии [50]. В депеше от 27/16 мая 1765 г. А. И. Обресков сообщал в Петербург о получении Портой неких известий из Пруссии, вызвавших крайнюю обеспокоенность турецкого правительства относительно намерений России. Судя по сообщениям русского посла, речь шла о возобновлении прусских предложений Порте заключить оборонительный союз с Фридрихом II против Австрии, а также о предостережениях Рексина, что Россия якобы хотела уничтожить в Польше liberum veto и не сделала этого только вследствие возражений прусского короля. Далее говорилось, что такое намерение не оставлено полностью, и Фридрих II должен теперь следить за этим, но, согласно рассуждениям прусского посла, заключение прусско-турецкого союза отвратило бы сразу эти опасности.

Н. И. Панин не выразил особого беспокойства в связи с поведением Пруссии, заметив, что «Рексин уже конечно обуздан будет получением новых согласных (с политикой России. — *Б. Н.*) инструкций касательно до оборота турок против венского двора». Однако, по мнению руководителя русской внешней политики, другого объяснения поведения Пруссии быть не может как то, что Фридрих II «колеблется между Россиею и другими державами относительно своей безопасности и настоящих выгод» [51]. В Петербурге по этому поводу неоднократно и настоятельно обращались за объяснениями к Сольмсу. В результате Фридрих II вынужден был заявить, что Рексин действовал только по собственной инициативе, опираясь на старые инструкции (до заключения русско-прусского союза 1764 г.). Король намекал даже на возможность подкупа своего посла враждебными державами и объявил о его отозвании, что и произошло в октябре 1765 г.

inslav

На место Рексина в Константинополь был назначен И. Х. Зегелин. Однако примечательно, что переговоры с турками о союзе вели оба эти дипломата, так что в глазах Порты замена послов не должна была восприниматься как изменение прусской позиции в отношениях с Портой. Разумеется, оправдания Фридриха II не вызвали доверия в Петербурге. И все же подлинные мотивы его поведения там представляли себе весьма приблизительно. В свете переписки Берлина со своими представителями в Константинополе позиция Фридриха II предстает в несколько ином свете.

7 октября 1764 г. К. В. Финкенштейн и Э. Герцберг составляют королевский ответ на депешу Рексина от 13 сентября [52]. В нем выражается удовлетворение «полным успокоением Порты в связи с польскими делами», т. е. завершением элекционного сейма, и надежда, что теперь в Константинополе приступят к заключению союза с Пруссией. Далее кабинет-министры писали, что король не отказывается давать для этого деньги, но не намерен бросать их на ветер, как это было в случае с торговым договором, от чего Пруссия не получила никаких выгод. В постскриптуме к письму приводятся сведения об австрийских вооружениях, в частности, о намерении Вены содержать в Венгрии 100 тыс. чел. «национальных войск». В тот же день в приказе майору Зегелину в связи с донесением Рексину говорилось о надежде короля как можно скорее заключить союз с Портой [53].

В инструкции Рексину от 29 октября 1764 г., когда вопрос о польских реформах стоял для Пруссии особенно остро, а позиция России оставалась неясной, Фридрих II подробно рассуждал об угрозе перемен в польской конституции и приказывал, чтобы Рексин, не теряя времени, «конфиденциально информировал турецких министров о весьма опасных последствиях подобных мер, не останавливаясь перед инсинуациями, если это полезно и необходимо» [54]. При этом Фридрих II ни словом не обмолвился о проекте прусско-турецкого оборонительного трактата.

27 декабря прусский король отправляет составленное кабинет-министрами большое письмо Рексину, целиком посвященное положению в Польше. Он заявлял о своем одобрении действий посла, «взбудоражившего тамошнюю французскую и австрийскую клику и направившего ее посредством ложных инсинуаций против состоявшихся выборов польского короля». Фридрих II поручал Рексину действовать совместно с А. М. Обресковым и вместе с тем уверить Порту, что он является ее подлинным другом и что, как и русская императрица, весьма далек от того, чтобы допустить преобразования в Польше, что польский король и министерство в Варшаве должны дать убедительные доказательства своей непричастности к реформаторским планам.

inslav

В заключение Фридрих II вновь предостерегал Константинополь против австрийских вооружений [55]. О союзе с Турцией прусский король не упоминал вовсе. Однако в инструкции Зегелину в тот же день он подтверждал, что к делу союза с Портой тот должен отнестись со всем уважением (vor einen Pli nehmen wird) [56].

В ответ прусский эмиссар сообщил королю, что турецкие министры не проявляют заинтересованности в заключении союза с Пруссией, каждый раз откладывая дело. В ответной депеше от 12 февраля 1765 г. Фридрих II писал Зегелину, что усматривает в таком поведении Константинополя влияние французских интриг, поскольку для Порты, безусловно, выгодно, чтобы Пруссия поддержала ее в случае войны. В связи с этим король поручал своим представителям возвратить назад большую часть подарков, отправленных в Константинополь для султана и турецких министров [57]. О том же Фридрих II писал Рексину 20 марта [58].

В инструкции послу от 16 апреля 1765 г. прусский король рассуждал исключительно об угрозе Турции со стороны венского двора вследствие австрийских вооружений, о чем тот должен был в очередной раз предупредить Порту [59]. И хотя в письме вопрос о прусско-турецком союзе и не поднимался, но его содержание должно было продемонстрировать прусскую озабоченность действиями Австрии, а следовательно, и актуальность для Фридриха II антигабсбургского союза с Турцией. Такое заключение находит подтверждение в депеше Зегелину от 11 апреля, в которой Фридрих II, вопреки мнению своих дипломатов о нежелании Порты пойти на союз с Берлином, все же выражал надежду, что со временем удастся заключить оборонительный трактат с Турцией [60].

В мае 1765 г. инструкций Рексину и Зегелину не направлялось, а 14 июня прусский король послал депешу в Константинополь, согласно которой послу поручалось совместно с Обресковым противодействовать интригами Австрии и Франции против России [61]. С этого времени Фридрих II больше не поднимал вопроса о заключении союза с Турцией.

7 июня/27 мая 1765 г. В. Ф. Сольмс доносил из Петербурга, что Н. И. Панин с удовлетворением узнал о позиции Пруссии по польским делам. Именно в это время в Петербурге было получено письмо прусского короля Екатерине II, в котором тот уведомлял императрицу о своей готовности принять русские предложения по мариенвердерскому делу. Далее прусский посол обратился к ситуации в Турции и сообщил, что, согласно донесениям Обрескова, австрийский посол в Константинополе Г. Пенклер «всеми силами хлопочет о продлении перемирия» (Белградского договора) между Австрией и Турцией, чтобы

inslav

тем самым подтолкнуть Порту к войне с Россией. Сольмс передает слова Панина о намерении России «возбудить в свою очередь турок против венского двора» и склонить султана «обратить свое оружие скорее против опасного соседа, каким представляется австрийский дом, ...вместо того, чтобы допускать к войне с Россией». Причем, согласно донесению Сольмса, Панин пытался убедить Пруссию, что австрийцы по-прежнему видят главной своей целью возвращение Силезии, а Россия будет не в состоянии помочь своему прусскому союзнику, если сама она окажется втянутой в войну с Турцией [62]. Такие рассуждения вполне соответствовали, как замечал Сольмс, взглядам Фридриха II, что подтвердил 19 июня и сам король, заметив в ответном письме своему послу, «что граф Панин думает об этом очень правильно» [63].

19/8 июля прусский посол вновь писал о разговоре с Паниным, в котором тот развивал мысль о необходимости «тесного союза» между Россией и Пруссией и предлагал «обсудить и условиться о мерах, которые потребуется принять в нашем общем интересе» [64]. Передавая эти слова Панина, Сольмс замечал, что мог бы заподозрить шефа русской внешней политики в обмане, но, по мнению посла, тот «не заслужил такого упрека своим предшествовавшим поведением». Сомнения Сольмса были вполне понятны, ибо едва ли в интересах России было подталкивать Турцию к войне с Австрией.

Однако такое намерение Петербурга подтверждалось рескриптом А. М. Обрескову от 13/2 июня 1765 г. [65]. Рескрипт открывался упоминанием о «последней» его реляции от 27/16 апреля, то есть донесение русского посла в Турции о поведении Рексина ко времени составления рескрипта было еще не получено. Далее в весьма резких выражениях давалась оценка политике Австрии, которая обвинялась в «ослепленном соединении с Францией» и «в необузданном желании» возвратить потерянную Силезию, в стремлении утвердить свое господство в Германии и в провоцировании разрыва между Портой и Россией. Поэтому Обрескову давалось императорское повеление, «чтоб натягаемую австрийским домом тучу обратить на него самого». Далее в рескрипте говорилось о твердом намерении России стать на сторону своего прусского союзника в случае войны Фридриха II с Австрией. Обрескову поручалось убедить Порту в выгодности для турецкой политики противостояния России и Австрии и союзнических отношений Екатерины II с прусским королем, поскольку этот союз не имеет интересов на границах с турецкими владениями, за исключением Польши, о которой в рескрипте говорилось: «Да пускай и так бы было, чтоб нашим с прусским королем союзом содержима Польша была в некоторых границах ее политических видов, так и сие Порте предосуждения приносить не может».

inslav

Таким образом, если исходить из сформулированных в рескрипте целей русской политики в отношении Турции, а именно столкнуть ее с Австрией, то предложенный Фридрихом II оборонительный прусско-турецкий договор был бы как нельзя кстати. К тому же русско-прусский союзный договор 11 апреля/31 марта 1764 г. не предусматривал запрещения для его участников вступать в союзы с третьими странами. Тогда возникает вопрос, почему инцидент с Рексином был так болезненно воспринят в Петербурге? Екатерина II и Панин, во-первых, никак не могли предположить, что Пруссия попытается играть самостоятельную роль в международных делах и, в частности, использует турецкий фактор для ослабления российской гегемонии в Польше.

Это обстоятельство учитывал Фридрих II, когда пытался скрыть от Петербурга подготовку турецко-прусского альянса, поручив переговоры о союзе весной 1765 г. не Рексину, а Зегелину, отозвав предназначенные для чиновников Порты подарки и прекратив всякие разговоры о союзе, как только из Петербурга от него потребовали объяснений по этому поводу. В письме Сольмсу от 19 июля 1765 г. [66] Фридрих II извещает об этом Панина, а на следующий день в постскриптуме к инструкции Рексину [67] — своего посла в Константинополе.

Однако прусский король еще раз продемонстрировал свои дипломатические дарования, когда на место отозванного Рексина послом при Порте был назначен майор Зегелин. Фридрих II сдержал данное Панину обещание — более о союзе с Константинополем не было сказано ни слова, но само назначение нового посла ясно показало туркам, что при благоприятных обстоятельствах вопрос о нем или об ином способе сотрудничества Берлина и Порты вполне может возникнуть вновь. Инцидент с Рексином также позволил Петербургу понять, что, несмотря на явно выраженный антиавстрийский курс русской политики, в Берлине оказывалось большее предпочтение соглашению с Турцией, чем вынашиваемой Паниным идее объединения северных держав.

Прусские интриги в Константинополе также свидетельствовали о том, что поддержка со стороны Пруссии политики России в Польше отнюдь не являлась безусловной и имела некоторые границы, переходить которые Фридрих II был решительно не намерен. Все это вынудило Петербург ослабить давление на Австрию. 27/16 августа 1765 г. Н. И. Панин отправил письмо Обрескову, в котором подробно изложил позицию России в связи с поступком Рексина, назвав его «столь поносным делом» и связав с колебаниями в отношениях между великими державами. Руководитель русской внешней политики писал далее, что только с созданием северной системы общие европейские дела придут в равновесие, и поручал Обрескову в связи с сомнениями

inslav

в Петербурге относительно позиции Фридриха II «умерить исполнение» рескрипта от 13/2 июня 1765 г. [68]. Другими словами, в Петербурге явно продемонстрировали готовность не нагнетать далее напряженность в отношениях с Австриеей и Франциеей и не стремиться более к разжиганию конфликта между Константинополем и Веной.

Однако ни капитуляция польского правительства по вопросу о генеральной таможне, ни преодоление кризиса в русско-турецких отношениях вследствие установления гегемонии Петербурга в Речи Посполитой не повлекли за собой ослабления польско-прусских противоречий, которые в конце 1765 г. сконцентрировались вокруг введения в Польше новой монеты. Об этом, в частности, свидетельствовали депеша Г. Бенуа от 18 декабря и ответ на нее Фридриха II от 26 декабря 1765 г., в котором прусский король утверждал, что все затруднения во взаимоотношениях Польши, России и Пруссии вызваны позицией Австрии [69]. При этом прусский король был, разумеется, прав в том, что каждый конкретный повод для разногласий и недоверия между Варшавой и Берлином, при всем своем самостоятельном значении, был все же не более чем проявлением определенной тенденции отношений трех держав; но вместе с тем намеренно лукавил, а может быть — заблуждался, когда приписывал вину за это Австрии.

В Петербурге не могли не обратить внимание на это обстоятельство, чем и объяснялась болезненная реакция Панина на инцидент с Рексином; хотя с формальной точки зрения прусский дипломат при Порте не предпринял ничего, что противоречило бы обязательствам русско-прусского союза. Тем не менее руководители русской внешней политики продолжали в течение первой половины 1766 г., до очередного сейма в Варшаве, настаивать не только на нормализации, но и на установлении дружественных взаимоотношений между Берлином и Варшавой. В этом духе Н. И. Панин беседовал с В. Ф. Сольмсом в январе 1766 г., подчеркивая необходимость опровергнуть слухи о расхождении взглядов России и Пруссии на положение в Польше, о недопустимости влияния иных держав на политику Варшавы (депеша Сольмса от 21/10 января 1766 г.) [70].

Об этом же шеф Коллегии иностранных дел писал Н. В. Репнину 11 февраля/31 января 1766 г. в связи с нотой Сольмса об аресте в Польше прусского курьера: «Можно не обинуясь сказать, что если все сие совсем не затеянное, то разве польский двор, возлагая всю надежду на своих новых будущих друзей, положил себе с твердою системою с отвагою всех существительных интересов своей республики поднять на себя явным образом короля прусского без дальнего размеривания своих собственных сил и возможности противостоять обыкновенным берлинским военным репрессалиям». Далее Панин указывал, что вследствие

inslav

еще одного неосмотрительного шага польской стороны Фридрих II вновь получил повод для восстановления таможни в Мариенвердере, невзирая на посредничество Екатерины II, и делал вывод: «Искусство доказало..., что (турки в отношении Польши. — *Б. Н.*) содержатся и впредь содержаться будут в респекте не происками... польского министерства против короля прусского, но конечно нашею одною там (в Турции. — *Б. Н.*) инфлюенциею». В заключение Панин подчеркивал, что Велявский договор может толковаться только в пользу Фридриха II [71].

VI

Урегулирование польско-прусских отношений весной 1766 г. было одним из поручений К. Сальдерну, направленному из Петербурга в Копенгаген, посетившему по пути Варшаву и Берлин. В это же время Екатерина II написала письмо Станиславу Августу, в котором в смягченной форме передала аргументы, уже приведенные в февральской депеше Панина Репнину. Она настаивала на том, что конфликт из-за таможни не должен рассматриваться юридически, что его следует уладить, исходя из «принципов взаимного доверия и приязни (de la bonne foi et de l'amiteé), каких придерживаются друг к другу два соседа... Я уже объяснила вашему величеству, — писала императрица польскому королю, — как осторожно нам должно обращаться с этим государем (Фридрихом II. — *Б. Н.*) и как полезна нам его дружба для спокойствия Севера. Прибавлю еще, что у Польши нет другого соседа, которого ей не было бы столь существенно важно не обращать себе во врага» [72]. Спустя две недели, 23/12 апреля, Екатерина II обратилась с письмом к прусскому королю, в котором также призывала того «по-дружески» урегулировать отношения с Польшей. «Должно терпеть друзей с их недостатками, — ханжески рассуждала царица, — а в конституции Польши имеются таковые, требующие снисхождения ее соседей». Последняя фраза Екатерины II звучала весьма двусмысленно, ибо содержала, с одной стороны, намек на польско-прусские разногласия в толковании Велявского договора и законодательства о генеральной таможне, а с другой — скрытую угрозу дать согласие на проведение некоторых усовершенствований в польском законодательстве, если Фридрих II не пойдет на уступки России в деле нормализации польско-прусских отношений.

Миссия К. Сальдерна в Варшаве с 4 по 29 апреля 1766 г. не привела ни к каким положительным результатам, о чем не без тайного удовольствия писал Н. В. Репнин, что «если пребывание Сальдерна не исправит поведения здешнего двора, то уж ничто на свете его не

inslav

исправит», что Сальдерн, по словам посла, «со всех сторон получил много обещаний и прекрасных слов», но, по мнению Репнина, это не дает основания надеяться на перемены к лучшему [73]. Тем не менее под воздействием бесед с петербургским эмиссаром Станислав Август пришел к выводу, что «северный концерт открывает определенные перспективы для Польши в отношениях с Россией» [74]. Об этом датский посол А. Ф. Сен-Сафорен сообщил в Копенгаген И. Х. Бернсторфу 16 апреля 1766 г. В начале июля он же писал своему двору, что польский король выразил удовольствие в связи с новыми возможностями сближения с Россией, что «можно составить великий северный союз на благо всей Европы». Тогда же Станислав Август положительно оценил роль Пруссии в этом союзе, заметив о Фридрихе II, что «Россия свяжет ему руки, чтобы он не мог вредить соседям» [75].

Покинув Варшаву, К. Сальдерн отправился в Берлин, где ему предстояло встретиться с Фридрихом II. С собой голштинец увозил письмо Екатерины II от 23/12 апреля, адресованное прусскому королю, в котором императрица излагала воззрения Петербурга на «северную систему» и объявляла о своем намерении «соединить весь север в систему независимости от иноземных дворов», обеспечить «целость прусской монархии». «Польша, Дания и Швеция, — писала императрица, — находятся на хорошем пути, — и продолжала: — не должно, конечно, отвергать и двора Саксонии, который чувствует себя слишком вовлеченным в умножившиеся интересы австрийского дома». Пруссия, по ее словам, могла бы содействовать участию Саксонии в «системе» улучшением своих отношений с Дрезденом [76].

Переговоры К. Сальдерна в Берлине с Фридрихом II подробно изложены у С. М. Соловьева и Ф. Мартенса по донесениям российского представителя от 20/9 и 29/18 мая 1766 г. [77]. На первой аудиенции 19/8 мая прусский король говорил о недопустимости преобразований в Польше, в особенности отмены liberum veto, и успокоился только после заверений Сальдерна, что в Петербурге «никогда об этом и помину не было» [78].

Говоря о положении в Европе, Фридрих II заявил, что существующий русско-прусский союз полностью обеспечивает безопасность обеих держав и что им «нечего бояться» союза Австрии и Франции. На это Сальдерн возразил, что система эта должна состоять, с одной стороны, из «активных держав» и из «пассивных» — с другой, причем в ответ на вопрос короля об «активных державах» голштинец назвал Россию, Пруссию и Англию, а к «пассивным» отнес Швецию, Данию, Гессен, Брауншвейг и Саксонию. На второй аудиенции разговор об «активных и пассивных» державах продолжился, но так и не был приведен к общему мнению. Закончил его Фридрих II словами:

inslav

«Все это для меня слишком сложно. Я только нуждаюсь в союзе с Россией. Это я вам уже говорил. Других союзов я не желаю» [79].

Таким образом, миссия Сальдерна, казалось бы, закончилась неудачей, если усматривать ее цель в получении прусского одобрения планов создания «северной системы». Однако, по всей видимости, такой задачи в Петербурге и не ставили. Об этом свидетельствует упоминание среди возможных союзников Саксонии — старого врага Пруссии, примирение с которым для Фридриха II в тех условиях было невозможным. Кроме того, привлечение к союзу наряду с Дрезденом еще и других германских земель, при условии реализации задуманного Паниным отказа в пользу Дании от голштинских прав Павла Петровича, открывало бы перспективу образования в Германии под эгидой России союза князей, который бы мог играть роль противовеса влиянию как Вены, так и Берлина, что существенно ослабляло бы позиции Пруссии как в германских делах, так и в отношениях с Петербургом. Наконец, возможное в рамках «северной системы» сближение России и Англии также ослабило бы позиции Фридриха II, поскольку, наряду с использованием австро-прусского антагонизма, Петербург получил бы возможность более успешно играть на англо-французских противоречиях. Прусский король отнюдь не был заинтересован в такой игре и тем более не желал быть ее участником, поскольку это еще больше обострило бы отношения Берлина и Вены, без каких-либо выгод для Прусского королевства, о чем Фридрих II уже писал Сольмсу.

На второй аудиенции разговор вновь зашел о Польше. Фридрих II заявил, что согласен с необходимостью увеличения доходов польского короля, но настаивал на неизменности конституции Речи Посполитой. Сальдерн сказал, что в Петербурге разделяют эти воззрения, но, по его словам, очень важно, чтобы Польша заменила собой Австрию, имея в виду возможную войну России с Турцией. Для этого, считал Сальдерн, надо в соответствии с пактами-конвентами укрепить власть короля в Польше, навести порядок в польском войске, чтобы оно в случае нужды могло бы быть полезно против турок. Намекнул Сальдерн и на возможные изменения системы исполнительной власти путем учреждения Постоянного совета для управления страной в двухгодичные периоды между собраниями сейма. Все это русский представитель связал с решением диссидентского вопроса. Другими словами, вопреки пожеланию прусского короля оставить Польшу в летаргии, русский представитель заговорил о возможных реформах [80]. Таким образом, накануне сейма 1766 г. повторялась ситуация, сложившаяся в русско-польско-прусских отношениях перед сеймом коронации, когда русская дипломатия, с одной стороны, шантажировала прусского короля угрозой согласия на проведение реформ в Польше, а с дру-

inslav

гой — выражала готовность воспользоваться прусскими возражениями и протестами, чтобы обосновать собственную негативную позицию в отношении реформаторских планов Станислава Августа.

Разговор о Саксонии между Фридрихом II и К. Сальдерном произошел в самом конце аудиенции по инициативе российского представителя. Причем прусский король явно давал понять, что не желает обсуждать вопрос об участии Дрездена в северной системе. «Надобно дать мне свободу поступать с ними (саксонцами. — *Б. Н.*), как выгоднее для моей страны», — заявил он. В связи с чем в донесении Сальдерн заметил, что «эта струна очень неприятна для короля».

Повторенная голштинцем на аудиенции у Фридриха II мысль из письма Екатерины II прусскому монарху от 23/12 апреля 1766 г. о возможности союзнических отношений с Саксонией была подкреплена весьма многозначительными дипломатическими шагами Петербурга. 13/2 мая 1766 г. Екатерина II утвердила инструкцию А. М. Белосельскому, назначенному послом в Дрезден [81], во 2 пункте которой содержались положения о готовности России пойти навстречу саксонскому двору в вопросах: 1) об уделах для принцев из дома Веттинов в Польше и 2) о судьбе находившегося в эмиграции в Дрездене К. Радзивилла.

Помимо очевидного давления на Пруссию, этот шаг мог преследовать еще две цели: во-первых, продемонстрировать желание сблизиться с польской оппозицией, о чем свидетельствовала переписка Панина с Репниным в первой половине 1766 г., а во-вторых, побудить дрезденский двор наконец-то перед сеймом 1766 г. признать избрание Станислава Августа, поскольку именно указанные два пункта выдвигались саксонцами в качестве препятствий для признания нового польского короля. Тем самым давление на Берлин не сводилось только к заявлениям, но и приобретало вполне определенные очертания возможного сближения с Дрезденом, что было воспринято Фридрихом II со всей серьезностью. 13 июня прусский король поручил Сольмсу повторить Панину возражения против союза с Саксонией, высказанные им Сальдерну [82]. В тот же день аналогичные инструкции были даны прусскому послу кабинет-министрами [83]. 15 июня король вновь писал Сольмсу, что он не может быть равнодушен в вопросе о союзе с Саксонией и усматривает в этом следствие интриг Саксонии в Петербурге [84].

Оценивая результаты миссии К. Сальдерна в Берлине, все исследователи сошлись во мнении о ее неудаче. Русский эмиссар не смог убедить Фридриха II поддержать проект северного союза. С. М. Соловьев привел убедительные свидетельства раздражения прусского короля вследствие разговоров с голштинцем [85]. Однако, по словам Сольмса, Н. И. Панин «выказывает себя чрезвычайно довольным успехами

inslav

переговоров в Берлине»[86]. Разумеется, удовольствие шефа русской дипломатии могло быть и притворным, тем не менее следует признать, что иной реакции Фридриха II на рассуждения Сальдерна ни Екатерина, ни Панин и ожидать не могли. Инициатива создания такой «северной системы» была заранее неприемлема для Пруссии, чего Фридрих II никогда не скрывал и что, разумеется, не составляло секрета для Петербурга.

То, что в Петербурге заранее предвидели исход переговоров с Берлином о «северной системе», подтверждается и самой организацией русско-прусских консультаций. Обмен мнениями с Фридрихом II не проводили ни Екатерина II, ни Н. И. Панин. В противном случае прусский отказ, особенно переданный через Сольмса, неприятно задевал бы престиж России. Переговоры были перенесены в Берлин и поручены второстепенному российскому дипломату, не имевшему даже ранга посла. В неудобном положении оказался сам Фридрих II, вынужденный объясняться по столь важному вопросу с голштинцем на русской службе. С этой точки зрения, раздражение прусского монарха было вполне закономерным, а его твердое нежелание пойти навстречу русским предложениям почти не затрагивало самолюбия правительства Екатерины II.

Однако миссия Сальдерна имела совсем другую цель, нежели просто проинформировать Фридриха II о положении в Польше, как об этом заявил сам русский представитель, или убедить Берлин благосклонно отнестись к проекту «северного концерта», как традиционно считается в историографии. Консультации в Берлине в действительности представляли скрытую угрозу пересмотра русско-прусских отношений в пользу Англии, Саксонии или других стран, если прусский король не будет впредь бесповоротно следовать в русле русской политики и не покончит с колебаниями, проявившимися, в частности, в инциденте с Рексином, которые, как мы видели, весьма беспокоили Панина.

Угрозы возымели свое действие, и Фридрих II недвусмысленно подтвердил верность союзу с Россией. Вторым болезненным аспектом русско-прусских отношений являлись небезуспешные попытки Фридриха II сохранить самостоятельную роль Пруссии в польских делах, что нашло выражение в таможенном споре, когда русская дипломатия в конечном счете вынуждена была, несмотря на формальное посредничество, целиком принять сторону прусского короля в вопросе об уничтожении Генеральной таможни в Речи Посполитой.

И здесь миссия Сальдерна привела к желанному результату. В ответ на апрельское письмо Екатерины II прусский король 24 мая 1766 г., накануне второй аудиенции Сальдерна, писал русской императрице[87]

inslav

о таможенном споре, что «это дело совершенно покончено», поздравлял «свою сестрицу и государыню» с успехами в Дании и Швеции; не обмолвясь ни словом о «северной системе», Фридрих II закончил свое письмо самыми изысканными уверениями в братских чувствах и в верности союзу с Россией. Последнее обстоятельство нашло свое подтверждение, когда прусский король отказался от проекта встречи с Иосифом II, избранным весной 1766 г. германским императором.

Идея свидания родилась в Вене. 28 мая прусский посол в Австрии Я. Ф. Род доносил в Берлин, что поездку Иосифа II в Богемию и Саксонию можно было бы использовать для его встречи с прусским королем. Однако в серьезность этого замысла не верили ни в Берлине, ни в Вене. В ответном письме принцу Генриху от 22 июня 1766 г. Фридрих II писал: «Я не верю, что будет иметь место что-либо иное, кроме обмена любезностями, обычно принятого между князьями». Прусскому королю нетрудно было разгадать намерения австрийской дипломатии осложнить отношения между Берлином и Петербургом. Он, как констатировал Г. В. Вольц, не думал о каких-либо политических переговорах и желал лишь избежать разногласий с Россией [88]. Отказ Фридриха II от каких-либо самостоятельных политических шагов в отношении Польши, Австрии и Турции во второй половине 1766 г. подтвердил И. М. Лобкович, сообщивший В. А. Кауницу 19 августа 1766 г., что при дворе Екатерины II прекратились все разговоры о возможной встрече Иосифа II и прусского короля [89].

Накануне сейма 1766 г., после визита К. Сальдерна в Варшаву и в Берлин, в Петербурге, наряду с давлением на Станислава Августа и «фамилию» Чарторыских с целью добиться удовлетворения на сейме русских требований, уделили внимание и сглаживанию польско-прусских противоречий. 11 июня/31 мая 1766 г. Н. В. Репнин сообщил в Петербург [90] о прибытии в Варшаву курьера от Я. Парского, который доставил пакет для Станислава Августа от Екатерины II, с письмами императрицы польскому королю. «По материи одного из писем, — сообщал Репнин, — касательно до таможни, уже решительное намерение... здесь принято было, но сие письмо еще более твердость тому намерению конечно придаст. Другое же (письмо от 16/5 мая 1766 г. — *Б. Н.*), — продолжал посол, — несумненно утвердит в преданности к нам и к нашей системе, видя и чувствуя, не только авантажей, но и спасения для Польши нет, без подкрепы России». В той же депеше Репнин сообщал Панину о своих стараниях добиться назначения Я. Псарского польским послом в Пруссию, характеризуя его как человека способного, который имеет сведения о намерениях и политической системе России. Репнин также писал о возвращении

inslav

на днях из Берлина А. К. Чарторыского, где тот был встречен весьма благожелательно и вполне, по словам посла, остался доволен оказанным приемом. Последние два обстоятельства явно указывали на некоторое улучшение польско-прусских отношений. Вероятно, это было связано с надеждами Станислава Августа в преддверии сейма, что с помощью России удастся преодолеть сопротивление Фридриха II проведению реформ государственного строя Польши. Об этом свидетельствовал А. Ф. Сен-Сафорен, сообщавший И. Х. Бернсдорфу 4 июля 1766 г. о своем разговоре со Станиславом Августом, в котором польский король высказал мысль, что «Россия свяжет руки Пруссии» [91].

Окончательное разрешение польско-прусского таможенного конфликта было достигнуто накануне открытия в Варшаве сейма 1766 г., когда в русском посольстве состоялась встреча Г. Бенуа с канцлерами коронным и литовским Анджеем Замойским и Михалом Чарторыским, на которой прусский резидент официально повторил требования Фридриха II об уничтожении генеральной таможни, что канцлеры обещали от имени короля и сената провести на сейме. Репнин сообщал Панину о намерении ввести вместо таможни сбор с пива и хлебного вина, что уже вызвало, по словам русского посла, протесты дворянства [92]. Однако Репнин не сомневался, что дело это, как принадлежащее к экономическому департаменту, будет рассмотрено в первые дни работы сейма и решено согласно желанию России [93], то есть в пользу Пруссии.

* * *

Таким образом, развитие российско-польско-прусских отношений с конца 1764 г. до кануна сейма 1766 г. показало, что, несмотря на достигнутую российскую гегемонию в Польше, Петербургу так и не удалось полностью лишить Пруссию самостоятельной роли в польской политике. Более того, как в вопросе о таможенном споре, так и в монетном деле русской внешней политике пришлось принять сторону Берлина, вопреки декларированному посредничеству Екатерины II. Более того, русско-прусские отношения, несмотря на очевидный антагонизм Берлина и Вены, постоянно омрачала тень возможного сговора Пруссии и Австрии и фактор постоянной опасности со стороны Турции. В Петербурге должны были отдавать себе отчет, что Фридрих II, вынужденный с 1766 г. недвусмысленно стать на сторону России и отказаться от собственной политики в отношении Австрии и Турции, при изменившихся условиях может изменить свое поведение и что стабильность нынешней ситуации будет непосредственно зависеть от прочности российского господства над Польшей. А этот главный вопрос, несмотря на успехи, которых добилась Россия, так и не был

inslav

разрешен до конца, ибо оставались неурегулированными диссидентское дело, проблема реформ политического строя Речи Посполитой и недостигнутой — российская гарантия польской конституции. Именно эти вопросы и должны были стать центральными на сейме 1766 г. От их решения в известной степени зависели не только отношения Петербурга, Берлина и Варшавы, но и расстановка сил великих держав на востоке Европы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 848. Л. 136–140.

2 Там же. Д. 65. Л. 2–2об.

3 [*Friedrich II.*] Politishe Correspondenz Friedrich's des Großen. Berlin, 1897. Bd. 24. S. 74–75.

4 Ibid. S. 80–83.

5 Ibid. S. 83–85.

6 Сб. РИО. СПб., 1878. Т. 22. С. 349.

7 АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 865. Л. 5–6об.

8 Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 57. С. 181.

9 Там же. Т. 22. С. 362–364.

10 Forschungen zur deutschen Geschichte. Göttingen, 1869. Bd. 9. S. 36; *[Friedrich II.]* Politishe Correspondenz... Bd. 24. S. 145.

11 Ibid. S. 100–101.

12 Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 57. С. 226–227.

13 *H. Schmitt.* Dzieje panowania Stanislawa Augusta Poniatowskiego. Lwów, 1869. T. II. S. 18–19; *С. М. Соловьев.* Соч. М., 1994. Кн. XIII. С. 423–424.

14 АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 866. Л. 39–42об.

15 Там же. Л. 68–69.

16 Там же. Л. 74об–75об.

17 Там же. Д. 867. Л. 2об–3.

18 Там же. Л. 8–9.

19 Forschungen zur deutschen Geschichte... S. 36–37.

20 АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 867. Л. 1–2об.

21 Там же. Л. 71–73об.

22 Там же. Л. 70–70об.

23 Сб. РИО. СПб., 1877. Т. 20. С. 213–219.

24 Там же. С. 221.

25 Там же. СПб., 1887. Т. 57. С. 257–263.

26 АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 867. Л. 86.

27 Там же. Л. 93–100.

inslav

28 Там же. Л. 85.

29 *[Friedrich II.]* Politishe Correspondenz... Bd. 24. S. 186–188.

30 АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 868. Л. 45–46об.

31 Там же. Л. 61.

32 *[Friedrich II.]* Op. cit. Bd. 24. S. 186–188.

33 Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 57. С. 334–340.

34 Там же. С. 364–365; АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 870. Л. 150–150об.

35 *С. М. Соловьев.* Указ. соч. Кн. XIII. С. 428.

36 АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 871. Л. 5–14об.

37 Там же. Л. 1–4.

38 Там же. Л. 25–28.

39 Там же. Л. 107–108.

40 Там же. Д. 872. Л. 5–7об.

41 Там же. Л. 9–12.

42 Там же. Л. 61–63об.

43 *С. М. Соловьев.* Указ. соч. Кн. XIII. С. 426.

44 Об истории польско-прусского таможенного конфликта см. также: *M. Drozdowski.* Podstawy finansowe działalności państwowej w Polsce. 1764–1793. Warszawa; Poznań, 1975; *J. K. Hoensch.* Der Streit um den polnischen Generalzoll 1764–1766. Zur Rolle Preußens und Rußlands beim Scheitern der Finanzreform von Stanislaw August Poniatowski // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, 1970. № 18. S. 355–388. Об обструкционистской политике Пруссии по отношению к преобразовательным проектам в Польше в 1764–1766 гг. см.: *M. G. Müller.* Die Teilungen Polens 1772–1793–1795. München, 1984. S. 30–31.

45 АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 865. Л. 44–42об.

46 Там же. Д. 866. Л. 39–42 об.

47 Там же. Л. 75об–76.

48 Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 57. С. 495.

49 АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 867. Л. 65–73об.

50 *С. М. Соловьев.* Указ. соч. Кн. XIII. С. 435–438; *Н. Д. Чечулин.* Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II. СПб., 1896; *W. Konopczyński.* Polska a Turcja. 1683–1792. Warszwa, 1936; *Т. Стоилова.* Ябълката на раздора в руско-турските отношения през 60-те години на XVIII век. София, 1995.

51 *С. М. Соловьев.* Указ. соч. Кн. XIII. С. 436–437.

52 [*Friedrich II.*] Politishe Correspondenz... Bd. 24. S. 5–6.

53 Ibid. S. 6. Anm. 1.

54 Ibid. S. 26–27.

55 Ibid. S. 80–83.

inslav

56 Ibid. S. 83. Anm. 1.

57 Ibid. S. 122–123.

58 Ibid. S. 151.

59 Ibid. S. 165–166.

60 Ibid. S. 162–163.

61 Ibid. S. 223.

62 Сб. РИО. СПб., 1878. Т. 22. С. 375–380.

63 Там же. С. 383.

64 Там же. С. 387.

65 Там же. СПб., 1887. Т. 57. С. 272–275.

66 Там же. СПб., 1878. Т. 22. С. 388–390.

67 [*Friedrich II.*] Politishe Correspondenz... Bd. 24. S. 258.

68 Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 57. С. 325–328.

69 [*Friedrich II.*] Politishe Correspondenz... Bd. 24. S. 391–392.

70 Сб. РИО. СПб., 1878. Т. 22. С. 415–420.

71 Там же. СПб., 1887. Т. 57. С. 445–447.

72 Там же. С. 492–496.

73 *С. М. Соловьев*. Указ. соч. Кн. XIV. С. 133.

74 *J. Michalski*. Problematyka aliansu polsko-rosyjskiego w czasach Stanisława Augusta. Lata 1764–1766 // Przegląd Historyczny. 1984. T. 75. S. 710.

75 Ibid. S. 711.

76 Сб. РИО. СПб., 1877. Т. 20. С. 228–231.

77 *С. М. Соловьев*. Указ. соч. Кн. XIV. С. 152–161; *Ф. Ф. Мартенс*. Собрание трактатов и конвенций... СПб., 1888. Т. 6. Трактаты с Германией 1762–1806; АВПРИ. Ф. 74. Оп. 6. Д. 168. О переговорах с прусским королем 5–29 мая 1766 г.

78 *Ф. Ф. Мартенс*. Собрание трактатов... Т. 6. С. 41.

79 Там же. С. 41–42.

80 *С. М. Соловьев*. Указ. соч. Кн. XIV. С. 158–159.

81 Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 57. С. 527–535.

82 Там же. СПб., 1878. Т. 22. С. 448.

83 Там же. С. 451.

84 [*Friedrich II.*] Politishe Correspondenz... Bd. 25. S. 134.

85 *С. М. Соловьев*. Указ. соч. Кн. XIV. С. 160–161.

86 Сб. РИО. СПб., 1878. Т. 22. С. 452.

87 Там же. СПб., 1877. Т. 20. С. 231–233.

inslav

88 *G. B. Volz.* Plan einer Zusammenkunft Friedrichs des Großen und Josephs II. bei Torgau // Mitteilungen der Literarischen Gesellschaft Masovia. Heft 14. Sonderdruck s. l., s. a. S. 140–151.

89 Сб. РИО. СПб., 1901. Т. 109. С. 195.

90 АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 883. Л. 159–161.

91 *J. Michalski.* Problematyka aliansu polsko-rosyjskiego... S. 711.

92 АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 887. Л. 12–13об.

93 Там же. Л. 23об.

inslav

Ю. Е. Ивонин
(Смоленск)

ПОВОРОТ ВЕНЫ И БЕРЛИНА К РАЗДЕЛАМ ПОЛЬШИ (СТАРАЯ ИМПЕРИЯ И ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ГОСУДАРСТВА ГЕРМАНИИ ОТ ТЕШЕНСКОГО МИРА ДО КНЯЖЕСКОГО СОЮЗА 1785 г.)

I

«Вначале был Наполеон» — такими словами Т. Ниппердей открывает свою книгу о Германии XIX в., тем самым подразумевая решающий момент в движении Германии по пути формирования государства Нового времени в западном понимании этого феномена и как бы водораздел между ним и особым путем этой страны до 1800 г. [1]. Собственно, это движение началось намного раньше, но не об этом речь, а об очень важном отрезке времени в истории отношений Священной Римской империи, или Старой империи, с германскими государствами, а также с великими европейскими державами, когда, оставив германские дела, Вена обратила экспансионистские устремления на юго-восток Европы и на Польшу. Это произошло в 1778–1785 гг., от Войны за баварское наследство и Тешенского мира до созданного усилиями прусского короля Фридриха II Княжеского союза 1785 г., направленного против имперских амбиций императора Иосифа II в Германии.

Однако европейское значение Тешенского мира возможно понять, как отметил К. О. фон Аретин, только из его длительной предыстории [2]. Священная Римская империя, по мнению американского историка Ч. Инграо, стала «безнадежно дисфункционирующим организмом» уже после окончательного установления австро-прусского дуализма в 1763 г. [3]. Но, на наш взгляд, нельзя недооценивать попытки Вены изменить соотношение сил в свою пользу и укрепить позиции Старой империи как в Германии, так и в Европе на рубеже 70–80-х гг. XVIII в. Затяжные и нередко не разрешавшие все конфликты войны XVII–XVIII вв., из которых смогли выйти победителями только немногие великие державы, продолжали доминировать в государственно-политической жизни XVIII в. Но начавшаяся уже формироваться Пентархия (определение Х. Духхардта) еще не могла постоянно контролировать европейские дела — она была слишком гетерогенной, а ее члены слишком еще ориентировались на собственные интересы [4]. Ближе к началу Французской революции в Германии стали распространяться идеи создания регулирующего спорные вопросы между государствами

inslav

наднационального органа европейской безопасности, в котором, как не без некоторой хитрости рассчитывали инициаторы проекта, Священной Римской империи и германским государствам принадлежала бы ведущая роль. В этих замыслах все же просматривалась тенденция признания равенства всех государств и был заметен принцип решения конфликтных вопросов на правовой основе, а в Империи — на основе имперской конституции, что должно было сделать Срединную (или Центральную) Европу стабилизирующим фактором на континенте. Немецкие публицисты того времени считали образцом европейской модели мира имперскую конституцию, хотя и с озабоченностью признавали ее отнюдь не динамичный характер и видели гарантированное будущее только в союзе государств на республиканской основе [5].

Важным моментом в отношениях между Старой империей и территориальными государствами оставался примат наследственной династической политики, поскольку он был необходим для избрания императора из династии Габсбургов. С ним также были связаны традиционно союзные отношения многих территорий на юге и западе Германии с императором. Север страны все больше и больше становился «ахиллесовой пятой» имперской политики. В тесной связи с этим находился ключевой вопрос, до какой степени высшие имперские органы могли тормозить или затруднять устремления отдельных территориальных князей к установлению региональной гегемонии, прежде всего Бранденбурга-Пруссии. Политика Вены заключалась в постоянных попытках создать противовесы Пруссии, в частности, в лице герцогов Ганноверских, которым еще в 1692 г. были пожалованы права курфюрстов. Но утверждение на английском престоле ганноверских курфюрстов во многом опрокинуло расчеты венских политиков, поскольку ганноверская династия все больше следовала интересам английской великодержавной политики. Подъем Пруссии как бы символизировал ослабление позиции императоров. Вена становилась вместе с тем символом консервативно-аристократической и устаревшей общественной системы. Попытка императора Иосифа II изменить соотношение сил в пользу Империи натолкнулась на сопротивление даже традиционно прогабсбургских имперских чинов, чем воспользовался Фридрих II, создавая Княжеский союз 1785 г. Другим результатом попыток Иосифа II округлить фамильные владения Габсбургов за счет Баварии или обмена австрийских Нидерландов на Баварию привели к тому, что кроме слабеющей Франции гарантом равновесия сил в Империи в результате Тешенского мира становится Россия [6].

При Людовике XVI политика Франции по отношению к венскому двору изменилась. В Версале не испытывали прежней, как при Людовике XV, сердечной привязанности к Вене, даже несмотря на то, что

inslav

королевой Франции была Мария Антуанетта, дочь императрицы Марии Терезии. Главной целью политики Франции было сохранение status quo в Германии. Этим объяснялась особая привязанность Версаля к сохранению старой имперской конституции и имперских институтов, ибо от этого, в конечном счете, зависела главная линия французской политики, т. е. сохранение относительной безопасности на континенте [7].

Губертусбургский мир 1763 г. установил систему равновесия сил в имперской политике. Противостояние Пруссии австрийскому дому прибавило симпатий Фридриху II со стороны протестантских чинов Империи, недоверие которых по отношению к Вене не было преодолено, даже несмотря на реформы Марии Терезии и Иосифа II. Подъем Пруссии гарантировал в то время равновесие сил и существование малых германских государств. В итоге Священная Римская империя, Польша и Италия стали полем благоприятных возможностей территориальных комбинаций (обмена, разделов и т. п.) со стороны ведущих немецких держав с целью увеличения своих территорий. Во всяком случае, «система равновесия», установившаяся в 1763–1768 гг., привела в дальнейшем к тесному сотрудничеству Австрии и Пруссии, результатом чего в 1772 г. стал первый раздел Польши [8]. Юридическим основанием для раздела, в частности, послужили притязания Габсбургов, Гогенцоллернов и Романовых на наследие польских королей, связанных с этими домами династическими браками [9].

II

Однако вопрос заключается в том, насколько политика Иосифа II способствовала повороту от германских дел к активному участию в разделах Польши. Ведь поначалу Иосиф II стремился с помощью присоединения Баварии или обмена ее на Южные Нидерланды укрепить свои позиции в Германии и ослабить Пруссию, что диктовалось в значительной степени интересами сохранения и укрепления австрийской абсолютной монархии [10].

Большинство историков, занимавшихся этими проблемами, считало, что, в отличие от Марии Терезии, проводившей осторожную внешнюю политику, Иосиф II был более склонен к милитаризму и аннексионизму [11]. Впрочем, К. О. Аретин одно время утверждал, что Иосиф II после Войны за баварское наследство ослабил интерес к имперским делам в сторону укрепления австрийской абсолютной монархии [12]. Однако не следует, очевидно, забывать о реальных расчетах Иосифа II и его канцлера князя В. А. Кауница, что, опираясь на союзные отношения с Россией и Францией, Австрия могла бы рассчитывать на ослабление Пруссии [13].

inslav

Во многом страх перед усилением Пруссии влиял на дипломатию как Марии Терезии, так и Иосифа II и Кауница. Но если императрица, памятуя о Силезских войнах, предпочитала осторожную политику с использованием преимущественно дипломатических средств, то Иосиф II и его советники действовали более решительно. В сущности, ни один из трех вооруженных конфликтов с Пруссией этого времени не был желательным или необходимым следствием дипломатических усилий. Союз Австрии с Францией и преследования протестантских подданных Марией Терезией способствовали претензиям Пруссии на лидерство среди протестантских князей Германии. Соправители, т. е. Мария Терезия и Иосиф II, хотя сами себя еще рассматривали как немцев, уже не идентифицировали Империю как национальное политическое тело, во всяком случае, имперские территории они почти не посещали и не использовали, за редким исключением, имперские институты власти. Австрия могла поставить под ружье более 300 тыс. солдат, но расходы могли быть чрезмерными. И эта армия больше годилась для вторжения, чем для длительной агрессивной политики. Учитывая страх Иосифа II перед Пруссией и турками, эта армия была гарантией от иностранного вторжения в австрийские владения [14].

После Семилетней войны (1756–1763 гг.) австрийская дипломатия занималась главным образом лавированием и выдвигала кратковременные проекты, дабы не потерять своего положения среди противников в Центральной и Восточной Европе, что, в общем-то, не было каким-то новым моментом в австрийской политике. Планы территориальной экспансии не выдвигались, но главной целью ставилось не оказаться позади основных конкурентов в борьбе великих держав, т. е. Пруссии и России, и компенсировать неудачи за счет дележа земель Польши и Османской империи [15]. В то же время сближение Австрии с Россией делало австро-французский альянс больше существующим на бумаге. Участие Австрии в первом разделе Польши, что не приветствовалось Версалем, было знаком, что союз близок к разрыву. Как мы увидим, Вена не получила поддержки от Версаля в борьбе за баварское наследство, что вдохновило Фридриха II на развязывание военных действий летом 1778 г. [16].

Как бы то ни было, попытки Кауница возвратить Силезию под власть Австрии и вернуть Пруссию в ранг государства средней руки не увенчались успехом, как и создать большую коалицию против Пруссии, использовав колониальные противоречия между Англией и Францией. Средние и малые государства Германии были пассивными участниками этих интриг и не выступали на стороне Вены. Поэтому стратегия Кауница в конце концов оказалась несостоятельной [17].

inslav

Вообще внешняя политика венского двора в XVIII в. была достаточно сложной и противоречивой. Весьма проблематичное финансовое положение, когда, кроме амбициозной внешней и военной политики, Вена пыталась соперничать в области культуры с Парижем, делала эту политику чрезвычайно расточительной. Со времен войны за испанское наследство и до 1775 г. постоянная армия Австрии увеличилась со 120 до 174 тыс. чел. В 1763 г. на армию расходовалось до 10 млн. гульденов. Венская политика все более эволюционировала от «имперской» к «австрийской», что приводило к конфликтам между дворцовой (австрийской) и имперской канцеляриями. Особенно это проявилось в долгий период пребывания в должности вице-канцлера Империи Фридриха Карла фон Шенборна (1705–1734) [18].

Слабость Австрии обнаружилась к концу Семилетней войны. Пруссия имела на своей стороне богатую и могущественную Великобританию, а на исходе войны заключила спасительный для нее договор с Россией. Австрия же в 1763 г. осталась фактически в изоляции, так как Франция потерпела поражение, была ослаблена и удерживала Вену от необдуманных шагов. Кроме того, Иосиф решил провести реформу имперского суда с целью усилить свое влияние в Империи и не допустить подчинения Пруссии графства Байрейт-Ансбах.

III

Союз с Францией, хотя и ослабленный, в это время все еще защищал Империю от внутренних войн. Династические узы между Габсбургами и баварскими Виттельсбахами не имели далеко идущих последствий по причине смерти жены Иосифа II Марии Йозефы – сестры баварского курфюрста Макса III Иосифа. Реальным шансом на укрепление позиций Вены в Империи могло стать получение Иосифом II баварского наследства после смерти бездетного курфюрста [19].

Однако на пути такого решения могла встать Пруссия, поднявшаяся в результате территориальных приращений, достигнутых путем войн и династических комбинаций, до ранга великой державы. Захват Силезии и первый раздел Польши значительно увеличили ее территорию и усилили военный потенциал. В 1760 г. прусская армия насчитывала 160 тыс. чел., а в год смерти Фридриха II (1786) – 194 тыс. чел., что соответствовало одному солдату на 29 человек населения (во Франции – 1 на 145 и в Великобритании – 1 на 310). Трезво оценивая военную мощь Пруссии, европейские политики все же считали, что своим усилением держава Гогенцоллернов обязана исключительно Фридриху II, после смерти которого, как они полагали, подъем сменится упадком. Фактически выход России из союза с Пруссией

inslav

как бы недвусмысленно указывал на это [20]. Конечно, такие представления могли подтолкнуть венский двор к попыткам изменить соотношение сил в Империи в свою пользу.

Однако Пруссия могла опереться внутри Империи на протестантских князей Германии, составлявших основу так называемого Corpus Evangelicorum, конфликтовавшего с императорами в течение 20–50-х гг. XVIII в. Главным политическим мотивом оппозиции протестантских князей императору была их борьба за то, чтобы важные политические решения в Империи не принимались принадлежавшим католикам простым большинством голосов. Имперские власти, со своей стороны, пытались ограничить подобные претензии протестантских чинов вплоть до легитимизации права императора на вмешательство во внутренние дела чинов Империи, обосновывая это незаконностью, с точки зрения имперской конституции, самого протестантского объединения. Но в начале 1750-х гг. ситуация смягчилась вследствие ослабления позиций императорской власти в Империи после кратковременного правления Карла VII Виттельсбаха (1742–1745) и необходимости для Вены искать новых сторонников в рядах имперских чинов. Но после Семилетней войны, хотя некоторое время Австрия и Пруссия поддерживали мирные отношения, австро-прусский антагонизм начал усиливаться. Одновременно стал консолидироваться и Corpus Evangelicorum, чему способствовали и раздававшиеся в католических землях призывы о помощи протестантам. Объединение протестантских чинов Империи снова становилось реальной политической силой и возможным орудием в руках Пруссии [21].

IV

Отсюда уже недалеко было до создания Княжеского союза как противовеса попыткам Вены нарушить имперскую конституцию, хотя не кто иной, как сам Фридрих II, ее неоднократно нарушал. Во всяком случае, прусский король в 1770-е гг. опирался на прусско-российский союз и постоянно напоминал европейским политикам о попытках Австрии нарушить равновесие сил в Европе. После первого раздела Польши он окончательно возвратился к антигабсбургской политике. Франция отнюдь не стремилась способствовать усилению участников раздела Польши, но финансовых средств на поддержку имперских чинов, выступавших против усиления Пруссии и нарушения имперской конституции, у нее не было. К тому же самой Франции не на кого было опереться в Европе, помимо слабой Испании и Австрии. Раздел Польши, выражаясь словами К. О. Аретина, означал разрыв между великодержавной и импер-

inslav

ской политикой. В Империи усиливалось недоверие к политике Вены, что не мог не использовать Фридрих II [22].

Относясь неодобрительно к балканской политике Австрии, Фридрих II вместе с тем видел в ней средство отвлечения Вены и Петербурга от германских дел. Он рассчитывал, что, завязнув в дележе завоеванных у Османской империи территорий, Австрия и Россия не смогут долгое время играть активную роль в Центральной и Западной Европе [23]. Позиция других германских государств благоприятствовала намерениям Берлина воспрепятствовать Австрии овладеть баварским наследством. Саксония была не в силах что-либо противопоставить Пруссии. А та совместно с находившимся в сфере английских интересов Ганновером все больше прибирала к рукам руководство протестантскими силами. Мелкие лютеранские имперские чины следовали, как правило, в фарватере их политики. Католические чины испытывали недоверие к Вене из-за ее усиливавшихся имперских амбиций [24].

Сама же Бавария вряд ли была способна что-либо противопоставить устремлениям Вены. Имперская политика Баварии во многом зависела от поддержки, прежде всего финансовой, со стороны Франции [25]. Плохо вооруженная и недостаточно обученная баварская армия в 1773 г. с трудом достигала численности в 12 тыс. чел. Внешняя политика Мюнхена целиком зависела от ориентации на внешние силы. Даже сокращение, начиная с 1740-х гг., французских субсидий не могло истребить антигабсбургские и профранцузские настроения курфюрста Максимилиана III Иосифа. К Пруссии в Мюнхене всегда относились с недоверием, но в преддверии дележа баварских территорий там не собирались сбрасывать со счетов и партнерство с Берлином. Положение Баварии, Пфальца, да и Саксонии накануне войны за баварское наследство показывало, до какой степени средние германские княжества не могли играть сколько-нибудь существенной роли на европейской арене, несмотря даже на возможные крупные субсидии, которые в течение XVIII в. стекались с разных сторон в Мюнхен. Положение всех германских государств зависело от соотношения сил между Австрией и Пруссией [26].

Весной 1777 г. баварский курфюрст Максимилиан III узнал, что у него больные почки. Половина Европы с этого времени ожидала его кончины, но никто не думал, что она произойдет так быстро. На Рождество наступило резкое ухудшение, и 30 декабря курфюрст скончался. При жизни он не хотел говорить о наследнике, что, в конечном счете, давало почву для разного рода спекуляций, прежде всего со стороны Австрии. В Вене давно собирались округлить свои владения за счет Баварии, что уже было начато ранее за счет владений

inslav

архиепископа Зальцбургского, которого благополучно переместили на освободившуюся вакансию в Льеж. Планы присоединения Баварии к владениям Габсбургов были связаны с немалым политическим риском, поскольку были чреваты опасностью вмешательства в германские дела всех пяти европейских великих держав [27].

Идея приобретения Баварии возникла при венском дворе еще в 1686 г., вновь к ней обратились во время войны за испанское наследство, теперь же, в 1770-е гг., она приобрела конкретные очертания в виде проекта обмена доставшихся Вене согласно Утрехтскому миру 1713 г. Южных Нидерландов на Баварию. После первого раздела Польши Иосиф II особенно настроился на приобретение Баварии как компенсацию за утерянные силезские владения. Инициатива Франции создать с помощью Баварии и при участии малых чинов «третью партию» в Германии не увенчалась успехом, ибо требовала слишком много денег. Кроме того, в июне 1774 г. Виттельсбахи еще раз возобновили внутренний династический союз и уточнили порядок престолонаследия. Но курфюрст Пфальцский Карл Теодор, который, согласно этому порядку, должен был унаследовать баварский престол, не имел законного наследника. Этим предлогом воспользовались австрийские дипломаты, чтобы обменять составлявшую треть баварских владений Нижнюю Баварию на австрийские Нидерланды. Император даже собирался закрепить эту акцию военным путем. Интригам австрийцев благоприятствовало нежелание Франции вмешиваться в какую-либо войну в Германии. Вначале Иосифу II сопутствовала удача, что выразилось в австрийско-пфальцской конвенции от 3 января 1778 г. [28].

Предвидя явное недовольство Фридриха II, император попытался умиротворить прусского короля. Суть адресованных Пруссии предложений он изложил в письме к Марии Терезии от 21 апреля 1778 г. В нем Иосиф II предлагал «прямо сказать» Фридриху II, что, получив Нижнюю Баварию, он намерен «отдать курфюрсту Баварскому все то, чем мы владеем в Нижнем Пфальце, на чем построен Вестфальский мир, вместе с фьефами в Богемии, наконец, то, чем владели его (курфюрста. — *Ю. И.*) предшественники». Что же касалось самого прусского короля, то император предлагал «гарантировать его маркграфство (Байрейт-Ансбах), если он нам гарантирует Нижнюю Баварию, которую мы оккупировали» [29].

Переговоры 1778 г. между Веной и Берлином показали значительную степень взаимного недоверия. Фридрих II, заметим, делился информацией об этих переговорах с российской императрицей Екатериной II. Обе стороны боялись изменения соотношения сил в Империи. Фридрих II пока еще опасался выдвинуть лозунг защиты имперской

inslav

конституции, а Иосиф II боялся, что его планы сговора с Пруссией подорвут остатки доверия к конвенции от 3 января 1778 г. Поэтому роль имперских властей в первой фазе конфликта из-за баварского наследства была довольно пассивной. Оба двора долго и безуспешно маневрировали, пытаясь доказать, что пример первого раздела Польши не может быть использован в Империи [30].

V

Тем не менее дело шло к новому военно-политическому конфликту между Австрией и Пруссией. Уже в январе 1778 г. брат Фридриха II принц Генрих предложил создать объединение крупных протестантских князей Германии. Он придерживался мнения, что Пруссия должна использовать вопрос о баварском наследстве по примеру раздела Польши для усиления своих позиций по отношению к Австрии. Он пытался удержать короля от войны, соглашаясь лишь с тем, что можно приобрести новые территории для обеспечения безопасности границ.

Побуждая имперских князей просить помощи у Екатерины II, прусский король в то же время распространял среди них идею союза Пруссии с Ганновером, Гессен-Касселем, Брауншвейгом и Кельном, которая затем расширилась до идеи ассоциации трех протестантских курфюрстов с князьями Верхней и Нижней Саксонии, а также с владетелями земель по Нижнему Рейну. Международная обстановка этому благоприятствовала, поскольку Великобритания была отвлечена войной за независимость североамериканских колоний, в которой Франция выступила на стороне последних, чем и объяснялось ее нежелание выступить на стороне Австрии. Фридрих II заручился также поддержкой некоторых других влиятельных курфюрстов (Цвейбрюккена, Саксонии и Мекленбурга). Выступая против австрийских планов раздела Баварии, прусский король одновременно добивался передачи ему Саксонией Лаузица (территории на границе с Чехией, непосредственно вблизи австрийских владений). Таким образом, Пруссии удалось блокировать австрийские устремления со всех сторон, в том числе в Западной Германии [31].

Наконец, в июле 1778 г. объединенные войска прусского короля и саксонского курфюрста вторглись в Чехию, начав тем самым Войну за баварское наследство. Это означало военное давление на Австрию с целью заставить императора возвратить Нижнюю Баварию ее прежним владельцам. Война, которую часто называют «не-войной» и «картофельной войной», поскольку военных действий практически не велось, сражений не было, крепости не осаждались, а прусское войско

inslav

передвигалось с большими трудностями по осенней грязи, тем не менее оказалась неожиданной для Иосифа II, невзирая на крупные военные приготовления. Его письма этого времени показывают колебания и неуверенность в принятии решений, и это несмотря на то, что прусская армия безнадежно застряла в Чехии. В итоге война для Австрии оказалась проигранной несмотря на то, что под командой фельдмаршала Ласи были достигнуты некоторые небольшие успехи.

В этой ситуации решительность продемонстрировала российская императрица, не хотевшая допустить усиления ни Австрии, ни Пруссии и двинувшая к австрийской границе пятнадцатитысячный корпус. Начались переговоры с участием дипломатов Франции и России. Мария Терезия за спиной Иосифа II пошла на тайные переговоры с Фридрихом II, отправив на встречу с ним графа Тугута. Идея привлечь к решению спора рейхстаг встретила сопротивление как протестантских, так и католических чинов Священной Римской империи. К переговорам присоединились курфюрсты Майнцский и Ганноверский, относившиеся к инициативам Вены весьма скептически. На рейхстаге австрийский посол Борие обнародовал предложение Вены отказаться от своих территориальных приобретений в обмен на отказ Пруссии от претензий на Байрейт-Ансбах. Ситуация была такова, что имперские чины не доверяли Австрии, а Пруссию не боялись. Предложение Вены все же было встречено положительно, что привело к восстановлению равновесия в австро-прусском соперничестве [32].

VI

Переговоры по поводу решения вопроса о баварском наследстве свидетельствовали об укреплении позиций России как посредницы в отношениях между Австрией и Пруссией. Фридрих II боялся усиления России, а в Баварии стремились к более активному участию Франции в урегулировании кризиса, чего, однако, по известным причинам не произошло. Миссия Н. В. Репнина в Пруссию в декабре 1778 – марте 1779 г. была весьма успешной. Проведению российской линии способствовало также некоторое сближение России с Францией, поскольку России не удавалось заключить союз с Великобританией. Ни Россия, ни Франция не хотели усиления Австрии и стремились получить роль гарантов в германских делах [33]. Мария Терезия даже в сердцах еще до начала переговоров писала своему сыну, что руководитель российской внешней политики Н. И. Панин более пруссак, чем русский (Panin est plus Prussien que Russe), не говоря уже о великом князе Павле (будущем императоре Павле I) [34]. В свою очередь, император Иосиф II давал указания Кауницу передать пред-

inslav

ставителям России и Франции, что Мария Терезия не хочет больше рисковать и согласна вернуть Баварию курфюрсту Карлу Теодору без всяких условий [35].

Вмешательство России в австро-прусский конфликт было встречено с недовольством не только католическими, но и протестантскими чинами Империи. Представители Ганновера, находившиеся под влиянием Лондона, открыто протестовали против участия России в примирении в качестве третейского судьи. Представители Кёльна и Брауншвейга настаивали на решении проблемы в рамках имперской конституции на уровне коллегии курфюрстов. С другой стороны, католические чины были недовольны возможным проникновением Пруссии через приобретение Байрейт-Ансбаха на юг Германии. Кауниц даже говорил о том, что австрийско-пфальцскую конвенцию 3 января 1778 г. можно не принимать в расчет, а новый договор между Веной и курфюрстом Пфальцским является только основой для превращения этой конвенции в дальнейшее соглашение. Наконец, согласно статье 1 австрийско-пфальцской конвенции от 13 мая 1779 г. пфальцский курфюрст освобождался от условий конвенции 1778 г. Но против включения России в переговорный процесс не возражали ни Австрия, ни Франция [36].

Дипломатический конгресс, собравшийся в маленьком силезском городке Тешен в марте–мае 1779 г., завершился подписанием 13 мая того же года мирного договора. Австрии удалось удержать только маленькую полоску земли в Баварии на реке Инн. Военная кампания и контрибуция обошлись казне в 100 млн. гульденов. Австрия отказалась от претензий на Баварию, тогда как претензии Пруссии на наследство в Байрейт-Ансбахе не были отменены. Курфюрст Пфальцский заплатил 4 млн. талеров Саксонии за уступку ею Лаузица Пруссии, но получил баварское наследство. Саксония перестала выражать недовольство таким оборотом дела, после того как прусский король пригрозил впредь не вступать с ней в союзнические отношения.

Фактически Фридрих II вышел из этой ситуации как будто победителем, да еще с ореолом защитника имперской конституции от притязаний императора. Тешенский мир вслед за Вестфальским миром вновь гарантировал имперскую конституцию. Однако на сей раз гарантами выступали Россия и Франция [37]. Крупнейший немецкий юрист того времени — составитель 50-томного «Нового германского государственного права» Иоганн Якоб Мозер — вскоре очень точно заметил, что оба дома (Пфальц и Бавария) ничего от этой войны не приобрели, даже немного пострадали, а Россия стала силой, от которой в будущем зависели судьбы мира в Европе. Дальнейшие шаги российской дипломатии в Империи это хорошо показали [38]. То обстоя-

inslav

тельство, что Россия и Франция стали посредниками в разрешении конфликта, соответствовало патовой ситуации в военно-политическом соотношении сил в Германии [39]. Вместе с тем, как совсем недавно заметил Э. Буддрусс, Тешенский мир стал важным этапом в вытеснении Франции из Империи [40]. Признание иностранной державы гарантом имперской конституции оказалось направленным против обеих великих германских держав — Австрии и Пруссии. Через 24 года Австрия и Пруссия оказались в сравнении с Францией и Россией уже не великими державами. Судьбы Германии в начале XIX в. решались не в Вене и Берлине, а в Париже и Санкт-Петербурге [41].

VII

Соотношение сил в Империи после Тешенского мира характеризовалось стремлением как Вены, так и Берлина сблизиться с Россией. Попытки некоторых членов рейхстага вывести Россию из договора как гаранта имперской конституции в Вене отклонялись. В Берлине же надеялись использовать некоторое сближение Петербурга и Парижа на почве урегулирования русско-турецкого конфликта для возрождения старого соперничества Бурбонов и Габсбургов. Прусский король явно рассчитывал создать тройственный франко-русско-прусский союз, направленный против Австрии. Но Версаль в это время снова начал политику сближения с императорским двором, опасаясь усиления Пруссии и России в сердце Европы. В свою очередь, этим сближением были по вполне понятным причинам обеспокоены протестантские чины Империи: их мало радовало возможное усиление католического лагеря [42].

Однако в Петербурге смотрели на все это несколько иначе. Екатерина II пришла к выводу, что выгоднее оказывать на Империю влияние, нежели создавать коалиции против императора. Что касается Вены, то руководители австрийской внешней политики всячески старались дестабилизировать прусско-российский альянс, противопоставив ему комбинацию Вена–Париж–Петербург. Летом 1780 г. во время своего путешествия в Россию Иосиф II встретился с Екатериной II и Г. А. Потемкиным. Накануне заключения австро-российского союза Кауниц писал из Вены императору, что «российская императрица не позволит Фридриху II игнорировать соглашение об оборонительном союзе и взаимных гарантиях между ней и Вашим Величеством», но прусский король, продолжал австрийский канцлер, не упустит момента, чтобы не настроить общественное мнение в Европе против венского двора [43]. В этих словах нашла отражение начавшаяся переориентация политики Вены от союза с Францией к союзу с

inslav

Россией. По замечанию Х. Скотта, заключение ранним летом 1781 г. австро-российского союза было концом эпохи особых отношений габсбургской монархии с Францией и в целом глобальной дипломатической стратегии Кауница [44].

Австро-российский союз, официально направленный против турок, косвенно задевал интересы Пруссии и подрывал надежды Фридриха II на использование России против Австрии. Мало того, Екатерина II обязывалась в случае нападения Пруссии на Австрию предоставить Вене военную помощь. Объективно договор давал возможность Иосифу II, который после смерти в конце ноября 1780 г. Марии Терезии стал единоличным правителем, заняться внутренними реформами в Австрии, так как Россия становилась как бы гарантом безопасности для Вены. Кроме того, давно взлелеянная идея заполучить Баварию вновь стала казаться реально осуществимой с помощью России. Иосиф II, правда, должен был считаться с тем, что любые его попытки изменить соотношение сил в Империи могли бы рассматриваться как нарушение имперской конституции, тогда как Фридрих II мог выступить в качестве защитника порядка и мира в Империи [45].

Попытки императора усилить свое влияние в рейхстаге в начале 1780-х гг. натолкнулось на сопротивление не только протестантских, но и католических чинов. Иосиф II стремился провести визитации церковных владений и передел территорий диоцезов. Имперских владетелей могло уже насторожить избрание австрийского эрцгерцога Макса Франца коадъютором (князем-архиепископом) в Кёльне и Мюнстере, чему не могла помешать Франция. Голоса в княжеской курии рейхстага в 1782 г. между католиками и протестантами распределялись примерно поровну. За всякого рода переменами в княжеской среде определенно стояли Австрия и Пруссия. В результате рейхстаг бездействовал. Corpus Catholicorum не усиливался, а Corpus Evangelicorum оказался в состоянии застоя. В ноябре 1784 г. представители Майнца, Пфальца и Баварии, Брауншвейга и Зальцбурга против воли императора решили все же возобновить деятельность рейхстага, что играло на руку прусскому королю и протестантскому лагерю. Выступление Кауница на стороне католиков, сделанное не из религиозных, а из политических соображений, ослабило позиции Вены в рейхстаге. Позиция курфюрста Майнцского, который, будучи эрцканцлером Империи, откровенно симпатизировал Пруссии, способствовала перемещению центра тяжести в имперских делах из Регенсбурга, где безуспешно заседал рейхстаг, в Майнц. Прусский король настраивал духовных князей против Австрии. Преемник Кауница на посту канцлера граф Траутманнсдорф цинично заметил, что «если императорский двор и католические чины признают аугсбургское

inslav

исповедание (лютеранство. — *Ю. И.*), завтра протестанты примут католическую религию» [46].

Ситуацию в Империи отчетливо проясняет миссия Н. П. Румянцева. Слухи, что российский посол в Вене хотел в декабре 1784 г. принудить герцога Карла Августа Цвейбрюккенского согласиться на обмен Баварии на австрийские Нидерланды, оказались толчком к основанию Княжеского союза 1785 г. под эгидой Пруссии. Заметим, что в 1787 г. граф Румянцев не воспрепятствовал вступлению в союз коадъютора майнцского Дальберга, хотя был дружен с ним и, мало того, имел поручение от собственного правительства удержать Дальберга от подобного шага. Вступление Дальберга в Княжеский союз было высшей точкой в развитии союза и одновременно проявлением его кризиса, поскольку надежды на оживление имперской конституции не осуществились в результате безучастного отношения к ней со стороны Пруссии [47]. Миссия Румянцева оказалась неудачной, но, скорее всего, из-за имперской политики Иосифа II, на которую граф никакого влияния не имел.

Екатерина II, стремясь получить помощь Австрии в войнах против турок, всеми средствами поддерживала политику Иосифа II в Империи. Соответствующие задачи были возложены на Румянцева, действия которого в деле обмена Баварии на австрийские Нидерланды были беспрецедентными. Прусская пропаганда даже распространяла слухи, что император с помощью Петербурга хочет лишить маленький Цвейбрюккен надежды на баварское наследство. Румянцев пытался активно препятствовать созданию Княжеского союза. Ему удавалось удерживать от вступления в союз некоторых князей, но игру испортил Иосиф II, который своей церковной политикой отдалил от себя немецких католических епископов. Император продолжал настаивать на изменении границ епархий, что вызвало недовольство епископата, ранее всегда послушного императору. Усилия Румянцева сосредоточились на двух особенно близких к России князьях, герцоге Карле Евгении Вюртембергском и ландграфе Вильгельме IX Гессен-Кассельском. Однако и здесь миссия русского дипломата успеха не имела. Сам Румянцев критически оценивал политику Иосифа II и приходил к неутешительному выводу о бесперспективности содружества Вены и Петербурга в германских делах.

Император хотел с помощью союза с Россией обойти все ограничения имперской конституции, но именно эта линия в его политике подтолкнула Пруссию к созданию Княжеского союза. Теоретически никто не мог помешать Австрии и России произвести обмен Баварии на Южные Нидерланды, и в Петербурге недоумевали, почему император так быстро отказался от плана обмена, хотя сам Иосиф II не ожи-

inslav

дал встретить в Империи сопротивление своему плану. Император показал себя как недостаточно ловкий политик, что нанесло ущерб внешнеполитическому престижу Вены [48].

Иосиф II, несмотря на все свое упрямство и настойчивость в достижении поставленных целей, опасался уж слишком откровенно выглядеть нарушителем имперской конституции. Кроме того, первый раздел Польши, этот ключевой момент международной политики XVIII в., резко осуждался общественным мнением. Это также побуждало страны-захватчики к сближению. Вена и Берлин словно соревновались между собой, добиваясь расположения Екатерины II, и когда император обошел в этом соревновании прусского короля, тому ничего не оставалось делать, как создать внутригерманскую коалицию [49]. Тем самым равновесие сил в австро-прусском соперничестве было восстановлено. Но этого не могло бы произойти без давно сформировавшейся и усиливавшейся тенденции к укреплению суверенитета германских государств за счет верховных прав Священной Римской империи.

VIII

Попытки Иосифа II укрепить Австрию как великую державу фактически за счет Империи, а также выказанное им пренебрежение имперской конституцией были достаточно очевидны. В этом смысле Княжеский союз 1785 г. стал следствием глубокого конституционного кризиса как результата имперской политики Иосифа II. Создание союза было явным симптомом того, что Империя клонилась к закату, а ее роль как в германских, так и в европейских делах ослабевала. Формально союз был создан вроде бы с целью защиты прав чинов Империи и имперской конституции, гарантом которых провозгласил себя прусский король. Однако, как заметил К. О. Аретин, трудно сказать, был бы он заключен или нет, если бы император из-за своего плана обменять Баварию на австрийские Нидерланды не восстановил против себя многих чинов Империи. Князья были недовольны попытками Иосифа II реформировать имперский суд, что могло привести к ограничению имперскими чиновниками их территориального суверенитета вследствие визитаций. Курфюрсты и другие чины империи энергично протестовали против вмешательства в их дела со стороны органов юстиции и придворного совета в Вене. Последовали даже предложения некоторых князей приглашать на заседания рейхстага только тех курфюрстов и князей, которые принадлежат к Княжескому союзу. Во время своего пребывания в Берлине первый министр Цвейбрюккена Хофенфельс согласовал с Фридрихом II вопрос о возможном избрании в качестве преемника Иосифа II на имперском

inslav

престоле герцога Карла Августа Цвейбрюккенского. Тот был наследником своего бездетного дяди Карла Теодора Пфальцского и курфюрста Баварского из рода Виттельсбахов, что позволяло претендовать на императорский трон. Пытаясь противодействовать интригам Фридриха II, Кауниц, уже не канцлер, но советник императора, в январе 1785 г. изложил в письме в Петербург свое мнение, что акт раздела баварских владений следует совершить позже, когда успокоится герцог Цвейбрюккенский. Но любопытно, что французское правительство соглашалось на план обмена только в том случае, если он получит одобрение Фридриха II, чего, разумеется, ждать не приходилось. В конечном счете, австрийская идея компенсации потери Силезии за счет Баварии не осуществилась, но фактически ускорила внутренний кризис в Империи [50].

Летом 1785 г. из-за не состоявшегося в последний момент обмена Баварии на австрийские Нидерланды напряжение в германских делах все нарастало. Фридрих II без устали повторял, что император с помощью России пытался принудить герцога Цвейбрюккенского, чтобы тот уговорил своего дядю Карла Теодора согласиться на совершение этого обмена. Тем самым прусский король создавал в общественном мнении зловещий образ императора. Для Пруссии было важно не только восстановить status quo в Германии, но и исключить всякую возможность территориального передела внутри Империи, поскольку Фридрих II считал, что после его смерти Австрия попытается вернуть себе Силезию. Но тем самым ставился предел и территориальной экспансии самой Пруссии в пределах Империи. Безусловно, решение первого вопроса для Берлина было важнее. О большем тогда говорить не приходилось.

Франция в лице министра иностранных дел Верженна так или иначе поддерживала планы Фридриха II, поскольку только ослабленная Австрия устраивала Версаль как союзница, тем более что там были осведомлены о попытках Лондона пойти на сближение с Веной. Пруссия становилась для Франции гарантом равновесия сил в Империи. Фридрих II рассматривал реформы Иосифа II как попытки укрепления Империи и подрыва возросшей мощи Пруссии. Он был также убежден, что Иосиф II стремится с помощью восстановления австро-франко-русского союза разгромить Пруссию. Поэтому он хотел в союзе с Ганновером, что означало союз с Великобританией, и Саксонией создать противовес политике императора. В свою очередь, малые германские государства видели в усилении Австрии и Пруссии угрозу собственному положению и расценивали переговоры о баварском наследстве как признак раздела Германии между Австрией и Пруссией [51]. Поэтому они больше всего хотели сохранения равновесия сил.

inslav

Заключительные переговоры в Берлине, состоявшиеся с 24 июня по 23 июля, показали, что именно участие в Княжеском союзе Ганновера, а следовательно, и Великобритании придавало этому союзу характер европейского альянса. Однако в окончательном варианте договора все резкие выпады против Австрии были устранены, Ганновер оставался верным имперской конституции. Курфюрст Саксонский вошел в союз только в результате прямых угроз со стороны прусского короля, но его участие было важным, так как Саксония могла явиться плацдармом для наступательных действий против Австрии. Союз князей был явно окрашен в пропрусские цвета.

Союз ставил целью поддержание равновесия сил в Империи и внешнеполитическую изоляцию Австрии, а также устранение английского короля Георга III от имперских дел. 23 июля 1785 г. Княжеский союз был провозглашен в Берлине как союз трех курфюрстов (Бранденбургского, Ганноверского и Саксонского). Вступление в него для малых имперских чинов было объявлено свободным. Союз провозглашал гарантии существования всех чинов Империи, в том числе и духовных князей. В тексте договора утверждалось, что союз не направлен против какого-либо государства. Последнее было сделано для того, чтобы избежать подозрений в отношении Пруссии. Впрочем, правители ряда малых княжеств, например Саксен-Ангальта, Саксен-Веймара и некоторых других, испытывали недоверие к Пруссии. Тем не менее, как отмечает К. О. Аретин, Княжеский союз стал «гениальным достижением старого прусского короля», поскольку обеспечивал существование Пруссии после его смерти и наносил Иосифу II такой удар, от которого тот не мог уже больше оправиться [52].

С другой стороны, Княжеский союз 1785 г. ограничивал и возможности наступательной политики самой Пруссии, которая уже больше не могла выйти из своих границ, что вызвало разочарование ее потенциальных союзников, прежде всего Великобритании. Пруссии оставалось надеяться на изменение курса российской политики. Неустойчивая политика Австрии и происки Франции против усиления российского влияния в Юго-Восточной Европе давали шансы Лондону и Берлину склонить Петербург на свою сторону. Идея Фридриха II заключалась в том, чтобы Россия отвлекалась от германских дел и не могла в союзе с Австрией выступить против Пруссии [53]. Вступление в Княжеский союз эрцканцлера Империи курфюрста Майнцского Фридриха Карла фон Эрталя во многом укрепило позиции союза, но это был шаг по пути развала Империи. Сам Фридрих Карл фон Эрталь был фебронианистом, т. е. сторонником католического Просвещения и сближения католицизма с протестантизмом. Именно эту цель он и преследовал, вступая в Княжеский союз. Но даже с точки

inslav

зрения собственного выдающегося политического положения в Империи он сделал ошибку. Будущее ослабление Империи означало низведение курфюрста Майнцского до положения только майнцского архиепископа и владетеля маленького территориального государства [54].

IX

Для императора Иосифа II это был тупик, конец в политике имперских реформ. Даже те имперские чины, которые не вступили в Княжеский союз, ожидали с его стороны новых угроз своему положению. Никто в Европе не хотел изменений в имперской конституции, являвшейся основой европейского равновесия. Но потеря доверия к Австрии со стороны имперских чинов означала ослабление позиций императора внутри Империи. Получилось так, что все проекты имперских реформ, широко дебатировавшиеся в публицистике, повисли в воздухе, а положение в Империи теперь целиком зависело от позиций малых князей, отнюдь не стремившихся к каким-либо изменениям. Как заметил Ф. Пресс, Княжеский союз был венцом имперской политики Фридриха II. Император убедился, что курфюрсты объединились против него. Однако для уничтожения Священной Римской империи потребовались победоносные походы французских революционных армий. Тем не менее, последний триумф прусского короля приблизил ее к гибели [55].

Прусско-французский союз прекратил свое существование уже в сентябре 1787 г. в результате прусской интервенции в Голландию для противодействия французской армии. Княжеский союз укрепил связи с Голландией и получал финансовую поддержку от Великобритании. Франция как союзница Иосифа II была дискредитирована, а в Империи начала расти франкофобия. Французское политическое влияние в землях Империи было сведено к нулю. Уже во время Французской революции вновь возникла идея Княжеского союза, но уже в другой, антифранцузской форме. Разрыв франко-австрийского союза был неизбежным следствием Французской революции. Ставший после смерти Иосифа II в 1790 г. императором его брат Леопольд II начал проводить политику мира в Империи путем сближения с Пруссией [56].

Одним из результатов попыток раздела баварского наследства было усиление местного баварского патриотизма, что, в общем-то, отражало окончательное идеологическое завершение процесса обособления отдельных германских земель. Теперь императору и прусскому королю оставалось в конце XVIII в. делить не Баварию, а именно Польшу [57]. Неудачные попытки проведения имперских реформ и усиления влияния Вены в Германии способствовали перемещению цен-

inslav

тра тяжести австрийской политики на юго-восток и восток Европы, где участниками большой политической игры становились также Пруссия и особенно Россия. Это обстоятельство хорошо осознавал сам Иосиф II , что видно из его письма к Кауницу от 26 августа 1788 г., в котором он подчеркивал, что Пруссия стремится к увеличению своих владений в Польше, тогда как сами поляки стремятся сохранить свое положение. Что касается России, то здесь Иосиф II бросает интересную фразу: «...с владениями, которые императрица действительно имеет, она ничего не боится, и она может всегда провести решительную войну против Порты» [58].

Дальнейший раздел Польши и завоевания в Юго-Восточной Европе оставались единственным реальным путем укрепления именно Австрии, а не Священной Римской империи. Но и Пруссия могла расширяться только за счет разделов Польши. Путь от Тешенского мира до Княжеского союза 1785 г. был определяющим в смысле решения судеб Священной Римской империи, началом ее конца. Соперничество императора и прусского короля, австро-прусское противостояние ускорили кризис Империи и приблизили ее конец. Оставалось поставить последнюю точку в ее истории. В самой Империи сделать это не мог никто. Оставалось ждать Наполеона.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Th. Nipperdey*. Deutsche Geschichte 1800–1860. Burgerwelt und starker Staat. München, 1983. S. 11.

2 *K. O. von Aretin*. Das Reich. Friedensgarantie und europaisches Gleichgewicht 1648–1806. Stuttgart, 1992. S. 327.

3 *Ch. Ingrao*. War and Legitimation in Germany in the revolutionary // Age Reich oder Nation? Mitteleuropa 1780–1815 / Hg. v. H. Duchhardt und A. Kuntz. Mainz, 1998. S. 3.

4 *H. Duchhardt*. Grundmuster der internationalen Beziehungen in der Frühen und Späten Neuzeit // Strukturwandel internationaler Beziehungen. Zum Verhältnis von Staat und internationalem System seit dem Westfalischen Frieden / Hg. v. J. Siegelberg und K. Schlichte. Düsseldorf, 2000. S. 83–84.

5 *H. Duchhardt*. Reich und europäisches Staatensystem seit 1648 // Alternativen zur Reichsverfassung in der Frühen Neuzeit? / Hg. v. V. Press. München, 1995. S. 186–187.

6 *V. Press*. Das Reich in der deutschen Geschichte // *Idem*. Das Alte Reich. Berlin, 1997. S. 49–50, 60–61.

7 *E. Buddruss*. Die französische Deutschlandspolitik 1756–1789. Mainz, 1995. S. 292–293.

8 *K. O. von Aretin*. Das Alte Reich. Bd. 3. Das Reich und der österreichisch-preussische Dualismus (1745–1806). Stuttgart, 1997. S. 173–179.

inslav

9 *A. Wolf.* Geographie und Jurisprudenz-Historia und Genealogie. Zum «Theatrum praetensionum... in Europa». Ius Commune. Bd. 14. Frankfurt am Main, 1987. S. 244–245.

10 *R. Kann.* Ideengeschichtliche Bezugspunkte der Aussenpolitik Maria Theresias und ihrer Söhne (1740–1792). Österreich im Europa der Aufklärung. Bd. 1. Wien, 1985. S. 564, 566.

11 Обзор этих точек зрения см.: *D. Beales.* Die auswärtige Politik der Monarchie vor und nach 1780: Kontinuität oder Zäsur // Österreich in Europa der Aufklärung. Bd. 1. S. 567 passim.

12 *K. O. von Aretin.* Heiliges Römisches Reich 1776–1806. Reichsverfassung und Staatssouveranität. Bd. 1. Wiesbaden, 1967.

13 *E. Donnert.* Joseph II und Katharina II. Ein Beutrag zu Österreichs Russland- und Orientpolitik 1780 bis 1790 // Österreich in Europa der Aufklärung. Bd. 1. S. 582.

14 *Ch. Ingrao.* The Habsburg Monarchy 1618–1815. Cambridge, 1994. P. 192–193.

15 *J. Kunisch.* Der Aufstieg neuer Grossmächte im 18. Jahrhundert und die Aufteilung der Machtsphären in Ostmitteleuropa // Staatskanzler Wenzel Anton von Kaunitz-Rietberg. 1711–1794. Neue Perspektiven zu Politik und Kultur der europäischen Aufklärung / Hg. v. G. Klingenstein und F. Szabo. Graz, Esztergom, Paris, N. Y., 1996. S. 89.

16 *H. Scott.* Kaunitz and the Western Powers after the Seven Years War // Staatskanzler Wenzel Anton von Kaunitz-Rietberg... S. 114–115.

17 *L. Schilling.* Kaunitz und das Renversement des Alliances. Studien zur aussenpolitischen Konzeption Wenzel Antons von Kaunitz. Berlin, 1994. S. 14–15, 380.

18 *H. Duchhardt.* Balance of Power und Pentarchie. Internationale Beziehungen 1700–1785. Paderborn, München, Wien, Zürich, 1997. S. 118–119, 121.

19 *K. O. Von Aretin.* Das Alte Reich... Bd. 3. S. 117, 118, 122.

20 *H. Duchhardt.* Op. cit. S. 155, 164–165.

21 См. подробнее: *G. Haug-Moritz.* Corpus Evangelicorum und deutscher Dualismus // Alternativen zur Reichsverfassung... S. 189–205.

22 *K. O. von Aretin.* Op. cit. S. 178–182, 207.

23 *F. Althoff.* Untersuchungen zum Gleichgewicht der Mächte in der Aussenpolitik Friedrichs des Grossen nach dem Siebenjährigen Krieges (1763–1786). Berlin, 1995. S. 54–55, 100–101.

24 *K. O. von Aretin.* Op. cit. S. 116–117.

25 См. подробнее: *Ю. Е. Ивонин.* Эволюция имперской политики Баварии в XVI–XVIII вв. // История и историография: зарубежные страны. Брянск, 2001. С. 48–64.

26 *H. Duchhardt.* Op. cit. S. 210–211, 213–214.

27 *V. Press.* Bayern am Scheideweg. Die Reichspolitik Kaiser Joseph II und der Bayerische Erbfolgekrieg 1777–1779 // *Idem.* Das Alte Reich... S. 289–291.

28 *H. Duchhardt.* Op. cit. S. 384–386; *E. Buddruss.* Op. cit. S. 226–227.

inslav

29 Maria Theresia und Joseph II. Ihre Correspondenz sammt Briefe Joseph's an seinen Bruder Leopold / Hg. v. A. R. Arneth. Bd. 2. Wien, 1867. S. 215.

30 *K. O. von Aretin*. Op. cit. S. 192; *F. Althoff*. Op. cit. S. 178.

31 *K. O. von Aretin*. Op. cit. S. 192–195; *E. Buddruss*. Op. cit. S. 242–246.

32 См. *П. Баумгарт*. Иосиф II и Мария Терезия // Кайзеры / А. Шиндлинг, В. Циглер. Ростов н/Д., 1997. С. 316–317; *В. Н. Виноградов*. Дипломатия Екатерины Великой // Новая и новейшая история. 2001. № 3. С. 149–150; *H. Duchhardt*. Op. cit. S. 387–388; *K. O. von Aretin*. Op. cit. S. 196–199.

33 *V. Press*. Op. cit. S. 318–319; *Г. А. Нерсесов*. Политика России на Тешенском конгрессе (1778–1779). М., 1988. С. 32–33, 74–75, 82–84, 129, 131, 135, 152.

34 Maria Theresia und Joseph II... Bd. 2. S. 313.

35 Ibid. Bd. 3. Wien, 1868. S. 191.

36 *K. O. von Aretin*. Op. cit. S. 200–201; *E. Buddruss*. Op. cit. S. 250–253.

37 *П. Баумгарт*. Указ. соч. С. 317; *F. Althoff*. Op. cit. S. 178–179; *H. Duchhardt*. Op. cit. S. 389.

38 *K. O. von Aretin*. Op. cit. S. 325–326.

39 *F. Althoff*. Op. cit. S. 180.

40 *E. Buddruss*. Op. cit. S. 294.

41 *K. O. von Aretin*. Op. cit. S. 336.

42 *F. Althoff*. Op. cit. S. 183 etc.; *K. O. von Aretin*. Op. cit. S. 205–207; *E. Buddruss*. Op. cit. S. 258–259; *V. Press*. Op. cit. S. 322–332.

43 Joseph II, Leopold II und Kaunitz. Ihr Briefwechsel / Hg. v. A. Beer. Wien, 1873. S. 51–52.

44 *H. Scott*. Op. cit. P .115.

45 *H. Duchhardt*. Op. cit. S. 389–390; *E. Donnert*. Op. cit. S. 582–583; *K. O. von Aretin*. Op. cit. S. 208–209, 211–212; *F. Althoff*. Op. cit. S. 200–201; *V. Press*. Friedrich der Grosse als Reichspolitiker // *Idem*. Das Alte Reich... S. 282–283.

46 *K. O. von Aretin*. Op. cit. S. 216–217, 224–226.

47 См. подробнее: *А. С. Трачевский*. Союз князей и немецкая политика Екатерины II, Фридриха II и Иосифа II. 1780–1790. СПб., 1877.

48 *K. O. von Aretin*. Op. cit. S. 341–342,346; *H. Duchhardt*. Op. cit. S. 391–392.

49 *H. Duchhardt*. Op. cit. S. 393–394.

50 *K. O. von Aretin*. Op. cit. S. 299, 302–303, 307–310.

51 Ibid. S. 300–301, 310–311; *E. Buddruss*. Op. cit. S. 278–280, 282–283, 296.

52 *K. O. von Aretin*. Op. cit. S. 312–317; *E. Buddruss*. Op. cit. S. 281; *D. Stievermann*. Der Fürstenbund 1785 und das Reich // Alternativen... S. 209–211.

53 *F. Althoff*. Op. cit. S. 260–261.

54 *K. O. von Aretin*. Op. cit. S. 328–329.

55 Ibid. S. 330–333; *V. Press*. Op. cit. S. 286.

56 *E. Buddruss*. Op. cit. S. 284, 286–288, 297; *D. Beales*. Op. cit. S. 573.

57 *V. Press*. Bayern am Scheideweg... S. 325.

58 Joseph II, Leopold II und Kaunitz... S. 310.

inslav

Зофья Зелиньска
(Варшава)

РОССИЙСКИЙ ПОСОЛ В РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ ОТТО ШТАКЕЛЬБЕРГ И ПОЛЬСКАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ ЗА БАВАРСКОЕ НАСЛЕДСТВО *

В книге, всесторонне освещающей положение Польши в период войны за баварское наследство, Ежи Михальский исследовал главные цели Пруссии, Австрии и прежде всего России в отношении Речи Посполитой [1]. В представленной статье мы хотели бы проиллюстрировать отношение России к Польше некоторыми дополнительными примерами, почерпнутыми в российских архивах. Они позволяют, как нам кажется, более точно осветить главным образом позицию посла О. Штакельберга, для анализа которой Е. Михальский не располагал в достаточной мере источниками [2], что в свою очередь позволяет более детально рассмотреть политику Петербурга в связи с перспективой реформ государственного строя Речи Посполитой и заключения польско-русского союза.

I

Неослабевающее после заключения мира в Кючук-Кайнарджи напряжение в отношениях между Россией и Турцией еще более усилилось в начале 1777 г. Считаясь с возможностью новой русско-турецкой войны, Штакельберг в начале ноября 1777 г. обратился к польскому двору с инициативой, которая в случае возникновения нового восточного конфликта могла бы гарантировать Россию от восстания в Польше, подобного Барской конфедерации.

Посол предлагал сформировать на полном российском обеспечении четырехтысячный кавалерийский корпус, который вобрал бы в себя и удерживал под своим контролем бунтующие элементы польской шляхты. Командовать им, по мнению Штакельберга, мог бы князь Сулковский (очевидно, Август). Вероятно, послу принадлежала

---

* Статья подготовлена автором по материалам кн.: *Z. Zielińska*. Studia z dziеów stosunków polsko-rosyjskich w XVIII wieku. Warszawa, 2001 (для публикации на русском языке).

inslav

также идея поселить кавалеристов после окончания войны на приобретенных Россией новых территориях [3]. Комплектование корпуса должно было проходить до начала войны, ибо в «занятии» неспокойных элементов Штакельберг видел средство, способное предотвратить «возможную революцию» в Речи Посполитой [4].

В ответе, которого русскому послу пришлось ждать три месяца, Екатерина II изменила первоначальный замысел, поддержав идею включения в российскую армию польского вспомогательного корпуса. «L'impératrice seroit dans l'intention en cas que la guerre avec les Turcs ait lieu, — сообщал послу руководитель российской внешней политики и шеф Коллегии иностранных дел Н. И. Панин, — d'avoir dans ses armees un corps de troupes polonoises <...>; il lui paroît de tout point préférable qu'elle put avoir un corps des troupes polonoises à titre d'auxiliares».

Задача Штакельберга состояла в том, чтобы выяснить отношение к этому проекту короля Станислава Августа и польского министерства и оценить реальные возможности его осуществления [5]. Специальный фрагмент депеши определял правовую основу, на которой мог бы быть реализован российский замысел; «Quoiqu'il n'y ait point entre les deux cours de traité qui porte expressement une réclamation de secours et qui en détermine la force, — подчеркивал российский министр, — si les esprits et les volontés etoient bien disposés, il seroit aussi facile que naturel d'interpréter dans ce sens et d'appliquer à une alliance défensive l'article II de notre traité de 1768, portant la garantie réciproque des possessions des deux parts» [6]. Императрица, стало быть, заранее отвергала союз России с Польшей в качестве правового основания для формирования в Польше вспомогательной армии. Зондируя отношение польского короля к российскому плану, посол должен был тщательно избегать всего «qui ait l'air d'une demande de secours, ni qui fasse présumer qu'il vous ait été commande d'ici de faire quelques insinuations tendants à cette fin». Участие польского вспомогательного корпуса в войне на стороне России должно было носить характер предложения услуг со стороны Варшавы [7]. Речь шла, очевидно, о том, чтобы использование Петербургом польской армии не связывало бы Россию никакими обязательствами в отношении Речи Посполитой.

Если же посол полагал, что и в этом случае план создания польского вспомогательного корпуса был бы осуществим, то тогда в Петербурге хотели бы знать, какое значение идея формирования на российские средства четырехтысячного отряда кавалерии «tant pour la tranquillisation de la République, que pour les vues politiques à l'avenir» (имела бы как для спокойствия Республики, так и для политических видов на будущее). Об этом ему предписывалось прямо донести своему двору. Все детали, касающиеся формирования такого отряда, были бы поэто-

inslav

му країне необходимы, даже если бы план создания вспомогательного корпуса осуществить было невозможно. Российскую инициативу следовало сохранять в глубокой тайне. Посол должен был сориентироваться, «si le prince Sulkowski ou tels autres qui entreroient dans l'entreprise, ne devroient pas d'eux-mêmes proposer le projet et faire leurs offres à notre cour, afin que l'idée ne parût pas venir d'elle et qu'on aperçût moins évidemment les vues politiques qu'elle renferme pour notre influence à l'avenir» (не содержит ли это сделанное нам предложение какие-либо скрытые политические виды, опасные в будущем для нашего влияния) [8]. Петербург был заинтересован не только в том, чтобы не брать на себя никаких обязательств в отношении поляков, но и в том, чтобы не раскрывать подлинной цели формирования вспомогательного корпуса, который должен был способствовать сохранению в Польше российской «инфлюэнции» и недопущению волнений, аналогичных Барской конфедерации.

Очевидно, что замысел придать польской армии, сражающейся вместе с Россией, характер вспомогательного корпуса был рассчитан и на Турцию. Он позволял Екатерине II, не беря на себя никаких обязательств в отношении Речи Посполитой, добиться присоединения шляхетской республики к антитурецкому лагерю. А это в свою очередь означало бы легитимность пребывания в Польше российской армии и давало бы право союзникам принудить польское правительство к враждебным действиям против Порты, в частности к введению запрета на экспорт в Турцию продовольствия. Одновременно это затруднило бы для польских «возмутителей» получение помощи от Стамбула.

Инструкции Панина встретили возражения у Штакельберга. Посол начал с обоснования преимуществ замысла создания отряда кавалерии, рекрутированного Россией и взятого ею на полное содержание, по сравнению с идеей вспомогательного корпуса. Ссылаясь на главные цели своей миссии – «d'épargner à l'impératrice toute espèce d'embarras du côté de la Pologne en maintenant son influence et la tranquillité» (избавить императрицу от любых затруднений со стороны Польши, поддерживая там спокойствие и свое влияние), дипломат подчеркивал, что он предложил создать четырехтысячный отряд кавалерии не столько в помощь русской армии (пригодность его в этом качестве была бы весьма сомнительна), сколько с намерением «de purger ce pays-ci d'un essaim de fainéans et de désespérés, prętsà se livrer au premier tocsin de la révolte» (очистить эту страну от роя бездельников, в отчаянии готовых предаться первому призыву к мятежу) [9].

И если осуществление идеи Штакельберга не требовало никаких начинаний политического свойства, то создание в Польше вспомогательного корпуса влекло за собой нарушение принципов российской

inslav

«системы» — политики Екатерины II в отношении Речи Посполитой. «Pour des bonnes raisons connues à V. E. et fondées sur notre système en Pologne, — напоминал Штакельберг Панину, — la consistance du gouvernement ne va pas jusqu'à présenter la moindre facilité pour la conclusion d'un traité d'alliance et de subside» (По хорошо известным Вам основаниям и руководствуясь нашей системой в Польше положение правительства недостаточно прочно, и пока нет благоприятных условий для заключения союзного договора и соглашения о субсидиях). Поэтому понадобился бы сейм, которым весьма трудно было бы управлять, «vu les dispositions et la fermentation des esprits que nous n'avons contenues et dirigées vers notre but jusqu'à présent que par des remèdes violens, comme les diètes de confédération», что делалось, как писал Штакельберг, до сих пор силой при помощи конфедеративных сеймов.

В сложившихся условиях Россия была заинтересована в успокоении, а не в обострении политической ситуации в Речи Посполитой «et surtout de montrer aux mécontens la perspective de rentrer par des diètes libres dans cet ancien Etat de liberté, toujours précieux aux vrais patriotes et dont nous ne devons pas les dégoûter». Не возражая открыто против намерений использовать польско-российский трактат о гарантии государственного строя Речи Посполитой 1768 г. в качестве правовой основы для предоставления Польшей вспомогательного корпуса в случае возможных действий России против Порты, Штакельберг подчеркивал отсутствие полномочий у короля и министерства Речи Посполитой для принятия необходимых для этого постановлений. Посол считал исключаемый императрицей союз Петербурга с Варшавой неизбежным итогом предлагаемого ему Паниным варианта. Наряду с этим он указывал на другое противоречие: для заключения союза необходим был созыв конфедеративного сейма, а интересы России требовали созыва свободного сейма и демонстрации оппозиционным Станиславу Августу кругам в Речи Посполитой, что Россия продолжает оставаться защитницей польских «свобод» [10].

Другая сложность, особо подчеркиваемая Штакельбергом в связи с идеей вспомогательного корпуса, касалась проблемы увеличения численности польской армии. Напомнив, что Россия сознательно позаботилась, чтобы та не превышала определенного количества войск, необходимого для борьбы с гайдамаками, посол указал, что формирование вспомогательного корпуса уже означало бы создание регулярной армии. Ее использование — учитывая плачевное состояние финансов Речи Посполитой — было бы связано с большими расходами. А раз так, рассуждал Штакельберг, не лучше ли заплатить за набранный Россией кавалерийский корпус, «en appliquant cette démarche non seulement au système de ne pas remuer et ébranler cette machine

inslav

encore délicate, mais aussi de perpétuer, si nous voulons, l'utilité de ce corps pour des objets purement civils après la guerre» (используя его не только для того, чтобы не затрагивать и не расшатывать еще не вполне налаженный механизм [русской политики в Польше], но также, чтобы навсегда, если будет такое намерение, сохранить указанный корпус для влияния на внутренние гражданские дела [в Речи Посполитой] после войны) [11].

В этом случае, по мнению посла, исчезла бы опасность нарушения той пока еще весьма деликатной конструкции, составлявшей политическую систему, введенную в Польше Екатериной II. Сообщая о предпринятых им ранее шагах для привлечения на свою сторону бывших вождей Барской конфедерации, в частности Антония Пулавского и Юзефа Мончиньского, посол выражал убеждение, что те приведут за собой и других. В заключение он указал на связь этих начинаний с главными целями своей миссии: «J'ai prié V. E., — обращался он к Панину, — de se souvenir que mon premier principe pour tenir cette machine en paix pendant la guerre est d'occuper tous les fous et vagabonds, en les enrôlant par des engagemens avec leurs chefs» (Я просил бы Вас припомнить, что мой первый принцип состоит в том, чтобы удерживать эту систему в мире, занимая во время войны все безумные и бродячие элементы, завербовав их вместе с их руководителями). Штакельберг добавлял, что для поддержания в Польше спокойствия необходима комбинация нескольких средств, и, по просьбе Панина, давал характеристику генералу австрийской службы Сулковскому, которого он прочил в командующие корпусом. В конце он указал на ряд других деталей, необходимых для осуществления задуманного предприятия.

Обрисовал Штакельберг и альтернативный сценарий. «Malgré toutes mes objections très fondees, — рассуждал посол, — parmi lesquelles je n'ai pas compté les conditions très pernicieuses d'augmentation de pouvoir, que le roi mettoit, et malgré tout mon éloignement d'agiter ce gouvernement, il est des circonstances où, n'ayant plus à menager des considérations moins importantes, il faut en venir aux extrémités. C'est pour des cas pareils <...> qu'il seroit utile de m'envoyer des pleinpouvoirs éventuels pour conclure avec les états un traité d'alliance offensive et défensive, en promettant à la Pologne la conquête de la Moldavie et de la Vallachie. D'aussi grands objets faciliteroient la direction de l'opinion générale et si même la réalisation s'en suivoit, je n'y trouverois rien de préjudiciable aux intérêts de l'Empire» (Несмотря на все мои весьма обоснованные возражения, среди которых я не принимал во внимание опасности увеличения власти короля, инициированного им, и несмотря на мое удаление от всего, что перетряхнуло бы систему управления [в Речи Посполитой], имеются обстоятельства, заслуживающие

inslav

прилежного обдумывания, не впадая в крайности. Именно в таком крайнем случае было бы полезно предоставить мне полномочия, чтобы заключить с державами [Польшей и Литвой] наступательный и оборонительный союзный договор, обещав при этом Польше завоеванные Молдавию и Валахию. Такое большое дело повлияет на направление умов и не нанесет, по общему мнению, ущерба интересам Империи) [12].

Если сопоставить соображения Штакельберга с последующими аналогичными проектами 1787–1788 гг., то, как мы полагаем, предвосхищенный послом проект польско-российского союза и возможные территориальные приобретения Варшавы были бы связаны с участием Речи Посполитой в русско-турецкой войне. Такое участие рассматривалось как гарантия недопущения в Польше антироссийских волнений. Сейм, который мог бы заключить с Россией союзнический договор, естественно, должен был быть созван при конфедерации. Предусмотренное послом расширение королевских прерогатив, хотя и расценивалось им как крайняя уступка настояниям Станислава Августа, давало бы гарантию, что польский король сможет контролировать сейм и что спокойствие в Польше не будет нарушено.

Очевидно, что вариант польско-российского союза, предлагаемый Штакельбергом в качестве крайнего средства в случае войны России с Турцией, появился в результате переговоров посла с королем. Однако известно, что в войне с Турцией Станислав Август видел шанс для «активизации» и усиления Польши, о чем король и вел беседы с «проконсулом» [13]. Альтернативный сценарий, который Штакельберг считал наиболее желательным, напротив, строился исходя из пассивности Речи Посполитой в период русско-турецкого конфликта. Обеспечить гарантию от вспышки антироссийских волнений должны были, с одной стороны, формирование корпуса легкой кавалерии из числа склонных к бунту шляхтичей, а с другой — свободный сейм, который удовлетворил бы оппозицию и усилил бы ее доверие к России как защитнице польских «свобод». Иной, третий вариант обдумывали Екатерина II и Панин: допуская возможность создания польского вспомогательного корпуса при сражающейся в Турции российской армии, они заранее исключали возможность союза Петербурга с Варшавой, а стало быть, и возможность политических выгод для Речи Посполитой в случае участия последней в войне.

Молчание, которым императрица отреагировала на февральское предложение посла, означало отказ как от замысла использовать польский вспомогательный корпус, так и от идеи набора в Польше корпуса легкой кавалерии. Еще в большей степени неодобрение Екатерины II относилось к предлагаемому Штакельбергом средству на крайний случай — союзу Польши с Россией и участию Речи Посполитой в войне

inslav

с Турцией. Так или иначе, но никаких полномочий для заключения союза посол не получил.

II

Весной 1778 г. ввиду ожидавшейся прусско-австрийской войны Штакельберг, несмотря на отсутствие ответа от Екатерины II, вновь вернулся к вопросу о наборе в Польше корпуса легкой кавалерии. В очередной раз он подчеркивал необходимость «diriger vers un but, d'occuper la multitude des gentilhommes, qui, au défaut de cela, se jeteront dans les bras du premier venu, en faisant un esclandre dont le remède nous coûtera infiniment plus cher que la levée de ce corps» [14]. Не дождавшись одобрения своих планов императрицей, он предлагал по крайней мере взять на российское содержание некоторых бывших участников Барской конфедерации, «pour lier et attacher encore la nation par ce moyen-là» (чтобы связать и привязать к себе тамошнюю нацию). Он рассчитывал при этом, что при необходимости именно через этих людей можно будет «faire ici des levées considérables, lorsqu'ils seront une fois à notre service» (снять напряженность, привлекая их всех к себе на службу) [15]. Но и на это никакого ответа не последовало.

Одновременно с мерами в военной сфере, направленными на обеспечение спокойствия в Речи Посполитой, Штакельберг начал подготовку к созываемому в октябре 1778 г. очередному сейму. Уже в феврале он высказался за вольный (свободный) сейм, т. е. сейм без конфедерации, на котором в полном объеме действовало бы правило liberum veto (вольного голоса). Штакельберг полагал, что в связи с «брожением умов» интересы России в отношениях с поляками, «qui sont encore malades» («которые еще больны» — это выражение было в депеше подчеркнуто послом), требовали «de les tranquilliser, de leur éviter le choc des opinions dans une diètę et surtout de montrer aux mécontens la perspective de rentrer par des diètes libres dans cet ancien Etat de liberté» (успокоения умов, избежания шока мнений на сейме и главным образом демонстрации недовольным перспективы возвращения свободы на сеймах в этом прежде свободном государстве) [16].

Считая созыв свободного сейма одним из способов обеспечения спокойствия в Речи Посполитой, посол вместе с тем знал, что именно такой сейм нужен был русской императрице [17]. Станислав Август, напротив, рассчитывал на образование очередной конфедерации и созыв конфедеративного сейма, на котором решения принимались бы большинством голосов, чтобы добиться ввиду ожидаемой русско-турецкой войны «активизации» Польши. Поскольку Штакельбергу в ходе переговоров не удалось убедить польского короля в необходимости созыва

inslav

свободного сейма [18], то в мае посол обратился за помощью к своему двору. «Je supplie V. E., — писал он Панину, — de m'écrire une lettre ostensible par laquelle je pourrois convaincre le roi de Pologne de la volonté décidée de l'impératrice de rendre la diète libre en cas que des circonstances extraordinaires et des troubles ne nous obligeassent de pérpétuer encore pour cette fois-ci l'état convulsif de la République» (Я умоляю Вас прислать мне письмо, в котором были бы явно выражены решительные желания императрицы провести свободный сейм, чтобы я смог убедить короля Польши, как бы, в противном случае, чрезвычайные обстоятельства и беспорядки не ввергли Республику и на этот раз в конвульсивное состояние) [19].

Подчеркивая в приложенном к депеше «частном письме» необходимость такого доказательства воли императрицы, посол объяснял, что «lettre ostensible» позволило бы сохранить важные для его политической линии хорошие отношения с королем, несмотря на неодобрение Станиславом Августом идеи свободного сейма [20]. Посол при этом недвусмысленно заявил, что он является противником якобы имевшихся устремлений польского короля к абсолютизму, и изложил причины, по которым России необходимо примириться с оппозицией. «Dans l'embarras et l'incertitude où je me trouve dans ce nouvel Etat de chose en Pologne, occasionné par la rupture apparente des cours de Vienne et de Berlin et l'interruption décidée du conseil des trois puissances, V. E. sent bien, — обращался Штакельберг к Панину, — combien il est dans mon rôle de tranquilliser et de me concilier les esprits en raffermissant les bienintentionnés et en ménageant les douteux, afin que tous les partis se réunissent sous la protection et l'étendard de la Russie» (В затруднении и сомнении, вызванном нынешним состоянием дел в Польше, а также очевидным нарушением [политического] курса Вены и Берлина и разрывом в согласии трех держав, Вы чувствуете, сколь это влияет на мою миссию по успокоению и примирению умов [в Польше], для укрепления благонамеренных и склонению сомневающихся, чтобы все партии собирались под протекцией и знаменем России).

Далее посол напоминал, что Иероним Радзивилл, присоединившись к коронному гетману Ксаверию (Франтишку Ксаверию) Браницкому, «подарил» свою партию России, «pour tout ce qui peut arriver», и что они оба рассчитывали склонить к тому же «импульсивного и фанатичного» гетмана польного коронного Северина Ржевуского. Штакельберг заявлял, что считал своим долгом не принуждать этих людей, «le principe de ramener tous les partis à la Russie devant surtout être la base de mes démarches actuelles». «D'ailleurs, — подчеркивал он главную мысль своего обращения к оппозиции, — le parti et l'attachement des grands généraux, dès qu'ils se soumettent aux bornes qui leurs sont

inslav

prescrites, deviennent-ils nécessaires pour le maintien du gouvernement libre, qui nous importe tant» (Впрочем, партия и ее многочисленные приверженцы, как только они подчиняются предписанным границам, становятся необходимыми для сохранения свободного правительства, которое обращается к нам [за протекцией]). Тезис о неизбежности оппозиции гетманов трону сопровождался в письме Штакельберга доносом на Станислава Августа, якобы стремившегося «сверх всякой меры» к конфедеративным сеймам и предававшего «un système formè pour que les confédérations en diètes deviennent une habitude», что означало, по словам посла, упрочение принципа голосования большинством и отказ от республиканской формы правления в пользу абсолютной власти монарха [21]. Вместе с тем Штакельберг не исключал проведения сейма при конфедерации, если бы к этому склонило Россию развитие международной ситуации [22]. Правда, в этом случае в качестве главного для Петербурга мотива он называл необходимость сохранения спокойствия в Польше, а не какую-либо позитивную программу.

В соответствии с изложенной концепцией, в конце мая 1778 г. Штакельберг предпринял первые шаги по сближению с руководителями магнатской оппозиции, заверяя их в своих намерениях довести дело до созыва свободного сейма и обеспечить свободные выборы послов на сеймиках [23]. Следующим элементом этой тактики стало широкое распространение в обществе мнения русского посла с осуждением упомянутых якобы абсолютистских устремлений Станислава Августа, который — к неудовольствию России — будто бы позволил себе рассматривать конфедеративные сеймы как удобный инструмент для ограничения шляхетских свобод [24]. Эти шаги дополнялись прямыми нападками Штакельберга на короля, с обвинениями того в недостаточно лояльном отношении к России и ее послу, с подозрениями в замысле государственного переворота. «Проконсул» грозил при этом новым разделом Польши [25].

Уже после начала австро-прусской войны за баварское наследство и ввиду ожидаемого скорого вооруженного конфликта Турции с Россией Штакельберг подвел итоги своим усилиям, направленным на проведение свободного сейма и на привлечение на свою сторону оппозиции. Как и Станислав Август, русский посол питал иллюзии относительно возможности для Польши выйти из состояния бездействия, однако, в отличие от польского короля, такая надежда присутствовала в его рассуждениях отнюдь не в столь определенном виде [26]. Штакельберг отмечал, что этот вариант предусматривал только «pour le cas que les choses restent dans l'assiette présente. Si, au contraire, toutes ces mesures de douceur et de patience ne désarment point l'esprit de trouble et de révolte et que la confédération de Bar se renouvèle, je n'attendrai

inslav

pas l'époque de la diète, — давал знать о своих намерениях посол, — pour en faire une ici avec le roi, le Conseil et le ministère et je ne la dissoudrai pas jusqu'au rétablissement du calme, afin de pouvoir par l'autorité souveraine de la République assemblée prendre des mesures vigoureuses et convenables. Peut-être, — предостерегал он, — tout cela ne sera-t-il nécessaire; mais comme il vaut mieux prévenir les événemens que de se laisser entraîner par leur torrent, je renouvèle à V. E. ma prière de m'envoyer un pleinpouvoir de conclure avec le roi et la République un traité d'alliance offensive et défensive, aussi que la minute de traité, où la somme des subsides pour lever des troupes et les faire agir en cas de guerre avec les Turcs devra être fixée» (Пока еще ситуация не получила своего развития, и если, напротив, все эти меры мягкости и терпения никого не разоружат, а дух тревоги и мятежа возродит время Барской конфедерации, я не буду ожидать сейма, чтобы действовать совместно с королем, Советом и министерством. Я буду продолжать эти совместные действия вплоть до восстановления спокойствия, чтобы суметь суверенной властью собранной [на сейме] Республики принять меры сильные и приемлемые. Может быть, полностью это не будет необходимым; но следует предупреждать события, а не позволять увлечь себя их потоком. Моя просьба — послать мне полномочия для заключения с королем и Республикой наступательного и оборонительного союзного договора, а также его утвержденный текст и инструкции относительно суммы субсидий, чтобы поднять войска и заставлять их действовать в случае войны с турками) [27].

В середине июля 1778 г., уже после начала прусско-австрийской войны и ввиду возможного столкновения между Россией и Турцией, Штакельберг, подтверждая главную цель своих начинаний — сохранение спокойствия в Польше, напомнил о возникшей в связи с этим еще в феврале альтернативе: созыва свободного сейма или же — чрезвычайного сейма при конфедерации. Посол считал первый вариант, предусматривающий совместные действия с оппозицией, наиболее желательным, но одновременно хотел бы обеспечить себе возможность осуществления и противоположного сценария с помощью короля, Постоянного совета и министерства, не дожидаясь созыва очередного сейма. В случае неизбежности второго варианта Штакельберг просил полномочий для заключения наступательного и оборонительного союза со сконфедерированной Речью Посполитой, предусматривавшего предоставление субсидий Польше для набора и содержания направляемых против Турции войск. В свете этих фактов повторенная послом просьба о «lettre ostensible», которое подтвердило бы, что Екатерина II настаивает на созыве свободного сейма, приобретала особое значение. Это послание не только позволило бы Штакельбергу готовить

inslav

свободный сейм, но и поддержать иллюзии Станислава Августа, что сам посол якобы искренне намерен содействовать королевским планам проведения сейма при конфедерации. Эти иллюзии имели бы особое значение в случае, когда созыв чрезвычайного сейма и образование конфедерации оказались бы необходимыми. Актуальность обоих вышеописанных политических вариантов объясняет неоднозначность адресованных полякам заверений Штакельберга, данных летом 1778 г. [28].

III

12 июля, за день до написания вышеприведенной депеши, когда послу стало известно об угрожающих передвижениях турецких войск на границе с Речью Посполитой, Штакельберг предпринял, наконец, некоторые шаги для подготовки польских войск к обороне, пока российская армия не придет им на помощь. «La bonne contenance des Polonois, outre qu'elle peut servir à les entraîner plus loin en cas que cela convient aux vues de l'impératrice, — намекал Штакельберг на возможный союз, — ne sauroit faire une impression défavorable ni sur les Turcs, ni sur les anciens confédérés de Bar, dont les émissaires se trouvent déjà à l'armée turque» (Хорошее отношение к полякам, кроме того, что оно может служить вовлечению [их] и далее [в военные действия], в случае если это будет согласовываться с видами императрицы, воспрепятствует вспышке враждебности как турок, так и бывших участников Барской конфедерации, эмиссары которых уже находятся в турецкой армии) [29].

Указывая на меры по предотвращению мятежных настроений бывших барских конфедератов, призванные также успокоить Турцию, посол вместе с тем в очередной раз обращался к идее набора в Польше корпуса легкой кавалерии, что позволило бы очистить край от ненадежных элементов [30]. По всей вероятности, именно со второй декады июля 1778 г., в период наибольшей угрозы русско-турецкой войны, посол стал демонстрировать перед Станиславом Августом нерасположение и подозрительность в отношении магнатской оппозиции [31]. Не дождавшись столь желаемого «lettre ostensible», Штакельберг, вероятно, именно таким способом пытался нейтрализовать то плохое впечатление, которое он вызвал у короля своим заигрыванием с недовольными.

Обострение отношений с Константинополем склонило петербургский двор к выступлению с инициативой по польским делам. Получив известие о намерениях турецкой армии вторгнуться на польское Подолье, чтобы оттуда атаковать Россию, воспользовавшись в качестве повода призывами неких барских конфедератов, Панин, ссылаясь на

inslav

прямое распоряжение императрицы, приказал Штакельбергу незамедлительно обратиться по этому вопросу к королю и Постоянному совету для принятия предупредительных мер. «Il nous paroît que le meilleur expédient que le gouvernement polonois ait à prendre pour cela, — предписывал российский министр, — est de lui [Турция] faire une insinuation ou même une déclaration formelle qu'un tel projet, si en effet elle le médite, est contraire aux droits des nations et aux principes de bon voisinage; que la Pologne ne sauroit voir avec indifférence l'invasion d'une armée turque dans ses possessions et que le séjour qu'y font nos troupes ne peut servir d'autorité à personne, attendu qu'elles n'y sont entrées qu'en vertu d'un traité d'alliance existant entre les deux Etats et qu'elles y sont demeurées tant pour couvrir nos frontières contre toute attaque étrangère, que pour établir et maintenir la tranquillité et le bon ordre dans la République même» (Мы считали бы лучшей хитростью, к которой польское правительство могло бы прибегнуть в этой ситуации, если Турция распространяет [соответствующие] слухи или даже объявит в формальной декларации о действительности такого замысла, противоречащего правам наций и принципам добрососедства; Польша не будет равнодушно наблюдать за вторжением турецкой армии в свои владения, а будет вынуждена призвать наши войска в силу союзного договора между двумя государствами; и что войска эти останутся здесь для прикрытия наших границ от всех иностранных вторжений и чтобы установить и поддерживать спокойствие и добрый порядок в Республике) [32]. К этой инструкции, в которой русскому послу поручалось добиться от польского короля признания законности пребывания русских войск в Речи Посполитой и адресованного Порте соответствующего официального заявления, Панин добавил постскриптум очень важного содержания. «Je dois vous confier, monsieur le comte, — писал он в доверительном тоне Штакельбергу, — l'idée de l'impératrice de mettre la cour de Pologne en droit et en nécessité de prendre part à notre guerre avec la Porte en cas que nos affaires l'exigeroient indispensablement et que les Turcs trouveroient le moyen d'occuper par ses [sic] troupes cette partie de Pologne qui fournit à la subsistance des nôtres. V. E. jugera donc elle-même que, vu cette intention de Sa Majesté Impériale, l'insinuation ou la déclaration seule à faire à la Porte n'est pas tout ce que nous pouvons désirer et qu'il faudra aussi en consequence des instructions aux commandants des troupes polonoises sur les frontières de la Turquie, ainsi qu'à celui de Kaminiek, qu'en cas de mouvements pareils sur le Dniester de la part des Turcs, ils aient l'ordre du gouvernement pour protester et se concerter avec le général commandant de nos troupes sur les mesures et les positions qu'ils auront à prendre, afin d'embarrasser aux Turcs, le plus qu'il sera possible, la facilité de s'établir de ce côté de

inslav

Dniester» (Я должен поручить Вам, господин граф, [осуществить] идею императрицы добиться юридически оформленного обязательства Польши принять участие в нашей войне с Портой. Это требование должно быть непременно осуществлено, если турецкие войска займут часть Польши, которая представляет для нас существенный интерес. Вы будете судить, таким образом, сами, исходя из намерения Ее Императорского Величества, [использовать ли] распространение слухов или направить Порте декларацию [польской стороны], однако это не все, чего бы мы желали. Следует, чтобы командиры польских войск на границах с Турцией, в частности в Каменце, получили точные инструкции, что в случае подобных движений на Днестре со стороны турок они имели бы приказ правительства оказать сопротивление и согласовать с главнокомандующим нашими войсками диспозицию и меры противодействия туркам, затруднившие бы для тех занятие этой стороны Днестра) [33].

Объявление о намерении России втянуть Речь Посполитую в русско-турецкую войну, сделанное в очень общей форме и с множеством оговорок, сопровождалось в письме Панина требованиями немедленных и конкретных действий с польской стороны. Но зато в нем не было ни слова о возможном союзе двух государств, ни обещания предоставить Штакельбергу испрошенные им еще в феврале 1778 г. полномочия для заключения союза. Положения письма Панина совпадали с концепцией, изложенной руководителем русской внешней политики еще в январе: польский вспомогательный корпус мог бы, без гарантий каких-либо политических выгод для Речи Посполитой, принять участие в войне, которую вела Россия.

Подчеркнув в шифрованном донесении, что большинство предписаний по сугубо военным вопросам, содержавшихся в переданной ему через курьера инструкции от 1/12 июля 1778 г., он своими начинаниями опередил [34], «afin d'entraîner la République vers une participation à notre guerre», посол переходил к связанным с этим политическим делам. «J'ai longuement exposé en son tems et dans différentes dépêches, — напоминал он, — que pour prendre à cet effet des engagemens formels, il faudroit une diète extraordinaire et confédérée, capable de prévenir [35] une révolution, que, malgré la fermentation de l'ancienne confédération de Bar, j'ai su contenir jusqu'a present. Mais si les Turcs tombent en Pologne, ou si la bonne contenance que j'ai fait prendre aux Polonois, produit une mésintelligence effective, V. E. peut compter que la chose étant dans ce cas, je suis tout preparé avec le roi à des engagemens tels, que l'impératrice les désire et pour lesquels il me faut d'avance des pleinpouvoirs, la minute du traité et l'autorisation de promettre à la Pologne des subsides et la Moldavie à la conclusion de la paix.; car la nation est lassée des traités

inslav

désavantageux qu'elle a conclus depuis un certain tems. Souvenez vous, monsieur le comte, qu'avec le gouvernement que notre système exige ici, il faut emmener habilement les événements, mais point les brusquer» [36]. Сознаваясь в соглашении со Станиславом Августом по вопросу о союзе Польши с Россией, в поддержке планов созыва необходимого для этого чрезвычайного сейма под узами конфедерации, Штакельберг вновь повторял просьбу о предоставлении ему полномочий, необходимых для заключения союза. Посол просил также прислать ему текст союзного договора и позволения обещать Речи Посполитой в случае войны с Турцией субсидии и Молдавию. Он в очередной раз дистанцировался от петербургской концепции места Польши в надвигавшемся русско-турецком конфликте. Штакельберг указывал, во-первых, что подлинное участие Речи Посполитой в войне возможно лишь после заключения союза. В этом случае подразумевалось, вероятно, и то, чтобы не требовать от Варшавы декларации в отношении Турции, на чем настаивала Екатерина II [37]. Во-вторых, посол предостерегал, что тяготы навязанной полякам войны, от которой те не получили бы выгод, могут привести к нежелательным последствиям. В связи с этим за словами о «невыгодных договорах, которых у нации и так достаточно», скрывался намек на раздел Польши. И наконец, — убеждал дипломат, — русская система в Польше должна основываться на примирении нации, а не на грубом принуждении. Судьба этих рекомендаций могла решиться только в Петербурге, посол же сосредоточился на вопросах, связанных с будущим свободным сеймом.

IV

Указывая, что уже на предыдущих сеймах Россия осуществила свои главные замыслы и теперь желала бы для себя, «que le principal but de la nation polonoise fut à l'avenir la tranquillité intérieure et le maintien du gouvernement libre et républicain» (чтобы главной целью польской нации стало в будущем внутреннее спокойствие и поддержание свободного республиканского правительства), Штакельберг, как и объявлял об этом заранее, не стал посылать войска на сеймики [38]. Посол пытался при этом («pour prévenir des troubles») в очередной раз склонить свой двор к согласию на набор корпуса легкой кавалерии. Правда, на этот раз волонтеров предполагалось брать не только из польских «бродяг», но также из австрийских и прусских дезертиров («en mettant à profit les fréquentes désertions autrichiennes et prussiennes et la quantité de vagabonds polonois»). Надеялся Штакельберг и на то, что известие о начале прусско-австрийских мирных переговоров успокоит бунтарские настроения [39]. Действительно, сеймики прошли спо-

inslav

койно и принесли решительный успех регалистам [40]. В конце августа 1778 г. посол, констатируя, что, благодаря свободе обсуждения на сеймиках, удалось добиться удовлетворения нации, предупреждал, что, несмотря на это, сейм определенно будет шумным и, возможно, вообще будет сорван. Но поскольку Россия на предыдущих сеймах уже провела все решения, в которых она была заинтересована, такую цену можно было заплатить за достижение главной цели: «de rendre d'un côté l'essor à la nation et d'adoucir de l'autre l'esprit de vertige et de trouble» (с одной стороны, воздать должное подъему нации, а с другой — и смягчать смятение разума и тревоги) [41].

Штакельберг, подчеркивая свою решимость в деле защиты польской свободы «dont la conservation importe aussi essentiellement à la politique de la Russie» [42], в сентябре 1778 г. демонстративно проявлял любезности по адресу руководителей магнатской оппозиции [43] и задолго до начала сейма довел дело до острого конфликта с королем. Начало конфликту положил визит к послу шефов оппозиции и их просьба о помощи в противодействии планам по избранию маршалом сейма Казимира Вольмера, хоронжего надв. лит., одного из самых активных сторонников подскарбия лит. Антония Тизенгауза. Противники двора жаловались и на самого Тизенгауза за якобы совершенные тем несправедливости и превышение власти. «J'ai reçu les frondeurs de ce choix, — сообщал Штакельберг, — en les assurant qu'ils trouveroient toujours dans les sentiments reconnus de l'impératrice un appui solide contre l'oppression et tout ce qui pouvoit désigner un gouvernement arbitraire. J'ai ajouté à cela que le choix du maréchal n'étant pas encore fixé, j'avois lieu d'espérer de pouvoir éluder celui-ci. Je n'ai pas eu besoin de faire des démarches à cet égard. Le rôle de médiateur entre le roi et la nation que je venois de commencer, fut répandu à la cour et faisant déjà changer le ton de plusieurs nonces qui se trouvent ici, le roi m'a demandé une entrevue» (Я встретил представителей фрондеров, подтвердив им, что они всегда могут полагаться на признание и покровительство императрицы, на ее твердую защиту от притеснений и всего того, что может породить произвол правительства. Я добавил им, что выбор маршала еще не определен, и мы надеемся избежать этот. Я не вижу нужды принимать меры в этом отношении. Роль посредника между королем и нацией, [которую мы приняли на себя], позволяет распространять [наше влияние] в управлении и в суде и заставляет уже нескольких находящихся здесь послов [сейма] изменить позицию. Король просил меня о встрече) [44].

Упомянутое свидание короля со Штакельбергом было весьма напряженным. Его описание сохранилось как в изложении короля, так и посла. Однако, в сравнении с королевским, в донесении посла оно

inslav

было сильно смягчено [45]. Встреча завершилась тремя обещаниями короля; помимо отказа от кандидатуры Вольмера и согласия на избрание маршалом сейма писаря вел. лит. Людвика Тышкевича, речь шла «l'adoption d'un nouveau systéme par le maintien de la justice la plus exacte dans le gouvernement» (о принятии новой системы для поддержания наиболее точного правосудия в правительстве) [46]. Вероятно, это означало, что Станислав Август взял на себя обязательство ввести в Постоянный совет лидеров оппозиции. В обмен на эти уступки посол обещал помочь решить в Петербурге две проблемы: во-первых, король просил, чтобы Россия добилась от Турции свободы торговли для Польши на Черном море и открытия для этого порта в Очакове, который, согласно имеющимся у короля сведениям, Турция должна была якобы уступить России. Вторая просьба касалась перенесения в Варшаву Литовской скарбовой комиссии. Станислав Август давно намеревался объединить Литовскую и Коронную скарбовые комиссии, и не впервые просил об этом. Но прежде посол советовал своему двору дать отрицательный ответ [47]. Сейчас же вопрос этот приобрел совершенно другой смысл — перенесение литовской комиссии в столицу означало бы выход ее из-под власти Тизенгауза и вместе с тем, по мнению посла, «le voeu de toute la province, afin de soustraire ce dicastère à l'irrégularité à laquelle l'éloignement a exposé jusqu'à présent l'administration des finances» (обещание всей провинции избавиться от нерегулярности в управлении финансами, которая наблюдалась до настоящего времени вследствие удаления [комиссии от Варшавы]) [48]. Это означало очередную любезность посла в отношении оппозиции, для которой перспектива свержения литовского подскарбия превращалась в одну из главных выгод, на которые она рассчитывала в связи с новой тактикой Штакельберга [49].

Посылая донесение о первых днях работы сейма, посол подчеркивал свои усилия, направленные на то, чтобы во время сейма «n'omettre aucune des formalités les plus minutieuses même, pour témoigner la volonté de l'impératrice sur l'observation la plus scrupuleuse de tout ce qui peut constituer le système de ce gouvernement» (не пренебрегать никакими даже самыми мелкими формальностями, чтобы продемонстрировать желание императрицы соблюдать их наиболее скрупулезно тем [людям], кто может составить систему ее правительства) [50]. Такое священнодействие с пустыми формальностями, подчеркивавшее возврат к практике свободных сеймов, должно было, по-видимому, также скрыть то обстоятельство, что в планы русской политики более не входило рассмотрение на сейме каких-либо существенных вопросов. Не раскрывая своей позиции перед поляками, в российской столице считали, что впредь перед верховным органом государственной вла-

inslav

сти в Речи Посполитой не стоят какие-либо реальные задачи и что нынешний «свободный» сейм может послужить образцом для подобных сеймов в будущем [51].

В вопросе же для Петербурга существенном — формировании нового состава Постоянного совета — цель была достигнута, благодаря сотрудничеству посла с королем [52]. «Je n'ai eu relativement à ce choix aucune autre considération, — разъяснял Панину свою позицию Штакельберг, — que l'intégrité, les talens (talents — ?) et la satisfaction de tous les partis pour la réunion des esprits» (в отношении выборов [членов Постоянного совета] я не имел иного намерения как объединить таланты и удовлетворить все партии для собрания умов). Сообщая, что среди избранных оказались, в частности, Станислав Любомирский, Игнаций Потоцкий и Ксаверий Браницкий, посол успокаивал, что он позаботился, чтобы сохранить в новом совете «un nombre assez suffisant de personnes capables de conserver à la Russie l'influence dans l'administration, que les intérêts de l'impératrice <...> peuvent exifier à tant de titres» [53].

О других мотивах введения в совет вождей магнатской оппозиции Штакельберг написал уже после оглашения в октябре в Петербурге российской декларации венскому двору. В восторженных выражениях извещая своих шефов, что работа сейма полностью отвечала не только введенной Россией в Польше форме правления «mais aussi aux vues que nous pourrons avoir pour l'avenir, en ramenant et tranquillisant la nation par la réunion des esprits» (а также в видах будущего возвращая нации к спокойствию посредством собрания умов), посол с удовлетворением отмечал, что «les mouvemens que la cour de Vienne commence à se donner ici, justifient la nécessité du plan d'une diète libre, où en offrant des appas au parti, qui auroit pu devenir le sien, je me suis rendu le médiateur entre l'opposition et le roi» (поступки правительства в Вене оправдывают необходимость плана свободного сейма, а также выгодных предложений, чтобы прельстить партию, которая станет на нашу сторону; я же буду посредником между оппозицией и королем) [54]. «Mon rôle de médiateur, — повторял он и в другой, наиболее важной, депеше, отправленной с тем же курьером, — et les principes d'égalité, de justice et liberté devenus <...> les pivots de mes discours et démarches vis-à-vis du roi, m'ont fait adopter dans le Conseil quelques chefs de l'opposition ancienne» (моя роль посредника и принципы равенства, справедливости и свободы становятся <...> основой моих речей и поступков по отношению к королю, что позволило включить в Совет нескольких глав бывшей оппозиции). Русский посол подчеркнул, что другие свои аргументы он изложил в донесении от 2/13 июля 1778 г.

При этом Штакельберг напоминал, что, как в то время, так и теперь, не утратила актуальности его просьба об инструкциях относи-

inslav

тельно союза России с Польшей. Посол вновь предлагал прислать ему текст договора, который он мог бы заключить, с учетом некоторых дополнительных пунктов [55]. «Vous voyez, monsieur le comte, par mes rapports d'aujourd'hui, — добавлял он в написанном в то же время коротком письме И. А. Остерману, ссылаясь на переговоры, проходившие в Петербурге в 1776 г., — que je travaille constamment dans les principes, dont j'ai eu l'honneur de vous faire part lors de mon séjour auprès de vous. Je suis le médiateur entre le roi et la nation et je tâche autant qu'il est en moi d'adoucir tous les esprits» (Из моих сегодняшних донесений Вы видите, господин граф, что я постоянно следовал принципам, каковые я имел честь сообщать Вам во время моего пребывания у Вас. Я выступаю посредником между королем и нацией, и я пытаюсь также, как следует, смягчать все умы) [56].

Насколько далеко заходила готовность посла потакать настроениям оппозиции, свидетельствовала его первая реакция на резкие нападки противников двора в адрес Постоянного совета по вопросу о постановлениях сейма 1776 г. Штакельберг заверял двор, что недовольные декларировали признание гарантированных Россией законов 1775 г. и требовали лишь отмены нововведений, сделанных на сейме 1776 г., как не предусмотренных российской гарантией. Посол сообщал, что лидеры оппозиции намерены вскоре встретиться с ним, «pour convenir sur la manière de modérer le pouvoir du Conseil quant à l'interprétation des lois» (чтобы договориться о способе умерить власть Совета в вопросе о толковании законов). Он также уведомлял Петербург о своей готовности «à satisfaire la nation en général, sans cependant ôter tout à fait au Conseil l'inspection des dicastères» (в основном удовлетворить нацию, без того, однако, чтобы совершенно лишать Совет права инспекции законодательства) [57].

Лишь во время следующего чрезвычайно бурного заседания Постоянного совета он пришел к выводу, что целью недовольных было не толкование законов, а, прежде всего, лишение совета права контроля над министрами. Выражая удовлетворение, что его протест по поводу нарушения российской гарантии государственного строя Речи Посполитой возымел действие [58], Штакельберг в добавленном к служебному донесению «lettre particulière» поздравил Панина с тем, что созданная шефом русской внешней политики система государственного управления Польши выдержала испытание на первом свободном сейме и продемонстрировала свою эффективность. «Nous tenons les fils, — торжествовал посол, — et montrons que nous faisons pencher la balance comme nous voulons. Lorsque le roi abuse de son pouvoir, une diète libre, sans être rompue, remet les choses à sa [sic] place» (Мы удерживаем сыновей и показываем, что мы устанавливаем [политический] баланс

inslav

по своему желанию. Когда король злоупотребляет своей властью, [это уравновешивает] свободный сейм...) [59]. Поддерживая столь восхваляемый баланс, наряду с реверансами в адрес оппозиции и предпринимаемыми время от времени нападками на Станислава Августа, Штакельберг не выпускал из рук нити договоренности с королем, отдавая себе отчет в ее необходимость в дальнейшем [60].

Организовав после десятилетий конфедеративных сеймов свободный сейм и включив в Постоянный совет лидеров оппозиции, Штакельберг руководствовался как долговременными мотивами, так и соображениями экстренного характера. К числу первых в данном случае можно отнести «принципиальное стремление России к консервации многих элементов анархии и слабости Речи Посполитой» [61]. Слабость королевской власти и сохранение liberum veto являлись гарантией бессилия польско-литовского государства. Характеризуя как недопустимые «химеры» замыслы Станислава Августа, якобы направленные на расширение королевских прерогатив и ограничение свобод республики посредством сеймов при конфедерациях, посол даже не ссылался на имеющиеся у него инструкции. Для петербургских верхов такой подход был очевидным и вытекал из «русской системы в Польше» [62]. Сохранение спокойствия в Речи Посполитой в период угрозы для России войны с Турцией, а также прусско-австрийского конфликта, вылившегося в войну за баварское наследство, при одновременном признании, что Петербург хотел бы иметь свободный сейм, были теми причинами, которые склоняли Штакельберга к поиску способов смягчения недовольства польской оппозиции и привлечения ее на сторону России под лозунгом защиты свободы республики. «Обласкивание недовольных» как метод сохранения анархии в Речи Посполитой имел в Петербурге многолетнюю традицию [63], а сам посол быстро обнаружил, что усиление оппозиции, достигнутое ценой ослабления партии двора, а стало быть, относительное равновесие обеих партий были условием для пришедшейся ему по вкусу политической игры в «посредника», которую ему еще в 1776 г. рекомендовал Остерман.

Станислав Август разгадал этот замысел, высказав предположение, что подлинным мотивом ослабления его позиций в Постоянном совете было желание усилить российское влияние в Польше [64]. Сохранение при этом в Постоянном совете «достаточного числа лиц, гарантирующих России ее влияние на администрацию», можно рассматривать как некую компенсацию конфедеративного сейма, чем Россия могла бы воспользоваться для принятия каких-то важных законов.

Самым безотлагательным, связанным с конфликтом между Берлином и Веной, мотивом действий посла было стремление исключить для Австрии возможность организации в Польше враждебной России

inslav

партии. К этому были направлены усилия Штакельберга по смягчению недовольства тех представителей оппозиции, которые могли бы стать организаторами проавстрийской группировки, и пробудить в них надежды на Россию как наиболее последовательную защитницу шляхетских свобод [65].

Подводя накануне завершения работы сейма его итоги, посол расценил как успех не только то, что первый за многие годы свободный сейм благополучно завершается. «Cet objet rempli, — писал он о восстановлении полной свободы сейма, — j'ai songé d'un autre côté de raffermir dans une assemblée de cette nature les liens qui doivent assujettir les affaires de Pologne aux intérêts de la Russie. V. E. sent bien que je veux parler de la garantie» (Эта цель достигнута; с другой стороны, на ассамблее этого рода я думал укреплять связи, которые должны подчинить дела Польши интересам России. Вы чувствуете, что я хочу говорить о гарантии).

В качестве главного доказательства всеобщего признания незыблемости гарантии Екатерины II государственного устройства Речи Посполитой Штакельберг приводил судьбу предложения о староствах. Стоило Станиславу Августу и послу о них напомнить, и проект восстановления права короля на раздачу староств был тут же отвергнут. «Je ne puis que m'applaudir dans cette occasion de la manière d'être du roi, — опровергал Штакельберг высказанное ранее в адрес короля обвинение Панина, — et il m'a donné des preuves réelles de son rapprochement au système de la Russie dont, avant la diète, il avoit voulu s'écarter un peu» (Я не заслуживаю в этом случае похвалы, так как именно король дал мне реальные доказательства своего сближения с системой России, от которой он накануне сейма захотел несколько отстраниться) [66].

Завершая это послание комплиментами в адрес Панина за введение в Польше государственного устройства, «qui concilie si parfaitement la forme républicaine avec les influences de la Russie» (которое примиряет так совершенно республиканскую форму с влиянием России) [67], Штакельберг просто льстил своему шефу. И защита Постоянного совета, и отказ от предложения о староствах доказывали, что стабильность всего здания «российского влияния» в условиях республиканской формы правления была подвержена немалому риску и что сохранением этой стабильности посол был обязан, прежде всего, помощи польского короля [68].

V

Русская декларация от 2 октября 1778 г., ставшая широко известной в конце месяца, перечеркнула надежды Габсбургов, что Россия позволит Австрии захватить Баварию. Вместе с тем демарш Петербурга

inslav

был чреват перспективой новой всеобщей войны. Штакельберг, уже в конце октября сообщавший о вызванной этим обеспокоенности в Польше [69], в начале ноября направил в Петербург тревожное известие о намерении венского двора организовать конфедерацию на пограничных с Галицией землях Речи Посполитой. С польской стороны ведущую роль в этом начинании должен был сыграть Северин Ржевуский — гетман польн. кор., в свое время, после ареста Н. В. Репниным в 1767 г., побывавший в плену в России — по словам Штакельберга, «homme fanatique et vindicatif» (человек фанатичный и мстительный). Ржевуский посетил Краковское, Сандомирское воеводства и Волынь и для дальнейших согласований плана конфедерации направился в Вену [70].

О том, что Штакельберг весьма серьезно относился к доходившим до него слухам о мнимых переговорах польного гетмана в австрийской столице, свидетельствовали направленные генералу Абраму Романиусу распоряжения посла разместить русские войска в краковском и люблинском воеводствах. Посол предупреждал при этом свой двор, что с учетом перспективы такие подготовительные шаги могут оказаться недостаточны и что необходимо направить туда подкрепление во главе с искусным и решительным генералом, знающим польский язык и умеющим подбирать людей [71]. Выражая убеждение, что предпринятые действия произведут соответствующее впечатление, Штакельберг обрисовал план дальнейших действий. «Cette tâche militaire remplie, — проектировал он, — je m'appliquerai à saisir ici le moment convenable pour faire une confédération avec le roi, afin d'unir les opérations du gouvernement à celles de la force. Cette démarche, si même elle ne fait pas tout l'effet nécessaire, ne sera cependant pas dans le cas de nuire, lorsqu'il n'y aura plus rien à ménager» (Военная задача решена. Теперь я воспользуюсь удобным моментом для организации конфедерации [во главе] с королем, чтобы объединить действия правительства с [нашими военными] силами. Этот ход, даже если он не позволит полностью достичь желаемого результата, не принесет, однако, вреда, поскольку отпадет необходимость подготавливать дополнительные меры). Донесение завершалось настойчивой просьбой об инструкциях, с учетом информации об отношениях России с Австрией [72].

В очередной депеше посол уточнил детали предложенного плана. Касаясь полученного от Панина и связанного с приготовлениями Петербурга к войне с Австрией распоряжения о концентрации всех российских войск в Польше вокруг Люблина [73], Штакельберг настаивал, чтобы часть их была оставлена в Варшаве. Он предостерегал, что в противном случае «produiroit dans le pays le préjugé d'une sortie de troupes russes, de l'abandon du roi et d'un encouragement à une

inslav

confédération. Comme c'est moi qui probablement dois en faire une avec le gouvernement, — называл посол истинные причины пребывания русских войск в Варшаве, — V. E. juge bien que j'aurai besoin à Varsovie, qui sera son siège, d'une espèce d'imposition et de l'impression d'un couple de compagnies de grenadiers et d'autant aux environs» (вывод русских войск даст повод к отходу [от нас] короля и поощрения к конфедерации. Так как я, вероятно, должен действовать [совместно] с правительством, то Вы можете судить, что в Варшаве, в месте своего пребывания, я буду нуждаться в паре гренадерских рот и столько же в окрестностях, которые произведут соответствующее принуждение и впечатление) [74].

Вновь повторив просьбу об инструкциях «à l'égard de la confédération civile, nécessaire pour tenir le pays en respect» (по отношению к гражданской конфедерации, необходимо удерживать страну в уважении), Штакельберг изложил очередную часть требований. «Outre cet objet, — предостерегал он, — il me faut encore des pleinpouvoirs pour la conclusion d'un traité d'alliance avec la Pologne. Il me faut la minute de ce traité avec les stipulations de subsides pour faire agir la République. Peut-être les circonstances n'exigeront-elles pas cet éclat. Mais il faut tout prévoir et en vérité je crois que nous serons surpris de tous les événemens que produira en Pologne la guerre générale» (Кроме этого предмета, мне нужны полномочия для заключения союзного договора с Польшей, его утвержденный текст с условиями субсидий, чтобы заставить действовать Республику. Может быть, обстоятельства не потребуют такого взрыва, но надо предусмотреть все заранее. Я, правда, полагаю, что мы еще будем удивлены событиями, которые произведет в Польше общая [европейская] война) [75].

И хотя изначально задуманная послом «гражданская конфедерация» должна была носить характер превентивной меры для предупреждения провоцируемых Австрией беспорядков [76], Штакельберг заранее знал, что предпринятыми начинаниями дело не ограничится. В дальнейшем они должны были привести к участию Польши в войне против Австрии, а следовательно — к польско-русскому союзу. Не дожидаясь ответа своего двора, посол начал по договоренности со Станиславом Августом подготовку конфедерации [77].

Первую информацию о подлинных намерениях России в сложившейся международной ситуации представил Штакельбергу прибывший в Варшаву 7 декабря 1778 г. Н. В. Репнин, направлявшийся с миссией к Фридриху II. По приказу Панина Штакельберг рассказал Репнину об угрозах русским интересам в Польше, по поводу которых он бил тревогу в Петербурге [78].

К сожалению, нам неизвестно содержание бесед, которые вели между собой два российских дипломата. Не знаем мы также, рассказал

inslav

ли Репнин Штакельбергу о предназначенной для передачи Фридриху II «Notice confidentielle» Панина, согласно которой даже в случае участия России в войне Польша в ближайшее время должна была оставаться пассивной [79]. Но можно предположить, что из бесед с Репниным посол имел возможность уяснить, что Петербурге войны не желают [80].

В донесении, которое Штакельберг написал накануне отъезда Репнина из Варшавы, а стало быть, с учетом переданных ему устных инструкций Панина и другой полученной информации, посол, ссылаясь на Репнина [81], утверждал, что размещение в Польше на границе с Галицией корпуса генерала А. Романиуса позволит сохранить там спокойствие. Он также предостерегал относительно австрийских попыток вербовки в Речи Посполитой солдат и сообщал о мерах, которые позволили бы не допустить этого. В заключение Штакельберг доносил, что находящимся вблизи австрийской границы офицерам приказано наблюдать за ситуацией и осуществлять надзор за расположенными там крепостями [82].

Основой для всех неотложных действий, направленных против происков Вены, было, по мнению посла, «la conviction générale qui commence à se répandre, sur les liens qui doivent attacher la Pologne à la Russie et surtout sur la confiance qu'elle doit mettre dans les sentimens de l'impèratrice» (начавшее распространяться общее убеждение в [прочности] связей Польши и России и главным образом доверие, которое Польша должна испытывать к чувствам императрицы). В подтверждение этих слов посол ссылался на наблюдения Репнина и его соответствующее донесение [83]. Предупредив, что распространение столь желаемых убеждений будет зависеть от того, как Петербург станет относиться к полякам ввиду войны между Австрией и Пруссией, Штакельберг перешел к конкретным требованиям. «Il faut un appât à cette nation, il faut traiter et avantager d'Etat a Etat et il faut employer peu de chose ou rien aux corruptions particulières; mais il est nécessaire de donner des subsides à la République pour l'entretien de ses troupes. Je ne doute pas que de cette manière nous n'ayons toute la Pologne à nous. Quelque éloigné que puisse être encore le moment de cette opération, — речь шла о возможной войне Пруссии и России против Австрии, — je renouvèle cependant à V. E. mes instances sur les articles suivans: 1. Instruction pour la formation d'une confédération; 2. Pleinpouvoir pour la conclusion d'un traité d'alliance avec la République; 3. Minuté de ce traité auquel il sera pris pour base ceux de 1686, de 1768 et de 1775; 4. Avantages à promettre dans ce traité aux Polonois et subsides à stipuler pour l'entretien de leur armée qui, payée par la Russie, ne sera pas a charge à la nation aberrée tout le tems que cette armée agira dans nos vues» (Надо привлечь эту нацию и обсудить [меры] по благоприятствованию со-

inslav

стоянию государства. Государство надо использовать в небольшой мере и не прибегать к подкупу частных лиц. Однако необходимо предоставить субсидии Республике для содержания войск. Мы не сомневаемся, что таким образом мы не привлечем на свою сторону всю Польшу. Момент этой операции пока впереди [в случае войны, с угрозой которой связывались предлагаемые меры в отношении Речи Посполитой], мы возобновляем 1) подготовку образования конфедерации; 2) просьбу о полномочиях для заключения союзного договора с Республикой; 3) об утвержденном тексте этого договора, в котором будут приняты за основу договоры 1686, 1768 и 1775 гг.; 4) в этом договоре должны быть обещаны выгоды для Польши и субсидии, которые следует предусмотреть для обеспечения [польской] армии за счет России, в то время как она будет действовать в наших общих видах, чтобы отягощение нации не было чрезмерным) [84]. Заверяя, что предлагаемые средства позволят не только использовать потенциал Польши, «mais aussi de l'attacher à l'impératrice comme une province de Russie» (а также привязать [ее] к императрице в качестве провинции России), Штакельберг напомнил об экономической слабости, убогости и военном бессилии Речи Посполитой. «La faire sortir de cet état en la liant à jamais avec la Russie, — рассуждал посол о благородной миссии Екатерины II, — est l'ouvrage qui reste encore à notre auguste souveraine et par lequel son génie et son âme tireront du sein des malheurs que cette nation s'est attirés, des ressources pour la relever et pour en faire une puissance utile à son Empire» (вывести это государство, навсегда связав его с Россией, является трудом, который остается еще для нашей августейшей государыни, [которая посвятит] свой гений и свою душу, дабы в пучине несчастий эта нация обрела силы и была бы полезна ее империи) [85].

Таким образом, в донесении, составленном после бесед с Репниным, Штакельберг повторял прежние просьбы об инструкциях для образования совместно с королем конфедерации, о полномочиях для заключения с Польшей союзного договора, а также о выделении субсидий на войско. Однако аргументация посла претерпела изменения. Вместо утверждения о необходимости противодействия возможной проавстрийской конфедерации, на первый план им была выдвинута позитивная перспектива прочного привязывания поляков к России. Движение в этом направлении и укрепление соответствующих настроений в польском обществе должно было стать гарантией защиты Российской империи от польской ирреденты.

Если вспомнить, что не только Штакельберг, но и Репнин заметил определенное оживление в польском обществе и проявление надежд, что грядущая русско-австрийская война даст полякам шанс для активной борьбы за возвращение Галиции, то конкретные политические шаги,

inslav

которые могли бы вытекать из предложений посла, должны были бы состоять в следующем: предоставив полякам возможность играть активную роль в грядущей войне, Екатерина II на практике доказала бы привлекательность для них ориентации на Петербург и тем самым лишила бы шансов на успех любое антироссийское начинание в Речи Посполитой. Прочное обеспечение внутреннего спокойствия и одновременно российского влияния в Польше, по мнению Штакельберга, требовало поэтому предоставления ее гражданам возможности действовать вместо удерживания их в пассивности [86]. Эти выводы, как и начатые послом хлопоты, чтобы руками Пруссии подогревать повстанческие настроения в Галиции [87], можно расценивать как его попытку спровоцировать такую ситуацию, когда бы активное использование Речи Посполитой на стороне России стало бы неизбежным. Эти шаги и, прежде всего, выдвинутая Штакельбергом идея активной роли поляков в будущей войне между Австрией и Россией находились в полном противоречии с основами политики Петербурга, предусматривавшими «спокойствие и пассивное поведение поляков перед лицом международных осложнений» [88].

Лишь в середине декабря 1778 г. посол дождался инструкции, содержавшей ответ на его предложения. Панин просил Штакельберга сообщить, подтвердились ли опасения о подготовке поддержанной Австрией конфедерации и когда и где она может быть образована. Руководитель русской внешней политики выразил надежду, что размещение российских войск в районе Люблина и вокруг Полонного обеспечит контроль над территорией, незащищенность которой вызвала беспокойство посла, и позволит предотвратить провозглашение там враждебной России конфедерации [89]. «Quant aux vues d'une reconfédération à la tête de laquelle seroit le roi, — наставлял министр Штакельберга, — l'impératrice les a trouvées justes et les a fort goûtées. Cependant dans l'état perplexe, où en sont encore les choses, entre quelques lueurs de paix et la guerre, nous devons bien être en garde contre toute précipitation dans nos mesures, qui ne feroit que fixer et accélérer dans les autres des résolutions extrêmes, qui peut-être ne sont pas encore mûres. Je borne donc sur cela à vous dire que l'intention de l'impératrice n'étant pas douteuse de soutenir et d'appuyer un parti pour repousser l'autre, ce sera à vous selon la gradation, dans laquelle se développera cet aspect d'une confédération, à disposer le roi et tout ce qui est fidèle au gouvernement à s'unir aussitôt pour s'y opposer» (Возможность реконфедерации во главе с королем императрица находит справедливой [и относится к ней] благосклонно. Однако в этом сложном положении имеются еще обстоятельства между миром и войной [в Польше], мы должны быть в готовности против любой поспешно-

inslav

сти в наших действиях, которые бы не останавливали и не ускоряли движения в сторону того или иного крайнего решения, которые, может быть, еще не созрели. Я обозначаю Вам, таким образом, границы намерений императрицы, [вы можете] без сомнения поддерживать и подкреплять [нашу] партию, чтобы противостоять противной, это будет зависеть от развития конфедерации, а также располагать королем и всеми [силами], верными правительству, чтобы тотчас объединить их и противопоставить [нашим противникам]). Еще раз обратив внимание посла на сконцентрированные вокруг Люблина и Полонного российские войска — «les deux points d'appui que vous avez de votre cour contre vos appréhensions» (две точки опоры, которые Вы можете по собственному усмотрению использовать в зависимости от обстоятельств), — Панин предоставил послу выбор средств для противодействия проавстрийской конфедерации. «Ceux [points d'appui] que vous pouvez tirer du gouvernement sont aussi en vos mains, mais vous n'en userez qu'avec toute la sagesse et la maturité de réflexions que nous attendons de vous» (Эти точки опоры, которые Вы можете выставить [для поддержки] правительства — также в ваших руках, но Вы используете их только со всей мудростью и по зрелом размышлении, которых мы от Вас ожидаем) [90].

Несмотря на заявленную поддержку предложений Штакельберга, в Петербурге рассматривали образование в Речи Посполитой конфедерации, к которой присоединился бы польский король, как крайнюю меру, предостерегая посла от ее поспешного применения. О том, что российский двор без энтузиазма относился к такому решению, свидетельствовало и промедление с предоставлением послу даже такого условного разрешения, какое содержалось в рассмотренной выше депеше Панина. От получения в российской столице первого запроса Штакельберга до ответа на него Панина прошло более двух недель, что даже с учетом всем хорошо известной медлительности в делах руководителя русской внешней политики было слишком растянутым сроком [91]. Не исключено, что первым проинформировать посла о позиции Петербурга должен был Н. В. Репнин, но у нас нет доказательств, что он был уполномочен принимать по польским делам какие-либо решения.

Дополнительный свет на причину длительного молчания и подлинного отношения российского двора к замыслам Штакельберга проливает постскриптум Панина на декабрьской депеше, адресованной послу в Варшаве. Министр сообщал, что еще перед ее отправкой он получил донесения посла от 1/12 ноября 1778 г., в которых относительно угрозы проавстрийской конфедерации он не нашел ничего сверх того, о чем уже сообщалось в предыдущих донесениях. Поэтому к тому, что было изложено в нынешней инструкции, он ничего больше

inslav

не добавил, ожидая дальнейших донесений от посла, особенно после беседы того с Репниным [92]. На донесениях Штакельберга от 1/12 ноября 1778 г. есть дата их получения в Петербурге — 11/22 ноября [93]. Поэтому в день апробации императрицей инструкций Панина минуло уже две недели, как в Петербурге стали известны соображения русского посла в Речи Посполитой [94].

Написанный Паниным постскриптум свидетельствовал, что в Петербурге не желали отвечать по существу исходивших от посла предложений, тем более помещать такой ответ в депеше. Ссылка же на то, что в донесении Штакельберга якобы не содержалось ничего нового, и на ожидание дополнительной информации означала недвусмысленный намек, что даже уже заявленная позиция Екатерины II и Панина, вполне вероятно, могла подвергнуться пересмотру. Если принять во внимание, что в оставленном без ответа донесении Штакельберг просил об одобрении не только планов «гражданской конфедерации», но и возможного польско-русского союза, а также просил прислать апробированный проект союзного трактата, то молчание Панина приобретает особый смысл. Предложение о союзе, как тот задумывался в начале 1778 г., в Петербурге расценили per non est. Организация совместно со Станиславом Августом конфедерации не запрещалась, но с этим было решено не спешить, а послу порекомендовали отложить это начинание [95].

«Quoique V. E. me croie tout satisfait du côté des instructions, — демонстрировал посол вице-канцлеру И. А. Остерманну свое разочарование позицией Петербурга, — je ne le suis point; car ce à quoi j'ai été autorisé par les dernières, je pouvois le prendre sur moi dans le cas de nécessité. Ce qu'il me faut c'est l'autorisation pour un traité d'alliance, les pleinpouvoirs et stipulations. Sans cela je ne ferai ici que de l'eau claire et la Pologne nous échappera. Ma confiance implore vos bontés pour me dire le sentiment de l'impératrice à cet égard» (Хотя меня полностью удовлетворяют [полученные] инструкции, я не могу [согласиться] с тем, что в последних мне разрешено брать на себя в случае необходимости. То, что мне надо, — это разрешение для союзного договора, полномочия и условия договора. Без них мне остается здесь только толочь воду в ступе, и Польша от нас удалится. Мое доверие к Вам побуждает меня воззвать к Вашей доброте и умолять Вас известить меня о чувствах императрицы в этом отношении) [96].

Параллельно с этой попыткой за спиной Панина изменить позицию своего двора Штакельберг безуспешно старался склонить Фридриха II оказать давление на Петербург, рассчитывая на заинтересованность прусского короля в совместном наступлении в Галиции [97]. В Варшаве же посол продолжал подготовку «гражданской конфедерации», работая совместно со Станиславом Августом над текстом «Акта конфедерации» [98].

inslav

Предпринимая, в ответ на полученную инструкцию, очередную попытку убедить Панина в своей правоте, Штакельберг начал с напоминания, что дух барской ирреденты хотя временно и парализован в результате предпринятых им экстренных мер, но все еще существует. Гражданская конфедерация, на образование которой дал согласие руководитель русской внешней политики, по словам посла, становилась необходимым, но без договора о союзе недостаточным орудием [99]. Вновь повторяя просьбу об одобрении плана заключения польско-российского союза, о присылке ему текста договора и о субсидиях на польскую армию, Штакельберг возвращался к своей идее набрать в Польше, наряду с этим, корпус легкой кавалерии [100]. «Quant au tems (temps?) de la faire, — полемизировал посол с тем тезисом Панина, в котором его предостерегали от чрезмерно поспешного принятия решения об организации «гражданской конфедерации», — il m'est impossible de dire autre chose, sinon qu'il vaut mieux prévenir que se laisser prévenir. La faire trop tôt est un moindre mal que la faire trop tard» (Что касается сроков этого дела, могу сказать только, что стóит предупреждать, чем позволять предупреждать себя. Делать слишком рано — является наименьшим злом, чем делать слишком поздно). Депеша Штакельберга заканчивалась просьбой о дополнительных денежных средствах, необходимых для покрытия расходов будущей конфедерации [101].

В конце декабря 1778 г. и начале января 1779 г. русский посол предпринял попытку спровоцировать австрийское наступление на Краков. С этой целью он предложил Репнину вывести оттуда российские войска, заменив их польским корпусом. И если это побудило бы австрийцев к попытке занять город, то конфедерация, которую Штакельберг планировал вместе с польским королем, стала бы необходимой [102]. О том, что Репнин поставлен в известность об этой инициативе, посол уведомил и Панина, сообщив о посылке в район Кракова, Велички и Львова лазутчиков и напомнив, что ждет необходимые материалы, «pour contracter avec la République une liaison formelle» (чтобы заключить с республикой формальную связь) [103]. Несколько дней спустя Штакельберг извещал не только о требующих противодействия австрийских планах занятия Кракова, но и о подготавливаемой там проавстрийской конфедерации, на помощь которой могли прийти австрийские войска. Ссылаясь на мнение Репнина о необходимости, по стратегическим соображениям, удержания Кракова, Штакельберг сообщил в Петербург о мерах, предпринятых для защиты города, и просил их поддержать [104].

В письме, направленном тогда же вице-канцлеру Остерману, Штакельберг с воодушевлением писал, что в случае становящейся все более реальной перспективы возникновения войны единственной надеждой на сохранение в Польше спокойствия остается заключение предлагае-

inslav

мого им союзного договора. «J'ai mûri cette idée dans mon esprit, — напоминал Штакельберг о том, как возник замысел, — depuis plus d'une année. Elle a été inspirée alors par les ordres directes de l'impératrice. C'est Elle qui l'a conçue; et ayant preparé les esprits, j'ai confirmé dans moi la conviction que sans réaliser ce projet, qui attachera à jamais la nation polonoise à l'impératrice par les avantages que l'Etat en recueillera, nous ne devons point espérer d'opérer ici avec nerf et succes dans les circonstances critiques où ce pays-ci est à la veille de se trouver» (Я вынашивал эту идею уже более года. Тогда ее прямым вдохновителем была императрица. Это Она ее задумала; я же приготовил умы и укрепился в убеждении, что, осуществив этот проект, мы навсегда привяжем польскую нацию к императрице [посредством] выгод, обретенных [польским] государством. Мы не должны надеяться действовать здесь с [неуместным] напором и эффектом в критических обстоятельствах, на пороге которых эта страна находится) [105].

Даже если признать, что пассажи о роли Екатерины II были применены в качестве тактического аргумента с тем, чтобы склонить Остермана изложить императрице суть проблемы, минуя Панина и вопреки мнению шефа русской внешней политики, а акцентирование более чем годичного периода обдумывания послом вопроса, возможно, и могло бы служить доказательством, что проект возник не по инициативе Станислава Августа, однако нельзя не заметить глубокого убеждения Штакельберга, что только активная роль Речи Посполитой в ожидаемой войне защитит Россию от «польских возмутителей». Такое заключение заслуживает внимания, имея в виду аналогии между событиями 1777–1779 гг. и проектом русско-польского союза 1787–1788 гг.

И просьба, направленная Остерману, и настойчивые обращения Штакельберга к Панину о предоставлении ему полномочий для заключения союза с Польшей [106] остались без ответа. Уже в начале января, когда до Варшавы дошли известия о ходе мирных переговоров на Тешенском конгрессе, посол приостановил подготовку конфедерации, а в начале февраля этот вопрос вообще больше не поднимался в его беседах со Станиславом Августом [107]. О том, что эта тема в отношениях Варшавы и Петербурга будет окончательно закрыта, свидетельствовала депеша, которую Штакельберг получил от своего двора в начале марта 1779 г. Н. И. Панин сообщал, что и переговоры в Константинополе, и переговоры в Германии предвещают мирное разрешение споров [108]. А это означало, что обстоятельства, породившие проекты активизации Польши, остались в прошлом. Тогда же эта проблема исчезла и из дипломатической переписки О. Штакельберга.

Перевод с польского М. Леньшиной

inslav

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *J. Michalski.* Polska wobec wojny o sukcesję bawarską. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1964.

[2] Ibid. S. 89.

[3] Ibid. Дата депеши, в которой посол излагал свой проект, и имя предполагаемого командующего корпусом известны из ответа О. Штакельбергу шефа российской внешней политики Н. И. Панина от 19/30.I.1778 г. См.: Архив внешней политики Российской империи (далее: АВПРИ). Ф. 80 (Варшавская миссия). Оп. 1. Д. 1350. Л. 114–115. Сам рапорт Штакельберга обнаружить не удалось — нет его ни среди оригиналов, ни среди копий донесений послов. Замечание Панина, что «proposé par Votre Excellence (далее: V. E.) à la suite de sa lettre d'office du 28.X/8.XI dernier, concernant la levée et l'entretien fixe d'un corps de 4000 hommes de cavalerie de cette nation», указывает на то, что свои предложения посол включил в адресованное Панину «lettre particulière». О планах послевоенного использования корпуса Штакельберг напомнил в письме Панину от 18/29.VII.1778. — АВПРИ. Ф. 79 (Сношения России с Польшей). Оп. 6. Д. 1112. Излагая в нем очередной вариант проекта набора войск в Польше, посол подчеркивал не только необходимость освободить страну от праздных и склонных к бунту элементов, но и возможные выгоды от этой меры после войны, «en les employant, la paix faite, dans les colonies que l'impératrice établit». Штакельберг датировал свои донесения по новому и старому стилю, а адресованные ему депеши датировались по юлианскому календарю. К датам старого стиля мы добавляем соответствующие им даты григорианского календаря. О русско-турецких отношениях см.: *H. Übersberger.* Rußlands Orientpolitik in den letzten zwei Jahrhunderten. Stuttgart, 1913. S. 338–355; *A. W. Fisher.* The Russian Annexation of the Crimea 1772–1783. Cambridge, 1970. S. 57–111.

[4] Такой превентивный характер предложения Штакельберга виден также и в его ответе Панину от 1/12.II.1778 г. (далее часто цитируемом), и в его послании от 4/15.V.1778 г. Григорию Потемкину, написанном ввиду ожидаемого начала прусско-австрийской войны (АВПРИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 1346. Л. 8). Выражая сожаление, что составленный еще зимой его проект «n'ayant pas été accepté et devenu peut-être impracticable» (последнее относилось ко времени написания послания), посол как бы пытался засвидетельствовать, что осуществить задуманное он намеревался до начала войны. Он прямо писал об этом Панину 2/13.VII.1778 г., напоминая, что если бы предложенный им тогда проект набора корпуса легкой кавалерии был осуществлен, «c'eût été prévenir l'incendie que d'enlever toutes les matières combustibles» (АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 1112).

[5] Н. И. Панин — О. Штакельбергу 19/30.I.1778. См. примеч. 3.

[6] Там же.

[7] «Vous tâcherez de découvrir, — предписывал Панин Штакельбергу, — si l'esprit militaire du roi et l'imagination des Polonois, toujours portée aux aventures, ne leur suggéreroit point de se montrer eux-mêmes dans l'occaslon qui pourra se présenter» (Там же).

[8] Там же.

inslav

[9] О. Штакельберг — Н. И. Панину 1/12.II.1778. — АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 1110; *С. М. Соловьев.* История России с древнейших времен. М., 1966. Кн. XV. Т. 29. С. 238.

[10] Там же. О том, что Штакельберг не хотел рисковать и прямо вступать в полемику с Екатериной II и Паниным, свидетельствовала его тогда же направленная вице-канцлеру И. А. Остерману просьба, «de faire passer dans la conviction de l'impératrice et de monsieur le comte Panin l'impossibilité d'un traité pour des troupes auxiliaires. Qu'on se souvienne toujours que ces choses ne se font pas avec le roi et que le gouvernement républicain exige l'assemblée des états plus propre à amenter les esprits qu'à les apaiser». См.: О. Штакельберг — И. А. Остерманну 1/12.II.1778. — АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 1116.

[11] О. Штакельберг — Н. И. Панину 1/12.II.1778. См. примеч. 9; *С. М. Соловьев.* Указ. соч. С. 238–239.

[12] О. Штакельберг — Н. И. Панину 1/12.II.1778. См. примеч. 9; С. М. Соловьев упомянул об этом фрагменте депеши Штакельберга, но сделал это в такой краткой форме, что исказил смысл высказывания и истинные намерения посла. См.: *С. М. Соловьев.* Указ. соч. С. 239.

[13] *J. Michalski.* Op. cit. S. 91. О надеждах Станислава Августа, связанных с предложением России заключить союз в случае войны с Турцией, см.: *Stanislas-Auguste Poniatowski.* Memoires du roi / Изд. С. Горяинов. СПб., 1914. Vol. 1. P. 615; о предложениях, переданных королем Штакельбергу во время сейма 1776 г., см.: Ibid. Л., 1924. Vol. 2. P. 464.

[14] О. Штакельберг — Н. И. Панину 11/22.IV.1778. — АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 1111; *С. М. Соловьев.* Указ. соч. С. 239. Польский вопрос в период баварского конфликта не был рассмотрен в монографии Вольфганга Стрибрны (*W. Stribrny.* Die Russlandpolitik Friedrichs des Grossen, 1764–1786. Würzburg, 1966. S. 102–115).

[15] О. Штакельберг — Н. И. Панину 4/15.V.1778. — АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 1112; О. Штакельберг — Г. А. Потемкину 4/15.V.1778. — Там же. Ф. 80. Оп. 1. Д. 1346. Л. 8–9. Среди предлагавших свои услуги России были Мартин Любомирский, Шимон Коссаковский, Юзеф Мончиньский и неизвестный по имени Бжостовский. Ср.: *С. М. Соловьев.* Указ. соч. С. 239–240.

[16] О. Штакельберг — Н. И. Панину 1/12.II.1778. См. примеч. 9. В написанном в тот же день письме Остерману посол предостерегал, что в сложившейся ситуации конфедеративный сейм был бы «plus propre a amenter les esprits qu'a les appaiser» (АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 1116).

[17] *J. Michalski.* Op. cit. S. 91 *Stanislas-Auguste Poniatowski.* Op. cit. Vol. 2. P. 656. Ср. также инструкцию Екатерины II на сейм 1776 г. в: Сборник Императорского Русского Исторического Общества (далее: Сб. РИО). СПб., 1914. Т. 145. С. 32–33.

[18] *J. Michalski.* Op. cit. S. 91–92.

[19] О. Штакельберг — Н. И. Панину 3/14.V.1778. — АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 1112.

[20] О. Штакельберг — Н. И. Панину 4/15.V.1778 («lettre particuilère»). Там же: «Une ostensible pour le roi de Pologne à l'égard de la diète libre est une nécessité absolue, nous devant épargner des broutlleries avec lui, que je ne désirerois pas <...>. C'est par cette raison que je maintiendrai autant queje pourrai le

inslav

système d'agir de concert avec le roi de Pologne. Mais par un caractère propre à sa nation et une inquiétude naturelle, il voudroit imperceptiblement faire des pas vers le despotisme. L'habitude des diètes confédérées étant pour cela le moyen le plus simple, il s'est opiniâtré à ce sujet. Il est donc indispensable de lui faire connoître à cet égard la volonté absolue de l'impératrice par une lettre ostensible, sauf que les événemens, la guerre, des troubles, nous obligeassent de faire une confédération».

21 О. Штакельберг – Н. И. Панину 3/14.V.1778. – АВПРИ. Ф.79. Оп.6. Д. 1112.

22 *J. Michalski*. Op. cit. S. 92. «J'al représenté la nécessité de rendre par une diète libre l'essor à la liberté polonoilse, en cas que l'orage qui menace ces contrées ne nous obllgeât a une confédératlon pour pouvoir faire des actes de vigueur, capables de contenir l'effervescence nationale, dont les éclats nous ont été si préjudiciables à la dernière guerre avec les Turcs», – резюмировал свои принципы Штакельберг в письме к Панину от 3/14.V.1778. См. примеч. 19.

23 *J. Michalski*. Dwie misje księcia Stanisława // Księga pamiątkowa 150-lecia Archiwum Głównego Akt Dawnych w Warszawie. Warszawa, 1958. S. 419; *Idem*. Polska wobec wojny... S. 92.

24 Ibid.

25 Ibid. S. 92–93.

26 *С. М. Соловьев*. Указ. соч. С. 240–241; *J. Michalski*. Polska wobec wojny... S. 88–89. Цитируемое Соловьевым и Михальским донесение Штакельберга имеет дату 2/13.VII.1778 г. (АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 1112).

27 О. Штакельберг – Н. И. Панину 2/13.VII.1778. См. примеч. 26.

28 Доказательства привел Е. Михальский (*J. Michalski*. Op. cit. S. 93–94), справедливо усматривая в этом актуальность для политики посла разных вариантов, что было связано с не определенным еще окончательно характером русско-турецких отношений.

29 О. Штакельберг – Н. И Панину 1/12.VII.1778. – АВПРИ. Ф.79. Оп.6. Д.1112.

30 «Il est nécessaire d'informer V. E., – сообщал Штакельберг Панину 4/15.VII.1778, – que monsieur de Boscamp vient de m'assurer que ses nouvelles de Constantinople confirmoient la résolution où il avoit laissé les Turcs à son départ, d'attendre l'événement de la guerre d'Allemagne pour prendre leur parti contre la Russie. Monsieur Kossakowsky, le seul des maréchaux de la confédération de Bar, qui a montré beaucoup de génie guerrier et qui, depuis qu'il a fait son recés, s'est conduit de manière à prouver son repentir, offre ses services à l'impératrice. Il s'engage de lever en Pologne un régiment de quinze cents hommes de cavalerie légère sur le pied des pulks et suivant un plan dont j'ai fait part à V. E. l'hiver passé. Quelques exemples pareils et cette manière de purger la Pologne de grande quantité de désoeuvrés et de désespérés sont les seuls moyens qui puissent nous garantir des troubles qu'on regarde inséparables de notre guerre avec les Turcs» (АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 1112). Ссылаясь на настойчивые просьбы Шимона Коссовского об ответе, посол в очередной раз пытался склонить петербургский двор к одобрению своего проекта.

31 *J. Michalski*. Op. cit. S. 94.

32 Н. И. Панин – О. Штакельбергу 1/12.VII.1778. – АВПРИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 1350. Л. 127–128.

inslav

[33] Н. И. Панин — О. Штакельбергу 1/12.VII.1778. — Там же. Л. 121. Независимо от содержания цитированного постскриптума, его принадлежность к депеше Панина от 1/12 июля 1778 г. установлена по отпуску депеши и постскриптума в делах Коллегии иностранных дел (АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 1119). В делах Варшавской миссии оригинал постскриптума не имеет даты (вместо нее, согласно установленному порядку, поставлена формула «uti in litteris»), поэтому при формировании архивных дел миссии он был помещен не вслед за депешей, а ошибочно — в другое место.

[34] Уже в донесении от 16/27.V.1778 г. Штакельберг сообщал, что король и Постоянный совет в связи со слухами о подготовке турок к переходу через Днестр направили комендантам польских крепостей приказ оказывать сопротивление оттоманским войскам. «Un motif de plus, — добавлял тогда посол, шифруя эту часть донесения, — que j'ai eu d'engager les Polonois dans la déemarche de faire les démonstrations dont il s'agit dans ma dépêche, est de les entraîner insensiblement en cas de guerre vers ce genre d'engagements que nous jugerions le plus convenable pour nous» (АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 1112). В донесении от 1/12.VII.1778 г. (см. примеч. 29), которое разминулось по дороге с отправленными из Петербурга в Варшаву тогда же инструкциями Панина, посол сообщал о приказах Постоянного совета комендантам пограничных польских крепостей оказывать сопротивление туркам. В донесении Штакельберг писал, что коль скоро Панин не возражал против его прежних начинаний в этом направлении, то он вправе истолковать молчание своего шефа как их одобрение. Возможные действия против турок малочисленных и слабых польских войск посол расценивал не более как демонстрацию сопротивления, а не как реальный отпор вторжению. Он просил также послать приказы командующим русскими войсками в Речи Посполитой, чтобы те с учетом предложений польской стороны перегруппировали свои силы.

[35] В дешифровке, содержащей много других неточностей, вместо «prévenir» фигурирует слово «produire»; считаю его очевидной ошибкой и исправляю.

[36] О. Штакельберг — Н. И Панину 11/22.VII.1778. — АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 1112.

[37] Вместо адресованной Порте польской декларации, о которой хлопотал Штакельберг, польские власти поручили охранявшим границу командующим и офицерам высказаться в отношении Турции соответствующим образом. См.: О. Штакельберг — Н. И. Панину 1/12.VIII.1778. — АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 1113.

[38] *J. Michalski*. Op. cit. S. 94. Объявить об этом накануне сеймиков Штакельберг поручил генералу Семену Ширкову, командующему русскими войсками на юго-востоке Речи Посполитой, одновременно попросив его о выводе подчиненных ему полков из городов, в которых проходили выборы послов на сейм. (О. Штакельберг — С. Ширкову 17/28.VII.1778. — АВПРИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 1383. Л. 173–174 [черновик]).

[39] О. Штакельберг — Н. И Панину 18/29.VII. и 25.VII/5.VIII.1778. — АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 1112.

[40] *J. Michalski*. Op. cit. S. 94. Там же показано, что проблемы, связанные с международным положением Речи Посполитой, в среде провинциальной шляхты широкого отклика не получили (Ibid. S. 95–96).

inslav

41 О. Штакельберг — Н. И. Панину 15/26.VIII.1778. — АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 1113.

42 О. Штакельберг — Н. И. Панину 29.VIII/9.IX и 5/16.IX.1778. — Там же.

43 *J. Michalski*. Op. cit. S. 98. Направляя через Адама Казимира Чарторыского приказ о выводе русских войск из владений его отца Августа Чарторыского, в письме генералу Ширкову, предназначенном для предъявления, Штакельберг подчеркивал, что, не имея необходимости в особом поощрении участников сейма 1776 г., «nous ne devons plus faire cette exception (речь шла об освобождении королевского протеже Олизара), mais tâcher de ménager toute la nation en géneral et surtout le prince palatin de Russie» (О. Штакельберг — С. Ширкову 9/20.IX.1778. — АВПРИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 1383. Л. 195). Названный без указания имени Олизар, это, по всей вероятности, Каетан Олизар — известный на Волыни сторонник Станислава Августа. См.: *W. Szczygielski*. Olizar Franciszek Kajetan // Polski Slownik Biograficzny. T. 23. Wrocław etc., 1978. S. 812–813.

44 О. Штакельберг — Н. И. Панину 14/25.IX.1778. — АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 1113.

45 На основе записей Станислава Августа описание встречи дал Е. Михальский (*J. Michalski*. Op. cit. S. 97–98). Отчет Штакельберга о встрече в депеше от 14/25.IX.1778 г. (см. примеч. 44). Весьма некритично отнесся к донесению посла о встрече С. М. Соловьев (*С. М. Соловьев*. Указ. соч. С. 241–242), на что справедливо указал Михальский.

46 О. Штакельберг — Н. И. Панину 14/25.IX.1778. См. примеч. 44.

47 Именно это советовал Штакельберг в донесении Панину от 2/13.VII.1778 г. (АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 1112).

48 Изложение этих требований короля в донесении Штакельберга Панину от 14/25.IX.1778 г. (АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 1113). Эту часть депеши Соловьев опустил. Примеры отношения магнатской оппозиции к деятельности Тизенгауза во главе Литовской скарбовой комиссии см. в донесении Штакельберга Панину от 27.IX/7.X.1778 г. (АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 1113). Более подробно о конфликтах в Литве см.: *S. Kościałkowski*. Antoni Tyzenhauz. Londyn, 1971. T. 2 (особенно раздел XII).

49 *J. Michalski*. Op. cit. S. 101.

50 О. Штакельберг — Н. И. Панину 3/14.X.1778. — АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 1113.

51 О работе сейма см.: *W. Filipczak*. Sejm 1778 roku. Warszawa, 2000.

52 *J. Michalski*. Op. cit. S. 98–99.

53 О. Штакельберг — Н. И. Панину 3/14.X.1778. — АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 1113.

54 О. Штакельберг — Н. И. Панину 9/20.X.1778. — Там же.

55 О. Штакельберг — Н. И. Панину 10/21.X.1778. — Там же. «Pour le cas de besoin, — повторял Штакельберг в посылаемом в тот же день Панину „lettre particulière“ (Там же), — il me faut des pleinpouvoirs pour un traité offensif et défensif avec la Pologne. Il me faut une minute de ce traité avec des stipulations d'argent et d'autres avantages qui devront compenser les efforts que nous attendons d'ici. Peut-être, — перестраховывался посол, — tout cela ne sera-t-il pas nécessaire. Mais il faut être prepare à tout événement».

56 О. Штакельберг — А. И. Остерману 10/21.X.1778. — АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 1116.

inslav

[57] О. Штакельберг — Н. И. Панину 17/28.X.1778. — Там же. Д. 1113.

[58] О. Штакельберг — Н. И. Панину 25.X/5.XI.1778. — Там же.

[59] О. Штакельберг — Н. И. Панину 26.X/6.XI.1778. — Там же.

[60] *J. Michalski*. Op. cit. S. 101–102.

[61] Ibid. S. 99.

[62] О принципах российской политики в вопросе о liberum veto и о допустимости только временного ограничения права вольного голоса посредством проведения сеймов при конфедерации «in casibus necessitatis» см. высказывание Н. В. Репнина в мае 1767 г.: «Мы это для себя сохраняем, что форму pluralitatem in perpetuum in regulari никогда не позволим, и более того, ныне хотим ее уничтожить, открыто оставя только in casibus necessitatis remedium конфедерации» (*H. Schmitt*. Dzieje panowania Stanislawa Augusta. T. II. Lwów, 1869. T. 2. S. 184).

[63] Эта проблема была уже нами рассмотрена на примере более раннего периода. См.: *Z. Zelińska*. Walka «Familii» o reformę Rzeczypospolitej 1743–1752. Warszawa, 1983.

[64] Е. Михальский (*J. Michalski*. Op. cit. S. 99) ссылается на фрагмент письма Станислава Августа к Морису Глеру от 21.X.1778 г.: «Une partie des motifs réels de cette conduite n'a été que de me rendre moins maître du nouveau Conseil que je ne l'avais été du préecedent, où la droiture de mes vues <...> m'avait rendu absolument prépondérant, ce qui pourrait n'être pas de l'intérêt de l'influence qui nous gouverne. Elle voyait les esprits se calmer, s'attacher à moi, s'accoutumer à l'ordre, supporter le joug de la loi; elle a espéré ranimer l'inquiétude et l'ambition des grands en les remettant en scène, ramener l'intrigue et le désordre et épuiser ainsi en résistance à leurs vues les forces que le gouvernement aurait pu employer si utilement à d'autres objets» (Stanislas Poniatowski et Maurice Glayre. Correspondance relative aux partages de la Pologne / Wyd. E. Mottaz. Paris, 1897. S. 158–159). О том, что Штакельбергу было известно, что его доверенные лица в правящих кругах — проводники русской политики в Речи Посполитой — понимали, что включение в Постоянный совет руководителей оппозиции служило укреплению «русской системы» в Польше, косвенно свидетельствует также и то, что посол, принимая это решение, не стремился получить предварительное согласие Петербурга.

[65] Эта прочитываемая в донесениях Штакельберга Панину иерархия мотивов российского посла наиболее полно изложена Михальским (*J. Michalski*. Op. cit. S. 99–100).

[66] О. Штакельберг — Н. И. Панину 1/12.XI.1778. — АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 1114.

[67] Только этот фрагмент данного донесения удостоил внимания С. М. Соловьев (*С. М. Соловьев*. Указ. соч. С. 243).

[68] То, что Штакельберг, исходя из опыта сейма 1778 г., пришел именно к такому выводу, отмечали как его доверенные сторонники, так и объективные наблюдатели; см.: *J. Michalski*. Op. cit. S. 101–102.

[69] О. Штакельберг — Н. И. Панину 17/28.X.1778. — АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 1113.

[70] О. Штакельберг — Н. И. Панину 25.X/5.XI.1778. — Там же; *С. М. Соловьев*. Указ. соч. С. 242; *J. Michalski*. Op. cit. S. 125–127.

inslav

О. Штакельберг — Н. И. Панину 25.X/5.XI.1778. — АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 1113. С просьбой о таком генерале и о дополнительных войсках «pour observer les frontières de la Galicie en couvrant les derrières de la grande armée et en établissant une communication avec le petit corps de la Pologne, dont j'al fait porter une grande partie dans les palatinats de Lublin et de Sendomir», обращался Штакельберг к Потемкину 26.X/6.XI.1778 г. (АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 1117). См.: *J. Michalski*. Op. cit. S. 137.

72 О. Штакельберг — Н. И. Панину 25.X/5.XI.1778. См. примеч. 71. Эту просьбу посол повторил в посланном с тем же курьером коротком письме Остерману от 26.X/6.XI.1778 г. (АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 1116).

73 *Г. А. Нерсесов*. Политика России на тешенском конгрессе 1778–1779. М., 1988. С. 217; Н. И Панин — О. Штакельбергу 18/29.X.1778. — АВПРИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 1350. Л. 129–130 (оригинал). Цитируется по тексту отпуска (АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 1119), Нерсесов указал неправильную дату депеши Панина Штакельбергу.

74 О. Штакельберг — Н. И. Панину 1/12.XI.1778. — АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 1114.

75 О. Штакельберг — Н. И. Панину 1/12.XI.1778. — Там же. О серьезности, с которой посол оценивал ситуацию, свидетельствовали и его отданные тогда же распоряжения генералу Ширкову по вопросу надзора над Волынью. См.: С. Ширков — О. Штакельбергу из Полонного 10/21.XI.1778. — АВПРИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 1383. Л. 231 (копия).

76 «Je vous conjure, — умолял Штакельберг Панина в добавленном к официальному донесению „частном письме" от 1/12.XI.1778 г., — de me munir d'ordres pour l'époque embarrassante qui nous attend à la rupture avec l'Autriche. Tout est perdu si nous ne nous emparons pas à tems des Polonois». См. примеч. 74.

77 Эту вторую, «наступательную» часть своего плана Штакельберг, как нам кажется, держал в тайне и от прусского резидента Фридриха Бланшота (Blanchôt), и от французских агентов, через которых Версаль пытался воздействовать на Вену (*J. Michalski*. Op. cit. S. 137–138).

78 «Il vous informera de bouche mieux que je ne ferois par une lettre, de l'objet de sa mission et de toute la situation de nos affaires. <...> J'al reçu votre dernier courrier et je ne tarderai pas à y répondre. <...> Et aussi je vous prie de mettre au fait le prince Repnin de ce nouveau nuage qui vient de s'élever chez vous» (Н. И. Панин — О. Штакельбергу 7/18.XI.1778. — АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 1119 [черновик]). В том, что речь шла об опасности проавстрийской конфедерации, о чем ранее посол сообщал в донесении от 25.X/5.XI.1778 г., убеждает поставленная на депеше дата получения — 6/17.XI.1778. См. примеч. 71.

79 *J. Michalski*. Op. cit. S. 135.

80 Вывод о нежелании России развязывать войну был обстоятельно обоснован Е. Михальским (*J. Michalski*. Op. cit. S. 133–134).

81 «C'est une espèce de cordon tiré depuis Chelm jusq'aux environs de Cracovie» (Н. В. Репнин — Н. И. Панину 1/12.XII.1778. — Сб. РИО. СПб., 1888. Т. 65. С. 53). См.: *J. Michalski*. Op. cit. S. 140.

82 В этом последнем случае речь определенно шла о недопущении или соответственно своевременном обнаружении действий проавстрийской конфедерации.

inslav

[83] О. Штакельберг — Н. Панину 1/12.XII.1778. — АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 1114. Из составленного в тот же день в Варшаве донесения Репнина следовало, что и он заметил возбуждение польского общества перспективой русско-австрийской войны и появление надежд, что Польша сыграет в этой войне активную роль и возвратит Галицию. В беседах с поляками российский эмиссар, по собственным словам, «обольщал» их такой возможностью, использование которой, впрочем, и сам не исключал. См.: *J. Michalski*. Op. cit. S. 139–140. В относящихся к этому периоду записях Репнина о Польше мы находим знаменательный пассаж: «отнять способы у Польши нам мешать и связать ее с нами» (*Г. А. Нерсесов*. Указ. соч. С. 218).

[84] О. Штакельберг — Н. И. Панину 1/12.XII.1778. См. примеч. 83.

[85] Там же.

[86] Спустя несколько дней в очередном рапорте посол, заверяя, что в Польше царит спокойствие, предупреждал, что по мере развития военных событий на это спокойствие уже не придется рассчитывать «et vers ce tems il devient indispensable de rassembler cette nation vers un objet capable de la guérir de la crainte et la méfiance que le partage et ses malheurs lui ont inspirés» (О. Штакельберг — Н. И. Панину 5/16.XII.1778. — АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 1114).

[87] *J. Michalski*. Op. cit. S. 140–141.

[88] Ibid. S. 85, 134–135.

[89] О задачах корпуса под Полонным и войск, сконцентрированных вокруг Люблина, см.: *Г. А. Нерсесов*. Указ. соч. С. 127, 217–218.

[90] Н. И. Панин — О. Штакельбергу 23.XI/4.XII.1778. — АВПРИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 1350. Л. 144–145.

[91] На донесении Штакельберга от 25.X/5.XI.1778 г. поставлена дата получения — 6/17.XI. Подготовленный Паниным проект ответа был одобрен Екатериной II 22.XI/3.XII (АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 1119 [отпуск]). Ответ был послан с измененной на один день датой. См. примеч. 90.

[92] Н. И. Панин — О. Штакельбергу PS без даты. — АВПРИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 1350. Л. 198, Дата постскриптума — 23.XI/4.XII.1778 г. — установлена по отпуску (АВПРИ. Ф. 79 Оп. 6. Д. 1119).

[93] См. примеч. 74.

[94] Относительно даты подписания инструкции Екатериной II см. примеч. 91. Императрица обычно подписывала поданные на апробацию документы не позднее следующего дня после их представления.

[95] Инструкция, которую получил Штакельберг, подтверждает справедливость утверждения, что Панин с большим сомнением относился к слухам о возможной в Польше проавстрийской конфедерации. См.: *J. Michalski*. Op. cit. S. 127.

[96] О. Штакельберг — И. А. Остерману 15/26.XII.1778. — АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 1116.

[97] *J. Michalski*. Op. cit. S. 117, 143.

[98] Ibid. S. 143–146.

[99] «Sans une alliance, la confédération en aura une contre elle qui figurera» (О. Штакельберг — Н. И. Панину 15/26.XII.1778. — АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 1114).

inslav

[100] «Une petite mesure, toujours fort nécessaire à côté de la grande opération, est l'autorisation pour le général de Michelson de traiter avec tous les gens de marque qui s'offrent à nous lever de la cavalerie, comme les Autrichiens le font» (Там же). Идею набора Россией рекрутов в Речи Посполитой поддержал и Репнин. См.: *J. Michalski*. Op. cit. S. 139.

[101] О. Штакельберг — Н. И. Панину 15/26.XII.1778. См. примеч. 99. «Vous verrez, mon respectable bienfaiteur, par ma dépêche d'aujourd'hui, — посол подчеркивал как главное свою позицию в отправленном тогда же „lettre particulière", — combien j'insiste sur l'autorisation à un traité d'alliance avec la Pologne. Comptez que sans cela, la confédération, n'ayant aucun poids, aura le dessous». (Там же).

[102] *J. Michalski*. Op. cit. S. 146–147.

[103] О. Штакельберг — Н. И. Панину 19/30.XII.1778 и 24.XII.1778/4.I.1779. — АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 1114 (изложение дано по депеше от 4 января 1779 г. по н. с.).

[104] О. Штакельберг — Н. И. Панину 11/22.I.1779. — АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 1123. Свою озабоченность в связи с возможной проавстрийской конфедерацией и с опасностью захвата Кракова он повторил в донесении Панину от 22.I/1 [sic] II.1779 г. (Там же). Позиция Репнина относительно защиты Кракова была представлена послом неверно. См.: *J. Michalski*. Op. cit. S. 146–147.

[105] О. Штакельберг — И. А. Остерману 10/21.I.1779. — АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 1126.

[106] О. Штакельберг — Н. И. Панину 20/31.I и 25.I/5.II.1779. — Там же.

[107] *J. Michalski*. Op. cit. S. 147–148.

[108] Н. И Панин — О. Штакельбергу 9/20.II.1779 (черновик) — АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 1128. Подтверждение получения депеши в рапорте Штакельберга Панину от 26.II/9.III.1779. — Там же. Д. 1123.

inslav

С. М. Фалькович
(Москва)

ПОЛЬСКОЕ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ МЕЖДУ ПАНСЛАВИЗМОМ И ПАНГЕРМАНИЗМОМ (КОНЕЦ XVIII – НАЧАЛО XX в.)

I

Раздел Речи Посполитой между тремя государствами, два из которых были по принадлежности титульной нации немецкими, а одно славянское, не мог не поставить перед польскими патриотами, стремившимися к возрождению своей страны, вопрос об отношении, с одной стороны, к славянской проблематике во всем ее многообразии (и, в частности, к концепции панславизма), а с другой – к идеям пангерманизма. Последние представляли опасность для всего славянского мира. А в отношении Польши угроза исходила прежде всего от ассимиляторских устремлений Пруссии. Уже в конце XVIII – начале XIX в., вскоре после разделов Речи Посполитой, возникла необходимость искать защиты от германизации. Тогда известные круги польского общества обратились к идее славянского единства, что в политическом плане означало объединение славян под эгидой русского царизма. Характерно, что вызванный такой ориентацией интерес к российской истории (в 1802 г. вышел труд Я. Потоцкого «Первоначальная история народов России») и литературе возник именно в той части Польши, которая в то время находилась под властью Пруссии, – в варшавском Обществе друзей науки.

Затем настал период наполеоновских походов, в которых поляки выступали борцами и против славянской державы – России, и против германизма в лице Пруссии и Австрии. Но ощущение себя членом славянской семьи жило в польском народе, дух которого, как утверждал Я. Н. Яновский, был тесно связан с духом других славянских народов [1]. Поэтому идея общности славян получила в польской общественной мысли дальнейшее развитие, когда было создано Королевство Польское с его широкой автономией, конституционными правами и свободами, что обеспечивало благоприятные возможности экономического и культурного развития польской нации и одновременно влияло на отношение поляков к России. С российским императором – главой Королевства, гарантом его автономии и свобод – связывались национальные чаяния поляков, и это находило отражение

inslav

в их взгляде на идею общности славян. Когда же политика царизма в Королевстве развеяла эти иллюзии, польские патриоты стали связывать славянскую идею с русским освободительным движением, ориентируясь уже не на союз с царизмом, а на совместную борьбу славянских народов против него. Такая модификация нашла выражение в соглашении, которое Польское патриотическое общество заключило с декабристами, а также в «славянских» проектах русских и польских революционеров конца 20-х гг. XIX в. Она проявилась и в восстании 1830 г., когда польский сейм в своем манифесте назвал русских «великой ветвью славянского племени», родственной полякам. В повстанческом «Воззвании к русским» говорилось о «великой идее федерации славянских народов», осуществить которую может лишь совместное возрождение русских и поляков [2].

II

Разгром восстания 1830–1831 гг., последовавшие за ним репрессии, ликвидация автономии Королевства Польского, жесткая политика царизма в отношении польского народа оставили глубокий след в сознании польского общества: Россия стала восприниматься как сила, активно препятствующая возрождению Польши, а официальная концепция панславизма, с которой вскоре выступил царизм, естественно, вызывала у поляков опасение и отвергалась. Но политика Австрии и Пруссии, поддержавших Россию во время восстания, также не внушала им доверия. В частности, Австрия до конца 1840-х гг. считалась чуть ли не врагом № 1 Польши. Если для большинства славянских народов Габсбургской монархии панславизм и опора на Россию становились козырем в борьбе против немецкого централизма Вены и угрозы пангерманизма, связанной с перспективой превращения Австрии в лидера германского мира, то специфика положения польского народа требовала от него борьбы на два фронта — как против пангерманизма, так и против панславизма.

Важным рубежом в определении позиций польского национально-освободительного движения стала «Весна народов» 1848–1849 гг. [3]. Революции в империи Габсбургов и германских государствах, в первую очередь в Пруссии, как бы снимали с повестки дня опасения перед ассимиляторской политикой немцев, возбуждали надежду, что немецкий народ поведет революционную войну против России — оплота реакции. В марте 1848 г. в Берлине поляки приветствовали прусского короля, надев на шляпы польские и немецкие кокарды «в знак братского соединения с немцами». О братании народов, о союзе свободной Пруссии с будущей возрожденной Польшей, направленном

inslav

против России, говорили Л. Мерославский и К. Либельт, в числе других польских узников освобожденные революцией из берлинской тюрьмы Моабит. В написанном Либельтом воззвании подчеркивалось, что польский народ хочет воскресить свое государство как заслон для свободной Германии. Либельт напоминал, что освободить польских узников помогла кровь, пролитая немцами на баррикадах, и призывал отказаться от ненависти и антинемецких выступлений в Познани. В поддержку прусской революции поляки сформировали студенческий легион [4]. Представители демократической польской эмиграции участвовали в восстаниях, происходивших и в других германских государствах — в Бадене, Дрездене, Палатинате, защищая демократические свободы и либеральные ценности. Союз с революционной Германией рассматривался как гарантия от угрозы царского панславизма. Печатный орган Польского демократического общества «Демократа польский» заявлял: «Германия монархическая, Германия федеративная, Германия в когтях Пруссии и Австрии — это огромное и удобное орудие царизма, это меч палача на нашу шею. <...> Освобожденная же Германия, Германия единая в политическом и социальном плане, Германия республиканская — это естественный враг царского москвитизма <...> это народ, мирно и честно соседствующий с нами» [5].

На первом этапе революции подобные надежды питала и имевшая своим центром парижскую резиденцию князей Чарторыских Отель Лямбер польская аристократическая эмиграция. В ее воззвании к полякам говорилось и о Германии, куда с началом революции направился А. Чарторыский: «Немецкие народы, освобожденные от оков, подают вам руку дружбы и помощи. Не потеряйте, не остудите их симпатию к вам». Требуя от поляков быть достойными симпатий и «братской дружбы» «благородной германской нации», Отель Лямбер выражал уверенность, что «искренний нерушимый союз» с ней принесет огромную пользу польскому национальному делу [6].

Аристократическая эмиграция также считала основной угрозой исходящий от царской России панславизм и противопоставляла ему «славизм, свободный и независимый от всех иностранных влияний». Главную цель своих усилий она видела в «отвлечении славян от московского панславизма». Но, как отмечали деятели Отеля Лямбер, победить панславизм или задержать его развитие нельзя, если встать сбоку или даже напротив него; единственный способ — «овладеть им и поссорить с ним царя», а иначе говоря, овладеть славянским движением, «полонизировать» его [7].

При этом оговаривалась и вторая задача, направленная против пангерманизма: «полонизировать славянское движение, чтобы вырвать его у России, и славянизировать польское движение, чтобы оно не

inslav

превратилось в орудие немцев». Подчеркивалась цель — «отвратить славян от панславизма и от Германской конфедерации», а для этого Отель Лямбер считал нужным «побуждать их к уважению Оттоманского государства». Его агенты убеждали сербов, что «отделение от Турции — верная гибель», так как придется опереться на Россию и «со временем подвергнуться участи Польши» [8]. Партия Чарторыских готова была закрепить власть Австрии и Турции над славянами, лишь бы не отдать их влиянию Москвы. Правда, австрийское господство признавалось также нежелательным, но на первом этапе революции Отель Лямбер полагал, что распад империи Габсбургов неизбежен, и был озабочен тем, чтобы австрийские славяне не оказались захвачены Россией или Германией. Препятствие этому он видел в объединении австрийских славян и соглашении их с венграми: «идея объединить силы славян и мадьяр, чтобы иметь возможность вместе дать отпор предприятиям и акциям России», называлась «спасительной». Политики Отеля Лямбер осуждали борьбу славян против мадьярского господства, указывая, что она «служит только Австрии» — «врагу всех славян от века», особо опасному для их свободы и национальности. Осенью 1948 г. партия Чарторыских была вынуждена констатировать, что «старая австрийская система» сохранила себя, ведя наступление на революцию, и отмечала грозящую славянам новую опасность со стороны немцев [9].

Об этой опасности особенно убедительно свидетельствовала политика «революционного» прусского правительства. Осуществление в Великом княжестве Познанском «национальной реорганизации» не только не принесло полякам обещанной полонизации этой провинции, но и привело к ее разделу на немецкую и сильно урезанную польскую части. В княжестве было объявлено военное положение, проводилась «пацификация» (умиротворение) польского населения, протестовавшего против перспективы включения Познанщины в Германский союз. Когда в княжестве вспыхнуло восстание, оно было подавлено военной силой, последовали репрессии, поднялась волна антипольских настроений и выступлений в среде познанских немцев, возникла атмосфера ненависти, преследований, террора в отношении поляков. Огромное разочарование и тревогу вызвали у поляков заседания франкфуртского парламента, собравшегося для выработки конституции будущей объединенной Германии. Поначалу депутаты выступили с осуждением разделов Польши, но затем одобрили раздел Познанщины. Тщетны были выступления депутатов-поляков Я. Х. Янишевского и К. Либельта, обращения польских депутатов берлинского парламента, деятелей польской эмиграции, которые требовали справедливости для польского народа, взывали к революционным

inslav

стремлениям и благородным чувствам немцев, доказывали, что польское население Великого княжества Познанского не хочет присоединяться к объединенному германскому государству «по той простой причине, что они никакие не немцы, а поляки, и от них требовали чего-то невозможного, когда считали их способными желать быть немцами».

Однако такие доводы не убеждали немецких парламентариев, воодушевленных идеей Великой Германии. Даже либералы и демократы полагали законным принесение ей в жертву национальных интересов других народов. Так, В. Йордан заявил: «Самое время нам <...> пробудиться для здорового национального эгоизма. Я признаю без всяких уверток: наше право это не что иное, как право сильнейшего, право завоевателя» [10]. И хотя в период революции Объединенную Германию создать не удалось, «национальный эгоизм» и «право сильнейшего» были постоянным фактором, определявшим германизаторскую политику Пруссии в 50–60-е гг. XIX в. Поэтому борьба против пангерманизма оставалась актуальной задачей польского народа.

Неудача с объединением Германии в 1848 г. имела важные последствия для определения позиции польского национально-освободительного движения относительно Австрии. Она не стала главой германского мира, чего так боялись славяне Габсбургской монархии. В этой ситуации возникшая у них идея превратить империю в славянскую федерацию, опереться на нее в борьбе с германизмом получила шанс быть поддержанной и поляками, для которых она имела значение еще и потому, что одновременно отвлекала австрийских славян от России. Таким образом, концепция австрославизма, в 1848 г. еще не занимавшая важного места в идейном арсенале польского национального движения, в послереволюционные годы была взята на вооружение не только консервативной эмиграцией, но и галицийскими политиками – как консерваторами, так и либералами. Они видели в австрославизме противопоставление как пангерманизму, так и панславизму, а кроме того, рассчитывали, что в федерации автономных народов под скипетром Габсбургов главная роль перейдет к венграм и славянам, а среди последних особое место займут поляки [11].

Еще в 1846 г. А. Фредро писал Ф. Стадиону, что автономная Галиция «станет крепостным валом и пунктом опоры для многих славянских поколений, собранных под отеческой властью австрийского дома» [12]. А в 1850-е гг., доказывая обоснованность таких надежд, деятели аристократической эмиграции отмечали более благоприятные, по сравнению с другими частями Польши, условия развития польской нации в Галиции и объясняли это тем, что империя Габсбургов включает в себя слишком много народов, чтобы проводить активную германизаторскую и ассимиляторскую политику. Правда, в 1861 г.

inslav

польские депутаты венского рейсрата акцентировали задачу защиты польской национальности от германизма, но Отель Лямбер старался убедить галицийцев, что полное уничтожение национальных чувств поляков не входит в задачу Австрии, так как усиливает Россию. Публицист этого лагеря Ю. Клячко отрицал и на будущее возможность для Австрии как государства «католического, феодального и восточного» сыграть руководящую роль в объединении Германии, «подлинный дух которой — мещанский, либеральный и ярко протестантский». Способность к либеральной и реформационной инициативе среди немецких государств он признавал только за Пруссией, миссию же Австрии видел не в Германии, а на Востоке [13]. Поэтому Отель Лямбер осуждал выступления Австрии в роли немецкой державы (например, в 1864 г. он стоял на стороне Дании в ее войне с Пруссией и Австрией) и, напротив, приветствовал те ее шаги, которые, по мнению поляков, были направлены против России и панславизма. Так, накануне Крымской войны Отель Лямбер и ряд видных галицийских консерваторов добивались выступления Австрии против России.

III

Восстание 1863–1864 гг. в Королевстве Польском, принятый царизмом после его подавления жесткий антипольский курс и поднявшаяся в русском обществе волна антипольских настроений укрепили польское национально-освободительное движение на позициях борьбы с Россией и панславизмом. Консервативное крыло эмиграции и галицийские политики утвердились в мысли о «спасительности» австрославизма; идея федеративного преобразования Австрийской империи связывалась с лозунгом польской гегемонии среди славян в целях противопоставления панславизму и упрочения государства Габсбургов. Такого взгляда придерживались и либеральные круги Галиции. В документах возникшего во Львове в 1863 г. Национально-демократического общества звучал призыв бороться с панславизмом, поддерживая стремления славянских народов к самостоятельному развитию и добиваясь, чтобы Польша стала для них центром притяжения [14].

Это напоминало программу «полонизации» славянских движений, предложенную Отелем Лямбер в 1848 г. В 1860-е гг. его линия нашла продолжение в новых попытках использовать международную ситуацию для нанесения удара по оплотам панславизма и пангерманизма. В 1866 г. возникли надежды на совместное выступление Австрии и Франции против России и Пруссии, при этом лозунг соглашения с Габсбургами расценивался как «патриотический». Жупел панславизма рассчитывали использовать в целях давления на Вену, имея

inslav

в виду факт выступления в это время в Галиции украинских москвофилов в пользу России. В декабре 1866 г. галицийский сейм принял адрес императору, где исторической задачей Австрии провозглашалась защита западной цивилизации.

О надеждах на Австрию в связи с ее миссией «защиты Европы от России» говорилось в 1867 г. в брошюре Э. Бялоскурского, являвшейся как бы неофициальной программой праволиберальной партии А. Голуховского[15]. В выступлениях «краковских консерваторов» опасность панславизма и связанная с ней угроза захвата Галиции Россией также фигурировали как аргумент в пользу соглашения поляков с Габсбургами, которое рассматривалось как залог спасения империи от распада и укрепления ее сил. Ю. Шуйский в брошюре «Несколько истин из нашей истории для размышления в настоящий момент» (1867 г.) подчеркивал, что причина слабости Австрии в забвении ею своей миссии на Востоке — быть оплотом против России. Он указывал, что теперь Россия непосредственно угрожает Габсбургам и потому задача борьбы против нее объединяет их с поляками. Шуйский развивал мысль о необходимости для поляков «органического национального развития» в рамках Австрийской империи, преобразованной на началах федерализма, который он противопоставлял дуализму [16].

В тезисах Шуйского отразились реалии политической борьбы, происходившей в монархии Габсбургов в период преобразований в государственном устройстве империи. В свете угрозы пангерманизма галицийских политиков беспокоило возможное господство немецкого меньшинства при дуалистическом переустройстве империи. Одновременно они постоянно оглядывались на столь существенный в их глазах момент, как угроза панславизма и царизма, и потому стремились «открыть глаза и совесть венграм и славянам», разъяснить им опасность дуализма, который мог толкнуть австрийских славян к России, отдать Галицию и другие земли «в руки Москвы» [17]. Именно это опасение обусловило преобладание в галицийском обществе симпатий к федерализму как антитезе дуализма, хотя в кругу праволиберальных политиков и родилась идея выделения Галиции в рамках дуалистической монархии. Но Отель Лямбер советовал не требовать уступок, способных повредить единству и мощи империи Габсбургов. Он звал поляков, венгров, чехов объединиться против панславизма.

В 1867 г. поляки оказались перед фактом принятия Веной дуалистической модели государственного устройства, но это не заставило галицийских политиков отказаться от австрофильства. После 1867 г. становится все более твердым их антирусский курс, все больше внимания направляется на борьбу с панславизмом. Антирусская направленность курса выражалась и в стремлении противопоставить «рус-

inslav

скому панславизму» идею «польского славизма», выдвигавшуюся под лозунгом «защиты католицизма». Галицийские консерваторы старались укрепить связи со славянскими депутатами рейхсрата, содействовать примирению славян с венграми. Пытаясь усилить влияние Австрии среди угнетенных Турцией славянских народов, Отель Лямбер посылал эмиссаров на Балканы для ведения пропаганды. При посредстве поляков в 1867 г. было подписано тайное австро-турецкое соглашение, направленное против панславизма и России.

На первых порах Отель Лямбер призывал продолжать борьбу против дуализма, чтобы оправдаться в глазах австрийских славян и помешать их сближению с Россией. Польская эмиграция предостерегала от угрозы панславизма в связи с подготовкой при поддержке российских официальных кругов славянского съезда в Москве. Накануне съезда поляки вели переговоры в Париже с чешскими представителями, а после него Клячко вновь призвал чехов объединиться против панславизма. На чехов, последовательно выступавших за федерализм, в первую очередь падали подозрения в симпатиях к России и панславизму. В этой связи была осуждена и сама идея федерализма как вредная выдумка врагов Австрии. В речи 3 мая 1870 г. В. Чарторыский вынужден был одобрить дуализм, хотя все же признался, что считает идеалом федеративное устройство, так как видит в нем средство против панславизма и пангерманизма. Он заявил, что «федеративная монархия от Черного моря до Балтики <...> необходима для свободы мира, чтобы Россию территориально отделить от Пруссии и закрыть ей путь на Константинополь: она необходима для европейского равновесия, чтобы заменить бывший Германский союз, разбитый в 1866 г., и выполнить его задачу создания противовеса державам оси» [18]. Подобные акценты содержала и речь Клячко в львовском сейме в 1870 г. Выступая в канун Франко-прусской войны, он напомнил о роли прусских крестоносцев в истории славян и призвал к борьбе с германизмом. Правые либералы в Галиции также демонстрировали свою враждебность как панславизму, так и пангерманизму, подчеркивая, что монархии Габсбургов угрожала и Россия, и Пруссия [19].

Поражение Франции в 1870 г. и торжество пруссаков, в зависимости от которых оказалась Австро-Венгрия, нанесли удар надеждам галицийских поляков, заставив их отказаться от планов активной борьбы с панславизмом и пангерманизмом и встать на путь безоговорочного сотрудничества с Габсбургами. В 1873 г. В. Чарторыский указывал, что в условиях союза России и Пруссии нельзя ссориться с Веной. При этом консервативные политики подчеркивали возможность сотрудничества только с консервативно-монархической Австрией, отвергая всякий компромисс со «шмерлинговско-централис-

inslav

тично-доктринерско-конституционно-немецкой утопией»[20]. Либерализм для них был однозначен с централизмом, протестантизмом и пангерманизмом.

IV

Если консервативная польская эмиграция и господствующие круги Галиции в борьбе против панславизма и пангерманизма пытались опереться на союз с Габсбургами, то позиция демократической эмиграции и радикальных элементов галицийского общества носила ярко выраженный антиавстрийский характер; лозунг борьбы на два фронта — против панславизма и пангерманизма — осуществлялся ими последовательно. Однако как ненависть к царизму и его «славянской» идеологии не означала неприязни к русскому народу, с которым польские патриоты осуществляли революционное сотрудничество, так и ненависть к монархии Габсбургов и пангерманизму не означала враждебности к немцам вообще.

Пресса демократической эмиграции писала, что, борясь за объединение Германии, немецкий народ борется за справедливый принцип национальности. Громада революцийна «Лондон» (польская социалистическая организация в эмиграции), выступая за объединение славян против Австрии и Пруссии, заявляла, что надо уничтожить не германские народы, а их правительства и тем самым освободить их. Польским демократам ненавистна была феодальная католическая Австрийская монархия — «сторож огромной тюрьмы народов», и они яростно атаковали программу соглашения с Веной, противопоставляя ей планы совместной борьбы революционных народов против Габсбургов[21]. В 1850-е гг. они активно сотрудничали с итальянскими, чешскими, венгерскими, югославянскими революционерами, формировали польские легионы, участвовали в походах Гарибальди. Правда, в этих антиавстрийских акциях акцент делался на борьбе не столько против германизма, сколько против одного из угнетателей Польши. В то же время Л. Мерославский, требуя «пробиваться к живой Польше через мертвую Австрию», напоминал, что царский указ оценивал революционную деятельность, направленную против Австрии, как нацеленную и против России[22]. Тем самым подчеркивалась обусловленность борьбы на два фронта — против германских и славянских угнетателей.

И в самом деле, сотрудничество польских демократов с итальянскими, венгерскими, чешскими революционерами, как бы предопределявшее антиавстрийские цели их борьбы, не означало, что забыт другой враг — Россия. С конца 1850-х гг. в Королевстве Польском

inslav

нарастало патриотическое движение, и началась подготовка к восстанию. Выступление против царизма должно было стать лишь началом борьбы за свободу Польши при поддержке европейского революционного движения. Один из активных деятелей повстанческой организации З. Милковский, выступавший за освобождение Польши из-под ига России и Австрии, предсказывал: «Польское восстание <...> вызовет движение в Австрии, а именно в Венгрии, Чехии, в Ломбардии, <...> эти движения освободят Галицию и создадут нам основу для регулярной войны против России» [23]. Уже на исходе восстания, в марте 1864 г., повстанческая газета «Глос з Литвы» подчеркивала факт связи антирусского и антиавстрийского выступлений: «не хватает лишь первой искры, чтобы вспыхнул пожар, зарево которого отразится в водах Вислы и Дуная» [24].

Решимость польских патриотов дать бой на Висле и Дунае сразу двум врагам также подтверждала верность польских демократов принципу борьбы на два фронта. Привлекая славян к сотрудничеству, поляки отрывали их от России и идеи панславизма; направляя же удар против Австрии, они били и по оплоту пангерманизма — Пруссии, которая в это время в союзе с монархией Габсбургов выступила против Дании. В этой ситуации ряд польских революционеров призывали бороться не только с Россией и Австрией, но и с Пруссией. Я. Дзялыньский и Ю. Гауке-Босак стремились мобилизовать на продолжение борьбы все силы Польши — в Галиции, Познанщине, за границей. Серьезного внимания к военной организации Галиции и Познанщины требовали А. Гуттри и Я. Кужина от имени Союза патриотов; летом 1864 г. Кужина выдвинул программу: «Народ и война, восстание в Галиции и Познани» [25].

V

После подавления восстания 1863–1864 гг. ненависть поляков к панславизму и воплощавшей его России укрепилась, но у польских патриотов не осталось сил для борьбы с царизмом. В то же время сохранялась антигабсбургская направленность усилий польских демократов. В 1866 г., когда Австрия оказалась втянутой в войну против Италии и Пруссии, польские революционеры попытались сформировать в Италии легион. Это не означало поддержки Пруссии против Австрии, расчет был на взаимное ослабление обоих немецких угнетателей польского народа.

Демократы также были озабочены перспективой преобразования Австрийской империи. Они отрицательно относились к концепции австро-венгерского дуализма, видя в таком разрешении венгерского

inslav

вопроса, с одной стороны, укрепление империи Габсбургов, потерю в лице венгров союзника в борьбе с Веной, а с другой — усиление позиций немецкого и мадьярского национальных элементов, опасное для поляков и других славянских народов. В 1865 г. эмигрантская «Ойчизна» предупреждала, что дуализм будет означать заострение политики в отношении Галиции. В 1868 г. «Неподлеглость» осудила предложенный консерваторами план присоединения Галиции к Венгрии в рамках дуалистической системы, так как его реализация поставила бы славянское население империи в полную зависимость от немцев, а значит, лишила бы поляков поддержки их «естественных союзников» в борьбе с Габсбургами и в то же время способствовала бы успеху панславистской пропаганды у австрийских славян [26].

Пресса польской демократической эмиграции с одобрением отмечала антиавстрийские акценты в выступлениях львовского Национально-демократического общества, в частности идею поддержки национальных устремлений славянских народов. Но в отличие от либерального руководства Общества, стремившегося в союзе со славянами добиться федерализации государства Габсбургов и тем продлить его жизнь, радикалы формулировали лозунг совместного выступления славянских народов империи во имя ее уничтожения. За ликвидацию монархии Габсбургов и создание на ее месте славянской федерации выступал участник восстания 1863 г. К. Микошевский. Гауке-Босак подчеркивал, что «либеральные» и «федералистские» тенденции Австрии — обман. Угнетенным славянским народам, заявлял он, не нужны реформы, цель которых спасти монархию, усилить «господство немецкого меньшинства над славянским большинством» [27].

Идею славянской федерации польские демократы связывали с задачей борьбы как против пангерманизма, так и царского панславизма. Милковский призывал к союзу славян против Габсбургов, царизма и Османской империи и вел в Белграде работу в этом направлении. Громада революцийна «Лондон» считала первоочередной целью объединение славян для борьбы с Австрией и Пруссией. В то время как Национально-демократическое общество и некоторые политики консервативного и либерального толка отдавали пальму первенства полякам как центру славянского мира, ряд демократических деятелей были склонны признать за чехами руководящую роль в будущей славянской федерации. Польским революционерам импонировала последовательная и упорная оппозиционность чешских радикалов в борьбе против дуализма. Среди выдвинувшихся на первый план связей со славянскими союзниками контакты с чехами были для поляков особенно важны. Именно чехам в 1867 г. был передан мемориал, в котором руководство Объединения польской эмиграции выдвинуло лозунг:

inslav

«Сначала освободимся от оков, а потом побратаемся!» [28]. Мемориал был связан с открытием в Москве Славянского съезда и непосредственно касался вопросов борьбы с панславизмом и пангерманизмом.

Последовательная позиция польских демократов в славянском вопросе, принципиальное неприятие ими концепций панславизма и австрославизма, их недоверие и неприязнь к Романовым и Габсбургам не исключали известных иллюзий, связанных с расчетом на то, что международная ситуация может заставить Австрию опереться на славянские народы, предоставить им автономию, создать федеративное государство. Так, в 1870 г., завороженные надеждой на выступление Австро-Венгрии в поддержку Франции против Пруссии и постановку польского вопроса в повестку дня, некоторые круги демократической эмиграции отступили от антигабсбургского курса. Но бесплодность их конъюнктурных выступлений стала ясна очень скоро, и они не могли повлиять на магистральную политическую линию польской демократической эмиграции, неизменно выступавшей в 50–60-е гг. XIX в. под лозунгами свержения царского ига и освобождения народов Австрийской империи. Именно демократическая часть польского патриотического лагеря последовательно отстаивала принцип борьбы на два фронта и действительно боролась с пангерманизмом и панславизмом всеми средствами.

Конец 60-х — 70-е гг. XIX в. для Галиции стали временем получения автономии по милости Габсбургов: в крае развивались национальные польские институты, культура, экономика. Германизация галицийским полякам больше не грозила, тем более, что после объединения Германии сверху, усилиями прусского «железного канцлера», окончательно отпала перспектива превращения Австрии в лидера германского мира. Победа пруссаков в войне с Францией и создание Германской империи знаменовали активизацию политики «Дранг нах Остен» и несли славянам угрозу германской ассимиляции. На западных польских землях в последние десятилетия XIX и в начале XX в. последовательно осуществлялся жесткий курс вытеснения поляков, наступления на польское землевладение, культуру, язык, на католическую церковь. Сопротивление этому курсу выражалось не только в дискуссиях в прессе, в парламентской борьбе, в «органической работе» по развитию польской экономики и культуры, в создании обществ для защиты польской собственности и т. п., но и в массовых протестах, в забастовках, в организации тайного обучения на польском языке. И это сопротивление приносило плоды: польское землевладение одержало победу, процесс национального возрождения охватил польские земли, давно захваченные Пруссией и долгое время подвергавшиеся ассимиляции.

Inslav

Многие из этих форм сопротивления использовались поляками и в борьбе против русификаторской политики царизма, которая активизировалась после подавления восстания 1863–1864 гг. Царское правительство стремилось установить в Королевстве Польском общероссийскую административную и судебную системы, систему образования, насадить в Королевстве русскую бюрократию, уничтожить приметы национальной самобытности польского народа. Но и здесь усилия ассимиляторов провалились, как об этом заявил в 1907 г. лидер польских национальных демократов Р. Дмовский в книге «Германия, Россия и польский вопрос».

VI

С конца XIX в. начала складываться новая международная ситуация, когда три угнетателя Польши впервые оказались не в одном лагере. Возникли два противостоящих друг другу блока — Антанта и Тройственный союз. Перспектива войны между ними вновь поставила в повестку дня польский вопрос, что побудило и польское национально-освободительное движение выработать собственную позицию. В результате в польском национальном лагере произошел раскол: часть патриотов (в первую очередь в Галиции) делали ставку на победу в будущей войне австро-германского блока и объединение польских земель при поддержке Габсбургов; в Королевстве Польском, напротив, считали необходимым опереться на Россию в борьбе с германизмом. В книге Дмовского факт неудачи русификации выступал как аргумент признания германской угрозы в качестве главной. Противостоять этой угрозе, как считали в буржуазно-помещичьих кругах Королевства Польского, сможет лишь сильная Россия, которая должна заключить союз с Австро-Венгрией, преобразованной в государство, где народы, прежде всего славянские, получат равные права. Национальные демократы приняли активное участие в движении неославизма, идеология которого была выработана славянской буржуазией Габсбургской монархии в целях защиты своих интересов перед лицом политической гегемонии в Австро-Венгрии немцев и мадьяр. Но галицийские консерваторы, дорожившие полученной от Вены автономией, занимали осторожную позицию, стараясь акцентировать не политические, а культурные и экономические цели движения. Польские сторонники неославизма подчеркивали также, что его идеология очищена от одиозных положений панславизма, однако связь последнего с неославизмом была достаточно явной [29].

Таким образом, впервые двуединая цель борьбы польского национально-освободительного движения — против панславизма и пангер-

inslav

манизма — была разделена и разведена по двум противоборствующим лагерям. Польские политики, заявившие о поддержке славянского движения и России «без всяких оговорок», вскоре поняли нереальность своих расчетов, когда столкнулись с фактом принятия Российской Государственной думой ряда антипольских законов. Они отошли от активного участия в неославистском движении, которое показало свою несостоятельность и угасло накануне Первой мировой войны. Но состоявшийся раскол польского национального движения не был преодолен, и очень скоро поляки оказались в рядах воюющих друг против друга армий — армий государств, на протяжении ста с лишним лет олицетворявших собой понятия «панславизм» и «пангерманизм».

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Подробнее см.: *С. М. Фалькович.* Концепция славянского единства в польской и русской общественной мысли (эпоха национально-освободительных восстаний) // Славянский вопрос: Вехи истории. М., 1997.

2 Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей. М., 1956. Т. 2. С. 218, 223, 233.

3 Подробнее см.: Европейские революции 1848 г.: «принцип национальности» в политике и идеологии. М., 2001. Гл. 5.

4 Там же. См. также: *J. Falkowski.* Wspomnienia z roku 1848–1849. Warszawa, 1908. S. 18–23; «K. Libelt. 1807–1875». Warszawa; Poznań, 1976. S. 60–62.

5 «Demokrata Polski». Paryż, 9.VI. 1849. № 23.

6 См.: Biblioteka Czartoryskich w Krakowie. 5285 IV. K. 235–237.

7 Ibid. 5387 III. K. 7, 72, 91, 98, 119.

8 Ibid. K. 3, 122, 136, 183.

9 Ibid. K. 3, 8, 14, 21, 27, 143, 165, 175, 197.

10 Stenographischer Bericht über die Verhandlungen der deutschen constituirenden Nationalversammlung zu Frankfurt am Main. Frankfurt, 1848. Bd 2. S. 1163–1167. См. также: Европейские революции 1848 года...

11 Подробнее см.: *S. M. Falkovic.* Die Polnische Nationalbewegung zwischen Panslavismus, Pangermanismus und Austroslavismus // Berliner Jahrbuch für osteuropäischer Geschichte. 1996/1. «Osteuropäische Geschichte in verleichender Sicht». S. 251–266; *С. М. Фалькович.* Отношение польского национального движения к Австрийской империи и идеологии австрославизма в контексте идей панславизма и пангерманизма // Из истории общественной мысли народов Центральной и Восточной Европы (конец XVIII — 70-е гг. XIX в.). М., 1995.

12 *J. Zdrada.* Sprawa autonomii galicyjskiej w polityce Hotelu Lambert w latach 1859–1873 // Studia historyczne. Kraków, 1967. Z. s (38/39). S. 56.

13 «Wiadomości Polskie». Paryż, 27.XI 1858; *J. Klaczko.* Studia dyplomatyczne. Sprawa polska — sprawa duńska (1863–1865). Kraków, 1903. T. 1. S. 65–71, 92.

inslav

14 *J. Zdrada.* Archiwum Lwowskiego Towarzystwa Narodowo-Demokratycznego (1868–1870) // Rocznik Biblioteki PAN w Krakowie. Kraków, 1966. T. 12. S. 80, 99–100. См. также: Освободительные движения народов Австрийской империи. Период утверждения капитализма. М., 1981. С. 252.

15 *E. Bialoskorski.* Przed wyborami w roku 1867. Lwów, 10.I.1867.

16 *J. Szujski.* Dzieła. S. III. T. I. Kraków, 1885. S. 278–286.

17 *J. Zdrada.* Sprawa... S. 63–64, 66–69.

18 Ibid. S. 67–69.

19 Galicja w dobie autonomicznej (1856–1914). Wrocław, 1952. S. 133.

20 *J. Zdrada.* Sprawa... S. 69–70; *Idem.* Organizacja i stanowisko Koła Polskiego w wiedenskiej Radzie Państwa 1861–1862 // Zeszyty naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. LXXI. Prace historyczne. Z. 12. Kraków, 1963. S. 72.

21 *J. W. Borejsza.* Emigracja polska po powstaniu styczniowym. Warszawa, 1966. S. 289, 260–262; *С. М. Фалькович.* Идейно-политическая борьба в польском освободительном движении 50–60-х гг. XIX в. М., 1966. С. 123.

22 Biblioteka Jagiellońska w Krakowie. Dział rękopisów. 6772. K. 48–49.

23 *С. М. Фалькович.* Антигабсбургские планы польских, итальянских и венгерских революционеров в контексте национальных движений народов Австрийской империи в 50–60-е гг. XIX в. // Национальное движение в Центральной Европе: сотрудничество и контакты (30–70-е гг. XIX в.). М., 1993. С. 199–200.

24 «Głos z Litwy». Wilno, 20.III.1864.

25 *С. М. Фалькович.* Антигабсбургские планы... С. 212–213.

26 «Ojczyzna». Bendlikon. 23.VIII.865. № 58. S. 3; «Niepodległość». Paryż. 10.VIII.1868. № 73. S. 1–3.

27 Освободительные движения... С. 199, 252; *E. Kozlowski.* General Jozef Hauke-Bosak (1834–1871). Warszawa, 1973. S. 344–352.

28 «Niepodległość». 30.V.1867.

29 См. подробнее: *С. М. Фалькович.* Пролетариат России и Польши в совместной революционной борьбе (1907–1912). М., 1975. С. 129–139; *Она же.* Идеология неославизма и разоблачение ее славянской социал-демократией // X международный съезд славистов. История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М., 1988; *Она же.* Сотрудничество русских и польских неославистов и славянские съезды начала XX в. // Славянские съезды XIX–XX вв. М., 1994.

inslav

Т. Н. Гелла
(Орел)

РОССИЯ И ГЕРМАНИЯ ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ПЛАНАХ АНГЛИЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ КРУГОВ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.

В конце XIX – начале XX в. в британском обществе дискуссии по вопросам внешнеполитического курса Англии приобрели острый характер. В первую очередь это было связано с тем, что 1880–1890-е гг. ознаменовались в дипломатической истории Европы оформлением двух военно-политических блоков – Тройственного союза (1882 г.) и Франко-русского союза (1891–1893 гг.). Англия, придерживавшаяся внешнеполитических принципов «блестящей изоляции», оставалась пока вне этих политических группировок. Отсюда – пристальное внимание британской политической элиты к вопросам внешнеполитической ориентации Англии. Проблема отхода от политики «блестящей изоляции» поставила на повестку дня вопрос о поисках потенциальных союзников Англии, поэтому России и Германии, несмотря на всю остроту их взаимоотношений с последней, отводилось в планах английских политиков заметное место.

I

Проблемы внешней политики Великобритании всегда являлись той сферой политических интересов, которая с наибольшей яркостью характеризовала позиции представителей тех или иных политических кругов. Как консерваторы, так и либералы, сохраняя единство взглядов на приоритетную задачу – защиту и укрепление Британской империи, – занимались разработкой собственных внешнеполитических концепций и имели свое видение путей претворения их в жизнь.

Большое внимание проблемам внешней политики уделяли либералы, хотя в период с 1895 по 1905 г. они находились в оппозиции. Наиболее активными были в этом плане правые либералы, или, как их называли, либерал-империалисты, к числу которых относились такие видные политические деятели, как лорд Розбери (министр иностранных дел в 1886 г. и 1892–1894 гг., премьер-министр Англии в 1894–1895 гг.), Г. Асквит, Р. Холден, Э. Грей и др. Наибольшим

inslav

авторитетом в решении внешнеполитических проблем среди них пользовался лорд Розбери. Буржуазная пресса отмечала, что, когда дело касалось внешней политики, сами либералы понимали, что лорд Розбери был единственным человеком среди них, на которого нация обращала внимание [1]. Английские журналисты назвали его «Дизраэли либерализма», поскольку с его именем была связана разработка ряда внешнеполитических принципов Великобритании.

В вопросах внешней политики Розбери исходил из того, что если внутреннее законодательство являлось постоянной ареной партийных споров, то во внешней политике нация должна рассматриваться как единое целое [2]. Принцип «двухпартийности» в решении внешнеполитических вопросов, который широко рекламировал Розбери, был основополагающим для всех либералов. Вступая в должность главы Форин офис в 1886 г., Розбери заявлял, что «неотъемлемой чертой внешнеполитического курса является политика преемственности» [3]. Выдвинутый им постулат был принят как консерваторами, так и либералами. «Лейбор Лидер» отмечала, что либералы и консерваторы в лице лорда Розбери и лорда Солсбери (глава консервативной партии, премьер-министр Англии с 1895 г.) передавали бразды правления друг другу, но дух политики оставался одним и тем же [4]. Розбери и его сторонники придерживались идей «двухпартийности» и «преемственности» и в тот период, когда либеральная партия находилась в оппозиции. В одной из своих предвыборных речей летом 1895 г. Розбери говорил, что «какие бы внутренние разногласия ни были в стране, мы должны сохранить единство действий за границей» [5].

Принцип «двухпартийности» правые либералы применяли в первую очередь к политике «блестящей изоляции». Но это не исключало наличие споров внутри либеральной партии по вопросам форм и методов разрешения внешнеполитических проблем. Особенно наглядно это прослеживалось в период, когда встал вопрос об отходе от этой политики.

В конце 90-х гг. XIX в. в меняющихся условиях, вызванных усилением позиций Германии на мировой арене и формированием военно-политических блоков, в английских политических кругах широко дебатировался вопрос о целесообразности сохранения политики «блестящей изоляции». Среди членов консервативного правительства во главе с лордом Солсбери, пришедшего к власти в 1895 г., не было единства по этому вопросу. Дж. Чемберлен (бывший представитель радикального крыла либеральной партии, после ее раскола в 1886 г. — лидер либерал-юнионистской партии, глава Министерства колоний в консервативном кабинете) один из первых понял, что старая британская политика «блестящей изоляции» отжила свой век и что в новых

inslav

условиях Англия не могла проводить свою политику старыми методами. Поэтому уже в начале правления консерваторов он выступил за отказ от этой политики, призывая заключить союз с державами, интересы которых были ближе всего к английским [6]. Однако против политики союзов был Солсбери, заявивший, что Британия может защищать свои интересы в любом конце земного шара без помощи союзников, хотя, как отмечал отечественный историк К. Б. Виноградов, «много болевший Солсбери все чаще пасует перед проводниками «нового курса» в британской внешней политике» [7].

За сохранение политики «блестящей изоляции» активно выступали либералы. Среди внешнеполитических принципов, которые были сформулированы еще У. Гладстоном [8] и которым либералы следовали в конце XIX в., необходимо выделить два наиболее важных: значение для Англии европейского концерта и избежание заключения обязательств, которые не принесут стране выгод. Поэтому в 1896 г. разделявший взгляды Гладстона У. Харкорт уже как глава либеральной партии заявил, что Англия «не нуждается в союзе, который сразу же устаревает, как только его создадут». Он категорически выступил против присоединения как к Тройственному, так и к Двойственному союзу, призвав Англию сохранить «свободу рук» в решении международных проблем [9]. Либерал-империалисты, несмотря на свои разногласия со сторонниками Гладстона по внутриполитическим и ряду колониальных вопросов, в вопросе пересмотра внешнеполитических принципов выступали совместно с большинством либералов. В том же 1896 г. Розбери высказался против вступления в «систему союзов», считая это невозможным и нежелательным для англичан, хотя он не отрицал перспективы сотрудничества с другими европейскими державами по вопросам, представляющим взаимный интерес [10].

В мае 1898 г. Дж. Чемберлен вновь выступил с обоснованием отхода от политики «блестящей изоляции», что вызвало новую дискуссию в английских политических кругах. Его призыв не нашел поддержки среди либералов. Либерал-империалисты, как, впрочем, и сам Чемберлен и его единомышленники, были заинтересованы в усилении позиций Англии на международной арене. Но если Чемберлен рассчитывал путем союзов укрепить ее положение и тем самым оградить ее от возможных конкурентов в сфере приобретения колоний, то правые либералы считали, что этого можно было бы достигнуть более осторожной политикой, не ограничивая действия Англии различного рода обязательствами. В соответствии с этим Розбери и его сторонники полагали необходимым для Англии избегать вступления в какие-либо военные блоки. Однако с момента выступления Чемберлена (май 1898 г.) до заключения англо-французского соглашения

inslav

(апрель 1904 г.) в позиции большинства либерал-империалистов, как, впрочем, и всех либералов, по вопросам внешнеполитической ориентации Англии произошла известная трансформация.

II

Стремление Англии выйти из политики «блестящей изоляции» особенно усилилось в годы англо-бурской войны, когда англичане убедились, что их позиции на международной арене не столь прочны, как прежде [11]. В одной из своих речей Розбери заявил, «что в конце 1898 г. престиж Англии стоял выше, чем после Ватерлоо. Я боюсь, что война разрушила часть этого престижа <...> Нам нужно приобретать его вновь» [12]. Среди английских политических деятелей в конце XIX в. было немало сторонников переговоров Англии с Германией с целью заключения с ней договора, направленного против Франции и России. Главным инициатором переговоров с германским правительством вновь выступал Чемберлен. Он заявил, что ни один политический деятель не сможет удовлетвориться постоянным изолированным положением Англии на европейском континенте. «Наш союз — это союз между Англией и Германской империей <...> Интересы и национальные чувства должны объединить два народа». По мнению Чемберлена, не было ни одного вопроса, по которому в ближайшем будущем могбы возникнуть антагонизм интересов между Англией и Германией [13]. Солсбери не возражал против проведения переговоров с германским правительством, но относился к ним без особого энтузиазма.

Идея переговоров с Германией не получила одобрения со стороны либералов. Во время дебатов в парламенте они выступили против возможного соглашения с ней. Например, Ч. Дилк сомневался, что Германия согласится на подобный союз, а Лабушер выразил сомнение, что последняя пожелает таскать каштаны из огня для Англии. У. Харкорт во время этих дебатов также категорически высказывался против предложения Чемберлена. Признавая, что у Англии существовали определенные трудности в отношении с другими державами, он не соглашался с предложениями Чемберлена в вопросе о слабости английских позиций на международной арене [14].

Либерал-империалисты выступили категорически против возможного союза с Германией. Мотивы, которые побудили их занять такую позицию, были различными. Розбери в английском обществе считали германофилом, он, в частности, с восхищением относился к Бисмарку. Назначение его главой Форин офис в свое время расценивалось правительством Германии как удача, а немецкие представители в Лондоне называли его «нашим единственным надежным другом в английском

inslav

кабинете» [15]. Но Розбери со своей приверженностью к политике «блестящей изоляции» не мог положительно отнестись к возможному союзу с Германией. Еще в начале 1890-х гг. он писал Харкорту, что первой необходимостью внешней политики Англии было держаться в стороне от Тройственного союза. Его беспокоила возрастающая торговля и промышленная конкуренция со стороны Германии. Поэтому, когда Чемберлен резко выступил против Франции в 1899 г., предлагая союз с Германской империей, Розбери упрекнул его в пренебрежительном отношении к другим нациям [16].

До известной степени взгляды на внешнеполитический курс Англии другого видного представителя либерал-империалистического течения — Э. Грея — отличались от взглядов Розбери. В 1898 г. Грей говорил, что Англия не должна надеяться на политику изоляции и что англичане должны найти общую основу интересов с другими державами [17]. В своих выступлениях он отмечал, что поддерживает установление более тесных контактов с Германией, но не хотел бы, чтобы эти контакты развивались в ущерб отношениям Англии с Францией и Россией, а тем более с Соединенными Штатами. Во время дебатов в парламенте по этому вопросу Грей, так же как Дилк и Харкорт, признавал, что установление взаимоотношений с Германией усилит положение Англии на Дальнем Востоке, но выражал сомнение, что Германия предоставит себя в качестве «подменной лошади» в политике Чемберлена [18]. Поэтому Грей довольно холодно отнесся к переговорам Чемберлена с германским правительством. Аналогичные позиции занимал и Г. Асквит. Он придерживался мнения, что союз с Германией приведет Англию к осложнению отношений с другими державами, что было бы неблагоприятно для последней.

Как известно, англо-германские переговоры 1901 г. о возможном союзе двух стран оказались безрезультатными. Во многом на их судьбу оказала влияние острота противоречий между ними, преодолеть которые уже становилось трудным, а также сдержанная позиция в этом вопросе самого британского премьера — лорда Солсбери, но не последнюю роль в этом сыграла критика внешнеполитического курса консерваторов (еще со времени англо-бурской войны) со стороны лидеров либеральной оппозиции.

III

Как известно, в конце XIX в. интересы Англии и царской России сталкивались в Персии, Афганистане, на Тибете и Дальнем Востоке. В середине 1890-х гг. английское и царское правительства особенно активизировали свои действия в Китае. Лорд Солсбери заверял анг-

inslav

лийское общественное мнение, что ему якобы «неизвестно ничего об <...> антагонизме (между двумя странами. — *Т. Г.*) и причинах, которые бы оправдали его. Интересы обеих стран, — продолжал он, — по-видимому, не расходятся сколько-нибудь серьезно» [19]. Это заявление, естественно, не соответствовало реальному положению дел. Англо-русские противоречия, например, на Дальнем Востоке приобретали острый характер как из-за активизации политики царской России в этом районе, так и в силу политики самой Англии. В конце XIX в. соперниками Англии на Дальнем Востоке выступала не только Россия, но и Франция, Германия, США. Поэтому английское правительство ставило перед собой задачу: отстоять свои прежние привилегии, особенно торговые, и расширить сферу влияния Англии в долине реки Янцзы. Маскируя подлинные цели английской политики в Китае, английские правящие круги выдвинули тезис о «необходимости защиты британских интересов» от конкурентов, в первую очередь от царской России, которой приписывались фантастические планы и намерения.

Укреплению позиций Англии в соперничестве великих держав на Дальнем Востоке во многом и служил англо-японский договор 1902 г. Показательно, что в начале XX в. отношение англичан к России и перспективам сотрудничества или конфронтации с ней в известной степени формировалось через призму определенного этим договором англо-японского взаимодействия.

Отношение британцев к договору с Японией 1902 г. было неоднозначным. В среде консервативной партии наблюдалось единодушие по поводу сближения с Японией и союза с ней. Правда, престарелый премьер-министр лорд Солсбери в одном из документов выдвинул ряд веских доводов против этого договора, но при этом не стал препятствовать его заключению, тем более что он видел, что большинство министров были сторонниками союза с Японией [20]. Отношение же либеральной оппозиции к нему было более сложным.

Подписание договора с Японией поставило перед британским внешнеполитическим ведомством и политическими кругами вопрос о дальнейших отношениях с Россией. Некоторые представители либеральной партии, понимая антирусскую направленность союза, считали, что лучшим для Англии будет заключение договора с Россией, чем против нее [21]. Именно поэтому либеральная оппозиция в целом не поддержала англо-японский договор. Харкорт заявлял, что, подписывая его, англичане тем самым ставят на карту будущее Индийской империи (он имел в виду угрозу Индии со стороны России, если Англия будет вовлечена в войну на стороне Японии). Он мотивировал свою позицию тем, что союз с последней создал для

inslav

Англии опасность войны с двумя сильнейшими государствами Европы, то есть с Россией и Францией [22].

Показательно, что отношение правых либералов к англо-японскому договору 1902 г. не было столь негативным, как к попыткам заключения соглашения с Германией. В пользу договора выступили такие политики, как Дж. Уолтон и Г. Норман. Интересна в этом плане позиция, занятая Греем. В работах ряда зарубежных исследователей Грей представлен как поборник установления дружественных отношений с Россией. Например, историк Р. Черчилль отмечал, что еще в 90-х XIX в. было известно, что Грей склонялся к идее урегулирования отношений с Россией как одному из возможных выходов из политики «изоляции» [23]. Учитывая международную обстановку, Грей действительно полагал, что для Англии выгодно устранить Россию из числа наиболее активных врагов, сделав попытку договориться с царским правительством по спорным вопросам в Азии [24]. Английский историк П. Кеннеди считал, что в рассматриваемый период либерал-империалисты отстаивали именно этот политический курс [25].

В подтверждение выдвинутого тезиса можно указать на ряд выступлений правых либералов, в которых звучали призывы к установлению дружественных отношений с Россией. Будучи еще премьер-министром, Розбери осенью 1894 г. высказывался за «сердечные отношения с Россией, которые бы позволили решить спорные вопросы в Азии» [26]. Однако, несмотря на это, нет оснований предполагать, что на протяжении всего рассматриваемого периода (1895–1905 гг.) либерал-империалисты были горячими сторонниками урегулирования англо-русских отношений. Это можно проследить на примере взглядов того же Грея.

Оправдывая империалистическую политику Англии на Дальнем Востоке и в Азии, Грей поддерживал широко применяемый тезис об «оборонительном курсе» Великобритании, особенно против царской России. Исходя из этого, он считал, что существовали три возможных политических курса относительно последней. Первый заключался в противодействии со стороны Англии экспансии царизма в Азии. Англия должна была создавать каждый раз препятствия, когда царское правительство предпринимало «очередные экспансионистские действия». Грей оценивал этот возможный курс Лондона как нежелательный. Второй — заключался в установлении взаимоотношений с Россией по азиатским вопросам. Английская и русская политика в Азии должна была рассматриваться как единая политика. Этот политический курс, по мнению Грея, был наиболее желательным. Третий вариант Грей определял как политику дрейфования, то есть политику уступок и противодействий, которая, в конечном счете, не приносила

inslav

никаких выгод. Грей находил этот политический курс, которому, как он считал, английская дипломатия следовала некоторый период времени, «нетерпимым» [27].

В 1899 г. он приветствовал англо-русское согласие, касающееся Китая, как «начало политики дружественных соглашений между двумя странами и введения обычая обсуждать вопросы непосредственно друг с другом, а не через пекинское правительство...» [28]. Но это не помешало ему признать и принять англо-японский договор 1902 г. Какие бы выгоды ни сулило Англии урегулирование отношений с Россией на Дальнем Востоке, договор с Японией, по мнению английских правящих кругов, открывал перед британской политикой куда большие возможности, хотя они, разумеется, едва ли носили долговременный характер. Поэтому Грей, хотя и не открыто, но поддержал англо-японский договор.

В целом же надо отметить, что по вопросам стратегии внешнеполитической переориентации Великобритании английские либералы занимали более или менее единые позиции. В начале XX столетия все они, как, впрочем, и представители консервативной партии, признавали необходимость для Англии отхода от политики «блестящей изоляции», расхождения касались лишь возможного союзника — Германии или России с Францией.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Review of Reviews. 1898. June. P. 566.

2 Fortnightly Review. 1899. June. P. 131.

3 Review of Reviews. 1899. Jan. P. 44.

4 The Labour Leader. 1895. 16 Nov.

5 *Lord Rosebery*. Speeches. London, 1896. P. 337.

6 Documents of English History. 1832–1850. London, 1954. P. 85–86.

7 *К. Б. Виноградов*. Маркиз Солсбери: последний архитектор Pax Britannica // Викторианцы: столпы британской политики XIX в. Ростов на/Д., 1996. С. 182.

8 Liberalism and Empire. London, 1900. P. 203–205.

9 The Times. 1896. 6 Oct.; The Liberal Magazine. 1897. Vol. 5. P. 207.

10 The Times. 1896. 4 March.

11 Архив внешней политики Российской империи. Ф. 133. Оп. 470. 1901. Д. 64. Л. 43.

12 Центральный государственный архив литературы и искусства. Ф. 1390. Оп. 2. Д. 20. Л. 44об.

inslav

13 *E. Lee*. King Edward VII. A Biography. Vol. 2. London, 1927. P. 117.

14 Hansard's Parliamentary Debae (Далее — HPD). 4 Ser. 1898. Vol. 58. P. 1337–1348, 1377–1378, 1417–1423.

15 *O. J. Hale*. Publicity and Diplomacy with Special Reference to England and Germany. 1890–1914. N. Y., 1940. P. 93.

16 *H. Matthew*. The Liberal Imperialists. The Ideas and Politics of a Post-Gladstonian Elite. Oxford, 1973. P. 200; The Times, 1899, 22 Dec.

17 HPD. 4 Ser. 1898. Vol. 56. P. 281.

18 *O. J. Hale*. Op. cit. P. 171.

19 Русская мысль. 1896. Кн. 6. С. 239; The Liberal Magazine. 1897. Vol. 4. P. 515.

20 *К. Б. Виноградов*. Указ. соч. С. 183.

21 Westminster Review. 1902. Apr. P. 404.

22 The Times. 1902. 14 Febr.

23 *R. Churchill*. Anglo-Russian Convention of 1907. Jowe, 1939. P. 107.

24 HPD. 4 Ser. 1899. Vol. 66. P. 238–239; 1900. Vol. 81. P. 890.

25 *P. Kennedy*. The Rise of the Anglo-German Antagonism. 1860–1914. London, 1980. P. 284.

26 The Liberal Magazine. 1894. Vol. 2. P. 398.

27 HPD. 4 Ser. 1902. Vol. 101. P. 609.

28 Ibid. 1899. Vol. 72. P. 817.

inslav

А. А. Гугнин
(Новополоцк)

ОТРАЖЕНИЕ В КУЛЬТУРЕ XIX–XX вв. ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ НАРОДОВ ГЕРМАНИИ, РОССИИ И ПОЛЬШИ (НЕСКОЛЬКО МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ТЕЗИСОВ)

XIX–XX вв. — период интенсивных взаимоотношений народов Германии, России и Польши, многократно отраженный в литературе и искусстве. Этот материал наукой до сих пор осваивается медленно: с одной стороны, из-за огромного количества эмпирических фактов, с другой стороны, из-за их разнородности. Однако — главное — все же из-за того, что различные гуманитарные дисциплины интересуются различными фактами, по-разному их изучают и интерпретируют, и простое суммирование результатов, достигнутых в отдельных науках, не дает пока четкой и ясной общей картины. Ведь связи, контакты и взаимодействия отдельных людей и народов осуществляются на поле сражений и в мирное время, в сфере науки и техники, в сфере дипломатии и в средствах массовой информации, в сфере литературы и кино, философии и эстетики, театра и музыки.

Изучение каждой из этих отдельных областей культуры показывает, что связи, контакты и взаимодействия между народами практически развиваются беспрерывно, хотя и изменяют свою интенсивность и направленность, а порой и идеологическую окраску. Возможно ли комплексное изучение всего вышеозначенного круга проблем и есть ли принципы, позволяющие обеспечить такому комплексному исследованию продуктивность?

I

Вплоть до XIX в. — при всем многообразии и важности отдельных фактов — интерес немцев к русской культуре носил локальный и эпизодический характер. Действительно широкий и разносторонний интерес к России и ее культуре начинается в Германии в эпоху наполеоновских войн, когда не только духовная элита, но и широкие слои немцев вступили в разнообразные контакты с русскими и с русской культурой. Попутно заметим, что изучение этих контактов отчетливо показывает бесплодность попыток восприятия Германии как некоего

inslav

абстрактного целого, восприятия, не учитывающего реальную раздробленность страны и вытекавшие из этого последствия. Герцогство Вюртембергское, например, будучи активным союзником Наполеона, участвовало во многих его военно-политических акциях (в том числе и в нападении на Россию). Герцогство благодаря этому значительно прирастило свои территории и население и уже в 1805 г. с помощью Наполеона было провозглашено королевством. По существу только Пруссия и Австрия решились на открытое сопротивление Наполеону. Именно прусская интеллигенция наиболее активно заявляла о необходимости более активного политического и культурного сотрудничества с Россией.

После 1805 г. активным сторонником культурного сближения с Россией выступают известный публицист Эрнст Мориц Арндт, крупный историк Бартольд Георг Нибур и др. Особого упоминания заслуживает русская тема в творчестве Теодора Кёрнера (1791–1813) – одного из крупнейших поэтов Германии, воспевших национально-освободительную войну 1813 г. Т. Кёрнер был ее участником и сражался в отряде прусского майора Лютцова, которому были приданы 50 русских казаков. Братство по оружию и непосредственное личное общение с русскими пробудило в поэте интерес к России и русской культуре. Он написал не только сонет «Москва», исполненный чувства благодарности и уважения к героическому русскому народу, но и пытался переводить на немецкий язык услышанные от казаков русские и украинские народные песни. И русская аудитория в свою очередь проявила внимание к творчеству Т. Кёрнера. Особым успехом пользовались его драмы, одна из них – патриотическая пьеса из венгерской истории «Зринья» (Zriny, 1813) – по крайней мере пять раз публиковалась на русском языке в различных переводах в 1832–1871 гг.

II

Антинаполеоновские войны стали своеобразным катализатором демократических, а затем и революционно-демократических идей и концепций, что в целом – особенно после восстания декабристов в 1825 г. – способствовало значительному возрастанию интереса к России и русской культуре. Приведем некоторые примеры. Известный немецкий романтик Адельберт фон Шамиссо близко соприкоснулся с русскими во время своего кругосветного путешествия на бриге «Рюрик» в 1815–1818 гг. Особенно показательна его поэма «Ссыльные» (1831) в двух частях, написанная по рассказам и записям его друга, ученого Георга Адольфа Эрмана (1806–1877), который во время своего путешествия в Сибирь в 1828–1829 гг. встречался и беседовал в Якутске со ссыльным декабристом А. А. Бестужевым.

inslav

Заметную роль в распространении русской литературы в Германии сыграл и Фарнгаген фон Энзе (1785–1858), который во время освободительной войны против Наполеона некоторое время был адъютантом при русском штабе и впоследствии описал события, связанные с освобождением Гамбурга 18 марта 1813 г. Фарнгаген фон Энзе всю жизнь питал глубокое уважение к русскому народу и русской культуре, восхищался произведениями А. С. Пушкина, пропагандистам творчества которого он выступил в 1830-е гг. Вообще уже в первой половине XIX в. в Германии были опубликованы переводы многих произведений русской литературы: от «Слова о полку Игореве» до произведений Пушкина, Лермонтова, Гоголя.

III

В 1830–1840-е гг. особое место в немецкой и австрийской литературе заняла польская тема. Начало ей положили события восстания 1830–1831 гг., после разгрома которого немало поляков эмигрировало в страны Западной Европы. Значительный интерес западной интеллигенции к событиям в Польше объясняется несколькими причинами. Именно после этих событий в сознании европейской интеллигенции начинает складываться мнение о России как о «жандарме Европы», и это мнение в тех условиях поощрялось официальными кругами в Пруссии и Австрии: на фоне «реакционной» России их собственную политику можно было попытаться представить как более «прогрессивную».

Следует также принять во внимание, что в условиях существовавшей в германских государствах цензуры польская тема способствовала идеологическому размежеванию политически активных слоев немецкого и австрийского общества. Выступая за свободную Польшу, поэты и публицисты нередко подразумевали свободную Швабию, Пруссию, Баварию, Саксонию или Австрию. Таким образом, в многочисленных «Польских песнях» («Polenlieder» — именно под таким названием вышли наиболее известные сборники Н. Ленау и А. фон Платена, авторов же, «причастившихся» к этой теме, были сотни) речь большей частью шла о решении собственных политических и культурных задач с помощью актуализации чужой культуры, что, разумеется, вовсе не исключало и сочувствия к судьбам Польши и польских эмигрантов.

IV

Как особый фактор в развитии культурных взаимосвязей и взаимодействий следует отметить личные контакты деятелей культуры. Эти взаимодействия заметно интенсифицируются с конца XVIII в.,

inslav

и дальше их развитие идет фактически по нарастающей. Если для Н. М. Карамзина путешествие в Западную Европу было важным эпизодом духовного развития, то для В. А. Жуковского Германия стала второй родиной. Многое в творчестве И. С. Тургенева и Ф. М. Достоевского остается не до конца понятным без учета их глубинных связей с немецкой литературой. Настоящий интерес к русской литературе в Германии и Австрии начинается с романов Достоевского и Л. Н. Толстого, переводы которых получают широкую известность с 1880-х гг.

* * *

В заключение можно отметить, что если сам интерес к той или иной стране пробуждается за ее пределами в связи с какими-то крупными событиями или личностями (в немецком фольклоре было, например, немало песен об Иване Грозном и Петре Первом), то настоящий культурный обмен ценностями и плодотворные взаимосвязи наступают все же на определенной стадии развития, когда обе взаимодействующие культуры начинают нуждаться друг в друге либо заполняют с помощью соседней культуры какую-то существенную лакуну в собственном развитии.

inslav

С. В. Артамошин
(Брянск)

ПРОБЛЕМА «РАСШИРЕНИЯ НА ВОСТОК» В ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ ГЕРМАНИИ 20–30-х гг. XX в.

Вынесенная в заглавие статьи проблема занимала большое место во внешней политике Германии второй половины XIX–XX вв. В связи с этим мы предполагаем рассмотреть идеологические концепции «восточной ориентации» германской политики, остановившись на идеях консервативных мыслителей Веймарской республики и нацизма А. Мёллера ван ден Брука и К. Хаусхофера.

I

Потерпев поражение в Первой мировой войне, Германия оказалась в тяжелом внешнеполитическом и внутриполитическом положении. Одним из первых откликов на послевоенный кризис внутри страны и на ситуацию, в которой оказалась Германия на международной арене, явилась вышедшая в 1919 г. книга Артура Мёллера ван ден Брука «Право молодого народа». Она явилась ответом на «14 пунктов» американского президента В. Вильсона. В ней автор предпринял попытку отстоять право Германии на достойное положение в мировой системе.

Мёллер ван ден Брук делил народы на две группы: «старые народы» и «молодые народы». К первым он относил Великобританию и Францию, ко вторым – Германию, Россию и США. В международных отношениях, с его точки зрения, существовал англо-французский диктат, имевший целью не допустить «молодые народы» к равноправному участию в европейских делах. Мёллер ван ден Брук, ссылаясь на принципы Вильсона, указывал на несправедливость такого положения. Он подчеркивал, что «„молодые народы“ также имеют безусловное право на жизнь» [1] и потому им должны быть предоставлены одинаковые условия со «старыми народами». Первая мировая война являлась, по его словам, не борьбой за передел мира, а войной «старого народа» против «молодого народа». Однако как объяснить то, что два из трех «молодых народов» воевали против третьего? Мёллер

inslav

ван ден Брук стремился не заострять на этом внимания, рассчитывая на американскую поддержку в ослаблении гнета Версальской системы. Отсюда постоянное апеллирование к «14 пунктам» Вильсона. Послевоенная политика в отношении Германии определялась им как «эгоизм» со стороны «наших противников», прежде всего Франции, опасавшихся возрождения германской мощи и стремившихся всеми средствами не допустить стабилизации государства. Мёллер ван ден Брук указывал на особое положение Германии на европейском континенте, которое вызвано не только географическим положением государства, но и той политической ролью, которая изначально уготована ей. «Германия является естественным позвоночником континента, вокруг которого может сомкнуться и сгруппироваться все, что еще останется после войны европейской» [2].

Мёллер ван ден Брук указывал на чуждость «молодым народам» духовного мира ретроградной Западной Европы, клонящегося к цивилизационному упадку. Он обращал внимание на то, что «мир молодых народов лежит на востоке». Это утверждение подкреплялось у автора симпатией к духовному миру России, формированию которой способствовало влияние, оказанное на него второй женой Люси, происходившей из Прибалтики, а также русским писателем Д. Мережковским. Мёллер ван ден Брук испытывает глубокое преклонение перед творчеством Достоевского, у которого, по мнению Швирскотта, он и заимствовал понятие «молодые народы». Благодаря романам Достоевского у Мёллера ван ден Брука сформировался «романтически-идеализированный образ святой, мифической России» [3].

Однако, несмотря на некоторый идеализм, «восточная идеология» Мёллера ван ден Брука испытывала на себе давление прусской государственной мысли. Выступая за равноправие и солидарность «молодых народов», он прежде всего подчеркивал германскую руководящую роль в «восточном блоке». Говоря о «молодом народе» и его правах, он имел в виду исключительно немцев. «Молодые народы не требуют на Востоке никаких привилегий. Молодые народы требуют только равноправия. <...> В случае достижения этого равноправия <...> молодые народы обретут уверенность, что естественное положение и техническая одаренность позволяет теперь и им снова проводить большую часть колонизаторской, цивилизаторской, организаторской работы, осуществлять которую на Востоке они привыкли с давних пор» [4].

Послевоенное положение указывало на необходимость расширенного германо-русского сотрудничества, которое облачалось им в «форму новой восточной политики» с требованием взаимного дополнения друг друга. Это приведет к тому, что «Россия сама станет Европой», а «молодые народы», т. е. Германия, лишь «вносят равномерность

inslav

поступи и ритмичность в жизненные ожидания Востока, в том числе и соразмерность во взбудораженную жизнь России». Однако не следует идеализировать «восточную ориентацию» Мёллера ван ден Брука. Она носила прагматический характер и была вызвана к жизни Версальским договором. Изоляция, необходимость ее прорыва Германией, трудности контактов с западноевропейскими государствами подталкивали немцев к ориентации на Восток, с чьей помощью они рассчитывали решить эту задачу. Внешнеполитическая концепция Мёллера ван ден Брука носила империалистический характер, основывающийся на «политике аннексий», и выражалась в оправдании Брестского мирного договора. Автор считал, что Германия должна придать России «проработанный евразийский облик» путем расчленения «неподатливого славянского тела» на части, и разделявшие их государства, в частности Польша, не могли служить препятствием к достижению этой цели [5].

Идеи восточной ориентации Мёллера ван ден Брука не встретили абсолютной поддержки его сторонников по младоконсервативному движению. Так, один из его ближайших единомышленников Бём указывал на ошибочность восточной политики, не учитывающей культурных отличий Германии и России. Он предлагал объединение немцев с культурно родственным им западноевропейским миром и создание «духовного западного фронта» против большевизма [6].

II

Ориентация на Восток прослеживается во взглядах лидера немецкой геополитики Карла Хаусхофера, который в своих работах не только предложил, по его мнению, наиболее адекватную направленность внешней политики Германии, но и на первых этапах нацистского господства принимал активное участие в выработке программы т. н. дальнейшей германской политики в отношении восточных территорий.

Хаусхофер при формировании своих геополитических взглядов опирался на работы Ратцеля, Челлена, Мэхэма и Макиндера. Роль последнего в его мировоззрении была определяющей. Он приспособил концепции Макиндера к германской почве, используя идею о Хартланде, адаптировав ее к немецкой европейской политике.

Хаусхофер считал, что существует планетарный дуализм «морских сил» и «континентальных сил», на котором строится современная мировая политика. Внутри закрытых пространств осуществляется влияние сил, которые он характеризовал как «определенные сушей, континентальные» — и «определенные морем, океанические силы».

inslav

Хаусхофер полагал возможным разумно охраняемый консенсус между ними, позволяющий гармонично существовать многообразному и многослойному миру.

Оценивая послевоенное устройство Европы, Хаусхофер, как и последователи «революционного консерватизма», оценивал Версальскую систему, считая ее «продолжением войны другими средствами». Цель версальской политики он видел в том, чтобы не допустить восстановления германской мощи, без которой был немыслим пересмотр положения Германии. Созданная система «нового порядка» носила, по мнению К. Хаусхофера, несправедливый характер, так как она нарушила установленный природой принцип естественного распределения пространства между странами. Вопреки ему, в Версале был создан блок буферных государств, не позволяющий Германии удовлетворить потребность в территориальной экспансии. Хаусхофер, обращаясь к разуму человечества, призывал к «справедливому <...> распределению жизненного пространства на земле». Он считал, что созданная Версальская система «может быть поколеблена, поскольку обречена на раскол. Такое сотрясение не произойдет без землетрясения» [7]. Тем самым он указывал на возможность применения для реализации этой цели военной силы.

В послевоенной Европе Хаусхофер определял страны-победительницы как действительно «великие мировые державы». Геополитика должна помочь определению возможной системы политических и военных блоков в Европе исходя из германских потребностей. Первоначально геополитики питали надежду на возможность германо-французского примирения, которое способствовало бы установлению дружественных связей и последующей изоляции Франции. Однако германская политика Парижа в 1920-е гг. доказала невозможность достижения данной цели. Потому уже после Рурского кризиса Франция воспринималась К. Хаусхофером как «заклятый враг» [8].

В отношении Великобритании Хаусхофер выдвинул тезис, что, хотя Германия никоим образом не затрагивает интересы британской политики, та по-прежнему остается враждебной для Германии, препятствуя германскому внешнеполитическому развитию [9]. Хаусхофер указывал на невозможность германо-английского сотрудничества по причине геополитической несовместимости обеих стран, так как Великобритания является морской державой, а Германия сухопутной. Следуя Макиндеру, Хаусхофер полагал, что между ними будут постоянные противоречия. Таким образом, в своем геополитическом анализе современной политической ситуации он выделял Англию и Францию как потенциальных противников германской ревизионистской политики.

inslav

Столкновение интересов Германии в Центральной Европе с интересами западных государств приводило к необходимости обращения на Восток. Хаусхофер считал, что устранение «новым порядком Европы» Германии и России от активной роли в европейской политике подталкивает их к солидарности. Он положительно оценивал Рапалльский договор и считал его залогом создания в будущем континентального блока, способного противостоять морским державам. В состав такого блока он включал Германию, СССР и Японию, идея же была заимствована им у Макиндера. Утверждение данной концепции неразрывно связано с необходимостью политической интеграции срединной Европы и подчинения стран региона потребностям немецкой внешней политики.

Книга Хаусхофера «Континентальный блок», вышедшая в 1940 г., несет на себе отпечаток политики того времени. Ее опубликование должно было способствовать выработке внешнеполитического курса страны в условиях Второй мировой войны. Необходимость своеобразного баланса в политике нацистской Германии за счет опоры на вероятного восточного союзника делала перспективным проект К. Хаусхофера. Он считал, что «наиболее грандиозным и важным событием в современной мировой политике является перспектива образования могущественного континентального блока, который бы объединил Европу с севером и востоком Азии». Хаусхофер определял создание его как «сознательное исполнение великой необходимости» [10]. Она заключалась, по его мнению, в том, что морские государства Великобритания и США, стремясь к достижению мирового господства, проводили политику подчинения европейского континента своей воле. Это выражалось не только в попытке экономического диктата, но и в проникновении и насаждении среди европейцев англо-амерканского образа жизни и культуры. Угроза потери политического или экономического суверенитета толкала государства континента к созданию континентального блока. При этом Хаусхофер предлагал подчинить волю и интересы отдельных стран общему делу. Их суверенитет не должен останавливать континентальный триумвират при проведении политических действий. «Мы не могли, — писал он, — из-за нескольких геополитических аутсайдеров ставить под удар ту тройку, которая только и могла вырвать Старый Свет из объятий анаконды» [11].

Обращаясь к перспективам создания континентального союза, Хаусхофер указывал на его могущество с геополитической точки зрения. Здесь он обыгрывает формулу Макиндера: «Кто владеет Восточной Европой, тот господствует над Хартландом; кто правит Хартландом, господствует над Мировым Островом; кто правит Мировым Островом, господствует над миром» [12]. Опираясь на это положение, Хаус-

inslav

хофер приходил к заключению, что «возможность создания евро-азиатского континентального блока чревата угрозой мировому англосаксонскому господству». Англичане и американцы обратили внимание на это раньше всех и потому всячески противодействуют созданию блока. Вследствие геополитической близорукости германского руководства «второй рейх» упустил свой шанс утвердить господствующее положение на континенте. «Третий рейх» вновь получает его в руки [13].

По мнению Хаусхофера, для образования евро-азиатского союза «предварительным условием было образование германо-японского объединения», к которому затем должен присоединиться СССР. Фактически роль последнего с геополитической точки зрения была, согласно Хаусхоферу, определяющей в силу центрального географического положения Советского Союза, но с политической точки зрения она носила вспомогательный характер, позволяющий соединить пространства и образовать антиатлантический плацдарм. Здесь обращает на себя внимание двойственность отношения Хаусхофера к России. Он справедливо считал, что без нее невозможно создание крепкого геополитического союза, способного противостоять возрастающей мощи англо-американских сил. Поэтому Хаусхофер оправдывал германо-советское сотрудничество и Рапалльский договор, считая их первым шагом к объединению. Однако, с другой стороны, он указывал на старогерманский характер «восточной судьбы» Германии, нуждавшейся в расширении германских территорий за счет восточных земель. При этом Советский Союз должен был занять подчиненное по отношению к Германии положение в предполагаемом евро-азиатском континентальном союзе, что, конечно же, не устраивало СССР, т. к. приводило к неравноправному объединению. В целом идея образования германо-советско-японского союза, выдвигаемая К. Хаусхофером, представляла собой чисто теоретический феномен, обусловленный абсолютно нереальными геополитическими построениями. Развиваемая им концепция не учитывала политическую реальность международных отношений в Европе в преддверии Второй мировой войны. Противоречия между Германией и СССР в Европе, СССР и Японией на Дальнем Востоке делали такое тройственное объединение маловероятным. Потому германской политике приходилось балансировать между европейскими государствами в поисках поддержки и нейтралитета [14]. Вместе с тем взгляды Хаусхофера оказали определенное влияние на внешнеполитические представления Риббентропа.

Концепция К. Хаусхофера встретила неоднозначную реакцию не только германского политического руководства, но и представителей геополитической школы. Так, А. Хаусхофер считал евро-азиатскую

inslav

мечту отца неосуществимой в силу мировоззренческих и политических расхождений нацистской Германии и СССР. Он считал, что потенциальными противниками Германии выступали Франция и СССР, а возможным союзником могла быть только Великобритания. Тем самым представления А. Хаусхофера в большей степени соответствовали нацистской внешнеполитической программе [15].

* * *

В целом представления германских геополитиков относительно восточных территорий носили двойственный характер. С одной стороны, в них отразилось стремление утвердить германскую гегемонию на континенте с помощью союзнических отношений между Германией и СССР, а с другой — агрессивные захватнические планы, сторонниками и проводниками которых были нацисты. Восточные соседи Германии, в частности Польша, служили лишь временным препятствием на пути на Восток, где должна была решиться судьба Германии, разумеется, отнюдь не так, как она виделась германским великодержавным геополитикам и ее нацистским вождям.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *A. Moeller van den Bruck.* Das Recht der jungen Volker. München, 1919. S. 19, 37.

2 Ibid. S. 57, 43.

3 *H. J. Schwierskott.* Arthur Moeller van den Bruck und der revolutionäre Nationalismus in der Weimarer Republik. Göttingen, 1962. S. 127 etc.

4 *A. Moeller van den Bruck.* Op. cit. S. 105.

5 Ibid. S. 105–106.

6 *H. J. Schwierskott.* Op. cit. S. 139.

7 *K. Haushofer.* Grundlage, Wesen und Ziel der Geopolitik // Bausteine zur Geopolitik / Hg. v. K. Haushofer u. a. Berlin, 1928. S. 39; *Idem.* Geopolitik in Abwehr und auf Wacht // Zeitschrift für Geopolitik. 11(1932). S. 592.

8 *F. Ebeling.* Geopolitik: Karl Haushofer und seine Raumwissenschaft. 1919–1945. Berlin, 1994. S. 110.

9 *H. A. Jacobsen.* Karl Haushofer. Boppard a./R., 1979. Bd. 1. S. 113 etc.

10 *K. Haushofer.* Der Kontinentalblock. Mitteleuropa — Eurassen — Japan // *H. A. Jacobsen.* Op. cit. Bd. 1. S. 606, 614.

11 Ibid. S. 611.

12 *H. J. Mackinder.* Democratic Ideals and Reality. London, 1919. P. 194.

13 *K. Haushofer.* Der Kontinentalblock. O. o., O. j. (1940). S. 607.

14 Ibid. S. 611.

15 Ibid. S. 608.

inslav

О. Ю. Пленков
(Санкт-Петербург)

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И ПРАКТИКА НАЦИСТСКОЙ ГЕОПОЛИТИКИ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

После Второй мировой войны более 12 млн. немцев были изгнаны со своей родины в Восточной Европе. Границы, устроенные Бисмарком с согласия великих держав, рухнули, а немецкие пределы были перенесены далеко на запад. Понадобилось 45 лет, чтобы немцы смогли окончательно примириться с этими, казалось, немыслимыми потерями.

I

Истоки этих геополитических изменений находятся за хронологическими пределами истории Третьего рейха. Еще в 1914 г. правящие круги Германии оказались в своей геополитике во власти логики, последовательно опровергнуть или ревизовать которую довольно сложно. Центральное (срединное) положение Германии в системе держав в Европе было всегда чревато всевозможными осложнениями, и находившаяся на подъеме динамичная кайзеровская Германия хотела разорвать этот замкнутый круг проблем путем утверждения своей континентальной гегемонии. Этот германский гегемонизм и империализм не были специфически немецкими. Ничуть не лучше и не хуже были французские или английские имперские доктрины.

После Первой мировой войны, однако, эта первоначально безобидная или, по крайней мере, неизбежная немецкая геополитическая логика стала носить зловещий характер, поскольку Советская Россия могла осуществить желанную мировую революцию только через Берлин, а Запад мог защитить демократию и собственную интегральность только на Рейне, рискуя в противном случае потерять все. Гитлер, обладая необыкновенно развитым политическим инстинктом, использовал эту новую ситуацию для решения старой проблемы срединного (центрального), а значит и не имеющего резервов развития положения Германии путем экспансии на Восток.

inslav

Кардинально важный вопрос, что стало основным мотивом в решении Гитлера о нападении на СССР, наверное, никогда не будет решен исторической наукой по причине отсутствия достоверных источников. То ли это решение нацистского фюрера было продиктовано краткосрочной военно-политической ситуацией и предполагало сугубо военную акцию, то ли соответствовало его главной стратегической цели? Правда, иные суждения Гитлера в связи с поставленным вопросом представляются вполне однозначными.

Еще в 1919 г. Гитлер риторически спрашивал, справедливо ли, что в России на человека приходится земли в 18 раз больше, чем в Германии. На его отношение к Восточной Европе огромное влияние оказали три балтийских немца: известные историки Теодор Шиман и Йоган Галлер, а также публицист Пауль Рорбах. Выходцы из прибалтийских немцев, несмотря на свою относительную малочисленность, вообще оказали огромное интеллектуальное воздействие, особенно в вопросах геополитики, на немцев в Германии. Многочисленные труды упомянутой троицы, хотя их авторы преимущественно критически относились к нацистам и не были прямо с ними связаны, повлияли на поколения немецких теоретиков и практиков национализма. Еще во времена Российской империи прибалтийские немцы с их культом целесообразности и рациональности, производительности и эффективности издавна со значительной долей неодобрения и скептицизма наблюдали за тем, как отвратительно устроено хозяйство в России. Многие из них не верили в возможность ее прогрессивного развития, но обосновывали это не расовой неполноценностью русских, как это делали нацисты, а культурными, этическими различиями.

Самый известный и читаемый теоретик геополитики Пауль Рорбах во время Первой мировой войны отстаивал идею расчленения России на «естественные» составляющие: Финляндию, Польшу, Бессарабию, Украину, Кавказ, Туркестан и собственно Россию. Рорбах писал, что Российскую империю можно естественным образом разделить на части, как апельсин — без разреза и ран [1].

Примечательно, что ни один из упомянутых прибалтийских немецких геополитиков не был ни расистом, ни антисемитом. В частности, Рорбах, как и все в цивилизованной Европе, осуждал отвратительные преследования евреев в России. Исповедуемая ими разновидность идеологии империализма была вдохновлена национально-либеральными идеями, широко распространенными не только в Германии, но и во всей Европе. Во всяком случае, в этих представлениях не было ничего исключительно немецкого.

Не менее влиятельный и известный публицист профессор русской истории Теодор Шиман в годы Первой мировой войны считал

inslav

русскую империю искусственным образованием, ибо она представляла, на его взгляд, конгломерат несовместимых между собой народов и рас [2]. Ничуть не меньшей русофобией дышали многочисленные публикации и Й. Галлера, который на новой основе пытался реставрировать старый лозунг крестоносцев «Дранг нах Остен», ибо Россия, по его словам, все одно находится вне семьи европейских народов [3].

II

Эти и подобные им суждения прибалтийско-немецких «остфоршеров» влияли непосредственно накануне Второй мировой войны на Гитлера в его стремлении найти для Германии выход из геополитического «тупика». В 1939 г. Гитлер так обосновывал необходимость войны на Востоке: «Это вечная борьба о мире — она доводит народы до сумасшествия. Ведь в чем дело? Нам нужны зерно и древесина. Из-за зерна мне нужно пространство на Востоке, из-за древесины — одна колония, только одна. Мы жизнеспособны. Наши урожаи в 1938 г. и в этом году были прекрасными. Но однажды почва истощится и откажется работать, как тело после того как происходит эффект допинга. И что тогда? Я не могу допустить, чтобы мой народ страдал от голода. Не лучше ли мне оставить два миллиона на поле боя, чем потерять еще больше от голода? Мы знаем, что это такое — умирать с голода. У меня нет романтических целей, у меня нет желания господствовать. Прежде всего, я ничего не хочу от Запада, ни сегодня, ни завтра. Я ничего не хочу от регионов мира с высокой плотностью населения. Там мне ничего не надо, совсем ничего, раз и навсегда. Все идеи, которые мне приписывают по этой части, — выдумка. Но мне нужна свобода рук на Востоке» [4]. Приблизительно так же Гитлер обосновывал необходимость внешней экспансии и в «Kampfbuch»: «Германия имеет ежегодный прирост населения 900 тысяч, и задача пропитания этой массы людей становится из года в год все сложней и когда-то станет вовсе неразрешимой, настанет голод». Выход Гитлер видел не в ограничении рождаемости (этот путь, полагал он, отнимает у народа будущее), не во внутренней колонизации (этот путь, по мнению Гитлера, чреват распространением пацифизма), не в активной торговой и промышленной экспансии (другие европейские страны, по его словам, будут здесь сильными конкурентами Германии), а в более «здоровом» пути, утверждал Гитлер, — пути территориальных захватов [5].

В октябре 1941 г. Гитлер говорил, что захваченное в России «жизненное пространство», по-видимому, обеспечит автаркию для Европы: «Где еще мы найдем область, имеющую железо столь высокого

inslav

качества, как украинское? Где еще столько никеля, угля, марганца, молибдена? Это же те самые марганцевые рудники, из которых получает руду Америка. К тому же есть возможность разведения каучуконосных растений! Если их посевную площадь довести до 40 тыс. га, то мы покроем все наши потребности в резине» [6]. Особенно «проникновенно» о советских богатствах Гитлер говорил в беседе с голландским нацистом Муссертом: «В распоряжении Востока, по-видимому, находятся гигантские запасы сырья, будь то в сельском хозяйстве или в отношении рудных залежей. Россия, безусловно, самая богатая страна на земле. Вспомним хотя бы о железорудных месторождениях Керчи, о запасах нефти, о редких металлах и так далее. Кроме того, в распоряжении России, вероятно, есть важнейшее сырье — человек» [7]. Представление, что этим «сырьем» в СССР распоряжаются плохо и совсем не те люди, кому следовало бы, имело хождение в Германии не только среди нацистов. Так, довольно далекий от них по политическим взглядам и моральным принципам государственный секретарь Вайцзекер писал о своих впечатлениях от визита советской делегации в Берлин в 1940 г.: «Свита Молотова состояла из типичных уголовных типов, как будто специально подобранных для съемки кинофильма. Мне стало даже не по себе, что огромный 130-миллионный народ представлен подобной делегацией» [8].

Следовательно, постулат идеологии нацизма о «еврейско-большевистском» характере Советского Союза не был подлинной причиной курса гитлеровской Германии на войну против России, хотя, конечно, Гитлеру удалось использовать антибольшевистскую пропаганду в качестве дополнительного обоснования своих завоевательных целей на Востоке. Этот же предлог послужил поводом для «разрыва» с бисмарковской традицией союза с Россией. Отсутствие преемственности с Бисмарком Гитлер объяснял тем, что в России в те времена господствующее положение занимала германская элита, а сегодня в СССР настоящими хозяевами являются евреи [9]. Собственно, господство евреев и большевизм были для Гитлера идентичны. Нельзя, однако, упускать из виду характерный для австрийца устойчивый антиславизм Гитлера. Он еще в «Kampfbuch» писал, что еще «во время русско-японской войны я был на стороне японцев, в поражении русских я увидел и поражение австрийского славянства». Характерен его отклик на убийство кронпринца Франца Фердинанда: «Самый большой друг славян пал под пулями фанатика-славянина. Вначале я боялся, что кронпринца убил какой-нибудь немецкий студент из-за славянофильства наследника австрийского престола» [10].

inslav

III

Что касается Восточной Европы, то нацистское планирование здесь носило подчиненный характер. Оно, с точки зрения Гитлера, должно было служить главной цели — масштабной колонизации территории СССР. В Восточной Европе планировалось сохранить Протекторат Богемия и Моравия, а также вассалов Германии — Словакию и Хорватию. Польша была поделена на части. Мазовия и Познань включались в рейх. Остальные оккупированные нацистами польские земли составляли т. н. генерал-губернаторство, служившее резервом рабочей силы и местом «окончательного решения» еврейского вопроса.

В результате войны против СССР планировалось отбросить Красную Армию за Урал. В Сибири Гитлер допускал существование остатков большевистского режима в расчете на возникновение перманентных вооруженных стычек с вермахтом, который таким образом поддерживал бы свой боевой дух и имел бы возможность испытывать новое вооружение. Европейскую же территорию СССР Гитлер предварительно планировал поделить на четыре провинции (рейхскомиссариаты). Первая — Ostland с центром в Риге — должна была охватывать государства Балтии и Белоруссию. Здесь нацисты хотели поселить немцев Поволжья, датчан, норвежцев, англичан. Вторая — Украина со столицей в Ровно. Сюда, в будущую житницу третьего рейха, планировалось быстро переселить 20 млн. немцев. Третья — Кавказ со столицей в Тбилиси — должна была стать нефтяным придатком Германии. Четвертая, самая крупная провинция — Московия простиралась бы от Балтики до Уфы. Германскую «Ривьеру» планировалось устроить в Хорватии и Крыму. Последний намеревались переименовать в Готенланд и переселить сюда немцев из Южного Тироля.

Ключом к колонизации оккупированных на Востоке земель должна была стать система автобанов, которые, по словам Гитлера, сотрут границы старой Европы. Ф. Порше утверждал, что от Одессы до Берлина по хорошей дороге можно будет добраться за 30 часов. Процесс колонизации Восточной Европы мыслился нацистами наподобие американской колонизации Дикого Запада. Каждое немецкое семейство колонистов будет обрабатывать свой даровой участок земли, а на ночь укрываться в укрепленной деревне. Россию Гитлер склонен был рассматривать как немецкую Индию, он даже рекомендовал немецким офицерам на Восточном фронте для понимания психологии «туземцев» читать Карла Мая — знаменитого немецкого автора романов о Чингачкуке, Винниту.

Расселение солдат и крестьян в восточных пределах рейха практиковалось еще в Средние века при первых германских императорах.

inslav

Подобная связь меча и плуга продолжилась и в кайзеровской Германии, а в Первую мировую войну — даже перед лицом поражения, когда в 1918–1919 гг. фрайкоровцев вербовали с обещаниями дать им земли в Прибалтике. Позже многие из тех солдат служили в гитлеровском вермахте во вспомогательных и комендантских частях. В период Веймарской республики правительство целенаправленно проводило национальную политику, нацеленную на сохранение немецкого народа на восточных территориях.

В этом смысле идея переселенческих планов Гитлера опиралась на давнюю традицию, хотя, конечно, не могла быть сравнима с ней, ни по масштабам замысла, ни по средствам и методам реализации, а главное — идеологически и политически. Согласно нацистским планам, на Востоке возникли бы поселения немецких крестьян и одновременно воинов в качестве щита против чуждого расового проникновения. Через все выступления и высказывания Гитлера красной нитью проходила идея обеспечения для немцев «жизненного пространства» на Востоке. Многократно цитируемое высказывание Гитлера из «Майн кампф» о том, что «если мы говорим о жизненном пространстве, то прежде всего имеем в виду территории в России и в подчиненных ей государствах» [11]. В отличие от прежней колонизации немцами Востока, Гитлер не думал вовсе о культуртрегерской роли немцев и о мирном сосуществовании со славянами. Гитлеровская расово-биологическая концепция основывалась на порабощении или даже уничтожении славянских народов Востока Европы.

IV

До начала Второй мировой войны нацистское руководство Третьего рейха предполагало реализовать свои грандиозные переселенческие планы после окончания блицкрига. Однако с развертыванием военных действий, когда стратегия молниеносной войны шаг за шагом демонстрировала свою несостоятельность и в итоге потерпела крах, гитлеровцы были вынуждены приступить к акциям переселения уже в ходе войны, имея в виду в первую очередь, разумеется, решение военно-стратегических задач, но с учетом своих глобальных идеологических и политических установок.

Когда вермахт не оправдал ожиданий Гитлера, обращаясь с поляками, по мнению фюрера, слишком цивилизованно, руководство СС получило полномочия по переселению немцев из Прибалтики в Польшу. Однако в диком и хаотичном изгнании поляков с их родных мест ради поселения там «фольксдойче» командование вермахта усмотрело угрозу военным интересам Германии. Этот конфликт компетенций

inslav

стал одной из причин кризиса в отношениях Гитлера с частью немецкого генералитета зимой 1939–1940 гг. Ради прекращения этого конфликта Гитлер передал все административные полномочия Гансу Франку, ставшему генерал-губернатором Польши. Верховное командование вермахта лишилось всех полномочий в Польше, но командующий восточной группировкой генерал-полковник Й. Бласковиц не успокоился и продолжал цепляться за остатки своих полномочий с тем, чтобы изменить положение. Поскольку Гитлер рассматривал Польшу прежде всего как плацдарм для нападения на СССР, то полномочия вермахта были ограничены сугубо военными вопросами, а в его ведение входили гарнизоны, дороги, полигоны. Все действия военных, выходившие за указанные рамки, подлежали, по приказу Гитлера, согласованию с эсэсовским ведомством имперского комиссара по укреплению немецкого народа (Reichskommissar für die Festigung deutsches Volkstums — RKV). Конформист Кейтель смирился с этой ситуацией и не поддержал критической позиции Бласковица.

Всего из непосредственно присоединенных к Германии польских областей планировалось выселить в генерал-губернаторство около 7 млн. поляков. Переселяемых в Польшу евреев (2,5 миллиона) Гиммлер намеревался использовать для строительства Восточного вала на границе с СССР.

Что же касалось программы переселения немцев на восток, то официально она не была даже объявлена, дабы не вызывать ажиотажа и ненужного соперничества. В принципе при планировании наделения землей солдат и создания солдатских поселений речь шла о грандиозной акции. В вермахте в начале 1942 г. было около 10 миллионов солдат. При этом все в армии знали и считали решенным делом, что рыцарский крест после войны автоматически обеспечивал его кавалерам поместье на востоке.

В ранних программных заявлениях нацистов доминировала враждебность по отношению к промышленности и индустриальным ценностям, что было следствием как мелкобуржуазного характера нацистского движения во время его зарождения, так и свойственной Гитлеру идефикс «жизненного пространства» с ее аграрной романтикой и антиурбанизмом. В гитлеровской концепции общественно-политического развития немецких восточных владений не было места крупной промышленности. Идеальным типом немецкого поселенца Гитлер считал крестьянина-воина, который на Востоке должен был утверждать превосходство германской расы перед славянами.

Аналогичная роль нацистскими идеологами отводилась немецким ремесленникам и инженерам. Первое время нацисты оставляли открытым вопрос о судьбе немецкой крупной промышленности, о том,

inslav

как она должна была сочетаться с представлением о социальном равенстве в рамках концепции «среднего слоя» и соответствующего общественного порядка.

Если после включения Чехии в состав рейха отношения собственности и структура промышленности там не изменились, то в оккупированной Польше началась скрупулезная германизация промышленности. Сразу после нападения на Польшу Геринг как руководитель четырехлетнего плана мобилизации и милитаризации германской экономики создал в рамках своего ведомства «Главное попечительское управление Восток». Оно имело двойную функцию: с одной стороны, взять под свой контроль конфискованные или брошенные владельцами предприятия, а с другой — руководить и оказывать всяческую поддержку комиссарам вермахта, взявшимся за первоочередные меры по управлению производственными мощностями, оказавшимися в распоряжении оккупантов. Возглавлявший управление попечительства отставной бургомистр Винклер не имел никакого веса в нацистской иерархии, а сам Геринг не особенно и интересовался работой этого ведомства. Поэтому действия «попечителей» ограничились мелкими интригами в борьбе компетенций между партийными инстанциями, вермахтом, СС и почти никак не влияли на переселенческую политику [12].

Бывший австро-венгерский торговый советник Рихард Ридл составил для имперской канцелярии обширную записку о «русском вопросе», в которой призывал вернуться в России к политической тактике периода Первой мировой войны. Это предполагало использование национальных противоречий в СССР и сотрудничество с отдельными народами на Востоке. «Довольствоваться достижимым — вот настоящий залог успеха», — писал Ридл. Такой курс означал, однако, отказ от всякой колонизации в России. Ридл даже сомневался в реальности планов заселения в течение 10 лет аннексированных польских территорий. Он утверждал, что, помимо областей, непосредственно присоединенных к рейху, протекторат (Богемия и Моравия) и генерал-губернаторство вместе с Западной Пруссией и районом Варты поглотят все немецкие колонизационные возможности. При таких обстоятельствах думать о масштабных немецких поселениях и колонизации Кубани и Украины — это чистая фантазия. Эксперт оказался совершенно прав, а эсэсовские прожекты потерпели фиаско. Насколько организационные способности руководства СС проявились при создании аппарата тотального террора и подавления, настолько же несостоятельной оказалась его переселенческая политика.

Одно из главных требований к переселению немцев на Восток Гитлер сформулировал в июле 1941 г. На совещании в ставке он зая-

inslav

вил: «Крым должен быть очищен от всех чужаков и заселен немцами». Помимо Крыма, районами, присоединенными к рейху и соответственно колонизируемыми, должны были стать Прибалтика, Галиция, немецкие колонии на Волге. В районе Баку Гитлер хотел создать «военную колонию». Конкретных поручений и полномочий в этой области, однако, никому дано не было.

В деле нацистского «освоения» восточных территорий Розенберг видел возможность усиления собственного влияния и власти своего ведомства перед лицом конкуренции СС. Свою задачу он видел в том, «чтобы возможно быстрее принудить согнанных в резервации славян к эмиграции или вымиранию. Все позитивные задачи возьмет на себя СС». В борьбе за «позитивные задачи» Розенберг опирался на Йоахима Рике — ответственного за продовольствие и сельскохозяйственное производство в «экономическом штабе Ост». До 1939 г. тот руководил имперским ведомством по переселению, но оказался не у дел в результате перехода переселенческой политики в ведение СС. Теперь при поддержке вермахта и Геринга Рике стремился взять под контроль продовольственные поступления с Востока. Под его началом было более 10 тыс. сельскохозяйственных функционеров, руководивших колхозами и другими предприятиями. Эти функционеры чувствовали себя будущими хозяевами крестьян и, к ужасу Розенберга, стремились всеми способами сохранить колхозы и препятствовали на местах передаче земли крестьянам.

При вступлении в должность протектора Богемии и Моравии Гейдрих 2 октября 1941 г. заявил, что на Востоке нужно создать слой немецких «хозяев», распоряжающихся славянскими «илотами». На первом этапе, по его словам, следовало заселить аннексированные польские районы, затем территорию собственно Польши, а затем Украину. Несмотря на то, что в этих планах ничего принципиально нового не было, Гитлеру эти предложения понравились. В одной из застольных бесед Гитлер только добавил, что чехи прилежны и исполнительны и, может быть, они смогут служить надсмотрщиками на Востоке. Гитлер поддержал Гейдриха и разрешил распространить область действия эсэсовского Имперского комиссариата по укреплению немецкой народности на Богемию и Моравию, что было большой победой ведомства Гиммлера и дало возможность самому рейхспротектору на деле реализовать планы СС по созданию немецких поселений на чешских землях.

В конце мая 1942 г. К. Майер представил новую версию плана заселения Востока. Он предлагал создать «поселенческие марки», которые находились бы под полным контролем RKV, а Розенбергу оставалось только управление славянскими резерватами. По этому плану в тече-

inslav

ние 25 лет должны были возникнуть три марки — в Крыму, в районе Ленинграда и в Белоруссии. Для поселения и размещения 5 млн. немцев предполагалось потратить 66 млрд. марок. Гиммлеру план в целом понравился, но он потребовал дополнительно включить в план колонизации и «германизации» Западную Пруссию и Данциг, район Варты, Юго-Восточную Пруссию, Верхнюю Силезию, Богемию и Моравию, Эльзас и Лотарингию, Верхнюю Крайну, Южный Штайермарк. Кроме того, в планировании «тотального онемечивания» Гиммлер распорядился учесть также генерал-губернаторство, Латвию, Эстонию. На выполнение плана отводилось 20 лет, хотя рейхсфюрер, по свидетельству Р. Мюллера, «отдавал себе отчет, насколько трудна эта задача» [13].

Сотрудник Розенберга министериаль-директор в Прибалтике Петер Кляйст, сам эсэсовец, в резких выражениях критиковал колонизационную политику Гиммлера: «Нам, немцам, ныне нужна земля не для колыбелей, а для могил погибшим воинам. Если мы через 100 лет будем иметь избыток населения, то его можно расселять в Эстонии, Латвии, Литве, но только после того как немецкими городами и районами станут Познань, Лицманнштадт (Лодзь), Прага, Краков и множество других мест, из которых мы будем иметь довольно времени вытеснить местное население. Сейчас гораздо важнее выиграть войну, а не пропагандировать утопии, которые мешают выиграть войну» [14].

* * *

Таким образом, следует констатировать, что нацистская геополитика оказалась несостоятельна даже перед лицом конкретных задач, встававших перед руководством Третьего рейха. Она была не только непосильна для нацистской Германии, но и вступала в прямое противоречие с интересами германской экономики и экономической политикой в оккупированных странах. Гитлеровские пророчества совершенно себя не оправдали — экспансия почти утеряла прежний смысл и значение.

Геополитические догмы нацизма оказались в прямом противоречии с фундаментальными тенденциями экономического и политического развития XX в. В эпоху кризиса колониальной системы империализма, когда территориальный раздел мира все больше уступал место разделу экономическому, политическому и даже технологическому, нацистские идеологи продолжали обосновывать отжившие концепции «жизненного пространства» кануна Первой мировой войны, оказавшиеся абсурдными теоретически и неосуществимыми на практике.

inslav

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *P. Rohrbach.* Osteuropa, historisch-politisch gesehen. Potsdam, 1942. S. 123.

2 Ср.: *У. Лакер.* Россия и Германия. Наставники Гитлера. Вашингтон, 1991. С. 64.

3 Ради восстановления исторической справедливости нужно отметить, что самый крупный и общепризнанный в то время знаток России и русской истории Отто Гетцш до и после Первой мировой войны ожесточенно критиковал антирусские настроения и пропаганду. Самым лучшим доказательством его искренности является и то, что лучший из его учеников Клаус Менерт также был искренним другом России и великим знатоком русской истории и культуры.

4 Цит. по: *Й. Фест.* Гитлер. Пермь, 1993. Т. 3. С. 157.

5 *A. Hitler.* Mein Kampf. München, 1940. Bd. 1. S. 137–141.

6 Цит. по: Вторая мировая война: Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований / Под. ред. В. Михалка. М., 1997. С. 440.

7 Там же. С. 441.

8 *D. Irving.* Führer und Reichskanzler Adolf Hitler 1933–1945. München, 1989. S. 344.

9 Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg / Hg. v. W. Deist u. a. Stuttgart, 1979. Bd. 1. S. 543.

10 *A. Hitler.* Op. cit. S. 162.

11 Цит. по: *R. D. Müller.* Hitlers Ostkrieg und die deutsche Siedlungspolitik. Die Zusammenarbeit von Wehrmacht, Wirtschaft und SS. Frankfurt am Main, 1991. S. 12.

12 Ibid. S. 52.

13 Ibid. S. 105.

14 Ibid. S. 110.

inslav

Павел Вечоркевич
(Варшава)

О СТЕПЕНИ СОВЕТСКОЙ И НЕМЕЦКОЙ УГРОЗЫ И ЕЕ ВЛИЯНИИ НА ПОЛИТИКУ ПОЛЬШИ В ОБЛАСТИ ОБОРОНЫ В 1921–1939 гг.

Роман Дмовский — крупнейший политический мыслитель Польши той поры — оценивая геополитическое положение страны, писал: «На территории, где заканчивается Западная Европа и открывается выход на необъятные равнины Востока <...>, на территории, зажатой между двумя мощными державами — Германией и Россией, нет места для небольшого слабого государства. Здесь может существовать только государство великое» [1]. Поскольку Вторая Речь Посполитая утвердила свои границы в явном конфликте с Советской Россией и лишь формально локализованном — с Германией, удержание завоеванных позиций стало основной и неизменной задачей польской политики, вне зависимости от конкретных политических обстоятельств. Ее отправными точками стали союзнические договоры, подписанные на заре возрожденной государственности, в 1921 г. Польско-французская оборонительная конвенция гласила, что «в случае немецкой (подчеркнуто мною. — *П. В.*) агрессии против одной из сторон обе стороны обязуются приступить к выполнению обязательств, предусмотренных взаимным соглашением» [2]. Подобные формальные, хотя и значительно более размытые в отношении Советской России гарантии устанавливало и польско-румынское соглашение. В тексте конвенции об «оборонительном союзе» указывалось, что в случае, если одна из сторон «подвергнется немотивированному нападению со стороны нынешних восточных границ», союзник будет обязан предоставить ей «вооруженную помощь» [3].

I

В таких геостратегических условиях и при такой политической стратегии военная доктрина Польши, будучи функцией политики, должна была иметь оборонительный характер. Чтобы армия могла одинаково успешно справляться с вызовами как с востока, так и с запада, ее численность в мирное время была доведена до тридцати диви-

inslav

зий пехоты и свыше десяти бригад кавалерии полного состава. Поскольку угрозы со стороны соседей были очевидны, польский штаб, принимавший во внимание реалии текущего момента, разработал альтернативные планы мобилизации и развертывания сил на обоих потенциальных фронтах. Концепция одновременной борьбы на два фронта разрабатывалась, по правде сказать, под явным нажимом французского союзника, однако, вопреки надеждам Парижа, возможность наступательных действий против Германии (т. н. план Фоша) в этом случае была признана маловероятной [4]. Пилсудский считал наиболее опасным противником Россию, что противоречило геополитическим интересам Третьей Республики [5]. Война сразу на западной и восточной границе, да еще без непосредственного взаимодействия с союзниками, была уже в 1926 г. признана польским политическим и военным руководством безнадежной, хотя в то время ни СССР, ни Германия не могли похвастаться значительными успехами в наращивании военного потенциала. Начальник Генерального штаба Польши Станислав Галлер в связи с этим без обиняков заявил: «Случай Р[оссия] + Г[ермания] не будет рассматриваться с точки зрения перспектив нашей обороны» [6]. Еще более определенно высказался на этот счет Пилсудский. Для того чтобы подчеркнуть отсутствие шансов на какую бы то ни было осмысленную оборону, он заявил, что в случае агрессии с двух сторон полякам придется сражаться на Саксонской площади в Варшаве, у могилы Неизвестного солдата [7].

Желание Советской России и Германии разрушить систему послевоенных международных отношений в Европе, как основная задача, и стремление устранить Польшу, бывшую главным связующим звеном Версальской системы на востоке Европы, как насущная необходимость, служили теми факторами, которые благоприятствовали сближению обеих стран, независимо от их идеологических и прочих установок в глобальном масштабе. Контуры общих интересов двух государств были намечены в Рапалльском договоре 1922 г., который не только расширял возможности для взаимовыгодного военного сотрудничества, но и одновременно закладывал основы политического союза, однозначно направленного против Второй Речи Посполитой.

Как рейхсвер, так и Красная армия (РККА) планировали, в случае благоприятных обстоятельств, совместные наступательные действия с целью военного разгрома Польши и уничтожения польской государственности. Генерал Ганс Зект, крупнейший военный авторитет Веймарской Германии, оценивая перспективные стратегические задачи, писал в 1923 г. канцлеру Йозефу Вирту: «Ядром восточной проблемы является Польша. Польша не должна существовать. Ее существование несовместимо с жизненными интересами Германии. Польша должна

inslav

исчезнуть, и она исчезнет по причине внутренней слабости или под натиском России — при нашей помощи. Россия еще более нас заинтересована в ликвидации Польши. Никакая Россия не пойдет на соглашение с Польшей. <...> Россия и Германия в границах 1914 г. — вот основа для соглашения этих государств» [8].

«Слом Версальской системы» и последующий пересмотр условий советско-польского Рижского договора 1921 г. составляли также и стратегическую цель советской политики, ибо только при такой ситуации реальными становились планы «экспорта революции» в Западную Европу. В таком духе не раз высказывался сам Ленин. Уже в 1920 г. он заклеймил Версальский мирный договор — «уродливый мир», который поддерживается, в частности, для того, чтобы сделать из Польши «буферное государство», которое отгородило бы «революционную» Германию от объединения с советским коммунизмом, и которое Антанта рассматривает как орудие против большевиков [9].

Военные круги СССР и Германии были горячими сторонниками политики самого тесного, а не только технического и технологического сотрудничества. Народный комиссар по военным и морским делам К. Е. Ворошилов выпытывал, например, у специального представителя рейхсвера генерала Вернера фон Бломберга: может ли Советский Союз рассчитывать на Германию в случае нападения Польши? [10] Согласно усвоенной советскими вождями оруэлловской диалектике, это означало непосредственное поощрение к развязыванию войны со Второй Речью Посполитой. Подобные воинственные заявления звучали в доверительных беседах много раз. Даже тогда, когда СССР уже начал переговоры с Польшей по поводу подписания договора о ненападении, Ворошилов заверял немецких союзников, что «советское руководство является принципиальным противником Версальского договора и не предпримет ничего, что могло бы каким-нибудь образом укрепить Гданьский коридор» [11].

II

Изменение системы государственного управления в Польше после майского переворота 1926 г. и сосредоточение в одних руках военной и внешней политики позволило более точно определить стратегические интересы государства и пути их реализации на долгосрочный период. Вскоре после прихода к власти Пилсудский заявил, что, «по меньшей мере в ближайшие пять лет, в Европе не должно произойти никаких существенных перемен, которые бы глубоко затрагивали наше Государство» [12]. Реалистично оценивая подлинные агрессивные устремления обоих великих соседей Польши, он, однако, указывал,

inslav

что ввиду их внутреннего ослабления (вследствие коллективизации в СССР и в результате Великого кризиса 1929–1933 гг., приведшего к нарушению политической стабильности в Германии) вполне возможно кратковременное улучшение отношений как с Москвой, так и с Берлином, что с польской стороны даже и желательно. В соответствии с девизом, что «нельзя спать с карабином в обнимку — карабин должен лежать на оружейном складе» [13], он добился подписания договоров о ненападении, сначала с СССР, а затем, не без труда, также и с Германией. В последнем случае этому предшествовал дипломатический зондаж позиции Франции касательно возможности развязывания превентивной войны на западной границе Польши [14]. Лишь негативная реакция Парижа склонила маршала к соглашению с Берлином.

7 мая 1934 г. Пилсудский созвал т. н. «собрание квартиросъемщиков», или всех премьеров после майского переворота. Говоря о выгодных сдвигах в международном положении Польши, он одновременно предупредил, что достигнутое умиротворение — явление недолговечное и может продолжаться, если речь идет о Германии, еще четыре года [15]. Конкретизации этой оценки способствовало беспрецедентное совещание, созванное 12 апреля, в котором участвовали назначенный министром иностранных дел полковник Юзеф Бек, его заместитель Ян Шембек, а также инспекторы армии и группа руководящих офицеров Войска польского и Генеральной инспекции вооруженных сил. Маршал задал им вопрос: «Какое из данных государств является наиболее опасным для Польши и вскоре может стать опасным?», желая услышать самостоятельный, краткий, но при этом обоснованный ответ [16]. Среди 20 выступивших 5 (министры Бек и Шембек, а также инспекторы армии генералы Казимир Сосновский, Эдвард Рыдз-Смиглы и начальник Генерального штаба генерал Януш Гонсеровский) назвали СССР как наиболее опасную в ближайшей перспективе страну, зато большая часть — 12 человек (в том числе заместитель министра обороны генерал Казимир Фабрыцы и начальник Второго отдела Генштаба полковник Тадеуш Фургальский) — указывали, хотя и со многими оговорками, на растущую угрозу со стороны Германии [17].

Сославшись на то, что сам он «не располагает временем для изучения, сравнения и классификации информации, исходящей из разных источников» [18], маршал создал внутри Генеральной инспекции вооруженных сил сверхсекретное «Особое подразделение» (иначе «Лабораторию») для разработки этой основополагающей для безопасности государства проблемы. В силу свойственной Пилсудскому привычки засекречивать принятие важнейших решений, «подразделение» должно было действовать независимо от Генерального штаба, который был устранен от разработки данного вопроса. Инструктируя генерала Фаб-

inslav

рыцы, который в ранге инспектора армии был назначен начальником созданного органа [19], Пилсудский еще более откровенно, в присущем ему красочном стиле, выразил ту мысль, которая прозвучала на апрельском совещании: «Имея в наличии два пакта о ненападении, мы сидим на двух стульях — это не может продолжаться долго. Мы должны знать, с какого — упадем раньше и когда» [20].

Задача «Лаборатории» заключалась в определении нараставших угроз главным образом через изучение внутреннего положения Советского Союза и в еще большей степени — Германии, где с приходом к власти Гитлера ситуация была почти непредсказуема. Пилсудский был убежден, что «важнейшим показателем при определении степени агрессивности данного государства является его внутренняя обстановка». Поэтому любой диктатор, утверждал он, «должен, прежде всего, прочно удерживать в своих руках власть и чувствовать себя уверенно в собственном доме» [21].

Созданный орган должен был использовать политические и разведывательные материалы, добываемые также собственными средствами [22]. Министерству иностранных дел было предписано тесно сотрудничать с «Особым подразделением», в состав которого вошли представители МИДа (Шембек и послы Юлиуш Лукашевич в Москве и Юзеф Липский в Берлине), что должно было обеспечить «сотрудничество и взаимопонимание» двух ведомств [23]. Аналогичные обязанности были возложены также на инспекторов вооруженных сил, которые должны были представлять ежемесячные отчеты, а кроме того — на начальника Второго отдела Генштаба полковника Фургальского. Полковник Глябиш свидетельствовал позднее, что практической задачей «Лаборатории» стала смычка и усиление различных разведывательных и информационных служб [24].

Осенью 1934 г. предварительные результаты работы «Особого подразделения» были представлены на совещании инспекторов армии с участием руководства МИДа. Вводные доклады сделали Фабрыцы и Глябиш. Хотя они и были составлены независимо один от другого, тем не менее оба содержали удивительно схожие выводы. Докладчики утверждали, что, по правде говоря, Россия могла бы в скором будущем стать небезопасной для Польши, однако еще раньше опасной станет Германия. В ходе обсуждения это утверждение нашло поддержку лишь в высказываниях генералов Густава Орлич-Дрешера, Станислава Бурхардта-Букацкого и, что интересно, Казимира Сосновского, что указывало на существенные сдвиги во взглядах большинства участников совещания, хотя эти перемены произошли не обязательно под воздействием конкретных аргументов. Сам Пилсудский критически отнесся к основному тезису, поскольку, как он

inslav

говорил, «в случае войны с Германией, скорее всего, мы не останемся одни, зато, если начнется война с Россией, мы, почти наверняка, окажемся предоставлены сами себе». Осознание этого, полагал он, может послужить уздой для Германии и импульсом для СССР [25]. Однако, в сущности, точка зрения маршала не была столь однозначной. Ибо позднее он объяснял Глябишу, что отстаивал подобную позицию, чтобы успокоить «паникеров». Он утверждал, что вынужден «играть, поскольку нынешний Запад — паршивенький (в смысле — колеблющийся. — *П. В.*). И если в ближайшее время он не прозреет и не займет более решительную позицию, придется менять акценты или отдать приоритет германскому направлению» [26].

III

Однако на окончательное подведение итогов работы и определение дальнейших перспектив уже не хватило времени. Внезапная смерть Пилсудского отразилась и на польской военной доктрине. Новым генеральным инспектором вооруженных сил стал генерал Рыдз-Смиглы. Наблюдая за ним в 1920-е гг., Пилсудский подметил в нем силу воли и характера. В этом отношении он выделялся среди польских генералов, но в то же время Пилсудского тревожило, будет ли Рыдз-Смиглы «достаточно компетентен на посту высшего военного руководителя и сумеет ли соразмерить не только военные силы, но и силы государства (подчеркнуто мною. — *П. В.*)» [27]. Начальник Генерального штаба генерал Вацлав Стахевич подметил, что, став во главе Войска польского, Смиглы недоброжелательно относился к дискуссиям в среде высшего военного руководства (что не может удивлять, ибо поначалу он чувствовал себя неуверенно в обществе генералов en bloc *). Кроме того, новый генеральный инспектор не разделял мнения покойного маршала относительно смысла и значения изучения соседних держав и обнаруживал «стремление к тому, чтобы ограничить полномочия инспекторов вооруженных сил исключительно военными функциями» [28]. В результате, несмотря на сопротивление министра Бека, «Особое подразделение» было расформировано осенью 1935 г. [29]. Как следствие — «весь объем внешней информационной работы высшего государственного управления оказался нескоординированным». Такая оценка принятого решения была дана польской разведкой в период эмиграции в годы Второй мировой войны [30].

Однако решение, принятое Смиглы, имело и более широкий контекст. Разложение системы политического руководства, наступившее

* всех вместе (*фр.*).

inslav

после кончины Пилсудского, привело к фактическому дележу власти между группировками — «замковой» (названной так по месту пребывания главы государства) и «инспекторской». В силу того, что предводитель первой — президент Игнацы Мосьцицкий — не имел достаточного политического опыта и сильных позиций, а стоявший во главе второй Рыдз-Смиглы в достаточной мере еще их не приобрел, ни одна из группировок не могла и не хотела действенно координировать политику в масштабах страны на стратегическом уровне. В этих условиях, вследствие нараставшей борьбы внутри правящего лагеря, созыв совещаний «коллектива квартиросъемщиков», что в свое время настойчиво рекомендовал своим преемникам Пилсудский, стал практически невозможен. Ослабление позиций пользовавшихся только номинальным авторитетом руководителей страны создало ситуацию своеобразного политического вакуума, чем и воспользовался Ю. Бек, сумев завоевать право на самостоятельную позицию. Министр иностранных дел стремился к полной независимости своего ведомства. Таким образом, внешняя политика получила перевес над оборонной, что выражалось зачастую в том, что МИД манипулировал Генеральной инспекцией и Генеральным штабом [31]. Это в свою очередь приводило к тому, что априорные политические установки играли в принятии решений ключевую роль в ущерб сбору и анализу разведывательной информации. В условиях нараставших угроз подобная ситуация была откровенно опасной, тем более, что Смиглы по-дилетантски подходил к вопросам обороны страны, что приводило к односторонности и отрывочности межведомственной информации, и, как следствие, на Вербной * не отдавали себе отчета в истинном состоянии и боеготовности войск.

После смерти Пилсудского, в силу как объективных (прежде всего экономических), так и субъективных причин — из-за некомпетентности покойного маршала в делах министерства обороны, польская армия пребывала в плачевном состоянии [32]. Чтобы наверстать многолетнее катастрофическое отставание в военной области, Смиглы, наравне с программой развертывания и модернизации вооруженных сил, признал приоритетным направлением разработку Генеральным штабом, до сих пор ограничиваемым в своих полномочиях, планов одновременной войны на востоке и западе. Во внимание принималось только и исключительно такое развитие советско-германских отношений, которое предполагало в обозримом будущем вариант «Россия+Германия». Тем более, что при разработке указанных планов

* На Вербной улице в Варшаве находилось Министерство иностранных дел Польши.

inslav

исходили из посылки, согласно которой такая война должна была, как писал генерал Стахевич, «ограничиться одной лишь вооруженной демонстрацией против нового раздела Польши» [33]. Поскольку для войны на два фронта имеющихся средств было недостаточно, то при разработке обоих стратегических направлений важнейшим был признан план «В» («Восток»). В свете тогдашней политической ситуации и учитывая военный потенциал обоих соседей, выбор этот представляется правильным [34], но, кроме вышеназванных факторов, свою роль, кажется, сыграли также результаты работы «Лаборатории», и особенно высказанное по данному вопросу мнение Пилсудского, которое после его смерти приобрело статус непререкаемого.

IV

Работа над планом «В», начатая в конце 1935 г., была окончательно завершена к февралю 1939 г. Хотя основные его документы утрачены, мы тем не менее с достаточной долей уверенности можем на основании сохранившихся материалов воссоздать не только общий смысл плана, но и установить некоторые из задач, поставленных перед отдельными соединениями. Разработанные Генеральным штабом принципы предусматривали, что инициатива будет исходить от РККА, которая, в соответствии с известной наступательной доктриной маршала М. Н. Тухачевского, будет наносить удары бронетанковыми клиньями, используя мощную поддержку с воздуха [35]. Польским армиям первого эшелона вменялось в задачу, опираясь на систему укреплений, а также на естественные и искусственные преграды, остановить наступление противника, а затем, маневрируя на внутренних линиях, нанести контрудар, скоординировав его с действиями резерва верховного командования, а также с операциями румынских войск, которые должны были обрушиться на левый фланг неприятеля.

В историографии встречаются различные мнения относительно выполнимости указанного плана. Наиболее глубоко изучивший эту проблему Раймунд Шубаньский, при всех возможных оговорках, утверждает, что расчет на гибкую оборону в тех условиях был вполне обоснованным и давал надежду на успех в первой фазе гипотетической войны [36]. Противоположного мнения придерживается Войцех Влодаркевич, который акцентирует внимание на потенциале и маневренности советских войск [37]. Представляется, однако, что этот автор в свою очередь оставляет без внимания ряд ключевых моментов: постоянное присутствие значительной части сил РККА на Дальнем Востоке, а особенно лавинообразно нараставший кризис Красной армии, кризис прежде всего качественный, явившийся результатом репрессий

inslav

и чисток [38]. Реально оценить степень боеспособности советских вооруженных сил позволяет Советско-финская война 1940 г., опыт которой заставляет поддержать мнение Шубаньского, что польская армия, сосредоточив все силы на востоке, имела хорошие шансы остановить агрессию и успешно противостоять РККА [39].

Следует подчеркнуть, что план «Восток», как и отдельные более ранние разработки, имевшие отношение к возможному конфликту с СССР, предусматривал исключительно оборонительную войну, и ни при каких обстоятельствах Польша не планировала агрессивных действий против Советской России. А многозначительные немецкие предложения Варшаве согласовать принципы совместной политики в отношении Запада, которые в ходе доверительных бесед звучали из уст Германа Геринга и других нацистских бонз Третьего рейха, последовательно игнорировались их польскими собеседниками. Между тем командование РККА все военные учения, проводившиеся в 1930-х гг., основывало на том, что война на западных границах СССР начнется прежде всего с боевых действий против немецко-польской коалиции [40]. Эту мысль, у истоков которой лежало ничем не подкрепленное убеждение в существовании тайного союза Берлин–Варшава, особенно усиленно проводил наиболее выдающийся советский стратег маршал Тухачевский, отстаивая ее даже в предсмертном послании, составленном в застенках Лубянки и направленном Сталину [41].

Принимая во внимание, что СССР и Третий рейх не имели общей границы, а также отсутствие каких бы то ни было, даже косвенных, свидетельств, что Польша собиралась нападать на Советский Союз, нельзя не признать, что советское военное руководство молчаливо допускало возможность, что нападающей стороной в войне будет РККА. Для уточнения тезиса о способе, каким Москва определяла намерения польской политики и состояние польско-германских отношений, добавим, что в 1930-е гг. в Польше не без успеха действовала советская разведка – как военная (Разведывательное управление ГШ РККА), так и политическая (ИНО НКВД). Одним из ценнейших советских агентов в Варшаве стал советник германского посольства Рудольф фон Шелих [42]. Собственно, именно с ним связан главный аргумент советской историографии, которая всегда упорно защищала концепцию существования мнимого польско-германского заговора, ссылаясь на запись разговора Шелиха с вице-директором политико-экономического департамента и одновременно начальником отдела «Запад» в польском МИДе подполковником Тадеушем Кобыляньским, состоявшегося в середине ноября 1938 г. В нем последний, ссылаясь на Ю. Бека, якобы утверждал, что в случае занятия венграми Закарпатской Украины Польша будет готова присоединиться к Гер-

inslav

мании в походе на Советскую Украину [43]. Абстрагируясь от факта, что данное заявление единственное в своем роде и не находит ни малейшего подтверждения в каких-либо иных высказываниях или тем более в начинаниях польской стороны, следует обратить внимание на знаменательное обстоятельство, позволяющее отнестись ко всей этой истории как к грандиозной провокации. Дело в том, что собеседник Шелиха, как недавно выяснилось, тоже был советским агентом [44]. Подполковник Кобыляньский, который, к слову, сыграл позднее существенную роль в недооценке польскими политическими и военными кругами советской опасности, говорил, таким образом, то, что хотели услышать в Москве, а Шелих прилежно записывал его слова.

В столь же превратном духе толкуется позиция Польши в чехословацком кризисе, где ее вполне самостоятельные действия пытаются увязать с шагами Берлина. Предпринятые в последнее время тщательные исследования, опирающиеся на всесторонние, исчерпывающие разыскания в архивах, позволяют окончательно отбросить отстаивавшийся до сих пор частью историографии тезис об элементах военного сотрудничества Польши и Германии, которое тогда будто бы имело место. Планы высшего государственного и военного руководства Польши в тот период свидетельствуют, что Варшава рассматривала два варианта развития событий. Первый предполагал самостоятельное (!) выступление Польши против Чехословакии, если проблема Тешенской Силезии (Заольжья) не будет урегулирована дипломатически. Второй — совместные действия с Францией и Чехословакией (в зависимости от позиции Парижа и Праги) против Германии или Советского Союза, если последний в свою очередь предпримет попытку активного вмешательства. Ввиду бедственного положения Красной армии воинственные заявления Москвы совершенно справедливо расценивались как блеф, направленный на обострение ситуации и разжигание войны [45].

V

Признание плана «Восток» приоритетным не означало, что западная граница Польши была оставлена без внимания. Смиглы, в отличие от Бека, основывался на том, что надежда на добрососедские отношения с Третьим рейхом — не более чем иллюзия, поскольку, по его мнению, в течение 2–3 лет в Гданьске «начнется конфликт, который приведет к польско-немецкой войне» [46]. Этот вывод был сделан исходя из оценки состояния германских вооруженных сил. По мнению польских экспертов, вермахт должен был достичь полной боевой готовности самое позднее к 1940 г. Предварительные наметки для действий

inslav

на фронте против Германии разрабатывались в Польше параллельно с планом «Восток» и как бы на собственный страх и риск, ибо генеральный инспектор вооруженных сил не ставил в известность относительно своих намерений ни одного из генералов, долженствовавших стать руководителями западного оперативного направления: Леона Бербецкого, Юлиуша Руммеля, Владыслава Бортновского и Тадеуша Кутшебу [47]. Разработки последнего и легли позднее в основу плана «Запад» [48].

Дальнейшая подготовительная работа развернулась осенью 1938 г., когда европейский кризис, вызванный экспансионистской политикой Гитлера, и очевидная, вследствие опустошительных сталинских чисток, утрата Красной армией боеспособности (что было немедленно установлено польской разведкой [49]) заставили маршала Рыдз-Смиглы коренным образом поменять стратегические приоритеты. Здесь следует добавить, что генеральный инспектор лишь 4 января 1939 г., т. е. с двухмесячным опозданием, был уведомлен Беком о выдвинутом Риббентропом ультимативном предложении глобального пересмотра отношений между двумя странами. Независимо от позиции министра иностранных дел Польши, убежденного в своей способности решить проблему дипломатическим путем, это подтверждало тезис о пагубности разделения внешней и оборонной политики. Однако опоздание с информированием польского военного руководства о демарше Берлина не оказало решающего воздействия на сроки разработки плана «Запад», которую следовало завершить к 4 марта 1939 г., что и было исполнено. Правда, не хватило только времени, чтобы отшлифовать все детали плана и придать концепции подлинно штабной блеск.

В Варшаве после возобновления замороженных при Пилсудском контактов с французами и несмотря на недостаток действенных соглашений с Парижем в качестве геополитической установки был принят коалиционный план войны, в которой Польша и Франция должны были выступать как союзники. В феврале 1939 г. маршал Рыдз-Смиглы на состоявшейся в Замке доверительной беседе с участием высших государственных деятелей изложил наиболее вероятный сценарий грядущих событий. «Первую фазу войны, – говорил он, – мы проиграем, но <...> Франция тем временем реорганизует армию и подготовит удар, который автоматически облегчит наше положение, и не подлежит сомнению, что вместе с Францией и ее союзниками войну мы, в конце концов, выиграем» [50]. Иллюзий, что польская армия в одиночку сможет выдержать удар вермахта, не было и у ближайшего окружения маршала. Сама конфигурация театра военных действий, особенно после в высшей степени невыгодных изменений, произошедших весной 1939 г., не позволяла надеяться на благоприятный исход. Заместитель начальника Генерального штаба по оперативным вопро-

inslav

сам полковник Юзеф Яклич заметил, что Восточная Пруссия, «всей своей тяжестью нависшая над центром Польши», а также Силезия и Чехия вкупе со Словакией, — «это два готовых сомкнуться плеча, которые определяют действия немцев, и в то же время делают невозможным какой-либо ответ» [51] (подчеркнуто мною. — *П. В.*). В близком кругу он выразился куда прямолинейнее: «Мы получим под зад!» [52].

Обстоятельный анализ плана «Запад» и возможностей его воплощения не имеет смысла, поскольку сам план быстро потерял актуальность в связи с лавинообразно нараставшей угрозой Польше с юга (после захвата Чехословакии немцами в марте 1939 г.). Благодаря хорошей работе Отделения «Г» (Германия) Второго отдела ГШ районы сосредоточения и направления действий немецких войск были установлены по большей части правильно [53]. Имея в виду предстоящую войну с Германией, маршал Рыдз-Смиглы исходил из концепции стратегической обороны и сдерживания сил вермахта до тех пор, «когда наступление западных держав изменит неблагоприятное соотношение сил» [54]. Постоянно уточнявшиеся сведения о намерениях противника вынуждали его шаг за шагом отходить от установленных ранее принципов, что привело к ситуации, при которой начало войны застало польскую армию практически без резервов и, как следствие, лишило маршала реальной возможности воздействовать на ход кампании.

Как мы отмечали выше, согласно оценке польского политического и военного руководства, война с Германией должна была стать войной коалиционной, с участием не только Франции, но и Великобритании, вхождение же в коалицию Советского Союза не обсуждалось. Это являлось следствием основополагающего принципа политики Бека. Когда в 1938 г. СССР оказался в явной международной изоляции, Бек постарался всеми силами поддержать такое положение вещей, рассчитывая на длительность данной тенденции в европейской политике. Разведка, однако, доносила об обратном. Помощник военного атташе в Москве майор Станислав Малечиньский позднее утверждал: «Высшие военные структуры постоянно получали достоверную информацию о ходе развернутого в 1932 г. количественного и качественного переустройства советской армии, а также о ее мобилизационных возможностях. Отделение «Р» (Россия) Второго отдела ГШ предупреждало о постоянно растущей советской опасности, не упуская, однако, из виду и слабых мест советского колосса (некомпетентность и нехватка образованных кадров командного состава, низкий моральный дух солдат, трудности в экономике и неудовлетворительное состояние коммуникаций)» [55]. Офицеры, разрабатывавшие советское направление и сумевшие ухватить суть политики Кремля, предостерегали руководство, что Советы, «не уверенные в успехе войны с полно-

inslav

ценным противником», будут стремиться к развязыванию военного конфликта, избегая при этом собственного втягивания в него [56]. К аналогичным, но еще более пессимистичным выводам пришел глава «Лаборатории», а ныне – инспектор армии во Львове, генерал Фабрыцы, который в конце декабря 1938 г. сообщал маршалу Смиглы, что «сейчас ничто не мешает направленному против Польши соглашению России и Германии и что ожидать этого следует в самом скором времени» [57]. Тем временем органы, ответственные за принятие решений (ведомство подполковника Кобыляньского), объявляли эти и подобные ей оценки и материалы «паникерскими», вследствие чего набрала силу тенденция приуменьшать возможности РККА и преувеличивать ее недостатки [58]. «Впрочем, – как отмечал в своей аналитической разработке «Rezultaty pracy pokojowej i udział w przygotowaniu do wojny», составленной уже в годы войны в Лондоне, подполковник Людвик Садовский, – пренебрежительное отношение к советским войскам было распространенным явлением и постоянно встречалось в среде верховного польского командования и инспекторов армии (в качестве примера назовем генерала Домб-Бернацкого)» [59]. Образ потенциального противника и его замыслов подвергался постоянной карикатурной деформации. Под влиянием МИДа еще в начале 1939 г. было признано, что «германо-российские противоречия исключают любую возможность их соглашения» [60]. Заместитель начальника Второго Отдела ГШ подполковник Юзеф Энглихт, стремясь угодить высшему руководству, утверждал летом того же года, что «Советы благожелательно настроены к Польше и враждебно – к Германии <...>. Выступление Советов против Польши исключено» [61].

Тем временем параллельно с данными разведки тревожные вести приходили в Варшаву и по дипломатическим каналам, свидетельствуя о возможности быстрой переориентации советской политики. Зимой 1938 г., т. е. после объявления Гитлером концепции «глобального переустройства», советский военный атташе в Вильнюсе майор Иван Коротких, обрисовывая в неформальном разговоре со своим польским собеседником полковником Леоном Миткевичем перспективы заключения альянса Москвы и Варшавы, обусловил это согласием польской стороны на размещение советских военных гарнизонов в странах Балтии, а также на проход, в случае необходимости, советских войск через восточные области Польши [62]. В этом случае, как и позднее, во время переговоров с французами и англичанами в 1939 г., цель была очевидна: фактическая оккупация этих территорий. Заметим, что сталинская Россия, таким образом, все больше утверждала себя в качестве преемницы империи Романовых, поскольку не имела никаких прав на Эстонию, Латвию и Литву, помимо оснований, продиктованных жестокой

inslav

политической конъюнктурой. Если же говорить о Польской республике, то, по словам Уильяма Странга, британского представителя на вышеупомянутых переговорах в Москве, Советский Союз стремился «встать на защиту независимости либо нейтралитета Польши, безотносительно к тому, хотела этого Польша или нет» [63]. В Варшаве разгадали подобные замыслы. Министр Бек говорил французскому послу Леону Ноэлю: «Они требуют, чтобы мы подписались под четвертым разделом; <...> но мы все-таки будем защищаться. Нет никаких гарантий, что русские, придя на восточные земли, действительно будут принимать участие в войне» [64].

Столь же угрожающие сигналы поступали от Геринга. Сам рейхсмаршал, кстати — сторонник германо-польского союза, еще при жизни Пилсудского предупреждал, что «теоретически можно себе представить осуществление в ходе российско-германского сотрудничества нового раздела Польши» [65]. Еще более откровенный характер имело предостережение, которое он в мае 1939 г. передал руководству Польши и Франции. Его доверенное лицо генерал Карл Боденшатц настойчиво убеждал польского военного атташе Антония Шиманьского, что, «если Гитлер почувствует, что Германия может оказаться блокированной с востока Польшей, то, не колеблясь, заключит договор с самим дьяволом!» [66]. Чуть ли не в то же время Боденшатц предупреждал заместителя французского атташе по авиации капитана Поля Стехлина: «Три раздела Польши уже были, и поверьте мне, будет и четвертый!» [67]. Нам представляется, что данная инициатива, трактуемая порой как провокация и попытка изоляции Польши, имела своей целью не удушение страны, а ее спасение для заключения союза с Третьим рейхом. Ведь после объявления о предоставлении Польше британских гарантий Гитлер потерял последнюю надежду, что ему удастся склонить Варшаву на свою сторону, и он должен был решиться на крайние меры. В то же время для «дьявола» [68] (т. е. для Сталина) военно-политический союз с Германией, как показывают недавно открытые документы, касающиеся миссии Давида Канделаки в Берлине в 1935 г., означал реализацию наиболее удачного и желанного варианта развития событий. В этом случае война в Европе началась бы без формального участия СССР, в ситуации, которая не связывала бы Сталину рук на будущее, и к тому же стирала Польшу с политической карты [69].

VI

Как известно, западные союзники не поставили Варшаву в известность относительно содержания пакта Молотова-Риббентропа, хотя были неплохо информированы об этом немецким дипломатом Гансом

inslav

фон Хервартом. К слову, независимо от тех мотивов, которые двигали дипломатом, переданные им материалы представляли собой результат классической разведывательной операции, поскольку могли повлиять и, кажется, в некоторой степени повлияли на отношение западных держав к Польше, которая в итоге осталась в полном одиночестве, в чем немало был заинтересован Гитлер [70].

Ни дипломатия, ни польская разведка не проявили в надлежащий момент достаточной проницательности. Попросту курьезной можно назвать оценку августовского пакта, данную послом в Москве Вацлавом Гжибовским, который писал министру иностранных дел Польши, что договор «продиктован тактическими интересами» и, по мнению обеих сторон, «не имеет существенной ценности для Германии» [71]. Не сумел глубоко вникнуть в ситуацию и Бек, продолжавший пребывать в ложной уверенности, что с Москвой можно начать диалог. Видимо, он в значительной степени находился под влиянием Кобыляньского, который, несмотря на подписание советско-германского договора о ненападении, упорно отстаивал мнение о возможности «активизации торговых отношений с Россией» [72]. В руководстве Второго Отдела ГШ также не верили в возможность выступления СССР против Польши [73].

Впрочем, иллюзии на этот счет существовали и после начала войны. В инструкции, посланной 2 сентября польскому послу в Бухаресте Рогеру Рачиньскому, Шембек заявлял: «Мы не ожидаем никакой <...> агрессивной акции Советов в наш адрес» [74]. Генерал Стахевич, который после выслушивания 6 сентября рапорта виднейшего специалиста «двойки» (Второго Отдела ГШ) капитана Ежи Незбжицкого склонен был поддержать его категоричное, но опирающееся на знание советских реалий суждение, что «Россия, несомненно, выступит», изменил под влиянием окружения свою точку зрения и признал подобный взгляд «чересчур пессимистичным» [75]. Ю. Бек 13 сентября склонялся к мнению, что в ближайшее время СССР будет сохранять нейтралитет, предоставив возможность Польше закупить военные материалы, а в дальнейшем даже может выступить на ее стороне [76]. Подобному самообману поддались также и верховный главнокомандующий, и начальник его штаба, пытавшиеся организовать оборону т. н. Румынского вала, вместо того чтобы как можно скорее начать эвакуацию за границу всех наличных войск. Ошибочная оценка намерений СССР и ситуации на восточной границе Польши в сентябре 1939 г. в известной мере была связана с характером информации, поступавшей от польской разведки. Запоздалые, но от этого не менее тревожные донесения, несмотря на режим секретности в СССР и усилия советской контрразведки, стекались в Варшаву из-за восточной границы, а также из Москвы, Киева и Минска. В них содержались сведения

inslav

о военных приготовлениях Красной армии, а начиная с 7 сентября — о мобилизации и передвижениях советских войск. Однако доставленная информация оседала в управлении разведки. Если она все же докладывалась наверх, то значительно смягчалась по смыслу, доходя самое большее до уровня сводок о концентрации войск, необходимых для самообороны [77]. Результатом стало то, что «выступление Советов не было обнаружено ни заранее, ни в период сосредоточения советских войск и явилось для верховного главнокомандующего и начальника штаба полной неожиданностью» [78].

* * *

Трагедия Польши, начавшаяся 23 августа 1939 г., проистекала из неумения соотносить дипломатию и реальное состояние оборонных потенциалов и военной ситуации. Отсутствие глубокого геополитического анализа приводило к тому, что, несмотря на многочисленные и несомненные признаки тревожных перемен на международной арене, в Варшаве не было проведено общей оценки изменений международного положения Польши, а что хуже всего, не было даже людей, которые указали бы на эту необходимость. Не было предпринято никаких попыток обрести утраченную после Мюнхена свободу действий. С позиции сегодняшнего дня можно утверждать, что события развивались для Польши наихудшим образом. В 1939 г. Польская республика оказала сопротивление Германии, что в противном случае грозило бы ей утратой политической самостоятельности и превращением в вассала Третьего рейха. Одновременно она отвергла двусмысленные предложения советской помощи, чреватые опасностью для территориальной целостности страны. В итоге в ходе начавшейся войны Польское государство было уничтожено, а его территория, с согласия СССР, подверглась разделу. Возможна ли была тогда, в условиях предвоенного международного кризиса, глобальная переориентация польской политики? Допустимо ли было для Польши, руководствуясь принципом святого эгоизма, который, впрочем, возвели в добродетель все стороны грядущего конфликта, выступить совместно с Германией против Советского Союза? — вопрос спорный. Опыт Венгрии или Румынии показывает, что подобный шаг мог быть навязан и польскому обществу, даже если оно априори холодно относилось к такому повороту событий [79].

Стоит, наконец, обратить внимание на факт, который никогда не замечала советская историография, как не замечает сейчас и российская. Приняв на себя тяжесть военной борьбы с Третьим рейхом, Польша не только первой вступила в войну с нацистской Германией, завершившуюся крахом Гитлера, но и, что парадоксально, спасла Со-

inslav

ветский Союз, который в 1940 г. не имел ни единого шанса выстоять против планируемой тогда в Берлине германо-польской коалиции. В сравнении с 1941 г. РККА была значительно слабее, а исходные позиции объединенных сил вермахта и польских войск могли бы быть намного более выгодными, нежели те, с которых немцы начинали свой поход на Москву.

Перевод с польского В. Волобуева

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *R. Dmowski.* Polityka polska i odbudowanie państwa. [I: Przed wojną. Wojna do r. 1917]. Pisma. T. 5. Częstochowa, 1937. S. 25.

2 Текст конвенции см.: Dokumenty z dziejów polskiej polityki zagranicznej 1918–1939. T. I: 1919–1932. Warszawa, 1989. S. 130–133.

3 Ibid. S. 146–147.

4 *St. Feret.* Polska Sztuka Wojenna 1918–1939. Warszawa, 1972. S. 74–77.

5 Polskie Siły Zbrojne w drugiej wojnie światowej. T. 1: Kampania wrześniowa 1939. Cz. 1: Polityczne i wojskowe położenie Polski przed wojną. London, 1951. S. 89.

6 *M. Romeyko.* Przed i po maju. [Warszawa, 1985]. S. 186; Ср.: *St. Feret.* Op. cit. S 77.

7 *W. Stachiewicz.* Wierności dochować żołnierskiej. Przygotowania wojenne w Polsce 1935–1939 oraz kampania 1939 w relacjach i rozważaniach szefa Sztabu Głównego i szefa Sztabu Naczelnego Wodza. Warszawa, [1998]. S. 154.

8 Цит. по: *F. von Rabenau, Seeckt.* Aus seinem Leben 1918–1936. Leipzig, [1940]. S. 316.

9 *В. И. Ленин.* Речь на съезде рабочих и служащих кожевенного производства. 2 октября 1920 г. // Полн. собр. соч. Т. 41. «Из Польши Версальский мир создал государство-буфер, который должен оградить Германию от столкновения с советским коммунизмом и который Антанта рассматривает как оружие против большевиков» — Там же С. 323–324; Ср. также опубликованное его заключительное слово 22.09.1920 г. на IX Конференции РКП(б). См.: *В. И. Ленин.* Неизвестные документы 1891–1922. М., 1999. С. 370–389. В этом выступлении Ленин поставил задачу уничтожения «Версальской системы», замковым камнем которой стала Польша, путем полной советизации последней.

10 Ср.: *F. L. Carsten.* Raports by two German Officiers on the Red Army // The Slavonic and East European Review. Nr. 96. 1962. S. 223.

11 *С. Горлов.* Совершенно секретно: альянс Москва–Берлин 1920–1933 гг. (Военно-политические отношения СССР–Германия). М., 2001. С. 251–252. Автор уделяет внимание в первую очередь тесному сотрудничеству обоих государств в военной области.

12 *J. Beck.* Ostatni raport. Warszawa, 1987. S. 27.

inslav

13 Ibid. S. 50.

14 Вопрос этот вызвал оживленную полемику и имеет богатую историографию. Наиболее обстоятельная аргументация в пользу инициативы Ю. Пилсудского представлена в новейшей работе Х. Булгака. См.: *H. Buhak*. Polska-Francja. Z dziejów sojuszu 1933–1936. Warszawa, 2000. S. 9–53.

15 *K. Świtalski*. Diariusz 1919–1935. Warszawa, 1992. S. 659–662. Zapis z 7.03.1934.

16 Diariusz i teki Jana Szembeka (1935–1945). T. 1. London, 1964. S. 153–154. Zapis z 12.04.1934.

17 Изложение анкет и их оценку см.: Polski Czyn Zbrojny w II wojny światowej. T. 1: Wojna obronna Polski 1939. Warszawa, 1979. S. 51–54; Ср.: *K. Glabisz*. «Laboratorium» // Niepodległość. T. 6. 1958. S .221–222.

18 *K. Fabrycy*. Komórka specjalna // Niepodległość. 1955. T. 5. S. 218.

19 Дивизионный генерал Казимир Фабрыцы (произведен в чин в 1931 г.) родился в Одессе в 1888 г., прапорщик российской армии, учился в Политехническом институте в Мюнхене, где в 1914 г. получил диплом инженера. Накануне Первой мировой войны — участник польского национально-освободительного движения, с началом войны состоял в Польских легионах, где дослужился до командира 1-го пехотного полка. Во время Польско-советской войны командовал пехотным полком, а по ее окончании — дивизией. С 1931 г. второй заместитель министра обороны. В армии высоко ценили его интеллект и стратегический талант. Например, полковник Стефан Ровецкий (впоследствии главный комендант Армии Крайовой) особо выделял его незаурядные организационные способности, отмечал изящность и глубину спланированных им операций. (*St. Rowecki*. Wspomnienia i notatki autobiograficzne (1906–1939). Warszawa, 1988. S. 97). Офицером (начальником штаба) «Особого подразделения» был полковник Казимир Глабиш из Генеральной инспекции вооруженных сил. Он был одним из немногих высших офицеров Войска польского, служивших прежде в немецкой армии.

20 *K. Fabrycy*. Op. cit. S. 217.

21 Ibid. S. 217–218.

22 Члены «Особого подразделения» не только обобщали поступавшую к ним информацию, но и проводили самостоятельные исследования. С этой целью Фабрыцы и Глабиш посетили Германию и Австрию. Прикомандированный к подразделению майор Станислав (Феликс?) Пстроконьский из отдела «Восток» МИДа под прикрытием должности дипломатического курьера был направлен с разведывательным заданием в СССР, где побывал даже за Уралом.

23 Ср.: *J. Beck*. Op. cit. S. 73.

24 *K. Glabisz*. Op. cit. S. 220.

25 *K. Fabrycy*. Op. cit. S. 219–220; *K. Glabisz*. Op. cit. S. 224.

26 *K. Glabisz*. Op. cit. S. 225.

27 Generalowie polscy w opinii J. Pilsudskiego // Wojskowy Przegląd Historyczny. 1966. Nr. 1. S. 327.

inslav

28 *W. Stachiewicz*. Op. cit. S. 150.

29 Ср.: *J. Beck*. Op. cit. S. 73.

30 Centralna Biblioteka Wojskowa. Rkps. 12/8. K. 105. — *L. Sadowski*. Oddział II Sztabu Generalnego. (Rezultaty pracy pokojowej i udział w przygotowaniu do wojny).

31 Ср.: Ibid. K. 104.

32 Генерал Станислав Наленч-Малаховский открыто утверждал, что такого плохого военного министра, как нынешний, армия не имела. См.: [*J. K. Zamorski*]. Zapiski generala Józefa Kordiana Zamorskiego / Wyd. Wl. Mroczkowski, T. Sierocki // Najnowsze Dzieje Polski. Materiały i studia z okresu 1914–1939. T. 6. 1963. S. 208. Zapis z 1.04.1932. В 1934 г. сам Ю. Пилсудский признавал, что вопросами обороны страны занимался в последнюю очередь. См.: *K. Świtalski*. Op. cit. S. 662. Zapis z 7.03.1934.

33 *W. Stachiewicz*. Op. cit. S. 153–154.

34 Оценка правящими кругами Польши в 1930-х гг. международной ситуации и связанные с этим концепции обороны страны по-иному, по понятным причинам, характеризовались в историографии ПНР. Ср.: Wojna obronna Polski... S. 54–55. (Соответствующий раздел написан Эугениушем Козловским).

35 На рубеже 1938–1939 гг., по оценке польского военного руководства, вооруженные силы СССР насчитывали 100–110 пехотных дивизий, при мобилизационном потенциале до 140 дивизий, а также 22–23 дивизии и 7 бригад кавалерии. Собственные силы Польши составляли 37 пехотных дивизий, 12–13 кавалерийских и механизированных бригад. Армия Румынии, согласно польской оценке, насчитывала около 25 дивизий. См.: *L. Sadowski*. Rezultaty pracy pokojowej... — Centralna Biblioteka Wojskowa. Rkps. 12/8. K. 112. Ср.: *S. Feret*. Op. cit. S. 89. Przyp. 79.

36 *R. Szubański*. Plan operacyjny «Wschód». [Warszawa, 1994]. S. 120.

37 См., например: *W. Włodarkiewicz*. Radzieckie zagrożenie Rzeczypospolitej w ocenach polskich naczelnych wladz wojskowych 1921–1939. Warszawa, 2001. S. 168.

38 Ср.: *P. Wieczorkiewicz*. Stalin i generalicja sowiecka w latach 1937–1941. Sprawa Tuchaczewskiego i jej konsekwencje. Warszawa, 1993. S. 415 etc.

39 Подобный взгляд представляет, в частности, один из несторов польской военной историографии и один из немногих ныне живущих офицеров армии Второй Речи Посполитой полковник Аполлон Завильский.

40 Именно из этой концепции войны, в которой Германия и Польша совместно противостояли бы СССР, исходил при планировании больших штабных учений в начале 1936 г. тогдашний начальник оперативного отдела ГШ РККА комбриг Георгий Иссерсон. См.: *Г. Иссерсон*. Записки современника о М. Н. Тухачевском // Военно-исторический журнал. 1963. № 4. С. 73–74; *Л. М. Сандалов*. На московском направлении. М., 1970. С. 9–10.

41 1937. Показания маршала Тухачевского // Военно-исторический журнал. 1991. № 8–9. С. 44–53, 55–63.

inslav

42 Платный агент, завербованный «под чужим флагом» в декабре 1938 г., Шелих вначале полагал, что работает для разведки одного из западных государств. См.: *V. E. Tarrant.* Czerwona Orkiestra. Radziecka sieć szpiegowska w hitlerowskiej Europie. Warszawa, 1996. S. 103. Принадлежность Шелиха (кличка Ариец), арестованного и казненного в 1942 г. вместе с другими членами «Красной капеллы», к советской агентуре впервые обнародовала «Правда» 1 июля 1967 г.

43 Выдержка из записи беседы, состоявшейся, впрочем, неизвестно когда и по чьей инициативе, опубликована в кн.: СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны (Сентябрь 1938 г. — август 1939 г.). Документы и материалы. М., 1971. С. 82.

44 *А. Папчинский, М. Тымшис.* Щит, расколотый мечом. НКВД против ВЧК. М., 2001. С. 254–255. Ср.: *А. Колпакиди, Д. Прохоров.* Внешняя разведка России. М., 2001. С. 443.

45 Детальный анализ проблемы содержится в завершенной, но еще не опубликованной докторской диссертации Марка Дешчиньского «Войско польское и чехословацкий кризис 1938–1939» (*M. Deszczyński.* Wojsko Polskie a kryzys czechosłowacki 1938–1939), с которой мы имели возможность познакомиться в рукописи. Важным свидетельством в пользу тезиса о провокационном характере политики Сталина указанного периода может служить и тот факт, что, несмотря на весьма нервную обстановку, в течение напряженной декады сентября 1938 г. на приеме у советского вождя, помимо Ворошилова, побывал только зам. командующего ВВС комкор Яков Смушкевич, в то время как год спустя в преддверии нападения на Польшу и Финляндию высшие военачальники буквально не покидали его кабинета. См.: Посетители кремлевского кабинета И. В. Сталина. Журналы (тетради) записи лиц, принятых первым генсеком. 1924–1953 гг. // Исторический архив. 1994. № 6; 1997. № 1.

46 Diariusz i teki Szembeka T. 2. London, 1965. S. 239. Zapis z 30.06.1936.

47 Polskie Siły Zbrojne... S. 115.

48 Ср.: Studium planu strategicznego Polski przeciw Niemcom Kutrzeby i Mossora. Warszawa, 1987.

49 Centralne Archiwum Ministerstwa Spraw Wewnętrznych [CA MSW]. Sygn. K–403, K. 34n. [T. Pełczyński]. Rosja — grudzień 1937 r. — Wykład wygłoszony przez Szefa Oddz. II. Sztabu Głównego, na kursie Wyższych Dowódców w Rembertowie w dniu 1.XII.1937 roku; Centralna Biblioteka Wojskowa. Rkps. 12/8. K. 113. — *L. Sadowski.* Op. cit.; CA MSW. Sygn. K–390/1 — Siły zbrojne ZSRR. Komunikat wojskowy Nr 1. Warszawa, 1938. S. 4.

50 *H. Gruber.* Wspomnienia i uwagi. London, [1968]. S. 384. Значительно более пессимистическую оценку маршал высказал осенью 1938 г. в беседе с примасом кардиналом Августом Холондом. По его словам, перед лицом огромного превосходства немецкой армии и ее технических средств мы обречены на поражение в регулярной войне, а на длительное сопротивление можем рассчитывать только в войне партизанской. При этом он добавил, что Франция к войне не готова, вследствие чего будет также разбита. См.: *Wł. Pobóg-Malinowski.* Na rumuńskim rozdrożu (fragmenty wspomnień). Warszawa, 1990. S. 21.

inslav

51 *J. Jaklicz.* Plan operacyjny Naczelnego Wodza // Wrzesień 1939 w relacjach i wspomnieniach. [Warszawa, 1989]. S. 101.

52 *J. Szostak.* Moja służba Niepodległej. [T. 1.] Wspomnienia. 1897–1939. Warszawa, 1987. S. 138.

53 См.: Przygotowania niemieckie do agresji na Polskę w 1939 r. W świetle sprawozdań Oddzialu II Sztabu Glównego WP (dokumenty), Wrocław; Warszawa; Kraków, 1969. В книге имеется обстоятельный обзор историографии. См. также: *A. Woźny.* Niemieckie przygotowania do wojny z Polską w ocenach polskich naczelnych władz wojskowych w latach 1933–1939. Warszawa, 2000; *Wł. Kozaczuk.* Bitwa o tajemnice. Służby wywiadowcze Polski i Niemiec 1918–1939. [Warszawa], 1999. (Wyd. V. poszerzone); *H. Ćwięk.* Przeciw Abwehrze. Warszawa, 2001.

54 *W. Stachiewicz.* Op. cit. S. 658.

55 *A. Pepłoński.* Wywiad polski na ZSRR 1921–1939. Warszawa, 1996. S. 309.

56 Ibid. S. 310; См.: Centralna Biblioteka Wojskowa. Rkps. 12/8. K. 114. – *L. Sadowski.* Op. cit.

57 *K. Fabrycy.* Op. cit. S. 220.

58 См.: Centralna Biblioteka Wojskowa. Rkps. 12/8. K. 113–114. – *L. Sadowski.* Op. cit.; Rozpoznanie zagrożenia Rzeczypospolitej ze strony ZSRR – relacja mjr. dypl. Rafala L. Protassowickiego // Przegląd Historyczno-Wojskowy. 2001. Nr. 2. S. 82–83.

59 Centralna Biblioteka Wojskowa. Rkps. 12/8. K. 113. – *L. Sadowski.* Op. cit.

60 Ibid. K. 115.

61 Ibid. K. 156.

62 *L. Mitkiewicz.* Wspomnienia kowieńskie 1938–1939. [Warszawa, 1990]. S. 157–163. Zapis z 15.12.1938. Воспоминания Л. Миткевича были известны нам в рукописи, позже в значительной мере отредактированной. Донесение польского посла в Литве Францишка Харвата в Министерство иностранных дел о беседе полковника Миткевича с майором И. Коротких 18.04.1939 г. См. в кн.: Dokumenty i materiały do historii stosunków polsko-radzieckich. T. 7: Styczeń 1939 – grudzień 1943. [Warszawa], 1973. S. 90–91.

63 Цит. по: *J. Weinstein.* Polska polityka zagraniczna w krzywym zwierciadle historyka [...] // Niepodległość. T. 9. 1974. S. 386.

64 *L. Noël.* Agresja niemiecka na Polskę. [Warszawa], 1966. S. 350–351.

65 Diariusz i teki Jana Szembeka (1935–1945). T. 1. London, 1964. S. 224. Zapis z 31.01.1935.

66 *A. Szymański.* Zły sąsiad. Niemcy 1932–1939 w oświetleniu polskiego attaché wojskowego w Berlinie. London, [1959]. S. 140. Предостережения Боденшатца рассматриваются как элемент развязанной немецко-польской войны нервов. См.: Centralna Biblioteka Wojskowa. Rkps. 12/8. K. 155–156. – *L. Sadowski.* Op. cit.

67 *P. Stehlin.* La derniere guerre. Paris, 1977. P. 168–169; См. также: *R. Coulondre.* De Staline a Hitler. Souvenirs de deux ambassades 1936–1939. Paris, 1950. P. 270.

inslav

68 См.: *A. Woźny*. Op. cit. S. 271–272.

69 Это находит подтверждение, в частности, в записи известной беседы Сталина с Г. Димитровым. См.: *Г. Димитров*. Дневник (9 март 1933–6 февруари 1949). Софиа, 1997. С. 182. Запись от 7.09.1939.

70 Речь шла о решении бросить Польшу на произвол судьбы, принятом на заседании Высшего союзного совета в Аббевиле 12 сентября, а также о принятом ранее решении прекратить оказание ей обещанной военной помощи средствами авиации.

71 Донесения Гжибовского от 28 и 29.08.1939 г. — в кн.: *M. Kornat*. Pakt Ribbentrop-Molotow a Polska. Dyplomacja II Rzeczypospolitej wobec niemiecko-sowieckiego zbliżenia i współpracy 1939 r. Kraków, 2000 [maszynopis rozprawy doktorskiej]. S. 637; Diariusz i teki Jana Szembeka. T. 4. [London, 1972]. S. 771. См. также: *J. Beck*. Op. cit. S. 193.

72 *R. Szawłowski*. Wywiad polski na Związek Sowiecki w 1939 roku // Europa nie prowincjonalna. Przemiany na ziemiach wschodnich dawnej Rzeczypospolitej (Białoruś, Litwa, Łotwa, Ukraina, wschodnie pogranicze III Rzeczypospolitej) w latach 1772–1999. Warszawa; Londyn, 1999. S. 911. Przyp. 37. По свидетельству одного из наиболее видных и компетентных деятелей «двойки» майора Протассовицкого — в начале войны консула в Минске (под именем Владислава Вольского), человека, хорошо знавшего закулисную сторону польской восточной политики — к мнению Кобыляньского, в прошлом офицера разведки, внимательно прислушивались не только у Бека, но также и в Генеральном штабе. (См. Rozpoznanie zagrożenia Rzeczypospolitej... S. 86). Указанное свидетельство весьма важно, поскольку в момент составления процитированного донесения, в октябре 1939 г., директор был вне подозрений, а его лояльность не вызывала сомнения.

73 Centralna Biblioteka Wojskowa. Rkps. 12/8. K. 156. — *L. Sadowski*. Op. cit.

74 *M. Kornat*. Ambasador Edward Raczyński o znaczeniu ukladu Ribbentrop-Molotow — 24 sierpnia 1939 r. S. 7 (статья в печати).

75 *W. Bączkowski*. Jerzy Niezbrzycki (R. Wraga) 1902–1968 // Niepodległość. T. 23. 1990. S. 120.

76 *W. Włodarkiewicz*. Op. cit. S. 212.

77 Военный атташе в СССР полковник Стефан Бжешчиньский 8 сентября направил через аппарат военного атташе в Бухаресте в адрес высшего руководства Польши утвержденную польским послом Гжибовским телеграмму с донесением о нагнетаемой в печати и на публичных собраниях антипольской атмосфере. В этой депеше, полученной в Варшаве 11 сентября, был сделан вывод, что Советы, выбрав удобный момент, нанесут удар по Польше. См.: *S. Brzeszczyński*. 17 wrzesień 1939 roku w Moskwie. Wspomnienia ostatniego attache wojskowego Wolnej Polski w Moskwie // Przegląd Kawalerii i Broni Pancernej. Nr. 89. 1978. S. 1–2; Ср.: *W. Włodarkiewicz*. Op. cit. S. 210. Przyp. 157. Информацию из Киева направлял польский военный разведчик майор Зыгфрид Мечислав Словиковский, работавший там секретарем польского консульства. См.: *M. Z. Rygor-Słowikowski*. W tajnej służbie. Polski wkład do zwycięstwa w drugiej wojnie światowej. London, 1977. S. 7–8.

inslav

[78] Centralna Biblioteka Wojskowa. Rkps. 12/8. K. 157. — *L. Sadowski*. Op. cit. Ср.: *W. Stachiewicz*. Op. cit. S. 598.

[79] Следует принимать во внимание, что в возрожденной после Первой мировой войны Польше антироссийские и тем более антисоветские настроения, вследствие памяти народа о разделах страны и о войне за независимость 1920 г., были неизмеримо сильнее и глубже, чем настроения антинемецкие. Об этом обычно забывают те исследователи, которые рассматривают поставленные вопросы через призму последующих событий.

inslav

С. В. Кретинин
(Воронеж)

НЕМЕЦКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ В ПОЛЬШЕ В 1918–1939 гг.: К ИСТОРИИ ПАРТИИ НАЦИОНАЛЬНОГО МЕНЬШИНСТВА

В условиях обострения на исходе XX в. межнациональных противоречий особую актуальность приобретает изучение истории этноконфессиональных конфликтов прошлого, истории и теории национального вопроса в странах Центральной и Восточной Европы в 1918–1939 гг. Одним из ярких примеров многонационального государства этого периода является Польша, где проживало до 1,7 млн. немцев [1]. Немецкое население в Польской республике было сосредоточено в четырех основных районах. На землях, входивших в прошлом в состав Российской империи (в т. н. «русском захвате»), проживало по разным данным от 500.000 до 600.000 немцев; в Познани и Поморье — от 700.000 до 1.200.000 немцев; в Силезии — около 330.000 (считая ее бывшие германскую и австрийскую части); в Галиции — от 50.000 до 60.000.

Говоря о немецком населении Второй Польской республики, следует учитывать, что в Польше помимо немцев было значительное количество других национальных меньшинств: около 3 млн. евреев, около 7 млн. русских, украинцев и белорусов. Всего национальные меньшинства составляли (по разным данным) до 40% населения страны. Этот факт определил многонациональный характер социалистического движения в стране, для которого весьма остро стояла проблема консолидации в рамках единой национальной организации. В наиболее тяжелом положении оказались немецкие социал-демократы.

I

Немецкая социал-демократия в Польской республике была длительное время разобщена на четыре региональные организации. На территории бывшего Царства Польского в 1922 г. конституировалась Немецкая рабочая партия Польши с центром в Лодзи. До 1918 г. немецкая организация Царства Польского входила в состав социал-демократии Польши и Литвы. Лидерами НРПП были О. Зайдлер, А. Крониг, Э. Цербе, В. Цинзер.

inslav

В известной мере о характере социал-демократических организаций немецкого населения Польши свидетельствуют биографии их лидеров. Один из них, Артур Кроних, родился в Лодзи 6 апреля 1896 г. В родном городе он окончил немецкую гимназию, затем с 1917 г. изучал право и теорию государства в Варшавском университете, но вскоре был призван в армию. С ноября 1918 по январь 1921 г. он в чине лейтенанта служил в польской армии. После демобилизации, предприняв неудачную попытку продолжить образование в университете, он примкнул к социал-демократам и вместе с Э. Цербе в 1922 г. основал в Лодзи Немецкую рабочую партию Польши. Был главным редактором газеты «Лодзер Фольксцайтунг». В 1922–1930 гг. Кроних — депутат польского сейма. Был представителем немецкой социал-демократии Польши в Социалистическом рабочем интернационале. В 1935 г. вышел из рядов Социал-демократической партии. После 1945 г. был депортирован из Польши. Умер Кроних в Потсдаме 16 мая 1953 г.

Второй основатель НРПП Эмиль Цербе родился также в Лодзи 4 января 1897 г. Здесь в Мануфактурно-промышленной школе он получил специальность техника-машиностроителя. С 1915 г. Цербе работал на заводах в Германии, где вступил в СДПГ. В 1918 г. он студент Высшей технической школы в Дармштадте, где примкнул к независимым социал-демократам. После завершения образования Цербе возвратился в Лодзь, где в январе 1922 г. стал председателем Немецкой рабочей партии Польши. В 1922–1930 гг. — депутат польского сейма. В 1930–1939 гг. — главный редактор «Лодзер Фольксцайтунг». В годы Второй мировой войны, скрываясь от нацистов, оставался в оккупированной Польше, где жил и после войны, не принимая участия в общественной и политической деятельности, до своей кончины 16 июля 1954 г.

В Тешенской Силезии (округ Билитц-Бяла) была создана местная немецкая социал-демократическая организация во главе с Й. Лукасом, С. Глюксманом, Й. Кархом. Ранее она входила в состав силезской организации немецкой социал-демократии Австрии, что впоследствии обусловило тесные контакты между нею, с одной стороны, и судето-немецкими и австрийскими социал-демократами — с другой.

Тешенская немецкая социал-демократическая группа стояла на близких идейных позициях с аналогичной немецкой организацией польской Верхней Силезии (центр — г. Катовице). Немецкая организация Верхней Силезии (лидерами ее были К. Бухвальд и Й. Коволь), так же как и организация Поморья и Познани (центр — г. Бромберг, лидер — А. Панкратц), была до 1918 г. в составе партии германской социал-демократии.

Таким образом, принимая во внимание происхождение, историю становления, характер политических связей отдельных социалистических групп, а также личные судьбы их лидеров, можно сделать вывод, что не-

inslav

мецкая социал-демократия Польши имела куда меньше предпосылок для консолидации, нежели аналогичная организация судетских немцев [2]. Как отмечал германский историк Г. Пипер, в Польше и Чехословакии существовали различные условия для немецкого национального меньшинства. После Первой мировой войны, по его словам, «в Чехословакии, в отличие от Польши, на кону было не само существование немецкого меньшинства, а речь шла о роли последнего в новом государстве» [3].

Каждая из четырех региональных организаций немецких социалистов имела свои печатные органы: «Lodzer Volkszeitung» — для области Польши, входившей прежде в состав Российской империи; «Volksstimme» — для Тешенской Силезии; «Volkswille» — в Польской Верхней Силезии и «Volkszeitung» для Познани и Поморья. Между лидерами региональных организаций не было согласия. Каждая из организаций имела собственную программу, в том числе и по национальному вопросу. Лишь в 1929 г. произошло организационное объединение основных групп немецкой социал-демократии в Польше в единую партию. Курьезным было то, что «эта партия даже не смогла определиться с собственным названием»: в партийных документах применялось два официальных названия — Немецкая социалистическая рабочая партия в Польше и Немецкая социалистическая партия в Польше (далее — НСДП(П)) [4]. Эта партия не была ни многочисленной, ни массовой. Число ее членов не превышало 8–12 тыс.

НСДП(П) поддерживала тесные контакты с организациями австрийской, германской, судето-немецкой социал-демократии, а также с Социал-демократической партией вольного города Данцига.

В Гданьске социал-демократическая партия во многом копировала политическую линию германской социал-демократии. Гданьские социал-демократы (во главе с А. Бриллем, Ю. Гелем, Й. Мау) были одной из крупнейших партий в городе. Их представители входили в городское правительство [5]. Немецко-польскую и данцигскую социал-демократию связывали тесные отношения. Изначально партия немецкой социал-демократии в Польше выставила собственного представителя для Социалистического Рабочего Интернационала (Й. Коволя) [6]. Затем между немецкими социал-демократами Польши и Данцига было заключено соглашение об общем представительстве в СРИ: Й. Коволь и данцигский социал-демократ А. Брилль поочередно участвовали в заседаниях этой организации [7].

II

Немецкая социал-демократия Польши изначально не выдвигала требования культурно-национальной автономии в качестве первооче-

inslav

редного. В партийной программе Немецкой рабочей партии Польши 1922 г., составленной А. Кронигом в год ее основания, упоминание о культурно-национальной автономии отсутствовало. Программа лишь декларировала, что «каждому ребенку должно быть гарантировано преподавание на родном языке» [8].

Разработка немецкими социалистами в Польше концепции культурно-национальной автономии для национальных меньшинств продолжалась до конца 1920-х гг. Автором ее был Сигизмунд Глюксман. Он родился 30 мая 1884 г. под городом Вадовиц (Вадовице). Еще в гимназии примкнул к молодежной социал-демократической организации. Изучал правоведение в Билице, получив ученую степень доктора. С 1920 г. — член тешенской организации немецкой социал-демократии. Избирался депутатом силезского сейма. Автор программы Немецкой социал-демократической рабочей партии Польши, принятой в 1929 г. В сентябре 1939 г. бежал в СССР. Погиб в Сибири при невыясненных обстоятельствах. Глюксман был ведущим теоретиком немецкой социал-демократии в Польше. Им, в частности, была разработана концепция национально-культурной автономии.

Немецкие социалисты в Польше исходили из принципа исторической преемственности борьбы за национальную автономию, делая особый упор на работы О. Бауэра по национальному вопросу. Они подчеркивали, что «были бы особо рады, если основной пункт, который был определен еще в трудах товарища Отто Бауэра», был бы осуществлен на практике [9]. Программа немецких социалистов в Польше была основана на теоретических положениях концепций Бауэра-Реннера, предполагая, в частности, создание «национальных курий» для национальных меньшинств [10]. Программа культурно-национальной автономии, разработанная Глюксманом, предусматривала, в первую очередь, борьбу за права немецкого национального меньшинства на национальную школу, на развитие собственной культуры. Немецкий язык предполагалось сделать обязательным для изучения в областях со смешанным населением. Вопрос о выделении особых самоуправляющихся территориальных автономий для меньшинств ставился партией лишь декларативно и рассматривался в тесной связи с борьбой за «политику самоуправления», за «общее для всех наций избирательное право» [11].

В начале 1927 г. Глюксман писал: «Идеалом социалистической кооперации является объединение всех социалистических партий в государстве в одну общую партию, внутри которой каждой партии отдельной нации должна быть предоставлена автономия». Содержанием этой автономии Глюксман называл наличие у национальных партий на территории их деятельности собственных средств массо-

inslav

вой информации, права пользоваться национальным языком и действовать в целях защиты «культурно-национальных интересов» населения. «Такая кооперация была возможна в многонациональном австрийском государстве» [12], — констатировал автор. В рамках польского государства такая кооперация виделась Глюксману маловероятной, что, на наш взгляд, свидетельствовало об упрощенном, схоластическом подходе автора к идеям Бауэра-Реннера, недооценке им интеграционных межнациональных факторов в социалистическом движении как в самой Польше, где немецкая социал-демократия действовала в союзе с партией польских социалистов (ППС), так и в Чехословакии, где в состав партии чехословацкой социал-демократии вошли организации венгерской и карпато-русской социал-демократии, а с 1928 г. было установлено сотрудничество между судето-немецкими и чехословацкими социал-демократами.

Вслед за Глюксманом свое отношение к национальной проблеме высказали и другие лидеры немецкой социал-демократии в Польше. Так, один из руководителей социалистической организации в Лодзи Э. Цербе подчеркивал, что до тех пор, пока польское руководство исходит из того, что польское государство является национальным государством, «целенаправленного решения проблемы национальных меньшинств <...> нельзя ожидать» [13]. С ним был солидарен силезский социал-демократ Й. Коволь, который указывал на особое положение и роль Силезии в «немецком социалистическом движении», которое развивалось в условиях пограничья между Германией и Австрией, между «берлинской и венской партийными организациями», между германской прагматической моделью социализма и австромарксизмом [14].

Йоган Коволь родился 27 декабря 1890 г. в верхнесилезском городке Лаурахютте. Работал шахтером, машинистом, стенографистом, конторщиком. С 1906 г. примкнул к социал-демократическим профсоюзам, а с 1908 г. стал членом СДПГ. В период Германской революции 1918 г. был членом германского Совета рабочих и солдатских депутатов от Силезии. С 1919 г. — редактор, а с 1921 г. — главный редактор газеты «Volkswille» (Катовице). Одновременно был секретарем немецких социал-демократических профсоюзов Верхней Силезии. В 1922–1937 гг. — депутат силезского сейма. В сентябре 1939 г. бежал в СССР. До июня 1941 г. работал на московском заводе, затем попытался пешком добраться до немецкой автономии Поволжья, но по пути умер.

Борьба НСДП(П) за культурно-национальную автономию в Польше развивалась в сложной политической ситуации, особенно после установления в 1926 г. авторитарного режима Ю. Пилсудского. Это

inslav

в свою очередь обусловило единство борьбы за национальные права и за защиту демократических завоеваний. Борьба за восстановление демократических свобод велась НСДП(П) совместно с партией польских социал-демократов, которая еще в начале 1920-х гг. приняла специальную «Резолюцию по национальным меньшинствам». В этой резолюции гарантировались «права национальных меньшинств в области культуры», равноправие во всех сферах жизни [15]. Это в свою очередь заставляло немецкую социал-демократию Польши следовать политической линии ППС. Немецкие социалисты выступали на выборах едиными списками с польскими товарищами, а также совместно с представителями социал-демократии остальных национальностей Польши — еврейскими, белорусскими, украинскими социалистическими партиями. Поддержку политической линии социал-демократии в Польше высказывала международная социал-демократия: в принятой в 1931 г. на Венском конгрессе СРИ резолюции по польскому вопросу резко осуждалась политика режима Пилсудского, «насильственное подавление прав национальных меньшинств» в Польше [16].

III

Мировой экономический кризис 1929–1933 гг. и приход нацистов к власти в Германии поставили немецкую социал-демократию Польши в сложное положение. Показательно, что требование культурно-национальной автономии к началу 1930-х гг. исчезает из пропагандистского лексикона НСДП(П). Его заменяют расплывчатые положения о необходимости решения национальных проблем в стране и т. п. [17]. Партийные идеологи, фактически отставившие идею культурно-национальной автономии, не смогли выдвинуть иной концепции решения национального вопроса в стране. Катастрофически быстро терявшая влияние на немецкое население Польши НСДП(П) ограничивалась критикой как в адрес польского «шовинизма», так и в адрес германского нацизма [18].

В 1937–1938 гг. партия немецкой социал-демократии предприняла попытки выступить с умеренно-прогерманских позиций, как бы пугая польские власти осложнениями отношений с Гитлером, если положение национальных меньшинств (имелось в виду немецкое меньшинство) не изменится к лучшему. Несмотря на то, что НСДП(П) делала акцент на защиту немецкого меньшинства в первую очередь, ее руководство продолжало следовать старой риторике, говоря, например, о банкротстве «националистически-капиталистического государства» [19].

Даже накануне Второй мировой войны лидеры НСДП(П) по-прежнему исходили из возможности развития немецкого населения Поль-

inslav

ши в рамках польского государства, считая необходимым условием для этого соблюдение резолюций Лиги Наций о защите прав национальных меньшинств [20]. С началом гитлеровской агрессии против Польши 1 сентября 1939 г. и оккупации страны деятельность партии была прекращена. Члены социал-демократических организаций либо бежали из страны, либо попали в руки гитлеровцев.

* * *

Таким образом, немецкая социал-демократия в Польше не смогла противостоять правым силам, натиску национализма и гитлеровской пропаганде. Не стоит, правда, преувеличивать возможности этой небольшой организации, которая при этом еще и страдала от отсутствия организационного единства. По степени политического влияния она уступала также действовавшим в Польше немецким буржуазным партиям. Однако история немецкой социал-демократии Польши в межвоенный период показательна как пример поиска социалистами путей решения национальных и социальных проблем, как пример понимания ими единства борьбы за национальное освобождение и за социализм.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Сложность с определением точной численности немецкого населения в Польше состоит в том, что существуют разные данные, которые нередко зависят от политических пристрастий и национальности их собирателей. Дополнительную сложность представлял тот факт, что окончательные границы Польши были установлены лишь к октябрю 1921 г., а в некоторых районах со смешанным населением (в Верхней Силезии) польская администрация была установлена лишь в июле 1922 г. См., например, данные немецких социалистов в Польше: Archiv der Deutschen Sozialistischen Arbeiterpartei Polens in der Friederich-Ebert-Stiftung, Bonn-Bad-Godesberg. A.–a–1. Nr. 277. (Далее – ADSAP).

2 Подробнее об этом см.: *С. В. Кретинин.* Судето-немецкая социал-демократия: Страницы политической истории. Воронеж, 1998.

3 *H. Pieper.* Die Minderheitenfrage und das Deutsche Reich 1919–1933/34. Hamburg, 1974. S. 228.

4 ADSAP. A–a–1. Nr. 195.

5 *M. Andrzejewski.* Socjaldemokratyczna Partia Wolnego Miasta Gdańska 1920–1936. Gdańsk, 1980.

6 Internationaal Instituut voor Sociale Geschiedenis, Amsterdam. (IISG). SAI. Nr. 2535/2.

7 IISG. SAI. Nr. 1400/1.

8 ADSAP. A.–c–1. Nr. 55.

inslav

9 ADSAP. A–a–1. Nr. 195.

10 ADSAP. A–a–1. Nr. 195.

11 ADSAP. A–a–1. Nr. 198.

12 Volkswille, Kattowitz. 13.04.1927.

13 ADSAP. A–a–1. Nr. 277. Bl. 56.

14 ADSAP. A–a–1. Nr. 273. Bl. 378.

15 ADSAP. A–a–1. Nr. 277.

16 Vierter Kongreß der SAI. Wien, 25. Juli bis 1. August 1931. Zürich, 1932. S. 25.

17 Ibid. S. 330.

18 ADSAP. A–c–1. Nr. 32.

19 *O. Heike.* Die deutsche Arbeiterbewegung in Polen 1835/1945. Dortmund, 1969. S. 175.

20 Lodzer Volkszeitung. 18.06.1939.

inslav

З. С. Случ
(Москва)

ПОЛЬША В ПОЛИТИКЕ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1938–1939 гг.)

В конце 1930-х гг. Польше суждено было сыграть крайне важную роль, в значительной степени повлиявшую на развитие, продолжительность и, в конечном счете, на политические итоги Второй мировой войны. Эта роль не была результатом целенаправленных действий польского правительства на международной арене. Вместе с тем именно позиция последнего в силу взаимодействия целого ряда преимущественно внешних факторов volens nolens обрела на определенном этапе ключевое значение, во многом скорректировав или даже определив расстановку главных действующих сил на Европейском континенте в 1939 г. и их конкретные шаги.

I

Во внешнеполитической программе Гитлера Польша не упоминалась в качестве самостоятельного объекта будущей нацистской экспансии. Это может показаться даже странным, учитывая характер германо-польских отношений после Первой мировой войны [1], обремененных серьезными, в том числе и территориальными проблемами. Тем не менее Гитлер, осуждавший предвоенную и послевоенную политику Германии, приведшую, по его утверждению, в частности, к созданию Польского государства [2], возникшего «на немецкой крови» [3], уделял Польше до прихода к власти незначительное внимание, откликаясь лишь на политически злободневные вопросы (например, плебисцит в Верхней Силезии) [4].

Вместе с тем можно предположить, что решение судьбы Польши рассматривалось фюрером в рамках общей задачи завоевания «жизненного пространства» на Востоке и его германизации. Свое понимание этого процесса он изложил в 1928 г., отметив, что будущее «народное» (völkisch) государство во главе с национал-социалистами «ни при каких обстоятельствах не должно насильственно присоединять поляков с намерением однажды сделать из них немцев. Напротив, оно должно при-

inslav

нять решение: либо изолировать эти расово чуждые элементы, <...> либо вообще удалить их без лишних церемоний и передать освободившуюся землю своим соотечественникам» [5]. Уже первое программное выступление Гитлера в качестве рейхсканцлера перед высшим командным составом рейхсвера 3 февраля 1933 г. подтвердило всю серьезность его предшествующих высказываний, касающихся практического осуществления именно такого варианта германизации на Востоке [6].

Тем не менее, несмотря на неизменную приверженность своей внешнеполитической программе и в особенности ее расовым компонентам [7], несмотря на гипертрофированный антиславянский комплекс [8], Гитлер по тактическим соображениям, во имя реализации более важных планов всегда был готов временно урегулировать отношения практически с любой страной, даже в том случае, если это требовало резкого изменения во внешней политике Германии. Впервые он продемонстрировал эту способность именно в отношениях с Польшей, подписав с ней в январе 1934 г. соглашение о ненападении сроком на 10 лет, серьезно улучшившее международное положение Третьего рейха и тем самым его возможности по подготовке к войне [9]. При этом проблемы, на протяжении полутора десятков лет серьезно обременявшие двусторонние отношения, — Данциг, Польский коридор, положение немецкого и польского национальных меньшинств — никуда не исчезли, а просто были переведены Гитлером в категорию «отложенных вопросов», время от времени в той или иной форме напоминая о себе. Стремясь как можно сильнее не столько даже привязать Польшу к своей политике, сколько нейтрализовать ее возможные действия совместно с Францией и одновременно обеспечить бесперебойные поставки польского сырья и продовольствия, Гитлер вел своего рода игру с Польшей. Смысл ее заключался в том, чтобы в периоды осложнения двусторонних отношений делать успокаивающие заявления, могущие создать впечатление о наличии у Берлина и Варшавы общих целей на континенте, оставляя тем самым в тени истинные намерения фюрера в отношении Польского государства [10]. Так, например, весной 1937 г., во время осложнения германо-польских отношений на почве взаимных претензий, касавшихся положения национальных меньшинств, Гитлер заметил в беседе с министром иностранных дел К. фон Нойратом, что германо-польские отношения в целом не должны быть серьезно обременены из-за вопроса о национальных меньшинствах [11]. Последнее лишний раз подтверждает вывод о преимущественно инструментальном характере германо-польских отношений во внешней политике Третьего рейха.

При этом в высшем политическом руководстве Германии и в МИД вплоть до конца 1937 г. существовали различные проекты дальнейшего развития германо-польских отношений, включавшие в себя и ре-

inslav

шение некоторых обременявших их проблем. Не рассматривая специально вопрос о том, насколько реальны были эти варианты, ограничимся их перечислением, чтобы лучше представлять ту атмосферу, в которой Гитлер принимал решения в середине осени 1938 г., когда инструментализация «польского фактора» во внешней политике Третьего рейха вступила в решающую стадию.

1. Возвращение в состав Германии Данцига, ставшего в статусе «свободного города» на территории Польши отягощающим фактором в польско-германских отношениях. В Третьем рейхе сформировались два основных подхода к решению этой проблемы. Первый из них — так называемое «большое решение» («große Lösung») — ориентировался на соглашение с Польшей на широкой основе, предусматривавшее присоединение к территории рейха Польского коридора, а также Торна и даже Познани, при одновременном предоставлении Польше территориальных компенсаций на Украине [12]. (Этот вариант поддерживали премьер-министр Пруссии, главнокомандующий люфтваффе Г. Геринг, заместитель фюрера по НСДАП Р. Гесс, гауляйтер Восточной Пруссии Э. Кох) [13]. «Малое решение» («kleine Lösung») делало ставку на быстрое и при необходимости насильственное присоединение Данцига, вне зависимости от влияния этого шага на германо-польские отношения и международное положение страны в целом. За этим вариантом стояли министр пропаганды Й. Геббельс, гауляйтер Данцига А. Форстер и некоторые «экстремисты» в верхушке НСДАП [14]. Особую позицию занимало консервативное руководство германского МИД, быстро терявшее свое влияние на формирование внешней политики, но тем не менее имевшее намерение использовать вопрос о Данциге для придания нового международного импульса политике ревизии Версальского договора, не исключавшей возвращения в той или иной форме и к политике Рапалло [15].

2. Воссоединение Восточной Пруссии с территорией Германии путем территориального «обмена»: Польского коридора на не принадлежавшую Третьему рейху часть территории суверенного Литовского государства (1935 г.) [16], или более масштабный вариант, связанный с возвращением Германии также Торна и даже Познани. Строительство экстерриториальной авто- и железнодорожной магистралей через Польский коридор в Восточную Пруссию (впервые обсуждался генеральным инспектором дорожного строительства Ф. Тодтом с Гитлером в конце ноября 1933 г.) [17].

3. Использование Польши в качестве оборонительного щита на случай войны СССР против Германии (вопрос неоднократно поднимался Гитлером в беседах с польским послом в Берлине Ю. Липским, начиная со второй половины 1934 г.) [18].

inslav

4. Проблема польского нейтралитета в случае конфликта Германии с западными державами. (По утверждению бывшего президента Данцигского сената (1933–1934 гг.) Г. Раушнинга, уже в начале 1934 г. Гитлера занимал этот вопрос.) [19].

Как известно, внешняя политика нацистской Германии определялась решениями Гитлера, достаточно толерантно (до определенных пределов) относившегося к альтернативным внешнеполитическим концепциям, что не мешало ему последовательно осуществлять, в том числе и с помощью в тот или иной момент несогласных с ним дипломатов и военных, свои замыслы. В подобной ситуации даже Данциг в какой-то момент был использован фюрером в качестве инструмента для смягчения германо-польских отношений [20]. Однако он никогда не имел намерения признавать существующие границы Польского государства.

Не прошло и года после заключения договора о ненападении с Варшавой, как Гитлер констатировал, что он никогда не отказывался от планов, связанных с пересмотром территориальных положений Версальского договора, и Польша здесь не является исключением [21]. В этой связи дальнейшее развитие германо-польских отношений в решающей степени зависело как от реализации внешнеполитических планов Гитлера, так и от готовности польского политического руководства содействовать или противодействовать планам Берлина на международной арене.

II

Выступая 5 ноября 1937 г. на узком совещании с высшими руководителями вермахта и министром иностранных дел, Гитлер в достаточно откровенной форме изложил свои представления о переходе Третьего рейха к решению проблемы «жизненного пространства» [22]. По оценкам большинства исследователей, это выступление фюрера носило не только программный, но и этапный характер. Оно отражало очевидное стремление нацистского лидера перейти уже в ближайшее время к силовому решению территориальных вопросов. В качестве первоочередных объектов экспансии были избраны Чехословакия и Австрия. Принимая во внимание международное положение Германии, ее военно-экономический потенциал и состояние вооруженных сил осенью 1937 г., очевидно, что успешная реализация намеченных Гитлером планов в решающей степени зависела от соотношения сил на Европейском континенте. В этой ситуации позиция даже средних по размерам государств (не говоря уже о крупных и великих державах), особенно соседей Третьего рейха, приобретала большое значение. И Польша,

inslav

естественно, не могла остаться вне поля зрения Гитлера, который несколько раз упоминал ее в выступлении 5 ноября.

Несмотря на германо-польское соглашение 1934 г. и наличие заметных прогерманских тенденций во внешней политике Варшавы, Гитлер тем не менее в весьма осторожных выражениях охарактеризовал ее возможную реакцию на военные действия с участием Германии, выделив при этом следующие основные моменты: во-первых, «наши соглашения с Польшей сохраняют силу до тех пор, пока сила Германии непоколебима»; во-вторых, «степень внезапности и быстрота наших действий являются решающими для позиции Польши», которая, «имея в тылу Россию, не будет особенно склонна вступать в войну с одерживающей победы Германией»; в-третьих, «если Чехия будет разгромлена и установлена общая граница Германии с Венгрией, то скорее можно будет рассчитывать на нейтральную позицию Польши».

Сдержанность Гитлера, стремившегося отнюдь не драматизировать перед участниками совещания общую расстановку сил на континенте, а скорее наоборот, отражала определенную неуверенность фюрера в преддверии первых насильственных акций, его опасения перед возможной ответной реакцией на них со стороны других государств. Вполне вероятно также (последующие события дают основания для подобного рода предположения), что Гитлер стремился привлечь повышенное внимание присутствующих, в основном представителей традиционной элиты, к Польше, обозначить существование связанной с ней конкретной политико-дипломатической, а не военной (последнее было бы для них более понятно) проблемы. На это же, в частности, обращалось внимание в изданной несколькими месяцами ранее директиве военного министра фельдмаршала В. фон Бломберга «О единой подготовке вооруженных сил к войне» [23]. В ней странами, чей нейтралитет должно было в случае возникновения войны в Европе во что бы то ни стало обеспечить политическое руководство, были названы Польша и Англия.

Конечно, то, что именно 5 ноября, в день выше упоминавшегося выступления Гитлера по внешнеполитическим вопросам, в Берлине также состоялось подписание германо-польской декларации об отношении к национальным меньшинствам в обеих странах [24], можно считать не более чем совпадением. Вместе с тем даже формальное урегулирование проблемы, на протяжении многих лет создававшей немалое напряжение в двусторонних отношениях, определенно являлось симптомом заинтересованности руководства Третьего рейха в улучшении отношений с Польшей. Одновременно Гитлер и Геринг дали официальные заверения заместителю министра иностранных дел Польши Я. Шембеку и польскому послу в Берлине Ю. Липскому о неизмен-

inslav

ности статуса Данцига и вытекающих из него прав Польши в «свободном городе» [25]. Соответствующие неофициальные указания на этот счет были даны спустя некоторое время гауляйтеру Форстеру и президенту Данцигского сената А. Грайзеру [26]. Последнее обстоятельство было несомненно важным показателем серьезности намерений Берлина, т. к. ситуация в Данциге и вокруг него традиционно являлась самым чутким барометром состояния германо-польских отношений [27]. С этой точки зрения есть серьезные основания рассматривать 5 ноября 1937 г. и в качестве определенной вехи в развитии германо-польских отношений, как начало постепенно нараставших усилий [28] политического руководства Третьего рейха по обеспечению благожелательного нейтралитета Польши в будущей войне.

Вместе с тем Гитлер, ставя даже очень важные тактические задачи, никогда не упускал из виду перспективные цели, постоянно оставляя себе возможности для маневра. Так, выступая в рейхстаге 20 февраля 1938 г. с большой речью, подводившей итог важному этапу в развитии рейха, ознаменовавшегося возросшей концентрацией власти в руках фюрера и крупными перестановками в руководстве военного и внешнеполитического ведомств, Гитлер, характеризуя международное положение Германии, особо выделил значительный прогресс в развитии германо-польских отношений, их «окончательное освобождение от вредных компонентов» («endgültige Entgiftung»). При этом он ввел в оборот новую формулировку, которая, подтверждая неизменность статуса Данцига, вместе с тем акцентировала внимание на его совершенно особых отношениях с Третьим рейхом: «Польское государство уважает национальные отношения в этом *государстве*, а этот *город* и Германия уважают польские права» [29] (выделено мной. — *С. С.*).

К этому же времени относится и более интенсивное разыгрывание «антисоветской карты» в беседах с польскими политиками. При этом в Берлине довольно быстро перешли от общих деклараций об угрозе большевизма европейской цивилизации путем создания его рассадника в отдельных странах [30] к увязыванию этой проблемы с двусторонними отношениями. К примеру, Геринг заверял генерального инспектора Войска Польского маршала Э. Рыдз-Смиглы, что Польша и Германия «образуют единый бастион против большевизма», из чего, по его мнению, следовало: «Поражение Польши в эвентуальном польско-советском конфликте <...> неизбежно повлекло бы за собой большевизацию Германии» [31]. Эта тема и далее периодически возникала в беседах высших германских и польских руководителей на протяжении последующего года, серьезно дезориентируя Варшаву.

Официальная реакция Варшавы на аншлюс, о котором как о предстоящей акции Третьего рейха Геринг, официальный куратор герма-

inslav

но-польских отношений [32], проинформировал министра иностранных дел Польши Ю. Бека еще в январе 1938 г. [33], была очень спокойная. Ю. Шембек позволил себе в разговоре с германским послом в Варшаве Х. фон Мольтке охарактеризовать происшедшее как всего лишь «внутреннее дело Австрии» [34].

Имея в виду концентрацию всеобщего внимания на аншлюсе, польское руководство решило «испробовать силы» на литовском направлении и предпринять шаги, направленные на включение этой страны в сферу своего влияния. Воспользовавшись инцидентом на польско-литовской границе (11 марта), польское правительство предъявило Литве ультиматум с требованием до конца марта 1938 г. восстановить в полном объеме дипломатические и консульские отношения. В случае его отклонения не исключалось использование силы [35]. Разумеется, этот демарш Варшавы не был ни случайным, ни спонтанным. Литва занимала важное место в польских планах создания «третьей Европы», представляя собой ключ к контролю над «балтийской Антантой». Как отмечал немецкий историк Х. Рос, создание «польско-литовской Антанты» и соединение обеих стран «путем своего рода альянса» было одной из политических целей Польши [36].

Характер вмешательства Берлина в польско-литовский конфликт выявил ряд небезынтересных моментов, и прежде всего нежелание Гитлера предоставлять Варшаве карт-бланш в ходе реализации ее внешнеполитических амбиций. Степень включенности нового министра иностранных дел И. фон Риббентропа в этот конфликт [37] и оказанная ему при этом поддержка со стороны фюрера указывали на то, что объем полномочий Геринга на «польском направлении» явно начинал уменьшаться. В целом же польско-литовский конфликт продемонстрировал возросшие возможности внешней политики Германии, продемонстрировавшей одновременно лояльность и известную твердость в отношении Польши, а также возраставшую заинтересованность в ней у высшего руководства Третьего рейха.

Благоприятный исход польско-литовского конфликта был с большим энтузиазмом воспринят в официальных кругах и общественном мнении Польши. Этот дипломатический успех приписывался в значительной мере внешнеполитическому рационализму и умеренности Ю. Бека. Тот, в свою очередь, ощутив все преимущества, вытекающие из благожелательной позиции Берлина, но явно не отдавая себе при этом адекватного отчета в истинных причинах этого, решил сделать очередной шаг по упрочению польско-германских отношений. Последнее представлялось особенно важным в преддверии неизбежно надвигавшегося германо-чехословацкого кризиса, о чем польская сторона была заранее проинформирована [38].

inslav

Во многом именно с этими намерениями польского министра иностранных дел связаны вновь выдвинутые Липским в беседе с Риббентропом в конце марта предложения о досрочном продлении заключенного на 10 лет польско-германского соглашения 1934 г. [39]. Риббентроп дал уклончивый, скорее даже отрицательный ответ, правда сославшись на свою неинформированность (?). И тут же (этот прием будет в последующие месяцы неоднократно использоваться как Гитлером, так и его окружением) переключил внимание польского дипломата на вопрос об интенсификации сотрудничества двух стран по линии борьбы с коммунизмом. Однако полного понимания подобная широкая постановка проблемы, включающая не только внутриполитический, но и внешнеполитический аспект, у Липского не нашла [40]. Определенно в этом отразилось стремление Бека, уже пошедшего на серьезное нарушение политики «равноудаленности» [41] в отношениях со своими наиболее сильными соседями на востоке и западе, все-таки не переходить грани, за которой польско-советские отношения вступали бы в стадию резкого противостояния.

Приступая к реализации планов в отношении Чехословакии, Гитлер, несомненно, отдавал себе отчет в том, что эта задача по своей сложности не идет ни в какое сравнение с аншлюсом. Оперативные документы, подготовленные штабами вермахта по его указанию в период с апреля по сентябрь 1938 г., однозначно свидетельствуют, что Гитлер делал ставку на военное решение чехословацкой проблемы, хотя и наталкивался при этом на сопротивление со стороны части генералитета [42]. В отличие от генералов фюрер исходил из возможности локализовать конфликт при условии, что вермахт в первые 4 дня боевых действий добьется решающих успехов. Это, в свою очередь, должно было оказать двоякое воздействие на внешний мир: «убедить в бесперспективности иностранного военного вмешательства» и «активизировать союзников (раздел добычи!)» [43].

Принимая во внимание географическое положение Чехословакии, речь могла идти прежде всего о Польше и Венгрии как о заинтересованных в «добыче». И хотя, относя Польшу к числу союзников, Гитлер явно лукавил — эту страну он никогда в таком качестве всерьез не рассматривал, — подобные замечания в ходе разговора с начальником штаба Верховного командования вермахта (ОКВ) генералом В. Кейтелем отражали достаточно высокую степень заинтересованности фюрера в активизации «польского фактора». Спустя месяц после этого совещания, 20 мая, Кейтель представил Гитлеру на утверждение проект новой директивы плана «Грюн», которая уже исходила из возможности при определенных условиях открытого вмешательства Польши и Венгрии на стороне Германии в войну против Чехословакии [44].

inslav

Несмотря на поступавшую в Берлин по дипломатическим каналам информацию, что позиция Польши не носит однозначно прогерманского характера, по крайней мере не исключает полностью враждебных Германии действий [45], роль, отводимая высшим руководством Третьего рейха Польше в чехословацком кризисе, все возрастала. Так, Гитлер, принявший под влиянием «майского кризиса» решение о подготовке военного разгрома Чехословакии и его осуществлении не позднее 1 октября 1938 г., в выступлении перед руководством МИД и вермахта в конце мая не обошел роль Польши в надвигавшемся конфликте. Он оценил позицию Варшавы как «заинтересованную», подчеркнув, что она из-за опасения России «ничего не предпримет против Германии» [46]. Эта точка зрения нашла отражение и в большинстве оперативных документов, подготовленных на протяжении лета 1938 г. в штабах вермахта. Внимание к Польше в этот период было, несомненно, повышенным, что дало основание непосредственному наблюдателю и участнику тех событий Верховному комиссару Лиги наций в Данциге К. Буркхардту для следующего вывода: «До сих пор в связи с чешским кризисом все германские высокопоставленные лица соревновались в борьбе за польскую благосклонность, обещая Польше все, что угодно» [47]. Это было, конечно, преувеличение, и немалое, поскольку любые обещания, на каком бы уровне они ни делались, могли касаться только частных вопросов, не затрагивая кардинальных проблем германо-польских отношений.

Тем не менее налицо было очевидное стремление активно втянуть Польшу в античехословацкую политику Германии. Еще в ходе «майского кризиса» Геринг сделал предложение польскому послу в Берлине принять участие в экономическом бойкоте Праги [48], который в то время рассматривался в Берлине в качестве составной части экономической войны против Чехословакии с целью ускорения ее окончательного краха [49]. После «майского кризиса» и соответствующих изменений в планах Гитлера (ставка на силовое решение), нашедших отражение в директиве от 30 мая [50], вопрос об экономическом бойкоте Чехословакии во многом утратил свою актуальность. К тому же, как выяснилось в беседе статс-секретаря германского МИД Э. фон Вайцзеккера с послом Липским, Польша, хотя и не имела серьезных возражений против участия в бойкоте Чехословакии, но определенно опасалась возможных «международных экономических и политических последствий» этого шага [51]. Таким образом, это направление в сотрудничестве двух государств отпало.

Однако потребность вовлечения Польши в античехословацкую политику рейха при этом отнюдь не уменьшилась. В связи с этим Берлин пустил в ход новые козыри, о чем свидетельствует встреча Геринга

inslav

с Липским 17 июня. Как отмечал польский дипломат, ему дали понять о возможности учесть при неизбежном распаде Чехословакии, «исходя из географического положения, также наши (польские. — *С. С.*) интересы». Как отмечал польский исследователь М. Войцеховский, это был осторожный, но вместе с тем вполне недвусмысленный намек на Словакию, территория которой, по расчетам Гитлера, могла стать своего рода «призом» за лояльное поведение как для Польши, так и для Венгрии. Геринг также поднял вопрос о возможном проходе советских войск через территорию Польши и Румынии с целью оказать помощь Чехословакии. Посол полностью исключил подобную возможность в том, что касается Польши, и заверил своего собеседника, что Варшава сделает все возможное, чтобы укрепить позицию Бухареста в случае нажима со стороны СССР. Геринг не остался в долгу и пообещал предоставить помощь Третьего рейха в случае возникновения польско-советского конфликта [52].

Показательно, что продолжавшаяся вплоть до Мюнхенской конференции дипломатическая обработка Польши не дала результатов и не привела к конкретным договоренностям между Берлином и Варшавой. Имелись ли тогда у нацистского руководства возможности «перетянуть» Польшу на свою сторону, обеспечив ее поддержку как в ходе разрешения чехословацкого кризиса, так и, возможно, в перспективе? Для реализации такой возможности, правда, требовалось пролонгировать договор 1934 г., гарантировать западную границу Польши, поддержать планы польского правительства в отношении Литвы и официально подтвердить неизменность статуса Данцига [53], т. е. пойти на договоренности по всем тем пунктам, которых добивалась польская дипломатия, хотя и не очень активно.

Однако Гитлер считал, что соучастие Польши в разделе Чехословакии может быть оплачено только за счет самой Чехословакии, т. е. Тешинской областью, возможность оккупировать которую он готов был предоставить полякам. Вместе с тем, по его мнению, о признании территориального статус кво в германо-польских отношениях не могло быть и речи: вопрос о Данциге и Польском коридоре был временно и лишь по тактическим соображениям снят Берлином с повестки дня. Поэтому любое дальнейшее развитие в германо-польских отношениях могло иметь место только с учетом этого обстоятельства. Однако в Варшаве осознание этой взаимосвязи произошло лишь спустя месяцы после Мюнхена.

То, что Геринг в очередной беседе с Липским 24 августа заявил о готовности Берлина продлить соглашение 1934 г. на 25 лет и, что самое главное, «признать (существующее) территориальное положение Польши» [54], т. е. явно вышел за пределы уступок, с помощью кото-

inslav

рых Гитлер намеревался вознаградить соучастие Польши в разделе Чехословакии, отражало лишь сложность международного положения Германии. По всей видимости, это было временем наивысшей заинтересованности Гитлера в Польше в ходе всего чехословацкого кризиса, когда, по его мнению, многое зависело от степени «интернационализации» чехословацкой проблемы, т. е. от вовлеченности в ее решение других государств, выдвигавших территориальные претензии.

Загипнотизированное возможностью удовлетворения территориальных амбиций за счет соседнего государства — одной из опор французской системы союзов в межвоенной Европе, — польское руководство, и прежде всего министр иностранных дел Бек, пошло на открытое политическое сотрудничество с нацистской Германией, заявив о собственных территориальных претензиях к Чехословакии. Облегчив тем самым весьма существенно реализацию планов Гитлера, польская дипломатия не использовала возможностей для урегулирования собственно польско-германских отношений, которые предоставляло ей затруднительное положение Третьего рейха на международной арене. Пожалуй, один-единственный раз Бек все-таки попытался оказать давление на германское руководство, поручив в ночь с 26 на 27 сентября Липскому уведомить Гитлера, Геринга и Риббентропа о признании западными державами легитимными польских требований к Чехословакии и о готовности Польши при определенных условиях получить Тешинскую область «из рук» западных держав. Не исключено, что одним из основных мотивов подобного шага могло быть стремление побудить Гитлера пересмотреть его уклончивую позицию касательно урегулирования польско-германских отношений в духе пожеланий Варшавы [55]. Но было уже поздно: к этому времени западные державы пошли на решающие уступки Гитлеру, который умело использовал на переговорах с премьер-министром Великобритании Н. Чемберленом в том числе и требования Варшавы в отношении польского национального меньшинства в Чехословакии. Руководители польской внешней политики, стремясь к долгосрочному урегулированию польско-германских отношений, предпочли бы добиться решения этой проблемы *в связи* с чехословацким кризисом, но проявили в мае–сентябре 1938 г. лишь незначительную активность на этом направлении, по всей видимости рассчитывая на затяжное развитие кризиса и тем самым на возрастание своих шансов добиться оптимального результата на переговорах с Берлином. Гитлер же решил заняться урегулированием германо-польских отношений, как составной части своей антизападной стратегии, только *после* разрешения чехословацкого кризиса и, с помощью манящей и одновременно уклончивой дипломатии, добился на этом направлении своего, правда только тактического, выигрыша.

inslav

В конечном счете, «польский фактор» был в полной мере использован Гитлером в ходе кризиса вокруг Чехословакии. Польша была вовлечена в античехословацкую кампанию за весьма умеренную цену, да к тому же из «чужого кармана», и вполне оправдала возложенные на нее в Берлине надежды. Однако сама она, несмотря на «приобретение» важной в экономическом отношении Тешинской области, оказалась внешнеполитически крайне ослабленной. Соучастие в дележе «добычи», к тому же предпринятое вне согласованных в Мюнхене процедур, не могло не сказаться на международном положении Польши. Ее отношения с западными державами подверглись серьезному испытанию и на какое-то время значительно ухудшились. Произошло обострение и польско-советских отношений. При этом сами польско-германские отношения, несмотря на периодическую публичную похвалу в их адрес со стороны Гитлера, никоим образом не претерпели кардинальных изменений. Они по-прежнему, как и в предшествовавшие годы, несли в себе весь комплекс неразрешенных проблем. Между тем возник и новый элемент в двусторонних отношениях. Им стало резко изменившееся (не в пользу Польши) геостратегическое и военно-экономическое положение обоих государств, а тем самым и соотношение сил и возможностей между Варшавой и Берлином на международной арене.

III

Гитлер связывал с Мюнхенским соглашением известную потерю темпа в процессе перехода от некоторым образом «мотивированной» политики ограниченной территориальной экспансии к ничем не ограниченной поэтапной борьбе за мировое господство. Возникшее при этом раздражение фюрера было обращено против западных держав, прежде всего Великобритании. Уже обстоятельства «майского кризиса» 1938 г. продемонстрировали, по мнению Гитлера, их стремление вмешиваться в события, происходившие в Центральной Европе, и заложили тем самым основы его последующих решений, связанных с борьбой против западных держав [56]. В глазах фюрера Мюнхен предстал лишь очередным звеном в действиях западных держав, хотя и продолжавших политику «умиротворения», но каждый раз пытавшихся связать Германию какими-нибудь обязательствами. И потому Мюнхенское соглашение, при всех его зримых выгодах для Третьего рейха, явно не удовлетворило Гитлера, дав мощный импульс его намерениям при помощи силы уже в обозримом будущем освободиться от обременительной опеки со стороны «умиротворителей».

По мере того как антизападная стратегия осенью 1938 г. все больше занимала внимание Гитлера, «польская проблема» стала все больше

inslav

приобретать ключевое значение при разработке военных планов Германии как фактор обеспечения тыла на востоке в ходе осуществления задуманной западной кампании. Принимая во внимание наличие ряда неразрешенных вопросов, своего рода «болевых точек» в двусторонних германо-польских отношениях, Гитлер понимал, что здесь необходимо действовать крайне осторожно и неторопливо.

Последствия раздела Чехословакии и соучастие в нем Польши сказались на международном положении последней как в результате изменения соотношения сил в Центральной Европе, так и вследствие охлаждения отношений Варшавы с западными державами и усиления напряженности в отношениях с СССР. Все это, конечно, учитывалось в Берлине, где после завершения присоединения Судетской области к рейху решено было в полной мере использовать осложнившееся положение Польши. Однако прежде чем приступить к дипломатическому наступлению на польском направлении, Гитлер применил в отношении Варшавы политику «кнута и пряника».

Так, он погасил чуть было не возникший в первой декаде октября конфликт по поводу чешского города Одерберга, который пытались занять германские войска, в то время как на него претендовала Польша [57]. Несмотря на возражения ОКВ и МИД, фюрер принял решение передать его Польше, уведомив Риббентропа, что он не хочет «торговаться с поляками из-за каждого отдельного города» [58]. Гитлер также осадил некоторых особо ретивых функционеров, запретив появление недружественных Польше публикаций, в том числе и касающихся положения национальных меньшинств в этой стране [59]. Далее он распорядился, чтобы все инстанции, занимавшиеся проблемами Закарпатской Украины, впредь приглушили проукраинскую пропаганду, т. к. «принимая во внимание германо-польские отношения, при обсуждении украинских дел» необходима «величайшая осторожность» [60]. Даже в особенно «чувствительном» для руководства Третьего рейха «расовом» вопросе, осложнившем в октябре 1938 г. германо-польские отношения, Берлин проявил совершенно несвойственную ему в таких случаях готовность к компромиссу. Речь шла о депортации из Германии 17 тыс. евреев, имевших польское гражданство. Польское правительство в рамках своей политики государственного антисемитизма решило лишить их гражданства, что повлекло в свою очередь ответные законодательно-репрессивные меры со стороны Третьего рейха [61]. Нельзя не упомянуть также, что, принимая в середине октября бывшего премьер-министра Венгрии К. Дараньи, Гитлер коснулся возможности дальнейшего пересмотра карты оставшейся части Чехословакии в пользу заинтересованных государств, правда лишь в том случае, если Германия, Венгрия и Польша создадут прочный военно-политический блок [62].

inslav

Однако в то же самое время прослеживалась и жесткая линия в позиции Гитлера по отношению к Польше, заметно активизировавшей свою внешнюю политику после оккупации Тешинской области. К этому времени министр иностранных дел Бек «вдруг» осознал, что уменьшенная в размерах Чехословакия фактически полностью попала под влияние Германии и могла быть использована последней для изоляции Польши от стран Дунайского бассейна и Италии. Вызывало тревогу у Бека и то, что район Закарпатья мог превратиться в базу влияния Третьего рейха на области Польши, заселенные украинцами. В целях предотвращения или, по меньшей мере, смягчения последствий этих эвентуальных действий Берлина Бек предпринял в октябре 1938 г. ряд энергичных шагов, направленных на реализацию своей давней мечты — обретения общей границы с дружественной Польше Венгрией [63].

Подобная активность польской внешней политики, разумеется, не осталась без внимания Берлина. И Гитлер решил наглядно продемонстрировать как Польше, так и Венгрии, чья позиция вызвала его немалое раздражение еще в преддверии Мюнхена, кто отныне является хозяином в Центральной Европе. Он категорически запретил Венгрии предпринимать какие-либо шаги, направленные на изменение статуса Словакии [64]. Он также пресек новые территориальные притязания Польши, на этот раз на чешскую область между Остравицей и Тешином с ее важными индустриальными центрами Остравской Моравией и Витковицами [65].

Все эти и последующие шаги свидетельствовали о продуманной стратегической линии Гитлера, сочетавшей различные методы, но преследовавшей одну цель, о которой он спустя 10 месяцев сказал: «Поначалу я хотел установить с Польшей приемлемые отношения, чтобы прежде всего повести борьбу против Запада» [66]. Что понимал Гитлер под «приемлемыми отношениями» с Польшей? По его мнению, их важнейшей предпосылкой должны были стать прежде всего три «да» польского правительства: согласие на включение Данцига в состав Германии; согласие на строительство экстерриториальных авто- и железнодорожных магистралей через Польский коридор, связывающих Померанию с Восточной Пруссией, и присоединение Польши к Антикоминтерновскому пакту. Выполнением этих условий «приемлемых отношений» Польша должна была создать серьезные гарантии своего лояльного Берлину поведения в ходе западной кампании рейха. В этом случае часть ее территории и выход в Балтийское море оказывались бы под жестким контролем вермахта, а присоединение к Антикоминтерновскому пакту не только лишало бы польскую политику даже видимости баланса между ее соседями на востоке и западе,

inslav

но и автоматически противопоставляло Варшаву Парижу и Лондону, военному поражению которых ей надлежало бы способствовать. В конечном счете, принятие вышеперечисленных условий, составляющих основу немецкого плана так называемого «генерального урегулирования» двусторонних отношений, изложенных Риббентропом в ходе многочасовой беседы с польским послом 24 октября 1938 г. [67], неизбежно низводило бы Польшу до уровня даже не младшего партнера, а всего лишь покорного сателлита Германии.

Создается впечатление, что Гитлер не сомневался в успехе задуманного плана. Еще накануне вручения Риббентропом Липскому германских предложений, 23 октября, он обсуждал конкретные вопросы железнодорожного и шоссейного строительства на территории Польского коридора с генеральным инспектором дорожного строительства Тодтом [68]. Риббентроп принял по его поручению гауляйтера Данцига Форстера, результатом беседы с которым явилось введение в Данциге ряда считавшихся там прежде «проблематичными» законов, т. е. расовых законов Третьего рейха [69]. Уверенность Гитлера в реалистичности планов «генерального урегулирования» зиждилась, во-первых, на ярко выраженном антисоветизме польской политики; во-вторых, на заметном охлаждении отношений Польши с западными державами вследствие участия Варшавы в разделе Чехословакии; в-третьих, на наличии в польской политике экспансионистских тенденций; в-четвертых, на существующем в Польше в значительной степени недемократическом, полуавторитарном режиме, все еще сохранявшем отблеск авторитета Пилсудского, к которому Гитлер всегда относился с уважением; и, наконец, последнее, но отнюдь не по значимости, не по влиянию на нацистского фюрера — на польском антисемитизме, хотя и существенно отличавшемся от расизма Третьего рейха [70], тем не менее поднятом на уровень государственной политики [71].

Вместе с тем совокупность вышеперечисленных факторов могла сформировать лишь общее отношение Гитлера к Польше, которое осенью 1938 г. было, скорее всего, заинтересованно-благожелательным Чехословакии, к примеру, он не предлагал присоединиться к Антикоминтерновскому пакту. Оно предопределило в то время стремление нацистского лидера договориться с Польшей, а не получить желаемое силой, поскольку это стремление было производным от главного на тот момент замысла — войны против западных держав. Польша нужна была Гитлеру в качестве послушного сателлита, и его уверенность в том, что ее руководство согласится с этой ролью на предложенных им условиях, основывалась прежде всего на убеждении, что у польских политиков просто нет иного выхода [72], как отныне ориентироваться только на Третий рейх с его резко возросшей мощью и влия-

inslav

нием на континенте. Последующие события продемонстрировали всю ошибочность этого подхода, что, в свою очередь, повлекло за собой резкое изменение всей германской стратегии.

IV

Период в германо-польских отношениях между 24 октября 1938 г. и концом марта 1939 г. некоторые историки склонны рассматривать в качестве «антракта между беспокойной дружбой и открытой враждебностью» [73]. Нам представляется, что значение этого периода в отношениях Берлина и Варшавы далеко не исчерпывается столь лапидарной характеристикой. Оставив в стороне неточности в определениях (дружбы, даже беспокойной, между Третьим рейхом и Польшей никогда не было), попробуем проследить эволюцию отношения Гитлера к Польше в указанный период.

Несмотря на то, что польский посол, выслушав 24 октября все предложения и аргументы Риббентропа, связанные с «генеральным урегулированием» двусторонних отношений, тут же вполне определенно и весьма решительно указал на «отсутствие возможности соглашения», связанного с вхождением Данцига в состав Германии [74], рейхсминистр просил не спешить с ответом и лично передать министру иностранных дел Ю. Беку содержание германских предложений. Не прошло и нескольких часов, как Риббентроп вновь пригласил к себе Липского (что явно отражало нетерпение Гитлера) и, не дожидаясь официального ответа Варшавы на сделанные предложения, выложил свой первый «козырь» — вопрос о Закарпатской Украине. По словам Риббентропа, желание Польши, чтобы эта область была присоединена к Венгрии, могло бы найти «благоприятное урегулирование», если Германия и Польша достигнут соглашения по всем германским предложениям [75].

Создается впечатление, что Бек и его окружение не вполне адекватно оценивали происшедшие на протяжении 1938 г. изменения в соотношении сил на континенте, а тем самым и возможные последствия отказа от германских предложений. В Варшаве явно не осознали, что 24 октября был пройден определенный рубеж в польско-германских отношениях и начался их качественно новый этап, а вместе с ним и совершенно иной отсчет времени в их развитии. Польское руководство по инерции все еще рассматривало международную обстановку в контексте мюнхенских соглашений, питая иллюзии относительно возможности осуществлять те или иные внешнеполитические акции без санкции Берлина. По существу, большинство шагов, предпринятых Варшавой между 24 октября и 19 ноября, когда Липский вручил ответ

inslav

Бека на германские предложения, потерпели неудачу именно из-за противодействия Германии. Более того, все усилия польской дипломатии в октябре–ноябре 1938 г. по созданию общей границы с Венгрией путем изменения статуса Закарпатской Украины, особенно после решений Венского арбитража [76], т. е. в обход Германии, окончились полным фиаско, лишь создав тем самым для Гитлера дополнительные рычаги воздействия на Варшаву.

Липский получил инструкции своего руководства для ответа на германские предложения уже 1 ноября, но Риббентроп не спешил принимать его. Можно предположить, что в Берлине умышленно тянули время, демонстрируя свое доминирующее положение в Центральной Европе и пытаясь тем самым повлиять на позицию Варшавы, которая в общих чертах была уже известна [77].

Наконец 19 ноября рейхсминистр принял польского посла, который, подчеркнув традиционно важное значение Данцига для экономических интересов Польши, предложил изменить правовой статус этого города, основывавшийся на статуте Лиги Наций, на регулируемый двусторонним польско-германским соглашением. По существу, это являлось единственным конкретным предложением с польской стороны на германский меморандум от 24 октября. При этом Липский предупредил, что данный вопрос всегда был и остается для Польши ключевым [78], поэтому одностороннее изменение существующего статуса Данцига «неизбежно приведет к очень серьезному конфликту с Германией» [79]. Что касается других пунктов германских предложений, то из полученных Липским инструкций можно заключить, что он просто не был уполномочен их обсуждать [80]. Из записи, сделанной польским дипломатом, следует, что рейхсминистр был готов к негативной реакции Варшавы, но тем не менее задал беседе «ярко выраженный дружественный тон». Более того, он попытался (и небезуспешно) создать впечатление, что германские предложения представляют собой только его личную инициативу, о которой он говорил с Гитлером «лишь в неопределенной форме». Риббентроп не преминул также заверить Липского, что «образ действий рейха в отношении Польши будет иным, чем это имело место по отношению к г-ну Бенешу», т. к. он (министр) никоим образом не стремится омрачать германо-польские отношения, а «только проникнут желанием» их стабилизации и «ищет решения в этом направлении» [81]. Скорее всего, Риббентроп сознательно приглушил недовольство негативной реакцией Польши на германские предложения, чтобы преждевременно не обострять ситуацию и тем самым сохранить возможность для визита Бека в Берлин и его личной встречи с Гитлером. Не исключено, что рейхсминистр мог избрать подобную тактику по личной

inslav

инициативе [82], чтобы не брать на себя всю ответственность за неудачу на столь важном направлении германской внешней политики.

О продолжении тактики, избранной главой внешнеполитического ведомства рейха, свидетельствует и имевшая место спустя 3 дня беседа посла фон Мольтке с Беком в Варшаве, в ходе которой германский дипломат заметил, что он постоянно обращал внимание МИД на твердость политики Польши в вопросе о Данциге, исключающей согласие на «радикальное изменение». Посол выразил удовлетворение, что наконец-то после беседы с Липским 19 ноября Риббентроп «должным образом это понял» и пришел к выводу, что «решение этого вопроса (о Данциге. — *С. С.*) может быть найдено каким-то другим путем» [83]. Последние слова ретроспективно обретали явно двойной смысл, но в тот момент высказывание германского посла было воспринято польским министром как вполне искреннее. А вместе с тем всего два дня спустя, 24 ноября, начальник штаба ОКВ генерал Кейтель сделал по указанию Гитлера дополнение к директиве верховного командования от 21 октября 1938 г., предусматривавшее «вести подготовку к внезапному захвату немецкими войсками свободного государства Данциг» [84]. В документе было специально оговорено, что высшим руководством рейха не планируется война с Польшей. И тем не менее внесение Гитлером вышеуказанного дополнения в директиву ОКВ спустя всего 5 дней после получения официального ответа польского правительства, касавшегося Данцига, свидетельствовало о том, что, действительно, как информировал германского посла в Варшаве Риббентроп, «решение вопроса может быть найдено каким-то другим путем». Другое дело — приближало ли Гитлера силовое решение к осуществлению принципиальной задачи — обеспечению тыла на востоке ввиду предлагаемого столкновения с западными державами? Очевидно, нет, уже в силу половинчатого характера данной акции. Гитлер понимал это и потому не спешил с реализацией поставленной задачи. И все-таки указание вермахту подготовиться к захвату Данцига говорило о том, что Гитлер был явно недоволен позицией Польши и готов, в случае необходимости, использовать самые разные средства «убеждения».

Одновременно началось постепенное ужесточение германской политики в отношении Польши. Первым шагом на этом пути стал категорический запрет, наложенный Гитлером на венгерскую акцию в отношении Закарпатской Украины [85], которая во многом была инициирована Варшавой. Затем в ходе беседы с Липским Риббентроп выразил неудовольствие в связи с неожиданным для Берлина польско-советским коммюнике, которое «не совсем соответствует дружественным отношениям» между Берлином и Варшавой [86]. В это же

inslav

время был смягчен запрет для региональных газет на освещение положения национальных меньшинств в Польше [87]. А уже 15 декабря, принимая в очередной раз польского посла, Риббентроп поднял вопрос о «невыносимом» положении немецкого меньшинства в отошедшей к Польше Тешинской области Чехословакии [88]. При этом рейхсминистр заметил, что в рамках «глобального урегулирования» двусторонних отношений необходимо будет рассмотреть и проблему положения национальных меньшинств [89]. Последнее являлось уже новым, ранее не фигурировавшим среди германских предложений пунктом, который напоминал недавнюю практику Берлина, использованную в целях обострения чехословацкого кризиса. И еще один небезынтересный момент, связанный с этой беседой. Пожалуй, впервые за время встреч с польским послом Риббентроп сформулировал, чего же именно ожидает Берлин от внешнеполитического курса Варшавы. По его словам, Польша должна проводить внешнюю политику, построенную на традициях Пилсудского, т. е. «считаться с германскими интересами» и «не оказывать сопротивления известным естественным и неудержимым процессам». Далее рейхсминистр подчеркнул, что «Германия настроена антироссийски и уже по этой причине приветствует сильную Польшу, которая защищала бы свои интересы против России» [90]. По существу, Риббентроп достаточно откровенно изложил в сжатой форме комплекс требований к польскому руководству, выполнение которых неизбежно привело бы к утрате Польшей самостоятельности во внешнеполитической сфере и к превращению ее в германский бастион против СССР в ходе замышлявшейся Гитлером войны с западными державами, но о последней не было ничего сказано.

V

Несмотря на усилившееся давление со стороны Берлина, Бек на протяжении декабря 1938 г. по-прежнему был уверен, что руководство Третьего рейха не стремится к конфронтации с Польшей [91]. И в то время это соответствовало действительности, поскольку Гитлер все еще рассчитывал, что польские руководители примут, в конечном счете, его предложения от 24 октября. Именно с такой установкой фюрер и провел встречу с Беком 5 января 1939 г. Он не использовал жестких формулировок, когда речь заходила о предложениях Германии, хотя в памятных записках МИД, подготовленных для него в связи с визитом польского министра, их содержалось достаточно [92]. Далее, коснувшись вопроса о Данциге, Гитлер стремился создать впечатление о возможности достижения некоего компромисса, при котором город «политически станет немецкой общностью, а экономически останется

inslav

польской» [93]. С помощью этого абсурдного тезиса фюрер безуспешно пытался «успокоить» своего собеседника. Последний, согласно польской записи беседы, заявил в ответ достаточно откровенно, что «не видит в инициативе (касающейся Данцига. — *С. С.*) эквивалента для Польши» [94]. Не произвело впечатления на Бека и акцентирование внимания на общности интересов обеих стран в отношении СССР и недвусмысленные намеки на желательность в связи с этим военного сотрудничества. «Каждая выставленная против России польская дивизия, — заметил Гитлер, — сбережет соответствующую немецкую дивизию» [95]. На следующий день в беседе с Риббентропом Бек твердо отклонил предложение о присоединении к Антикоминтерновскому пакту. По его мнению, Польша, присоединившись к такому соглашению, не смогла бы сохранить то «мирное соседство с Россией, в котором она нуждается для своего спокойствия» [96].

В целом Бек не сдал занятых ранее позиций, даже проявил известную твердость, особенно в том, что касалось Данцига. Вместе с тем было бы неправомерно оценивать переговоры Бека с Гитлером и Риббентропом как не давшие никакого результата. Для польского министра было крайне важно составить личное представление о позиции нацистского руководства. И эта цель была достигнута. В ходе визита в Германию Бек понял, что речь идет не об «играх» и амбициях Риббентропа, а о целенаправленной политике Третьего рейха, за которой стоит прежде всего Гитлер [97]. Скорее всего, именно этот вывод дал основание Беку, делая отчет руководству страны о поездке в Германию, констатировать имеющиеся «тревожные симптомы», которые, как полагал министр, «могут привести к войне» [98]. Очевидным для Бека стало и то, что предложения германской стороны отнюдь не представляют собой некий произвольный набор, при котором возможны изъятия или замены. Беседы с Гитлером и Риббентропом показали, что для них важна именно целостность комплекса германских инициатив по «генеральному урегулированию» отношений с Польшей. Во всяком случае, после доклада Бека польское руководство пришло к выводу о необходимости при любых обстоятельствах занимать твердую и последовательную позицию в отношении германских требований, вне зависимости от того, представляют ли они самоцель политики рейха на данном этапе или служат лишь предлогом для осуществления более масштабных замыслов [99]. И это решение Варшавы, принятое в январе 1939 г., имело принципиальное значение для последующего развития событий.

Менее определенными были выводы, сделанные нацистскими руководителями после бесед с польским министром иностранных дел. По всей видимости, в силе по-прежнему оставались рекомендации,

inslav

сформулированные статс-секретарем МИД Вайцзеккером накануне визита Бека: «Мы <...> выжидаем, пока он не станет податливее» [100]. Это «выжидание» отнюдь не носило пассивного характера, но поскольку обе стороны формально выразили согласие еще раз обдумать весь комплекс вопросов, составивших «возможный договор» (Vertragswerk) между Германией и Польшей [101] и Риббентроп принял приглашение посетить Варшаву зимой 1939 г., было очевидно, что Гитлер все еще не утратил, хотя и явно пошатнувшейся, надежды прийти к соглашению с Польшей. Пожалуй, это был единственный случай, когда он с таким упорством цеплялся за свой первоначальный замысел, на глазах становившийся все более эфемерным. Пока же (до исхода ответного визита рейхсминистра в Варшаву) были отложены меры жесткого давления на польское руководство, в том числе связанные с дальнейшей «нацификацией» Данцига [102].

Тем временем Гитлер провел весьма изящную акцию косвенного давления на Польшу. Речь идет о его короткой «беседе» с советским полпредом в Германии А. Ф. Мерекаловым 12 января 1939 г. во время приема глав дипломатических миссий в новом здании рейхсканцелярии по случаю Нового года [103]. Этот, несомненно, заранее спланированный и хорошо разыгранный шаг незамедлительно вызвал широкий резонанс в дипломатических кругах и прессе, породив немало слухов, в том числе и о якобы уже идущих переговорах, касающихся заключения германо-советского военного пакта [104]. Современная историография преимущественно все еще весьма односторонне оценивает это дипломатическое «происшествие», а именно — как «сигнал его (Гитлера. — *С. С.*) готовности изменить напряженную ситуацию, как впервые проявленную заинтересованность в германо-советском сближении» [105]. Однако имеющиеся на сегодняшний день в распоряжении исследователей документы свидетельствуют, что в середине января 1939 г. «сигнал» Гитлера был адресован не Москве, а Варшаве. Пролонгировав польской стороне время на обдумывание его предложений, фюрер не упустил еще одну возможность подтолкнуть польское руководство к «правильному», т. е. нужному Берлину решению, дав понять стоявшему во время приема, согласно протоколу [106], рядом с советским дипломатом польскому послу Липскому, что вовсе не исключен и другой вариант развития событий. Главным аргументом в пользу именно такой интерпретации мотивов поведения Гитлера на новогоднем приеме являлось его отношение к СССР в тот период, полностью исключавшее возможность сколько-нибудь серьезного сближения двух государств [107].

Визит Риббентропа в Варшаву, приуроченный к 5-й годовщине подписания германо-польского соглашения от 26 января 1934 г., не принес никаких сдвигов в переговорном процессе. Несмотря на широко-

inslav

вещательное заявление рейхсминистра во время аудиенции у президента Польши И. Мосьцицкого и генерального инспектора вооруженных сил маршала Э. Рыдз-Смиглы, что между двумя странами нет таких проблем, которые оба министра иностранных дел не могли бы разрешить [108], позиция Бека оставалась твердой. При этом в вопросе *о Данциге он, как обычно, ссылался на экономические интересы* Польши и неизбежную негативную реакцию общественного мнения страны на любые изменения в статусе «свободного города». Признавая традиционные польские притязания на Правобережную Украину, Бек вместе с тем категорически исключил возможность присоединения к Антикоминтерновскому пакту, поскольку оно неизбежно повлекло бы за собой возникновение серьезных опасностей для Польши [109]. Польская запись беседы двух министров содержит упоминание и о решительном отклонении немецкого предложения о строительстве экстерриториальных магистралей через Польский коридор [110].

Можно утверждать, что позиция Бека во время бесед с Риббентропом в конце января 1939 г. в Варшаве стала более жесткой, о чем свидетельствует не только отсутствие даже незначительного продвижения в переговорном процессе, несмотря на все предпринимаемые Берлином усилия, но и весьма недвусмысленное предупреждение, сделанное рейхсминистру, — не внушать Гитлеру излишнего оптимизма относительно хода переговоров [111]. Не исключено, что Бек, проанализировав тактику нацистской дипломатии в ходе чехословацкого кризиса, пришел к выводу, что Гитлер и в этом случае занимается шантажом. Поэтому необходима исключающая даже намек на какие-либо уступки твердая позиция, которая и позволит преодолеть нынешнюю ситуацию. «Мы все-таки не чехи!» — заметил он в разговоре со своим заместителем Шембеком вскоре после отъезда Риббентропа [112].

Даже получив явно неутешительную информацию об итогах визита своего министра в Варшаву, Гитлер, однако, не спешил делать окончательные выводы. Подтверждением этому, в частности, являлась отмена, буквально в самый последний момент, поездки в Москву заведующего восточноевропейской референтурой экономико-политического отдела германского МИД для ведения переговоров об условиях предоставления кредита СССР [113]. Отмена визита К. Шнурре в Москву по личному указанию Риббентропа спустя менее чем сутки после возвращения рейхсминистра из Варшавы могла означать, скорее всего, нежелание Гитлера после очередного неудачного раунда двусторонних переговоров обострять отношения с Польшей путем розыгрыша «русской карты» [114].

Берлин по-прежнему предоставлял польскому правительству время «на раздумье». В традиционном выступлении Гитлера с большой

inslav

речью в рейхстаге 30 января 1939 г. особо подчеркивалось стабилизирующее влияние «германо-польской дружбы» на развитие событий в Европе в 1938 г. [115]. На протяжении февраля и первой половины марта 1939 г. в Третьем рейхе продолжали действовать жесткие ограничения на публикацию негативных материалов о состоянии двусторонних отношений [116]. Более того, именно в это время в Германии был опубликован сборник речей, заявлений и интервью Бека за годы его пребывания на посту министра иностранных дел Польши. В предисловии к этому объемному изданию он характеризовался как «один из первых государственных деятелей не только в Польше, но и во всем мире, который постиг необходимость соглашения с германским рейхом» [117].

VI

Затянувшаяся неопределенность в политике Берлина по отношению к Польше была следствием прежде всего неясности в планах Гитлера. Предпринимавшиеся немецкими дипломатами и военными шаги по внешнеполитическому обеспечению антизападной стратегии Третьего рейха (военные переговоры с Италией [118], усилия по трансформации Антикоминтерновского пакта в военно-политический союз трех держав [119] и, наконец, попытки превращения Польши в сателлита) до сих пор не принесли сколько-нибудь ощутимых результатов. И Гитлер упорно искал решения, которое позволило бы найти выход из сложившейся ситуации. «Он вновь прокручивает новые планы», — записал Геббельс в дневнике после встречи с фюрером 1 февраля [120].

Принятие решения о дальнейшей стратегии Третьего рейха затягивалось, что не могло не сказаться и на германо-польских отношениях. В какой-то момент создалось даже впечатление (из-за отсутствия ставших уже привычными интенсивных дипломатических контактов), что стоявшие перед Берлином и Варшавой проблемы утратили свою актуальность. Однако это было не так. В Берлине готовились к решающему давлению на этом направлении и не форсировали события. Хотя проявились уже первые симптомы надвигавшихся перемен, связанных с ужесточением германской политики [121].

Гитлер пришел к определенным решениям ближе к середине февраля. Они касались в первую очередь Чехословакии, которой должен быть приблизительно через месяц «нанесен смертельный удар» [122], но непосредственно затрагивали и Польшу. Общая неясность ситуации побудила фюрера предпринять конкретные акции (оккупация Чехии, захват Мемеля), форсирование которых, хотя они и были запланированы еще осенью 1938 г., никак не диктовалось развитием международной обстановки. Можно предположить, что Гитлер решил прояс-

inslav

пить или, точнее, обострить положение на континенте, фактически спровоцировав своими действиями ответную реакцию других держав, и прежде всего тех, кто вместе с ним подписывал Мюнхенское соглашение. Не менее важно, что предпринятыми акциями вносилась большая определенность и в отношения с Польшей. Оккупация Чехии и включение Мемеля в состав Третьего рейха вкупе с провозглашением самостоятельности полностью зависимой от Берлина Словакии, имевшей большую по протяженности границу с Польшей, а также присоединение Венгрии к Антикоминтерновскому пакту — все это вместе взятое серьезно ухудшило стратегическое положение Варшавы. Поэтому Гитлер еще надеялся, что такое развитие событий, не оставив для польского руководства никакого иного выбора, как принять германские предложения, позволило бы в конце концов вынудить Польшу прийти к соглашению с Третьим рейхом. Тот факт, что среди объектов нацистской экспансии в марте 1939 г. не оказалось Данцига, подтверждает вывод о стремлении Гитлера пока резко не обострять отношений с Польшей.

В этих условиях дипломатическое давление Берлина на Варшаву вступило в заключительную, решающую стадию. 21 марта Риббентроп пригласил Липского для беседы, в ходе которой обрушил на него как старые (фигурировавшие во время их встречи 28 февраля), так и новые претензии и упреки по поводу продолжавшихся антигерманских демонстраций студентов в ряде крупных польских городов, враждебной рейху кампании в польской печати, безрезультатной работы германо-польской комиссии о положении национальных меньшинств. Однако это была только прелюдия. На этот раз рейхсминистр решил использовать исторические реминисценции для откровенных угроз в адрес государства, интересы которого представлял в Берлине его собеседник. В частности, Риббентроп напомнил, чем обязаны поляки Гитлеру: «В период правительства Шляйхера имелась возможность заключения союза марксистской Германии с Советским Союзом <...> тогда Польша сегодня едва ли существовала бы» [123]. При полной несостоятельности этого утверждения, оно должно было звучать весьма угрожающе в контексте происходившего разговора. Полагая, по всей видимости, что ошеломил Липского, Риббентроп вновь вернулся к пакету германских предложений Польше как якобы основе их совместной борьбы против СССР. Несмотря на то, что за истекшие 2,5 месяца после переговоров Бека с руководством Третьего рейха не произошло никаких сдвигов ни по одному из пунктов этих предложений, Риббентроп в весьма настойчивой форме предложил Липскому безотлагательно отправиться в Варшаву и передать приглашение Беку прибыть для переговоров в Германию, т. к. фюрер «пока изумлен странной

inslav

позицией Польши по целому ряду вопросов; важно, чтобы у него не сложилось впечатление, что Польша просто не желает» соглашения, — резюмировал рейхсминистр [124].

Симптоматично, что приглашение Беку посетить Берлин последовало всего спустя неделю после того, как Гитлер инсценировал в прямом смысле психологическую атаку на президента Чехословакии Э. Гаху, вызванного в Берлин, где его заставили подписать документ, передававший Чехию под власть Третьего рейха. Бек, конечно, был политиком совсем иного плана, чем Гаха, да и ситуации были несопоставимы; тем не менее в Варшаве прекрасно понимали, что в сложившейся ситуации визит Бека в Берлин был бы не только бесполезен, но и вреден 125. 23–24 марта высшее руководство Польши провело совместно с руководящим составом МИД ряд встреч и совещаний, на которых рассматривалось положение, сложившееся в польско-германских отношениях. При всем разнообразии мнений и рекомендаций, выявившихся в те дни, в одном существовало полное единство — об уступках Берлину не могло быть и речи. «Мы должны теперь дать отпор немцам», — резюмировал в своем дневнике Шембек [126]. Что касается существа германских предложений, все более трансформирующихся в требования, то польское руководство готово было в деталях пойти навстречу Берлину: например, облегчить транзит через Польский коридор, заменить гарантии Данцига со стороны Лиги наций на двусторонние и т. п., не уступая при этом ни на йоту в главном (никаких экстерриториальных магистралей на территории Польши и никакого изменения существующего статуса Данцига, вопрос о присоединении к Антикоминтерновскому пакту вообще не подлежал обсуждению) [127]. В Варшаве приняли это решение без консультаций с кем-либо извне и, как отмечает немецкий исследователь Г. Грамль, «хотя в надежде на англо-французскую помощь, но, в конечном счете, все-таки вне зависимости от поведения западных держав» [128]. Вряд ли Бек и другие польские руководители предвидели все возможные последствия отказа от германских предложений, в противном случае они, вероятно, иначе использовали бы те немногие месяцы, которые история отвела тогда Польше, прежде чем она была раздавлена ее нашедшими-таки «общий язык» соседями. В любом случае, твердая позиция польского руководства, нашедшего в себе силы сказать «нет», несмотря на все давление Берлина, имела исключительное политическое и моральное значение.

Еще до получения официального ответа Варшавы на последний демарш Риббентропа Гитлер понял, что даже «стратегические клещи», в которых оказалась Польша во второй половине марта 1939 г.,

inslav

не дали желаемого результата. В беседе с командующим сухопутными войсками генерал-полковником В. фон Браухичем 25 марта фюрер сообщил, что пока он еще не намеревается «решать польский вопрос», но его следует «разработать» [129]. Некоторая неопределенность этого указания отразила колебания Гитлера. В тот же день, разговаривая с Геббельсом, он заметил: «Наше давление будет усилено. Мы надеемся достичь цели» [130]. Эта жесткость в полной мере уже проявилась в беседе Риббентропа с Липским 26 марта, когда польский посол передавал ответ своего правительства на последние германские требования. Рейхсминистр фактически подвел черту под переговорами, заявив Липскому, что «польская позиция не может представлять основы для германо-польского решения», поскольку «единственно возможное решение проблемы должно состоять в воссоединении Данцига с германским рейхом и в создании экстерриториальной шоссейной и железнодорожной связи между рейхом и Восточной Пруссией» [131]. Тем временем подход Гитлера к «польской проблеме» стал еще жестче, что зафиксировал Геббельс после телефонного разговора с ним 27 марта: «Поляки есть и останутся, конечно, нашими врагами» [132]. Гитлер под влиянием твердой позиции польского руководства, выразившейся также в частичной мобилизации резервистов и усилении ими воинских частей, дислоцированных в Польском коридоре, начинает все больше склоняться к силовому варианту решения «польской проблемы». Последним, хотя отнюдь не решающим аргументом в пользу этого выбора стало заявление 31 марта в Палате общин премьер-министра Великобритании Н. Чемберлена о предоставлении Польше гарантий независимости [133]. Тем самым проблемы двусторонних польско-германских отношений вышли за рамки отношений только Варшавы и Берлина, чего Гитлер ни при каких обстоятельствах не собирался допускать.

На следующий день, 1 апреля, фюрер отдал распоряжение генералу Кейтелю о подготовке плана нападения на Польшу. Спустя 2 дня соответствующая директива была уже подготовлена, что свидетельствовало о проделанной штабами вермахта предварительной работе. 11 апреля Гитлер утвердил эту директиву («план Вайс»), предусматривавшую завершение подготовки к войне с Польшей до 1 сентября 1939 г. [134]. Означало ли это, что решение Гитлера о силовом варианте «урегулирования польской проблемы» было окончательным? Последующие события показали, что подобная оценка происшедшего прозвучала бы преждевременно. Приказ о нападении на Польшу вермахт получил только после заключение пакта Риббентроп–Молотов. Вместе с тем было очевидно, что уже в апреле 1939 г. в развитии германо-польских отношений завершился важный этап. Они вступили

inslav

в новую фазу, когда подготовка Третьего рейха к войне с Польшей стала и перманентно возрастающим фактором политико-силового давления на нее.

VII

На завершающем мирный период германо-польских отношений этапе в политике Берлина можно условно выделить три фазы: 1) апрель — начало третьей декады мая 1939 г. — беспрецедентное политико-дипломатическое давление на Польшу и одновременно интенсивное планирование военной операции против нее на фоне еще сохранявшихся у Гитлера надежд, что предпринимаемые усилия приведут к желательному, а не вынужденному варианту; 2) 23 мая — начало августа — принятие Гитлером окончательного решения о войне с Польшей и ее практическая подготовка на фоне усилий немецкой дипломатии по внешнеполитическому обеспечению польской кампании; 3) август 1939 г. — резкая активизация пропагандистского наступления на Польшу, завершение подготовки вермахта к нападению на нее на фоне достижения решающего внешнеполитического успеха — заключения пакта о ненападении с СССР.

Несмотря на то, что 11 апреля 1939 г. Гитлер утвердил директиву о единой подготовке вооруженных сил к войне на 1939–1940 гг., важнейшей частью которой являлся план войны с Польшей, это еще не означало, что он принял окончательное решение на этот счет. Гитлер подписал директиву спустя неделю после того, как ее проект был представлен ему на рассмотрение. Не исключено, что фюрер мог внести изменения в ее политическую преамбулу. На такое предположение наводит противоречивый характер последней, отражающий скорее политический, а не военный подход к проблеме. Так, в директиве была поставлена не допускающая двоякого толкования задача: «Позиция Польши на данном этапе требует от нас осуществления особых военных приготовлений <...>, чтобы при необходимости исключить всякую угрозу с ее стороны даже на отдаленное будущее». Однако следующий абзац преамбулы явно противоречил предыдущему. В нем говорилось: «Отношения Германии с Польшей и в дальнейшем *должны строиться с учетом нежелательности всяких трений. Но если Польша изменит свою политику применительно к Германии,* базировавшуюся до сих пор на тех же принципах, что и наша политика в отношении Польши, и займет позицию, создающую угрозу рейху, то, несмотря на существующий договор, *может оказаться необходимым* решить проблему Польши окончательно» [135] (выделено мной. — *С. С.*).

inslav

Приведенный отрывок директивы убедительно свидетельствует об отсутствии определенности на начало апреля 1939 г. в оценке политической ситуации, даже состояния собственно германо-польских отношений. И это также является веским аргументом в пользу предположения, что окончательного решения о войне с Польшей Гитлер в то время еще не принял. Генерал В. Варлимонт, временно исполнявший весной 1939 г. обязанности начальника штаба оперативного руководства ОКВ, вскоре после окончания войны в письменных показаниях, данных под присягой, заявил, что, согласно переданным ему Кейтелем указаниям Гитлера, в разрабатываемой директиве необходимо было отразить, что «военные приготовления Германии пока преимущественно направлены на то, чтобы усилить дипломатическое давление, которое она и впредь стремилась оказывать на Польшу» [136].

Действительно, давление на Польшу, хотя и приняло иные формы, нарастало на протяжении апреля–мая 1939 г. Уже 5 апреля посольство в Варшаве получило указание прекратить обсуждение германских предложений и польских контрпредложений. При этом особо подчеркивалось, что предложение, сделанное фюрером, было «единственным в своем роде», значение которого «польское правительство, по-видимому, осознало не в полной мере» [137]. Одновременно с целью понижения уровня дипломатических контактов послу Мольтке было предложено незамедлительно отправиться «в отпуск» в Германию. Создавалось впечатление, что Берлин осуществляет своего рода дипломатическую обструкцию, близкую к замораживанию двусторонних отношений, что являлось нередко симптомом их последующего разрыва.

Вместе с тем Гитлер по-прежнему сдерживал пропагандистскую машину рейха. Как гласила «особо доверительная» установка германского МИД для прессы, «дверь перед Польшей не должна захлопываться. Ее следует, самое большее, так немножко прикрыть, чтобы одна щель все еще оставалась открытой для возможных дальнейших переговоров» [138].

В это время для давления на Польшу были применены и другие политические и дипломатические средства. После заключения 22 марта 1939 г. соглашения с Бухарестом, обеспечившего Третьему рейху «огромное влияние» на экономику Румынии [139], Гитлер решил использовать эту страну в качестве одного из своих каналов влияния на польское руководство. В беседе с министром иностранных дел Румынии Г. Гафенку 19 апреля фюрер, коснувшись, в частности, вопроса о позиции Польши, заметил, что Бек совершил ошибку, отправившись на переговоры в Лондон [140], а не в Берлин. Он был совершенно искренен, говоря, что «никогда не поймет изменений, которые произошли в позиции Польши», что вполне «может стать роковым для нее». По всей

inslav

видимости, Гитлер стремился убедить своего собеседника, а с его помощью и польское руководство, что все еще можно «исправить». При этом тональность его высказываний нисколько не была угрожающей, скорее наоборот. Это общее впечатление не изменила и довольно категоричная реплика рейхсканцлера, касающаяся Данцигского вопроса, который, по его мнению, «должен быть урегулирован в кратчайший срок, и он будет урегулирован, какими бы ни были политические комбинации г-на Бека» [141]. Однако все это было лишь прелюдией к крупномасштабной политико-пропагандистской акции Гитлера, его многочасовому выступлению в рейхстаге 28 апреля [142].

«Польская проблема» заняла в нем хотя и не слишком большое, но весьма значимое место. Изложив историю своих предложений Варшаве по «генеральному урегулированию» двусторонних отношений и при этом представив Польшу не как «дающую», а как «получающую» сторону (т. к. «Данциг никогда не был польским»), Гитлер выразил сожаление в связи с тем, что его предложения были отклонены. Далее, интерпретировав недавние польско-британские договоренности о взаимопомощи как одностороннее нарушение Польшей германо-польского соглашения 1934 г. о ненападении, фюрер объявил его «более не существующим!» [143]. Когда денонсируется договор о ненападении между двумя государствами, то, казалось бы, очевидно, что может последовать дальше. Однако в тот момент задача Гитлера состояла не в том, чтобы предуведомить о своих дальнейших намерениях, а, совсем напротив, в оказании максимального давления на польское руководство как самим фактом аннулирования соглашения, так и тем, что Варшава теперь должна была пребывать в страхе и неведении о возможных последствиях этого шага. С этой целью Гитлер, совершенно неожиданно для присутствующих, заявил, что все сказанное выше отнюдь «не означает изменения его принципиальной позиции по указанным проблемам». «Если польское правительство придает значение тому, чтобы прийти к новому договорному урегулированию отношений с Германией, — продолжал фюрер, — то я буду это только приветствовать, правда при условии, что подобное урегулирование будет тогда основываться на совершенно четких и одинаково связывающих обе стороны обязательствах» [144].

Выступление Гитлера в рейхстаге со всей очевидностью обнаруживает его намерение как можно сильнее устрашить Польшу вероятной перспективой войны, что, по его мнению, теперь уже неизбежно должно было понудить польское руководство к принятию его требований. Оставляя в стороне вопрос об оправданности подобных расчетов, важно констатировать все еще сохранявшееся в конце апреля 1939 г. у Гитлера стремление разрешить «польскую проблему» с помощью

inslav

мощного политико-пропагандистского давления, правда уже принявшего формы латентной угрозы войной. Соответственно была сориентирована и пропагандистская машина. Сразу же после выступления Гитлера шеф отдела прессы при имперском правительстве Х. Фритче отдал следующее распоряжение: «В отношении Польши пока все остается согласно прежним директивам. Мы не стремимся начинать большую полемику <...> При случае та или иная газета может в несенсационной форме <...> сообщить о внутренних беспорядках (в Польше. — *С. С.*). Но сверх этого — ничего!» [145].

Нет сомнения, что в Берлине с нетерпением ожидали реакции польского руководства на речь Гитлера. Тем более что, несмотря на временами наступательный тон польской прессы, по дипломатическим каналам на протяжении апреля поступала информация о крайне нервном состоянии Бека, высказывавшегося в приватных беседах о стремлении разрешить германо-польские противоречия «путем мирных переговоров» [146]. Одновременно польские дипломаты не уставали подчеркивать неизменно негативное отношение Варшавы к каким-либо внешнеполитическим и тем более военным совместным действиям с Советским Союзом, на чем, в частности, настаивали в Лондоне. Тем самым, как отмечали немецкие дипломаты, Польша вновь пыталась доказать, что «она представляет собой европейский барьер против большевизма» [147]. Эти и подобные им сообщения, хотя и не давали оснований для избыточного оптимизма, фиксировали достаточно сложное положение Польши, которая, обретя британские гарантии, заручилась скорее моральной поддержкой, но при этом вряд ли могла рассчитывать на реальную помощь западных держав, тем более в конкретные сроки [148].

Однако политики и дипломаты Третьего рейха вряд ли в полной мере отдавали себе отчет в том, насколько сложной была ситуация, в которой оказалось в тот момент польское руководство и особенно министр иностранных дел Бек. Речь не шла отныне о выборе между «да» и «нет» германским требованиям, этот выбор был сделан раньше. Но теперь, произнося это «нет» публично, Бек фактически должен был признать фиаско всей своей предшествовавшей внешней политики. Последняя оказалась несостоятельной как из-за неосуществимости принципа «равноудаленности» в отношениях с соседями на западе и на востоке, так и из-за ошибочно инициированного Беком, особенно в 1938 г., сотрудничества с Германией, способствовавшего серьезному нарушению баланса сил в Центральной Европе и на континенте в целом в пользу Берлина.

В такой обстановке Бек 5 мая 1939 г. произнес на специальном заседании Сейма большую речь, в которой был дан ответ на выступле-

inslav

ние Гитлера в рейхстаге. При всей готовности продолжить переговоры с Германией на равноправной основе, в ней перед всем миром была обозначена зримая черта, за которой уже не было места для компромисса с ультимативными требованиями нацистского руководства. Министр иностранных дел закончил свою речь не без патетики, но с твердостью, достойной уважения: «Мы, поляки, не знаем понятия „мир любой ценой". В жизни людей, народов и государств существует только одно благо, которое не имеет цены, — честь» [149].

Официальный Берлин с явным неудовольствием воспринял речь Бека. Впервые после нее нацистский официоз «Фёлькишер Беобахтер» обрушился с нападками на руководителя польского МИД [150], который до того момента был своего рода «священной коровой» у немецкой прессы [151]. Дипломатические и разведывательные источники рейха сообщали о большом подъеме в польском общественном мнении, вызванном этой речью. В конфиденциальной информации обращалось внимание на «объединение польских националистов и шовинистов вокруг польского министра иностранных дел» и укрепление тем самым внешнеполитического курса, подтвержденного в его выступлении. В этих условиях делался вывод: вариант действий, построенный на подрыве Польши изнутри путем ее «судетизации», неосуществим [152].

Верховное командование вермахта и генеральный штаб сухопутных войск, казалось, не обращали никакого внимания на пикировку между Берлином и Варшавой, продолжая вести планомерную разработку оперативных планов и осуществляя организационно-штабные мероприятия, согласно полученным еще в конце марта указаниям. В конце апреля Браухич уже представил Гитлеру первый вариант планируемых операций против Польши [153], а начальник генерального штаба генерал Ф. Гальдер — предварительный график развертывания сухопутных войск, которое началось в мае [154]. Спустя несколько дней Гальдер опробовал уже имевшиеся разработки кампании против Польши в ходе ежегодных штабных учений, которые он проводил на этот раз в Силезии со 2 по 11 мая [155].

В отличие от довольно острых дискуссий, имевших место в среде высшего генералитета по поводу решения Гитлера о войне против Чехословакии [156], весной–летом 1939 г. ничего похожего не наблюдалось. Преемник генерала Л. Бека на посту начальника главного штаба сухопутных войск Гальдер к этому времени настолько уверовал в политический талант фюрера, что, как стало известно из недавно обнаруженного фрагмента записи его доклада, сделанного перед генералами и офицерами штаба предположительно во второй половине апреля 1939 г., прямо-таки излучал оптимизм и «рвался в бой». Фактически еще до принятия окончательного политического решения о войне

inslav

с Польшей он заявил: «Польша должна быть скорейшим путем не только разбита, но ликвидирована <...> все равно, нападут ли в нынешней обстановке Франция или Англия на западе или нет» [157].

Тем не менее Гитлер все еще выжидал, что лишний раз свидетельствует, насколько непросто давалось ему предстоящее решение, насколько нежелательный вариант развития событий навязывала ему Польша. И только к 23 мая его позиция обрела бóльшую определенность. В этот день Гитлер изложил свои взгляды на международную обстановку и свои последние военно-политические решения узкому составу высшего военного руководства [158]. Это выступление отразило ряд важных изменений, произошедших к этому времени в его отношении к «польской проблеме». Суммированно они выглядели так.

Во-первых, Гитлер фактически признал ошибочность ставки на Польшу в ходе планируемой им войны против западных держав («Поляки не представляют собой дополнительного врага. Польша всегда будет на стороне наших противников»), а тем самым и безуспешность своих многомесячных усилий по достижению соглашения с польским руководством. Во-вторых, Гитлер также признал, что его расчеты на втягивание Польши в Антикоминтерновский пакт как гарантию обеспечения германского тыла против СССР оказались несостоятельны («Польша — также сомнительный барьер против России»). Правда, это признание выглядело как результат некоего умозаключения, а не как следствие негативной позиции Польши в этом вопросе. В-третьих, констатировал фюрер, решение «польской проблемы» неизбежно приведет к столкновению с западными державами, а следовательно к войне на два фронта. В связи с чем Гитлер не смог предложить удовлетворительного с военной точки зрения выхода из сложившейся ситуации («Уверенности в том, что в ходе германо-польского столкновения война с Западом исключена, нет» и т. п.). В-четвертых, Гитлер лишь мельком коснулся не менее серьезной, хотя и чисто гипотетической ситуации — создания союза западных держав и СССР, заметив, что такой союз «побудил бы меня напасть на Англию и Францию, нанеся им несколько уничтожающих ударов». Что в этой ситуации предстояло делать с Польшей, оставалось совершенно неясным. Выступая перед руководством вермахта, фюрер, по всей видимости, не мог просто обойти эту проблему как якобы несуществующую, но и не стремился ее развивать. В-пятых, Гитлер оставил практически без внимания вопрос о союзниках Германии. И это при том, что накануне был подписан «Стальной пакт» с Италией, а из беглого упоминания о Японии можно было заключить, что последняя «относилась к совместным с нами действиям (против Запада. — *С. С.*) холодно». И с этой точки зрения международная обстановка, в которой Третьему

inslav

рейху предстояло начать войну с Польшей и, скорее всего, вести войну также против западных держав, выглядела не слишком радужно. В-шестых, отдавая отчет в сложности международного положения Германии, Гитлер формулирует главную задачу на предстоящие месяцы — «изолировать Польшу», а чтобы у присутствующих не возникало сомнения в осуществимости этого замысла, фюрер неожиданно отметил: «Не исключено, что Россия проявит свою незаинтересованность в разгроме Польши». Для подобного заключения у Гитлера к тому времени имелось уже достаточно оснований. В-седьмых, для него по-прежнему основной задачей была война против западных держав, а «польская проблема» в любом случае — лишь производной от нее. Став препятствием на пути замыслов Гитлера, польское руководство поставило его в положение, когда у него не оставалось иного выбора, как принять решение «при первом подходящем случае напасть на Польшу». И последнее. Приняв политическое решение о войне с Польшей, Гитлер особо выделил то, что казалось само собой разумеющимся, — «окончательный приказ о нанесении удара фюрер оставляет за собой». Что скрывалось за этой, несколько даже демонстративной, предосторожностью? Только ли стремление не напугать присутствующих фатальной неизбежностью сформулированных решений? По всей видимости, нет, если иметь в виду упоминавшийся выше сверхоптимистический доклад Гальдера. Скорее всего, Гитлер придавал очень большое значение вопросу изоляции Польши («Удача изоляции имеет решающее значение») и оставлял себе известную возможность для маневра.

Сформулированные Гитлером в ходе совещания с верхушкой вермахта 23 мая 1939 г. решения и задачи стали важной, если не решающей, вехой на пути подготовки Германии к нападению на Польшу и тем самым, чего не исключал и сам фюрер, к войне на два фронта, т. е. ко Второй мировой войне.

VIII

Какие последствия могли иметь для Польши принятые Гитлером в конце весны 1939 г. решения, принимая во внимание как ее стратегическое положение к этому времени, так и соотношение сил, которыми располагали Варшава и Берлин? На протяжении всего одного года (весна 1938 г. — весна 1939 г.) в результате резкой активизации экспансионистской политики Третьего рейха на политической карте Европы произошли изменения столь значительного масштаба, что это непосредственно сказалось на стратегическом положении Польши. Вермахт получил возможность угрожать ее территории с севера, запа-

inslav

да и юга, т. е. практически Польша была окружена, принимая во внимание все усиливающуюся прогерманскую ориентацию ее ближайших соседей — Венгрии и Румынии, а также характер отношений с СССР.

Сравнение вооруженных сил Германии и Польши к началу войны выглядело явно не в пользу последней. И хотя по численности восточная группировка вермахта превосходила Войско Польское всего в 1,15 раза, даже количество пехотных дивизий с обеих сторон было одинаковым — по 37, однако на этом даже чисто арифметическое равенство заканчивалось, ибо немецкая пехотная дивизия значительно превосходила по огневой мощи и мобильности соответствующее ему польское соединение [159]. Вермахт располагал 6 танковыми и 9 моторизованными дивизиями, в то время как Войско Польское — только 1-й танковой бригадой. Преимущество немцев в бронемашинах было в 4,8, в самолетах — в 2,1 раза и т. д. Правда, поляки имели абсолютное — 11-кратное превосходство в кавалерии [160]. К этому необходимо добавить, что все вооружение вермахта (от стрелкового до бронетехники и самолетов) по своим тактико-техническим данным превосходило польское, да и ограниченные мощности польской военной промышленности не были в состоянии в значительной мере обеспечить им войска [161]. Таким образом, очевидно, что речь шла о противостоянии современного, мобильного и высокомеханизированного вермахта и отстающего от него в развитии как минимум на 10 лет Войска Польского.

Вермахт имел еще и то совершенно неоспоримое преимущество, что располагал тщательно разработанным общим оперативным планом войны с Польшей, дополненным и уточненным соответствующими планами трех видов вооруженных сил, которые на протяжении лета были полностью согласованы, утверждены и направлены в войска. С мая 1939 г. постепенно набирали обороты организационно-мобилизационные мероприятия вермахта, а в начале августа началась уже скрытая передислокация отдельных подразделений в Восточную Пруссию, т. е. через Польский коридор, под видом плановых осенних маневров, а также якобы для участия в торжествах по случаю 25-й годовщины битвы под Танненбергом [162]. Возможность тоталитарного режима осуществлять крупный комплекс мероприятий мобилизационного характера без официального объявления общей мобилизации также создавала серьезные преимущества в развертывании вермахта.

Военное превосходство Германии в предстоящей войне складывалось не только из тех или иных преимуществ, созданных политической и военной машиной Третьего рейха, но и было обусловлено серьезными недостатками и упущениями во внешней политике Польши и в ее военной доктрине в предвоенные годы, а также состоянием

inslav

польской военной промышленности и материально-технического оснащения вооруженных сил Второй республики. Весьма характерно, что, несмотря на заключенный в 1932 г. польско-советский договор о ненападении, СССР вплоть до конца января 1939 г. рассматривался в качестве основной угрозы Польше. Последние оперативные планы в связи с этим были подготовлены польским генштабом еще зимой 1938–1939 гг.[163]. Только в феврале 1939 г. маршал Рыдз-Смиглы дал указание о детальной разработке оперативного плана войны на западе, т. е. против Германии. Однако эта работа была во многом перечеркнута событиями марта 1939 г., резко ухудшившими оборонительные возможности Польши, и так и не была завершена 164, хотя существовавший вариант плана исходил из правильной оценки возможностей и намерений германских наступательных группировок.

Несмотря на то, что польская разведка уже к концу июня располагала обширной и точной информацией о германских военных планах, о концентрации ударных группировок вермахта и направлении их главных ударов[165], необходимые мобилизационные мероприятия не были своевременно осуществлены. Важнейшей причиной этого была неуверенность польского политического и военного руководства в необходимости принятия радикальных и экстренных мер, которые, как оно опасалось, могли бы ввергнуть Польшу в войну с Германией[166]. Груз политической ответственности оказался явно непосилен для польских руководителей, хотя и нашедших в себе мужество первыми среди европейских политиков, подвергшихся всестороннему давлению, сказать «нет» нацистским требованиям, но при этом не сделавших необходимых выводов из этого в сфере подготовки страны к неотвратимо надвигавшемуся нападению.

Очевидно, что Польша в одиночку была не в состоянии выстоять в борьбе с нацистской Германией. Поэтому ее руководство возлагало надежды на помощь западных держав[167], обещавших силами французской армии (не позднее 15-го дня после начала мобилизации) перейти в наступление против Германии и нанести массированные удары английской и французской авиации по территории рейха. Однако это были расчеты, построенные на песке. Несмотря на заключение 25 августа англо-польского военного союза, Великобритания, игравшая в то время ведущую роль среди западных держав, не собиралась, да и не могла оказать широкомасштабную, а главное, быструю помощь Польше, да такая помощь и не входила в планы западных держав[168].

В Берлине располагали значительной информацией о намерениях Лондона и Парижа в связи с Польшей. На совещании с Браухичем

inslav

и Гальдером 14 августа Гитлер отметил, что «английский и французский генеральные штабы оценивают перспективы вооруженного конфликта очень трезво и не советуют» вмешиваться в него [169]. Поэтому неудивительно, что, когда Гитлер получил известие о подписанном 25 августа англо-польском соглашении о взаимопомощи, он, хотя и сдвинул якобы под влиянием данного события сроки нападения на Польшу с 26 августа на 1 сентября (вопрос об истинных мотивах этого переноса по-прежнему остается неясным), но никаких принципиальных изменений в свои планы не внес. И это понятно, поскольку 23 августа он смог записать на свой счет крупнейший внешнеполитический успех — заключение пакта со Сталиным. Резюмируя его влияние на предстоявшую военную кампанию, Гитлер, сообщая высшему командованию вермахта о визите Риббентропа в Москву, констатировал: «Теперь Польша находится в положении, в котором я хотел ее видеть» [170]. Это, в свою очередь, по мнению фюрера, означало, что поставленная им несколькими месяцами ранее важнейшая задача по изоляции Польши решена.

Последние недели перед нападением на Польшу наряду с большой дипломатической активностью, предшествовавшей заключению договора о ненападении с СССР [171], Берлин одновременно провел две политические кампании. Они были призваны, с одной стороны, накалить до предела польско-германские отношения, а с другой — убедить собственное население и общественное мнение западных держав, что во всем происходящем виноваты исключительно поляки. Речь идет о постоянном провоцировании пограничных и таможенных инцидентов, раздувании межнациональных конфликтов, прежде всего с участием представителей немецкого меньшинства в Польше, ставшего одновременно орудием и жертвой агрессивной политики Третьего рейха [172], и максимально широком освещении в печати любых фактов, бросавших тень на Польшу и поляков. При этом степень достоверности или хотя бы правдоподобия не имела никакого значения. Так, предпринимавшиеся Варшавой в последней декаде августа меры оборонительного характера, вызванные резко обострившейся обстановкой на германо-польской границе, интерпретировались в немецкой печати как «лихорадочные приготовления к войне» [173]. 25 августа на пресс-конференции в министерстве пропаганды журналисты получили указание «подать крупно на переднем плане» мобилизационные мероприятия Польши как «наступательные против Германии»; при таком освещении событий даже польские приграничные укрепления изображались как «исходные позиции для запланированного наступления» [174]. Нетрудно представить себе масштабы нацистской пропагандистской кампа-

inslav

нии в момент, когда польское руководство действительно объявило 30 августа о всеобщей мобилизации [175].

Выступая 22 августа перед верхушкой вермахта, Гитлер заявил, что даст «пропагандистский повод для развязывания войны, безразлично, будет ли он правдоподобен или нет» [176]. Таким пропагандистским поводом стали подготовлявшиеся на протяжении нескольких недель СД и гестапо провокационные акции в отношении приграничных объектов на территории рейха, якобы исходившие с польской стороны [177]. Среди последних наибольшую известность получила «операция Танненберг» — инсценировка нападения одетых в польскую военную форму лиц на немецкую радиостанцию в местечке Глейвице [178]. Именно эти провокации использовал Гитлер для оправдания агрессии против Польши, заявив в рейхстаге 1 сентября 1939 г. об открытии якобы «ответного огня» [179]. «Незапланированная война» стала свершившимся фактом.

* * *

Развитие международных событий, приведших 1 сентября 1939 г. к началу германо-польской, а тем самым и Второй мировой войны, далеко не во всем отвечало замыслам Гитлера и даже в известной мере им противоречило. После Мюнхенского соглашения Гитлер все больше ориентировался на войну с западными державами, подготовка к которой должна была занять определенное время. Во всяком случае, ее начало планировалось не на 1939 г.

Внешнеполитическое обеспечение западной кампании на востоке, по замыслу фюрера, отводилось Польше, которая должна была обеспечить германский тыл Германии на случай возможного выступления Советского Союза. Причем у Гитлера и в помине не было намерений заключать со Сталиным какие-либо соглашения. В свою очередь, Италия и Япония должны были создать серьезные угрозы на периферии Британской империи, отвлекая силы последней от Европейского континента. Весной 1939 г. вся эта комбинация рухнула, натолкнувшись на нежелание Варшавы, на явно неприемлемых для нее условиях, играть роль младшего партнера Третьего рейха. Поэтому, вне зависимости от исхода быстротечной польской кампании вермахта и ликвидации государственности Польши в результате раздела страны между нацистской Германией и Советским Союзом, ее внешняя политика в 1939 г. наложила значительный отпечаток на развитие событий в ходе Второй мировой войны, вынудив Гитлера изменить свои планы и перенести направление первого удара с запада на восток и пойти на широкое, хотя и временное, соглашение со Сталиным.

inslav

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *H. v. Riekhoff*. German-Polish Relations 1918–1933. Baltimore; London, 1971; *P. Krüger*. Die Außenpolitik der Republik von Weimar. Darmstadt, 1985; *Cz. Luczak*. Od Bismarka do Hitlera. Polsko-niemieckie stosunki gospodarcze. Poznań, 1988.

[2] Hitler. Sämtliche Aufzeichnungen: 1905–1924 / Hg. v. E. Jäckel, A. Kuhn. Stuttgart, 1980. Dok. 305. S. 506. (Речь на собрании НСДАП в Мюнхене 21.10.1921.)

[3] Ibid. Dok. 368. S. 590 (Речь на собрании НСДАП в Мюнхене 1.03.1922).

[4] Ibid. Dok. 236, 239, 241, 258, u. a.

[5] *A. Hitler*. Reden, Schriften, Anordnungen: Februar 1925 bis Januar 1933 / Hg. v. Institut für Zeitgeschichte. Bd. II. A. München, 1995. S. 37. В общем виде эти идеи присутствовали уже в «Майн Кампф». — *A. Hitler*. Mein Kampf. München, 1934. S. 429–430.

[6] См. недавно обнаруженный документ, представляющий новую, более полную запись выступления Гитлера 3 февраля 1933 г.: *A. Wirsching*. «Mann kann nur Boden germanisieren». Eine neue Quelle zu Hitlers Rede vor den Spitzen der Reichswehr am 3. Februar 1933 // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte (далее — VfZ). 2001. H. 3. S. 517–550.

[7] *E. Jäckel*. Hitlers Weltanschauung: Entwurf einer Herrschaft. Stuttgart, 1986. S. 55–78.

[8] *J. W. Borrejsza*. Antyslawizm Adolfa Hitlera. Warszawa, 1988.

[9] См. подробнее: *С. З. Случ*. Германо-польский пакт о ненападении 1934 г. — дестабилизирующий фактор международной обстановки в Европе // Ежегодник германской истории. 1983 / Отв. ред. Б. А. Айзин. М., 1984. С. 84–104; *G. Wollstein*. Vom Weimarer Revisionismus zu Hitler. Das Deutsche Reich und die Großmächte in der Anfangsphase nationalsozialistischer Herrschaft in Deutschland. Bonn; Bad Godesberg, 1973. S. 122–146, 222–228, 271–286; *R. Ahmann*. Nichtangriffspakte: Entwicklung und operative Nutzung in Europa 1922–1939. Baden-Baden, 1988. S. 255–542.

[10] *M. Broszat*. Zweihundert Jahre deutsche Polenpolitik. München, 1963. S. 194.

[11] Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1918–1945. (далее — ADAP) Ser. C: 1933–1937. Bd. VI,2. Göttingen, 1981. Dok. 393. S. 845.

[12] *L. Denne*. Das Danzig-Problem in der deutschen Außenpolitik 1934–39. Bonn, 1959. S. 149.

[13] *B.-J. Wendt*. Danzig — Ein Bauer auf dem Schachbrett nationalsozialistischer Außenpolitik // Hitler, Deutschland und die Mächte. Materialien zur Außenpolitik des Dritten Reiches / Hg. v. M. Funke. Düsseldorf, 1976. S. 782.

[14] Ibid. S. 783.

[15] *H. Roos*. Polen und Europa: Studien zur polnischen Außenpolitik 1931–1939. Tübingen, 1957. S. 186, 299–301.

[16] *W. Michalka*. Ribbentrop und die deutsche Weltpolitik 1933–1940: Außenpolitische Konzeptionen und Entscheidungsprozesse im Dritten Reich. München, 1980. S. 127.

[17] *M. Woiciechowski*. Die polnisch-deutschen Beziehungen 1933–1938. Leiden, 971. S. 547. Anm. 1.

inslav

[18] *J. Lipski.* Diplomat in Berlin, 1933–1939. Papers and Memoirs of J. Lipski, Ambassador of Poland // Ed. by W. Jedrzejewicz. N. Y.; London, 1968. Doc. 30, 33, 38, 40.

[19] *H. Rauschning.* Gespräche mit Hitler. Zürich; N. Y., 1940. S. 110.

[20] *Ch. M. Kimmich.* The Free City. Danzig and German Foreign Policy, 1919–1934. New Haven; London, 1968. P. 140.

[21] Пометку, воспроизводившую эти слова Гитлера, министр иностранных дел К. фон Нойрат сделал 3.11.1934 г. — ADAP. Ser. C. Bd. III,2. Göttingen, 1973. Dok. 292. Anm. 7. S. 546.

[22] См. «Протокол Хосбаха». Запись совещания в рейхсканцелярии 5.11.1937 г. — Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal. (далее — IMT). Nuremberg, 1947–1949. Doc. 386–PS. Vol. XXV. P. 402–413.

[23] Директива военного министра и главнокомандующего вооруженными силами В. фон Бломберга «О единой подготовке вооруженных сил к войне» от 24.06.1937 г. // IMT. Doc. 175–C. Vol. XXXIV. P. 733–745.

[24] ADAP. Ser. D (1937–1941). Baden-Baden, 1950–1970. Bd. V. Dok. 18. S. 21–23.

[25] Запись беседы Я. Шембека с Г. Герингом 4.11.1937 г. в Берлине // Weißbuch der Polnischen Regierung über die polnisch-deutschen und die polnisch-sowjet-russischen Beziehungen im Zeitraum von 1933 bis 1939. — Basel, 1940. Dok. 30. S.50–51; Запись беседы Ю. Липского с А. Гитлером 5.11.1937 г. — *J. Lipski.* Op. cit. Doc. 73. P. 303–305. См. также: ADAP. Ser. D. Bd. V. Dok. 19. S. 24.

[26] ADAP. Ser. D. Bd. V. Dok. 29. S. 34. См. также: *H. Roos.* Op. cit. S. 301–302.

[27] См. *A. M. Cienciala.* Poland and the Western Powers 1938–1939. London; Toronto, 1968. P. 40.

[28] 17 декабря 1937 г. Министерством пропаганды были даны для германской печати «особо доверительные» указания по освещению событий в Польше. Согласно им, следовало ни в коем случае не преувеличивать и не акцентировать негативные явления во внутренней политике Польши. «Нынешнее польское правительство по возможности необходимо поддерживать», а «личность и политику Бека при представившемся случае освещать в благоприятном свете». — NS-Presseanweisungen der Vorkriegszeit. Edition u. Dokumentation. Bd. 5/III: September bis Dezember 1937 / Brb. v. K. Peter. München, 1998. Dok. 3083. S. 1019.

[29] *M. Domarus.* Hitler. Reden und Proklamationen 1932–1945. Kommentiert von einem deutschen Zeitgenossen. München, 1965. Bd. 1, 2. S. 802.

[30] См. запись беседы А. Гитлера с министром иностранных дел Польши Ю. Беком 14.01.1938 г. в Берлине // ADAP. Ser. D. Bd. V. Dok. 29. S. 34.

[31] См. запись беседы Э. Рыдз-Смиглы с Г. Герингом 23.02.1938 г. в Варшаве // Weißbuch der Polnischen Regierung. Dok. 38. S. 59.

[32] Еще в апреле 1935 г. Гитлер поручил Герингу проявлять заботу о поддержании хороших отношений между Германией и Польшей. См.: *J. Lipski.* Op. cit. Doc. 41. P. 189 (запись от 25.04.1935).

[33] Ibid. Doc. 76. P. 331 (запись от 13.01.1938).

inslav

[34] Телеграмма Х. Мольтке в МИД 13.03.1938 // ADAP. Ser. D. Bd. V. Dok. 32. S. 36.

[35] См. подробно: *G. Sakwa*. The Polish Ultimatum to Lithuania in March 1938 // The Slavonic and East European Review. 1977. Vol. 55. Nr. 2. P. 204–206; *A. E. Senn*. The Polish Ultimatum to Lithuania, March 1938 // Journal of Baltic Studies. 1982. Nr. 2. P. 144–156.

[36] *H. Roos*. Op. cit. S. 307.

[37] См. ADAP. Ser. D. Bd. V. Dok. 329, 332, 334.

[38] См. запись о беседе Г. Геринга с Ю. Беком 23.02.1938 г. // *J. Lipski*. Op. cit. Doc. 80. P. 348–349.

[39] См. запись беседы И. Риббентропа с Ю. Липским 31.03.1938 г. // ADAP. Ser. D. Bd. V. Dok. 34. S. 39.

[40] Из немецкой записи этой беседы складывается впечатление, что Ю. Липский полностью поддержал мнение рейхсминистра. Однако в донесении, направленном польским дипломатом Ю. Беку, содержится немаловажная оговорка, отсутствующая в немецкой записи. Липский сказал: «На практике мы, как и Германия, боремся на всех участках с действиями Коминтерна. Тем не менее, если дело идет о манифестациях за пределами Польши, мы должны считаться с особенностью нашего положения, а именно, с нашим непосредственным соседством с Советской Россией» (Донесение Липского Беку о беседе с Риббентропом 31.03.1938 г. // *J. Lipski*. Op. cit. Doc. 83. P. 360. См. также: Документы и материалы по истории советско-польских отношений (далее – ДМИСПО). Т. VI. М., 1969. док. 245. С. 349.

[41] Представленный в недавно вышедшей монографии С. Жерко (*S. Żerko*. Stosunki polsko-niemieckie 1938–1939. Poznań, 1998) тезис, согласно которому польская внешняя политика после 1933 г. балансировала исключительно между Германией и Францией и не проводила никакой политики «равноудаленности» между Германией и СССР, которую Жерко именует историографическим мифом, не учитывает целый ряд объективных обстоятельств, о которых, кстати, вынуждены были помнить польские политики в 1930-е гг.

[42] См. подборку документов, отражающих различные мнения германского генералитета о возможностях Третьего рейха в случае силового решения чехословацкой проблемы // *K. J. Müller*. Armee und Dritte Reich 1933–1939. Darstellung und Dokumentation. Paderborn. 1987. Dok. 142–164.

[43] См. резюме совещания Гитлера с В. Кейтелем 21.04.1938 г. // ADAP. Ser. D. Bd. II. Dok. 133. S. 191.

[44] См. проект директивы операции «Грюн» от 20.05.1938 г. // IMT. Doc. 388-PS. Vol. XXV. P. 423.

[45] См. донесение германского посла во Франции графа И. Вельчека от 24.05.1938 г. // ADAP. Ser. D. Bd. II. Dok. 203. S. 265.

[46] См. запись начальника генерального штаба сухопутных войск генерала Л. Бека о выступлении Гитлера перед руководящим составом МИД и вермахта 28.05.1938 г. // *K. J. Müller*. General Ludwig Beck. Studien und Dokumente zur politisch-militärischen Vorstellungswelt und Tätigkeit des Generalstabschefs des deutschen Heeres 1933–1938. Boppard a./R., 1980. Dok. 45. S. 517.

[47] *C. J. Burckhardt*. Meine Danziger Mission 1937–1939. München, 1980. S. 151.

[48] См.: *M. Woiciechowski*. Op. cit. S. 422.

inslav

[49] См. проект директивы операции «Грюн» от 20.05.1938 г. // IMT. Doc. 388–PS. Vol. XXV. P. 424.

[50] См. изменения к директиве о единой подготовке вооруженных сил к войне. 30.05.1938 г. // Ibid. Doc. 388–PS. Vol. XXV. P. 433–439.

[51] Запись беседы Э. Вайцзеккера с Ю. Липским 13.06.1938 г. // ADAP. D. Bd. II. Dok. 255. S. 330.

[52] См. донесение Липского Беку о беседе с Герингом 17.06.1938 г. // *J. Lipski*. Op. cit. Doc. 87. P. 372–373; *M. Woiciechowski*. Op. cit. S. 435–437.

[53] См. политический отчет германского посла в Польше Х. Мольтке от 1.07.1938 г. // ADAP. D. Bd. II. Dok. 277. S. 360.

[54] См. *M. Woiciechowski*. Op. cit. S. 449.

[55] Ibid. S. 491–492.

[56] См. записи Л. Бека о выступлении Гитлера перед руководящим составом МИД и вермахта 28.05.1938 г. // *K.J. Müller*. General Ludwig Beck, Dok. 45. S. 515; См. также: *H. Henke*. England in Hitlers politischem Kalkül 1935–1939. Boppard a./R., 1973. S. 150–162.

[57] См. о переговорах и служебной переписке по вопросу о принадлежности гор. Одерберга // ADAP. D. Bd. IV. Dok. 17. S. 21; Bd. V. Dok. 59–63, 65, 66; См. также: *M. Woiciechowski*. Op. cit. S. 517–522.

[58] ADAP. Ser. D. Bd. V. Dok. 62. S. 71.

[59] Ibid. Dok. 70. S. 78.

[60] Ibid. Dok. 82. S. 90. Anm. 1.

[61] Ibid. Dok. 84. S. 93; Dok. 91. S. 98–99. См. подробно: *H. G. Adler*. Der Verwaltete Mensch: Studien zur Deportation der Juden aus Deutschland. Tübingen, 1974. S. 91–100; *B. Goldberg*. Die Zwangsausweisung der polnischen Juden aus dem Deutschen Reich im Oktober 1938 und die Folgen // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 1998. H .11. S. 971–984; *T. Maurer*. Abschiebung und Attentat: Die Ausweisung der polnischen Juden und der Vorwand für die Kristallnacht // Der Judenpogrom 1938; Von der «Reichskristallnacht» zum Völkermord / Hg. v. W. H. Pehle. Frankfurt a./M., 1988. S. 52–73; *E. Melzer*. Relations between Poland and Germany and their Impact on the Jewish Problem in Poland (1935–1938) // Yad Vashem Studies, 1977. Vol. XII. P. 215–229; *S. Milton*. Menschen zwischen Grenzen: Die Polenausweisung 1938 // MENORA. Jahrbuch für deutsch-jüdische Geschichte 1990. S. 184–206; *J. Tomaszewski*. The Expulsion of Jewish Polish Citizens from Germany on October 28–29, 1938 // Acta poloniae historyczne, 1997. Nr. 76. P. 97–122.

[62] Запись беседы Гитлера с бывшим премьер-министром Венгрии К. Дараньи 14.10.1938 г. // ADAP. Ser. D. Bd. IV. Dok. 62. S. 71.

[63] См. подробно: *H. Roos*. Op. cit. S. 358–366.

[64] См. запись беседы Риббентропа с премьер-министром Словакии Й. Тисо и заместителем премьер-министра Ф. Дурчанским 19.10.1938 г. // ADAP. Ser. D. Bd. IV. Dok. 72. S. 82.

[65] См. запись о беседе статс-секретаря МИД Э. Вайцзеккера с послом Ю. Липским 12.10.1938 г. // ADAP. Ser. D. Bd. V. Dok. 69. S. 78. Правда, немецкий дипломат намекнул своему собеседнику, что «пребывание Остравской Моравии в составе Чехии зависит от дальнейшего развития событий» (Ibid.).

inslav

66 Выступление Гитлера перед высшим командованием вермахта 22.08.1939 г. // IMT. Doc. 798–PS. Vol. XXVI. P. 339.

67 См. немецкую запись беседы Риббентропа с Липским в Бертехсгадене 24.10.1938 г. (ADAP. Ser. D. Bd. V. Dok. 81. S. 87–89), и отчет о ней польского дипломата: *J. Lipski*. Op. cit. Doc. 124. P. 453–458; Weißbuch der Polnischen Regierung. Dok. 44. S. 62–63.

68 ADAP. Ser. D. Bd. V. Dok. 86. S. 95.

69 Ibid. Dok. 672. S. 797; *J. Burckhardt*. Op. cit. S. 226, 231–232; *M. Woiciechowski*. Op. cit. S. 541.

70 *W. W. Hagen*. Before the «Final Solution»: Toward a Comparative Analysis of Political Anti-Semitism in Interwar Germany and Poland // The Journal of Modern History. 1996. Vol. 68. Nr. 2. P. 377.

71 См.: *D. Beyrau*. Antisemitismus und Judentum in Polen 1918–1939 // Geschichte und Gesellschaft. 1982. H. 2. S. 229.

72 Гитлер был вовсе не одинок в своей уверенности. Например, американский посол в Варшаве, получив информацию о предложениях, переданных 24 октября Риббентропом Липскому, был убежден, что польское правительство примет их. См.: *A. Biddle*. Poland and the Coming of the Second World War. The Diplomatic Papers of A. J. Drexel Biddle, Jr., United States Ambassador to Poland 1937–1939. Columbus (Ohio), 1976. P. 43.

73 *A. M. Cienciala*. Op. cit. P. 177.

74 Weißbuch der Polnischen Regierung. Dok. 44. S. 62; *J. Lipski*. Op. cit. Doc. 124. P. 454.

75 ADAP. Ser. D. Bd. V. Dok. 81. S. 89.

76 См. подробно: *И. И. Поп*. Чехословацко-венгерские отношения (1935–1939). М., 1972. С. 189–208.

77 Много лет проработавший в Варшаве германский посол Мольтке, анализируя возможные варианты развития польской внешней политики в послемюнхенский период, приходил к выводу, что Бек под влиянием усиления германских позиций в Европе вряд ли переориентирует свою политику и начнет опираться на Берлин // ADAP. Ser. D. Bd. V. Dok. 64. S. 74.

78 О роли Данцига в германо-польских отношениях накануне Второй мировой войны см.: *A. J. Prazmowska*. The Role of Danzig in Polish-German Relations on the Eve of the Second World War // The Baltic and the Outbreak of the Second World War / Ed. by J. Hiden, Th. Lane. Cambridge, 1992. P. 74–94.

79 Запись беседы Риббентропа с Липским 19.11.1938 г. // Ibid. Dok. 101. S. 107. См. также: *J. Lipski*. Op. cit. Doc. 127. P. 465–469; Weißbuch der Polnischen Regierung. Dok. 46. S. 66–69.

80 См.: Инструкции министра иностранных дел Бека послу Липскому от 31.10.1938 г. // Weißbuch der Polnischen Regierung. Dok. 45. S. 63 — 66.

81 Ibid. Dok. 46. S. 67.

82 На эту мысль наводит сопоставление немецкой и польской записей беседы 19 ноября: позиция Риббентропа в немецкой записи выглядит более твердой, чем в польской.

83 Запись Ю. Бека о беседе с Х. Мольтке 22.11.1938 г. // Ibid. Dok. 47. S. 69.

inslav

[84] Первое дополнение от 24.11.1938 г. к директиве ОКВ от 21.10.1938 г. // IMT. Doc. 137–C. Vol. XXXIV. P. 482.

[85] См.: ADAP. Ser. D. Bd. IV. Dok. 131–134; Bd. V. Dok. 104. S. 112–113.

[86] Запись беседы Риббентропа с Липским 2.12.1938 г. // Ibid. Bd. V. Dok. 106. S. 114. Весьма характерно для германской политики лавирования в отношениях с Польшей, что министерством пропаганды было дано указание прессе: не выражать сожаления по поводу этого советско-польского коммюнике, которое должно «освещаться доброжелательно, но представляться совершенно несущественным». — NS-Presseanweisungen der Vorkriegszeit. Edition u. Dokumentation. Bd. 6/III: September bis Dezember 1938 / Brb. v. K. Peter. München, 1999. Dok. 3433. S. 1133.

[87] Ibid. Dok. 110. S. 118.

[88] Запись беседы Риббентропа с Липским 15.12.1938 г. // Ibid. Dok. 112. S. 119.

[89] О положении немецкого национального меньшинства в Польше см.: *R. Blanke*. The German Minority in Interwar Poland and German Foreign Policy — some Reconsiderations // Journal of Contemporary History. 1990. Vol. 25. Nr. 1. P. 87–102; *A. S. Kotowski*. Polens Politik gegenüber seiner deutschen Minderheit 1919–1939. Wiesbaden, 1998. S. 217–351.

[90] Запись беседы Риббентропа с Липским 15.12.1938 г. // Ibid. Dok. 112. S. 119.

[91] См.: *A. J. Prazmowska*. Poland's Foreign Policy: September 1938 — September 1939 // The Historical Journal. 1986. Vol. 29. № 4. P. 858.

[92] См.: ADAP. Ser. D. Bd. V. Dok. 119. S. 127. Anm. 3.

[93] Запись беседы Гитлера с министром иностранных дел Польши Беком 5.01.1939 г. // Ibid. S. 130.

[94] Запись о беседе Бека с Гитлером 5.01.1939 г. // Weißbuch der Polnischen Regierung. Dok. 48. S. 71.

[95] Ibid. S. 70. Немецкая версия этого высказывания Гитлера звучит несколько дипломатичнее: «С чисто военной точки зрения, существование сильной польской армии означает значительное облегчение для Германии; дивизии, которые Польша должна была бы держать на русской границе, сэкономили бы соответствующие дополнительные военные расходы Германии» // ADAP. Ser. D. Bd. V. Dok. 119. S. 128.

[96] Запись беседы Риббентропа с Беком 6.01.1939 г. // Ibid. Dok. 120. S. 134.

[97] См.: *J. Szembek*. Diariusz i teki Jana Szembeka. London. 1972. T. IV. S. 467–468. (Запись от 10.01.1939 г.).

[98] Цит. по: *J. Krasuski*. Miedzy Wojnami. Warszawa, 1985. S. 183.

[99] Ibid.

[100] Сопроводительная записка Э. Вайцзеккера к материалам, направленным Риббентропу в связи с предстоящим визитом Бека от 2.01.1939 г. // ADAP. Ser. D. Bd. V. Dok. 119. S. 127. Anm. 3.

[101] Ibid. Dok. 120. S. 134.

[102] См. запись о беседе Риббентропа с гауляйтером Данцига Форстером 13.01.1939 г. // Ibid. Dok. 122. S. 135.

[103] Телеграмма полпреда СССР в Германии А. Ф. Мерекалова в НКИД от 12.01.1939 г. // Год кризиса 1938–1939. Документы и материалы. Т. 1. М., 1990. Док. 110. С. 185–186.

inslav

[104] См. дневник пресс-атташе полпредства СССР в Германии А. А. Смирнова. — Архив внешней политики Российской Федерации, Москва (далее — АВП РФ). Ф. 082. Оп. 22. П. 93. Д. 7. Л. 31. (Запись от 19.01.1939 г.).

[105] *I. Fleischhauer.* Der Pakt: Hitler, Stalin und die Initiative der deutschen Diplomatie 1938–1939. Berlin; Frankfurt a./M., 1990. S. 87. См., в частности, также: *Г. Л. Розанов.* Сталин — Гитлер. Документальный очерк советско-германских дипломатических отношений 1939–1941. М., 1991. С. 47. Правда, И. Фляйшхауэр допускает, что этим жестом Гитлер мог преследовать и побочные цели, например «продемонстрировать заболевшей «манией величия» Польше возможность совместных немецко-русских действий против нее» // *I. Fleischhauer.* Op. cit. S. 90.

[106] См.: Akten Reichskanzlei. Bundesarchiv Koblenz (далее — BA). R 43 II/855c. S. 70.

[107] См. подробно: *С. З. Случ.* Германия и СССР в 1918–1939 годах: Мотивы и последствия внешнеполитических решений // Россия и Германия в годы войны и мира (1941–1995) / Под ред. Д. Проэктора и др. М., 1995. С. 66–71.

[108] Выдержки из записей об аудиенции Риббентропа у президента Польши И. Мосьцицкого и генерального инспектора вооруженных сил маршала Э. Рыдз-Смиглы 26.01.1939 г. // Weißbuch der Polnischen Regierung. Dok. 51. S. 74.

[109] Запись беседы Риббентропа с Беком в Варшаве 26.01.1939 г. // ADAP. Ser. D. Bd. V. Dok. 126. S. 139–140.

[110] Выдержка из записей о беседах Бека с Риббентропом, состоявшихся в Варшаве с 25 по 27 января 1939 г. // Weißbuch der Polnischen Regierung. Dok. 52. S. 74.

[111] *J. Szembek.* Op. cit. T. IV. S. 484. (Запись от 1.02.1939 г.).

[112] Ibid.

[113] См. телеграмму Мерекалова в НКИД и НКВТ от 28.01.1939 г. // Год кризиса. Т. 1. Док. 126. С. 200–201.

[114] Это предположение подтверждается мнением референта «бюро Риббентропа» д-ра П. Кляйста: «Не желая раздражать поляков в то время, Риббентроп пошел даже на то, чтобы отменить поездку Шнурре в Москву». — Дневник временного поверенного в делах СССР в Германии Г. А. Астахова. (Запись от 21.07.1939 г.) // Документы внешней политики СССР 1939. М., 1992. Т. 22. Кн. 1. Док. 431. С. 548.

[115] См.: *M. Domarus.* Op. cit. Bd. 2, 1. S. 1065.

[116] См. инструкции министерства пропаганды: Bestellungen aus der Pressekonferenz im Propagandaministerium vom 25.02. u. 27.02.1939. Anweisungen № 227 u. № 232 // BA. Zsg 101/12. S. 59, 60; Informationsbericht № 19 vom 4.03.1939. ZSg 101/34. S. 87.

[117] *J. Beck.* Beiträge zur europäischen Politik. Reden, Erklärungen, Interviews 1932–1939. Essen, 1939. S. XII. В сборник вошли выступления Ю. Бека, относящиеся к визиту Риббентропа в Варшаву 25–27.01.1939 г., поэтому он не мог выйти в свет ранее второй половины февраля, а возможно, и начала марта 1939 г., что подтверждает сохранявшуюся в то время тенденцию по отношению к Польше.

inslav

118 См.: *G. Schreiber*. Revisionismus und Weltmachtstreben: Marineführung und deutsch-italienische Beziehungen 1919 bis 1944. Stuttgart, 1978. S. 145–150, 154–163.

119 См.: *Th. Sommer*. Deutschland und Japan zwischen den Mächten 1935–1940. Vom Antikominternpakt zum Dreimächtepakt. Tübingen, 1962. S. 94, 98–99; *W. Michalka*. Op. cit. S. 247–253; *S. Kley*. Hitler, Ribbentrop und die Entfesselung des Zweiten Weltkriegs. München, 1996. S. 237–258.

120 *J. Goebbels*. Die Tagebücher: Sämtliche Fragmente. Bd. 3 / Hg. v. E. Fröhlich. München, 1987. S. 567. (Notiz vom 3.02.1939).

121 Одним из таких симптомов стала выдержанная в холодном тоне беседа Риббентропа с Липским 28 февраля в связи с волной антигерманских манифестаций, прокатившейся по всей Польше, поводом к которым были столкновения между немецкими и польскими студентами в Данциге // ADAP. Ser. D. Bd. V. Dok. 131. S. 144. Другим, причем не менее важным, стал отказ Геринга от запланированной на конец зимы традиционной поездки на охоту в Польшу. См.: *St. Martens*. Hermann Göring. «Erster Paladin des Führers» und «Zweiter Mann im Reich». Paderborn, 1985. S. 167.

122 Die Weizsäcker-Papiere, 1933–1950 / Hg. v. L. Hill. Frankfurt a./M., 1974. S. 150. (Notiz vom 13.02.1939).

123 Запись беседы Риббентропа с Липским 21.03.1939 г. // ADAP. Ser. D. Bd. VI. Dok. 61. S. 59; см. также проект телеграммы рейхсминистра послу Мольтке от 23–24.03.1939 г. // Ibid. Dok. 73. S. 71–73; Польскую версию этой беседы см.: Weißbuch der Polnischen Regierung. Dok. 61. S. 81–85.

124 ADAP. Ser. D. Bd. VI. Dok. 61. S. 60.

125 См. инструкции Бека послу Липскому от 25.03.1939 г. // Weißbuch der Polnischen Regierung. Dok. 62. S. 88.

126 *J. Szembek*. Op. cit. T. IV. S. 527. (Запись от 23.03.1939 г.).

127 Weißbuch der Polnischen Regierung. Dok. 62. S. 86–87.

128 *H. Graml*. Europas Weg in den Krieg: Hitler und die Mächte 1939. München, 1990. S. 187.

129 См. распоряжение фюрера главнокомандующему сухопутными войсками от 25.03.1939 г. // ADAP. Ser. D. Bd. VI. Dok. 99. S. 98.

130 *J. Goebbels*. Die Tagebücher. Bd. 3. S. 583. (Notiz vom 26.03.1939).

131 Запись беседы Риббентропа с Липским 26.03.1939 г. // ADAP. Ser. D. Bd. VI. Dok. 101. S. 101.

132 *J. Goebbels*. Die Tagebücher. Bd. 3. S. 584. (Notiz vom 28.03.1939).

133 См.: Документы и материалы кануна второй мировой войны. 1937–1939. Т. 2. М., 1981. Док. 33. С. 62.

134 Директива о единой подготовке вооруженных сил к войне от 11.04.1939 г. Приложение II: «план Вайс» // IMT. Doc. 120–C. Vol. XXXIV. P. 381, 388–391.

135 IMT. Doc. 120–C. Vol. XXXIV. P. 388.

136 Письменное показание, данное под присягой, генерала артиллерии в отставке Вальтера Варлимонта от 24.09.1945 г. — Archiv des Instituts für Zeitgeschichte, München, Bestand ZS 312/II: Warlimont Walter.

137 Телеграмма Вайцзеккера послу Мольтке от 5.04.1939 г. // ADAP. Ser. D. Bd. VI. Dok. 159. S. 161.

inslav

138 Ежедневная пресс-конференция в МИД для представителей печати, 6.04.1939 г. Цит. по: *F. Sänger*. Politik der Täuschungen. Mißbrauch der Presse im Dritten Reich. Weisungen, Informationen, Notizen, 1933–1939. Wien, 1975. S. 375.

139 См. Германо-румынское экономическое соглашение от 23.03.1939 г. // ADAP. Ser. D. Bd. VI. Dok. 78. S. 76–80; см. также: *A. Hillgruber*. Hitler, König Carol und Marschall Antonescu. Die deutsch-rumänischen Beziehungen 1938–1944. Wiesbaden, 1954. S. 47.

140 4–6 апреля Бек вел переговоры в Лондоне, результатом которых явилось придание характера взаимности предоставленной ранее Польше гарантии британского правительства, а также достигнута договоренность о выработке двустороннего постоянного соглашения о взаимопомощи. См. коммюнике о переговорах между министром иностранных дел Польши Ю. Беком и премьер-министром Великобритании Н. Чемберленом в Лондоне 4–6.04.1939 г. // Год кризиса. Т. 1. Док. 254. С. 361.

141 Цит. по: *G. Gafencu*. Europas letzte Tage. Eine politische Reise im Jahre 1939. Zürich, 1946. S. 80, 82.

142 Об обращении президента США Ф. Д. Рузвельта, которое было использовано Гитлером в качестве повода для шумной пропагандистской акции. См.: *G. Moltmann, D. Franklin*. Roosevelts Friedensappel vom 14. April 1939. Ein Fehlgeschlagener Versuch zur Friedenssicherung // Jahrbuch für Amerikastudien. 1964. Bd. 9. S. 91–109.

143 Одновременно соответствующий официальный меморандум германского правительства был вручен заместителю министра иностранных дел Я. Шембеку в Варшаве // Weißbuch der Polnischen Regierung, Dok. 76. S. 107–112.

144 Речь Гитлера в рейхстаге 28.04.1939 г. // *M. Domarus*. Op. cit. Bd. 2, 1. S. 1163.

145 Цит. по: *F. Sänger*. Op. cit. S. 376–377.

146 Германское посольство в Варшаве — МИД 18.04.1939 г. — Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes, Berlin (далее — PA AA). Pol V 207. Bd. 8. S. 415330–415331.

147 Германское посольство в Лондоне — МИД 5.04. и 18.04.1939 г. — PA AA, R 29683. S. 34626, 34668 — 34669.

148 См.: *G. Wehner*. Großbritannien und Polen 1938–1939: Die britische Polen-Politik zwischen München und dem Ausbruch des Zweiten Weltkrieges. Frankfurt a./M.; Bern, 1983. S. 225–226.

149 Речь министра иностранных дел Польши Ю. Бека в Сейме 5.05.1939 г. // Weißbuch der Polnischen Regierung, Dok. 77. S. 118.

150 См.: Völkischer Beobachter vom 7.05.1939.

151 См. *F. Sänger*. Op. cit. S. 377.

152 См. обзор внешнеполитических событий Nr. 75 от 23.05.1939 г., подготовленный зарубежным отделом ОКВ. — Oberkommando der Wehrmacht № 4900/39 geh. Ausl. Ia 23.05.1939. — Bundesarchiv-Militärarchiv. Freiburg / Br. (далее — BA-MA), RW 5/v. 350. См. также донесение посла Мольтке от 5.05.1939 г. // ADAP. Ser. D. Bd. VI. Dok. 355. S. 385–386 и пометки на нем статс-секретаря МИД Вайцзеккера. — PA AA. R 29683. S. 34776–34778.

inslav

153 См.: *H. Rohde*. Hitlers Erster «Blitzkrieg» und seine Auswirkungen auf Nordosteuropa // Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 2. / Hg. v. Militärgeschichtlichen Forschungsamt. Stuttgart, 1979. S. 93.

154 См.: *D. Irving*. Hitlers Weg zum Krieg. München, 1979. S. 378.

155 См.: *Ch. Hartmann*. Halder, Generalstabschef Hitlers 1938–1942. Paderborn etc., 1991. S. 127.

156 См. подробно: *K. J. Müller*. General Ludwig Beck. S. 272–311.

157 Praktische und strategische Erwägungen zum kommenden Krieg gegen Polen. Auszug aus einem Vortrag des Chefs des Generalstabs Halder, gehalten vor Generalen und Generalstabs-offizieren im Rahmen eines Zyklus der Wehrmachtakademie. — Российский государственный военный архив (далее — РГВА). Ф. 1525/К. Оп. 1. Д. 440. Л. 5. См. подробно об этом выступлении Гальдера: *Ch. Hartmann, S. Slutsch*. Franz Halder und die Kriegsvorbereitungen im Frühjahr 1939. Eine Ansprache des Generalstabschefs des Heeres // VfZ. 1997. H. 3. S. 467–495.

158 См.: «Протокол Шмундта». Отчет о совещании Гитлера с руководством вермахта 23.05.1939 г. // IMT. Doc. L–79. Vol. XXXVII. P. 546–556.

159 См. сравнительную таблицу тактико-технических данных и огневой мощи немецкой и польской дивизий в 1939 г. — *M. Hauner*. Die Rolle der Rüstungsindustrie in Osteuropa und die Verteidigungsanstrengungen Polens bis 1939 // Wirtschaft und Rüstung am Vorabend des Zweiten Weltkrieges / Hg. v. F. Forstmeier, H. E. Volkmann. Düsseldorf, 1975. S.363.

160 См.: *Б. Мюллер-Гиллебранд*. Сухопутная армия Германии 1933–1945 гг. Т. II / Пер. с нем. М., 1958. С. 14–15 (таблица 7); *H. Rohde*. Op. cit. S. 111.

161 См.: *G. W. Strobel*. Die Industrialisierung Polens am Vorabend des Zweiten Weltkrieges zwischen Innen — und Wehrpolitik // Zeitschrift für Ostforschung, 1975. H. 2. S. 221–271.

162 См.: *H. Rohde*. Op. cit. S. 92–104.

163 См.: *A. Prazmowska*. Britain, Poland and the Eastern Front, 1939. Cambridge etc., 1987. P. 90.

164 См.: *H. Roos*. Die militärpolitische Lage und Planung Polens gegenüber Deutschland 1939 // Wehrwissenschaftliche Rundschau. 1957. H. 4. S. 193–196.

165 См.: *R. A. Woytak*. On the Border of War and Peace. Polish Intelligence and Diplomacy in 1938–1939, and the Origins of the Ultra Secret. N. Y., 1979. P. 88.

166 См.: *M. Zgórniak*. Militärpolitische Lage und Operationspläne Polens vor dem Ausbruch des Zweiten Weltkrieges // Der Zweite Weltkrieg. Analysen. Grundzüge. Forschungsbilanz / Hg. v. W. Michalka. München, 1989. S. 456.

167 См.: *G. Wehner*. Op. cit. S. 296.

168 См.: *A. Prazmowska*. Britain, Poland and the Eastern Front. P. 176. Спустя всего 3 дня после подписания англо-польского военного договора, 29 августа, Комитет обороны Великобритании рекомендовал кабинету министров не предпринимать каких-либо решительных действий против Германии, даже в поддержку создавшей Восточный фронт Польши. — Ibid. P. 168.

169 [*F. Halder*]. Generaloberst Halder F. Kriegstagebuch. Tägliche Aufzeichnungen des Chefs des Generalstabes des Heeres 1939–1942. Bd. 1 / Hg. v. Arbeitskreis für Wehrforschung / Brb. v. H. A. Jacobsen. Stuttgart, 1962. S. 14.

inslav

[170] Выступление Гитлера перед главнокомандующими вермахта 22.08.1939 г. // IMT. Doc. 798–PS. Vol. XXVI. P. 343.

[171] Подробно о советско-германских переговорах в конце июля — августе 1939 г. См.: *I. Fleischhauer*. Op. cit. S. 268–403; *R. W. Weber*. Die Entstehungsgeschichte des Hitler — Stalin — Paktes 1939. Frankfurt a./M., 1980. S. 223–258.

[172] См. подробно: *P. Aurich*. Der deutsch-polnische September 1939. Eine Volksgruppe zwischen den Fronten. Berlin; Bonn, 1985; *O. Heike*. Die deutsche Minderheit in Polen. Leverkusen, 1985. S. 439–446; *W. Jastrzebski*. Der Bromberger-Blutsonntag. Legende und Wirklichkeit. Poznań, 1990; *Ch. Jansen, A. Weißbecker*. Der «Volksdeutsche Selbstschutz» in Polen 1939/40. Oldenbourg, 1992. S. 24–28.

[173] См.: Völkischer Beobachter vom 23.8., 24.8.1939.

[174] Цит. по: *J. Sywottek*. Mobilmachung für den totalen Krieg. Die propagandistische Vorbereitung der deutschen Bevölkerung auf den Zweiten Weltkrieg. Opladen, 1976. S. 227.

[175] См.: Völkischer Beobachter vom 31.8.1939.

[176] IMT. Doc. 1014–PS. Vol. XXVI. P. 523.

[177] См.: *J. Runzheimer*. Die Grenzzwischenfälle am Abend vor dem deutschen Angriff auf Polen // Sommer 1939: die Großmächte und der Europäische Krieg / Hg. v. W. Benz, H. Graml. Stuttgart, 1979. S. 107–147.

[178] См.: *J. Runzheimer*. Der Überfall auf den Sender Gleiwitz im Jahre 1939 // VfZ. 1962. H. 4. S. 408–426; *A. Spiess, H. Lichtenstein*. Das Unternehmen Tannenberg. Wiesbaden; München, 1979.

[179] *M. Domarus*. Op. cit. Bd. 2, 1. S. 1315.

inslav

Е. Л. Валева
(Москва)

СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОЕ ПРОТИВОБОРСТВО НА БАЛКАНАХ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ НАКАНУНЕ И В НАЧАЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В начальный период Второй мировой войны, с 1940 г., Балканы как регион выступили в советско-германских отношениях на первый план. В статье ставится задача проследить, какие изменения происходили в этих отношениях в рассматриваемый период и какую роль в отношениях СССР и фашистской Германии играли страны Балканского полуострова, прежде всего Болгария.

I

Оценивая создавшуюся после поражения Франции ситуацию, советское руководство пришло к выводу, что конца войны еще не видно и что Германия поэтому будет заинтересована в поддержании партнерских отношений с Советским Союзом и в учете его интересов. В Германии, напротив, уже с конца июня 1940 г. начались штабные разработки возможных военных действий против СССР. 31 июля 1940 г. на совещании руководящего состава германских вооруженных сил Гитлер сформулировал цели и сроки войны против России. С этого времени германская внешняя политика исходила из поставленной задачи и проводила ее в жизнь, хотя и старательно маскировала подлинные намерения нацистского руководства. Поэтому понятно, что реальная политика Германии по отношению к СССР отнюдь не совпадала с представлениями Сталина и его окружения [1].

То, что «медовый месяц» германо-советской «дружбы» подходит к концу, Москве стало ясно уже летом–осенью 1940 г. Внешнеполитические акции Берлина (второй Венский арбитраж, подписание Тройственного пакта между Германией, Италией и Японией, размещение германских войск в Финляндии и Румынии) являлись, с точки зрения Москвы, нарушением условий советско-германского пакта от 23 августа 1939 г. С осени 1940 г. начинается быстрая эскалация советско-германских противоречий, прежде всего на Балканах. Несмотря на то, что СССР неоднократно заявлял о своей обеспокоенности развитием

inslav

ситуации в этом регионе, Гитлер уже демонстративно пренебрегал интересами своего бывшего партнера, а затем и вовсе стал действовать наперекор СССР. Важнейшим оружием Германии в дипломатической и политической борьбе за внешнеполитическую ориентацию балканских стран стал заключенный 27 сентября 1940 г. Тройственный пакт. Сразу же после его подписания Гитлер начал активно добиваться присоединения к нему ряда государств. 16 октября соответствующее немецкое предложение было сделано и Болгарии, причем в ультимативной форме. Оно решительным образом задевало интересы СССР, поскольку в Москве рассматривали Болгарию как одно из центральных звеньев советской системы безопасности и как мост к турецким черноморским проливам.

II

С середины 1930-х гг. внешнеполитический курс Болгарии определялся обстановкой приближающейся войны, усиливающимся экономическим и идеологическим проникновением Германии на Балканы и все обострявшейся борьбой великих держав за господство в Юго-Восточной Европе [2]. Однако, несмотря на сильное дипломатическое давление со всех сторон, царь Борис Ш и болгарское правительство не спешили примкнуть к той или иной группировке. В Софии занимали выжидательную позицию, рассчитывая, что в напряженной обстановке предвоенного соперничества ценность маленькой Болгарии как возможного союзника будет неуклонно возрастать, и надеясь выторговать для себя в будущем более выгодные условия присоединения к одной из враждующих сторон. При этом правящие круги Болгарии сознавали, что геополитическое положение страны и ее экономические связи не позволят ей долго оставаться в стороне от разгорающегося международного конфликта.

Еще в годы предвоенного политического кризиса перед царем Борисом, взявшим в 1935 г. в свои руки непосредственное управление государством, встали две по сути противоречившие друг другу задачи: с одной стороны, сохранение своей страны и народа в стороне от надвигавшейся кровопролитной схватки, а с другой — решение национально-территориальной проблемы. Борис III понимал, что именно новая мировая война, которой он так боялся, может ликвидировать навязанное Болгарии положение в рамках Версальской системы, являвшееся последствием унизительного для болгар Нейиского мирного договора 1919 г. Однако, учитывая, что все соседние государства с целью сохранения статус кво заключили между собой союзы, направленные против Болгарии, София говорила о своих ревизионистских устрем-

inslav

лениях очень осторожно, всегда при этом подчеркивая, что она выступает лишь за мирное разрешение имеющихся противоречий.

15 сентября 1939 г. правительство Георгия Кьосеиванова выступило с декларацией о полном нейтралитете Болгарии в начавшейся мировой войне. Учитывая сложность международной обстановки, непосредственную угрозу со стороны Турции, неподготовленность Болгарии к войне, болгарским дипломатам за границей предписывалось настойчиво подчеркивать ее миролюбие. Маневрируя между великими державами – Германией, Англией, Францией, Италией и Советским Союзом, царь Борис в контактах с представителями этих держав стремился доказать, сколь выгоден для каждой из них нейтралитет Болгарии.

Вместе с тем еще накануне войны в политике правящих кругов Болгарии нашла выражение линия на постепенное сближение с нацистской Германией. Ее сторонники полагали, что курс Берлина на уничтожение Версальской системы может оказаться объективно полезным для Софии и будет способствовать реализации собственных ревизионистских планов в отношении территорий, утраченных Болгарией по Нейискому договору 1919 г. Речь шла прежде всего о возвращении переданной Румынии Южной Добруджи и о получении вновь занятого Грецией выхода к Эгейскому морю. Помимо общего стремления к пересмотру Версальской системы, будущему политическому сближению Болгарии с Германией способствовали тесные экономические связи между двумя странами и зависимость болгарской армии от поставок немецкого оружия и военной техники.

Тем не менее осторожный царь Борис старался избежать рискованного одностороннего выбора. Пытаясь сориентироваться в сложном лабиринте международных отношений, Болгария стремилась разрешить свои территориальные проблемы путем соглашения с несколькими великими державами.

III

Однако адресованное Софии требование Берлина подписать Тройственный пакт означало серьезное испытание для избранной царем Борисом тактики лавирования. По-прежнему надеясь, что удовлетворение территориальных притязаний Болгарии может быть достигнуто при сохранении ее нейтралитета в войне, Борис III пишет 22 октября личное письмо Гитлеру. В нем царь высказал мнение, что в настоящий момент присоединение Болгарии к пакту было бы преждевременным и опасным, поскольку существует угроза нападения со стороны Турции и Греции, к чему Болгария совершенно не подготовлена в военном отношении. Он предлагал фюреру еще раз обсудить, «безусловно ли

inslav

необходимо изменение проводившейся до сих пор недвусмысленной и хладнокровной политики Болгарии, которая по сей день держит под угрозой наших и Ваших врагов. Это имело бы последствием немедленное исчерпание наших скромных сил, не говоря о том, что полная мобилизация привела бы к застою в хозяйственной жизни и производстве в стране» [3]. Это письмо положило начало тактике проволочек, которую царю Борису с ловкостью удалось проводить до марта 1941 г.

С упомянутым письмом Бориса в Берлин был направлен царский советник Б. Морфов. Однако Гитлер демонстративно отказался его принять, и письмо было вручено госсекретарю Э. Вайцзеккеру. Спустя несколько дней тот заявил болгарскому посланнику в Берлине Драганову, что Й. Риббентроп настаивает на присоединении Болгарии к пакту и дает болгарскому правительству еще несколько дней на размышление [4]. Драганов в разговоре с госсекретарем подчеркнул, что царь, как и прежде, придерживается «последовательной прогерманской политики, хотя на нее и наброшена мантия нейтралитета» [5]. Письмо царя, убеждал своего собеседника Драганов, якобы вовсе не означает отказа присоединиться к пакту, но содержит предложение направить для обсуждения этих вопросов болгарских премьер-министра и министра иностранных дел.

Тем временем начавшаяся в конце октября 1940 г. итало-греческая война развивается неожиданным образом. Греческая армия предприняла контрнаступление, и фронт передвинулся на территорию Албании. Германия была вынуждена прийти на помощь своему союзнику. В директиве Главного штаба германских вооруженных сил предусматривается оккупация Северной Греции немецкими войсками и их прохождение в случае необходимости через территорию Болгарии. В связи с этими планами возобновляется немецкое дипломатическое давление на Болгарию. После безрезультатной беседы Риббентропа с Драгановым 14 ноября германское министерство иностранных дел приглашает царя Бориса на встречу с Гитлером. Вместе с министром иностранных дел Поповым болгарский монарх 17 ноября 1940 г. тайно вылетает в резиденцию фюрера в Берхтесгадене. Этот визит состоялся всего несколькими днями позже после пребывания в Берлине советской делегации во главе с Молотовым.

IV

Известный визит и переговоры В. М. Молотова в Берлине проходили 12–13 ноября 1940 г. Основное внимание было обращено на Юго-Восточную Европу и, в частности, на Болгарию, имевшую стратегическое значение в связи с проблемой черноморских проливов.

inslav

Перед СССР стояла задача помешать вторжению вермахта в бассейн Черного моря и не позволить Турции действовать в интересах Англии, которой Сталин боялся не меньше, чем Германии.

Директивы, полученные Молотовым от Сталина перед поездкой в Германию, а также телеграммы, которыми они обменивались во время пребывания Молотова в Берлине, раскрывают подлинные цели советской политики и свидетельствуют, что размещение советских войск в Болгарии становилось основным вопросом безопасности Советского Союза в районе черноморских проливов. В одном из пунктов директив прямо подчеркивалось: «Болгария – главный вопрос переговоров, должна быть, по договоренности с Германией и Италией, отнесена к сфере интересов СССР на той основе гарантий Болгарии со стороны СССР, как это сделано Германией и Италией в отношении Румынии, с вводом советских войск в Болгарию» [6]. Еще более откровенно геополитические интересы СССР раскрывались в телеграмме Сталина Молотову от 13 ноября, в которой подчеркивалось, что «безопасность черноморских районов СССР нельзя считать обеспеченной без урегулирования вопроса о проливах. Поэтому заинтересованность СССР в Черном море есть вопрос обороны берегов СССР и обеспечения его безопасности. С этим органически связан вопрос о гарантировании Болгарии со стороны СССР, ибо обеспечение спокойствия в районе проливов невозможно без договоренности с Болгарией о пропуске советских войск для защиты входов в Черное море» [7]. В другой телеграмме, направленной Молотову в тот же день, Сталин уточнял, что мирное разрешение вопроса о проливах «не будет реальным без нашей гарантии Болгарии [и] пропуска наших войск в Болгарию как средства давления на Турцию» [8]. В ответной телеграмме Молотов писал: «Вашу телеграмму с разъяснениями о Черном море получил. Сейчас иду на завтрак и на беседу с Гитлером. Нажму на Черное море, проливы и Болгарию» [9]. Таким образом, размещение советских войск в Болгарии становилось основным вопросом безопасности Советского Союза в районе Черноморских проливов.

В ходе переговоров Молотов неоднократно говорил о советских гарантиях Болгарии и заверял, что СССР ни в коем случае не хочет вмешиваться во внутренние дела страны. Когда же Молотов захотел узнать о позиции Германии в случае предоставления Болгарии советской гарантии, подобной той, что Германия и Италия предоставили Румынии, то Гитлер, в свою очередь, спросил, просила ли Болгария Москву о таких гарантиях, как Румыния просила об этом Германию. Молотов ответил уклончиво, дав понять, что он не требует от фюрера окончательного ответа, а только просит высказать свое предварительное мнение. Гитлер же возразил, что он не может высказать свою позицию, не переговорив предварительно с Муссолини [10].

inslav

В последний день переговоров, 13 ноября, на встрече Молотова с Риббентропом германский министр сделал предложение Советскому Союзу присоединиться к Тройственному пакту, обрисовав перспективы сотрудничества СССР с державами оси. Молотов ответил уклончиво. Однако спустя две недели, 25 ноября 1940 г., германскому послу в Москве Шуленбургу было сообщено, что СССР готов положительно рассмотреть вопрос о присоединении к Тройственному пакту на определенных условиях. Их содержание Молотов передал Шуленбургу в специальном Приложении. В нем, в частности, говорилось об обеспечении «в ближайшие месяцы» безопасности СССР «в Проливах путем заключения пакта взаимопомощи между СССР и Болгарией, находящейся по своему географическому положению в сфере безопасности черноморских границ СССР, и организации военной и военно-морской базы СССР в районе Босфора и Дарданелл на началах долгосрочной аренды» [11]. В Приложении предлагалось также составить 5 секретных протоколов. Один из них должен был зафиксировать признание со стороны Германии и ее союзников принадлежности Болгарии к сфере безопасности СССР и их согласие на заключение советско-болгарского пакта о взаимопомощи. Ответа с германской стороны на эти предложения не последовало. В ноябре 1940 г. в переговорах с советскими представителями Берлин, скорее всего, не преследовал иных целей, помимо дезинформации, поскольку Гитлером было уже дано указание продолжать подготовку к нападению на СССР независимо от исхода переговоров. Бесплодная берлинская встреча, на которой Молотов безуспешно поднимал вопрос о советских гарантиях Болгарии, свидетельствовала о том, что Сталин стремительно проигрывал Гитлеру битву за эту небольшую балканскую страну.

V

Можно себе представить, как напряженно за ходом берлинской советско-германской встречи следили в Софии. Когда же 17 ноября царь Борис и Попов прибыли в резиденцию фюрера, они придерживались твердого намерения не подписывать Тройственный пакт главным образом из-за страха перед СССР. На настойчивое требование Гитлера присоединиться к пакту болгарский монарх повторил уже известные аргументы о неподготовленности Болгарии к войне, об экономических выгодах для Германии в случае сохранения болгарского нейтралитета, об угрозе со стороны Турции и, конечно, об опасности ухудшения отношений с СССР [12]. Царь напрямик спросил Гитлера, обсуждался ли во время недавней встречи с Молотовым

inslav

вопрос о присоединении его страны к Тройственному пакту. Гитлер избежал прямого ответа, но сказал, что «большевики зондировали наше мнение о возможном создании военных баз в Болгарии», и подчеркнул, что Германия поддержит болгарскую сторону в вопросе об отказе от создания советских баз лишь в том случае, если та подпишет Тройственный пакт. «Шантаж был очевиден, — рассказывал впоследствии царь Н. Мушанову, видному болгарскому политику, лидеру демократической партии. — Надо было вырваться из клещей, в которые меня зажал Гитлер, приняв в принципе присоединение к пакту, но оставив открытым вопрос о дате присоединения» [13].

Таким образом, и на этом этапе попытки Германии включить Болгарию в свою коалицию потерпели неудачу. Тем не менее встреча царя Бориса с Гитлером вызвала крайнее раздражение в СССР. 18 ноября болгарский посланник Стаменов имел в Москве беседу с Молотовым, который в разговоре прибегал попеременно к угрозам и обещаниям. Во время ноябрьской встречи в Берлине, подчеркнул Молотов, на его вопросы о Болгарии ему постоянно отвечали, что надо выяснить позицию Италии. В связи с этим главу советского правительства и наркома иностранных дел интересовало, существует ли договор или итальянские гарантии Болгарии. «Если Болгария нуждается сейчас в какой-либо гарантии, то такую гарантию ей дал бы сейчас СССР, — заявлял Молотов и подчеркивал, что «нынешний внутренний режим и государственный строй Болгарии должен остаться таким, как он есть и как этого хочет сама Болгария» [14]. Далее Молотов спросил, вступит ли Болгария в Тройственный пакт, как это сделали Венгрия, Румыния и Словакия. Россия, прибавил он, не потерпит, чтобы Болгария превратилась, подобно Румынии, в марионеточное государство.

Одновременно Молотов действовал «и пряником», говоря о поддержке Советским Союзом болгарских территориальных претензий по отношению к Греции и Югославии. В конце разговора Молотов напомнил Стаменову о советском предложении заключить с Болгарией пакт о взаимопомощи, которое было сделано в сентябре 1939 г., и тогдашний ответ Кьосеиванова, что если возникнет необходимость, то болгары попросят советских гарантий. В донесении о беседе Стаменов писал, что после ухода Молотова присутствовавший на встрече Деканозов «сказал мне более ясно, что может быть теперь наступил момент, о котором говорил Кьосеиванов» [15].

Без колебаний царь Борис и премьер-министр Филов отвергают новое советское предложение, о котором говорилось в телеграмме Стаменова. «Обсудили ее в тот же вечер с Царем и Поповым и решили ответить отрицательно», — записал Б. Филов в своем дневнике [16].

inslav

Спустя несколько дней, 24 ноября 1940 г., в Москву был направлен официальный ответ, что Болгария не чувствует себя в опасности и не нуждается в гарантиях [17].

Советские предложения Болгарии, в свою очередь, обеспокоили немцев. 21 ноября посланник Германии в Турции Ф. фон Папен, проезжая через Софию, встречается с царем. Он предупреждает Бориса об опасностях, которые таит в себе советская гарантия, и излагает преимущества присоединения Болгарии к Тройственному пакту. Однако царь повторяет аргументы, высказанные Гитлеру [18].

VI

После беседы Молотова со Стаменовым, в ходе которой советская дипломатия, скорее всего, хотела предварительно прозондировать позицию болгарской стороны, в Москве решили действовать. 25 ноября 1940 г. в Софию прибыл генеральный секретарь Наркоминдела А. А. Соболев с предложением заключить пакт о взаимной помощи. Болгарский политический деятель Ст. Мошанов так записал высказывание об этом царя Бориса: «Не прошло и недели (после возвращения царя из Берхтесгадена. — *Е. В.*), как наступил один из самых неприятных дней в моей жизни — миссия Соболева. То, что я считал шантажом со стороны Гитлера — требование Советским Союзом баз в Болгарии — Соболев предложил нам под видом пакта о взаимной помощи. Если Гитлер недвусмысленно угрожал мне своими войсками, Сталин оказывает нажим через мой собственный народ» [19]. Царь Борис имел в виду начавшуюся по всей стране массовую кампанию за принятие советского предложения, вошедшую в историю Болгарии под названием «Соболевской акции».

В основных пунктах советское предложение повторяло предыдущее, сделанное осенью 1939 г. Встретившись поочередно с Филовым и с царем Борисом, Соболев ознакомил их с советским предложением. Оно состояло из 12 пунктов. Исходя из общих интересов Болгарии и СССР, говорилось в нем, Советский Союз возобновляет свое предложение о заключении пакта о взаимной помощи, «который поможет Болгарии в осуществлении ее национальных устремлений не только в Западной, но и в Восточной Фракии». В соответствии с предлагаемым пактом СССР обязывался оказать Болгарии всяческую, в том числе и военную, помощь в случае угрозы ей со стороны третьей державы или группы стран. Болгария же должна была оказать помощь СССР в случае возникновения реальной угрозы интересам Советского Союза в Черном море или в районе проливов. Особо оговаривалось, что пакт никоим образом не затрагивает внутренний режим, суверени-

inslav

тет и независимость Болгарии. Кроме того, СССР выражал готовность помочь Болгарии деньгами, продовольствием, вооружением и т. д. — в форме займов, а также обещал расширить закупки болгарских товаров. Особый интерес представляет последний, 12-й пункт предложенного пакта: «При условии заключения пакта о взаимной помощи с СССР отпадают возражения против присоединения Болгарии к известному пакту трех держав. Вполне вероятно, что и Советский Союз в этом случае присоединится к Тройственному пакту» [20]. По-видимому, сталинская дипломатия полагала, что в случае заключения советско-болгарского пакта позиции СССР в Болгарии и на Балканах настолько бы укрепились в сравнении с немецкими, что даже подписание Болгарией Тройственного пакта не составляло бы серьезной опасности для советского влияния. Готовность СССР поддержать возможные территориальные притязания Болгарии к Турции (Адрианополь) и к Греции (Западная Фракия — выход к Эгейскому морю) отрицательно отразилась на отношениях Советского Союза с другими балканскими странами. Следовательно, СССР настолько был заинтересован в тот момент в заключении пакта с Болгарией, что готов был рисковать своими отношениями с Турцией и Грецией.

Миссия Соболева была настолько секретной, что болгарский посланник в Москве узнал, что советский дипломат по пути в Румынию остановится в Софии, уже после вылета его спецрейса. «Явно хотели Вас застать врасплох и боялись, как бы их не опередил Гитлер, и поэтому ввели меня в заблуждение, что Соболев летит в Бухарест рейсовым самолетом», — доносил Стаменов в Софию. «У меня создалось впечатление, — продолжал посланник, — что они готовы на все, лишь бы подписать с нами пакт» [21].

Ответ болгарского правительства, имевшего перед глазами пример прибалтийских государств, на привезенные Соболевым предложения был недвусмысленно отрицательным. В очень осторожной, но достаточно категоричной форме болгарское правительство, ссылаясь на возможное осложнение отношений с Германией, с которой уже давно ведутся переговоры о вступлении Болгарии в Тройственный пакт, отклонило советское предложение [22].

Однако советское правительство не оставило усилий склонить болгарскую сторону к нужному для Москвы решению. 6 декабря Лаврищев — советский посол в Софии — вручил Попову документ, в котором было изложено мнение Москвы в связи с болгарским ответом. В советском меморандуме, вместо заключения пакта о взаимной помощи, предлагалось ограничиться предоставлением советских гарантий безопасности и интересов Болгарии, что означало бы освобождение последней от тяжелых для нее военных обязательств [23]. Новое

inslav

предложение Советского Союза означало, что советская дипломатия осознала ошибку, допущенную в ходе миссии Соболева. Болгария всеми силами старалась избежать участия в войне, поэтому привлекательным для нее могло быть только соглашение, позволявшее сохранить нейтральный статус. В новом варианте советского предложения ошибка была исправлена, что, впрочем, не изменило — да и не могло изменить — позиции болгарского правительства. 18 декабря Лаврищев сделал запрос, почему правительство Болгарии не ответило на заявление советского правительства. И. Попов просил советского посланника передать в Москву, что «болгарское правительство считает, что заключение пакта с Советским Союзом усилило бы угрозу военного нападения на Болгарию и было бы лишним грузом для самого СССР» [24]. В шифрованной телеграмме Стаменову Попов высказывал мнение, что «подписание подобного пакта, явно направленного против Турции, усиливает опасность войны. Болгария всегда страдала, когда ее подозревали в том, что она является орудием России, так это было бы воспринято и сегодня обеими воюющими сторонами. Что касается гарантий, то наш ответ Вам уже известен — Болгария не чувствует себя в опасности» [25].

Не имея реальных рычагов воздействия на царя Бориса, Сталин попытался оказать на него нажим через народные массы, используя болгарских коммунистов, деятельность которых, в свою очередь, направлялась находившимся в Москве Заграничным бюро ЦК Болгарской рабочей партии во главе с Георгием Димитровым. Однако и развернувшаяся в Болгарии кампания за принятие советского предложения не принесла ожидаемых результатов.

Имеются разные точки зрения по вопросу о том, ускорила ли «Соболевская акция» подписание Болгарией Тройственного пакта или, наоборот, затормозила. Скорее всего, массовое движение за принятие советского предложения дало возможность царю Борису получить дополнительный предлог, чтобы еще на некоторое время оттянуть присоединение Болгарии к державам оси. В обоснование этого промедления монарх впоследствии не раз ссылался на наглядно продемонстрированные «Соболевской акцией» русофильские настроения своего народа. Германский исследователь Х. Хоппе, основываясь на телеграмме Рихтхофена в МИД Германии от 28 ноября 1940 г., считает, что «Соболевская акция» вызвала у болгарских властей опасения, что присоединение Болгарии к Тройственному пакту в создавшейся ситуации будет рассматриваться Москвой как своего рода провокация [26].

Миссия Соболева и связанные с ней события вызвали огромное раздражение в Берлине, где полным ходом шла подготовка к нападению на СССР. Совпав по времени с утверждением Гитлером 18 декабря

inslav

1940 г. плана «Барбаросса», она стала вехой, завершившей первый этап советско-германского противоборства на Балканах, когда оно носило преимущественно дипломатический характер.

VII

С начала 1941 г. СССР и Германия вступают в открытую политическую борьбу за Балканы и Болгарию в частности. 3 декабря Гитлер вызвал к себе Драганова и принялся ему внушать, что по меньшей мере наивно верить заявлениям Советского Союза о невмешательстве во внутренние дела Болгарии. По его словам, лучше всего последствия советских гарантий видны в Прибалтике. Если бы Болгария сразу присоединилась к Тройственному пакту, подчеркнул фюрер, «русская опасность» не возникла бы. «Пока у русских остается надежда получить что-то в Болгарии, они не оставят болгар в покое», поэтому Россию «следует поставить перед свершившимся фактом»: «если Болгария вступит в Тройственный пакт, Россия автоматически уберет свои руки от Болгарии» [27].

На рубеже 1940–1941 гг. наряду с дипломатическим давлением на царя Бориса великих держав, первая роль в котором принадлежала Германии и СССР, но не бездействовали Англия и США, болгарский монарх испытывал сильный натиск и внутри страны со стороны левой (коммунисты) и правой (националистические прогерманские организации) оппозиции. Международные события и внутренняя ситуация поставили царя перед неизбежным выбором. Вот как описывает положение болгарских властей в этот период венгерский посланник в Софии М. А. Юнгерт в своем донесении министру иностранных дел Венгрии И. Чаки от 13 декабря 1940 г.: «Руководители болгарской внешней политики в последние месяцы попали в очень сложную ситуацию в связи со своей позицией постоянного лавирования. Одна за другой великие державы хотели нажать на них с тем, чтобы они заняли определенную позицию». Даже Англия 25 ноября предупредила Болгарию, что, если та вступит в Тройственный пакт, Англия не поддержит независимость и территориальную целостность Болгарии после войны. Болгария находится на перепутье. «Чрезмерная хитрость привела их (болгар. — *Е. В.*) к этой неприятной и трудной ситуации. Хотят быть со всеми в одинаково хороших отношениях, чтобы обеспечить себе помощь всех при реализации своих территориальных притязаний» [28]. Но время сделать выбор наступило.

В доверительном разговоре с Н. Мушановым, лидером буржуазной оппозиции, состоявшемся 19 декабря 1940 г., царь признал, что в принципе принял решение дать согласие на прохождение герман-

inslav

ских войск через территорию Болгарии, если Германия вновь поставит вопрос об этом. «Я не могу пренебречь германскими гарантиями перед большевистским натиском, – сказал Борис. – А времени терять нельзя. Если бы была хоть малейшая возможность другого выхода, я бы ее не упустил». Царь не мог принять и совета английского посланника Ренделла – дать хотя бы один артиллерийский залп по переправляющимся через Дунай германским войскам, чтобы продемонстрировать свое несогласие: «Легко ему говорить, когда есть Ла-Манш между бельгийским берегом и Англией! Иначе мой „коллега" и приятель Джордж V плавал бы по морям на каком-нибудь дредноуте как „летучий голландец"... Дилемма одна: Германия или Россия. Это две силы, которые будут решать судьбу Европы. Чувства Вам говорят – Россия, но если Вы послушаете голос разума, то ответите – Германия!» [29]. Это означало, что внутренне царь уже был готов к принятию решения, ставшего для страны роковым.

В первый день нового 1941 г. болгарский премьер Б. Филов отправился в Вену для продолжения переговоров с Гитлером и Риббентропом по вопросу о вступлении Болгарии в Тройственный пакт. Его тактической задачей, в соответствии с инструкциями царя, было вновь попытаться убедить руководителей Третьего рейха в том, что Германии невыгодно формальное присоединение Болгарии к пакту, а в случае, если эти уговоры не увенчаются успехом, оттянуть присоединение еще на некоторое время. Однако Риббентроп без особого труда опроверг все доводы болгарского премьера и подчеркнул, что не может себе объяснить, почему Болгария до сих пор не присоединилась к пакту, в то время как другие это сделали. В ответ Филов поспешил заверить германского министра, что позиции обеих стран очень близки и что нет никаких сомнений относительно присоединения Болгарии к союзникам Германии; различие во мнениях заключается лишь в вопросе о времени вступления в пакт. «С их точки зрения, мы должны войти как можно быстрее, с нашей – следует дождаться удобного для нас момента», – записал Филов в дневнике [30].

Болгарский премьер следовал указаниям царя, настаивавшего, чтобы подписание пакта состоялось одновременно с вступлением германских войск на болгарскую территорию – с тем, чтобы предотвратить негативную реакцию, как внешнюю, так и внутреннюю. Можно согласиться с мнением болгарского историка И. Димитрова, который писал: «...преждевременный союз с Германией, когда еще неясен исход войны, – это, по мнению царя Бориса, не отвечало интересам режима, династии. Избежать этого союза – это было ему не под силу. Вопрос стоял так: во-первых, как этот неизбежный, навязанный обстоятельствами, не отвечавший интересам Болгарии союз связать с ее интереса-

inslav

ми, оправдать этими интересами, и во-вторых — как его оправдать в глазах общественного мнения» [31]. С точки зрения царя Бориса, присоединение к Тройственному пакту можно было оправдать только одной исторической задачей: национальным объединением.

На состоявшейся в тот же день, 4 января 1941 г., встрече с Гитлером Филову были даны горячие заверения, что Болгарии не грозит никакая опасность и что ей следует как можно скорее присоединиться к пакту. В отличие от Риббентропа, Гитлер согласился, что со стороны России можно ожидать отрицательной реакции, но что она «проглотит свершившийся факт», как это было в случае с Румынией. «Не следует бояться русского вмешательства, — сказал Гитлер, — поскольку русские знают, что в таком случае конфликт расширится на всю протяженность германо-русской границы. Единственной опасностью является подстрекательская работа русских внутри страны. Однако чем быстрее болгарское правительство бросит жребий, тем меньше русские смогут прибегать к подобным методам» [32].

По возвращении в Софию Филову оставалось окончательно убедить царя в неизбежности подписания пакта. После артистически разыгранной сцены (царь ломал руки и говорил, что «предпочитает отказаться от престола или броситься в объятия России») Борис выслушал доводы Филова и «признал их правоту» [33].

Советская дипломатия со своей стороны предприняла последние попытки удержать Болгарию от подписания Тройственного пакта. 4 января 1941 г. советский посланник в Бухаресте Лаврентьев и второй секретарь посольства Лунин заявили болгарскому военному атташе, что в Москве рассматривают Болгарию лишь как невоюющую, но не как нейтральную страну, что СССР выступает против дальнейшего проникновения Германии на Балканы и против присоединения Болгарии к Тройственному пакту. В самом крайнем случае, по их словам, Москву удовлетворило бы недопущение германских войск на территорию Болгарии [34].

13 января 1941 г. было опубликовано заявление ТАСС, в котором говорилось: «В иностранной прессе распространяется сообщение со ссылкой на некоторые круги Болгарии как на источник информации, что в Болгарию уже переброшена некоторая часть немецких войск, что переброска последних в Болгарию продолжается с ведома и согласия СССР, что на запрос болгарского правительства о пропуске немецких войск в Болгарию СССР ответил согласием. ТАСС уполномочен заявить, что: 1) если немецкие войска в самом деле имеются в Болгарии и если их дальнейшая переброска в Болгарию действительно имеет место, то все это произошло и происходит без ведома и согласия СССР, так как германская сторона никогда не ставила перед СССР

inslav

вопроса о пребывании или переброске немецких войск в Болгарию; 2) в частности, болгарское правительство никогда не обращалось к СССР с запросом о пропуске немецких войск в Болгарию и, следовательно, не могло получить от СССР какой-либо ответ» [35]. Приведенное Заявление ТАСС стало явным свидетельством того, что Советский Союз окончательно утратил свои позиции в Болгарии и ничем не может помешать вторжению Германии в зону, которую Москва рассматривала как сферу собственных интересов. Тем не менее 17 января 1941 г. советское правительство обратилось к германскому руководству с заявлением о том, что Советский Союз считает территорию в восточной части Балкан зоной своей безопасности и не может оставаться безучастным к событиям в этом районе [36].

Естественно, с германской стороны эти предупреждения не вызвали никакой ответной реакции. Ничто уже не могло остановить заработавший механизм присоединения Болгарии к державам оси, подкрепленный к тому же соответствующими военными мерами, носившими характер неприкрытой демонстрации германской военной мощи. Решение о присоединении Болгарии к сателлитам Третьего рейха было принято в тот момент, когда в соседнюю Румынию вступили гитлеровские войска, готовившиеся к балканской операции.

20 января 1941 г. после 8-часового обсуждения решение о вступлении в Тройственный пакт было одобрено Советом министров Болгарии. Последовала массированная пропагандистская и дипломатическая подготовка присоединения страны к пакту. Особое внимание болгарское руководство уделяло тому, как оправдать свой шаг перед заинтересованными державами, в первую очередь перед СССР. Болгарские и германские дипломаты тщательно отрабатывали и уточняли текст извещения советского правительства об этом акте [37].

Однако даже когда Болгария была уже крепко привязана к балканской операции вермахта, царю Борису удалось оттянуть вступление в пакт до конца февраля. Лишь после подписания 17 февраля болгаро-турецкой декларации о ненападении, после получения из Берлина подробных инструкций о том, как и когда следует уведомить Москву, Стамбул и Белград о предстоящем присоединении, после урегулирования с Германией всех военных и хозяйственных вопросов 1 марта 1941 г. Болгария подписала Тройственный пакт. В тот же день авангардные части армии фельдмаршала В. Листа переправились через Дунай, а на следующий день вся его 680-тысячная армия вступила на территорию Болгарии.

В этот же день, 1 марта, посол Германии в Москве Шуленбург информировал Молотова, что «английские притязания в Греции вынуждают правительство рейха незамедлительно принять дальнейшие

inslav

меры безопасности и делают необходимой переброску германских войск на болгарскую территорию»[38]. Советскому правительству ничего не оставалось, как заявить резкий протест[39].

Так дипломатическая и политическая борьба Советского Союза и Германии за Болгарию завершилась в пользу Третьего рейха. СССР оказался не в состоянии противопоставить германскому проникновению на Балканы ни военную силу, ни какие-либо иные средства, которые бы заставили считаться с его устремлениями.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 См.: *В. К. Волков.* Советско-германские отношения во второй половине 1940 г. // Вопросы истории. 1997. № 2.

2 См., напр.: *Н. Генчев.* Външнополитическата ориентация на България в навечерието на Втората световна война // Годишник на Софийския университет. Философско-исторически факултет. София, 1968. Т. 61. Кн. 3; *Д. Сирков.* Външната политика на България. 1938–1941. София, 1979; *Е. Л. Валева.* Болгария в советско-германских противоречиях на Балканах // Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг. М., 1999.

3 България — своенравният съюзник на Третия райх. Документална колекция / Ред. В. Тошкова и др. София, 1992. С. 11; Akten zur deutschen auswärtigen Politik (ADAP). Ser. D. Bd. XI/I. S. 310–311.

4 См.: *Н. Генчев.* Указ. соч. С. 374.

5 Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes. Bestand: Büro des Staatssekretärs. Akten betr. Bulgarien. Bd. 1. Донесение Вайцзеккера в МИД Германии от 25.10.1940 г.

6 Директивы И. В. Сталина В. М. Молотову перед поездкой в Берлин в ноябре 1940 г. // Новая и новейшая история. 1995. № 4. С. 78. См. также: *В. К. Волков.* Указ. соч. С. 9.

7 Цит. по: *Л. Безыменский, С. Горлов.* Накануне (Переговоры В. М. Молотова в Берлине в ноябре 1940 г.) // Международная жизнь. 1991. № 8. С. 105.

8 Там же.

9 Там же.

10 ADAP. Serie D. Bd. XI/I. S. 470–471; *Л. Безыменский, С. Горлов.* Указ. соч. С. 111–112.

11 Документы внешней политики СССР. 1940 — 22 июня 1941. Т. XXIII: В 2-х кн. Кн. 2 (часть 1). 1 ноября 1940 — 1 марта 1941. М., 1998. Док. 548. С. 136–137.

12 Научен архив на Българската академия на науките (НА БАН). Сб. IV. Спомени на Ст. Мошанов. Т. IX. Съпротива и капитуляция. Л. 18–19; *Б. Филов.* Дневник. София, 1990. С. 211.

13 НА БАН. Сб. IV. Т. IX. Л. 19.

14 Документы внешней политики СССР. Т. XXIII. Кн. 2 (часть 1). Док. 532. С. 110. ADAP. Serie D. Bd. XI/2. S. 542.

inslav

15 Архив на Министерство на външните работи. Оп. 1ш. А. е. 272. Д. 34. Л. 238–239.

16 *Б. Филов.* Дневник. С. 211.

17 ADAP. Serie D. Bd. XI/2. S. 578; Документы внешней политики СССР. Т. XXIII. Кн. 2 (часть 1). Док. 549. С. 138.

18 ADAP. Serie D. Bd. XI/2. S. 546–547.

19 НА БАН. Сб. IV. Т. IX. Л. 20.

20 Архив на Министерство на вътрешните работи. II Народен съд. А. е. 14. Л. 42; ADAP. Serie D. Bd. XI/2. S. 646.

21 АМВнР. Оп. 1ш. А. е. 272. Д. 34. Л. 247.

22 Документы внешней политики СССР. Т. XXIII. Кн. 2 (часть 1). Док. 564. С. 159.

23 ADAP. Serie D. Bd. XI/2. S. 673.

24 Ibid. S. 757–758; Документы внешней политики СССР. Т. XXIII. Кн. 2 (часть 1). Док. 597. С. 211.

25 Централен държавен архив (ЦДА). Ф. 176 (Министерство на външните работи). Оп. 1п. А. е. 8. Л. 41.

26 *H. J. Hoppe.* Bulgarien — Hitlers eigenwilliger Verbündeter. Stuttgart, 1979. S. 105; см. также: ADAP. Serie D. Bd. XI/2. S. 608.

27 ADAP. Serie D. Bd. XI/2. S. 640–645.

28 Magyar Országos Léveltár (MOL) — Budapest. K. 63. 1940–5t. Bulgaria. 4–5. old.

29 НА БАН. Сб. IV. Д. III. Л. 21–22.

30 *Б. Филов.* Дневник. С. 215.

31 *И. Димитров.* Професор Богдан Филов и неговият дневник // *Б. Филов.* Дневник. С. 101.

32 ADAP. Serie D. Bd. XI/2. S. 851.

33 *Б. Филов.* Дневник. С. 222–223; ЦДА. Ф. 95. Оп. 1. А. е. 2. Л. 130. (дневник царского советника Л. Лулчева).

34 ЦДА. Ф. 176. Оп. 15. А. е. 2. Л. 95–98.

35 Правда, 14 января 1941.

36 См.: История международных отношений и внешней политики СССР. Т. 2. 1939–1945. М., 1962. С. 142.

37 ADAP. Serie D. Bd. XII/1. S. 148.

38 Ibid. S. 176–178; см. также: *В. Тошкова.* България и Третият райх. София, 1975. С. 42.

39 ADAP. Serie D. Bd. XII/1. S. 176–178.

inslav

Эугениуш Дурачиньски
(Варшава)

ГЕРМАНИЯ ГИТЛЕРА И РОССИЯ СТАЛИНА В ПОЛЬСКОЙ ПОЛИТИКЕ (НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ)

С точки зрения польского историка, некоторые наиболее значительные события международной жизни XX в., в которых Германия и Россия (СССР) сыграли особо важную для Польши роль, заслуживают постоянного к ним обращения. Во-первых, это – исход Первой мировой войны, когда вследствие падения царизма, проигранной Россией войны и поражения Германии создалась исключительно выгодная для восстановления польского государства международная конъюнктура, чрезвычайно эффективно поляками использованная. Во-вторых, в 1939 г. международная ситуация сложилась для Польши катастрофическим образом, а решающая роль в этом принадлежала гитлеровской Германии и сталинской России (СССР). Подписанные ими договоры и осуществленная по взаимной договоренности агрессия привели к оккупации польского государства, называемой также четвертым разделом Польши. В-третьих, период с лета 1944 г. и до мая 1945 г., когда крупные победы Красной Армии над вооруженными силами Третьего рейха и его падение в совокупности с уступчивостью на Тегеранской и Ялтинской конференциях лидеров западных держав – Ф. Рузвельта и У. Черчилля – по отношению к требованиям Москвы позволили Сталину установить в Польше полностью зависимую от него власть и по-новому определить границы государственной территории Польши. Представляется, что без учета этих вышеназванных принципиальных обстоятельств трудно более четко определить роль двух могущественных соседей Польши в ее истории за относительно короткий период 1918–1945 гг.

I

В эпоху между двумя мировыми войнами руководители польского государства, расположенного между Германией и советской Россией, независимо от их собственной партийной принадлежности, политических или идеологических симпатий, постоянно были вынуждены

inslav

самым внимательным и тщательным образом анализировать и оценивать шаги Берлина и Москвы. Этого требовала забота о безопасности Польши, о ее свободе, о сохранении ее суверенитета и неприкосновенности границ [1]. Не вызывает сомнения и то, что от польско-германских и польско-советских отношений в немалой степени зависела судьба той международно-политической системы, которая сформировалась в Центральной Европе как результат Версальского договора и польско-советского мирного договора, заключенного в Риге в 1921 г. Отношения между Варшавой, Берлином и Москвой составляли существенный компонент международных отношений на всем европейском континенте, конечно не столь важный, как взаимоотношения СССР и Германии или взаимоотношения Москвы, с Парижем и Лондоном, но все-таки значительно выходящий за пределы центрально-европейского региона.

Перед лицом тяжелого наследия прошлого, связанного с антипольской политикой Пруссии, а позднее кайзеровской Германии, с одной стороны, и царской России — с другой, а также исходя из опыта польско-советской войны 1919–1920 гг., польское правительство стремилось обезопасить международное положение страны и вместе с тем установить корректные отношения с обоими соседями. Достижению этих целей должны были способствовать два очень важных политико-дипломатических шага. 25 июля 1932 г. в Москве был подписан польско-советский договор о ненападении. В свою очередь, 26 января 1934 г. в Берлине была подписана польско-германская декларация о неприменении насилия во взаимоотношениях.

Польско-советский договор 1932 г., польско-германская декларация 1934 г., а также подписанные Польшей в 1921 г. союзный договор с Францией и договор с Румынией должны были, по замыслу Варшавы, составлять существенные элементы ее безопасности и суверенности с точки зрения международного права. Здесь следует отметить, что договоры с СССР и Германией были действительны приблизительно до 1944–1945 гг. и могли вселять в поляков уверенность, что, по крайней мере, до этого времени отношения с обоими главными соседями не переродятся из мирных в вооруженную конфронтацию. К этому следует добавить еще одно очень важное обстоятельство. Руководители польского государства полагали, что договоры, заключенные с Москвой и Берлином, будут действенным орудием проводимой Варшавой политики «равновесия», политики «равного удаления» от СССР и Германии. Кроме того, в польском министерстве иностранных дел укрепилась уверенность, что с приходом Гитлера к власти и одновременно с усилением после этого пропагандистско-идеологической войны между Москвой и Берлином дальнейшее советско-германское

inslav

сотрудничество, начало которому было положено в Рапалло в 1922 г. и подтвержденное берлинским договором 1926 г., будет невозможным. А именно это сотрудничество вызывало у поляков не меньшее, а может быть, большее беспокойство, чем провозглашаемые в Москве лозунги мировой революции и гитлеровская программа «жизненного пространства» (Lebensraum).

По мнению польских руководителей, политика «равного удаления» должна была укрепить чувство безопасности Польши, постоянства ее суверенности и территориальной целостности. В Варшаве тогда считалось, что в этом случае Польша была бы более ценным партнером для Франции и Великобритании, что, в свою очередь, укрепляло бы ее позиции в отношениях с Германией и Советским Союзом. При условии, что Берлин и Москва не возродят рапалльскую политику, создавалась бы довольно стабильная структура международных отношений в Центральной Европе, что способствовало бы укреплению суверенитета и безопасности Польши.

Все эти расчеты, оценки и прогнозы прошли суровую проверку во время событий 1939 г. Летние месяцы кануна Второй мировой войны показали, что правы были те поляки, кто опасался как реванша Германии за понесенные ею в результате Версальского договора территориальные потери на востоке, так и советского возмездия за поражение в войне с Польшей в 1920 г. Тогда же стала очевидной иллюзорность надежд на невозможность тесного политического и военного взаимодействия гитлеровской Германии и сталинского СССР, взаимодействия, называемого некоторыми исследователями даже союзом.

Варшавская политика мирного сосуществования и «равного удаления» от Берлина и Москвы оказалась настолько слабой конструкцией, что в конфронтации с имперскими устремлениями Гитлера и Сталина она не могла устоять. Гарантии Польше, предусмотренные договорами Варшавы с Парижем и Лондоном (25.VIII.1939), также не остановили обоих агрессоров. Хотя обе западные державы и объявили войну Третьему рейху, они, однако, не поспешили в сентябре оказать обещанную действенную военную помощь атакованной Германией Польше и не сделали ничего, чтобы помешать Сталину захватить половину территории польского государства.

II

Несмотря на то, что в 1939 г. война была Польшей проиграна, а страна оккупирована и разделена между двумя агрессорами, польское государство в международно-правовом отношении не прекратило существования. Его конституционные власти, созданные в эмиграции,

inslav

пользовались полным признанием Франции (до ее падения в 1940 г.), Великобритании, Соединенных Штатов и многих других правительств в Европе и за ее пределами.

Польские конституционные власти во главе с президентом Владиславом Рачкевичем и правительство во главе с премьер-министром генералом Владиславом Сикорским были учреждены в Париже 30 сентября 1939 г. Свою программу и задачи они определяли так: 1) Бороться на стороне противников Третьего рейха и обеспечить Польше участие в окончательной победе; 2) Вернуть суверенность и свободу Польской Республике; 3) Восстановить польское государство в довоенных границах на востоке и юге, установить более выгодную границу с Германией, серьезно ослабив последнюю; 4) Перестроить отношения в Центрально-Восточной Европе, так чтобы государства этого региона во главе с Польшей могли успешно противостоять Германии и России, а также блокировать в будущем возможные попытки союза между этими державами; 5) Обеспечить послевоенной Польше безопасное и достойное место в Европе; 6) Не допустить возможного господства СССР в Центрально-Восточной Европе.

Поставленных целей польские власти в эмиграции и подчиненные им подпольные организации в оккупированной Польше стремились достичь в самом тесном союзе с Западом и при полном привлечении собственных сил (польские вооруженные силы, воюющие за пределами Польши и подпольная Армия Крайова) [2]. Однако со стороны Запада приоритетной задачей была победа в войне с Германией, что было бы невозможно без взаимодействия с СССР.

Провозглашенные целями польской политики восстановление довоенной границы на востоке, строительство суверенной и свободной Польши, надежды Польши на главенство после войны в Центрально-Восточной Европе сталкивались с намерениями СССР, а после 22 июня 1941 г. эти планы польского эмигрантского правительства стали препятствием для взаимодействия Великобритании, а с декабря 1941 г. и США с Советским Союзом. Запад, таким образом, стоял перед необходимостью устранить то, что затрудняло его сотрудничество с СССР, а это не могло произойти без ущемления интересов Польши. С течением времени Черчилль и Рузвельт все меньше считались с ними, а в 1943 г. принесли их в жертву взаимодействию со Сталиным. Однако прежде чем это произошло, СССР после 22 июня 1941 г. вошел в ряды антигерманской коалиции, что являлось одновременно залогом будущей, хотя еще далеко не определенной по времени победы над Третьим рейхом, без которой была невозможна реализация каких-либо программ строительства новых международных отношений в Европе, а особенно в ее центральной части [3].

inslav

Конституционное правительство Польской Республики и его вооруженные силы участвовали в борьбе с Третьим рейхом, как единственные представители суверенных прав и интересов Польши. Ее лидеры не допускали и мысли о соглашении с государствами, разделившими страну, или об отказе от борьбы за освобождение родины от иностранной оккупации.

Глава польского правительства в эмиграции генерал Владислав Сикорский заявлял, что войну, развязанную Гитлером, Польша вместе с союзниками будет вести до победного конца и заключения справедливого мира. На такой позиции с 1 сентября 1939 г. и до момента капитуляции Третьего рейха стояли польские политики всех политических направлений. Она оставалась единственной и неизменной, последовательно проводимой, от нее не было никаких отклонений. В течение всей войны гитлеровская Германия рассматривалась поляками как враг № 1 или как единственный враг, хотя польские намерения и планы в отношении послевоенной Германии формировались постепенно, в зависимости от многих обстоятельств, к чему мы еще вернемся. Иначе дело обстояло с отношением к СССР.

Место СССР в политике правительства Польской Республики в годы Второй мировой войны можно рассматривать с разных точек зрения и на разных этапах. Среди таких периодов следует выделить, во-первых, 1939–1941 гг., когда польское правительство видело в Советском Союзе врага № 2; во-вторых, время с лета 1941 до лета 1942 г., когда казалось, что между Польшей и СССР сформируется что-то вроде военно-политического союза или, по крайней мере, тесное сотрудничество в войне против Германии и, конечно, в рамках антигитлеровской коалиции; в-третьих, время с лета 1942 г., когда польско-советские отношения вступили в фазу кризиса, окончившегося в апреле 1943 г. тем, что Москва разорвала дипломатические отношения с польским эмигрантским правительством; в-четвертых, последовавший за этим период до лета 1944 г., когда СССР, оставаясь союзником англосаксов (все более отчетливо считавшихся с его политическими притязаниями), радикально изменил свое отношение к польскому правительству в Лондоне и приступил к очевидной уже реализации своей программы решения польского вопроса. По мнению многих поляков, СССР, стремившийся к подчинению Польши своим имперским интересам, был в это время уже только «союзником наших союзников». Этот период включал в себя, по крайней мере, два этапа — до начала января 1944 г. и до лета 1944 г. В июле–августе открывается совершенно новая глава в советско-польских отношениях, начало которой положили два события — создание в Москве полностью зависимого от СССР Польского Комитета Национального Освобождения

inslav

и вооруженное восстание в Варшаве, направленное в военном отношении против Германии, а в политическом плане — против сталинской политики подчинения Польши.

Следующий период взаимоотношений СССР и Польши, берущий начало летом 1944 г. и продолжавшийся почти год, характеризовался полной зависимостью Польши от СССР. Эта зависимость лишь отчасти была следствием развернувшихся на территории страны военных действий. Варшавское восстание — героическая и трагическая попытка повернуть вспять ход событий — привело к уничтожению города, сотни тысяч жителей которого были обречены на смерть и скитания.

Политическая и вооруженная борьба подполья за независимость, морально поддерживаемая значительной, хотя и трудно поддающейся количественной оценке, частью общества, также ничего не изменила. Потери были велики, террор аппарата НКВД и польской службы безопасности все усиливался, а самым показательным событием стал московский процесс в июне 1945 г. над арестованными ранее 16 лидерами польского подпольного государства. Многие политически мыслящие поляки задумывались над выбором путей выхода из драматической ситуации, с тем чтобы в стране, освобожденной от немецкой оккупации, но целиком зависимой от СССР, создавать или лишь помогать создавать условия более сносного существования, а может быть, даже некоторой нормализации [4].

III

Вернемся, однако, к упомянутому нами второму периоду, то есть ко времени с лета 1941 г. до лета 1942 г., когда казалось, что между Польшей и СССР сформируется что-то вроде военно-политического союза. В связи с чем зададимся вопросом, был ли такой союз в принципе возможен, принимая во внимание сталинскую политику предшествовавшего периода по отношению к Польше и гражданам польского государства, начиная с 23 августа 1939 г. (с момента заключения договора Риббентропа-Молотова) и до 22 июня 1941 г. [5]. Полагаю, что это один из ключевых вопросов истории Центральной и Восточной Европы того времени.

С одной стороны, с лета 1941 г. Польшу и СССР связывала общность интересов и задач, с другой — их разделяли серьезные противоречия. У них был общий враг — Третий рейх — и непоколебимая воля правительств обоих государств довести борьбу с ним до победного конца. Общими были и союзники, Великобритания и Соединенные Штаты. Наконец, обе стороны стремились, хотя и каждая по-своему, к построению основ послевоенных взаимоотношений.

inslav

Таким образом, представлялось, что многие факторы благоприятствуют созданию польско-советского военно-политического союза, во всяком случае, до февраля–марта 1942 г. Однако уже летом этого года оказалось, что союз невозможен. Противоречия в целях и интересах перевесили факторы, благоприятствовавшие польско-советскому сближению, взаимодействию, а может быть даже союзу. Во-первых, обе стороны разделяло представление о характере будущих отношений. Сталин хотел, чтобы Польша была связана с Москвой, чтобы в перспективе, если позволят обстоятельства, подчинить ее. Польское правительство вело борьбу за независимую и свободную Польшу, связанную с Западом, находящуюся в хороших отношениях с СССР, основанных на полном соблюдении суверенитета обоих государств.

Во-вторых, существовала проблема польско-советской межгосударственной границы [6]. По мнению польских конституционных властей, она была установлена рижским договором 1921 г. и была многократно подтверждена в договорах и соглашениях, подписанных обеими сторонами в последующие годы. Такое положение вещей существовало до 17 сентября 1939 г., когда Советский Союз совершил агрессию против Польши, а 28 сентября в договоре со вторым агрессором, то есть с руководителями Третьего рейха, СССР установил «на территории бывшего польского государства» границу «своих национальных интересов», рассматривая ее «как окончательную». Эта граница вошла в историю как линия Риббентропа-Молотова. Именно эту линию Кремль рассматривал летом 1941 г. как основу для обсуждения будущей границы с Польшей, позднее же выражал готовность принять за такую основу так называемую линию Керзона. Последний вопрос, однако, требует дополнительного комментария, тем более, что в конце 1941 г. в польско-советских и советско-британских отношениях также появилась идея новой границы Польши и Германии. Так, в начале декабря, во время визита В. Сикорского в СССР, в Кремле состоялась его беседа со Сталиным [7]. Польский премьер-министр, отчитываясь 12 января 1942 г. о своей поездке, сообщил своему правительству, что Сталин предлагал ему заключить соглашение по вопросу границы без посредничества англосаксов.

Разъясняя этот фрагмент доклада премьера, руководитель польского МИДа, посол Эдвард Рачинский, прямо заявил, что со стороны Сталина это «предложение, сделанное генералу Сикорскому, означало поддержку Советами наших претензий на Восточную Пруссию взамен на уступки на востоке» [8]. Рачинский не употребил термина «компенсация». Однако суть замысла Сталина о перемещении территории Польши на запад посол уловил безошибочно. Этот же замысел Сталин изложил (через две недели после Сикорского) прибывшему в Москву

inslav

А. Идену [9]. Англичанин записал, что «Сталин предлагал экспансию Польши на запад за счет Германии», а границу с Польшей он видит по линии Керзона. Упомянутая «экспансия», по словам Сталина, должна была основываться на «передаче Польше территорий вплоть до Одры» [10].

Вот при таких обстоятельствах в декабре 1941 г. в ходе переговоров Сталина с Сикорским, а позднее с Иденом, была сформулирована идея перемещения Польши на запад, со следующим обозначением границ: на востоке — линия Керзона, на западе — линия Одры. В конце января 1942 г. Сикорский беседовал с британским послом в Москве Стаффордом Криппсом. Посол говорил, что Советский Союз «хотел бы расширить границы Польши за счет Германии», а на востоке установить их по линии Керзона. «Одним словом, передвинуть Польшу с востока на запад, — перебил его генерал Сикорский, — но это не может произойти без ее согласия» [11].

Третий пункт разногласий Польши и СССР касался проблематики межгосударственных отношений в послевоенной Центральной и Восточной Европе. Уже с конца 1939 г. польское правительство находилось в поиске новой формы этих отношений и видело ее в концепции нескольких федеративных союзов, начало которым могла бы положить польско-чехословацкая конфедерация [12]. Эту идею с самого начала поддерживали британские политики, ее сторонником был также чехословацкий президент Эдуард Бенеш, но самым горячим ее приверженцем был Владислав Сикорский.

В ноябре 1940 г. и в январе 1942 г. были подписаны две польско-чехословацкие декларации, и казалось, что дорога к созданию после войны конфедерации обоих государств открыта. По замыслу Сикорского, этот союз должен был защитить Центральную Европу от посягательств Германии и Советского Союза. По мнению Бенеша, конфедерация должна была быть преградой от нового германского Drang nach Osten и ни в коем случае не могла быть направлена против Советского Союза. Впрочем, он считал, что без согласия Великобритании и особенно советской России создать конфедерацию не удастся. Бенеш ожидал, что СССР станет после войны одной из главных сил, регулирующих вопросы всего мира, и естественным лидером в Центральной и Юго-Восточной Европе. Польский премьер-министр, напротив, не позволял себе подобных мыслей и уговаривал Бенеша приступить к созданию конфедерации без оглядки на Москву, так как не она, а Великобритания будет решающим фактором в Европе. Роль лидера в Центральной Европе Сикорский оставлял за Польшей.

Сталин следил за всеми усилиями в этом направлении и переговорами с чрезвычайной подозрительностью, а в июле 1942 г. высказал

inslav

свое решающее вето [13]. С этого времени концепция конфедерации или федеративных союзов в этой части европейского континента вступила в стадию агонии, а весной 1943 г. была похоронена окончательно.

IV

Все это происходило в то самое время, когда уже созревали польские концепции послевоенной границы с Германией и в целом судьбы последней [14]. Вопросы будущего Германии и польско-германской границы были предметом самого внимательного изучения польских лидеров в эмиграции, начиная со времени пребывания эмигрантского правительства во Франции, в 1939–1940 гг. Учебные и специализированные работы вела группа под руководством Мариана Сейды, а затем возглавляемое им министерство, занимающееся разработкой военных целей Польши. В частности, там ставился вопрос о системе оккупации послевоенной Германии, формулировались положения польской программы присоединения новых территорий.

В результате этих широкомасштабных работ осенью 1942 г. возникло много важных документов, часть из которых была затем предметом обсуждения на заседаниях Политического комитета Совета министров, самого Совета министров, а также Национального совета (осуществлявшего, в частности, функции парламента в эмиграции). 7 октября 1942 г. правительство постановило, что военной целью Польши «является присоединение Гданьска, Восточной Пруссии и Опольской Силезии к польскому государству, а также в целом перемещение на запад границы с Германией и обеспечение свободы Балтийского моря». Предвидя в этих вопросах труднопреодолимое сопротивление Великобритании, правительство не уточняло, как именно должна проходить западная граница, так как это могло бы сказать о польских намерениях «или слишком много, или слишком мало: и первое, и второе было бы ошибкой». В свою очередь, выдвигаемые некоторыми представителями польской политической мысли требования установления границы по Нисе Лужицкой или по Боберу назывались фантастическими, в высшей степени вредными. Говорилось, что англосаксонское общественное мнение посчитало бы их доказательством особой «алчности» поляков. «Более того, — говорится в этом документе, — выдвижение Польшей слишком больших претензий на западе могло бы поспособствовать в настоящей ситуации возникновению идеи лишения ее части территорий на востоке взамен на приобретения на западе» [15].

В начале ноября 1942 г. в польском министерстве, занимающемся разработкой военных целей, был подготовлен документ, носящий название «Тезисы по вопросу о предварительной системе», касающийся

inslav

отношений с Германией по окончании военных действий [16]. Тезисы получили одобрение премьер-министра. В частности, в них оговаривались проблемы будущей оккупации и разоружения Германии, вопросы послевоенной международной безопасности, ответственности за военные преступления, переселения немцев, возмещения ущерба. В документе предусматривалось введение на территории Германии двух типов оккупации: общей и более строгой. Первая должна была охватить земли, которые союзники решили бы оставить в границах Германии. Под более строгой оккупацией должны были оказаться «те земли, которые должны быть отторгнуты от Германии <...>, а также территории, которые могут быть оставлены в границах Германии на специальных условиях». В «Тезисах» была также обозначена граница более строгой оккупации на востоке: левый берег Нисы Лужицкой, левый берег Одры и предмостья на левых берегах этих рек, Щецин, Щецинский залив и острова этого залива, остров Рюген. Государством-оккупантом должна была стать и Польша, а на территории Германии, соседствующей с Чехословакией, также Чехословацкая Республика.

1 и 2 декабря 1942 г. на заседании Национального совета обсуждался доклад Сейды о польских военных целях [17]. Представляя программу возвращения территорий на западе, министр говорил, что на англосаксонской почве, особенно в Соединенных Штатах, «вопрос о наших военных целях стоит еще очень плохо». Он объяснял, что в тогдашних условиях в переговорах с англосаксами следовало, прежде всего, «дотянуть» до вопроса присоединения к Польше Восточной Пруссии, а также «вытянуть» вопрос Опольской Силезии, и в связи с этим определил претензию на Нису Лужицкую как «беспредельное инкорпорационное требование». Он призывал к трезвой оценке собственных возможностей: «Реализовать польские военные цели будет во много раз труднее, чем некоторым представляется». В принятом постановлении Национальный совет поддержал позицию правительства, сформулированную 7 октября.

Сикорский, его кабинет и Национальный совет отдавали себе отчет в том, что прохождение польской границы по Одре и Нисе Лужицкой с Вроцлавом и Щецином на польской стороне имело ключевое значение для обеспечения безопасности государства и мира в Европе. В меморандуме, направленном 1 декабря 1942 г. британскому правительству, отмечалось, что линия национальной безопасности Польши в отношении Германии проходит по Одре, она может быть сравнима с Рейном, являющимся линией национальной безопасности Бельгии и Франции [18]. Из этих предпосылок родилась концепция более строгой оккупации. Зоны такого оккупационного режима следовало установить по левому берегу Нисы Лужицкой и Одры. Однако тогдашнее

inslav

нежелание англосаксов допустить столь значительного увеличения территории Польши за счет Германии и опасение, что слишком радикальная программа возвращения территорий на западе ослабит принцип неприкосновенности границы, установленной рижским договором на востоке, дали в сумме относительно скромную программу польских военных целей, изложенных в постановлении правительства от 7 октября. Хотя Сейда и сам Сикорский ожидали, по-видимому, что реализация концепции более строгой оккупации в ее максимальном территориальном масштабе на востоке Германии могла бы облегчить и приблизить осуществление польских планов установления польско-германской границы по линии Одры, это были только гипотезы. Концепция польской оккупационной зоны не была, таким образом, программой возвращения территорий, хотя, по замыслу ее сторонников, могла, в случае реализации, привести к этому желанному результату.

С такими и многими другими мыслями премьер-министр Сикорский отправлялся в свою третью и последнюю поездку в Америку (визит продолжался с 1 декабря 1942 г. по 10 января 1943 г.). Там он вел переговоры с президентом Рузвельтом, его советниками и сотрудниками, а также представил в Вашингтоне много докладных записок [19]. Одна из них касалась Германии и польско-германской границы. Она основывалась на уже известной нам разработке министерства, в которой были сформулированы цели войны, и содержала изложение концепции общей и более строгой оккупации. Некоторые исследователи полагают [20], что именно тогда, в декабре 1942 г., премьер-министр Сикорский впервые сформулировал и представил англосаксам, что линия Одры с Щецином и остров Рюген понимается как западная граница Польши, в состав которой также включаются Восточная Пруссия и Гданьск. В действительности, в разговоре с Рузвельтом 2 декабря на вопрос о будущих западных границах Польши Сикорский ответил: «Они должны быть выпрямлены, при этом Восточная Пруссия и Гданьск должны принадлежать Польше». Но и такая программа возвращения территорий сталкивалась с трудностями. Сикорский телеграфировал вице-премьеру Станиславу Миколайчику, что «вопрос о наших границах (западных. — *Э. Д.*) еще не созрел в местном общественном мнении» [21]. Ту же направленность имели поступавшие от посла в Вашингтоне сообщения в польский МИД. Премьер-министр также составил докладную записку, датируемую 23 декабря, касающуюся восточной границы [22]. В соответствии с тогдашней программной линией правительства, в записке повторялся принцип неприкосновенности довоенной польско-советской границы, с добавлением (наряду с аргументами экономического, исторического и стратегического характера) идеологического мотива: «Должна существовать

inslav

линия, отделяющая коммунистическую концепцию мира, которую представляет Советский Союз, от идеалов западной демократии, опирающихся на права индивидуума. Эта демаркационная линия должна пролегать вдоль линии, установленной по договору в Риге». 4 января 1943 г. Сикорский беседовал с заместителем госсекретаря Самнером Веллесом и объяснял, что, если англосаксы не встанут решительно на защиту неприкосновенности восточной границы Польши, у Сталина уже не будет сомнений в том, что они не сделают ничего, чтобы воспрепятствовать реализации плана Советского Союза добиться доминирующего положения в Восточной и Южной Европе.

Аргументы польского премьер-министра не произвели впечатления на американцев. Они знали и прямо сказали об этом Сикорскому, что территориальные вопросы должны быть согласованы не только с Великобританией, но и с Советским Союзом. Уверенность польского правительства, что в спорах о границах Польская республика сможет рассчитывать на Запад, не оглядываясь на Восток, становилась все менее обоснованной надеждой, а в конечном итоге — еще одной иллюзией.

Однако в этом убедился позже лишь преемник Сикорского — Станислав Миколайчик, занявший пост премьер-министра польского правительства после трагической гибели 4 июля 1943 г. своего предшественника [23]. Бразды правления польской политикой он принял, когда между Польшей и СССР уже не было дипломатических отношений, разорванных Москвой 25 апреля 1943 г., а позиции польского правительства среди западных партнеров по антигитлеровской коалиции, прежде всего Англии и США, явно начали ослабевать. Зато усиливались коалиционные связи трех великих держав, а Черчилль и Рузвельт все больше начали поддаваться влиянию Сталина и идти навстречу требованиям СССР, что было непосредственным следствием победного шествия Красной Армии на запад. Следует и даже необходимо при этом отметить, что разрыв польско-советских дипломатических отношений в связи с обнародованием Берлином 13 апреля 1943 г. катыньского преступления [24] и обращением польского правительства к руководству Международного «Красного Креста» в Женеве с просьбой расследовать это дело, никак не изменил прежнее отношение конституционных властей Польской Республики к Третьему рейху. Он по-прежнему рассматривался как заклятый враг Польши и поляков.

V

По мере приближения Красной Армии к границам Польши на первый план в политике правительства Станислава Миколайчика выдвигались вопросы восточной границы и польско-советских отношений.

inslav

Правительство, однако, не игнорировало также весь комплекс германских проблем и программу присоединения западных территорий, основываясь на результатах работы министерства, разрабатывающего военные цели, и решениях Совета министров, принятых в конце 1942 г.

7 декабря 1943 г. правительство приняло «Тезисы по вопросу инкорпорации и оккупации восточных земель Германии» [25]. Этот документ начинался повторением позиции правительства конца 1942 г. о необходимости приложения последовательных усилий с целью «получить согласие англосаксонских держав на безусловное присоединение Восточной Пруссии, Гданьска и Опольской Силезии к польскому государству» и на «перемещение пограничной с Германией линии на запад с тем, чтобы граница была сокращена, по возможности выпрямлена, учитывала безопасность польского государства, особенно его морских портов и промышленного района». Однако если западные державы не дадут на это согласия, Польша должна добиваться получения на этих территориях права полной оккупации, «фактически равнозначной инкорпорации как с военной точки зрения (с британско-американской помощью), так и с гражданско-административной», или хотя бы — «оккупации более строгой», согласно формуле, выработанной в конце 1942 г. В другом документе (от 28 декабря) [26] правительство утверждало, что целью польской оккупации «восточных земель германского рейха» будет «как можно более быстрое присоединение оккупированных земель в пределы Польской Республики».

Эти военные цели Польши правительство сформулировало почти в то самое время, когда Сталин, Черчилль и Рузвельт встретились в Тегеране, чтобы согласовать ключевые военные и политические вопросы продолжающейся войны с Третьим рейхом. Среди затронутых проблем не был обойден и польский вопрос. Основное обсуждение этой темы главами трех держав состоялось 1 декабря 1943 г. В конце дискуссии по польскому вопросу Черчилль изложил свою схему, согласно которой линия Керзона и линия Одры выступали как рамки послевоенной территории Польши и устанавливался принцип депортации и репатриации населения областей, подвергшихся территориальному переделу. Таким образом, три великие державы достигли предварительной договоренности без уведомления и согласия единственного законного выразителя суверенных прав Польской Республики, каким являлось ее правительство в Лондоне [27].

Решения тегеранской конференции, готовившиеся еще до ее начала, перечеркивали принцип неприкосновенности польской восточной границы, то есть один из основополагающих пунктов программы правительства Польской Республики. Вместе с тем итоги Тегерана косвенно поставили вопрос о международном статусе лондонского

inslav

правительства, открывая споры о его составе и ориентации в международной политике, самостоятельности или зависимости принимаемых им решений.

Польская программа присоединения западных территорий в свете договоренностей глав трех великих держав в Тегеране выглядела скромно и в любом случае не распространялась на земли вплоть до Одры. Такая осторожность польского правительства прежде всего была следствием опасения, как бы радикальная программа возвращения западных земель не ослабила основной принцип — неприкосновенности восточной (рижской) границы. Решительное большинство польских политиков по-прежнему считало, что пересмотр границы в пользу СССР и ее прохождение по линии Керзона будет равносильно уничтожению суверенности государства. Ошибочным оказалось мнение, что вопрос о территории Польши будет решен западными державами без учета позиции СССР или же они смогут навязать свой подход Советскому Союзу.

В действительности вопрос о западных границах СССР, то есть и о советско-польской границе, разрешался силой Красной Армии в соответствии с прогнозом Сталина, сделанным в мае 1942 г. [28]. В Тегеране Сталин мог повторить свои предложения декабря 1941 г., чтобы западные границы Польши проходили по Одре, с чем согласились Черчилль и Рузвельт. Британский премьер-министр также начал рассматривать линию Одры не только с точки зрения территориальной компенсации для Польши, но и с точки зрения безопасности послевоенной Европы. Кроме того, он считал, что обещание новой западной границы склонит польских политиков к уступкам, а может быть, даже к принятию линии Керзона в качестве основы советско-польского разграничения.

В свою очередь Сталин мог ожидать, что столь значительные территориальные потери на восточных границах Германии в пользу Польши создадут между немцами и поляками такой серьезный узел противоречий, что Варшава, защищая постоянство своей новой западной границы, волей-неволей будет вынуждена искать опору в Москве, что в силу обстоятельств прямо приведет к подчинению Польши СССР вне зависимости от того, какое правительство будет в Варшаве: сформированное Миколайчиком или руководимое коммунистами. В первом случае подчинение Польши будет процессом поступательным, во втором — это государство быстро превратится в протекторат Москвы.

В дальнейшем, как известно, Польша, по инициативе Сталина и при полной поддержке Великобритании и Соединенных Штатов, была перемещена с востока на запад, получила широкий выход к Балтийскому

inslav

морю, а ее западные и восточные границы были проведены по Одре и Нисе Лужицкой и на востоке по несколько скорректированной линии Риббентропа-Молотова. Здесь Польша потеряла Львов и Вильнюс, приобретя на севере и западе Ольштын, Гданьск, Щецин и Вроцлав. Новые границы оказались для Польши наиболее постоянным политическим результатом Второй мировой войны. Менее постоянным — уже в сегодняшних условиях — были враждебность, неприязнь, подозрительность в отношении к Германии. Окончание холодной войны, обретение Польшей полной суверенности и свободы меняют также (и довольно быстро) отношение поляков к новой России.

Поляки хорошо помнят гитлеровский геноцид, лагеря массового уничтожения, крупнейшим из которых на польских землях был Освенцим, Холокост [29], сталинские депортации 1939–1941 гг., Катынь. Польский народ хранит память о героическом Варшавском восстании 1944 г. и о фактическом бездействии Красной Армии, не оказавшей помощи восставшим, о варварской мести гитлеровцев, жертвой которой стала столица Польши. Разрушение Варшавы и изгнание, по приказу Гитлера, населения города по своим масштабам занимало особое место среди военных преступлений в годы Второй мировой войны [30].

Несмотря на это, с 90-х гг. XX столетия Германия и Россия занимают уже совершенно иное место в польской политике по сравнению с тем, что было в годы перед началом Второй мировой войны и в ее ходе.

VI

Заканчивая эти рассуждения, попробуем сделать некоторые выводы. Война в Европе (переросшая в мировую войну) началась в результате немецкой агрессии против Польши 1 сентября 1939 г. Никогда ни до, ни после этого международная защита интересов Польши не влекла за собой таких глобальных последствий. Поэтому поляки могли рассчитывать, что в войне с Третьим рейхом они окажутся в числе победителей, что и от Польши будет зависеть устройство Европы после установления мира и, во всяком случае, что с помощью западных союзников они смогут защитить суверенность собственного государства. Сложилось, однако, по-другому.

В мае 1945 г., когда война в Европе закончилась полной победой союзников, Польша, которая ни на минуту не прекращала борьбу в их рядах, была к этому времени уже вассальным государством, зависимым от СССР, частью его формирующейся сферы влияния [31].

Драма заключается в том, что, будучи членом антигерманской коалиции, союзником Великобритании, пользуясь демонстрируемой поддержкой Соединенных Штатов, Польша становилась объектом

inslav

международной игры, она не имела реальной возможности влиять на ход событий. Ее права и интересы были подчинены глобальным интересам войны с Третьим рейхом и его союзниками, а также интересам будущего мирного сосуществования, каким его видели Рузвельт и Черчилль, каким его предполагал построить и построил Сталин.

В 1945 г. к западу от Польши была окончательно разбитая Германия (чему поспособствовала и сама Польша), а внутри страны и вокруг нее победоносные войска Советского Союза, глава которого уже обозначил новую государственную границу СССР и уже намечал сферы его интересов в Европе. В результате побед Красной Армии Польша была освобождена от немецкой оккупации (в боях за ее освобождение погибло свыше 600 тыс. красноармейцев), но вследствие совместных действий СССР, США и Великобритании, летом 1945 г. она возродилась в совершенно новых границах, обретя при этом статус государства с ограниченным суверенитетом.

Вклад Польши в окончательную победу союзников зрим и достаточно велик, Польша оказалась в рядах победителей, хотя далеко не все поляки изведали вкус победы. Многие из них (особенно те, кто сражался на стороне западных союзников) считали, что победа 1945 г. не была их победой, так как Польша, лишенная суверенитета, оказалась в сфере советского влияния. Сегодня у нас снова идут споры о том, участвовала ли Польша в победе в мае 1945 г., или же конец войны стал для нее политическим поражением, поскольку не принес полного суверенитета и свободы.

В этом споре мы придерживаемся мнения, что Польша, которая вступила в войну, навязанную ей 1 сентября 1939 г. Третьим рейхом, и которая была атакована 17 сентября советскими войсками, на начальном этапе войны потерпела поражение. В итоге Второй мировой войны в целом, в мае 1945 г., она имела полное право чувствовать себя победительницей, несмотря на политические последствия, которые несли Восточной Европе победы Красной Армии и планы Сталина, ловко использовавшего в собственных политических интересах политическое согласие Запада.

В результате Второй мировой войны в очередной раз изменились размер и состав территории, национальный состав населения и географическое положение Польши в Европе. Перемещенное в географическом плане с востока на запад и север польское государство могло рассматриваться как часть Центральной Европы, если бы в те годы, когда по обоим берегам Эльбы шло формирование двух противоборствующих военно-политических блоков, этот термин что-нибудь значил. Польша в границах 1921 г. (т. е. по Рижскому мирному договору, завершившему польско-советскую войну) просуществовала до 1939 г.

inslav

(т. е. всего лишь 18 лет). Ее восточная и западная границы того периода не являлись стабилизирующим элементом в отношениях с Германией и СССР, а, напротив, провоцировали обоих соседей предпринимать шаги, направленные против Польши.

В 1945 г. установленные в то время новые государственные границы Польши большинство поляков считало временными. Сегодня практически все признают их бесспорными и неприкосновенными. Границы 1945 г. стали стабильным элементом территориального устройства современной Европы. В этом смысле результаты Второй мировой войны, несомненно, принесли Польше усиление чувства безопасности ее границ, которое она не испытывала ни в XVIII в., что совершенно понятно, ни даже в тридцатые годы XX в., когда все свидетельствовало о том, что она являлась в полной мере суверенным государством.

На исходе Второй мировой войны по вопросу международной ориентации поляков можно отметить следующее: во-первых, Германия доказала, что представляет собой смертельную угрозу безопасности Польши; во-вторых, СССР, несмотря на провозглашаемые принципы интернационализма, доказывал, что в его внешней политике будут доминировать имперские цели; в-третьих, Великобритания, несмотря на свою позицию в 1939 и в 1944–1945 гг., все еще вселяла надежду на то, что будет содействовать стремлению Польши к независимости; в-четвертых, наибольшие надежды, однако, возлагались на Соединенные Штаты как на силу, способную противостоять Советскому Союзу; и в-пятых, катастрофически упала в глазах поляков Франция: она не оправдала надежд в 1939–1940 гг. и не возродилась как держава, на которую можно рассчитывать в случае необходимости.

Западная ориентация, которой придерживалось подавляющее большинство людей в Польше, проигрывала. Духовно оставаясь частью Запада, Польша становилась областью политического господства Востока. Таков был масштаб побед Красной Армии, с согласия Черчилля и Рузвельта использованных Сталиным в политических целях. Поражение Третьего рейха должно было удовлетворять и, конечно, удовлетворяло, пожалуй, всех поляков. Большинство из них связывали свои надежды с Западом и были, разумеется, сражены успехом СССР, а точнее — его политическими последствиями.

Из сентябрьского поражения 1939 г. поляки пытались извлечь выводы. Уже в конце 1942 г. польское правительство в Лондоне выработало концепцию отношения к побежденной Германии, а годом позже доработало ее во всех подробностях. В ней также содержались предложения, касающиеся прохождения новой польско-германской границы. Однако мнение польского правительства не нашло отраже-

inslav

ния ни в политике Великобритании и Соединенных Штатов, ни в работе Европейской Консультационной Комиссии (European Advisory Comission). Северную и западную границы Польши определил Сталин, получив на это согласие Великобритании и США.

Потерпели фиаско также усилия польского правительства, пытавшегося найти гарантии послевоенной безопасности с помощью создания польско-чехословацкой федерации как составной части системы других региональных соглашений подобного типа. Не увенчались также успехом попытки правительства Польской Республики установить с СССР добрососедские отношения при условии признания Кремлем свободы и суверенитета Польши, а также ее восточной границы 1921 г.

Реальное согласие на два первых условия Сталиным даже не рассматривалось, тем более, что, пользуясь подобной фразеологией, он мог строить отношения с управляемой коммунистами Польшей по своему собственному сценарию. В свою очередь, граница с Польшей, отодвинутая далеко на запад от линии, определенной в советско-польском договоре 1921 г., была установлена им в согласии с Великобританией и США, вопреки позиции польского правительства в Лондоне. К исходу войны международная конъюнктура сложилась просто-таки трагически невыгодно для политики и замыслов конституционного правительства Польской Республики в Лондоне. Зато такой ситуацией в полной мере могли воспользоваться коммунисты, которым Сталин вверил управление зависимым от СССР государством, de iure суверенным, а de facto государством типа протектората.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 О польско-германских, польско-советских отношениях в 1930-х гг. и о польской внешней политике того времени см.: *M. Wojciechowski*. Stosunki polsko-niemieckie 1933–1938. Poznań, 1980; *S. Żerko*. Stosunki polsko-niemieckie 1938–1939. Poznań, 1998; *W. Materski*. Tarcza pokoju. Warszawa, 1997; Historia dyplomacji polskiej. T. 4. 1918–1939 / Red. P. Łossowski. Warszawa, 1995.

2 Об истории польских конституционных властей в годы Второй мировой войны и их политике см.: *E. Duraczyński*. Rząd polski na uchodźstwie 1939–1945. Organizacja, Personalia, Polityka. Warszawa, 1993; Władze RP na obczyznie podczas II wojny światowej / Red. Z. Błażyński. London, 1994; Historia dyplomacji polskiej. T. 5. 1939–1945 / Red. W. Michowicz. Warszawa, 1999.

3 О политике «большой тройки» см.: *W. T. Kowalski*. Wielka koalicja 1941–1945. T. 1–3. Warszawa 1972–1977; Союзники в войне 1941–1945 / Ред. А. О. Чубарьян, В. Ф. Кимболл, Д. Рейнольдс. М., 1995; *R. Edmonds*. The Big Three: In Peace and War. London, 1991; *J. Tebinka*. Polityka brytyjska wobec problemu granicy polsko-radzieckiej 1939–1945. Warszawa, 1998.

inslav

4 О репрессиях советской службы безопасности в отношении поляков см.: *E. Duraczyński*. Generał Iwanow zaprasza. Przywódcy podziemnego państwa polskiego przed sądem moskiewskim. Warszawa, 1989; Из Варшавы. Москва, товарищу Берии... Документы НКВД СССР о польском подполье 1944–1945 / Ред. А. Ф. Носкова. Москва; Новосибирск, 2001.

5 Об этой политике см.: *A. Głowacki*. Sowieci wobec Polaków na ziemiach wschodnich II Rzeczypospolitej 1939–1941. Łódź, 1998.

6 См.: *Eberhardt*. Polska granica wschodnia 1939–1945. Warszawa, 1993.

7 Российскую стенограмму беседы В. Сикорского с И. В. Сталиным см.: Документы внешней политики. Т. 24. М., 2000.

8 См.: *E. Duraczyński*. Polska 1939–1945. Dzieje polityczne. Warszawa, 1999. S. 205.

9 См.: *О. А. Ржешевский*. Война и дипломатия. М., 1998, а также: Документы внешней политики. Т. 24.

10 *A. Eden*. Pamiętniki 1939–1945. T. 2. Warszawa, 1972. S. 199.

11 См.: *E. Duraczyński*. Rząd polski... S. 148.

12 См.: Czechoslovak-Polish Nagotiations of the Establishment of Confederation and Alliance 1939–1944 / Ed. I. Stovicek, J. Valenta. Prague, 1995; *E. Kisielewski*. Federacja środkowoeuropejska. Pertraktacje polsko-czechosłowackie 1939–1943. Warszawa, 1991.

13 См.: *E. Duraczyński*. ZSRR wobec projektów polsko-czechosłowackiej konfederacji // Dzieje Najnowsze. 1997. Nr. 3; *Он же*. Владислав Сикорский и Эдвард Бенеш: к чему стремились, чего достигли // Славянские народы: общность истории и культуры / Ред. Б. В. Носов. М., 2000, С. 241–268.

14 См.: *E. Duraczyński*. Granice Polski w polityce koalicji antyhitlerowskiej i w polityce polskiej // Kompleks wypędzenia / Red. W. Borodziej, A. Hajnicz. Kraków, 1998.

15 См.: *E. Duraczyński*. Rząd polski... S. 198–199.

16 Ibid. S. 199–200.

17 См.: *E. Duraczyński, R. Turkowski*. O Polsce na uchodźstwie. Rada Narodowa Rzeczypospolitej Polskiej 1939–1945. Warszawa, 1997. S. 116–117.

18 *A. Polonsky*. The Great Powers and the Polish Question 1941–1944. London, 1976. P. 116.

19 См.: *E. Duraczyński*. Rząd polski. Op. cit. S. 212–214.

20 См. напр.: *S. Meiklejohn Terry*. Poland's Place in Europe. General Sikorski and the Origin of the Oder-Neisse Line 1939–1943. Princeton, 1983.

21 См.: *E. Duraczyński*. Rząd polski... S. 213.

22 Ibid. S. 214.

23 О Миколайчике см.: *A. Paczkowski*. Stanisław Mikolajczyk, czyli klęska realisty (zarys biografii politycznej). Warszawa, 1991; *R. Buczek*. Stanisław Mikołajczyk. Toronto, 1996. T. 1–2.

24 О катыньском преступлении см.: *J. K. Zawodny*. Katyń. Lublin; Paris, 1989; *C. Madajczyk*. Dramat katyński. Warszawa, 1989; *Н. С. Лебедева*. Катынь — преступление против человечества. М., 1994.

25 См.: *E. Duraczyński*. Rząd polski... S. 291–292.

inslav

26 Ibid. S. 292–293.

27 *W. T. Kowalski.* Op. cit. T. 1. S. 591–721; *J. Karski.* Wielkie mocarstwa wobec Polski 1919–1945. Warszawa, 1992. S. 307

28 Об этом см.: *О. А. Ржешевский.* Указ. соч.

29 О гитлеровском геноциде в Польше см.: *C. Madajczyk.* Polityka III Rzeszy w okupowanej Polsce. Warszawa, 1970. T. 1–2.

30 О Варшавском восстании см.: *E. Duraczyński.* Powstanie warszawskie – badań i sporów ciąg dalszy // Dzieje Najnowsze. 1995. Nr. 1; *Он же.* Варшавское восстание // Другая война 1939–1945 / Ред. Ю. Н. Афанасьев. М., 1996.

31 См.: *K. Kersten.* Narodziny systemu władzy. Polska 1943–1948. Poznań, 1990; *Idem.* Rok pierwszy. Warszawa, 1993.

inslav

М. И. Рабинович
(Смоленск)

КАТЫНЬ, КРАСНЫЙ БОР: МАЛОИЗВЕСТНЫЕ ПОДРОБНОСТИ ИЗВЕСТНЫХ СОБЫТИЙ

События, которым посвящено данное сообщение, давно уже привлекают внимание как историков, так и общественности разных стран. При этом главное и о трагедии 1940 г., названной «Катынской», и о планах покушения на Гитлера, зревших в Красном Бору под Смоленском, уже сказано. Но известное изречение гласит: «Истина — в деталях». Поэтому мы надеемся, что новые, на первый взгляд не столь значительные, факты позволят дополнить общую картину событий, занимавших важное место в истории XX в.

I

Итак, само название Ка́тынь, Катынская трагедия уже содержит в себе вопрос. Вопрос не из главных, но представляющих определенный интерес. Дело в том, что в анналы истории вкралась ошибка, которая, увы, уже не подлежит исправлению. Речь идет о том, что населенный пункт Катынь, давший название известной всему миру трагедии, отстоит от места, где она произошла, на 6 км. Едва ли хоть один из польских военнослужащих «доехал» именно до этого поселка. Зато другой населенный пункт — поселок Гнездово — расположен всего в трех километрах. Именно сюда, на железнодорожную станцию Гнездово, прибывали эшелоны с польскими офицерами. Получилось, однако, так, что и Гнездово, давшее название уникальным археологическим памятникам Древней Руси, не фигурирует в названии места массовой казни польских военных.

На форзац вышедшей в 2000 г. в Смоленске под редакцией профессора Государственного педагогического университета Е. В. Кодина и профессора из США Майкла Хики книги «Смоленщина на страницах американской исторической литературы» вынесено стихотворение Стивена Шеррила «Катынский лес». В этом стихотворении, вошедшем, между прочим, в сборник «Лучшая американская поэзия 1997 года», есть такие строки:

inslav

«Это место называется Козьи Горы.
В воздухе висят слухи о дачах.
Все, о чем я прошу, — это чтобы кто-нибудь
Отправлял наши письма...» [1]

Упомянутые здесь Козьи Горы — это и есть место и гибели, и захоронения более чем четырех тысяч граждан Польши. Рядом покоятся останки многих жертв репрессий 1920–1940-х гг. — граждан советского Союза. Заканчивая с темой названия, хотелось бы отметить и такую деталь. Даже специалисты, давно и профессионально занимающиеся историей Катыни, допускают характерную ошибку в произношении этого слова. Ударение делается не на первую, как должно бы было, а на последнюю гласную — получается «КатЫнь». Скорее всего, происходит это по аналогии с белорусской ХатЫнью, также ставшей местом одного из трагических событий минувшей войны.

Теперь о более существенном. Как и многих других жителей Смоленщины, автора этих строк не мог не заинтересовать на определенном этапе жизни вопрос: кто, когда и почему убил польских офицеров? Не буду утверждать, что официальная версия, с которой я познакомился еще в 1950-х гг., сразу же породила у меня сомнения. Однако шло время — и первоначальное представление о происшедшем в лесу под Смоленском стало меняться. Наводили на размышления, например, некоторые обстоятельства обороны Смоленска летом 1941 г.

В смоленской печати время от времени появлялись публикации о трагических событиях 1941 г. Это были статьи и воспоминания, вышедшие к знаменательным датам — к 9 мая, к Дню освобождения Смоленщины, к годовщине Смоленского оборонительного сражения июля–сентября первого года войны. Стоит напомнить: когда части вермахта 15 июля 1941 г. входили в левобережную часть Смоленска, им противостоял всего лишь батальон милиции. Сил у Красной Армии для защиты Смоленска катастрофически не хватало. Могли ли в таких условиях советские маршалы и генералы не вспомнить о четырех с лишним тысячах польских военнослужащих, находившихся, по появившейся позже версии, в непосредственной близости от областного центра, в специально созданном для них лагере? Предположим, однако, что у наших военачальников не было уверенности и в том, что польские военные, получив оружие, направят его против немцев. Но ведь и в этом случае трудно было не принять в расчет пребывание в прифронтовой полосе нескольких тысяч обученных военному делу мужчин. Наконец, охрана столь большого числа людей должна была насчитывать по крайней мере несколько сот бойцов. Увы, обо всем этом в упомянутых публикациях, включая мемуары военачальников, не

inslav

было ни слова. Причина молчания с каждой такой публикацией становилась для непредвзятого читателя все более очевидной: никакого лагеря в 1941 г. в Козьих Горах не было, не было здесь и польских офицеров, по крайней мере живых.

В 1961 г., после окончания института, я был направлен на работу завучем сельской восьмилетки в то самое Гнездово (школа находилась в двух деревянных зданиях у автобусной остановки «Заготзерно», затем переехала в новое помещение в деревню Новые Батеки). За три года у меня было немало возможностей поговорить с местными жителями о трагедии в Козьих Горах. Не стану утверждать, что во всех случаях люди с готовностью откликались на предложение обсудить щепетильную тему. Время было непростое. Помню, как однажды к нам в школу приехали сразу три офицера КГБ только для того, чтобы проверить сигнал о том, что некий учитель М. слушает по ночам «вражеские голоса».

И все же откровенные разговоры с гнездовцами развеяли сомнения, которые у меня к тому времени еще, возможно, оставались. Вот отдельные факты, поведанные мне в основном моими коллегами-учителями. Мой однокашник по институту, участник Отечественной войны Виктор Андреевич Титов рассказывал, что перед войной подростки из Гнездова и окрестных деревень тайком пробирались в урочище Козьи Горы, чтобы раскапывать там польские могилы в поисках знаков различия, монет, портсигаров и т. д. Вспоминали гнездовцы о местном жителе по кличке «Румба», отбывшем по приговору военного трибунала немалый срок за службу в немецкой полиции, что тот якобы был первым, кто пришел к немцам, чтобы сообщить о расстреле в 1940 г. в Козьих Горах сотрудниками НКВД польских военных.

А вот факт, которым поделился со мной уже недавно, в 2000 г., бывший преподаватель нашего университета Владимир Александрович Гофман. Его приятель, работавший в 1940 г. на железной дороге, рассказывал в то время: «Знаешь, приходят в Смоленск составы с польскими офицерами. Отправляют их в Гнездово. А вчера пришел поезд, где был польский генерал, а при нем — маленькая собачка. Вечером состав вернулся, все вагоны пустые, только в одном сидит и скулит та самая собачонка».

Был у меня, однако, еще один источник информации о трагедии, разыгравшейся в апреле–мае 1940 г. в Козьих Горах (замечу кстати, что свои «источники» известий о Катынском деле имели многие жители Смоленска и его окрестностей). В 1959 или 1960 г. познакомился я с бывшим сотрудником НКВД. Из органов его «вычистили» за несколько лет до нашего знакомства. Фамилию этого человека не называю сознательно и потому, что длительное время поддерживал с ним хорошие отношения, и потому, что в рассказах моего знакомого явно

inslav

чувствовал раскаяние за участие в неблаговидных делах ведомства, к которому он довольно долго принадлежал. А человек этот рассказывал мне, к примеру, о том, как в 1937 г. его вызвал начальник и заявил: «Ты должен допрашивать подследственных так, чтобы я их слышал!» — между тем их кабинеты находились в противоположных концах длиннющего коридора.

Так вот, несколько раз в откровенных беседах мой знакомый упоминал и о своем участии в акции по уничтожению польских офицеров. Признаться, я так и не решился тогда спросить, стрелял ли он лично, но, если по прошествии лет мне не изменяет память, он даже говорил о каком-то поощрении, которого удостоился вместе с другими сотрудниками «органов».

«Катынское дело» продолжалось для моего знакомого и годы спустя. Ему, видимо, вместе с группой других офицеров госбезопасности, была поручена «работа» с профессором Базилевским. Б. В. Базилевский до войны заведовал кафедрой астрономии и был заместителем директора Смоленского педагогического института по научно-учебной работе. В 1941–1942 гг., в период оккупации, он исполнял обязанности вице-бургомистра (заместителя начальника города). «Работа» чекистов с профессором Базилевским после войны заключалась в том, чтобы соответствующим образом подготовить его к показаниям на процессе в Нюрнберге по Катынскому делу. Судя по тому, что бывший вице-бургомистр, в отличие от бывшего бургомистра (Меньшагина), после войны судим не был и даже работал заведующим кафедрой и деканом факультета Новосибирского пединститута, он со своей задачей справился успешно [2].

Был в воспоминаниях бывшего офицера НКВД и такой примечательный эпизод. По его словам, при эксгумации захоронений расстрелянных польских офицеров у некоторых из убитых руки были связаны бумажной бечевкой. А бумажные бечевки наша промышленность ни до, ни после войны не производила. К большому сожалению, я не запомнил, кто это сделал: или немцы перестарались, или наши решили подбросить доказательства в пользу своей версии.

Несколько слов об отношении властей к массовым захоронениям в Козьих Горах. Вся их территория в свое время была обнесена забором. Не будем забывать, что здесь были погребены (если это слово в данном случае применимо) не только польские офицеры, но и тысячи наших соотечественников, расстрелянных в 1920–1930-е, а возможно, и в 1940-е гг. Знаю, что уже в 1960-х гг. эта территория охранялась не очень тщательно. Тем не менее для ее посещения группой людей требовалось специальное разрешение. И все же складывалось впечатление, что четкой позиции в этом вопросе у властей не было. Однажды автору самому пришлось в этом убедиться.

inslav

В сентябре 1970 г. к нам в Смоленский педагогический институт (с 1998 г. — педагогический университет) приехала очередная группа студентов и преподавателей из Лодзинского университета (мы дружили вузами и ежегодно обменивались такими группами). Мне довелось тогда быть руководителем польской группы. Как и ожидалось, гости из Польши попросили организовать поездку в Катынь (использую общепринятое название). Меня, однако, заранее предупредили, что на такую поездку требуется специальное разрешение. Начал я с парткома института, поднимаясь по ступенькам (в прямом и переносном смысле) все выше и выше, пока не дошел до «пятого этажа», то бишь обкома партии. И везде, во всех кабинетах, «ответственные товарищи» вели беседу по принципу «да и нет не говорить». Другими словами, и добро никто не давал, и табу на поездку никто не накладывал. А время между тем шло, и подопечным моим, судя по всему, уже ждать надоело. И вот однажды гости встретили меня у входа в институт и не без удовлетворения сообщили, что в Катынский лес они уже съездили. Оказалось, что лодзинцы договорились с каким-то водителем автобуса, и он благополучно довез их до урочища Козьи Горы, рассказав по дороге, как наши расстреливали поляков. Я потом несколько лет держал эту историю в секрете, опасаясь, что земляка найдут и призовут к ответу. Между прочим, в одном из кабинетов, которые мне довелось тогда посетить, я впервые услышал, что доступ в Козьи Горы ограничен, так как эта территория является природным заповедником (?!).

Не могу умолчать об еще одном эпизоде, имеющем отношение к трагической судьбе польских офицеров в период Второй мировой войны. Вскоре после опубликования известного заявления ТАСС от 14 апреля 1990 г., в котором советской стороной было признано, что «катынская трагедия является одним из тяжких преступлений сталинизма» [3], к нам в пединститут прибыла группа отечественных и польских историков. На встрече со студентами и преподавателями разговор шел о событиях полувековой давности. Незадолго до этого автору этих строк стала известна версия еще одного трагического эпизода минувшей войны, происшедшего под Смоленском, как утверждали, по крайней мере, двое наших земляков. По их словам, гитлеровцы расстреляли здесь в 1942 или 1943 г. несколько десятков польских военных, отказавшихся служить Германии. Выступив на упомянутой встрече и выразив боль и возмущение жестокой расправой над невинными людьми весной 1940 г., я рассказал то немногое, что мне было известно, и о расправе, позже учиненной фашистами. К моему сожалению, ни отечественные, ни зарубежные историки интереса к этому эпизоду не проявили. В душу закралось сомнение, не истолковали ли гости мой рассказ как желание прикрыть «маленькой» трагедией большую.

inslav

Между тем ничего подобного у меня и в мыслях не было. Был и остаюсь в убеждении, что невинно убиенные и борцы со злом не должны быть забыты Историей. Увы, с тех пор прошло уже более 10 лет — и теперь едва ли удастся разыскать смолян, что-то знавших о «малой» Катынской трагедии.

И последнее о том, что касается кровавой расправы над тысячами ни в чем не повинных людей, учиненной весной 1940 г. в лесу под Смоленском. Не проводился и едва ли будет проводиться опрос общественного мнения об этих событиях. Случись такой опрос в сегодняшней Польше, итоги его предсказать было бы несложно: подавляющее большинство, если не все опрошенные, высказались бы в поддержку выводов, содержащихся во многих документах, включая упомянутое заявление ТАСС. Нет уверенности, однако, что аналогичными оказались бы итоги подобного опроса, проводись он в нашей стране. Один знакомый историк, несколько лет назад ушедший из жизни, до последнего дня доказывал, что четыре с лишним тысячи поляков были убиты в Катынском лесу немцами, хотя ему, с пятнадцати лет служившему в СМЕРШ и на протяжении всей жизни сохранившему связь с соответствующими органами, подлинная история «Катыни» была, несомненно, известна лучше, чем другим нашим землякам.

В сравнительно недавно вышедшей в свет явно апологетической книге Б. Соловьева и В. Суходеева «Полководец Сталин» утверждается, что до сих пор «не найдено ни одного советского документа времен войны, указывающего на расстрел поляков в Катынском лесу органами НКВД» [4]. В опровержение сошлемся хотя бы на документы по Катынскому делу, опубликованные в 1993 г. журналом «Вопросы истории» в подборке под названием «Секретные документы из особых папок» [5].

Увы, когда в научные дискуссии вклинивается политика, доказательства девальвируются. Некоторые полемисты, похоже, и сегодня хотели бы выдать желаемое за действительное, и тогда в ход идет аргументация, давным-давно опровергнутая наукой и временем. Не стоит, однако, обольщаться и уповать на то, что очевидное для специалиста станет столь же очевидным для «юноши, вступающего в жизнь». Затасканные и отброшенные доказательства могут снова и снова идти в дело, и попытки реанимировать старую версию Катынской трагедии это подтверждают. Понимают ли те, кто строит на них свои теории, чем для России и Польши это может обернуться в будущем?

II

В 6–7 км от места, называемого Катынским лесом, находится другой лес — Красный Бор. Он издавна стал любимым местом отдыха жи-

inslav

телей Смоленска и других городов. На десятках гектаров растут здесь сосны, ели, березы, поблизости — Днепр, другие естественные и искусственные водоемы. Судьба оказалась благосклонна к этому удивительному уголку природы: Красный Бор не сгорел в Великую Отечественную войну, не был пущен на дрова и постройки в послевоенную разруху. Происходившие здесь события Второй мировой войны тоже не обойдены вниманием историков.

Летом 1941 г. в Красном Бору какое-то время находился штаб Западного фронта, затем после занятия территории немцами здесь разместились службы штаба группы армий «Центр». До сих пор сохранились «вещественные доказательства» пребывания в уникальном месте оккупантов: железобетонные сооружения, называемые в народе «бункерами Гитлера», кладбище военнослужащих вермахта, появившееся еще в период оккупации, и др.

По словам бывшего адъютанта фельдмаршала Клюге Филиппа фон Блзелагера, в годы войны существовало два центра антигитлеровского заговора: один в Берлине, другой — в Смоленске, в Красном Бору. Об этом фон Блзелагер рассказал, выступая в мае 1996 г. перед студентами и преподавателями исторического факультета Смоленского пединститута. В ходе встречи, а затем во время поездки в Красный Бор гость из ФРГ сообщил немало интересных подробностей, связанных с планами покушения на главу Третьего рейха в Красном Бору. Филипп фон Блзелагер и его брат Георг — в то время майор вермахта — являлись активными участниками заговора против Гитлера. К моменту посещения Смоленска в 1996 г. Филипп Блзелагер был, видимо, единственным из оставшихся в живых участником этого заговора.

В Красном Бору он указал место, где находились офицерская столовая («казино»), в которой по первоначальному плану заговорщики намеревались застрелить фюрера. Походив по красноборским дорожкам, Филипп фон Блзелагер уверенно указал дом, где, по его словам, в марте 1943 г. Гитлер встречался с генералитетом.

Представляет интерес оценка Ф. Блзелагером позиции командующего группой армий «Центр» генерал-фельдмаршала Клюге, посвященного в планы заговорщиков. Она расходится с мнением ряда историков, обвиняющих военачальника в непоследовательности, нерешительности и даже в двойной игре в ходе подготовки покушения на Гитлера во время его второго «визита» в Смоленск [6]. По словам фон Блзелагера, Клюге и некоторые офицеры его штаба еще в 1942 г. пришли к убеждению, что Германия проиграет войну, а накануне приезда Гитлера в Смоленск, 13 марта 1943 г., генерал-фельдмаршал сказал ему: «Фюрер не должен уйти отсюда живым». Чем же в таком случае объяснялся последующий отказ Клюге от одобрения, по крайней мере,

inslav

двух вариантов покушения на Гитлера в Красном Бору (расстрел в офицерской столовой и арест и последующая казнь фюрера по дороге из Красного Бора на аэродром в Смоленске)?

Филипп фон Блзелагер, как следовало из его выступления перед студентами и преподавателями нашего института, слушать которое довелось и автору этих заметок, был убежден, что решение Клюге отказаться от покушения объяснялось тем, что, вопреки надеждам заговорщиков, с Гитлером не оказалось Гиммлера. Это означало, что даже в случае устранения первого лица рейха всемогущий руководитель СС и гестапо оставался для них недосягаемым. А в этом случае, после убийства Гитлера, как считал Клюге, начнется гражданская война, в которой на одной стороне будут многочисленные подчиненные Гиммлера, а на другой — армия.

Эти соображения, по убеждению фон Блзелагера, и определили поведение командующего, но не позицию полковника фон Трескова, самого Филиппа Блзелагера и его брата, а также других активных участников антигитлеровского заговора, собравшихся в марте 1943 г. в Красном Бору. Однако замаскированная под бутылку коньяка и заложенная ими в личном самолете фюрера бомба по какой-то причине не взорвалась.

Опуская другие подробности событий ранней весны 1943 г., происходивших в Красном Бору и восстановленных благодаря свидетельствам бывшего адъютанта фельдмаршала Клюге, отметим позицию Филиппа фон Блзелагера в одном из вопросов, остающихся предметом дискуссий между историками. Речь идет об известной концепции Виктора Суворова (Резуна) о якобы «превентивном» ударе Германии, нанесенном 22 июня 1941 г. Откликаясь на просьбы преподавателей и студентов истфака Смоленского пединститута прокомментировать выводы этого автора, Филипп фон Блзелагер сказал (его ответ воспроизводится дословно): «Остается фактом, известным всему миру: Германия напала первой. И вы очень правильно сделали, что назвали свою войну Отечественной».

* * *

В заключение хотелось бы вынести на обсуждение специалистов-историков предложение, с которым автор выступил несколько лет назад в Смоленске, о создании в окрестностях города (от городской черты до урочища Козьи Горы) историко-мемориального комплекса под условным названием «Всемирная история на 15-ти километрах». На этой территории протекает Днепр (часть исторического пути «из варяг в греки»), находится всемирно известный комплекс гнездовских курганов, располагаются захоронения советских воинов

inslav

и солдат вермахта, сохраняются остатки фортификационных сооружений времен Второй мировой войны. Согласно местным преданиям, большая часть таких сооружений, правда, находится под землей и до сегодняшнего дня остается недоступной исследователям. В границах предлагаемого комплекса лежат и те памятные места, где происходили описанные выше события, — Катынский лес и Красный Бор. Нельзя не упомянуть и о том, что указанный район представляет собой уникальную природную зону с удивительно красивыми ландшафтами. Едва ли стоит сомневаться, что создание здесь историко-мемориального комплекса вызовет интерес не только у россиян, но и у граждан ближнего и дальнего зарубежья, включая, разумеется, и профессиональных историков.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Смоленщина на страницах американской исторической литературы. Смоленск, 2000.

2 См. о проф. Б. В. Базилевском: Смена (Смоленск). 1994. № 24–26; *Н. Н. Илькевич.* Базилевский Борис Васильевич // Смоленская область. Энциклопедия. Т. 1. Персоналии. Смоленск, 2001. С. 18.

3 Известия. 14.04.1990.

4 *Б. Соловьев, В Суходеев.* Полководец Сталин. М., 1999. С. 258.

5 Вопросы истории. 1993. № 1. С. 17–22.

6 См., напр.: *С. Метчем.* Фельдмаршалы Гитлера и их битвы. Смоленск, 1998. С. 415; *К. Барнетт.* Военная элита рейха. Смоленск, 1999. С. 443.

inslav

В. К. Волков
(Москва)

РАСПАД СССР И МЕЖДУНАРОДНЫЙ КРИЗИС НА БАЛКАНАХ: К ВОПРОСУ О СТАНОВЛЕНИИ «НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА»

Современники и участники событий далеко не всегда отдают себе полный отчет в их исторических масштабах и общественно-политических последствиях. Крушение коммунистических режимов, распад многонациональных государств — Советского Союза и Югославии, а также последовавший вскоре «бракоразводный процесс» чехов и словаков, наряду с другими глубокими переменами последнего десятилетия в странах Центральной и Восточной Европы, знаменовали начало новой эпохи не только в их историческом развитии, но и в развитии всего мира. Эти эпохальные сдвиги и связанная с ними повсеместная демократическая эйфория в известной мере завуалировали глубокий сдвиг в расстановке сил на мировой арене и связанное с ним становление новой конкретно-исторической системы международных отношений, что имело глобальные последствия, особенно с учетом не преодоленного еще до конца европоцентризма.

I. Распад ялтинско-потсдамской системы международных отношений

Об уникальности переживаемого периода можно судить по тому факту, что за последние четыре столетия смена системы международных отношений наблюдается в Европе в пятый раз. Первой конкретно-исторической системой международных отношений, возникшей из средневековой раздробленности и свидетельствовавшей о наступлении качественно нового этапа в развитии континента, явилась система, заложенная Вестфальским миром 1648 г., подведшим итог Тридцатилетней войне — первой общеевропейской войне Нового времени. Тогда же возникли основы международного права, нашедшие отражение в знаменитой книге Гуго Гроция «О праве войны и мира» (1625 г.). Эта система с ее постоянно менявшимися и враждовавшими между собой коалициями, поддерживавшими международное равновесие сил, просуществовала почти полтора века, вплоть до Французской революции.

inslav

Венский конгресс 1815 г., завершивший эпоху наполеоновских войн, знаменовал рождение второй конкретно-исторической системы международных отношений. Тон в ней задавали пять великих держав того времени (т. н. «пенталгия») — Великобритания, Франция, Россия, Австрийская и Оттоманская империи. Позднее в этот «клуб» вошли объединенные Германия и Италия. В рамках сложившегося «европейского концерта» роль «арбитра» играла Великобритания — единственная в начале XIX в. мировая держава. Дальнейшее развитие получило международное право. Просуществовав почти сто лет, система породила два противостоявших друг другу альянса — Антанту и Тройственный союз, а ее история завершилась с началом Первой мировой войны.

Версальская система, заложенная в 1919 г., просуществовала всего двадцать лет и дала повод некоторым наблюдателям задаться вопросом, не была ли она на самом деле двадцатилетним перемирием между двумя мировыми войнами, которые вкупе могли бы именоваться новым изданием Тридцатилетней войны. Однако способ функционирования Версальской системы, выход ее за европейские рамки (после подключения к ней США и Японии ее точнее было бы именовать Версальско-Вашингтонской системой), новые нормы международного права, появление Лиги Наций — все это свидетельствовало о ее самобытности. Новой чертой установившегося миропорядка стал раскол мира на две противоположные общественно-политические системы — капитализм и социализм. Другая форма разделения мира нашла выражение в противостоянии авторитарных агрессивных режимов в ряде стран Европы и Азии, с одной стороны, и лагеря демократических стран — с другой. Ставшие после победы над нацизмом достоянием исследователей секретные архивы гитлеровской Германии, фашистской Италии и их союзников позволили детально изучить историю Версальской системы, что стало своеобразной лабораторией, обобщившей огромный эмпирический материал и создавшей теорию международных отношений. Последняя же дала возможность по-новому взглянуть на названное явление в целом. Появление такой теории можно сравнить с возникновением алгебры наряду со старой арифметикой.

Новая конкретно-историческая система международных отношений, сложившаяся после Второй мировой войны, получила название Ялтинско-Потсдамской. Ее характерной чертой явился последовавший за распадом антигитлеровской коалиции раскол мира на два общественно-политических лагеря и соответственно на два военно-политических блока — НАТО и Организацию Варшавского договора. Их противостояние повлекло за собой невиданную прежде

inslav

гонку вооружений, создание ядерно-ракетного оружия и других видов оружия массового уничтожения, что впервые в истории человечества поставило мир перед угрозой всеобщего уничтожения. Вместе с тем эта гонка придала невиданное ускорение научно-техническому прогрессу, вылилась в научно-техническую революцию, что наложило печать на дальнейшее развитие человечества. Огромные сдвиги произошли в общественно-политическом устройстве мира. Рухнула колониальная система, на ее обломках возникло много новых независимых государств. В значительной степени такие преобразования наступили вследствие того, что мы в свое время называли соревнованием двух общественно-политических систем. Они позволили сложиться странам так называемого «третьего мира», повлекли за собой образование движения неприсоединения, давшего мощный импульс демократизации системы международных отношений.

Эта система просуществовала немногим более четырех десятилетий и оставила глубокий след в судьбах всего человечества. Впервые в истории она прекратила свое существование не вследствие глобального конфликта (мировой войны), а в результате распада военно-политического блока, составлявшего один из полюсов Ялтинско-Потсдамской системы. «Мирный характер» распада в 1989–1991 гг. старой системы привел к замедленному, растянутому во времени становлению новой системы международных отношений, вскоре названной «новым мировым порядком». Он и стал **пятой** системой, известной в истории Европы и мира. Новая система вскоре проявила свои специфические черты, отличавшие ее от системы предшествовавшей эпохи.

Международная расстановка сил в 1960–1970-х гг., по определению западных политологов, характеризовалась существованием двух геополитических треугольников, а именно: США — европейские страны НАТО — «социалистическое содружество» (в Европе), и США — Япония — СССР (в Азии). Оба треугольника замыкались на США и были направлены против Советского Союза. Если в военно-стратегическом плане СССР мог ценой немалых усилий поддерживать паритет, главным образом за счет ракетно-ядерного комплекса, то в экономической области западные державы обладали несомненным и огромным преимуществом. И это преимущество они готовы были употребить в политических целях. Не останавливая гонки вооружений, западные державы совместно с СССР предприняли ряд шагов, направленных на заметное ослабление международной напряженности, что, однако, не ослабило, а, напротив, усилило экономическое и идеологическое противостояние.

inslav

В таких условиях в советском руководстве исподволь начала вызревать мысль о неизбежности проведения широкомасштабных реформ, в первую очередь в экономике. Осуществление курса на преобразования связано с именем генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева, избранного на этот пост 11 марта 1985 г. Однако последствия «перестройки» оказались далеки от ожиданий как общества, так и советского руководства. С 1987 г. произошло существенное ухудшение экономического положения страны, обострились общественно-политические и межнациональные противоречия.

1986 год ознаменовался кардинальным поворотом во внешней политике СССР. Выдвинув концепцию «нового политического мышления», Горбачев провозгласил тем самым отказ от основополагающих принципов внешней политики Советского Союза, бывших до этого непреложными со дня его основания. Переход от противоборства с США и их союзниками к политике сотрудничества в решении глобальных международных проблем, несомненно, позитивно сказался на международном климате и положении СССР, открывал для него путь полноправного включения в международное сообщество государств. Однако новый внешнеполитический курс советского руководства породил и немалые проблемы в отношениях Москвы с союзниками СССР.

Особенно противоречивой, и даже двуликой, была политика горбачевского руководства по отношению к другим европейским социалистическим странам. Они давно уже нуждались в освобождении от патерналистской опеки со стороны СССР. В условиях проводившихся почти во всех странах социалистического содружества экономических реформ, а также принимая во внимание новые тенденции в развитии международных экономических связей, назрела необходимость безотлагательного пересмотра концепции и практики экономического взаимодействия социалистических стран в рамках «социалистического разделения труда», организуемого Советом экономической взаимопомощи (СЭВ).

«Перестройка» в Советском Союзе была встречена общественностью европейских социалистических стран не только с интересом, но и с надеждой, что их собственные руководители последуют примеру «старшего брата». Однако этого не последовало. Советское руководство не сделало ничего, чтобы скоординировать или обсудить свою политику с союзниками. Неудивительно, что руководители этих стран чувствовали себя брошенными, а наиболее консервативная их часть рассматривала такое поведение как предательство их интересов.

Показательно, что уже в 1987 г. у некоторых советских лидеров появилась вынашиваемая втайне от других членов Варшавского дого-

inslav

вора мысль о выводе советских войск из ГДР, Польши, Чехословакии и Венгрии. 12 ноября 1988 г. этот вопрос был рассмотрен на Совете Обороны СССР. По его поручению Министерство обороны к концу декабря того же года разработало соответствующие планы. Сам факт обсуждения таких проблем без представителей заинтересованных стран говорит о многом. Отсутствие консультаций с младшими партнерами — показатель готовности Горбачева и его ближайшего окружения принести в жертву интересы своих союзников и пойти на ликвидацию ОВД без какой-либо договоренности с западными державами о встречных и аналогичных шагах со стороны НАТО. Чем была вызвана такая готовность и поспешность за год до «бархатных революций»? Тем не менее трудно отрешиться от мысли о глубинной взаимосвязи указанных событий. Даже простая «утечка информации» о подобных планах Кремля могла иметь далеко идущие последствия.

Весной 1989 г. берет начало новый этап, ставший критическим для судьбы стран социалистического содружества. 6 апреля в Польше завершились продолжавшиеся два месяца переговоры «за круглым столом» правящей Польской объединенной рабочей партии, правительства, оппозиционной «Солидарности», ряда других партий и общественных организаций. Достигнутое соглашение предусматривало отказ правящей партии от единовластия, установление политического плюрализма, проведение свободных выборов. Впервые в практике социалистических стран правящая партия отказывалась от власти, что имело принципиальное значение. 25 мая в Москве открылся Первый съезд народных депутатов СССР, избранный на альтернативной основе. На нем впервые оппозиция публично выступила против т. н. «агрессивно-послушного» партийного большинства. Дни работы съезда буквально потрясли всю советскую общественность. КПСС потерпела серьезное моральное поражение. События в Польше и СССР стимулировали аналогичные политические процессы в других европейских социалистических странах, где уже был накоплен большой протестный потенциал, что и привело вскоре к революционным преобразованиям.

Первый революционный прорыв произошел в ГДР, где социальный протест сочетался с требованиями национального единства («Мы — один народ»). Огромное влияние на события здесь оказали правящие круги Западной Германии. Массовое бегство восточных немцев на запад и волна политических демонстраций начала ноября в Берлине вынудили обновленное правительство ГДР 9 ноября принять решение об открытии границы с ФРГ и Западным Берлином. Падение «Берлинской стены», символа «холодной войны» в центре

inslav

Европы, имело не только символическое значение. Шаг за шагом дело шло к ликвидации социалистического режима в ГДР. Далее события развивались по «принципу домино». Последовали «бархатные революции» в Болгарии и Чехословакии, а затем и в Румынии, где переворот сопровождался кровопролитием. Правящие режимы пали во всех европейских социалистических странах. Вместе с ними потерпели поражение и ортодоксальные социалистические идеи.

Внешнеполитические последствия «бархатных революций» были огромны. Фактически Варшавский договор перестал существовать. Вопрос о роспуске ОВД был предрешен, что и произошло в начале 1991 г. «Социалистическое содружество» рухнуло. Это было событием эпохального значения. Тогдашняя советская пропаганда и мировые СМИ, каждый по своим причинам, постарались приуменьшить и исказить его значение, а также затушевать его последствия. До сих пор остается открытым вопрос о соотношении внутренних и внешних факторов в развитии событий, в частности, подлинная роль в них Советского Союза и западных держав, прежде всего США. Первым видимым последствием крушения советского блока стал резкий сдвиг в балансе сил в пользу Запада. В связи с этим возникла необходимость реорганизации НАТО, но дальше разговоров дело не пошло. В итоге процесс разрядки стал напоминать капитуляцию одной из сторон.

Показательными были беспрецедентные и необоснованные уступки, сделанные Горбачевым в вопросе об объединении ФРГ и ГДР, которые потрясли даже западногерманских политиков. Хотя Советский Союз имел международно признанное право решающего голоса в судьбе Германии, оно не было использовано. В итоге объединение Германии произошло путем поглощения ГДР. При прямом попустительстве советского руководства остались нерешенными и юридически не оформленными ряд принципиальных вопросов: о военно-политическом статусе объединенной Германии, о ее участии в НАТО, о нераспространении НАТО на восток, о недопущении в северо-атлантический блок любой из бывших стран-участниц Варшавского договора. Были проигнорированы законные интересы СССР в вопросе о сроках и порядке вывода советских войск с германской территории, а также проблема материальной компенсации за сделанные уступки. Последствия такой линии сказались позднее.

В то время как Варшавский договор уже доживал последние дни, НАТО и не помышляло о преобразовании в политическую организацию. Чтобы как-то смягчить впечатление от резкого дисбаланса сил, особенно бросавшегося в глаза после объединения Германии, провозглашенного 3 октября 1990 г., западные державы делали широковещательные заявления об окончании периода конфронтации, не скупи-

inslav

лись на примирительные жесты. Так, 17 ноября 1990 г. в Вене государства-участницы Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ) подписали документ о мерах по укреплению доверия и безопасности в Европе, а через два дня в Париже – «Хартию для новой Европы», в которой говорилось о недопустимости применения силы или угрозы силой в отношении членов СБСЕ. Одновременно был подписан Парижский договор между НАТО и странами уже практически не существовавшего Варшавского договора о паритете в обычных вооружениях на основе разумной достаточности. Парижскую хартию повсеместно трактовали как «похороны холодной войны», однако изменившееся на международной арене соотношение сил уже в то время повлекло за собой деформацию структуры международных отношений.

Крушение в конце 1989 г. в восточноевропейских странах социалистических режимов и сдвиги на международной арене оказали огромное влияние на внутреннее положение Советского Союза. Резко активизировались этнократические кланы в союзных республиках. Те стали решительно добиваться расширения своих прав, вступили на путь неподчинения союзному центру, а в ряде случаев, например в прибалтийских республиках, и откровенного сепаратизма. Особое значение имело формирование политического центра в Российской Федерации, где его до того времени не было. Провозглашение суверенитета Российской Федерацией 12 июня 1990 г. открыло «парад суверенитетов» других республик. Постепенно стал складываться странный союз российских демократов различных оттенков, в основном из Москвы, Ленинграда и других крупнейших городов, с этнократическими кланами в союзных республиках, сыгравший роковую роль в судьбе СССР.

Распад великой державы в 1991 г. стал переломным моментом не только для образовавшихся на ее просторах новых «независимых государств», но и в истории Европы и всего мира. Естественно, что западные державы и их пропагандистский аппарат приветствовали исчезновение своего грозного противника, к которому они продолжали относиться с недоверием и после окончания «холодной войны». Но Запад – это далеко не весь мир. Имелись и прямо противоположные мнения. Китайские обществоведы расценили это событие как величайшую катастрофу XX в. с самыми тяжелыми последствиями для всего мира. В России распад Советского Союза был расценен многими, в том числе и теми, кто приветствовал крах коммунистического режима, например А. И. Солженицыным, как национальная катастрофа и крушение многовекового российского государства. Не подлежит сомнению, что последствия распада Советского Союза скажутся на многих поколениях в новых государствах, возникших на его территории.

inslav

II. Югославский кризис как катализатор структурных преобразований в системе международных отношений

Становление «нового мирового порядка» (НМП) проходило в обстановке резкого изменения баланса сил в мире, вызванного распадом Советского Союза, бывшего до этого одним из главных субъектов международных отношений. Малопривлекательные черты НМП стали выходить на поверхность в ходе развития югославского кризиса, переросшего впоследствии в международный кризис на Балканах.

Кризис в Югославии назревал уже давно. Социалистическая многонациональная Югославия была скроена точно по советскому образцу и насчитывала шесть республик (Сербия, Хорватия, Словения, Босния и Герцеговина, Черногория, Македония) и две автономные области формально в составе Сербии (Воеводина, Косово), которые по своему статусу мало отличались от республик. Югославия не входила в Варшавский договор и проводила политику неприсоединения, будучи в Европе нейтральной зоной между НАТО и Варшавским договором.

Политические перемены конца 1980 — начала 1990 г. в Центральной и Восточной Европе оказывали на Югославию чрезвычайно сильное воздействие, ускорили созревание там государственно-политического кризиса. Он получил, в частности, выражение в борьбе между этнократическими кланами в республиках и областях и развивался на фоне нараставших в ряде из них сепаратистских тенденций.

В 1990 г. во всех республиках, впервые на многопартийной основе, прошли выборы в законодательные органы власти. Созданные после выборов новые представительные органы принимали новые республиканские конституции (в ряде случаев — декларации о независимости), оговаривали приоритет республиканских законов перед федеральными. Их действия, очевидно, осуществлялись параллельно с аналогичными процессами в Советском Союзе. Наиболее радикальную политику проводили власти Словении и Хорватии, не скрывавшие стремления к отделению своих республик от Югославии и занявшие обструкционистскую позицию на переговорах между югославскими республиками в конце 1990 г. До крайней степени обострились противоречия между Сербией и Хорватией, в которой был принят ряд антисербских законов и велась шовинистическая антисербская пропаганда. Но и эти переговоры были прерваны, когда по взаимному согласованию Словения и Хорватия 26 июня 1991 г. провозгласили в одностороннем порядке свою независимость, что и положило начало межэтническому и гражданскому конфликту на территории Югославии.

inslav

Руководители Словении и Хорватии сознательно шли на обострение обстановки, чувствуя поддержку из-за рубежа, главным образом со стороны Германии, которая после объединения проявила неожиданно большой интерес к юго-востоку Европы. Поддержка Запада позволила словенскому руководству начать военные действия против Югославской Народной Армии (ЮНА). Югославские войска, расположенные по распоряжению федерального центра на территории Словении, не имели боеприпасов и поэтому понесли основные потери при нападении на них отрядов территориальной самообороны Словении, созданных еще во времена И. Броз Тито как часть системы обороны Югославии. В новых условиях они стали вооруженной опорой республиканских этнократических кланов.

Первые же сведения о кровопролитии в Югославии привели к интернационализации внутриполитического конфликта. Создавалось впечатление, что многие международные организации как будто ждали подходящего повода, чтобы проявить инициативу. Специальная комиссия СБСЕ по Югославии, созданная в начале июля 1991 г. и обладавшая всеми полномочиями для урегулирования кризиса, бездействовала, а сама организация СБСЕ неуклонно теряла авторитет и влияние. На первый план выступил Европейский Союз (ЕС), давно уже следивший за развитием событий. В Югославию им была направлена специальная «тройка» европейских министров с целью посредничества между федеральным центром и мятежными республиками. ЕС сразу же принял решение о прекращении экономической помощи Югославии, что нанесло удар по федеральному центру, и занял однобокую антиюгославскую и антисербскую позицию. Соответствующий характер приобрела и развернувшаяся в западной прессе мощная пропагандистская кампания, вскоре переросшая в настоящую информационно-психологическую войну.

Изменения позиции международных организаций в отношении Югославии были как бы синхронизированы с политическими процессами, протекавшими в Советском Союзе. Умеренные заявления и шаги накануне т. н. путча 19–21 августа 1991 г. сменялись с их стороны все более решительными действиями по мере нарастания кризиса, приведшего к распаду СССР. В начале сентября ЕС принимает решение о созыве постоянной Международной конференции по Югославии под руководством лорда П. Каррингтона, в составе которой была предусмотрена арбитражная комиссия. Осенью 1991 г. конференцией были подготовлены четыре варианта предложений по разрешению югославского кризиса. Все они сводились к поощрению политики отделения республик (особенно Словении и Хорватии) от Югославии, были направлены на подрыв югославской государствен-

inslav

ности. Каждый из последовательно представленных вариантов отличала возраставшая раз от раза антисербская направленность.

Практически мгновенной стала реакция ЕС на подписание 8 декабря 1991 г. Беловежских соглашений. 17 декабря министры иностранных дел стран-членов Евросоюза, собравшиеся в Брюсселе, под давлением германской дипломатии приняли Декларацию о критериях признания новых государств в Восточной Европе и Советском Союзе. Упрощенная процедура признания предусматривала лишь заявление такого государства о независимости и о соблюдении им норм международного права. В тот же день была принята специальная Декларация о Югославии. В ней были провозглашены принципы признания независимости югославских республик и объявлено, что странами ЕС процесс признания будет начат 15 января 1992 г. Обе декларации наглядно продемонстрировали связь между распадом СССР и Югославии, а также единство принципов политики ЕС как в отношении Восточной Европы, так и Балкан, хотя для бывших советских республик положения деклараций выглядели скорее как поощрение и рекомендации, тогда как по отношению к югославским республикам как ультиматум. Выступив с этими декларациями, ЕС узурпировал права, принадлежавшие СБСЕ и ООН, которые молчаливо смирились с таким положением.

Таким образом, распад СССР и Югославии повлек за собой кардинальные изменения в структуре международных отношений, выразившиеся в правовой форме в рассмотренных декларациях ЕС. Во-первых, это устранение СБСЕ и ООН от решения проблем международной безопасности и узурпация их уставных функций одним из военно-политических блоков. Во-вторых, это создание прецедента международного признания самопровозглашенной независимости, грубо нарушившего основные положения Заключительного акта Хельсинкского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, которые содержали гарантии неприкосновенности границ Югославии, а не административных границ входивших в нее республик. В итоге сложившаяся после Второй мировой войны система международного права оказалась подорванной, что давало повод для дальнейших нарушений общепринятых норм.

Для придания собственному диктату видимости законности ЕС и стоявший за его спиной блок НАТО сочли полезным привлечь ООН к поиску урегулирования в Югославии. Уже в конце 1991 г. на Совете Безопасности ООН была рассмотрена возможность посылки миротворческого контингента в Югославию. Об этом же просило и правительство федеральной Югославии, надеясь с помощью миротворцев предотвратить дальнейшее разорение сербских сел и убийства серб-

inslav

ского населения на территории Хорватии. «Голубые каски» появились там лишь весной 1992 г., после того как эпицентр конфликтов переместился на территорию Боснии и Герцеговины. Однако представители и органы ООН на территории Югославии продолжили антисербскую линию ЕС, направив свои усилия против образованной 27 апреля 1992 г. Союзной Республики Югославии (СРЮ) в составе Сербии и Черногории.

Не удовлетворившись выводом войск ЮНА с территории Боснии и Герцеговины, СБ ООН 30 мая 1992 г. ввел санкции против СРЮ, предусматривающие эмбарго на поставки нефти и топлива, запрет на воздушное сообщение и замораживание финансовых счетов за границей. Проводя курс дискриминации на международной арене СРЮ, объявившей себя правопреемницей Югославии, СБ ООН не признал этого и отстранил Союзную Югославию от работы в ООН, тогда как Словения, Хорватия, Босния и Герцеговина были приняты в ряды этой организации (аналогичное положение сложилось и в рамках СБСЕ).

Значительная доля вины за такой поворот событий лежала на России. Сосредоточив внимание на отношениях с западными державами, прежде всего с США, российская дипломатия в первой половине 1990-х гг. практически потеряла интерес к средним и малым государствам Центральной и Юго-Восточной Европы. Это относилось и к Югославии, а может быть, и в первую очередь к ней. Среди новоявленных российских «демократов» югославский кризис как некая досадная помеха, непредвиденно возникшая на пути в «цивилизованный» мир, вызывал особое раздражение. Российская дипломатия разделяла западную оценку характера власти новой Югославии как «национал-коммунистического режима» и следовала в фарватере политики западных держав. Отсюда непродуманное и поспешное признание независимости отколовшихся от югославской федерации республик, а затем — согласие на введение экономических санкций против СРЮ.

Образовавшийся политический вакуум вследствие добровольного ухода России из Центральной и Юго-Восточной Европы и практически полного разрыва хорошо налаженных в предшествующие десятилетия экономических и культурных связей со странами этого региона, играющего столь важную роль в комплексе национально-государственных интересов страны, стали постепенно заполнять западные державы.

Используя новомодную «концепцию партнерства», западные державы активно втягивали страны Восточной Европы в сферу своего влияния. Этому способствовало участие НАТО в миротворческих операциях ООН на территории бывшей Югославии. Впервые НАТО вышло за пределы собственной зоны ответственности и привлекло

inslav

к участию в операции Венгрию и Албанию. Обоснованием для этого послужило широко распространяемое утверждение о якобы новых угрозах безопасности и нестабильности «на территории между Россией и Германией». Пропагандистский нажим особенно усилился после прихода к власти в январе 1993 г. в США администрации президента Клинтона. Раздавались голоса о двух «кризисных дугах» в Европе – на ее южном и восточном флангах, а также открытые призывы к включению в НАТО Польши, Венгрии и Чехословакии. Несомненно, что катализатором происходивших перемен стал югославский кризис. И как ни странно, именно российская дипломатия дала дополнительный импульс наметившимся сдвигам. Во время государственного визита президента Б. Н. Ельцина в Варшаву в августе 1993 г. в беседе с польским президентом Л. Валенсой при обсуждении проблем, связанных с НАТО, тот неожиданно заявил, что присоединение к этому альянсу – внутреннее дело самой Польши. Неудивительно, что новое откровение Ельцина было немедленно подхвачено всей мировой прессой и повсеместно расценено как согласие российского руководства с тогда еще только обсуждавшимися планами расширения НАТО.

Своей политикой российское руководство в немалой степени провоцировало западные державы, и особенно США, в их стремлении закрепить сложившуюся расстановку сил на мировой арене, утвердить за США роль единственной сверхдержавы, а за НАТО – доминирующего во всем мире военно-политического блока. Югославский кризис в свою очередь позволил Западу выработать и испытать, прежде всего в Европе, формы такого доминирования. Уже во второй половине 1993 г. началась разработка программы «Партнерство во имя мира», ставшая своего рода подготовительным классом для ряда стран Центральной и Юго-Восточной Европы в процессе последующего присоединения к НАТО (официально эта программа была утверждена в январе 1994 г.). Вскоре были названы и первые кандидаты на прием – страны Вышеградской группы: Польша, Венгрия, Чехия и Словакия.

Все эти действия развивались параллельно с эскалацией участия НАТО в миротворческих операциях в Боснии и Герцеговине, где войска НАТО, особенно авиация, оказали поддержку мусульманам и хорватам в борьбе против боснийских сербов. Именно под американским патронатом в марте 1994 г. в Вашингтоне было подписано рамочное соглашение о мусульмано-хорватской федерации, а фактически о союзе двух этнических групп против боснийских сербов. Главное же состояло в том, что НАТО из посредника превратилось на деле в участника этногражданского конфликта не только в Боснии и Герцеговине, но и на всей территории бывшей Югославии. Это означало решительный поворот к открытому вмешательству во

inslav

внутренние дела других государств. Термин «миротворчество» стал быстро заменяться термином «принуждение к миру».

Используя военные, политические и экономические рычаги, НАТО и США сумели в течение 1995 г. добиться перелома в войне на территории Боснии и Герцеговины. Перевооружив армии боснийских мусульман и хорватов и предоставив им поддержку с воздуха, объединив их усилия, блок НАТО дал согласие на проведение операций вооруженных сил Хорватии против сербских анклавов на ее территории, формально находившихся под защитой ООН. Альянс навязал боснийской Республике Сербской свои условия мира, зафиксированные в Дейтонском соглашении, парафированном в ноябре 1995 г. и подписанном в Париже 14 декабря 1995 г. Примечательно, что под ним поставили подписи президент Боснии и Герцеговины А. Изетбегович, президент Хорватии Ф. Туджман и президент Сербии С. Милошевич. Последний пошел на это по настоянию американской дипломатии, чтобы дать той возможность избежать контактов с главой Республики Сербской Р. Караджичем, объявленным военным преступником Международным трибуналом по военным преступлениям на территории бывшей Югославии. В этом еще раз проявилась политика «двойных стандартов», поскольку Изетбегович и Туджман несли не меньшую долю ответственности за все эксцессы межэтнических конфликтов. Запад, в частности, закрыл глаза на одну из самых крупномасштабных этнических чисток, совершенных хорватской армией, жертвой которой стало сербское население Сербской Крайны и Восточной Славонии на территории Хорватии. Вина за эти преступления ложилась и на Ф. Туджмана, который по конституции был главнокомандующим армии Хорватии. Следует добавить, что, воспользовавшись для подписания Дейтонского соглашения услугами С. Милошевича, личная неприязнь которого к Р. Караджичу была общеизвестна, Запад вскоре стал рассматривать президента Сербии как одного из главных противников «мирного урегулирования» на Балканах.

В соответствии с условиями Дейтонского мирного соглашения на территории Боснии и Герцеговины расположился значительный контингент войск НАТО. Эта бывшая югославская республика, считавшаяся номинально независимым государством и даже членом ООН и ОБСЕ, на деле превратилась в «международный протекторат», а точнее — в плацдарм НАТО на Балканах. Последнее имело особое значение для дальнейшего развития как обстановки в Европе, так и в целом для структуры международных отношений.

События на Балканах способствовали усилению в России всесторонней критики проводимого правящими кругами страны внешнеполитического курса, особенно в адрес руководителя МИД А. Козырева.

inslav

Перемены в позиции России в отношении широкого круга международных проблем наступили после подписания Дейтонского соглашения, подведшего черту под первым этапом югославского кризиса. В январе 1996 г. министром иностранных дел был назначен Е. М. Примаков.

Первая половина 1990-х гг. оставила тяжелое наследие. За эти годы Россия утратила многие позиции на международной арене, в значительной мере был подорван авторитет страны. Ответственность за это разделяло и руководство МИД. Были упущены неповторимые возможности. Внешнеполитический курс России, особенно на первом этапе югославского кризиса, способствовал развитию негативных тенденций в структуре международных отношений, страна оказалась неспособна противодействовать гегемонистским устремлениям стран-членов НАТО, в первую очередь со стороны США. И эти устремления не замедлили проявиться в самом скором времени.

III. «Новый мировой порядок» в действии: расширение НАТО и агрессия против Югославии

Дейтонское мирное урегулирование на деле устанавливало протекторат НАТО на всей территории Боснии и Герцеговины, территориальное единство которой с того времени искусственно поддерживается расположенными там войсками альянса. Его точнее было бы назвать «мирным диктатом», и в этом качестве он оказал заметное влияние на дальнейший процесс складывания НМП. Опыт боснийского урегулирования породил на Западе, и особенно в США, стремление навязывать другим странам свои стандарты внутренней и внешней политики. Такие лозунги как «свобода во всем мире», «права человека», «выборы по-американски» становились инструментом вмешательства во внутренние дела других государств, ущемления их суверенитета.

Особенно ярко гегемонистские тенденции проявились в планах расширения НАТО и Европейского Союза за счет бывших социалистических стран — соседей России, а в наиболее радикальных проектах — даже с участием бывших советских республик. Обсуждение таких планов началось еще на первых этапах развития югославского кризиса. Уже в 1993 г. была выдвинута разработанная в США и широко распропагандированная программа «Партнерство ради мира». В январе 1994 г. она была официально принята на сессии НАТО и адресована всем участникам ОБСЕ. Тем самым предполагалось превратить эту общеевропейскую организацию в придаток НАТО. Но главной целью программы было проложить путь к расширению НАТО. Практическое осуществление этого плана началось после Дейтонского мира.

inslav

С середины 1990-х гг. все отчетливее стали проявляться новые тенденции в развитии всего мира. Углубился процесс интеграции мировой экономики, в новый информационный этап вступила научно-техническая революция. Возросла роль транснациональных компаний (ТНК) как в мировой экономике, так и в экономической жизни отдельных государств. Информационные технологии не только снизили уровень государственного суверенитета в информационной сфере, но открыли возможности манипулировать политическими решениями, т.е. предоставили новые способы вмешательства во внутреннюю политику отдельных государств. Возросло значение различного рода неправительственных организаций как на национальном, так и межгосударственном уровне. Во всем мире обострились демографические проблемы. Необычайную остроту приобрели вопросы экологии. Характер всеобщей угрозы стали представлять собой наркоторговля и международный терроризм, организованная преступность.

Глобализация всех сторон общественной жизни сопровождалась, однако, углублением разрыва между развитыми и развивающимися странами. Только первые могли воспользоваться новыми возможностями, в их руках оказались сосредоточенными бразды правления большинством ТНК и основных информационных центров, а также контроль за мировыми финансовыми потоками. «Золотой миллиард» начал быстро превращаться в глазах остального человечества, не поспевающего за ним по стадиям экономического и политического развития, в эксплуататора природных и трудовых ресурсов всего мира. Реакцией на глобальный гегемонизм стало движение антиглобалистов, охватившее многие страны мира, в том числе и высокоразвитые.

В сфере международных отношений проявилась тенденция к сокращению суверенитета отдельных государств в пользу межгосударственных объединений, экономических и военно-политических блоков. Обрела реальные черты угроза вмешательства с их стороны в нарушение норм международного права во внутренние дела отдельных государств. Наиболее ярко указанные тенденции проявились на Балканах, сыгравших роль международной лаборатории новых политических технологий, причем проявились не стихийно, а согласно тщательно разработанным планам. Об их наличии убедительно свидетельствует конкретная политическая и дипломатическая практика, противоречащая широковещательным декларациям. Следует учесть, что, будучи глобальным явлением, НМП в полной мере проявил свои черты в ходе югославского кризиса, который в этом отношении стал явлением не регионального, а общеевропейского масштаба.

Первым крупным шагом на пути формирования НМП стало решение Совета НАТО в декабре 1996 г. о начале процесса расширения

inslav

этого военно-политического блока. На деле это была заявка на формирование новой структуры межгосударственных отношений в Европе. К осуществлению нового плана приступили вскоре после Дейтонского мира. Шла разработка новой стратегической концепции НАТО. Обсуждались формы и темпы расширения альянса. На саммите в июле 1997 г. было принято решение послать приглашение трем государствам, представлявшим для блока наибольший интерес, а именно Польше, Чехии и Венгрии. В декабре с ними были уже подписаны протоколы о предстоящем присоединении. Одновременно предпринимались шаги, чтобы снизить беспокойство российской дипломатии. В мае 1997 г. в Париже между НАТО и Российской Федерацией был подписан «Основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности». Не были оставлены без внимания и другие страны СНГ. В июне 1997 г. была подписана «Хартия об особом партнерстве» между НАТО и Украиной. В январе 1998 г. в Вашингтоне состоялось подписание «Хартии партнерства» между странами Балтии и США, согласно которой США брали на себя обязательство содействовать присоединению этих стран к европейским структурам (в первую очередь вступлению в ЕС) и к НАТО, что явно противоречило интересам России.

Однако балканские страны по-прежнему оставались в центре внимания, поскольку НАТО планировало создать здесь свой прочный плацдарм, учитывая стратегическое положение Балкан на стыке трех континентов. Препятствием для реализации этих планов после Дейтонского мира стал сербский вопрос, возникший вследствие раздробления сербских земель, изгнания сербского населения со многих территорий, где оно проживало на протяжении долгих столетий, и неравноправного международного положения новой Югославии, которая объединяла Сербию и Черногорию. Вопреки обещаниям, после заключения Дейтонского мира западные державы не сняли с Югославии экономических санкций, поскольку связывали с ней особые расчеты. Без контроля над Югославией балканский проект НАТО не мог быть осуществлен, принимая во внимание центральное местоположение Сербии на юго-востоке Европы. Препятствием для этого послужил сербский национальный вопрос, а вовсе не правительство С. Милошевича, как полагали американские политики и трубили пропагандисты. Отсюда вставала задача: нанести новое поражение Югославии и подчинить ее своему влиянию. Осуществление этих планов готовилось исподволь и в глубокой тайне.

Начало было положено весной 1997 г., когда не без сильного влияния из-за рубежа в Албании было свергнуто правительство, в стране воцарился хаос и анархия, рухнула прежняя армейская структура и правоохранительные органы, были разграблены оружейные склады.

inslav

В это время при помощи американских спецслужб (точнее — организации отставных офицеров разведки и спецназа: Military Professionals Resources Inc.) вблизи югославской границы вне зоны правительственного контроля были созданы три тренировочных лагеря албанских террористов (главный из них — в местечке Тропое) на севере страны. Инструкторами там были американцы и немцы. Кадры боевиков набирались из оставшихся не у дел офицеров бывшей албанской армии и спецслужб, из крайне радикальных националистов и лиц, завербованных националистическими организациями. Вскоре прошедшие курс обучения террористы провозгласили себя «Освободительной армией Косова» (ОАК) и приступили к действиям.

В январе 1998 г. появились первые жертвы. Ими стали югославские полицейские и албанцы, которые, по мнению террористов, сотрудничали с югославскими властями. При освещении этих событий западные СМИ с самого начала заняли антисербскую позицию. Все действия югославских властей и сил безопасности получали только негативную оценку, несмотря на широко известные факты поддержки албанских террористов финансами и вооружением из-за рубежа. Беспристрастный анализ событий показывал, что Югославия подверглась вооруженной агрессии извне со стороны террористической организации радикальных албанских националистов и одновременно против нее была развернута интенсивная информационно-психологическая война.

Именно во второй половине 1990-х гг. и в связи с балканским кризисом НМП проявил свои худшие черты. Вместо того чтобы защитить жертву агрессии или хотя бы оказать ей моральную поддержку, западные державы от имени «международного сообщества» ополчились против Югославии: отказывали ей в праве на защиту, безосновательно обвиняли в геноциде албанского населения, призывали к применению против нее военной силы. Одними из первых такие воинственные заявления еще летом 1998 г. сделали представители нейтральной Австрии. Подобные призывы усилились в июне–июле 1998 г., в период наибольшей активности албанских террористов. Однако к середине августа югославские силы безопасности и армия нанесли им поражение и выдворили из Косова. Разгромленные боевики отступили на территорию Албании, которая фактически вела необъявленную войну против Югославии, а частично укрылись среди местного албанского населения. Террористические действия албанских сепаратистов привлекли внимание мировой общественности, а западная пропаганда настойчиво изображала их как «борцов за свободу», трубила о геноциде и гуманитарной катастрофе.

Политические цели албанских террористов стали достоянием гласности летом 1998 г., когда их официальные представители заявили,

inslav

что намерены объединить все населенные албанцами земли в единое государство — «Великую Албанию», что отделение Косова от Югославии является первым шагом на этом пути. Они не скрывали, что на территории Косова действует отряд «добровольцев», пришедших из Македонии (из районов Тетово и Куманово), однако скромно умалчивали о наличии в их рядах моджахедов из арабских стран.

Предание гласности планов сепаратистов поставило их покровителей в неловкое положение. От террористических организаций потребовали изменить стиль пропаганды, однако продолжили оказание им военной помощи, хотя к тому времени стало ясно, что ставка на массовое народное восстание албанского населения в Косово провалилась. Население не поддержало боевиков, а многие албанцы сдали оружие, принудительно розданное сепаратистами в городах и селах.

В этой ситуации на сцену выступила американская дипломатия. С начала июля 1998 г. в длительное турне на Балканы отправился специальный представитель США Р. Холбрук, прозванный «бульдозером американской дипломатии». Он слыл основным «архитектором» Дейтонского мира. Теперь ему предстояло организовать «второй Дейтон». В июле–августе он посетил практически все балканские страны, добиваясь международной изоляции Югославии и оказания давления на ее руководство. Миссия Холбрука получила поддержку НАТО, принявшего 12 августа 1998 г. принципиальное решение о возможности нанесения военного удара по Югославии и рассмотревшего три варианта вторжения на ее территорию. С этого времени развернулся усиленный нажим на Югославию не только со стороны НАТО, но и со стороны Европейского Союза и ОБСЕ.

Одновременно предпринимались усилия, чтобы поставить под контроль НАТО другие балканские страны. С этой целью была использована программа «Партнерство ради мира». 26 сентября 1998 г. в Скопье был подписан учредительный документ о создании «Многонациональных миротворческих сил Юго-Восточной Европы». В это новое военно-политическое объединение вошли три страны НАТО (Италия, Греция, Турция) и четыре балканских страны (Болгария, Румыния, Македония, Албания). Чтобы подчеркнуть главенство США в этом сообществе, на подписании учредительного договора присутствовал министр обороны Уильям Коэн. Уже тогда, осенью 1998 г., Болгария и Румыния заявили, что в случае военных действий против Югославии они предоставят свое воздушное пространство для авиации НАТО, на территории Македонии, в дополнение к имевшейся здесь ранее военной базе в местечке Криволак, были размещены новые войска альянса и проведены маневры НАТО. Той же осенью ЦРУ расположило во всех республиках бывшей Югославии свои подразде-

inslav

ления. В западных СМИ открыто писали, что конечной целью НАТО является отстранение от власти С. Милошевича, установление в Белграде угодного политического режима и размещение на территории Югославии американских баз.

На первый взгляд действия НАТО на Балканах выглядели как сравнительно частный эпизод. Однако в действительности речь шла об осуществлении стратегического плана США по расширению НАТО и распространению влияния блока на весь европейский континент. Замысел этого плана состоял в том, чтобы превратить НАТО в европейскую «систему безопасности» и придать «новому мировому порядку» определенную структуру, противопоставленную международным организациям «старого мирового правопорядка». Параллельно завершалась разработка новой стратегической концепции НАТО. Осуществление этих планов намечалось завершить к пятидесятилетию альянса, который собирались пышно отметить в апреле 1999 г. К тому времени следовало поставить Югославию на колени и тем самым наглядно продемонстрировать возможности НАТО, а с другой стороны – принять в альянс новых членов. Тем самым США хотели закрепить свою роль лидера не только в рамках НАТО, но и во всем мире.

Путь к намеченной цели оказался сложнее, чем предполагалось. Западные политики, в первую очередь американские, так до конца и не поняли, что несговорчивость С. Милошевича объяснялась тем, что он стал заложником сербского национального вопроса, который они сами же и создали своими предыдущими действиями. Кроме того, на международной арене послышались голоса против односторонних действий НАТО в обход ООН. Такие взгляды разделяли и некоторые союзники США по НАТО. Все это заставляло маневрировать и вносить тактические коррективы в намеченные планы. Пришлось реанимировать Контактную группу по Югославии, куда входили представители США, Великобритании, Германии, Франции, России. Согласно ее рекомендациям о политических методах урегулирования, 23 сентября 1998 г. была принята резолюция Совета Безопасности ООН № 1199. Российская дипломатия в очередной раз заняла нечеткую позицию, не дав внятного определения происходящим событиям. Это способствовало умалению роли ООН, которая все чаще превращалась из главного инструмента поддержания всеобщего мира и международной безопасности в средство формального санкционирования натовских решений, и неоправданной интернационализации внутреннего конфликта в отдельной стране в интересах США и их союзников.

Нажим на Югославию продолжал нарастать. Были ужесточены экономические санкции. В сентябре 1998 г. Европейский Союз ввел запрет на полеты югославских самолетов в страны ЕС. Международ-

inslav

ный трибунал по бывшей Югославии послал в СБ ООН письмо о нарушении прав человека на территории Косова. К давлению на Белград присоединилась и ОБСЕ. Антиюгославская кампания в западных СМИ приняла характер настоящей травли. На этом фоне в начале октября 1998 г. последовал визит Р. Холбрука в Белград. В ходе десятидневных переговоров со С. Милошевичем спец. представитель США в дополнение к уже выдвинутым требованиям добивался полного вывода сербских армейских и полицейских сил из Косова, а также размещения там войск НАТО, что с самого начала было требованием албанских сепаратистов. Его усилия были подкреплены беспрецедентным решением Совета НАТО, принятым в ночь с 12 на 13 октября, о нанесении по истечении 96 часов бомбовых ударов по Югославии. В итоге 13 октября 1998 г. в Белграде было заключено носившее в известной степени компромиссный характер «соглашение Холбрук – Милошевич». Формально признавая территориальную целостность Сербии и Югославии, оно предусматривало вывод значительной части сербских сил с территории Косова и прекращение военных действий, а также размещение там международных наблюдателей. В обязанность последних входил контроль за соблюдением условий соглашения, а главное – за достижением промежуточного соглашения между Белградом и представителями Косова о предоставлении краю широкой автономии и проведении референдума о будущем статусе провинции.

В реализации условий соглашения на первый план вышла ОБСЕ, ставшая проводником политики НАТО. 16 октября между ОБСЕ и правительством Югославии было заключено соглашение об учреждении миссии ОБСЕ в составе 2 тыс. чел. с дополнительным обслуживающим персоналом формально для верификации выполнения положений Резолюции СБ ООН № 1199. Однако все эти организации служили только прикрытием диктата Североатлантического союза, о чем недвусмысленно заявил генеральный секретарь НАТО Х. Солана, предупредив, что в случае невыполнения условий соглашения против Югославии будет применена сила. На конференции Совета министров иностранных дел ОБСЕ, состоявшейся в Осло в начале декабря 1998 г., подчеркивалось, что операция в Косове – самая масштабная за весь период существования организации. Особенно же важно то, отмечалось в ее документах, что Косово превратилось в полигон для отработки механизмов урегулирования конфликтов. Другими словами, югославской модели урегулирования намеревались в будущем придать универсальный характер.

Действительность оказалась далека от планов западных умиротворителей. После частичного вывода югославских сил из Косова их место стали занимать боевики ОАК, что вскоре привело к установлению

inslav

их контроля над значительными территориями в провинции. Наблюдатели ОБСЕ, среди которых преобладали представители стран НАТО, закрывали глаза на действия албанских экстремистов. В результате ОАК довольно быстро стала восстанавливать свои силы и начала терроризировать тех албанцев, которые были не согласны с ее целями и методами. Более того, сами боевики и их представители при каждом удобном случае не уставали повторять, что их конечная цель — создание «Великой Албании» — остается неизменной. Неудивительно, что в такой обстановке проект «Соглашения по политическим рамкам самоуправления в Косове и Метохии», выработанный на основе предложения правительства Сербии с целью осуществить договоренности, достигнутые соглашением Холбрук — Милошевич и содержавшиеся в Резолюции СБ ООН № 1199, не встретил никакого отклика со стороны каких-либо албанских политических сил в Косове. Представители косовских албанцев 12 раз отказывались прибыть для обсуждения проекта на встречу с сербской делегацией, специально приезжавшей в столицу Косова — Приштину.

Однако НАТО не считало достигнутыми свои цели в Югославии и продолжало искать новый повод для вмешательства в ее внутренние дела и усиления давления на Белград. И такой повод был любезно предоставлен албанскими террористами. 15 января 1999 г. они пригласили международных наблюдателей в село Рачак, чтобы показать сорок трупов людей, якобы расстрелянных сербскими солдатами. Глава миссии ОБСЕ американский дипломат Уильям Уокер немедленно, без всякой проверки обвинил сербскую сторону в убийстве мирных жителей. В западной прессе была инспирирована кампания по поводу «резни в Рачаке». В ответ сербская сторона пригласила иностранных экспертов.

Группа независимых финских криминологов установила, что трупы были перемещены, переодеты в гражданские одежды, на которых повреждения не совпадали с пулевыми ранами, а главное, что метод «парафиновых перчаток» обнаружил на их руках пороховую гарь. На работу экспертов ушло около двух месяцев. За это время информационно-психологическая война против Белграда возымела свое действие: в общественном мнении стран Запада было сформировано негативное отношение к Югославии, сербам и режиму Милошевича.

Заключение независимых экспертов не оставляло сомнения, что инсценировка «преступления в Рачаке» была устроена для достижения политических целей, как это неоднократно имело место прежде, во время этногражданской войны в Боснии и Герцеговине, со стороны боснийских мусульман. Тем не менее, вопреки обоснованным выводам, что в Рачаке были подброшены тела боевиков, «инцидент» стал

inslav

одним из основных аргументов в оправдание последующей агрессии НАТО против Югославии.

Несмотря на все пропагандистские усилия организаторов информационно-психологической войны против Югославии, большинство людей в мире не разделяли их взглядов. Целый ряд государств подвергли критике действия Запада, среди них Индия. Россия и Китай по итогам двусторонней встречи на высшем уровне 24 ноября 1998 г. выступили с совместным заявлением о недопустимости действий в обход СБ ООН при принятии решений о применении силы. Все это вынуждало страны НАТО, в первую очередь дипломатию США, маневрировать и создавать впечатление, будто они ищут справедливого решения югославского кризиса.

Контактная группа по Югославии, опираясь на резолюции СБ ООН, выработала 10 принципов решения проблемы Косова на основе широкого самоуправления и при сохранении территориальной целостности Сербии и, соответственно, Союзной Республики Югославии. На этой основе 6 февраля 1999 г. в замке Рамбуйе под Парижем открылись переговоры между делегацией Югославии и албанской делегацией. Последняя состояла главным образом из представителей террористической ОАК во главе с ее политическим лидером Хашимом Тачи, причем в ее составе были два человека, даже не являвшихся гражданами СРЮ.

Организация переговоров напоминала худшие стороны Дейтона. Делегации не общались друг с другом непосредственно, а только через устроителей конференции. Такой невиданный в дипломатической практике способ ведения переговоров должен был скрыть от общественности, с одной стороны, нежелание албанской делегации соглашаться с предложениями контактной группы, а с другой — намерение американцев навязать югославской делегации совершенно неприемлемое условие, которого не было ни в предложениях контактной группы, ни в резолюции СБ ООН, а именно размещение на территории Косова 30-тысячного контингента войск НАТО.

Уже вскоре после начала переговоров югославская делегация согласилась с условиями Контактной группы. Албанская же делегация упорно отказывалась их принять. Представлявшая на переговорах американскую дипломатию госсекретарь М. Олбрайт в вызывающей форме угрожала югославам военными ударами в случае несогласия на размещение в Косове войск НАТО, что означало частичную оккупацию страны. Албанской делегации адресовались лишь предупреждения о прекращении финансовой поддержки Освободительной Армии Косова в случае отказа от предложений Контактной группы. В ответ албанские представители продолжали проявлять несговорчивость. 17 дней их безуспешно уговаривали, затем американская делегация

inslav

предложила прервать переговоры и встретиться вновь 15 марта. За это время американцам удалось образумить наиболее экстремистскую часть албанских представителей. Им внушали, что без их подписи США и НАТО не будут иметь повода для нанесения военных ударов по Югославии, что надо действовать поэтапно, а не пытаться достигнуть своей цели сразу. В итоге вскоре после возобновления переговоров они подписали условия Контактной группы, на которые югославская сторона уже давно дала согласие.

Югославия не могла согласиться с предложением оккупации части ее территории иностранными войсками, что являлось грубым нарушением ее суверенитета, грубым вмешательством в ее внутренние дела, прямым поощрением сепаратистов и террористов. Тем более что такого условия не было в предшествовавших резолюциях СБ ООН. Югославская дипломатия просто отказывалась верить, что НАТО приведет свою угрозу в исполнение, нарушив при этом все нормы международного права. Запад в свою очередь, выдвинув заведомо неприемлемые требования, использовал провал переговоров в Рамбуйе как повод для применения военной силы формально в защиту сепаратистских требований албанских террористов. Истинные цели были много шире.

24 марта 1999 г. свершилось злодеяние, невиданное в Европе после окончания Второй мировой войны. Войска НАТО начали бомбардировки и ракетный обстрел югославской территории. Движущей силой всех последующих действий были США. Впервые в послевоенной истории спустя 54 мирных года Европа вновь превратилась в арену военных действий против суверенного государства. Это была первая война, которую затеяло НАТО, причем на территории Европы и за пределами зоны своей ответственности. Тем самым был нарушен даже устав НАТО. Но это было самое малое нарушение. Действия США и НАТО попрали основополагающие нормы международного права. Они нарушили все без исключения пункты Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1974 г. «Об определении агрессии». Предприняв такие действия без санкции СБ ООН, США и НАТО проигнорировали ООН и ОБСЕ. Фактически НАТО попыталось взять на себя функции вершителя судеб всего мира. Не будет преувеличением охарактеризовать такие действия как акт государственного терроризма со стороны стран, принявших участие в агрессии.

* * *

Агрессия НАТО против Югославии показала наглядно всю неустойчивость «нового мирового порядка» и скрытые в нем угрозы. Опасный дисбаланс в мире и временное господство США в системе

inslav

и структуре международных отношений подтолкнули эту единственную после распада СССР супердержаву к авантюрным шагам.

Десятилетие, прошедшее после окончания «холодной войны», было использовано США для дальнейшего всестороннего развития своих вооруженных сил и создания новых видов вооружений с целью достижения подавляющего превосходства над всеми вероятными политическими соперниками. При этом ставилась задача ведения одновременно двух крупномасштабных вооруженных конфликтов в любой точке земного шара.

В экономическом плане преследовались цели укрепления лидирующего положения США на мировой арене, и в частности в области высоких технологий и в мировой финансовой сфере, путем поддержания статуса доллара как мировой валюты, а также свободы действий транснациональных компаний. Тем же целям служила ведущая роль США в МВФ, МБ и ВТО. Широко использовалось в международной конкурентной борьбе и такое оружие как введение экономических санкций против отдельных государств путем односторонних решений, принимавшихся Конгрессом США, и навязывания их соблюдения другими странами. Тем самым предпринимались попытки возвести односторонние американские решения в ранг международных.

В международно-правовом плане США начали широко практиковать разделение государств на угодные и неугодные и даже на «изгоев». В число таких «изгоев» попала и Югославия. Действия против нее показали, как далеко США готовы были идти для поддержания своей роли «мирового лидера».

Наконец, в информационно-пропагандистском плане США были преисполнены решимости использовать свое господство в мировых СМИ для утверждения своей лидирующей роли на международной арене. Навязывая другим свои оценки мировых проблем и применяя лозунги «права человека» и «свобода по-американски», США использовали свое доминирующее положение в сфере информации для вмешательства во внутренние дела других государств и насаждения в них порядков, выгодных в первую очередь для самих США и «золотого миллиарда». Искусственно созданный балканский кризис стал первым испытанием этой стратегии и соответствующих ей методов действий, Югославии же — была отведена роль полигона.

inslav

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Артамошин Сергей Викторович — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры Всеобщей истории Брянского государственного университета. Брянск.

Буэс Альмут — доктор философии, заместитель директора Немецкого исторического института. Варшава.

Валева Елена Любомировна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН. Москва.

Вечоркевич Павел — профессор, вице-директор Института истории Варшавского университета. Варшава.

Волков Владимир Константинович — член-корреспондент РАН, профессор, директор Института славяноведения РАН. Москва.

Гелла Тамара Николаевна — профессор, доктор исторических наук, Орловский государственный университет. Орел.

Гугнин Александр Александрович — профессор, доктор филологических наук, заведующий кафедрой Новополоцкого университета. Новополоцк.

Дурачиньски Эугениуш — профессор, научный сотрудник Института истории Польской Академии наук, представитель Польской Академии наук при Российской Академии наук. Варшава.

Духхардт Хайнц — профессор, директор Института европейской истории. Майнц.

Зелиньска Зофья — профессор Варшавского университета. Варшава.

Ивонин Юрий Евгеньевич — профессор, доктор исторических наук, заведующий кафедрой Всеобщей истории Смоленского государственного педагогического университета. Смоленск.

Ивонина Людмила Ивановна — доктор исторических наук, профессор Смоленского государственного педагогического университета. Смоленск.

Кочегаров Кирилл Александрович — аспирант Института славяноведения РАН. Москва.

inslav

Кретинин Сергей Владимирович — профессор, доктор исторических наук. Воронежский государственный университет. Воронеж.

Кригзайзен Войцех — профессор, научный сотрудник Института истории Польской Академии наук. Варшава.

Носов Борис Владимирович — кандидат исторических наук, заместитель директора Института славяноведения РАН. Москва.

Пленков Олег Юрьевич — профессор, доктор исторических наук, Российский государственный педагогический университет. Санкт-Петербург.

Рабинович Михаил Исаакович — кандидат исторических наук, доцент Смоленского государственного педагогического университета. Смоленск.

Случ Сергей Зиновьевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН. Москва.

Фалькович Светлана Михайловна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН. Москва.

Шиллинг Хайнц — профессор, заведующий кафедрой Истории раннего Нового времени Гумбольдт-университета. Берлин.

inslav

Россия, Польша, Германия в европейской и мировой политике XVI–XX вв.

Корректор *Т. И. Томашевская*
Оригинал-макет *Н. Ю. Квасницкая*

Издательство «Индрик»

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book outside Russia and CIS countries. This book as well as other **INDRIK** publications may be ordered by
e-mail: **indrik@pochtamt.ru**
or by tel./fax: **+7 095 938 57 15**

ЛР № 070644, выдан 19 декабря 1997 г.

Формат 60×90 $^1/_{16}$. Гарнитура «Петербург». Печать офсетная.
26,5 п. л. Тираж 1000 экз.

inslav

inslav